

**Управление культуры Министерства обороны
Российской Федерации
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи**

**Война и оружие
Новые исследования и материалы**

**Труды Пятой Международной
научно-практической конференции**

14–16 мая 2014 года

Часть III

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2014**

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции
«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,
С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
В.И. Кобякова, начальник военно-научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,
Ю.В. Утянский, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие **Новые исследования и материалы**

Труды Пятой международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 3

Информационная поддержка

© ВИМАИВиВС, 2014
© Коллектив авторов, 2014

ISBN 978-5-7937-1082-4

С.С. Лебедева (Санкт-Петербург)

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛОВ-АРТИЛЛЕРИСТОВ (XIX ВЕК)

В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ социально-исторических трансформаций в российском обществе XIX в. целесообразно рассмотреть социально-созидательную деятельность представителей Военного министерства. На примере результатов анализа деятельности этого слоя общества имеется возможность представить существенные сдвиги в социальной, культурной, духовной и других сферах общественной жизни, выявить их влияние на развитие прогресса по многим направлениям государственного строительства.

Еще со времен Петра I социальной деятельности военных уделялось большое внимание не только в период выполнения должностных обязанностей, но и после их завершения, когда они выходили в отставку и занимали ответственные государственные посты.

Исследование личных дел генералов и офицеров Артиллерийского ведомства, статистических источников и литературных обзоров позволяет сделать вывод, что их направленность на социальную деятельность была обусловлена следующими обстоятельствами:

- ценностными установками, направленными на служение России военнослужащих;
- высоким уровнем требований к морально-нравственным качествам;
- достаточно современным для того исторического этапа уровнем общего и профессионального образования. В Михайловской академии, которую заканчивали многие из офицеров-артиллеристов, преподавали лучшие ученые и педагоги того времени;

– наличием в системе должностных обязанностей; ориентации на социальную и педагогическую деятельность: обучение солдат, повышение их профессионального уровня, работа в учебных бригадах, профессионально-педагогическая деятельность в период несения военной службы и др.;

– необходимостью решения материально-технических проблем, обеспечения связи с арсеналами, депо, пороховыми и оружейными заводами и другими объектами, с которыми взаимодействовали для выполнения задач военной службы.

Значительное число фактов свидетельствует о том, что, уходя в отставку, военные переносили в гражданскую жизнь целостный устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, норм, установок, способов контроля, поощрений и санкций, которые позволяли регулировать новую для них гражданскую общественную жизнь на обширных территориях российского государства. Это удавалось за счет сохранения ценностно-нравственных ориентиров и поведенческих образцов, независимо от того, какая конфессиональная принадлежность была для них предпочтительна.

Анализ личных дел офицеров за 1860 г. показывает, что их социальный состав не являлся однородным¹.

Из 63 офицеров от генерал-лейтенантов до капитана 50 человек вышли из дворянского сословия, остальные указали, что они сыновья полковников (2 человека), сыновья титулярных советников (2 человека), сын унтер-офицера, сын коллежского секретаря, сын протоиерея и т. д. По вероисповеданию большинство относилось к православным, два человека указали, что они принадлежат римско-католической церкви, один – лютеранской, один (генерал-майор) оказался представителем старой секты (старообрядческой), один – магометанин. Как правило, жена и дети разделяли вероисповедание главы семьи. Однако отмечено, что у православного полковника жена и дети принадлежат евангелическо-лютеранской церкви, у офицера римско-католического вероисповедания указано, что жена и дети православные.

Из всего офицерского состава лишь у двух оказалось наличие недвижимости: у генерал-майора – благоприобретенное имение и у капитана – наличие кирпичного завода на территории Войска Донского.

Остановимся на группе генералов, которые несли военную и государственную службу на восточной границе российского государства после окончания Крымской кампании во второй половине XIX в.

После завершения Крымской кампании на укрепление восточных территорий Российской империи были направлены наиболее инициативные, благонадежные и ответственные генералы.

Одним из таких был Александр Павлович Безак (1801–1868) исполнявший до Крымской войны должность инспектора всей артиллерии штаба в Санкт-Петербурге².

Безак был крупным специалистом в области артиллерийского дела. Ему принадлежали инициативы по совершенствованию русской артиллерии. Он учредил запасные (учебные) батареи, артиллерийское депо. С его деятельностью связано преобразование арсеналов, пороховых и оружейных заводов. Безак ввел облегченную 12-фунтовую пушку, которая широко использовалась в практических целях в артиллерии в течение длительного времени. Им были написаны серьезные труды по вопросам развития отечественной артиллерии³.

В своей практической деятельности А.П. Безак уделял большое внимание системе обучения солдат, фейерверкеров, строго следя за их профессиональным продвижением, повышал требования к работе младших офицеров в учебных бригадах и т. д.

С 1860 г. А.П. Безак, имея звание генерала от артиллерии, становится оренбургским и самарским генерал-губернатором. Его могучая энергия, ум, организаторские способности определяют основные направления социально-созидательной деятельности в крае. Прежде всего он укрепляет форты, создает школы при основных крепостях как для обучения солдатских детей, так и для местного магометанского населения³.

Историки В.Г. Семенов и П.Н. Столпянский отмечают его организаторские способности, живой ум и неутомимую энергию⁴.

С целью оздоровления города А.П. Безак перестраивает казармы, делая их более приспособленными для жилья, воздвигает общественные бани, совершенствует работу водопровода, проведенного еще губернатором В.А. Перовским, прокладывает тротуары. Он уделяет большое внимание развитию образования. При нем расширяется деятельность школ, женская школа преобразуется в прогимназию, перестраивается Неплюевский кадетский корпус,

им поддерживается деятельность школ при крепостях и фортах для солдатских детей и представителей местного населения.

В учебное заведение профессиональной направленности он вовлекает детей из семей магометан для подготовки фельдшеров. Безаком дается направление первой женщине-врачу В.А. Рудневой-Кашеваровой в Медико-хирургическую академию в Петербург для подготовки по акушерскому направлению. Именно она, получив медицинское образование, становится первым квалифицированным врачом для женщин-магометанок⁵.

Продолжил инициативы А.П. Безака по социальному и общественному развитию города в прошлом начальник штаба артиллерии в Крымской кампании генерал от артиллерии Николай Андреевич Крыжановский⁶.

Развивая традиции края, заложенные губернатором В.А. Перовским, Крыжановский сосредоточил внимание на создании Оренбургского отдела Императорского русского географического общества⁷.

Первое заседание общества состоялось в июне 1867 г. На заседании оренбургского отдела Императорского русского географического общества было принято решение создать четыре отделения:

- статистики – 20 человек;
- естественной истории – 5 человек;
- этнографии – 7 человек;
- географии – 5 человек.

Как генерал-губернатор края Н.А. Крыжановский выступил с докладом, охарактеризовавшим положение в Оренбургской губернии. Оценивая ее значимость для России, он отметил, что «Совокупность и равномерность преуспевания всех частей России и единовременное улучшение всех отраслей ее хозяйства может принести государству истинную пользу и устроить его благосостояние». В соответствии с этим он предложил изучать край «в качестве русских людей, а не только оренбургских жителей»⁸.

Знание края, по мнению губернатора, позволяет определить, «какую может он принести пользу нашему общему отечеству, как пользу эту сделать наибольшею, какие встречаются к тому препятствия со стороны природы и людей и какими способами преодолеть эти препятствия». Таким образом, по мнению губернатора, необходимо определение общего характера края и той роли, которая назначена ему природою в общем строе государства.

Губернатором было отмечено, что Европейская часть Оренбургского края обладает огромными естественными богатствами, в то время как азиатская часть представляет собой «грустное положение степи в смысле будущей цивилизации», но при этом, по мнению губернатора, «Киргизская степь абсолютно необходима Оренбургскому краю»⁹.

Крыжановский считал, что Оренбургский край сможет принести России наибольшую пользу, когда, с одной стороны, будет в состоянии вполне разработать свои внутренние богатства, когда приложит к ним могущественное и благотворное влияние цивилизация, когда «настолько свяжется с Россией, что сам делается вполне русским», а с другой стороны, когда обретет «в самом себе довольно средств материальных и умственных, чтобы разумно эксплуатировать Зауральские страны на общую пользу России и уметь употреблять их, а не злоупотреблять ими»¹⁰.

Губернатор дает характеристики основным проблемам края, связанным с производством, с хлебной торговлей, добычей полезных ископаемых. «Край изобилует металлами и минералами. Он имеет свое золото, но золотопромышленность с каждым годом падает, имеет свою медь, свое железо, но заводы прекращают работу, обладает богатыми копиями каменного угля, но никто ими не пользуется»¹¹.

Крыжановский ставит вопрос о необходимости развития лесного хозяйства и поддержки лесопромышленников. Учитывая, что Оренбургская губерния богата лучшей в мире солью и имеется возможность ее добычи в Илецке, он призывает способствовать тому, чтобы «Россия не закупала поваренную соль в чужих краях за большие деньги». Для развития губернии требуется развитие судоходства и железнодорожных путей. Однако при составлении проекта железной дороги между Самарою и Оренбургом «оказалось невозможным собрать точные сведения о том, сколько перевозится ежегодно груза между двумя пунктами, не были определены сведения о хлебной торговле края и многие другие насущные проблемы»¹².

В своем докладе губернатор уделяет внимание социальному составу края, где живут «коренные русские дворяне, землевладельцы, русские крестьяне всех видов: обязанные, свободные, бывшие государственные и припущенные к землям, затем заводские мастеровые, переселенцы, добровольные и ссыльные»¹³. Национальный

состав чрезвычайно пестрый: башкиры, тептяри, мешчеряки, татары, киргизы, которые являются магометанами, и лишь незначительная часть их относится к идолопоклонникам.

Казаки оренбургские и уральские, исповедующие православие, по своим правам, образу жизни, административному устройству значительно отличались. Но еще при губернаторе А.П. Безаке они были подведены под общие гражданские учреждения, что способствовало созданию более четкой структуры общества и в связи с этим повысило качество административного управления им.

Одним из важнейших факторов развития края могло служить образование, для чего необходимо «устройство для русских, инородцев и сектантов школ». Губернатор отмечает, что «в магометанах необходимо развивать стремление к труду, ослабление дикого изуверства, особенно в последователях ислама, а также воспитание женщин». По мнению губернатора, все это должно стать предметом изучения и организации практических дел Русского императорского географического общества.

Губернатор заостряет внимание на вопросе социальной политики в отношении развития Средней Азии. Для этого необходимо: узнать об особенностях характера этого края и его населения, обеспечить благоустройство и тесное сближение с местным населением с целью возбуждения общих интересов с ним, постоянным влиянием на него цивилизованной среды. В своей речи губернатор призывает употреблять « в пользу нашего отечества все, чем степи и страны Средней Азии могут быть полезны, чтобы хотя скольконибудь уравновесить то, что отдает Россия Азии, с тем, что Азия может возратить России»¹⁴.

В завершение доклада губернатор выдвигает группу проблем, которые необходимо решить в крае с привлечением деятельности отделений географического общества:

- усиление материально-хозяйственной основы края: расширение мер по развитию частного хозяйства, скотоводства, производства хлеба;
- развитие социальных связей с Бухарой, Ташкентом, Кокандом, Кашгаром с целью товарооборота за счет создания ярмарок, привлекающих население разных областей;
- организация помощи азиатской территории, снабжение ее мануфактурой и предметами цивилизации;

- открытие путей сообщения с населенными пунктами и планирование создания железной дороги;
- исследование этнографических, археологических, исторических, статистических материалов.

Доклад Н.А. Крыжановского фактически представлял из себя программу развития Оренбургского края, которой следовал и он сам в течение четырнадцати лет, а затем его последователи и преемники.

Уже за один 1868 г. действительными членами географического общества были подготовлены доклады: «О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая» (статья члена-сотрудника Султана Сайдалина 2-го); по отделению математической и физической географии: «Отчет о действиях военно-топографического отдела Оренбургского военного округа за 1868 г.» (статья действительного члена А.А. Тилло), «О направлении и силе ветра в Оренбурге по наблюдениям за 1848–67 г.г.» (статья действительного члена П.Н. Оводова)¹⁵.

После окончания Крымской кампании многие ее участники, офицеры и генералы-артиллеристы, продолжили служить на восточных границах Российской империи, решая важные социальные проблемы российского государства.

Генерал-майор Аркадий Дмитриевич Столыпин, участник Крымской кампании, входивший в состав штаба артиллерии, после окончания войны занимает пост наказного атамана Уральского казачьего войска. Для него было характерно внимание к социальным и культурным проблемам. На базе Уральского войска с его помощью открыто около ста школ. На войсковые деньги издавались учебники для казаков. Детей офицеров посылали получать образование в Москву и Петербург.

Участником Крымской кампании был и генерал-майор Константин Николаевич Боборыкин, также назначенный на должность наказного атамана Оренбургского казачьего войска и исполнявший эту обязанность в 1865–1875 гг. Он был действительным членом Императорского географического общества и выполнял ряд его поручений.

Развитию общественных и социальных отношений, а также и научных исследований способствовала деятельность участника Крымской войны, входившего в штаб артиллерии, уральского губернатора Николая Александровича Веревкина. Помимо большой

практической деятельности он, тяготея к исследованию края, подготовил «Исторический очерк движения песков и улучшения лесов на территории войска». В этом труде он обосновывал необходимость укрепления песчаных пространств Внутренней киргизской орды посредством насаждения лесов¹⁶. В последние годы своей жизни (до 1878 г.) он был в Санкт-Петербурге членом комитета ораненых.

Баллюзек Лев Федорович (1822–1879) закончил курс в Михайловском артиллерийском училище. Был командирован на Кавказ. Во время обороны Севастополя занимал должность помощника начальника артиллерии крепости. Сопровождая миссию графа Путятина и генерала Игнатьева, посетил Китай и Японию, находился послом в Китае.

С 1865 г. в течение 12 лет Баллюзек состоял военным губернатором Тургайской области и был действительным членом географического общества. По отделению статистики Л.Ф. Баллюзек как действительный член Императорского географического общества подготовил статью «Новое административное деление Тургайской области, пространство ее, народонаселение и населенность»¹⁷. В этом материале Баллюзек проанализировал структуру территории, дал характеристику каждой из волостей, отметил своеобразные черты местного населения, в основном киргизов. Затем он был причислен к Санкт-Петербургскому попечительскому совету и назначен попечителем Обуховской больницы¹⁸.

Подводя итоги краткому рассмотрению социально-созидательной деятельности известных военных-артиллеристов, хочется подчеркнуть их огромный вклад в развитие цивилизационных процессов восточных границ Российской империи, величайшую заслугу в решении политических, экономических, социокультурных проблем в многонациональном, многоконфессиональном и многоукладном крае нашего отечества¹⁹.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 25. Оп. 102. Д. 127.

² Греч А.Н. Весь Петербург в кармане. Справочная книга для столичных жителей и приезжих. 2-е изд. СПб.: Типография Н. Греча, 1851.

³ Русский биографический словарь. Т. 2. СПб., 1900. С. 630–633.

⁴ Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 260; Столпянский П.Н. Город Оренбург. Материалы по истории и

топографии города. Оренбург, 1900. С. 175–176.

⁵ Добромыслов А.И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Тверь, 1902. С. 420–421.

⁶ Русский биографический словарь. Т. 9. СПб., 1900. С. 468–469.

⁷ Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Выпуск первый, 1870. Казань: Университетская типография, 1870.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Там же. С. 20.

¹⁰ Там же. С. 21.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² Там же. С. 15.

¹³ Там же. С. 25.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 271.

¹⁶ Там же. С. 59.

¹⁷ Там же. С. 231.

¹⁸ Русский биографический словарь. Т. 1. СПб., 1900. С. 451.

¹⁹ Лобысевич Ф.П. Историко-статистический очерк. СПб., 1878. С. 36–37.

Е.В. Лезик (Санкт-Петербург)

ХИМИЧЕСКИЕ ВОЙСКА ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА В ПАМЯТНОМ ЗАЛЕ МОНУМЕНТА ГЕРОИЧЕСКИМ ЗАЩИТНИКАМ ЛЕНИНГРАДА

*70-летию полного освобождения Ленинграда
от вражеской блокады посвящается*

МОНУМЕНТ героическим защитникам Ленинграда – величественный памятник, сооруженный ленинградцами, всей страной к 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Идея создания монумента родилась в суровые годы войны, когда враг обстреливал город из дальнобойных орудий, подвергал авиационным налетам, сбрасывая на мирных жителей и защитников города тысячи бомб. В послевоенный период эта идея получила дальнейшее развитие на рубеже 1950–1960-х гг. XX столетия с созданием Зеленого пояса Славы – целого комплекса памятников и обелисков вдоль линии бывшего оборонительного рубежа, на котором воины армии и флота, ленинградское народное ополчение остановили вражеские войска,

В начале 1970-х к работе приступила творческая группа, в которую вошли мэтры отечественной архитектуры и изобразительного искусства: скульптор, народный художник СССР Михаил Константинович Аникушин, народный архитектор СССР Сергей Борисович Сперанский и народный архитектор СССР Валентин Александрович Каменский. Все трое – участники обороны Ленинграда, причем их первые попытки образно творчески осмыслить героизм защитников и жителей осажденного города, великую человеческую трагедию были предприняты именно в период блокады.

В «Ленинградской правде» от 10 марта 1972 г. в рубрике «Никто не забыт, ничто не забыто» появилась статья О. Колесовой «Это

в сердце было моем...», где был опубликован проект будущего монумента на площади Победы. В статье пояснялось: «Многофигурная композиция (более 30 фигур) <...> располагается на пьедестале в виде полукруга, символизирующего разорванное кольцо блокады. <...> Изможденные женщины отливают снаряды. Мать на вытянутых руках держит застывшее тело ребенка. Слабеющую женщину, так и не доvezшую домой на саночках ведро с драгоценной водой, поднимает воин. <...> Вот матросы-балтийцы с автоматами идут в яростную атаку. Юная санитарка, почти девочка. <...> Трое несут тяжелый рельс, согнувшись от непомерной тяжести, – для баррикад, что строились прямо на улицах, здесь, именно здесь, где будет памятник. Фигуры десантников, снайперов, партизан. <...> А в центре композиции, уже без высокого пьедестала, а прямо на земле, стоит маленькая фигура мальчика. Это малыш, ради счастья которого приносились великие человеческие жертвы, о радостном смехе которого так мечтали те, кто не дожил до мирного времени. Ради жизни на земле – таков девиз памятника»¹.

Таким виделся проект. Работа над обликом памятника продолжалась несколько лет. Поиск композиционного и пластического решения требовал взвешенных решений.

С самого начала работы М. Аникушин говорил: «Мы стремимся показать народ как главную идею памятника <...> и дать характеры людей, соединив предельную документальность с обобщением, с символом. <...> Я хотел сделать реалистический памятник, на который хотелось бы очень долго смотреть. Чтобы все масштабы его были <...> ленинградские – и в меру торжественные, и в меру скромные, и в меру боевые, и в меру трудовые. Чтобы никакого пафоса там не было. Хотелось, чтобы фигуры не пугали своей величиной, чтобы они не потрясали людей какой-то мелодрамой. <...> Размер фигур должен быть небольшой <...> они должны быть масштабны человеку и не подавлять. А вся композиция должна быть масштабна по отношению к площади»².

В начале апреля 1975 г. первой была водружена скульптурная композиция «Литейщицы», за ней и все остальные бронзовые фигуры заступили на свой вечный пост на гранитных пилонах, обращенных в сторону бывшей совсем рядом с городом линии фронта. Затем была установлена скульптурная композиция «Блокада», и в последнюю очередь был произведен монтаж бронзовых фигур рабочего и солдата на постаменте у основания обелиска. 29 апреля 1975 г. работы

по установке скульптур памятника полностью завершились. Мемориальный ансамбль на площади Победы почти обрел свои очертания. Вокруг мемориала быстро разбивались газоны, насыпались пешеходные дорожки. На 13-гектарном зеленом обрамлении Монумента уже высажен был кустарник – кизильник, жасмин и сирень.

9 мая 1975 г. отшумел торжественными военными парадами и демонстрациями светлый праздник Победы. Долгожданное событие состоялось – открылся для посетителей Монумент героическим защитникам Ленинграда.

В этот же день в газете «Правда» было опубликовано стихотворение Всеволода Рождественского «Монумент Славы»:

*Поглядите в суровые лица
Ленинградцев эпических лет!
Вправе Родина ими гордиться,
Жить сердцам их, сквозь камень им биться
Метрономом борьбы и побед!
Здесь бойцами переднего края
Были женщины, дети. Все те,
Кто ни пяди врагу не сдавая,
В стуже, в голоде, гневом пылая,
На последней стояли черте.
Эту доблесть, не знавшую меры,
Это мужество, стойкость и труд –
Монумент нашей чести и веры, –
Окружают цветущие скверы,
Свежей жизни зеленый салют.*

О величии подвига народа памятник будет рассказывать грядущим поколениям россиян. Вечен огонь нашей памяти...

* * *

Время все более отодвигает от нас реалии Великой Отечественной войны, все менее зримыми становятся образы защитников Ленинграда по прошествии 70 лет после окончания блокадной эпопеи. Вместе с тем, именно время снимает завесу секретности, скрывавшую до последнего подвиг воинов специальных родов войск, боевое предназначение которых предопределило «военную тайну». Приказом министра обороны Российской Федерации от 5 мая 2007 г. № 107 с документов отдела химической защиты Ленинградского фронта был снят гриф секретности.

Этот документ стал отправной точкой деятельности петербургских военных историков, в сферу научных интересов которых вошли химические войска РККА, а конкретнее, – вклад химических войск и химической службы Ленинградского фронта в защиту города на Неве.

На листах бронзовой «Книги памяти», экспонируемой в подземном памятном зале Монумента, присутствуют наименования частей химических войск, участвовавших в эпической Битве за Ленинград. Это – батальоны химзащиты: 3, 25, 36, 51, 52, 56, 64, 71, 78, 84, 98, 99; огнемётные батальоны: 7, 8, 9, 13, 18, 29. Однако необходимо отметить, что внутри блокадного кольца весь период осады города противохимическую защиту войск фронта и населения города, а также дымовую маскировку боевых действий и тыловых объектов осуществляли только три из них: 3, 64 и 84-й отдельные батальоны химической защиты.

К сожалению, уже упомянутая завеса секретности не позволила коллективу авторов бронзовой Книги памяти внести на тяжеловесные листы следующие воинские части и учреждения химических войск, личный состав

Рис. 1. Огнемётчик на лыжах. 1941 год
При движении на лыжах ружье огнемёта типа РОКС находилось в руке или в положении «На ремень». В последнем случае ружье огнемёта закреплялось на бойце при помощи вспомогательного ружейного ремня. Для этого петля вспомогательного ружейного ремня прикреплялась верхним тренчиком вместе с ружейным ремнем. После чего ружье бралось в положение «На ремень», вспомогательный ружейный ремень пропускался за спиной поверх резервуара и под левой рукой обводился спереди туловища и пристегивался к ружью нижним тренчиком

которых внутри блокадного кольца в составе войск Ленинградского фронта перенес все тяготы блокады, неудач при неоднократных попытках прорыва блокады и сломил вражеское сопротивление в январе 1943, в январе 1944 гг.

Перечислим их:

- 302-й военный химический склад (штат 025/716),
- военно-химическая мастерская (штат 025/375),
- головной химический склад № 1775,
- головной химический склад № 1790,
- окружной химический полигон (штат 11/903-Б),
- стационарная научно-исследовательская химическая лаборатория (штат 011/918),
- рота ранцевых огнеметов (временный штат, сформирована 7.08.41 г.),
- рота траншейных огнеметов (временный штат, сформирована 12.09.41 г.),
- фронтовой подвижной учебный химический пункт № 13

Рис. 2. Огнеметчик в положении для огнеметания «лежа»

В зимних условиях для огнеметания из положения «лежа» под локти для упора подкладывались лыжные палки. После выполнения задачи по поражению цели огнеметчик в минимальные сроки менял позицию, ввиду того, что огненная струя была отличным демаскирующим признаком

(штат № 011/6, в составе войск фронта с 25 августа 1942 г., приказание войскам Ленинградского фронта № 0054),

– 175-я отдельная рота ранцевых огнеметов (прибыла в состав войск фронта согласно телеграмме Генштаба КА № 989169 от 25.08.1942 г.),

– отдельная рота фугасных огнеметов (штат 011/100, сформирована 25.10.1942 г.),

– 102-я отдельная рота огнеметов УРа (штат 09/24, прибыла в состав войск фронта согласно телеграмме Главного управления УРОВ Генштаба № УР/862 с 30 ноября 1942 г.),

– 155-я отдельная рота траншейных огнеметов УРа (штат 09/24),

– 93-я рота фугасных огнеметов (включена в состав войск фронта на основании директивы штаба Ленфронта № 1/18903 от 29.07.1942 г.),

– 94-я рота фугасных огнеметов (включена в состав войск фронта на основании директивы штаба Ленфронта № 1/18903 от 29.07.1942 г.),

– военно-химический склад № 1279,

– военно-химический склад № 1280,

– 2-я фронтовая отдельная техническая рота (штат 011/36, сформирована 15 апреля 1943 г. на основании приказа НКО СССР № 0057 от 24.03.1943 г.),

– 2-я отдельная рота химзащиты,

– 68-я отдельная рота фугасных огнеметов,

– 197-я отдельная рота фугасных огнеметов,

– курсы по подготовке младших лейтенантов химслужбы Ленфронта.

Кроме того в каждой стрелковой дивизии имелась отдельная рота химической защиты с задачей обеспечения дивизии по противохимической защите и в каждом стрелковом полку – отдельный взвод химической защиты с задачей обеспечения полка по противохимической защите.

Очевидно, что представленный перечень не окончательный, кропотливая работа по его уточнению продолжается.

¹ Колесова О. Это в сердце было моем... / Ленинградская правда. 10 марта 1972 г.

² Михайлова Р.Ф., Журавлева А.А. Величию и подвигу человека. Л., 1983. С. 112.

Е.Ю. Леонова (Санкт-Петербург)

ФОРМИРОВАНИЕ МОРСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1854 ГОДА В РЫБАЦКОМ

ОСНОВНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ Крымской войны 1853–1856 гг. развернулись на Черном море. Но англо-французскими кораблями были предприняты рейды на русские базы и порты в Балтийском и Белом морях и на Тихом океане. Основные силы противника были направлены в Балтийское море, Финский залив. Они представляли угрозу не только военным объектам, но и жителям окрестных мест, выходявшим на своих лодках для ловли рыбы и перевозки грузов.

Крестьяне Рыбной слободы издавна занимались судоходством. Ходили не только по Неве, но и выходили в Финский залив, перевозили грузы в Кронштадт, рыбачили в устье Луги. Губернатором было издано предписание о «запрещении судохозяевам и шкиперам прибрежных судов иметь плавание между фортом Император Павел и Ораниенбаумским берегом и не останавливать суда на якорь на большом Кронштадтском рейде западнее линии, идущей от форта Император Павел к форту Император Александр, а проходили бы далее этой линии к брантвахтам, также чтобы не находили по северную сторону Кронштадта – по просьбе Главного командира Кронштадтского порта»¹. Рыбацкие крестьяне были ознакомлены с этим предписанием под расписку.

Русское командование, не имея достаточного количества современных кораблей для отражения ударов противника, сосредоточило свои усилия на укреплении береговых оборонительных сооружений, состояние которых, как показала инспекция, было весьма плачевным.

«Основу этой обороны составляли канонерские лодки шхерной гребной флотилии и батареи береговой обороны. Одновременно для обороны Кронштадта и Свеаборга необходимо было выполнить большой объем инженерных работ и установить несколько минных заграждений. Ограниченные сроки на выполнение этих мероприятий заставили военное командование вспомнить об ополчении, хорошо зарекомендовавшем себя в ходе Отечественной войны 1812 года. Но теперь ополчение должно было стать морским»².

Решено было построить 74 гребные канонерские лодки, которые «строились по проекту контр-адмирала фон Шанца. <...> Двадцать метров длины, два небольших орудия и 32 ополченца на веслах...»³

2 апреля 1854 г. император Николай I издал Указ Правительствующему Сенату:

«В видах усиления мер к охранению окрестных берегов Финского залива, признав за благо сформировать резервную гребную флотилию, повелеваем:

1. Для укомплектования оной гребцами образовать четыре дружины морского ополчения.

2. Дружины сии составить вызовом охотников в губерниях: С.-Петербургской, Олонецкой и Тверской.

3. Принятие должных мер по устройству сего ополчения возложить на Комитет из Управляющего Морским Министерством Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича и Министров: Государственных Имуществ, Уделов и Внутренних дел»⁴.

Выбор губерний был продиктован мнением, что наличие большого количества водных бассейнов в них выработало у местных жителей определенные навыки, необходимые для решения поставленных задач. 14 апреля императором было утверждено «Положение о морском ополчении». В нем указывались цель и состав морского ополчения, подчеркивалось, что «в состав ополчения поступают по собственной охоте, лица всякого звания, здорового телосложения»⁵. Был определен порядок приема:

«...4. Желаящие вступить в морское ополчение должны иметь узаконенные виды, а помещичьи крестьяне особые письменные разрешения их помещиков или управляющих имениями.

5. В С.-Петербурге все желающие являются в инспекторский департамент Морского Министерства, в губернских городах –

к начальнику губернии, а в уездах – к местной полицейской власти.

6. От явившего отбирается паспорт и выдается на место онаго билет на простой бумаге с обозначением времени явки. Паспорт отсылается немедленно в инспекторский департамент морского ведомства, куда вслед за ним должен отправиться явившийся охотник, – причем выдается ему, буде пожелает, на путевые издержки вперед месячный оклад жалованья. Обозначая о том на билетах.

7. Местным полицейским властям поручается иметь строгое наблюдение за безостановочным следованием охотников в С.-Петербург, причем оказывать им всякое содействие, а в случае болезни охотника доставлять ему должное вспомоществование.

<...>

III. Условия службы.

10. Вступивший в морское ополчение получает со дня явки его в инспекторский департамент:

а) Жалованье по 8 руб. серебром в месяц.

б) Провиант и морскую провизию наравне с нижними чинами морского ведомства.

с) Одежду крестьянского покроя, причем дозволяется носить бороду и стрижку волос *a la ruasanne (по-крестьянски)*.

11. Срок службы полагается по 1 ноября 1854 года.

12. По окончании сего срока никто из охотников на службе удерживаться не будет.

13. Отличившиеся награждаются наравне с нижними чинами, на действительной службе состоящими.

14. В случае взятия неприятельского судна или затопления онаго при содействии канонерских лодок охотники, служащие на оных, будут иметь участие в разделе призовых денег на законном основании.

15. В случае ран или увечья участвовавшие в ополчении пользуются призрением и преимуществами наравне с военнотружущими.

16. Семейства охотников, во время службы, поручаются особому попечению местных начальств и обществ».

Прошел слух, что поступившие в морское ополчение крестьяне получают волю, что не соответствовало действительности. Это вызвало большой ажиотаж у помещичьих крестьян упомянутых губерний и даже волнения. Число охотников превысило ожидаемое число и за период до 22 мая составило 7132 человека⁶.

Нашлись охотники и в Рыбацкой слободе. Надзирающий за крестьянами, подведомственными Императорской Александровской мануфактуре, к которым относились и крестьяне слободы (впоследствии села Рыбацкого), представил управляющему «Список... слободы Рыбацкой крестьян, добровольно желающих поступить в Морское ополчение» за подписью старосты слободы Ивана Васильева Афанасьева. Желавших таких оказалось 16 человек. Среди них: 48-летний Федор Степанов Дедов. Приметами: «Роста выше средняго. Лицом бел, волосы темно-русые. Глаза карие. Вдов». И 16-летний Михаил Иванов Красавин. «Роста ниже средняго. Лицом бел. Волосы русые. Глаза серые. Холост»⁷.

Всего же из селений, подведомственных мануфактуре, выразили желание поступить в Морское ополчение 37 человек, из которых двое не были приняты по здоровью, а «один по болезни к месту осмотра не прибыл», но по выздоровлении должен был явиться⁸.

Позднее еще трое рыбацких крестьян изъявили желание поступить в ополчение. Старостам было приказано «выслать крестьян во 2 стан, с выдачею им временных надлежащих билетов»⁹.

Из Усть-Ижоры (села, также подведомственного Александровской мануфактуре) в Морское ополчение отправились 15 человек. Мирским приговором от 14 апреля крестьяне села решили «производить жалованья от общества 7 руб. серебром на каждого в месяц, на содержание оставшимся им семействам, сверх назначенного от казны»¹⁰.

Семьи рыбацких крестьян, ушедших в ополчение, чувствовали себя обойденными по сравнению с крестьянами Усть-Ижоры и обратились с просьбой к управляющему: «На поступивших из села Усть-Ижоры крестьянских детей в Морское Ополчение родителям или семействам их выдано от мирского общества и два куля муки ржаной, и денег по 7 р. сер. на каждого; на поступивших из села Рыбацкого <...> семействам их до сего времени ничего не выдано, а потому припадаем к стопам Вашего Высокопревосходительства, приемлем смелость покорнейше просить приказать выдать оставшимся семействам их, у сего подписавшихся по такой же части, которою воспользовались оставшиеся семейства от ополченцев села Усть-Ижора, за таковое благодеяние обязаны будем молить Бога, о здравии и долгоденствии Вашего Высокопревосходительства»¹¹.

Из взаимоотношений управляющего мануфактурой Вильсона с подведомственными крестьянами известно, что жалобы и просьбы последних он не оставлял без внимания. Но при принятии решения по тому или иному вопросу прислушивался к мнению «мира». А крестьянское общество на этот счет 8 июля вынесло приговор: «Объяснить честь имеем, что тем крестьянам при изъявлении ими желанья к поступлению в Ополчение, из общественной кассы выдано им деньгами по пяти рублей серебром каждому. К тому же до поступления их в Ополчение на продовольствие их с 10 апреля по 26 число и во все время пребывания в селении издержано до шести рублей серебром на каждого, что составит на 19 человек 209 руб. серебром. Семейства же поступивших в ополченцы не малолетние, могут жить безбедно своими трудами без посторонней помощи, а посему полагаем в домогательстве им отказать.

П. п. староста Иван Васильев Афанасьев и другие»¹².

В обоснование такого решения был приложен посемейный список крестьян, поступивших в Морское ополчение. Например: Пантелей Иванов Рыбушкин 52 лет и его сын Иван 23 лет от роду поступили в ополчение. А дома остались: жена Пантелея Василиса Гаврилова и двое их сыновей Симеон 17 и Илья 15 лет. А ведь двое старших ушли на войну! Всего же семейства, отправившие своих родных в ополчение, насчитывали 51 душу мужского пола и 27 женского. В ополчение поступило 19 человек¹³. Вернутся ли?

4 апреля были объявлены «Правила управления дружинами Морского ополчения и их довольствие:

1. Для заведования всеми дружинами ополчения назначить одного из Адмиралов, с представлением ему прав Бригадного командира и с учреждением при нем необходимого Штаба.

2. Для заведования каждою дружиною назначить по одному штаб-офицеру на праве Экипажного командира, и в каждую дружину четырех штаб или обер-офицеров для командования отделениями на правах ротных командиров, комиссара, шкипера, артиллерийского офицера и медика с лекарскими учениками.

3. В каждую дружину для обучения управления канонирскими лодками и орудиями назначить по 16 унтер-офицеров и по 64 матроса. Из ополченных же выбрать четырех десятских на лодку.

4. По мере поступления охотников формировать из них отделения в С.-Петербурге и отправлять их на жительство в Рыбацкое селение...

5. Довольство ополченцев пищею, одеждою и жалованием предоставить Комиссариатскому Департаменту Морского Министерства, на обязанность которого возложить заготовить одежду на три роста, для отпуска по требованию начальников дружин.

6. Для освидетельствования способности к службе обращаемых в инспекционный Департамент охотников учредить при оном комиссию... Комиссия о тех охотниках, кои будут признаны неспособными к службе, обязана докладывать Дежурному Генералу с объяснением причин негодности.

7. У охотников, признанных способными, отобрать паспорта и выдать им временные билеты, с показанием дня приема и кратким извлечением из паспорта. Паспорта же хранить при Департаменте в алфавитном порядке, впредь до отпуска дружин.

8. Каждый охотник, признанный годным и получивший билет, отсылается немедленно по принадлежности к Командирам дружин, которые отбирают от него билет и вносят в списочное состояние...

9. О состоянии дружин доставляются установленные сведения; на билетах же отмечаются все выдачи довольствия. Так же и время выбытия по случаю болезни, с прекращением жалованья за время бытности в Госпитале. На билете же отмечаются особые отличия и полученные по службе раны и ушибы за подписью Начальника дружины»¹⁴.

Заведовать составлением Морского ополчения был назначен вице-адмирал Николай Николаевич Назгимов, участник Отечественной войны 1812 года.

К управляющему мануфактурой из инспекторского департамента Морского министерства поступает запрос, «в какой мере может быть размещение означенных дружин в помянутом селении»¹⁵.

Из известных фактов об отношениях крестьян рыбной слободы и частей, останавливающихся на постой, не уверена, что это решение вызвало всплеск патриотических чувств среди жителей, тем более, что в это время «в селении той слободы имеется 300 обывательских домов, которые в настоящее время занимают постоем Лейб-Гвардии Преображенского полка до 1000 человек, к тому же на оныя квартиры останавливаются для ночлегов и роздыха разные воинские команды, следовавшие в Санкт-Петербург и из онаго»¹⁶. Учитывая многочисленность большинства семейств и не слишком большой размер домов, трудно себе представить, где могли расположиться на постой еще и многочисленные воинские подразделения!

В середине апреля в Рыбную слободу прибывает первая партия Морского ополчения. О сложившейся в связи с этим ситуации докладывает староста: «Сего Апреля 26 числа в слободу Рыбацкую прибыла партия Морского ополчения в числе 300 человек, под командой Капитан-Лейтенанта Попова, <...> размещены на квартиры в каждую по два человека, но о продовольствии их пищею со стороны их Начальства никакого распоряжения не сделано, и также мне об этом ничего не предписано; но по приказанию моему обыватели, прокормив людей 26 числа и не получив денег за продовольствие и не имея собственных на покупку провианта, большая часть из них оказалась не в состоянии продовольствоваться.

Полагая, что на продовольствие поступающих в Морское ополчение кормовые деньги положено платить, как обыкновенно платится в здешней губернии по 13 коп. сер. в сутки на человека, я за эту цену подрядил содержателей черных харчевен, продовольствовать означенных людей, а как 28 числа прибывший в слободу князь Оболенский и Вице-Адмирал Назгимов объявили, что на продовольствие будет отпускаться только по 10 коп. сер. в сутки на человека, то я на другой день же сообщил означенным подрядчикам, которые объявили, что за эту плату можно довольствоваться только хлебом и счами, в коих варена говядина, тогда как люди требуют, чтоб им сверх онаго отпускались говядина и каша, а посему те содержатели продовольствовать решительно отказываются за 10 копеек.

Вчерашнего же числа еще прибыло 300 человек, но о продовольствии со стороны их Начальства также не сделано никакого распоряжения, от чего могут произойти неудовольствия, а Капитан-Лейтенант Попов также объявил, что о продовольствии он не может принять никакого участия потому, что относительно сего предмета ему не дано никаких предписаний; а содержатели за продовольствие с 26 числа по 1 Мая, требуют выдачи денег по 13 коп. в сутки и объявили, что только за эту плату будут продовольствовать улучшенною пищею, и только тогда, если им будут выдавать деньги вперед...»¹⁷

Рапорт пошел по инстанциям. 30 апреля надзирающий за подведомственными Мануфактуре крестьянами докладывает:

«26 сего Апреля прибыла из С.Петербурга партия Морского Ополчения в числе 300 человек под командою Г. Капитан Лейтенанта Попова и расположена по квартирам в слободе Рыбацкой без

снабжения от Морского ведомства продовольствием провианта. А как крестьяне той слободы по малому количеству земли имеют мало хлебопашества и для своего продовольствия покупают хлеб сами, не в состоянии были продовольствовать те партии пищею и хлебом...

29 го ж сего месяца прибыла вновь партия из 334 человек также не снабженная ни деньгами, ни провиантом, по просьбе Г. Попова, также сделано мною распоряжение и снабжение таковою пищею, так как людей без продовольствия оставить было невозможно. Означенные же лавочники, торгующие в слободе рыбацкой, все люди недостаточные, требуют за отпускаемую пищу уплаты денег, без чего не берутся готовить таковой.

...не угодно ли будет Вам снести по сему предмету с кем следует, об отпуске денег на уплату Лавочникам за продовольствие с 26 числа по день отпуска на уплату по снабжению высылаемых впредь партий провианта»¹⁸.

На мирском сходе 19 апреля крестьяне решили просить «для продовольствия поступающих в ополчение отпустить им провиант в натуре»¹⁹.

Управление флота генерал-интенданта обратилось с просьбой для разрешения создавшейся ситуации выдать из кассы мануфактуры деньги с последующим возмещением Комиссариатским департаментом²⁰. На мануфактуре было сделано соответствующее распоряжение и выдано «на тот предмет 500 руб. серебром»²¹.

Неразбериха с продовольствием ополченцев и выделением средств продолжалась. 1 мая управляющий мануфактурой уведомляет директора Комиссариатского департамента, что при командах дружин «нет ни помощников, ни писарей, которые могли вести отчетность в употреблении кормовых денег», и просит «о назначении для того из (Комиссариатского департамента. – *Е. Л.*) нужного числа чинов с тем, чтобы отпускаемые из кассы Мануфактуры кормовые деньги они употребляли по назначению под наблюдением командиров Дружин, а впоследствии отдавать отчет кому следует. Или... кормовые деньги отпускать впредь прямо из Комиссариатского департамента в распоряжение командиров Дружин, с возложением на них представления отчетности в расходовании денег»²².

Ситуация осложняется с каждым днем. «26 и 29 апреля прибыли Капитан-Лейтенанты Попов и Веригин с поступившими

в 1ю и 2ю Дружины Морского ополчения охотниками в числе 1200 человек, к которым на этой неделе еще придут до 800 человек(1). При такой многочисленности, я с величайшим затруднением могу продовольствовать их пищу. А между тем вчерашнего числа еще прибыла партия в 506 человек 3й Дружины, под командою Капитан-Лейтенанта Прима. Посему покорнейше прошу... благоволить дозволить 3ю и 4ю Дружины поместить на квартиры в село Усть-Ижору, чем отстранить неудобство в продовольствии и могущие возникнуть жалобы.

П.п. староста Иван Васильев Афанасьев

2 Майя 1854 г.»²³

По прилагаемому расчету израсходовано к 3 мая 696 р. 2 к. да еще на продовольствие крестьян Рыбной слободы, поступивших в ополчение, за 11 суток 27 р. 17 к.²⁴

Было предписано «чиновнику особых поручений Комиссариатского Департамента коллежскому советнику Ратманову немедленно отправиться в село Рыбацкое... для продовольствия ополченцев, изыскав для сего по соглашению с Г.Г. Командирами Дружин наиболее удобный по местным обстоятельствам способ, или устройством у них артелей, или поселив их на харчи к обывателям.

На необходимые расходы выдано Ратманову 500 руб. сер., в помощь ему назначены писарь и вахтер»²⁵.

«...4 и 5 сего месяца в слободу Рыбацкую вновь прибыли две партии Морского Ополчения: 1-я в числе 489 человек под командой Капитан Лейтенанта Зиновьева; 2-я 1-го отделения в числе 269 человек в первую дружину под команду Капитан Лейтенанта Попова, 2-го отделения в числе 322 человек во вторую дружину под командой Капитан Лейтенанта Веригина»²⁶.

Для продовольствия в кассу мануфактуры передается 5000 р.²⁷ Но уже к 14 мая эти деньги израсходованы, и коллежскому регистратору Кошкину, служащему Комиссариатского департамента, поручается представить в кассу мануфактуры еще 10 000 р.²⁸

В конце мая денег опять не достает. Из полученных 15 000 израсходовано 13 050 р. Оставшихся денег едва хватит на продовольствие размещенных в Рыбацкой слободе дружин в течение 4 дней²⁹.

Из Комиссариатского департамента указывают Вильсону (управляющему мануфактурой) на необходимость вести учет расходовемых средств в прошнурованных приходных книгах в связи с невозможностью направить в Рыбную слободу особого чиновника

для наблюдения расходования денег³⁰. Но оказывается, что «книга, выданная господином старшим чиновником особых поручений коллежским советником Ратмановым старосте слободы Рыбацкой, в которой ведется учет людей, утверждаемый командующими каждой дружины, вовсе не прошнурована; почему в избежание последствий каких-либо недоразумений покорнейше прошу сделать распоряжение о прошнуровании той книги»³¹.

Но по заверению чиновников Комиссариатского департамента, прошнурованная книга была выдана под расписку коллежского советника Ратманова, «которая представлена им в департамент с объяснением, что в слободе Рыбацкой дружина продовольствуется по распоряжению Вашего Высокопревосходительства (*Вильсона*)»³².

Тот удивлен: «...распоряжения по предмету продовольствия расположенного в Рыбацкой слободе Морского ополчения никакого с моей стороны делается не было, кроме выдачи вследствие Вашего отношения от 28 минувшего Апреля за № 6791 при начале размещения людей того ополчения в слободе Рыбацкой, из кассы мануфактуры денег, для удовлетворения торговцев за продовольствие тех людей, на счет возврата их сумм Комиссариатского Департамента Морского Министерства и принятия в кассу Мануфактуры на сохранение на тот предмет из того Департамента казенных денег, которые и выдаются старосте слободы Рыбацкой по утвержденном Г. Коллежским Советником Ратмановым порядку, для удовлетворения торговцев, занимающихся тем продовольствием, и вносятся в утверждаемый подписью командующих каждой дружины. Самое же наблюдение возложено было на Г. Ратманова, в помощь которому назначены писарь и вахтер»³³.

А между тем ополченцы все пребывают. В рапорте надзирающего за крестьянами приводятся такие данные: «С вступлением 26 числа Апреля в слободу Рыбацкую Морского ополчения, в разное время по 20 Мая прибыло всего 4003 человека, из которых с 20 Мая по 22 Июня выбыло 3086, за тем остаток на постое в слободе 917 человек»³⁴.

Среди ополченцев оказываются больные. По распоряжению Морского Министерства на бывшей Гурьевой даче был организован лазарет на 20 кроватей «для пользования охотников Морского Ополчения»³⁵. Было также дано указание крестьянам Рыбацкой слободы и Усть-Ижоры поставлять по одной подводе для отправления в лазарет.

«По Высочайшему повелению всем гребцам, находящимся в больнице, вычитается из жалованья на это время». Поэтому командующие дружинами просили «присылать их билеты (*больных*) с надписью которого числа поступили... и какого числа тем подлинного их билета, а также не оставить и прислать сведения о выписавшихся уже»³⁶.

Судя по отчетам медиков, работы им хватало. С 1 мая по 1 июля в лазарет поступило 239 больных, из них выздоровело 197, умерло 24, оставалось на 1 июля 18 человек³⁷. Наиболее распространенными заболеваниями были разные лихорадки, перемежающиеся лихорадки, тифозные горячки, холера и понос, сифилитическая болезнь и др.³⁸

Случались и несчастные случаи. Так, «сего июня 1й дружины Морского Ополчения Иван Князьков, после обеда, купаясь в Неве, утонул, которого по тщательному отысканию вытащили из воды в 5 часов пополудни и, хотя были употреблены над утонувшим медицинские пособия, но без успеха...»³⁹.

С уходом Морского ополчения лазарет за ненадобностью был ликвидирован.

Мануфактурой был выставлен «Счет... за содержание и пользование больных Морского Ополчения и погребение из них умерших, с 4 мая по 21 июля 1854 года.

1. За пользование пищей больных по 10 к., а всего за 1421 суток – 142 р. 40 к.
 2. Содержание и другие расходы – 113 р. 92 к.
 3. Употребленные медикаменты – 348 р. 15 к.
 4. Выданные на погребение 28 человек из них умерших – 41 р. 56 к.
- Итого: 645 р. 97 к.»

Управляющий мануфактурой Вильсон просит князя П.С. Оболенского обратить внимание на то, что «служащие при лазарете Императорской Александровской Мануфактуре врачи – старший Коллежский Ассессор Гейденшильд, младший Надворный Советник Леонтьев, согласно распоряжения моего... ревностно и неусыпно занимались с 4 мая по 21 минувшего июля пользованием больных Морского ополчения, находившихся в отведенном для них здешней мануфактуры временном помещении, а потому, прилагая у сего ведомость о числе тех больных с показанием в оной болезней, от которых упомянутыми медиками были они пользованы, обращаюсь к Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбой

не оставить исходатайствованием им за безмерные труды какого-либо вознаграждения»⁴⁰.

Последовало ли вознаграждение?

Управляющего мануфактурой беспокоит вопрос об окончательных расчетах с Морским министерством после ухода дружин ополчения из Рыбацкой слободы.

Наконец, 21 августа «Комиссариатский департамент <...> командировал чиновника особых поручений <...> Ратманова для принятия как оставшихся восьми тысяч двухсот девяносто одно рубля 47 копеек, так равно и книг, тетрадей и прочих бумаг, отчетность по тому довольствию заключающих, а вместе с тем и котлов в цепями, в коих пища для дружин приготовлялась...»⁴¹.

Так рыбацкие крестьяне «приняли участие в Крымской войне».

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 1258.

² www.rosflot.ru автор А.Н. Болосов, кандидат технических наук.

³ <http://www.vetsubmlat.narod.ru/vet.html/> К. Гайворонский. Защитники Риги.

⁴ Новая новгородская газета. № 13 (656) от 28.03.2012 г.

⁵ http://www.k2x2.info/sobranie_sochinenii_tom_10/p.php. К. Маркс. Греческое восстание. – Польская эмиграция.

⁶ www.rosflot.ru автор А.Н. Болосов, кандидат технических наук.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. . Д. 1158. Л. 27.

⁸ Там же. Л. 50.

⁹ Там же. Л. 33.

¹⁰ Там же. Л. 63.

¹¹ Там же. Л. 142.

¹² Там же. Л. 144.

¹³ Там же. Л. 145.

¹⁴ Там же. Л. 44–46.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 66.

¹⁸ Там же. Л. 64.

¹⁹ Там же. Л. 42.

²⁰ Там же. Л. 54.

²¹ Там же. Л. 59.

²² Там же. Л. 68.

²³ Там же. Л. 69.

²⁴ Там же. Л. 70.

²⁵ Там же. Л. 71.

²⁶ Там же. Л. 74.

²⁷ Там же. Л. 76.

²⁸ Там же. Л. 90.

²⁹ Там же. Л. 110.

³⁰ Там же. Л. 113.

³¹ Там же. Л. 120.

³² Там же. Л. 126.

³³ Там же. Л. 127.

³⁴ Там же. Л. 133.

³⁵ Там же. Л. 60.

³⁶ Там же. Л. 93.

³⁷ Там же. Л. 124.

³⁸ Там же. Л. 125, 138.

³⁹ Там же. Л. 116н.

⁴⁰ Там же. Л. 161.

⁴¹ Там же. Л. 164.

О.С. Лихачева (Барнаул)

ЭВОЛЮЦИЯ СТРЕЛКОВОГО КОМПЛЕКСА НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ*

ОРУЖИЕ ДАЛЬНОГО БОЯ являлось основным и наиболее распространенным у кочевых народов Евразии в раннем железном веке. Оно было предназначено для ведения боя на дистанции от 20 до 300 м и включало в себя лук и стрелы¹. На настоящий момент, в силу плохой сохранности органических материалов, в памятниках Лесостепного Алтая не известно ни одной целой находки лука. Тем не менее, о его конструкции дает представление бронзовая модель, найденная на памятнике староалейской культуры Староалейка-2 (м. 35), а также роговые накладки на лук из памятников каменной культуры Фирсово-ХІ (м. 30) и Гилево-ІХ (к. 3)².

Модель имеет вид лука с натянутой тетивой. Его рукоять слегка выгнута в сторону стрелка, изгиб перехода от рукояти к плечу угловатый. Плечи почти прямые и отведены назад, небольшие рога резко отогнуты вперед. Пропорции изделия асимметричные – верхняя часть немного длиннее нижней (рис. 1, 1). Очевидно, что данное изделие изображает лук «скифского» типа. В натуральном виде, при спущенной тетиве, он имел длину 70–100 см³. Накладки на луки представлены как целыми экземплярами (Фирсово-ХІ), так и их реконструируемыми фрагментами (Гилево-ІХ). По расположению на кибити они концевые (4 экз.) и срединные

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

(3 экз.), по конкретному месту крепления – боковые. Концевые экземпляры дуговидные, а абрис их напоминает запятую. У окончания они закругляются и имеют вырез в виде полукруга для крепления тетивы. Срединные накладки сегментовидной или трапециевидной формы, длинные, широкие, окончание срезано под острым углом (рис. 1, 2–5). Все эти изделия являются деталями лука

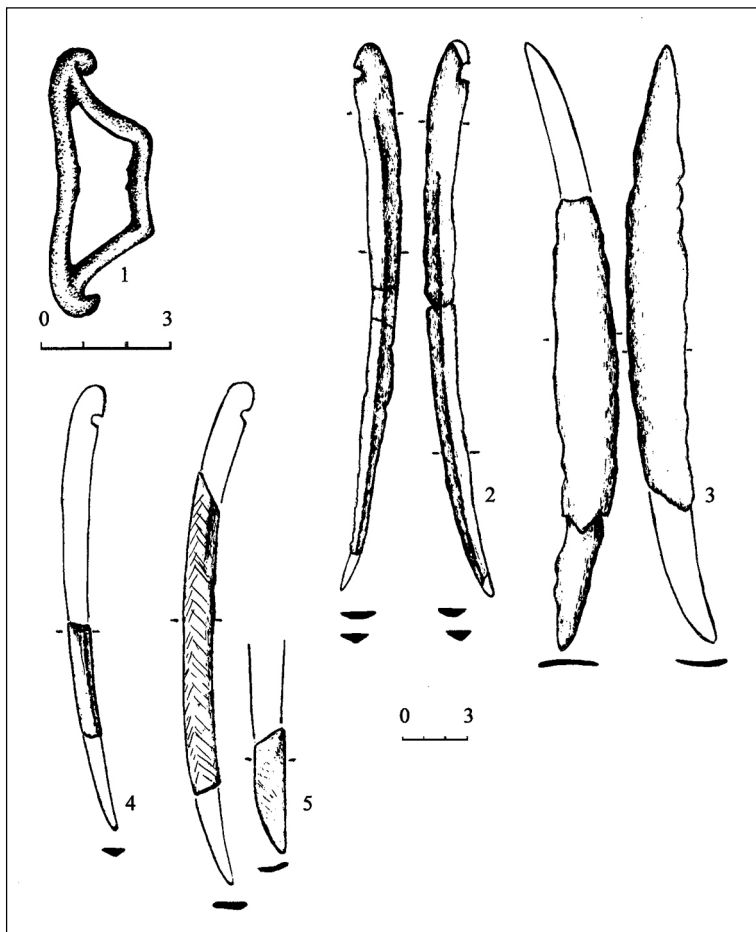

Рис. 1. Модель лука и накладки на лук: 1 – Староалейка-2, м. 35; 2–3 – Фирсово-ХI, м. 30; 4 – Фирсово-ХI, сборки; 5 – Гилево-IX, к. 3. 1 – бронза; 2–5 – рог

так называемого «хуннского» типа. При надетой тетиве он имел практически прямую или с легким прогибом в сторону стрелка рукоять, дугообразные плечи, длинные и прямые и лишь к окончанию немного отогнутые вперед рога. При снятой тетиве его длина составляла 140–155 см⁴.

На сегодняшний день с территории Лесостепного Алтая происходит 238 наконечников стрел. Из них 54 изделия относятся к большереченской культуре, 124 – к каменной, 33 – к староалейской, 17 – к быстрянской. Местонахождение и культурная принадлежность 10 экземпляров неизвестны. На основе анализа признаков была составлена классификационная схема, включающая: 2 группы, 3 раздела, 2 подраздела, 8 отделов, 38 типов, дополненных 48 вариантами.

Первые бронзовые наконечники стрел (группа I) появляются в Месопотамии с середины III тыс. до н. э., откуда затем распространяются по всему Ближнему Востоку⁵. В Западной Сибири и Китае они фиксируются с конца III тыс. до н. э.⁶ В Восточной Европе и Южном Приуралье изделия из этого материала фиксируются в памятниках с XVI–XV вв. до н. э., а в середине II тыс. до н. э. они появляются в Средней Азии⁷.

Значительная часть бронзовых экземпляров имеет втульчатый способ насада (раздел I). Самые ранние наконечники стрел с таким креплением происходят с юга Западной Сибири и датируются концом III – первой четвертью II тыс. до н. э. В памятниках Средней Азии подобные изделия известны в комплексах середины II тыс. до н. э. Этот признак сохраняется на указанных территориях до III в. до н. э.⁸

Наиболее ранней конструкцией является выступающая втулка (подраздел I), имеющаяся у наконечников стрел елунинской культуры конца III – первой четверти II тыс. до н. э.⁹ Этот способ крепления бытует долгое время на обширной территории евразийских степей¹⁰. Скрытая втулка (подраздел II) ранее всего фиксируется у изделий конца IX–VIII вв. до н. э. из Тувы. В VIII в. до н. э. этот признак появляется у экземпляров из Горного Алтая, с VII в. до н. э. он распространяется в Средней Азии, Казахстане, Восточной Европе¹¹.

Двухлопастные наконечники стрел (отдел I) являются наиболее ранними и фиксируются в конце IX–VIII вв. до н. э. в памятниках Тувы и в VII–VI вв. до н. э. в Горном Алтае¹².

Двухлопастные изделия (отдел I) являются наиболее ранними и известны у елунинских наконечников стрел рубежа III–II тыс. до н. э.¹³ Впоследствии они широко применяются на протяжении всей эпохи бронзы и раннескифского времени на территории Восточной Европы, Средней Азии, Казахстана и Западной Сибири¹⁴. Далее всего они сохраняются в скифских (до VI в. до н. э.) и тагарских (до V в. до н. э.) материалах¹⁵.

Ромбическо-двухлопастное сечение пера (отдел II) начинает распространяться с раннескифского времени. Этот признак фиксируется у кобанских изделий VIII–VI вв. до н. э., раннесакских VII–VI вв. до н. э., алды-бельских последней четверти VII в. до н. э. и скифских VI в. до н. э.¹⁶ Трехлопастное сечение пера (отдел III) широко известно в материалах Северного Причерноморья VII–III вв. до н. э., Поволжья и Южного Приуралья VII–IV вв. до н. э.¹⁷ На территории Горного Алтая этот признак встречается у изделий VI в. до н. э.¹⁸

Трехгранное сечение пера (отдел IV) фиксируется в ранних сакских материалах конца VIII–VII вв. до н. э., а также скифских VI–III вв. до н. э. и савроматских VI–V вв. до н. э.¹⁹

Прототипами для изделий с округлым сечением (отдел V), как отмечает К.Ф. Смирнов, являются костяные наконечники стрел²⁰. Этот признак встречается у экземпляров конца IX–VIII вв. до н. э. из Тувы²¹. Металлические образцы достаточно редки. Несколько наконечников встречено в кобанских материалах VII–VI вв. до н. э. и савроматских VI–V вв. до н. э.²² Ромбическое сечение пера (отдел VI) известно у наконечников из Тувы конца IX–VII в. до н. э., Средней Азии VIII–V в. до н. э., Горного Алтая VIII–VII вв. до н. э. и Поволжья VI–V вв. до н. э.²³ Четырехгранное сечение пера (отдел VIII) не имеет широкого распространения и встречается у отдельных экземпляров рубежа VI–V вв. до н. э. из Южного Приуралья²⁴.

Наконечники стрел с трехгранно-трехлопастным сечением (отдел VII) известны в сакских и савроматских колчаных наборах VII–V вв. до н. э.²⁵

Наконечники с листовидным абрисом без шипа (типы 1а, 6, 8, 13, 16) находят аналогии в материалах алды-бельской культуры конца IX – последней четверти VII вв. до н. э., поизднеирменских конца IX–VIII вв. до н. э., раннесакских VIII–VI вв. до н. э., а также скифских VII–VI вв. до н. э.²⁶ Экземпляры с листовидным абрисом

и шипом (тип 1б) известны по памятникам кобанской культуры VII–VI вв. до н. э. и случайным находкам из Горного Алтая, относимым к VII–VI вв. до н. э.²⁷

На рассматриваемой территории типы 1а–б, 6а, 8а, 13а, 16а происходят из комплексов большереченской культуры VIII–VI вв. до н. э. и каменной VI в. до н. э. (рис. 2, 1–2, 6; рис. 3, 1–2, 11–13, 19–20; рис. 5, 1, 4).

Изделия с асимметрично-ромбическим абрисом (типы 2а, 14а, 20а) находят значительное количество аналогий среди наконечников конца IX – VIII вв. до н. э. алды-бельской культуры, раннесакских материалов VIII–VI вв. до н. э. и майэмирских VIII–VI вв. до н. э.²⁸ На рассматриваемой территории они встречаются в памятниках большереченской культуры VIII–VI вв. до н. э. (рис. 2, 3–5, 7–13, 19, 21, 28; рис. 3, 3–7, 9, 14–15, 21–22).

Экземпляры с ромбовидным абрисом пера (типы 3, 15, 21) фиксируются в материалах алды-бельской культуры конца IX – последней четверти VII вв. до н. э., сакских колчанных наборах конца VIII–VI вв. до н. э. и майэмирских памятниках VII–VI вв. до н. э.²⁹ На территории Лесостепного Алтая подобные наконечники происходят из комплексов большереченской культуры конца VIII–VII вв. до н. э. (рис. 2, 12–18, 20, 23; рис. 3, 9–10, 16, 23, 26–27).

Изделия с подтреугольным абрисом без шипов (типы 4а, 9а, 10а, 11а, 17а, 18а, 23а) встречаются в сакских и кобанских колчанных наборах VII–VI вв. до н. э., майэмирских VII в. до н. э. и тагарских VI–V вв. до н. э. Продолжительное время бытуют наконечники с этим признаком у скифов и савроматов. У первых они встречаются в VII–III вв. до н. э., у вторых – в VII – второй половине IV вв. до н. э. Наиболее поздние экземпляры происходят из материалов прохоровской культуры IV–III вв. до н. э.³⁰ Изделия с подтреугольным абрисом и шипами (тип 9б) получают большее распространение и известны по сакским и скифским памятникам VII–V вв. до н. э., а также савроматским VII–IV вв. до н. э.³¹

На рассматриваемой территории наконечники этих типов происходят из памятников большереченской культуры конца VIII–VII вв. до н. э., каменной VI – начала III вв. до н. э. и быстрианской VI–V вв. до н. э. (рис. 2, 24; рис. 4, 1–10, 12–16, 20, 26; рис. 5, 5–6; рис. 9, 7–8, 10, 19; рис. 10, 1–3, 9, 13).

Изделия с килевидным абрисом без шипов (типы 12а) известны в савроматских памятниках VI–V вв. до н. э.³² Наиболее ранние

экземпляры с таким абрисом и шипами (типы 5а, 7а, 19а, 22а, 24а) известны по киммерийским материалам VIII – первой половины VII вв. до н. э. и сакским конца VIII–VII вв. до н. э.³³ У последних они используются вплоть до начала V в. до н. э.³⁴ Известны наконечники с такими признаками в колчаных наборах кобанской культуры VII–VI вв. до н. э. и алды-бельской последней четверти VII в. до н. э.³⁵ Позднее всего – во второй половине VI в. до н. э. – они бытуют у савроматов³⁶.

В Лесостепном Алтае подобные наконечники известны в материалах VII–VI вв. до н. э. большереченской культуры и VI–V вв. до н. э. каменской, староалейской и быстрианской (рис. 3, 17; рис. 4, 11, 19, 23; рис. 5, 7, 11; рис. 9, 13–14, 16, 21; рис. 10, 14–20, 24, 28).

Черешковый способ насада (разряд II) является характерным признаком наконечников стрел Переднего Востока, где он используется с XVII–XVI вв. до н. э., в XVI в. до н. э. он появляется в Средней Азии³⁷.

Трехлопастные изделия (отдел III) с XVIII в. до н. э. фиксируются в Сирии и Палестине, а с XVI в. до н. э. распространяются по всему Ближнему Востоку³⁸. В Китае этот признак встречается у наконечников стрел XVI – первой половины VII вв. до н. э., в Средней Азии он бытует в VII–II вв. до н. э., а в Туве с последней четверти VII в. до н. э. по IV вв. до н. э.³⁹ В VII–VI вв. до н. э. трехлопастные изделия фиксируются в памятниках Горного Алтая⁴⁰. Единичные экземпляры с этим признаком известны в савроматских материалах конца VI – начала V вв. до н. э.⁴¹ Трехгранно-трехлопастное сечение пера (отдел VII) встречается у сакских изделий VIII–VI вв. до н. э., алды-бельских последней четверти VII–VI вв. до н. э., уюкских V–IV вв. до н. э. и савроматских VI–V вв. до н. э.⁴² Четырехлопастные изделия (отдел IX) пока известны лишь у одного экземпляра из материалов алды-бельской культуры последней четверти VII в. до н. э.⁴³

Наконечники с треугольным абрисом без шипов (типы 25а, 27а) находят аналогии в ряде сакских комплексов VIII–VI вв. до н. э.⁴⁴ Кроме того они известны по колчаным наборам племен алды-бельской культуры последней четверти VII–V вв. до н. э.⁴⁵ Изделия с таким же абрисом, но имеющие шипы (типы 25б, 27б, 29) встречаются в сакских памятниках VII–VI вв. до н. э., алды-бельских VII–V вв. до н. э., уюкских V–IV вв. до н. э. и пазырыкских IV–III вв. до н. э.⁴⁶

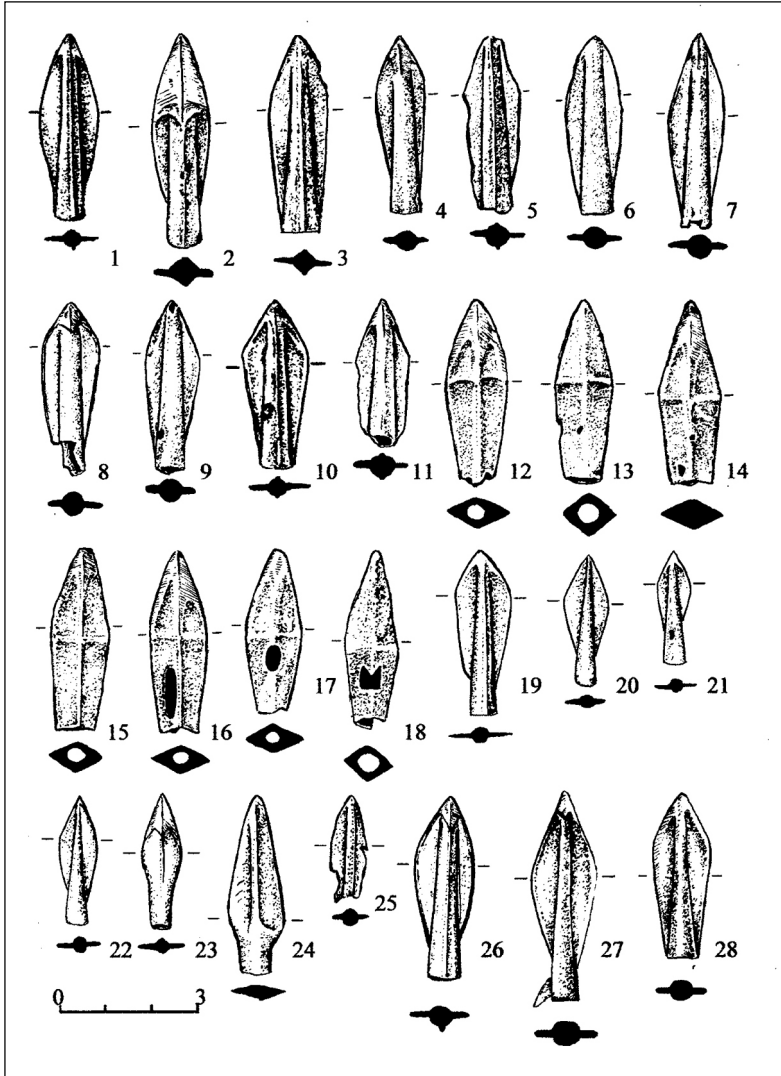

Рис. 2. Наконечники стрел большереченской культуры:
 1–18 – Боровое-III; 19–25 – Мыльниково; 26 – Боровое-V;
 27–28 – Ближние Елбаны-I. 1–28 – бронза

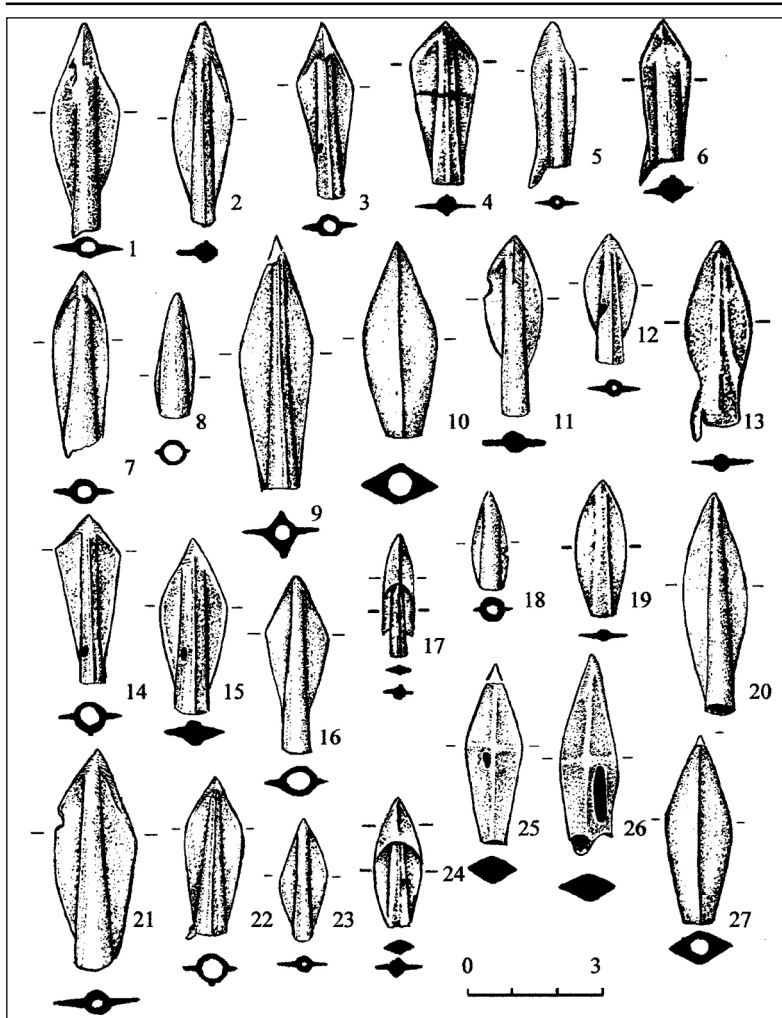

Рис. 3. Наконечники стрел большереченской культуры.
 1–2 – Новенькое-ХI, ХII; 3 – Крестьянское-2; 4 – Ближние Елбаны-17;
 5 – Ближние Елбаны-ХIV, м. 11; 6 – Ближние Елбаны-VII, м. 61;
 7–8 – Павловка-I; 9 – Елбанское городище; 10 – Моховое-III; 11, 15 –
 с. Камышенка; 12, 20 – с. Урлапово; 13 – г. Бийск; 14, 16, 27 –
 Завьяловский р.-н.; 17, 24 – с. Завьялово; 18 – оз. Беленькое; 19 –
 с. Ветренно-Телеутское; 21 – с. Усть-Балыксы; 22 – оз. Телеутское;
 23 – с. Новиково; 25–26 – Лесостепной Алтай. 1–27 – бронза

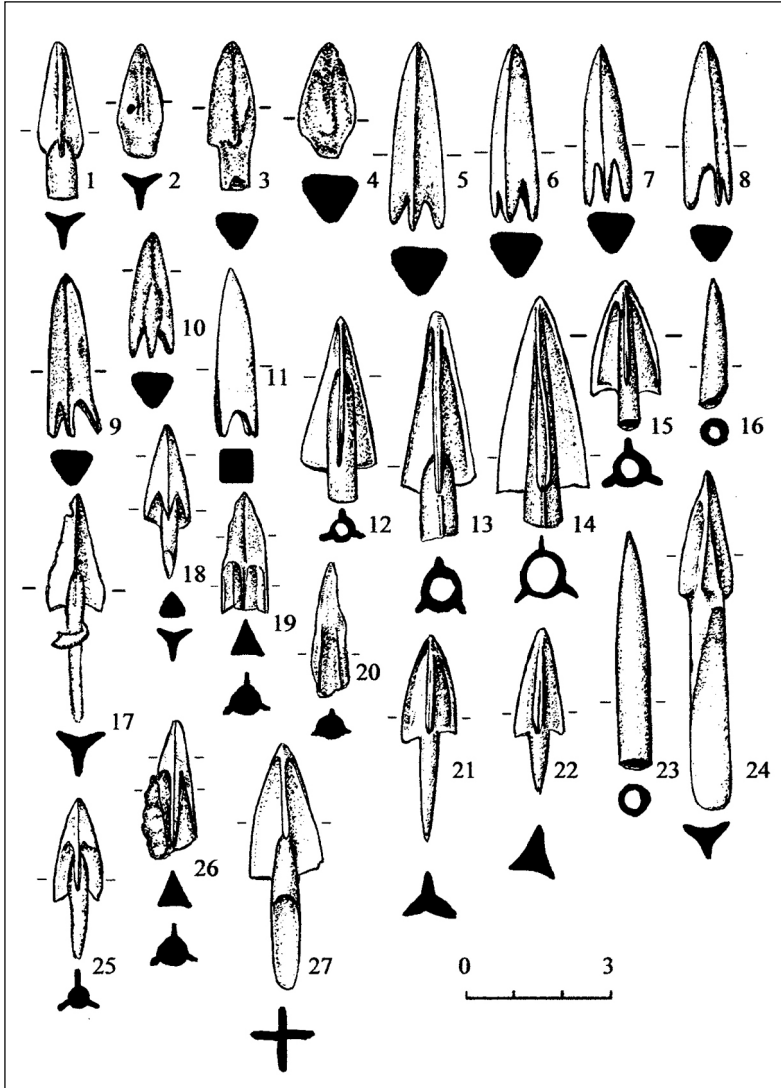

Рис. 4. Наконечники стрел каменной культуры:
 1–11 – Новообинский курган; 12–14 – Новосклоиха-1;
 15 – Островное; 16–18 – Крестьянское-III; 19 – Кабанье;
 Займище: 20 – к. 3, м. 2; 21–22 – к. 4, м. 4; 23–23 – Первомайское;
 25 – Михайловский-VI, к. 5; 26–27 – Моховое-3. 1–27 – бронза

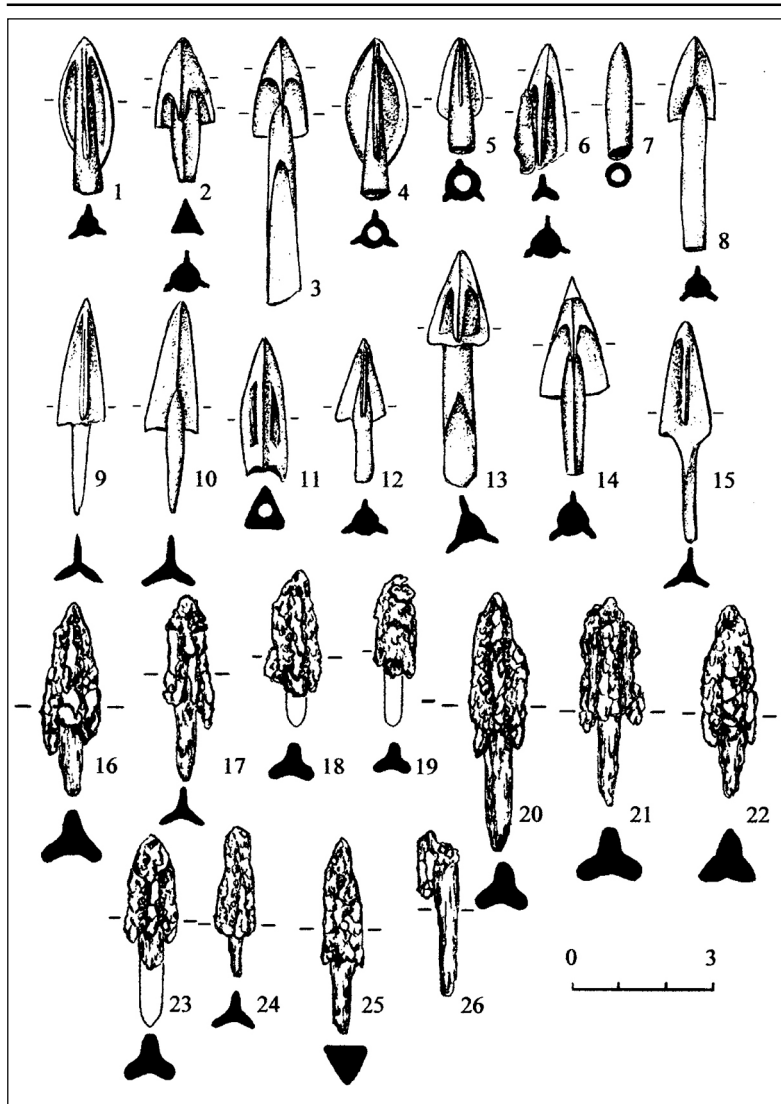

Рис. 5. Наконечники стрел каменной культуры: 1-2 – Киприно-1; 3 – Моховое-V; 4-6 – Черная Курья; 7-10 – Завьяловский р-н.; 11 – Калистратиха; 12 – оз. Беленькое; 13 – Урлапово; 14 – Новенькое; 15 – Усть-Балькса; 16-26 – Новотроицкий-1, к. 2, м. 1. 1-15 – бронза; 16-26 – железо, дерево. 1-26 – железо, дерево

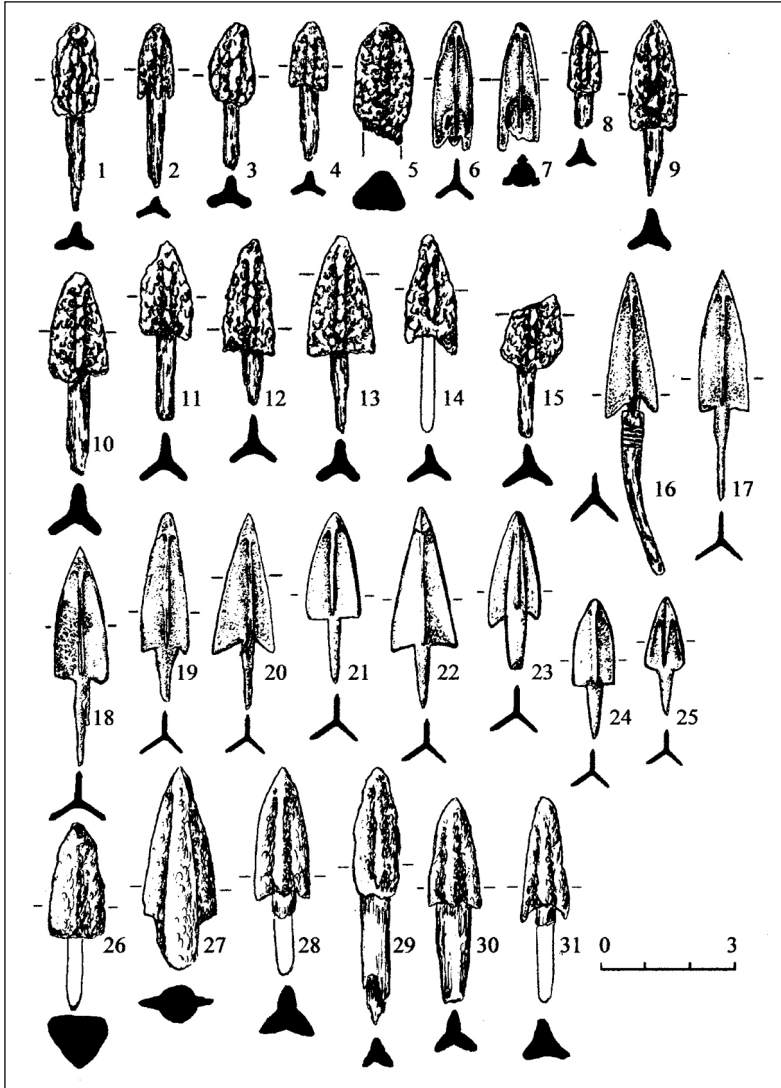

Рис. 6. Наконечники стрел каменной культуры: Новотроицкий-2: 1-5 - к. 5, м. 3; 6-10 - к. 10, м. 2; 11-15 - к. 10, м. 5; 16-23 - к. 15, м. 3; 24 - к. 18, м. 9; 25 - к. 18, м. 10; 26 - Фирсово-ХІ, к. 26; Локоть-4а: 27 - к. 1, м. 4, п. 4а; 28 - к. 3, м. 3; 29 - к. 7, м. 1; 30 - к. 8, м. 1; 31 - к. 9, м. 2. 6-7, 16-25 - бронза, 1-5, 8-15, 26-31 - железо, дерево

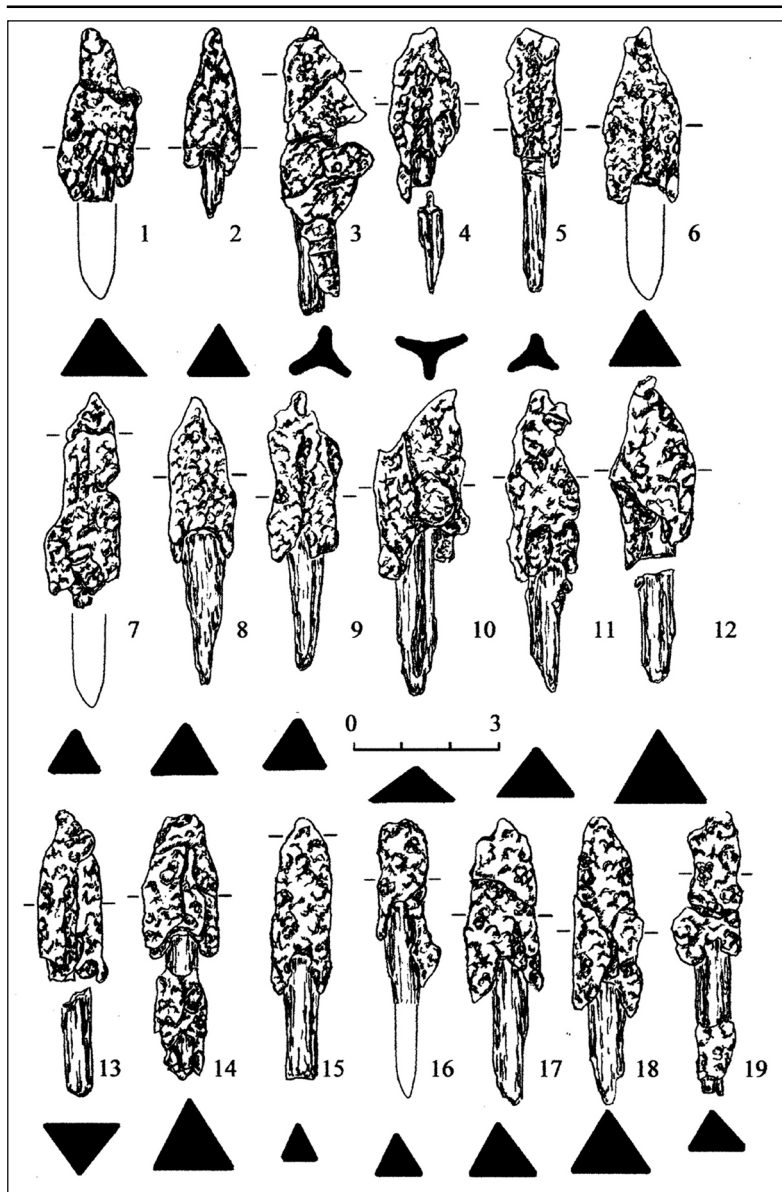

Рис. 7. Наконечники стрел каменной культуры:
Бугры: 1-2 - м. 1; 3-19 - м. 6. 1-19 - железо, дерево

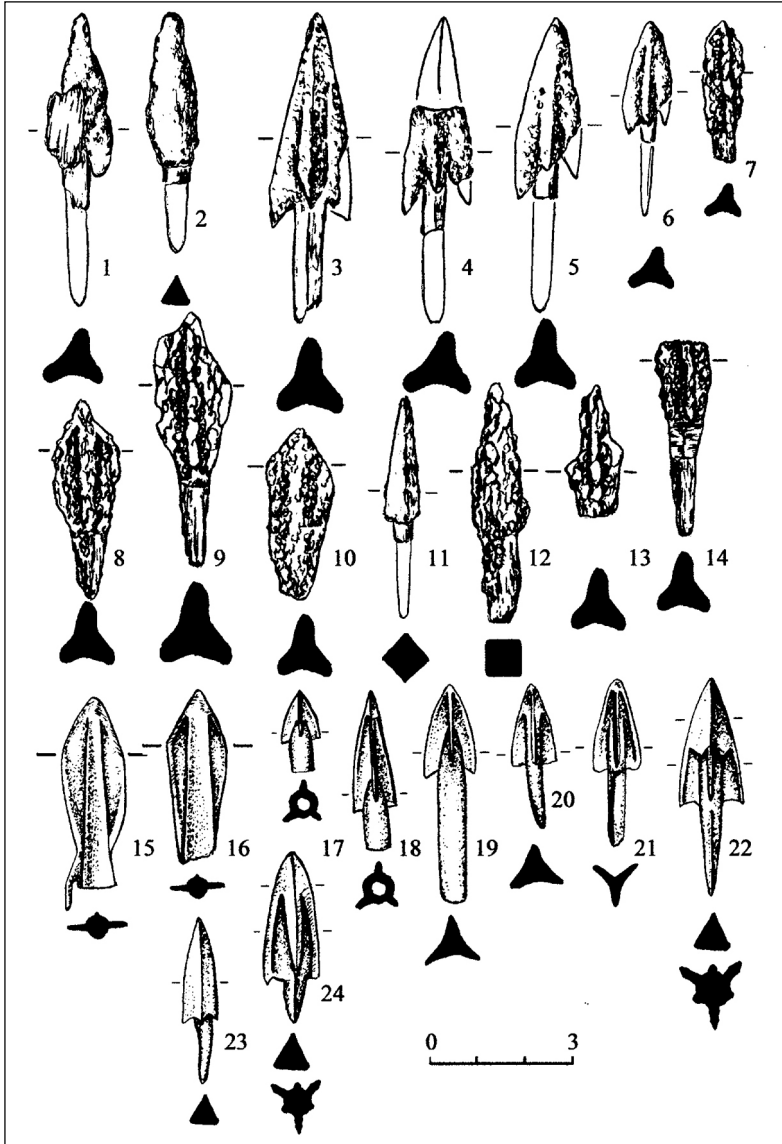

Рис. 8. Наконечники стрел каменной культуры: 1-2 – Бугры, к. 4, м. 2; 3-14 – Гилево-IX, к. 3; 15-24 – случайные находки из Лесостепного Алтая. 1-14 – железо, дерево; 15-24 – бронза

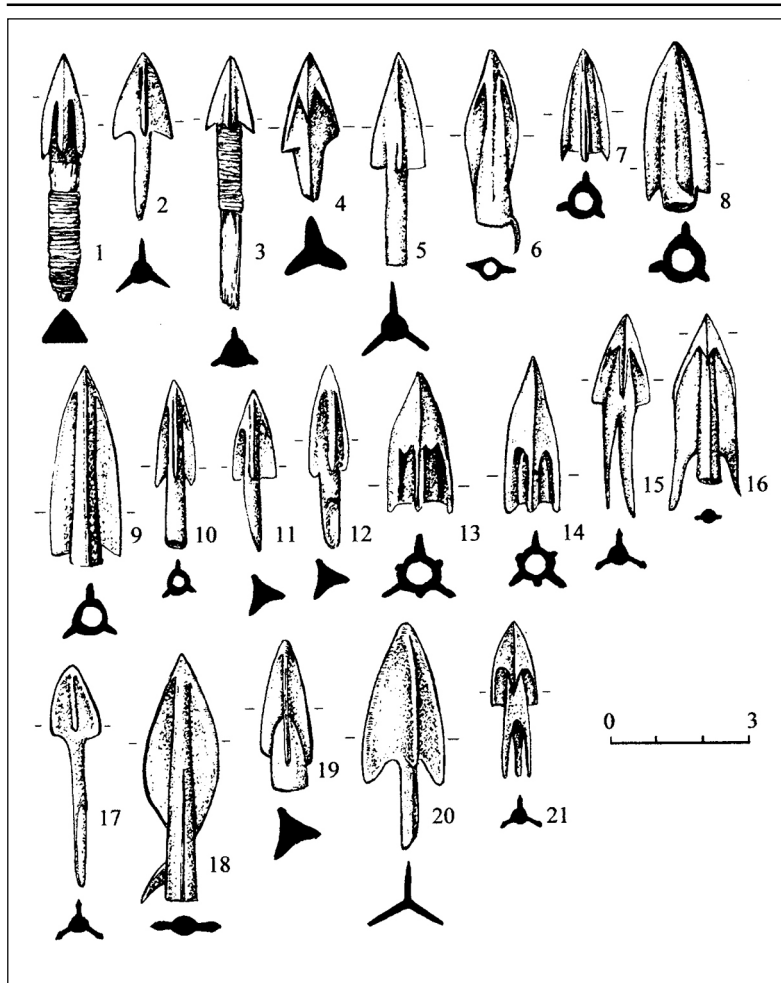

Рис. 9. Наконечники стрел староалейской культуры: Староалейка-2: 1, 3-4 - м. 48, м. 2 - м. 24, 5 - м. 38; 7-11 - Клепиково; 12 - Ближние Елбаны-I, землянка 5; 13-14 - Ближние Елбаны-XV; 15 - Обские Плесы-1; Обские Плесы-2: 16 - м. 32, 17 - м. 33; 18, 20 - Малый Гоньбинский Кордон-1м. 15; 19 - Малый Гоньбинский Кордон-3, м. 13; 21 - Тузовские Бугры-1, м. 1. 1-21 - бронза

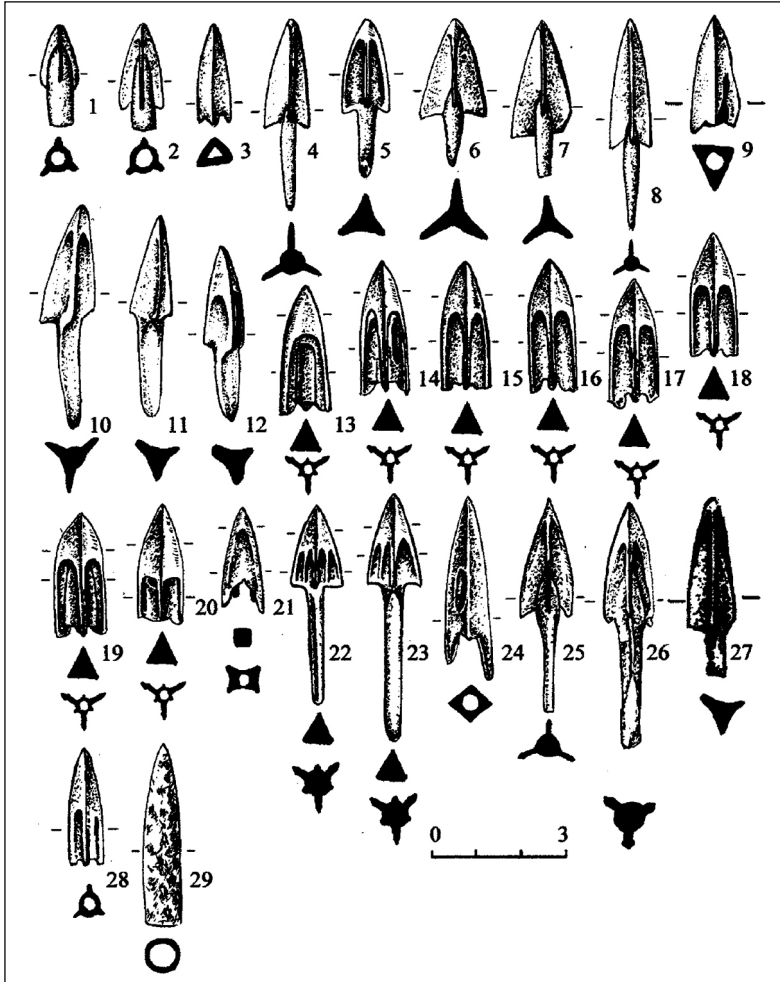

Рис. 10. Наконечники стрел староалейской и большереченской культур: 1-7 – оз. Телеутское; 8 – с. Бобровка; 9-12 – Бобровский грунтовый могильник, м. 30; Быстряное: 13-22 – к. 8; 23 – к. 14, 24-25 – к. 3; 26 – с. Верх-Озерное; 27 – Лесная Пасека-I; 28 – Енисейское-4, к. 1, м. 2; 1-27 – бронза; 28 – железо

На территории Лесостепного Алтая типы 25а–б, 27а–б и 29а происходят из могильников каменной культуры V–III вв. до н. э., староалейской конца VI–V вв. до н. э. и быстрианской VI–V вв. до н. э. (рис. 4, 17–18, 21–22, 24–25, 27; рис. 5, 2–3, 8–10, 12–15; рис. 6, 16–23, 25; рис. 9, 2–5, 11, 17, 20; рис. 10, 4, 6–8, 10–12, 22–23, 25, 27).

Изделия с килевидным абрисом пера, не имеющие шипов (тип 26а) встречаются в сакских комплексах VII–VI вв. до н. э. и савроматских конца VI – начала V вв. до н. э.⁴⁷ Экземпляры с шипами (тип 26б, 28а) встречаются в колчанном наборе алды-бельской культуры VII в. до н. э.⁴⁸

На территории Лесостепного Алтая наконечники типов 26а–б и 28а известны по могильнику быстрианской культуры VI–V вв. до н. э. и староалейской VI–V вв. до н. э. (рис. 9, 12; рис. 10, 26).

Зажимной способ насада (раздел III) встречается в алды-бельских материалах VII в. до н. э. и сакских материалах VII – середины VI вв. до н. э.⁴⁹

Трехлопастные изделия (отдел III) известны по памятникам алды-бельской культуры VII в. до н. э. Трехгранно-трехлопастные изделия (отдел VII) не находят аналогий на других территориях. Наиболее близко наконечнику с треугольным абрисом пера (тип 30) изделие из памятника алды-бельской культуры VII в. до н. э.⁵⁰ На рассматриваемой территории экземпляр типа 30 происходит из памятника староалейской культуры VI в. до н. э. (рис. 9, 15).

Изделия с килевидным абрисом (тип 31) не находят аналогий на уровне типа и варианта. На территории Лесостепного Алтая изделие типа 31 происходит из памятника староалейской культуры VI в. до н. э. (рис. 9, 21).

Железные наконечники стрел (группа II) в IX в. до н. э. появляются на Переднем Востоке, с VIII в. до н. э. они распространяются по Северному Причерноморью, в V в. до н. э. – по Южному Приуралью и только с III в. до н. э. фиксируются в Средней Азии⁵¹. В Туве изделия из этого материала известны с последней четверти VII в. до н. э.⁵²

Втульчатый способ насада (раздел I) у железных наконечников стрел известен у скифских и савроматских образцов VII–III вв. до н. э.⁵³ В сарматских материалах данный способ насада применяется в IV–I вв. до н. э.⁵⁴ Выступающая втулка (подраздел I) бытует у скифских изделий в VII – III вв. до н. э. и у савроматских

экземпляров с конца VI по IV вв. до н. э., а у сарматских – в IV–I вв. до н. э.⁵⁵

Округлое сечение пера (отдел V) встречается у некоторых савроматских наконечников стрел конца VI – начала V вв. до н. э.⁵⁶

Наконечники с килевидным абрисом без шипов (тип 31а) находят близкие аналогии в савроматских памятниках конца VI – начала V вв. до н. э.⁵⁷ С рассматриваемой территории наконечники типа 31 известны по памятнику IV–III вв. до н. э. быстрианской культуры (рис. 10, 29).

Черешковый способ насада (раздел II) известен у железных наконечников на Переднем Востоке с IX в до н. э.⁵⁸ С последней четверти VII в. до н. э. они фиксируются в памятниках Тувы, с V в. до н. э. у саргатских и савроматских племен, с III–I вв. до н. э. в Бактрии и Средней Азии⁵⁹.

Двухлопастное сечение пера (отдел I) встречается у скифских наконечников стрел VII–III вв. до н. э.⁶⁰ Экземпляры с трехлопастным сечением (отдел III) известны уже с V в. до н. э. у скифов, савроматов, носителей саргатской культуры⁶¹. Несколько позднее – с III в. до н. э. – такое сечение пера появляется в Средней Азии и Бактрии⁶². Треугольные наконечники (отдел IV) известны в материалах конца IV–III вв. до н. э. прохоровской культуры и III–I вв. до н. э. саргатской⁶³. Четырехгранные наконечники (отдел VIII) ранее всего – с последней четверти I тыс. до н. э. – фиксируются у хунну Забайкалья⁶⁴.

Изделия с асимметрично-ромбическим абрисом без шипов (тип 34а) встречаются в колчанных наборах хунну III в. до н. э. – I в. н. э., в Горном Алтае данные изделия известны по памятнику булан-кобинской культуры второй половины IV – первой половины V вв. до н. э., в Средней Азии они встречаются в материалах комплекса I–IV вв. н. э.⁶⁵ С территории Лесостепного Алтая изделия типа 34а происходят из комплекса каменной культуры II–I вв. до н. э. (рис. 8, 8–10).

Наконечники с треугольным абрисом пера, не имеющие шипов (типы 32а, 33а, 35а, 38а, 39а) находят наиболее близкие аналогии в скифских памятниках V–IV вв. до н. э., прохоровских конца IV–III вв. до н. э., саргатских III–II вв. до н. э., сарматских III в. до н. э. – I в. н. э., хуннских II–I вв. до н. э. и бактрийских IV–I вв. до н. э.⁶⁶ Изделия с подобным абрисом, но с шипами (типы 35б, 37а) известны по саргатским материалам IV–I вв. до н. э. и сарматским III в. до н. э. – I в. н. э.⁶⁷

На рассматриваемой территории изделия типов 32а, 33а, 35а–б, 37а, 38а, 39а происходят из памятников V–I вв. до н. э. каменной культуры (рис. 5, 16–18, 23–24; рис. 6, 12–14, 27, 30–31; рис. 7, 1–2; рис. 8, 3–6, 11–12).

Наконечники с килевидным абрисом пера и без шипов (типы 36а, 38а) встречают аналогии в материалах саргатской культуры IV–III вв. до н. э. и сарматских могильниках III–I вв. до н. э.⁶⁸ Экземпляры с шипами (тип 38б) известны в колчаных наборах саргатской культуры IV – начала II вв. до н. э.⁶⁹ В Лесостепном Алтае изделия типов 36а и 38а встречены в памятниках каменной культуры IV–I вв. до н. э. (рис. 5, 19–22, 25; рис. 6, 1–5, 8–9, 29; рис. 7, 13–19).

Корреляция признаков позволяет выделить несколько хронологических серий наконечников стрел. Самая ранняя (VIII – середина VI вв. до н. э.) включает бронзовые изделия втульчатого способа насада. Преобладает выступающая втулка (6 типов), но применяется также и скрытая (4 типа). Большая часть экземпляров имеет двухлопастное сечение пера (8 типов), по одному типу представлены наконечники с ромбическо-двухлопастным и ромбическим пером. Преобладающим абрисом был листовидный (4 типа), менее распространенными – асимметрично-ромбический (2 типа), ромбовидный (2 типа), треугольный (1 тип) и килевидный (1 тип). Все эти изделия происходят из материалов большереченской культуры. Они формировались на основе местных традиций эпохи бронзы со значительным влиянием алды-бельских и кобанских военных традиций.

В VI–V вв. до н. э. идет активный поиск наиболее оптимальных форм наконечников стрел, но наряду с новыми образцами еще продолжают применяться двухлопастные, ромбическо-двухлопастные и ромбические изделия, появившиеся в предыдущий период. Распространяется два новых способа насада: зажимной (2 типа) и черешковый (5 типов), но пока еще преобладающим остается втульчатый (13 типов). Совершенствование баллистических свойств приводит к появлению трехлопастных (5 типов) и четырехлопастных (1 тип) изделий. Начинают применяться трехгранные (3 типа), четырехгранные (1 тип) и округлые (2 типа) наконечники, обладающие высокими проникающими свойствами и предназначенные, по всей вероятности, для поражения защищенного противника. Стремление же объединить устойчивость полета стрелы с ее пробивной

способностью приводит к появлению трехгранно-трехлопастных изделий (5 типов). Изменения происходят и в материале изготовления – появляются первые железные образцы. Но пока они обладают достаточно простой формой: черешковые, двухлопастного сечения с треугольным абрисом.

Типологически наиболее развитыми на данном этапе выглядят стрелковые наборы каменской (14 типов) и староалейской (8 типов) культур. Менее разнообразен он у племен быстрианской культуры (6 типов). Изменение способа насада связано с проникновением на данную территорию ближневосточных (черешковый) и алды-бельских (зажимной) военных традиций. С последней связан и единственный четырехлопастный экземпляр. Бронебойные формы заимствуются у сакских и савроматских племен. Более устойчивые в полете трехлопастные изделия и первые железные экземпляры восходят к скифским образцам.

Следующая серия относится к IV–III вв. до н. э. На данном этапе железные наконечники (5 типов) начинают вытеснять бронзовые (3 типа). Количество типов сокращается, и происходит их унификация. Среди бронзовых образцов преобладающим становится черешковый способ насада (2 типа). Выделяются только две формы пера: трехлопастная и трехгранно-трехлопастная. Втульчатые изделия представлены одним типом. Он имеет скрытый насад, трехлопастное сечение и килевидный абрис. Железные экземпляры также преимущественно черешковые (4 типа). Пока встречен только один втульчатый наконечник. Трехлопастные (2 типа) и трехгранные (1 типа) изделия представлены равным количеством типов. Абрис у них треугольный (2 типа) или килевидный (2 типа). Единственный втульчатый наконечник имеет округлое сечение и килевидный абрис. В целом уже прослеживается специализация на наконечники для прицельной стрельбы и бронебойные изделия.

Наибольшим количеством типов отличаются колчаные наборы каменской культуры (8 типов). Среди наконечников стрел быстрианской культуры известен лишь один образец, относящийся к данному периоду. В IV–III вв. до н. э. еще сохраняется влияние скифских образцов, но оно уже минимально. Бронзовые изделия формируются при участии сакских военных традиций. В свою очередь, у железных наконечников прослеживаются черты, заимствованные у бактрийских, саргатских и сарматских изделий.

Все рассмотренные выше изделия VIII–III вв. до н. э. использовались с луками «скифского» типа, на что указывают их небольшие размеры.

Самая поздняя серия II–I вв. до н. э. представлена полностью железными экземплярами. Они имеют черешковый способ насада. Помимо широко известных в предыдущие периоды трехгранных изделий, появляется еще один тип броневой наконечников, имеющий четырехгранную форму пера. Используются также и трехлопастные изделия. Наиболее распространенными абрисами пера являются треугольный и килевидный, но есть и асимметрично-ромбические изделия.

Все наконечники стрел на данном этапе относятся к материалам каменной культуры. Значительное влияние на их формирование продолжает оказывать сарматская военная традиция. В то же время начинается и активное проникновение военных традиций хунну. С ними же связано и распространение луков нового типа, более мощных, чем «скифские». Этим обуславливается увеличение размеров наконечников стрел со II в. до н. э.

¹ Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). СПб., 2003. С. 9; Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. С. 14.

² Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 115–134; Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 219–226.

³ Мелюкова А.И. Указ. соч. С. 13–14.

⁴ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. до н. э. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. С. 23–24.

⁵ Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XLIII. 12.-29–3; Медведская И.Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II – первой половины I тысячелетия до н. э. // СА. 1980. № 4. Рис. 2.

⁶ Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XLIII.-319–325; Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. С. 82. Рис. 121.-11–12.

⁷ Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XLIII.-298, 294–296; Кирюшин Ю.Ф. Указ. соч. Рис. 121.-11–12. Мелюкова А.И. Указ.соч. Табл. 9; Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. М., 1966. Вып. В4-9. С. 36; Клочко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р. Х.). Київ, 1996. Рис. 73.

⁸ Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстринской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул,

1996. Рис. 1.-3; Кирюшин Ю.Ф. Указ. соч. Рис. 121.-11–12; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 73.

⁹ Кирюшин Ю.Ф. Указ. соч. Рис. 121.-11–12.

¹⁰ Мелюкова А.И. Указ. соч. Рис. 9.

¹¹ Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. С. 70. Рис. 14.-1–4; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. С. 81–82. Рис. 58.-8. Рис. 60.-8; Марсадилов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н. э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000. С. 21. Табл. 1; Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 6.-23–25; Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. М., 1961. № 101. Рис. 38.-Б6, Е2; Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск, 2007. С. 228. Рис. 2.-6. Рис. 5.-16, 18; Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 227. Рис. 3.-7; Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М., 2010. Рис. 45.

¹² Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Указ. соч. С. 82, рис. 60.-8; Марсадилов Л.С. Указ. соч. С. 21. Табл. 1; Чугунов К.Ф. 2000. Указ. соч. Рис. 3.-2.

¹³ Кирюшин Ю.Ф. Указ. соч. Рис. 121.-11–12.

¹⁴ Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XLIX.-1–4, 5–7; Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю. Материалы эпохи бронзы из Павлодарского Прииртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. Рис. 1.-2–3; Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. Рис. 11.-8; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Указ. соч. С. 70; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Указ. соч. Рис. 58.-6–7, 9; Таиров А.Д. Указ. соч. С. 232. Рис. 42.-10; Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология) западный вариант // САИ. В2–5. Вып. 4. М., 1995. Табл. III.-Ж1–2, К2–3; Кузьмина Е.Е. Указ. соч. Табл. VI.-12–13; Клочко В.И. Указ. соч. Рис. 87.-11–13;

¹⁵ Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусово // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 32–33. Рис. 6.-29–30; Кулемзин А.М. Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. Рис. 1.-4.

¹⁶ Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Указ. соч. С. 32–33. Рис. 6.-21–28; Итина А.М. Ранние саки Приаралья // Археология СССР. Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. Табл. 4.-1; Козенкова В.И. Указ. соч. Табл. П.-24; Таиров А.Д. Указ. соч. Рис. 5.-1–13; Чугунов К.В. Аржан-2: Реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса. И некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. СПб., 2011. № 1. Рис. 29.-М26-1.

¹⁷ Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 6.-О23. Табл. 9.-И4; Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 14.-Ж3–4; Яблонский Л.Т. Указ. соч. Рис. 45.

¹⁸ Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. Рис. 69.-17.

¹⁹ Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Указ. соч. Рис. 6.-6–7. Рис. 14.-1; Итина А.М., Указ. соч. Табл. 4.-2; Итина М.А., Яблонский Л.Т.

- Указ. соч. С. 70. Рис. 60.-12; Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 7.-Г-7, Н5-6. Табл. 9.-А2-3, Б4-5, И3, 5, К5-6, Н6, 8-9; Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 15-21. Рис. 16Б.-59-64. Рис. 26.-В-25.
- ²⁰ Смирнов К.Ф. Указ. соч. С. 61.
- ²¹ Чугунов К.В. 2000. Указ. соч. Рис. 3.-7-8.
- ²² Козенкова В.И. Указ. соч. Табл. III.-Б3-4, Г-4; Смирнов К.Ф. Указ. соч. С. 61. Рис. 16Б.-65. Рис. 19Б.-54. Рис. 21Б.-42.
- ²³ Итина М.А. Указ. соч. Табл. 4.-1-2; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Указ. соч. С. 81. Рис. 58.-8; Марсадолов Л.С. Указ. соч. С. 21. Табл. 1; Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 18.-Б4. Рис. 23.-А32-34; Чугунов К.В. 2000. Указ. соч. С. 227.
- ²⁴ Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 23.-А32-34.
- ²⁵ Итина М.А. Указ. соч. Табл. 4.-2; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Указ. соч. Рис. 43.-27-38; Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 13.-Б21-26. Рис. 15.-А18-19. Рис. 16Б.-49-50.
- ²⁶ Грязнов М.П. Указ. соч. Рис. 11.-8; Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Указ. соч. С. 32-33. Рис. 6.-21-28; Итина М.А. Указ. соч. Табл. 4; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Указ. соч. С. 70; Таиров А.Д. Указ. соч. Рис. 42.-10; Козенкова В.И. Указ. соч. Табл. II.-24; Таиров А.Д. Указ. соч. Рис. 5.-1-13; Марсадолов Л.С. Указ. соч. С. 21, Табл. 1; Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 6.-Л-17, О-19; Молодин В.И., Парцингер Г. Хронология памятника Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 72.
- ²⁷ Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XLIV.-31; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Указ. соч. С. 81. Рис. 60.-11-12; Козенкова В.И. Указ. соч. Табл. III.-Ж1-2, К2-3; Марсадолов Л.С. Указ. соч. С. 21. Табл. 1; Чугунов К.В. 2000. Указ. соч. Рис. 3.-4.
- ²⁸ Итина М.А. Указ. соч. Табл. 4.-1; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Указ. соч. С. 70. Рис. 47.-1, 3, 4-5; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Указ. соч. С. 81. Рис. 58. Рис. 60.-8, 10; Марсадолов Л.С. Указ. соч. С. 21. Табл. 1; Таиров А.Д. Указ. соч. С. 228. Рис. 5.-15-18; Чугунов К.В. 2000. Указ. соч. Рис. 3.-6, 8.
- ²⁹ Итина М.А. Указ. соч. Табл. 4.-1; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Указ. соч. С. 70. Рис. 47.-6; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Указ. соч. С. 81. Рис. 60.-9; Марсадолов Л.С. Указ. соч. С. 21. Табл. 1; Чугунов К.В. 2000. Указ. соч. Рис. 3.-6. Рис. 3.-2; 2011. Указ. соч. С. 331. Рис. 29.
- ³⁰ Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XLIV.-84; Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Указ. соч. С. 32-33. Рис. 6.-15; Итина А.М., Указ. соч. Табл. 4.-2; Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. Рис. 69.-3; Кулемзин А.М. Указ. соч. Рис. 1.-4; Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 6-9; Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 13-23. Рис. 16Б.-59-61. Рис. 21Б.-43, 45, 47, 49; Яблонский Л.Т. Указ. соч. Рис. 45.
- ³¹ Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 6.-И-7, О-22. Табл. 7.-Г-5-6, М-3; Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 12.-Ж-4. Рис. 13.-Д. Рис. 14.-В1-8. Рис. 29.-Б4-5.
- ³² Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 12.-Ж-4. Рис. 13.-Д. Рис. 14.-В1-8. Рис. 29.-Б4-5.
- ³³ Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XLIV.-1, 20; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Указ. соч. Рис. 60.-12.
- ³⁴ Итина М.А., Яблонский Л.Т. Указ. соч. Рис. 43.-39-40.
- ³⁵ Козенкова В.И. Указ. соч. Табл. II.-21; Чугунов К.В. 2011. Указ. соч. С. 331.
- ³⁶ Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 21.

- ³⁷ Итина М.А., Яблонский Л.Т. Указ. соч. Рис. 12.-3; Медведская И.Н. Указ. соч. С. 33.
- ³⁸ Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XLIII.-26–27, 78; Медведская И.Н. Указ. соч. Рис. 1.
- ³⁹ Горелик М.В. Указ. соч. Табл. XLIII.-328–346; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Указ. соч. Рис. 31.-13. Рис. 52.-3–5; Литвинский Б.А. Указ. соч. С. 68–77; Чугунов К.Ф. 2011. Указ. соч. Рис. 29.
- ⁴⁰ Кубарев В.Д., Шульга П.И. Указ. соч. Рис. 69.-1–2, 7–8, 21.
- ⁴¹ Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 22.-A18.
- ⁴² Итина М.А., Яблонский Л.Т. Указ. соч. Рис. 11.-3. 14.-15–18; Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 22.-A17; Таиров А.Д. Указ. соч. рис. 2.-9–10, 12, 15, 21–22; Чугунов К.В. 2000. Указ. соч. С. 227; 2011. Указ. соч. Рис. 29.-M25-1-4, 8;
- ⁴³ Чугунов К.В. Артан-2. Реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // Российский археологический ежегодник. СПб., 2011. № 1. Рис. 29.-Кл.2а-1.
- ⁴⁴ Итина М.А., Яблонский Л.Т. Указ. соч. Рис. 5.-23–30. Рис. 14.-15–18, 24, 26. Рис. 25.-2, 12. Рис. 31.-2, 4, 8, 12. Рис. 47.-7. Рис. 52.-3–5.
- ⁴⁵ Чугунов К.В. 2000. Указ. соч. Рис. 1.-III3–4, 6, 8. Рис. 2.-1–7, III1, IV1–2.
- ⁴⁶ Таиров А.Д. Указ. соч. Рис. 5.-23–33, 45.
- ⁴⁷ Итина М.А. Указ. соч. Табл. 4.-1; Смирнов К.Ф. Указ. соч. Табл. 22.-A18.
- ⁴⁸ Чугунов К.В. 2011. Указ. соч. Рис. 29.-M25-1-5.
- ⁴⁹ Итина М.А., Яблонский Л.Т. Указ. соч. Рис. 31.-7; Чугунов К.В. Указ. соч. С. 227.
- ⁵⁰ Чугунов К.В. 2011. Указ. соч. Рис. 1.-I-1.
- ⁵¹ Литвинский Б.А. Указ. соч. С. 81, 119; Медведская И.Н. Указ. соч. С. 26; Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 1.-25–27; Смирнов К.Ф. Указ. соч. С. 66.
- ⁵² Чугунов К.В. 2011. Указ. соч. С. 331.
- ⁵³ Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 1.-B25–27; Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 14.-V1.
- ⁵⁴ Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010. Рис. 67.
- ⁵⁵ Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 6.-Д4, M1–2, N1–4; Симоненко А.В. Указ. соч. Рис. 67.
- ⁵⁶ Смирнов К.В. Указ. соч. Рис. 22.-A6, 13. Рис. 24.-A54.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Медведская И.Н. Указ. соч. С. 26.
- ⁵⁹ Литвинский Б.А. Указ. соч. С. 99; Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. Табл. 122.-65–67; Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 17.-Г; Чугунов К.В. 2000. Указ. соч. Рис. 29.
- ⁶⁰ Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 6.-M1–2, N1–4, O14; табл. 8.-П4–5, P3.
- ⁶¹ Мелюкова А.И. Указ. соч. Табл. 8.-П6, C2; Могильников В.А. Указ. соч. Табл. 122.-65–67; Смирнов К.Ф. Указ. соч. Рис. 17.-Г.
- ⁶² Литвинский Б.А. Указ. соч. С. 93.
- ⁶³ Ковригин А.А. Хронология погребений // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург, 1997. С. 65; Корякова Л.Н., Булдашев В.А., Потро Ж.-П. Описание курганов и погребений // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург, 1997. Рис. 13.-1–5.
- ⁶⁴ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. Рис. 8.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. СПб., 1996. Табл. 22.-5–6; Корякова Л.Н., Булдашев В.А., Потро Ж.-П. Указ. соч. Рис. 9.-5; Литвинский Б.А. Указ. соч. Табл. 27.-9–12; Мелюкова А.И., Указ. соч. Табл. 8.-П4–5, Р3, С1; Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004. Рис. 16–18; Симоненко А.В. Указ. соч. Рис. 67.-7–18; Хазанов А.М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб., 2008. Рис. 23.-1–4, 10–15.

⁶⁷ Корякова Л.Н., Булдашев В.А., Потро Ж.-П. Указ. соч. Рис. 2.-3–5. Рис. 9.-5. Хазанов А.М. Указ. соч. Рис. 23.-4–9, 20–24; рис. 24.-6.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Корякова Л.Н., Булдашев В.А., Потро Ж.-П. Указ. соч. Рис. 9.-5.

А.Н. Лобин (Санкт-Петербург)

**НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ОРУДИЯХ
«ХОХОВСКОЙ ШКОЛЫ»
КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII ВЕКОВ**

ИЗУЧЕНИЕ АРТИЛЛЕРИИ до первой трети XVII в. сопряжено с рядом трудностей. Архив Пушечного/Пушкарского приказа до 1626 г. погиб в пожарах XVII–XIX вв., сохранились лишь разбросанные по разным архивным собраниям отдельные документы, которые практически ничего не сообщают о масштабах производства артиллерии к концу XVI – началу XVII вв. Помимо скудной источниковой базы существует еще одна проблема – слабая степень изученности материальных памятников артиллерии¹. Те результаты технико-технологических исследований, которые были проведены в советское время, практически не известны широкому кругу историков, так как они либо вообще не были опубликованы, либо же увидели свет в малотиражных изданиях. Поэтому неудивительно, что об артиллерии XVI–XVII вв. и поныне существует огромное число мифов, кочующих из книги в книгу².

Наибольшее число заблуждений собрано вокруг знаменитой Царь-пушки, несмотря на то, что многие вопросы, связанные с ее производством и особенностями, удалось снять еще в 1980-х гг., когда орудие было отправлено на реставрацию. Исследование ствола проводила группа специалистов под руководством М.Е. Портнова, в качестве технического консультанта был приглашен инженер Г.М. Захариков. Результаты были опубликованы М.Г. Захариковым в 1984 г.³ Кроме этого орудие изучали специалисты научно-исследовательского отдела Артиллерийской академии им. Дзержинского. Отчет под названием «Научные исследования и опытно-производственные работы по реставрации, восстановлению и

сохранению Царь-пушки» так и не был опубликован⁴, поэтому имеет смысл привести некоторые выдержки из него.

Все специалисты пришли к единому мнению: из орудия не стреляли, оно так и не было доделано. Внутренняя часть ствола не зачищена после отливки, в нем имеются «наплывы высотой до 20 мм, неровности, горелая земля»⁵. Кроме этого М.Г. Захариковым отмечено: «Затравочное отверстие не просверлено, хотя и сделано при отливке начальное углубление диаметром около 10 мм в квадратном ограждении одинаковой высоты»⁶.

Исследование химического состава ствола проводилось в химико-аналитической лаборатории Гипроцветметобработки. Проба бралась на расстоянии около 1 м от дульного среза. Анализ показал, что на 91,6 % металл состоит из меди, на 6,10 % из олова. Содержание легирующих элементов в процентном отношении: свинец 0,84, цинк 0,053, никель 0,12, сурьма 0,42, мышьяк 0,34. Примеси (в %): железо 0,010, висмут 0,035, алюминий менее 0,05, марганец менее 0,05, магний менее 0,001, кобальт менее 0,005, следы серебра. Вывод специалистов о составе бронзы Царь-пушки таков: «Рассмотрение данных, представленных в таблице, показывает, что ствол изготовлен из оловянистой бронзы, с небольшим количеством других легирующих элементов (менее 2 %) и примесей (менее 0,1 %). Известно, что бронза такого состава обладает хорошими литейными свойствами (высокая жидкотекучесть, небольшая усадка), высокой коррозионной стойкостью и способностью образовывать на поверхности в атмосферных условиях естественную патину с хорошими защитными и декоративными свойствами»⁷.

По всем расчетам Царь-пушка могла выдержать стрельбу гигантскими каменными ядрами (1000 кг ядро и заряд пороха 117,8 кг по расчетам специалистов из Артиллерийской академии им. Дзержинского или ядро в 750 кг с массой порохового заряда 84 кг по расчетам М.Г. Захарикова)⁸.

Современный исследователь С.Н. Богатырев справедливо полагает, что Царь-пушка была создана в демонстративных целях для укрепления позиций Федора Ивановича (и естественно Бориса Годунова) в период волнений в Москве после смерти Ивана. Также большую роль играл и дипломатический фактор, поскольку в Речи Посполитой царя Федора не считали серьезным правителем, а пушка, находившаяся на виду у всех посольств, въезжавших в Кремль, должна была продемонстрировать воинственность

сына Ивана Грозного и показать его величие⁹. Царь-пушка являлась последним представителем типа осадных орудий XV–XVI в. – бомбард.

Период 1580–1620-х гг. занимает особое место в истории отечественной артиллерии. С одной стороны, практически не сохранилось документов о производстве артиллерии в конце XVI – начале XVII вв. Но с другой стороны, именно от этого времени до нас дошло больше всего образцов тяжелого артиллерийского вооружения – ни один период истории русской артиллерии вплоть до XVIII в. не может похвастаться таким количеством сохранившихся высокохудожественных орудий. Причем все образцы можно отнести к литейной школе Андрея Чохова – знаменитого пушечного и колокольного мастера¹⁰. Ныне материальные памятники можно увидеть в собраниях ВИМАИВиВС и Московского Кремля. Введение в научный оборот новых материалов поможет расширить наши познания о производстве артиллерии в указанный период.

Одним из уникальных изобразительных источников является альбом с рисунками трофейных орудий, выполненный шведским художником Я.Ф. Фелоттом (Jacob Philip Thelott 1682–1750)¹¹. Работа по фиксации захваченных пушек была начата в 1706 г. Рисунки даны без какого-либо описания орудий или дополнительной информации об их калибре и характеристиках. В то же время, все элементы декора и надписи на стволах воспроизведены достаточно точно, что позволяет атрибутировать многие орудия. Рисунки, подобно фотографиям, запечатлели трофейный артиллерийский парк, доставшийся шведам. Альбом доносит до исследователей изображения тех орудий, которые не сохранились до наших дней. Несмотря на то, что рисунки передают внешний вид и орнаментальное оформление ствола, все же работа с таким ценным иконографическим источником вызывает определенные сложности. Во-первых, на чертежах отсутствуют какие-либо пояснения, указание на калибры и длину, а также нарушены пропорции. Во-вторых, часто нарушаются пропорции: на одном листе могут «сосуществовать» 3-фунтовая полковая пушка и 48-фунтовая «картауна» совершенно одинаковых размеров, несмотря на то, что в реальности первая в несколько раз меньше второй¹². Поэтому данные о параметрах изображенных орудий приходится искать в описях артиллерии Смоленска (1671), Новгорода (1680-е), Пскова (1699) и

Москвы (1695) – в основном именно из этих крепостей в начальный период Северной войны была отобрана артиллерия, впоследствии попавшая в руки шведов. В-третьих, несмотря на старательность Фелотта, пытавшегося воспроизвести незнакомую ему русскую вязь, художником допущены ошибки и неточности, часто путаются буквы А и Я, Г и I, И и Н, П и Ш, Т и П и т. д. В случаях, когда швед вообще не смог разобрать буквы, вязь передана в виде криптографических знаков, которые приходится расшифровывать путем сличения с описаниями орудий в русских источниках. Атрибуция рисунков Я.Фелотта позволяет получить представление о внешнем виде конкретных орудий, которые раньше были известны лишь по скудным описаниям в столбцах.

Сопоставив чертежи с другими данными документов XVII столетия, мы сможем реконструировать артиллерию, отлитую А. Чоховым и его учениками. Всего в двух альбомах удалось атрибутировать несколько орудий «чоховской школы» конца XVI – начала XVII вв. Поистине уникальными можно назвать изображения больших «проломных» орудий¹³.

1. Пицаль «Лисица» (рис. 1). Изображение чоховской пицали 1575 г. приведено в первом томе альбома на л. 65 среди рисунков трофеев, захваченных под Кокенгаузеном в 1701 г. В смоленской описи 1670-х гг. она значилась в Лучинской башне в верхнем бою: «...пицаль медная русского литья, прозвание ей «Лисица», в станку на колесах, ядром 12 гривенок, длина 5 аршин без двух вершков; старого смоленского наряду; на ней вылит орел двуглавый, на верху три травы, на ней же две личины звериные, у казны, и подле личин, и у дула травы, у дула же вылита лисица, ниже уха подпись русским письмом: «...делана сия пицаль Лисица в лето семь тысяч восемьдесят третьье, делал Андрей Чехов», назади, за казною, вылито шесть рпешев»¹⁴.

Судя по фиксации Фелотта, на дульном фризе орудия находился декор в виде десяти цветков-шестилистников, а справа

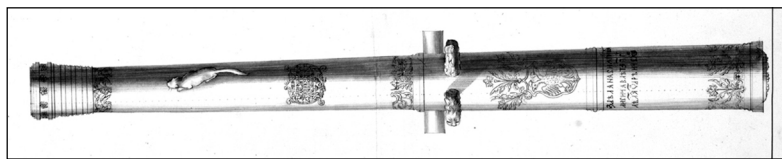

Рис. 1. Пицаль «Лисица» А. Чохова 1575 г.

возле жерла – вылитая фигурка лисицы. Такой прием отливать справа на дульной части фигурки стал характерным для многих произведений «чоховской школы» (например, у пищалей «Скоропея», «Соловей», «Царь Ахиллес»). На средней части присутствует декор в виде трав и антропоморфных существ, а на казенной части – изображения государственного орла и надпись: «Зделана сия пищаль Лисица в лето 7083 делал Ондреи Чохов»¹⁵. У торельного фриза справа и слева от запального отверстия орнамент в виде васильков. Запал без крышки в виде прямоугольной раковины, дельфины отсутствовали. В 1730-х гг. пущена на переплавку шведами.

2. Пищаль «Инрог» (рис. 2). Знаменитое чоховское 68-фунтовое орудие 1577 г. зарисовано Я. Фелоттом на листе 50 во второй части альбома¹⁶. Известно, что сразу после отливки «Инрог» участвовал в Ливонском походе Ивана Грозного. В 1634 г. под Смоленском был захвачен поляками и переправлен в Варшаву. Под именем «Jednorożcie» упоминается в 1649 г. составе трофейных орудий арсенала¹⁷. Позже пищаль была перевезена в Эльбинг. В 1703 г. захвачена войсками Карла XII. В 1723 г. привезена в Россию шведским купцом Я. Примом¹⁸. В настоящее время экспонируется в ВИМАИВиВС (Инв. № 9/122).

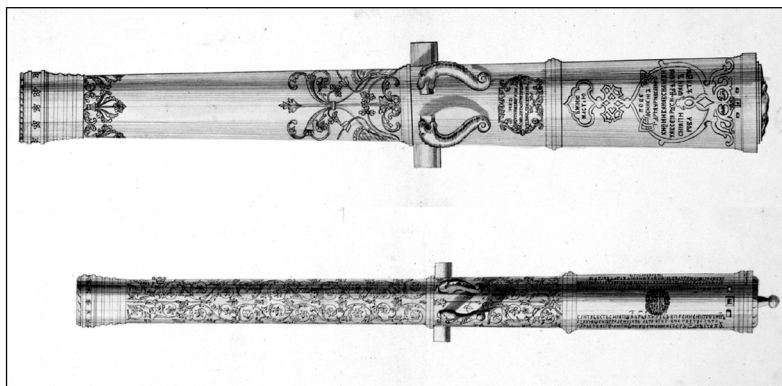

Рис. 2. Пищали «Инрог» 1577 г. и «Царь Ахиллес» 1618 г.

3. Пищаль «Соловей» (рис. 3). Чоховское орудие, известное нам по описям XVII в., зарисовано шведским художником на л. 5 первого тома альбома¹⁹. На дульном фризе у жерла видна надпись

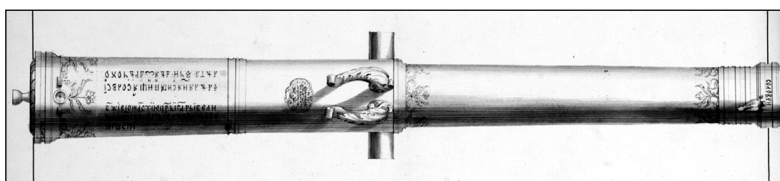

Рис. 3. Пищаль «Соловей» 1590 г.

«Соловей», а чуть правее от нее – вылитая фигурка соловья. Дульную, среднюю и казенную части украшают три декоративных пояска в виде васильков. Дельфины в виде мифических морских существ. На казенной части вдоль ствола с двух сторон надпись: «Божиею милостию царь, государь и великий князь Федор Иванович всея Руси / Зделана сия пищаль Соловей лета 7098 делал Ондрей Чохов». Запальное отверстие находится в круглой раковине.

Известно, что орудие до 1700 г. находилось во Пскове: «Да против тех же Варлаамских ворот в городе на земли пищаль большая медная, прозванием Соловей, на волоковом станку, мерою 6 аршин, <....> на ней же у казны и ушей и у дула травы, ушы с личинами, да у дула вылита птица, прозванием Соловей; да у казны ж и ушей и у дула обручи глаткие; к ней по кружалу на Казенном дворе в онбаре 200 ядр, весом по дватцати по пяти гривенок ядро»²⁰. В 1700 г. пищаль была захвачена под Нарвой войсками Карла XII²¹. Переплавлена шведами в 1730-х гг.

4. Пищаль «Медведь»²². 40-фунтовое орудие было отлито в 1589/1590 гг. чоховским учеником Семеном Дубининым. До 1699 г. «Медведь» находился на вооружении Пскова. В 1700 г. в составе «осадного наряда» пищаль отправлена под Нарву, где и была захвачена шведскими войсками²³. В 1720-х гг. перевезена в Россию. В настоящее время экспонируется в ВИМАИВиВС. Инв. № 9/124. Необходимо обратить внимание на то, что в настоящий момент у «Медведя» отсутствуют дельфины, но на рисунке Я. Фелотта видна отломанная только половина правого дельфина.

5. Пищаль «Лев»²⁴. Среди зарисованных нарвских трофеев шведов в первом томе альбома Фелотта на листе 7 зарисована пищаль «Лев», отлитая А. Чоховым в 1589/90 гг. До 1699 г. она находилась во Пскове, а затем переправлена под Нарву. В 1778 г. привезена в Петербург. В настоящее время экспонируется в ВИМАИВиВС. Инв. № 9/125.

6. Пищаль «Царь Ахиллес»²⁵ (рис. 2). Орудие отлито А. Чоховым в 1617 г. В фонде академика И.Х. Гамеля сохранились копия прихода-расходной книги Пушкарского приказа 1616–1617 гг., с упоминаниями работ по отливке большой пищали «Царь Ахиллес». Записи приходно-расходной книги Пушкарского приказа фиксируют покупки досок к «новой пищали Ахиллесовой к образцу» 1 сентября 1616 г.²⁶ Через 9 дней ярыгам, работавшим на Пушечном дворе, был выдан корм за то, что «делали пищали Ахиллеса к литейному делу, глину били». Все записи за сентябрь характеризуются тем, что работники делали «крепи», «сердечник», «полосы», «обручи» к новой пищали «Ахиллес»²⁷. Данные приходно-расходной книги 1616 г. позволяют проследить организацию производства крупного орудия на всех ступенях его изготовления: от выделки шаблонов для литья до окончательной отливки пушки. В конце октября 1616 г. на Пушечном дворе заработала литейная печь. Когда в ноябре пищаль была готова, для нее сделали специальные волоки и подъемные механизмы²⁸. Всего для отливки «Ахиллеса» было привлечено до полусотни человек. Вместе с «Инрогом» и другими крупными орудиями «Царь Ахиллес» в 1633 г. обстреливал укрепления Смоленска²⁹. В 1634 г. захвачен поляками и перевезен в Варшаву. Пищаль «Саг» (24 фунта) упоминается среди трофейных орудий варшавского арсенала 1649 г.³⁰

Дульная и средняя части ствола покрыты переплетающимися литыми стеблями с цветками – подобная орнаментика присутствует на чоховских «волках» 1577, 1579 и 1627 гг. Ближе к дульному срезу справа расположено литое изображение сидящего на троне «царя Ахиллеса». Запал расположен в квадратной раковине с крышкой.

7. Пищаль «Волк» (рис. 4). Известно, что Андреем Чоховым было отлито не менее трех пищалей с именем «Волк». Первый

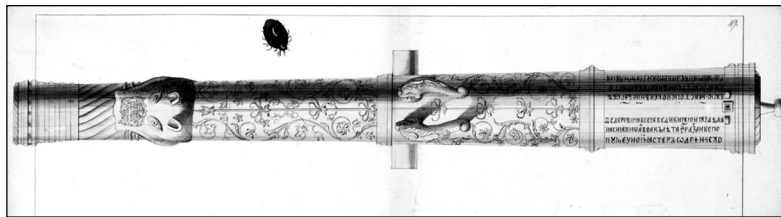

Рис. 4. Пищаль «Волк» А. Чохова 1627 г.

«Волк» был изготовлен к 1577 г. (калибр 40 фунтов, длина ствола 7 аршинов, «Божиею милостию Иван царь и великий князь, государь всея Руси», с левой стороны: «Пищаль Волк делан в лета 7085, делал Ондрей Чохов»). Он принимал участие в Ливонском походе Ивана Грозного, а в 1579 г. под Венденом был захвачен шведами, а затем переправлен в Швецию. В настоящее время хранится в замке Грипсгольм³¹.

В 1579 г. взамен утраченного Чохов отлил второго «Волка» точно такого же калибра (40 фунтов), чуть большей длины (7 аршинов 12 вершков) и с похожим декором. С правой стороны ствола на казенной части надпись: «Божиею милостию, повелением государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси», с левой стороны: «зделана сия пищаль Волк в лета 7087, делал Ондрей Чохов». В 1579–1581 гг. «Волк» находился на театре военных действий в Ливонии, в 1581 г. в Ивангороде захвачен войсками Понтуса Делагарди и переправлен в Швецию. В настоящее время хранится в замке Грипсгольм³².

Следующего «Волка» А. Чохов отлил только в 1627 г. В приходо-расходной книге Пушкарского приказа процессы производства орудия выражены в кратких фразах: «б человек у пищали Волка к образцам глину били», «ярыги... полосы наваривали к образцу пищали Волка» и т. д.³³ К концу 1627 г. «Волк» фактически был готов. Некоторые исследователи считают это орудие «лебединой песней» Андрея Чохова³⁴. В 1633 г. орудие в составе осадного наряда» армии М.Б. Шеина было перевезено под осажденный Смоленск, а после капитуляции попало в руки поляков. В договоре М.Б. Шеина с Владиславом IV перечисляется среди прочих «пищаль Волк, ядро пуд, в устье и у шеи раздуло»³⁵. Пищаль «Wilk» упоминается среди трофейных орудий варшавского арсенала 1649 г. (калибр указан в 54 фунта)³⁶. Затем орудие перевезли в Эльбинг, где оно и находилось до взятия города шведами в 1703 г. Переплавлено шведами в 1730-х гг.

Дульная часть «Волка», как и у его «братьев» 1577 и 1579 гг., выполнена с похожим орнаментальным решением в виде раскрытой пасти хищника, из которой торчит ствол в форме рельефной спирали. От волчьей головы до казенной части ствол украшен растительным орнаментом в виде переплетающихся стеблей и трав, как на пищали «Ахиллес». На казенной части, не имеющей растительного орнамента, вдоль ствола надпись с двух сторон: «Божиею

милостию повелением благовернаго и христоролюбиваго великого государя, царя и великого князя Михаила / Федоровича всея Великия Руси зделана сия пищаль Волк лета 7135 [лил пищаль] пушечной мастер Ондреи Чехов». Дельфины сделаны в виде мифических морских существ. Запальное отверстие в прямоугольной раковине с крышкой (крышка к 1703 г. была утрачена). Винград, в отличие от орудий 1577 и 1579 гг.³⁷, выполнен в виде гладкого набалдашника.

8. Полоторные пищали (рис. 5, 6). Помимо тяжелой крупнокалиберной артиллерии в конце XVI – начале XVII вв. на Пушечном дворе массово изготавливали «большие полоторные пищали» длиной 15 пядей (т. е. полтора десятка – отсюда название), массой в 44–50 пудов и калибром в 6 фунтов. Полоторные пищали отливались на Пушечном дворе с 1560-х по 1648 г. – конструктивные особенности этого типа орудий практически не менялись³⁸.

Среди рисунков трофеев, захваченных шведами в Кокенгаузене в 1701 г., мы находим изображения русских пищалей, которые были перевезены русскими в 1700 г. из Смоленска³⁹. На одной пищали изображен характерный для XVI в. двуглавый орел в щите, украшенный васильками. Точно такой декор был на пищали «Лишица». Следовательно, перед нами – изображение чоховского орудия. Я. Фелотт ошибочно воспроизвел русскую вязь в виде криптографических знаков, на рисунке читаются только группы букв «ШПИ», «УЧН», «НДР».

Из описи Смоленска 1670-х гг. историкам известны одни из первых пищалей 1560-х гг., отлитых «Кашпировым учеником» А. Чоховым⁴⁰. По характерным признакам находим нужную пищаль в описи XVII в.: «Другая пищаль медная ж, в станку на колесах, ядром 5⁴¹ гривенок, длина 4 аршина, старого Смоленского наряду. На ней орел двуглавый, наверху орла три травы, у казны травы ж, в травах подпись Русским письмом: «лета семь тысяч

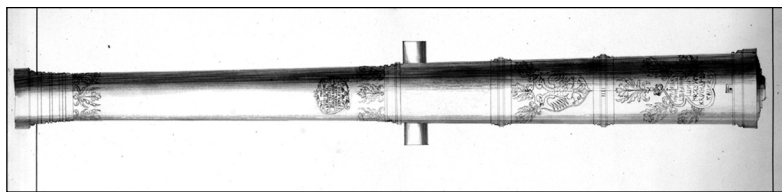

Рис. 5. Пищаль полоторная А. Чохова 1568 г.

семьдесят шестого году делал Кашпиров ученик Андреи Чохов»⁴². Дульная и средняя часть украшены вылитыми поясками из васильков. Три василька венчают изображение двуглавого орла в щите, а пять цветков – картуш с надписью (рис. 5).

В 1700 г. из Пскова и Новгорода было отобрано для Нарвского похода 17 полуторных пищалей⁴³. Фелотт не стал зарисовывать все 6-фунтовые орудия 1553–1590-х гг., а зафиксировал 12 стволов, среди которых пищали иностранных мастеров Якоба Вегеварта (1553), Богдана (1560-е гг.), Каспара Гануса, учителя Андрея Чохова (1568), а также орудия чоховских учеников (Р. Евсеева, К. Михайлова, С. Дубинина, Б. Федорова 1590-х гг.).

Ни одной 6-фунтовой пищали «чоховской» школы не сохранилось, но благодаря рисункам Я. Фелотта мы можем представить, как выглядели орудия, а именно: две пищали Семенки Дубинина⁴⁴, две пищали Богдана Федорова, две пищали, отлитые совместно Кондратием Михайловым и Б. Федоровым, и две пищали Русина Евсеева⁴⁵ (рис. 6). Судя по рисункам, на полуторных пищалях 1590-х гг. либо вообще отсутствовал орнамент, либо присутствовали только три декоративных пояска с травами и цветами. Надписи у всех пищалей располагались на казенной части ствола.

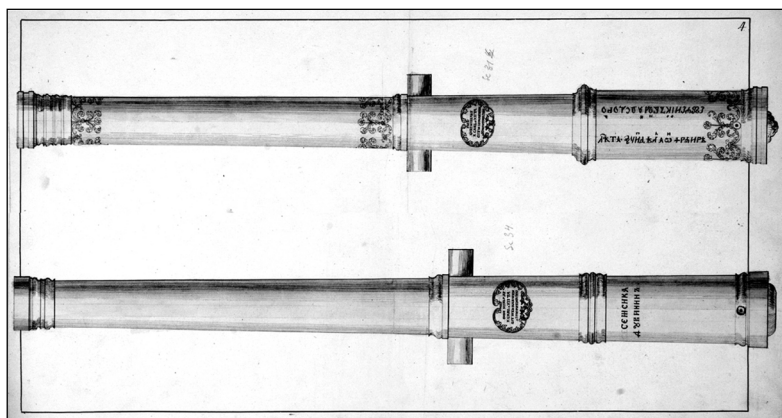

Рис. 6. Пищали полуторные Б. Федорова и С. Дубинина 1590-е гг.

Помимо рисунков Я. Фелотта нами обнаружены некоторые сведения о полуторных пищалях «чоховской школы». Все данные мы свели в таблицу.

Полуторные пищали 1586–1594 гг.⁴⁶

№ п/п	Калибр	Длина ствола	Дополнительные сведения
1	6	4 аршина без 1½ вершка	«Лета 7098 делал сию пищаль полуторную литец Русин Евсеев»
2	6	4 аршина без ½ вершка	«Лета 7098 делал сию пищаль полуторную литец Русин Евсеев»
3	6	4 аршина	«Лета 7098 делал сию пищаль полуторную литец Русин Евсеев»
4	6	4 аршина	«Лита в 98-м году, лил мастер Андреев ученик Богдан Федоров» (Band 1. Fol. 4)
5	6	4 аршина	«Лета 7098 делал сию пищаль полуторную литец Русин Евсеев»
6	6	4 аршина без ½ вершка	«Лета 7098 делал сию пищаль полуторную литец Русин Евсеев»
7	6	4 аршина	«лита в 7094-м году, лил мастер Кашир» ⁴⁷
8	6	4 аршина	«Семенка Дубинин»
9	6	4 аршина	«Семенка Дубинин»
10	6	4 аршина	«пищаль Левик, лита в 7098-м году, лил Андреев ученик Кондратей Михайлов»
11	6	4 аршина	«лита в 98-м году, лили мастера, Андреевы ученики Чехова, Богдан Федоров да Кондратей Михайлов»
12	6	4 аршина	«лита в 98-м году, лили мастера, Андреевы ученики Чехова, Богдан Федоров да Кондратей Михайлов»
13	6	4 аршина с вершком	«лета 7100, делал Андрей», масса 47 пуд. 20 фунтов
14	7	4 аршина 2 вершка	Пищаль «Девница», масса 47 пудов 20 фунтов, «“лита во 102 году Андреев ученик Федор Савельев”, признаки на ней отлитые лики человеческия» ⁴⁸
15	7	4 аршина с ½ вершком	«На ней указаны посередь у дула травы, у казны же подпись русским писмом: “Лета семь тысяч сто второго делал Андреев ученик Федор Савельев”... на ней же посередь звериные две головы, позади же за казною звериная же голова. Весу 50 пудов»
16	6	4 аршина	2 орудия 1608 г. весом 54–57 пуд стояли в 1695 г. в Москве у Яузских ворот и в Александровской башне
17	6	4 аршина	В 1618 г. А. Чоховым с учениками отлиты 5 пищалей

№ п/п	Калибр	Длина ствола	Дополнительные сведения
18	6	4 аршина	3 орудия 1623 г. весом 52–56 пудов в 1695 г. хранились в Москве на Мстиславском дворе и у Никитских ворот
19	6	4 аршина	2 орудия 1628/1629 гг. хранились в 1695 г. на Пушечном дворе

Как видно из таблицы, нами выявлено 19 случаев однотипного производства полуторных пищалей «чоховской школы». По-видимому, мастера лили орудия партиями сразу по несколько штук. Например, в описи Пскова и в альбоме Я. Фелотта упоминаются несколько одинаковых орудий мастера Русина Евсева, отлитых в 1590 г. Можно констатировать, что в период 1586–1594 гг. отливались однотипные орудия (калибр 6 фунтов⁴⁹, длина «полтора десятка пядей» или около 4 аршинов), различающиеся между собой наличием или отсутствием украшений, пространных надписей и т. д.

Абсолютно на всех трофейных орудиях, как крупных, так и мелких, шведами были вычеканены увенчанные тремя коронами картуши с надписями, указывавшие на место, где было захвачено то или иное орудие. Например, надпись «Med guds Hielp af kon. Carl d XII tagit med Narwen d 20 Nov 1700» была нанесена на стволы «Соловья», «Льва», «Медведя» и полуторных пищалей 1590-х гг. Слова «Med guds Hielp konung Carl den XII tagit med fastingen Kokenhusen den 11 Juli 1701» имелись на «Лисице» и полуторной пищали 1568 г. Надпись «Med guds hielp af kon. Carl D.XII tagit med staden Elbing d.3 decemb.1703» была нанесена на «Инрог» и «Волк».

Таким образом, описи орудий XVII в. и альбом рисунков трофейных орудий Якоба Фелотта являются уникальными источниками, помогающими воссоздать характерные признаки и конструкционные особенности утраченных навсегда орудий. В дальнейшем они могут стать бесценным материалом в создании чертежей и виртуальных 3-D моделей орудий, которые существенно дополнят наши знания об артиллерии XVI–XVII вв.

⁴⁹ О памятниках литейного искусства см.: Маковская Л.К. Артиллерийские орудия XV–XVII вв. – памятники культуры Московской Руси // Victoria. Gloria. Fata: Материалы Международной конференции, посвященной 300-летию ВИМАИВиВС. Ч. 4. СПб., 2003. С. 52–70.

² В качестве примера можно указать на недавно вышедшую книгу А.Б. Широкограда, в которой собрано огромное количество ошибок, несуразностей, собственных фантазий, плагиата и проч. (Широкоград А.Б. Артиллерия Древней Руси. От бомбарды до единорога. М., 2013).

³ Захариков Г.М. О боевом назначении Царь-пушки // Памятники науки и техники. Сборник Института истории естествознания и техники Академии наук СССР. М., 1984. С. 31–45.

⁴ Научные исследования и опытно-производственные работы по реставрации, восстановлению и сохранению Царь-пушки // Отдел рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1982. Д. 167. Большую признательность выражаю с.н.с. Оружейной палаты канд. ист. наук А.Н. Чубинскому за указание на материалы.

⁵ Научные исследования и опытно-производственные работы по реставрации... Л. 28; Захариков Г.М. О боевом назначении Царь-пушки. С. 44.

⁶ Захариков Г.М. О боевом назначении Царь-пушки. С. 31.

⁷ Научные исследования и опытно-производственные работы по реставрации... Л. 44.

⁸ Там же. Л.33–34; Захариков Г.М. О боевом назначении Царь-пушки. С. 35.

⁹ Bogatyrev S. Bronze Tsars: Ivan the Terrible and Fedor Ivanovich in the Décor of Early Modern Guns // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 88. Nos. 1/2. January/April 2010. P. 66–67.

¹⁰ Интересные данные о деятельности мастеров на Пушечном дворе в свое время были найдены А.П. Лебедевской (Лебедевская А.П. Пушкарский приказ. Дисс... канд. ист. наук Л., 1949), Н.Н. Рубцовым (Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Ч. 1. М., 1962) и Е.Л. Немировским (Немировский Е.Л. Андрей Чохов (около 1545–1629). М., 1982).

¹¹ Thelott P.J. Ritningar uppe de af den Stormacktigste Konung, Konung Carl den XII under det med Rysland, Sachsen och Pehlen fur de kriget med Guids hielp och segerrika wapn se wid fastningars intagande som uti battallier, erofrade tropheen ahren 1700, 1707 och 1702 // *Armémuseum. Thelott XXX*. AM 5378 (Band 1), AM 5373 (Band 2). Далее – Thelott. Выражаю признательность В.С. Великанову и сотрудникам Военного музея в Стокгольме за возможность ознакомиться с рисунками.

¹² Thelott. Band 1. Fol. 14.

¹³ Поскольку некоторые пищали, зарисованные в альбоме Фелотта, сохранились до настоящего времени и экспонируются во дворе ВИМАИВиВС, то не имеет смысла описывать их. Мы подробно остановимся только на тех памятниках, которые были уничтожены в XVIII в.

¹⁴ Дополнения к Актам Историческим. СПб., 1853. Т. V. С. 308.

¹⁵ Thelott. Band 1. Fol. 65.

¹⁶ Ibid. Band 2. Fol. 50.

¹⁷ Nowak T. Warszawski arsenał artylerii koronnej w połowie XVII wieku // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. Warszawa, 1967. T. 13. Cz. 2. S. 113. Tab. 3.

¹⁸ Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г. Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961. С. 64–65.

¹⁹ Thelott. Band. 1. Fol. 5.

²⁰ Сборник Московского архива министерства Юстиции. М., 1914. Т. VI. С. 248.

²¹ Великанов В.С., Лобин А.Н. Русская артиллерия в Нарвском походе 1700 г. //

Военно-исторический журнал «Старый Цейхгауз». № 48 (4/2012). М., 2012. С. 3–10.

²² Thelott. Band 1. Fol. 9

²³ Великанов В.С., Лобин А.Н. Русская артиллерия в Нарвском походе 1700 г. С. 3–10.

²⁴ Thelott. Band 1. Fol. 7.

²⁵ Ibid. Band 2. Fol. 50.

²⁶ Научный архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Оп. 3. Кн. 27. Л. 307.

²⁷ Там же. Л. 307–327.

²⁸ Там же. Л. 356–364.

²⁹ ОР РНБ. Эрмитажное собрание. № 461. Л. 75 об. – 78 об.

³⁰ Nowak T. Warszawski arsenał artylerii koronnej w połowie XVII wieku // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. Warszawa, 1967. T. 13. Cz. 2. S. 113. Tab. 3.

³¹ Бобринский А.А. Грипгольмские пищали // Известия Императорской археологической комиссии. Пг., 1914. Вып. 53. С. 80–86.

³² Там же.

³³ Научный архив СПбИИ РАН. Ф.175 (И.Х. Гамеля). Оп. 3. Кн. 27. Л. 217, 232–233.

³⁴ Немировский Е.Л. Андрей Чохов. С. 92.

³⁵ Акты Археографической экспедиции. СПб., 1838.Т. III. С. 378. № 246.

³⁶ Nowak T. Warszawski arsenał artylerii koronnej w połowie XVII wieku. Т. 13. Cz. 2. S. 113. Tab. 3.

³⁷ У «волков» 1577 и 1579 гг. винград выполнен в виде волчьих голов, держащих в пасти шар.

³⁸ Лобин А.Н. 1) Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича (1613–1645) // Исследования по истории средневековой Руси: К 80–летию Юрия Георгиевича Алексеева. М. СПб., 2006. С.383–397; 2) Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. С. 104–158 <http://www.milhist.info/2012/12/15/lobin_1> (Последнее посещение 15.01.2014).

³⁹ Thelott. Band 1. Fol. 64.

⁴⁰ Немировский Е.Л. Андрей Чохов. С. 21.

⁴¹ Из-за неточности измерений калибра показан на 1 фунт меньше.

⁴² Жирным шрифтом выделены буквы, которые читаются на рисунке.

⁴³ Великанов В.С. Лобин А.Н. Русская артиллерия в Нарвском походе 1700 г. С. 7–9.

⁴⁴ Семен Дубинин – пушечный мастер, упоминается в 1590–1598 гг.

⁴⁵ Thelott. Band 1. Fol. 4, 10, 15, 31, 33.

⁴⁶ Таблица составлена на основании следующих источников: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Белгородского стола. Кн. 152. Л. 293–293 об.; Научный архив СПбИИ РАН. Ф. 175 (И.Х. Гамеля). Оп. 1. Д. 465; Оп. 3. Кн. 27. Л. 207; Забелин И.Е. Дополнения к Дворцовым разрядам. М., 1882. Ч. III. С. 140; Дополнения к Актам Историческим. СПб., 1853. Т. V. С. 296–374; Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1914. Т. VI. С. 231–254; Thelott. Band 1.

⁴⁷ Возможно, в описи допущена ошибка, поскольку мастер Кашпир (Ганусов),

учитель А. Чохова, работал в 1550–1560 гг., в других документах последнее упоминание о нем – 1568 г.

⁴⁸ В разрядной росписи неточность, указан: «Андреев ученик Савельева Федор» вместо «Андреев ученик Федор Савельев». (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Белгородского стола. Кн. 152. Л. 293–293 об.).

⁴⁹ Обозначенный у пицалей № 14 и 15 калибр в 7 фунтов, возможно, связан с неточностью измерений весового калибра. Например, масса № 13 и № 14 одинаковая, несмотря на то, что калибр отличается на 1 фунт.

В.Е. Лукин (Санкт-Петербург)

В РАБОТЕ ДЛЯ НЕГО БЫЛ ВЕСЬ СМЫСЛ ЖИЗНИ

В ФЕВРАЛЕ 1927 г. журнал «Известия Военно-технической академии РККА им. Дзержинского» опубликовал никем не подписанный некролог, в котором сообщалось, что «20 февраля прошлого года трагически покончил с собой, в припадке острого нервного расстройства, на 61 году жизни военный инженер-технолог Василий Михайлович Трофимов. Покойный был известным артиллеристом, глубоким исследователем вопросов внешней и внутренней баллистики, артиллерийской стрельбы и наук, с которыми тесно связано артиллерийское дело... В 1917 г. В.М. Трофимов организовал Комиссию особых артиллерийских опытов (преобразованную затем в Комиссию научных артиллерийских опытов) и стал ее председателем. На этом посту В.М. отдавал все свои силы поднятию технической мощи артиллерии Красной Армии на уровень современных весьма высоких требований... В.М. поражал всех своей энергией и неиссякаемым запасом оригинальных идей в области артиллерийских конструкций и научных артиллерийских исследований... Организация научно-исследовательской и конструкторской работы по проектированию новых предметов артиллерийского вооружения и по совершенствованию существующих систем составляла главную заботу и цель жизни покойного. Большой заслугой В.М. Трофимова является достигнутое им объединение научных сил, как военных, так и гражданских, благодаря которому артиллерийская наука обогатилась большим числом оригинальных научных трудов... Всю научную и практическую ценность трудов В.М. Трофимова для артиллерии Красной Армии установить в настоящее время еще не представляется возможным,

виду их обширности, глубины и разносторонности... До самых последних дней своей жизни В.М. Трофимов не прерывал работы и ушел от нее только тогда, когда почувствовал, что силы оставляют его и что нарушилось равновесие между его мыслями и возможностью их осуществления. В лице В.М. Трофимова наука и Красная Армия потеряли крупного, выдающегося деятеля и глубокого специалиста»¹.

О жизни, научной работе и трагической гибели Василия Михайловича Трофимова рассказывается в материале данной статьи.

Родился он 24 июля (4 августа) 1865 г. в городе Керчи в семье поручика, командира роты, выслужившегося из солдат во время Крымской войны 1853–1856 гг., участника обороны Севастополя. Мать В.М. Трофимова была крестьянка деревни Зайцево, Московской губернии².

В 1867 г. умер отец, и мать с сыновьями из Керчи вернулась на родину в подмосковное Зайцево. Жили они небогато. Из-за недостатка денежных средств пришлось сдавать комнаты внаем. Квартиранты в основном были учителя местных учебных заведений. Они обратили внимание на способного мальчика и помогли ему подготовиться к поступлению в кадетский корпус.

В десять лет Васю Трофимова как сына обер-офицера приняли в 4-й Московский кадетский корпус, в котором он проучился девять лет³.

В 1883 г. он поступил в Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, по окончании которого в 1886 г. был произведен в чин подпоручика и выпущен в 1-ю артиллерийскую бригаду, где и прослужил три года⁴.

В 1889 г. В.М. Трофимов поступил в Михайловскую артиллерийскую академию, которую окончил в 1892 г. первым по выпуску. При этом он не использовал возможность остаться в академии, чтобы подготовиться к ученому званию, а ушел на практическую работу на Главный артиллерийский полигон (ГАП), располагавшийся на Охтинском поле под Санкт-Петербургом, в районе Ржевки⁵.

В течение 25 лет В.М. Трофимов работал на Главном артиллерийском полигоне, а с 1910 по 1917 г. был еще и его начальником. Одновременно он являлся членом Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления, читал лекции в Михайловской артиллерийской академии и вел большую научно-исследовательскую работу.

Одним из первых В.М. Трофимов предложил проектирование артиллерийской системы в целом; успешно занимался разработкой вопросов внешней и внутренней баллистики, проектированием орудий и снарядов, составлением таблиц стрельбы; открыл закон рассеивания при дистанционной стрельбе, первым в мире сформулировал и исследовал проблему производительности артиллерии, занимался вопросами стрельбы на большие расстояния. Ему принадлежит ряд оригинальных трудов, имеющих актуальное значение и до сих пор являющихся ценным вкладом в отечественную артиллерийскую науку.

Работы В.М. Трофимова по усовершенствованию форм снарядов в целях увеличения дальности стрельбы успешно завершил Е.А. Беркалов. В результате этого были созданы снаряды дальнобойной формы, которые начали изготавливаться промышленностью и поступать на обеспечение артиллерийских частей Красной Армии с 1927 г.

Февральскую революцию генерал-лейтенант В.М. Трофимов встретил в должности начальника Главного артиллерийского полигона (ГАП).

Вот как о тех событиях вспоминал бывший заведующий гаражом ГАП Неофит Федорович Федоровых: «24 февраля 1917 г. поехали за деньгами в казначейство, транспорт остановился, на Литейном войска, оборона и взятие Арсенала. Я доложил Трофимову, что в Петрограде революция. Трофимов вызвал всех на общее собрание, артиллерийскую и охранную роты. Трофимов выступил и сказал, что назрело время, что монархизм отжил и наступит новый порядок. Он предложил выделить делегатов в Революционный комитет для связи. Савинов был выделен и с ним несколько человек. Усилили охрану [полигона]. Не допускали разоружения. Делегаты уехали в Петроград. На второй или третий день взяли понятых рабочих Порохового завода арестовать офицеров [полигона]. Этого не допустили. Реакционные офицеры исчезли. Инженерный и технический состав остался на своих местах. Кто-то пустил слух, что триста городских хотят захватить орудия полигона, но никаких городских не оказалось»⁶.

Затем был октябрьский переворот. И тот же Н.Ф. Федоровых далее вспоминает: «Я ездил с ним (Трофимовым. – В. Л.) в Смольный к Владимиру Ильичу Ленину. Были слухи, о том, что полигон [огнем своих орудий] может уничтожить Петроград. Трофимов

доложил Ленину, что полигон на стороне революции. Ленин сказал, что полигон будет сохранен как научная организация. Батарея из четырех орудий была направлена в Смольный»⁷.

В.М. Трофимов перешел на сторону советской власти и начал плодотворно работать.

Осенью 1918 г. он послал на утверждение советскому правительству проект создания специальной организации – Комиссии особых артиллерийских опытов (КОСАРТОП). Приказом начальника ГАУ № 1112 от 16 декабря 1918 г. в Петрограде такая комиссия была организована. Ее председателем и был назначен В.М. Трофимов. Расположилась КОСАРТОП по адресу ул. Госпитальная, д. 3.

К работе в комиссии он привлек видных ученых-артиллеристов из Артиллерийского комитета и конструкторских бюро артиллерийских заводов, таких как Г.А. Забудский, Г.П. Киснемский, С.А. Броунс, В.И. Рдултовский, А.А. Соколов, М.Ф. Розенберг, А.Т. Матюнин, Р.А. Дурляхов, В.А. Пашкевич, В.А. Микеладзе, А.Э. Керн; профессоров Артиллерийской академии С.Г. Петровича, Н.Ф. Дроздова, И.П. Граве, В.В. Мечникова, А.В. Сапожникова, И.А. Крылова; преподавателей О.Г. Филиппова и Ф.Ф. Лендера, а также и гражданских ученых, работавших в областях, соприкасавшихся с артиллерийскими науками: академиком А.Н. Крылова, П.П. Лазарева, В.Н. Игнатъева; профессоров Н.Е. Жуковского, С.А. Чаплыгина, Н.Н. Бухгольца, Н.П. Молчанова, В.П. Ветчинкина. Вместе с этим Трофимов привлекал и молодых ученых, выпускников Артиллерийской академии, проходивших в КОСАРТОП под его руководством научную школу и ставших впоследствии крупными военными специалистами, это были профессора Д.А. Вентцель, В.Е. Слухотский, Б.Н. Окунев, М.Е. Серебряков, преподаватель Артакадемии Б.Н. Вейнтрауб и инженер Н.А. Упорников.

В первую очередь КОСАРТОП занималась вопросами артиллерийской стрельбы на дальние расстояния или, как ее тогда называли, экстрадальнобойной стрельбой. Для этого требовалось разработать наилучшую конструкцию артиллерийского ствола и рядов, устойчивых в полете при высоких скоростях и с наименьшим сопротивлением. Порох должен был быть высокой прогрессивности. Одновременно ставилась задача добиться живучести ствола при стрельбе большими зарядами, и попутно должны были решаться смежные задачи.

В 1920 г. при КОСАРТОП было создано конструкторское бюро во главе с Ф.Ф. Лендером, артиллерийским конструктором первых русских зенитных орудий.

В КОСАРТОП занимались проектированием первых советских самоходных орудий, полковой и дивизионной пушек, проводили опыты с газодинамическими орудиями и минометами.

Профессор И.П. Граве, вспоминая о работе в комиссии, писал: «Период деятельности и работы КОСАРТОП с 1919 по 1926 гг. являлся периодом оживленной интенсивной работы, которая не может быть сопоставлена с каким-либо аналогичным периодом за годы, предшествовавшие войне 1914–1918 гг. Общее количество выполнявшихся тогда научно-исследовательских работ, затрагивавших почти все злободневные и важные артиллерийские вопросы теоретического характера, является исключительным»⁸.

23 сентября 1922 г. КОСАРТОП была включена в состав Главного артиллерийского полигона на правах отдела, в котором проверялись все теоретические положения и разработки комиссии. В опытно-механических мастерских полигона по чертежам Трофимова были изготовлены снаряды улучшенной формы с целью увеличения дальности полета. С целью проверки их полета на ГАП были проведены стрельбы по картонным щитам, расположенным перед стволом орудия на разных расстояниях. По форме полученных пробойн можно было судить о правильности полета снаряда.

Это были перечислены лишь основные работы, выполненные КОСАРТОП за период своего существования, на самом же деле их было значительно больше.

До сих пор в смерти Василия Михайловича Трофимова остается много неясного и загадочного. Существуют две версии его гибели. Первая, официальная – это самоубийство. Какие же причины могли привести В.М. Трофимова к самоубийству?

Одна из них такая. В 1920 г. Василий Михайлович пережил трагическую гибель своего единственного десятилетнего сына Васи, который у него на глазах утонул в пожарном пруду полигона, у дома, в котором они жили. Сам Трофимов плавать не умел и поэтому ничем сыну помочь не смог. Вспоминает его дочь Лидия Васильевна Башинская: «...Отец [это] переживал очень болезненно и еще больше уходил в работу, а когда не работал, то ходил взад и вперед по комнате, думая свою горькую думу – вина себя в гибели сына. Возможно, это сыграло роль и в его смерти...»⁹. Это, конечно,

могло послужить причиной самоубийства Трофимова, но со смерти сына прошло уже более пяти лет, а это немалый срок.

Другой причиной трагедии могла стать служебная деятельность Василия Михайловича. Старшая дочь Трофимова – Нина Васильевна Высоцкая вспоминала: «...Незадолго до гибели Трофимов вернулся из Москвы после доклада в Главном артиллерийском управлении о работе КОСАРТОП. У Василия Михайловича после этого было неприятное ощущение, что до него кто-то уже побывал в ГАУ с таким же докладом, в котором не с лучшей стороны отразил работу КОСАРТОП, оставив тем самым у командования ГАУ неблагоприятное впечатление о Трофимове как о руководителе»¹⁰.

Но и здесь не все так просто. В.М. Трофимов, из-за своего болезненного состояния, которое уже начало у него проявляться, оставил свою работу председателя КОСАРТОП в январе 1924 г., и все это время его замещал Е.А. Беркалов. В комиссии Василий Михайлович появлялся, видимо, эпизодически. И таким образом, незадолго до самоубийства он никак не мог быть в ГАУ с докладом о работе, проделанной КОСАРТОП.

Здесь нужно отметить и то, что за полгода до гибели В.М. Трофимова, летом 1925 г., Главный артиллерийский полигон и Морской артиллерийский полигон (МАП), находившийся там же, на Ржевке, посетил нарком по военным и морским делам М.Ф. Фрунзе. С ним В.М. Трофимов тогда встречался. Результатом этого визита стало объединение с 1 января 1926 г. двух полигонов в один. Начальником нового объединенного полигона был назначен бывший начальник МАП Е.А. Беркалов. Возможно это тоже каким-то образом повлияло на трагический уход из жизни Василия Михайловича.

Но вероятнее всего, причиной самоубийства В.М. Трофимова могло стать и его сильное физическое переутомление от работы. Он был уже не молод, недавно ему исполнилось 60 лет, пенсионный возраст, и работать становилось все труднее и труднее. Об этой версии говорит его дочь Л.В. Башинская: «...В работе для него был весь смысл жизни. Может быть, это было вызвано переутомлением. Он хотел отдохнуть, поехать в Кисловодск, но говорил, что это можно сделать только после окончания работы, а работа не получалась. Его угнетала мысль, что могут не поверить в то, что он не может и подумать, что он не хочет сделать эту работу. В то же время он говорил, что если он не может работать, то незачем жить»¹¹.

Далее у Лидии Васильевны была последняя встреча с отцом. На ней Василий Михайлович сказал ей, что «...мама будет обеспечена, я с сестрой «устроены», значит, он может уйти из жизни, «как Вася»¹². Далее Башинская продолжает: «Эту мысль он вынашивал долго, вспоминая мгновенную смерть сына. Я с сестрой старалась не оставлять его одного с его мыслями, но когда сестра уехала в Москву к мужу, а мой муж тоже уехал в командировку, папа сам купил мне билет и почти насильно усадил меня в поезд. Это было вечером. Он так прощался со мной, что я готова была выскочить на ходу из вагона. А утром на следующий день он ушел из дома и больше не вернулся. Потом в газете, в отделе происшествий была заметка, что какой-то мужчина прыгнул в воду с Литейного моста. Милиционер бросил ему спасательный круг. Он сначала схватился за него, но потом оттолкнул и скрылся под водой. На льду осталась галоша. Когда нашли папу, на одной ноге его не было галоши, а часы остановились так, что время его падения в воду соответствовало тому, которое было указано в газете. Нашли его только в июне у Сампсониевского моста, куда его унесло течением»¹³.

Я нашел газету с заметкой об этом происшествии. В ней некоторые моменты описываются не совсем так, как рассказывает Л.В. Башинская. Но обо всем по порядку.

В понедельник 22 февраля 1926 г. петроградская «Красная газета» в разделе «Что случилось за день» напечатала такое сообщение: «Самоубийство. Бросившись в полынью Невы, вблизи моста Равенства (Троицкий мост. – В. Л.), утонул неизвестный мужчина»¹⁴. Этим «неизвестным мужчиной», по всей видимости, и был В.М. Трофимов.

А может быть, и нет! И вот почему. Просмотрев более внимательно старые подшивки «Красной газеты», я обнаружил еще одну заметку о происшествии на Неве.

В понедельник 25 января 1926 г. «Красная газета» в колонке «Что случилось за день» под заголовком «Тайна Невы» сообщала: «Вчера прохожими было обращено внимание на следы крови на панели возле д. 2 по Перевозной улице на М. Охте. Следы вели к Неве. При осмотре кровь была обнаружена в 12 местах. На Неве возле проруби была найдена галоша, зимняя шапка военного образца и две пары перчаток. На Неву были вызваны пожарные, которые исследовали дно на месте преступления баграми и кошками, но обнаружить ничего не смогли. Сегодня на Неву будут спущены

водолазы»¹⁵. Вряд ли и водолазам удалось что-либо найти, течение Невы в этом месте очень сильное.

Заметки были похожи по содержанию, и в той и в другой погиб неизвестный мужчина. Но если одна была датирована 22 февраля, что было очень близко к дате гибели В.М. Трофимова, напечатанной в некрологе, – 20 февраля, то второе происшествие случилось на месяц раньше, а именно: 25 января 1926 г. Но зато во второй заметке, хоть даты и не совпадают, присутствует пресловутая галочка! Да и шапка военного образца тоже имеет самое прямое отношение к делу. Но какая же тогда из этих двух публикаций была про Трофимова? А может быть, его действительно убили, но кому тогда была выгодна его смерть? Здесь много неясного и запутанного. Взять хотя бы даты обоих происшествий, схожих между собой. В «Красной газете» это 25 января и 22 февраля, а в напечатанном через год некрологе – 20 февраля. Так какую же дату считать датой гибели В.М. Трофимова? Раз здесь имеет место быть такое несоответствие, то можно считать, что точная дата его смерти не была известна ни родственникам, ни тем, кто сочинял некролог, так как в момент гибели В.М. Трофимова никого из них рядом с ним не было. А это значит, что данное происшествие могло произойти не в феврале, а на месяц раньше, именно 25 января, и это значит, что Трофимова действительно могли убить. Но кто и за что, и какие имеются тому доказательства?

Это может показаться невероятным, но мне удалось найти косвенное подтверждение убийства В.М. Трофимова!

Выше я уже упоминал Н.Ф. Федоровых и его воспоминания, которые я обнаружил среди груды старых неразобранных бумаг в музее Ржевского полигона. Вот что в них говорилось про это: «Погиб Трофимов в 1924 г. (правильно в 1926 г. – *В.Л.*), был утоплен по пути в институт (имеется в виду КОСАРТОП. – *В.Л.*), перед этим к нему приходил англичанин, которого Трофимов прогнал»¹⁶. Если уже тогда, в 1926 г., об этом происшествии говорили как об убийстве, значит на то имелись основания. Кстати, родственники В.М. Трофимова не отвергают эту версию и сегодня.

Непонятно только, почему в 1926 г. версию об убийстве не отрабатывали следственные органы и почему не было проведено тщательное расследование по факту гибели крупного советского учебного артиллериста, каковым являлся В.М. Трофимов. Если в этом деле фигурировал какой-то англичанин, то почему со стороны

Объединенного государственного политического управления, пришедшего на смену ВЧК, была проявлена такая пассивность? Ведь здесь могла быть замешана английская разведка, которая занималась вербовкой советских специалистов такого уровня для выезда за границу.

А может быть, смерть известного артиллерийского конструктора была кому-то выгодна в рядах белой эмиграции, чтобы напомнить другим «бывшим», оставшимся в советской России, о том, что не стоит так ревностно служить большевикам, а то можно за это и жизнью поплатиться?

Сегодня вряд ли можно ответить на эти вопросы. И очень жаль, что уже никто и никогда не сможет точно установить причины и обстоятельства гибели В.М. Трофимова.

У Василия Михайловича Трофимова было трое детей. Дочь от первого брака Нина (1897–1970), а от второго брака с Лидией Антоновой, урожденной Погребняковой (1874–1943), дочь Лида (1905–1969) и сын Вася (1910–1920).

Что же это за человек был в жизни? Об этом оставила воспоминания младшая дочь В.М. Трофимова Лидия Васильевна Башинская. Вот ее рассказ: «Отец был очень добрым и отзывчивым и помогал всегда, если требовалась его помощь, но старался это делать через других. Не помню, чтобы он когда-либо на кого-нибудь кричал или бранился. В жизни отец был очень не практичен. Вся забота о доме, хозяйстве, детях лежала на маме – он предоставлял маме решать на свое усмотрение. Все, связанное с необходимостью устройства дома «приемов», делала также мама. Отец умел отделять главное от мелочей. Все повседневные заботы были для него «мелочами», о которых он не хотел думать и вмешиваться в них, главное же, принципиальное решал сам и был тверд в своих решениях. В гости отец ходил редко. Когда [в гости] приходили к нам, то от своих занятий он отрывался, только когда собирались к столу. Он любил пошутить и посмеяться, но все это в перерывах между работой. Отец любил детей. Находил время для игры с нами, рисовал картинки (животных или на военные темы), задавал решать задачи и очень любил шарады и ребусы. Во время мировой войны война также имела отражение в наших играх. Я с братом и его другом Сережей Бамоком были одной стороной, папа другой – вражеской. Мы долго готовились к его приходу с работы, строили линии обороны, устраивали засады, но папа всегда быстро что-нибудь

изобретал, что вмиг уничтожало все, с таким трудом приготовленное нами. (Однажды он двигал впереди себя кресло – «танк», который разрушил все наши укрепления.) Мы ждали всегда прихода папы с работы, и время с момента его прихода домой до того, как он садился за письменный стол, было посвящено нашим играм. Мы особенно любили, когда кроме нас, детей, и папы никого не было дома. У нас начинались игры, вся квартира становилась местом действий, воображение переносило нас на Кавказ, и на войну, и во всякие чудесные страны, превращая мебель в поезда или танки, фантазия не имела границ. Корабли и море в наших играх исключались. Отец не любил и боялся воды, как бы предчувствуя ее роковое значение в его жизни. Но как только звонок извещал нас о том, кто-то еще пришел в дом, папа немедленно уходил в свой кабинет, как будто бы он так и работал там все время. В доме у нас всегда было полно детей рабочих и служащих полигона и капсюльного завода. Мама ставила детские спектакли, занималась с детьми. После 18-го года на городской квартире у нас жили дети с полигона. Папа, встречая на улице детей, всегда находил для них какое-нибудь ласковое слово и носил для них в кармане конфеты. На полигоне он однажды, идя домой, встретил Андика и Вету Нелидовых (им было 3 и 8 лет). Потом Андик и Вета специально приходили в рощу, где встретили папу, и ждали, когда он пойдет. Через несколько дней папа привел их к нам домой. С тех пор они стали приходиться к нам, а потом и совсем остались в нашей семье. Папа всегда интересовался моими занятиями. И когда я окончила школу в 1921 году, папа давал мне делать математические вычисления. Отец мне всегда говорил, что правильно решенная задача должна иметь красивый ответ (красивую формулу). Обложки для его монографий также делала я. Письменный стол отца всегда был завален бумагами, книгами, казалось, в этом хаосе невозможно было разобраться. Папа же очень быстро находил все, что ему нужно, и строго запрещал нам что-нибудь трогать на столе и наводить порядок. При уборке комнаты стол являлся «запретной зоной», к которой нельзя было подходить. Однажды, учась уже в вузе, я попросила папу помочь мне в чем-то разобраться, так как у меня очень мало времени осталось на подготовку к экзамену, а я не могла понять материал. Папа мне отказал, говоря, что я должна дойти [до всего] самостоятельно, только тогда материал будет усвоен. За это я очень благодарна ему. Живя на полигоне, отец очень любил работать

в огороде, убирать сено. Но, работая лопатой, вдруг останавливался и начинал что-то чертить лопатой на земле. В городе иногда останавливался и на стенах домов писал формулы. Отец очень любил далекие прогулки. Мы ходили вместе проверять посты, смотреть строительство новых домов на Ржевке. Летом ходили за грибами. Отец любил музыку, театр. Когда что-нибудь хорошо получалось у него, начинал напевать. Любимой мелодией был вальс из балета «Спящая красавица». Художественную литературу папа не читал – не хватало времени. Техническую литературу читал также и на иностранных языках, но никогда не говорил на них, стеснялся своего произношения. Он очень прост был в обращении со всеми»¹⁷.

Похоронен Василий Михайлович Трофимов на Пороховском кладбище в Санкт-Петербурге, рядом могила его сына Васи.

В мае 2011 г. по инициативе командования и ветеранов Ржевского полигона, на здании штаба, в котором работал генерал-лейтенант В.М. Трофимов, была открыта памятная мемориальная доска, которая увековечивает его заслуги в истории отечественной артиллерии.

¹ Известия Военно-технической академии. 1926.

² Военно-исторический журнал. № 7, 1967. С. 110.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Федоровых Н.Ф. Воспоминания. Рукопись.

⁷ Там же.

⁸ «Известия Артиллерийской академии». Т. XXX. 1940.

⁹ Башинская Л.В. Воспоминания об отце. Рукопись.

¹⁰ Высоцкая Н.В. Воспоминания об отце. Рукопись.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Красная газета. 22 февраля 1926 г. № 46 (1050).

¹⁵ Красная газета. 25 января 1926 г. № 22 (1026).

¹⁶ Федоровых Н.Ф. Воспоминания. Рукопись.

¹⁷ Башинская Л.В. Воспоминания об отце. Рукопись.

Д.В. Лютик (Гродно, Республика Беларусь)

ВОЙСКА СВЯЗИ ГРОДНЕНСКОЙ КРЕПОСТИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К НАЧАЛУ Первой мировой войны военные телеграфисты и телефонисты не были выделены в отдельный род войск и подчинялись Главному инженерному управлению. Несмотря на это, их необходимость была признана всеми.

Любая крепость должна была иметь разветвленную телеграфно-телефонную сеть, связывающую все ее объекты в единый организм, а также мощную радиостанцию. Наличие этих компонентов было особенно важно во время боевых действий. Главная роль в организации этой работы отводилась войскам связи.

К крепостным войскам связи относились военно-телеграфные команды (роты, батальоны), военно-голубиные станции. Подчинялись войска связи инженерному управлению крепости. В их компетенцию входило обеспечение бесперебойной проводной связью артиллерийских батарей с крепостным артиллерийским управлением, связь штаба крепости со всеми укреплениями, связь между различными управлениями крепости. Кроме того, войска связи отвечали за связь крепости с полевыми войсками, другими крепостями и тылом.

В Гродненской крепости отдельные части, отвечающие за связь, появились не сразу, только после начала Первой мировой войны. Первым этапом, предшествующим их организации, стало устройство в строящейся крепости разветвленной телеграфно-телефонной сети. Заранее было запланировано, что каждое укрепление должно было быть связано со штабом крепости. Уже на этапе проектирования Гродненской крепости был создан первый проект крепостной телеграфно-телефонной сети. В конце

1912 г. при управлении строителя был создан отдельный 14-й участок. Его начальник отвечал за составление первого варианта крепостной телефонно-телеграфной сети. На должность производителя работ 14-го участка был назначен военный инженер капитан С.И. Соколов¹.

Одна из первых схем устройства телеграфно-телефонной сети была составлена военным инженером капитаном В.Г. Потресовым в том же 1912 г. Согласно этой схеме в Гродненской крепости планировалось устроить:

- центральную телеграфно-телефонную станцию;
- 16 конечных телеграфных станций на фортах первой линии;
- 7 конечных телеграфных станций на опорных пунктах второй линии;
- 32 телефонных конечных станции на опорных пунктах первой линии;
- 11 телефонных конечных станций на опорных пунктах второй линии.

Сеть должна была состоять из подземного кабеля, подводного кабеля и воздушных линий. Телеграфные и телефонные станции располагались в укреплениях (фортах, опорных пунктах). Центральную телеграфно-телефонную станцию крепости планировалось расположить на старом земляном форту № I за пределами города. После переработки проекта крепости изменения были внесены и в планируемую схему. Главные отличия заключались в

Станция беспроволочного телеграфа. 1913 г.

уменьшении количества фортов и опорных пунктов, а следовательно уменьшилось и количество телеграфных и телефонных станций.

После окончания планирования крепостной сети последовал этап ее создания. Он проходил одновременно со строительством укреплений будущей крепости. Первые телеграфные и телефонные станции размещались не в укреплениях, а в отдельных домах производителей работ на каждом из строительных участков. Эти станции связывали участки с управлением строителя. Уже в конце 1912 г. в Гродненской крепости была создана центральная телефонная станция управления строителя, начальником которой был назначен капитан Соколов².

Первая телефонная сеть Гродненской крепости была проложена при помощи кабелей, протянутых открытым воздушным путем. Такие кабели крепились на колышках, над поверхностью земли. Однако такой вариант был приемлем только для мирного периода. Впоследствии кабель должен был быть спрятан в землю. Для этого телефонный кабель прокладывался на глубине 2–3 м к каждому форту или другому укреплению. На последних 100 м перед укреплением глубина прокладки кабеля составляла уже 4 м. Кабель укладывали в специальных глиняных трубках³. Через определенное расстояние устраивались контрольные колодцы, через которые, в случае необходимости, можно было подключиться к крепостной сети. При прокладке кабеля через Неман был использован речной бронированный телеграфный кабель, поставленный в Гродно из Двинского местного инженерного склада. Эти работы не удалось полностью закончить до начала войны.

После начала Первой мировой войны в Гродненской крепости начали создаваться специальные воинские части, занимавшиеся обслуживанием телефонной сети. В конце июля 1914 г. была сформирована Гродненская отдельная крепостная телефонно-телеграфная команда. Она состояла из трех взводов. С сентября 1914 г. при телефонно-телеграфной команде была образована учебная команда. В октябре того же года в составе команды числилось около 500 человек⁴. В ее распоряжении находилось 8 лошадей.

Занятия в телефонно-телеграфной команде проводились по следующему расписанию⁵:

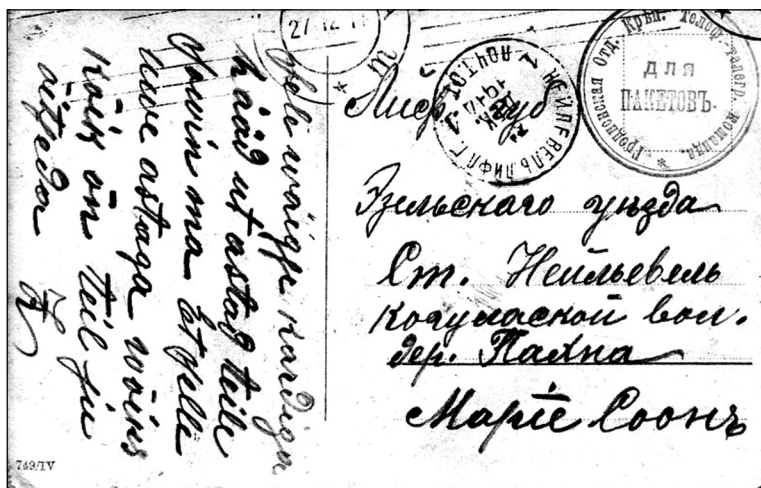
Понедельник – пятница	Гимнастика	С 8 до 9 ч
	Практическое изучение телефонного дела	С 9 до 10 ч
	Словесность	С 10 до 11 ч
	Ружейные приемы	С 11 до 12 ч
	Обед и отдых	С 12 до 15 ч
	Пеший строй	С 15 до 16 ч
	Теоретическое изучение телефонного дела	С 16 до 18 ч
Суббота	Гимнастика	С 8 до 9 ч
	Практическое изучение телефонного дела	С 9 до 10 ч
	Словесность	С 10 до 11 ч
	Ружейные приемы	С 11 до 12 ч
	Обед и отдых	С 12 до 15 ч
	Уборка помещений	С 15 до 16 ч
Воскресенье	Баня	С 16 до 18 ч
	Занятия не проводились	

Позднее, в 1915 г., кроме трех взводов в команде была дополнительно создана шестовая кабельная команда. В задачи крепостной телефонно-телеграфной команды входили: обслуживание телефонных станций, наблюдение за телефонными и телеграфными линиями, устранение обрывов⁶.

Начальником Гродненской крепостной телефонно-телеграфной команды стал корнет князь Вадим Николаевич Урусов⁷. Команда

Здание где в 1914–1915 гг. располагалась Гродненская крепостная телефонно-телеграфная команда. Фото 2008 г.

Письмо со штампом Гродненской отдельной крепостной телефонно-телеграфной команды. 1914 г.

расположилась в каменном двухэтажном здании по адресу: Дворцовая площадь, д. 9 (сейчас пл. Тизенгауза, д. 4, известный как «Кри-
вая официна»).

Вся созданная крепостная телеграфно-телефонная сеть для удобства была разделена на 5 отделов. Во главе каждого отдела был назначен офицер из состава телеграфно-телефонной команды. Офицерами команды числились:

- начальник команды – корнет князь Вадим Николаевич Урусов;

- адъютант команды – прапорщик Благовещенский (сентябрь 1914 г.), прапорщик легкой артиллерии Донат Васильевич Макаль⁸ (сентябрь 1914 – лето 1915 г.);

- командир 1-го взвода – прапорщик запаса Борис Дионисиевич Козловский⁹ (начальник 4-го отдела телефонной сети), прапорщик легкой артиллерии Антон Генрихович Кветневский (лето 1915 г.)¹⁰;

- командир 2-го взвода – прапорщик легкой артиллерии Иосиф Владиславович Вонсович¹¹ (начальник 3-го отдела телефонной сети);

- прапорщик легкой артиллерии Иван Деогенович Благовещенский (начальник 2-го отдела телефонной сети);

- прапорщик армейской пехоты Михаил Михайлович Левитский (начальник 5-го отдела телефонной сети);
- прапорщик легкой артиллерии Александр Шнель¹² (начальник 1-го отдела телефонной сети);
- заведующий хозяйством команды – прапорщик крепостной артиллерии Емельян Иванович Буслович¹³;
- при штабе крепости – прапорщик армейской пехоты Николай Янковский.

При телеграфно-телефонной команде был организован подрывной класс. Это подразделение находилось в ведении подполковника 97-й пешей Орловской дружины Государственного ополчения Орлова¹⁴. Здесь готовили подрывников. Класс находился в крепости до лета 1915 г.

Испытание крепостной сети было проведено военным инженером капитаном Соколовым 13 сентября (ст. ст.) 1914 г. Из центральной станции штаба крепости связь была успешно установлена со штабами отделов сети¹⁵.

В октябре 1914 г. управление строителя Гродненской крепости заключило договор с Обществом электрических оборудований графа А.К. Миончинского и инженера А.А. Держановского о передаче имущества Гродненской городской и загородной телефонной сети на правах аренды в распоряжение штаба крепости¹⁶. Таким образом, городская телефонная сеть была включена в Гродненскую крепостную телеграфно-телефонную сеть. Начальником крепостной сети был назначен подполковник инженерных войск Модест Иванович Горазеев¹⁷, его помощником стал штабс-капитан 2-го понтонного батальона Курковский¹⁸, заведующим имуществом телеграфно-телефонной сети стал прапорщик Павел Иванович Спейер¹⁹.

Интересно, что все служащие городской центральной телефонной станции также остались на своих должностях (в том числе и заведующая – Юзефа Мария Ксаверьевна Миончинская, и заведующая технической частью – Раина Викентьевна Левандовская). Здание телеграфно-телефонной станции располагалось в каменном здании по улице Полевой (современная ул. Карбышева, д. 3).

Для решения вопроса о радиосвязи, после начала войны, в Гродно была создана крепостная почтовая голубиная станция. С ноября 1914 г. она находилась в военном пригороде Фолюш.

Кроме голубиной станции в Гродненской крепости была создана радиостанция. В ее создании главную роль сыграл будущий ученый

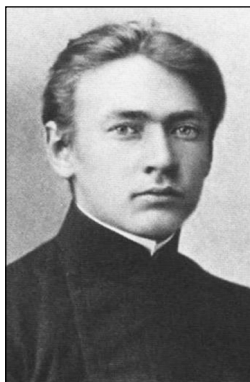

Гродно. Здание почтово-телеграфной конторы. Фото ок. 1901 г.

с мировым именем Владимир Козьмич Зворыкин²⁰. Закончив в 1912 г. Петербургский технологический институт, он продолжал учебу во Франции. После начала войны, бросив научную работу, вернулся в Россию и добровольцем поступил на воинскую службу. В сентябре 1914 г. он, с группой сослуживцев, случайно оказался в крепости Гродно. «Подразделения, в которое нас направили, на месте не оказалось, и ни один командующий не желал брать под свое начало группу из тридцати не нужных ему радиосвязистов, которых к тому же надо еще чем-то кормить... Когда, грязные и оборванные, мы понуро брели по одной из гродненских улиц, нас остановил офицер в погонах полковника инженерных войск (вероятнее всего речь идет о подполковнике

В.К. Зворыкин в форме
вольноопределяющегося РИА.
Фото 1915 г.

В.К. Зворькин.
Предвоенное фото

Горазеев. – *Д.Л.*), велел стать строем и принялся распекать за неопрятный внешний вид. Поняв, что его гневные тирады не находят должного отклика, полковник потребовал назвать нашу часть и имя старшего офицера. Унтер-офицер принялся отвечать, но быстро сбился, что привело полковника в еще большую ярость. Тогда в нарушение воинского устава в разговор вступил я. Увидев на моем кителе значок инженера, полковник заметно поумерил свой пыл и стал терпеливо слушать. Узнав, что мы прибыли на Восточный фронт на замену погибших радиоспециалистов энской дивизии (очевидно, расформированной после поражения), полковник воскликнул: «Ну, надо же! Мне вас сам Бог послал!» Оказалось, что на сортировочную станцию в Гродно прибыли вагоны с оборудованием для установки радиостанции, но нет специалистов, которые смогли бы наладить ее работу. «Если вы, рядовой, отыщете нужный состав, разгрузите оборудование и установите его завтра до полудня, я сделаю вас начальником радиостанции», – неожиданно заявил полковник... мы немедленно отправились на сортировочную станцию. Что-либо там найти было действительно непросто, но спустя несколько часов нам все-таки удалось обнаружить нужный состав. За это время унтер-офицер присмотрел на окраине города дом, во дворе которого удобно было расположить антенну. По приказу генштаба (имеется в виду штаб крепости. – *Д.Л.*) дом был немедленно реквизирован. Всю ночь кипела работа, и к утру мы не только подсоединили все необходимое оборудование, но даже вышли на связь с крепостью в Ковно в двухстах пятидесяти верстах от Гродно. (Конечно, радиограмма была незашифрованной, поскольку мы не знали кодов.) Я немедленно явился в генштаб доложить о завершении работы, но полковника там не обнаружил. Пришлось идти к нему на квартиру... Выслушав мой доклад, он сперва не поверил. Но когда я привел его в занятый нами дом, продемонстрировал работающую радиостанцию и снова связался с Ковно, полковник чуть не подпрыгнул от радости. Однако ликование его длилось недолго: он вдруг заметил, что я не пользуюсь шифром. «Вы знаете, что вам за это трибунал

полагается?!» – вскричал он. Я объяснил, что не могу посылать зашифрованные сообщения, поскольку не располагаю кодами. Кроме того, согласно уставу, мне как рядовому не полагается их знать. Остаток дня мы провели в генштабе в поисках выхода из создавшейся ситуации. Ведь кроме нас оборудование никто пользоваться не умел. В итоге было решено полностью изолировать нашу группу от остального мира, выставив вокруг радиостанции круглосуточные посты пехотинцев. Ответственность за коды возлагалась на пехотного капитана»²¹. Именно благодаря такому случаю, произошедшему в Гродненской крепости, сложилась дальнейшая судьба Зворыкина и начала работать радиостанция.

Вольноопределяющийся младший унтер-офицер Зворыкин был определен на службу в Гродненскую крепостную телефонно-телеграфную команду. Заведующим Гродненской радиостанцией был назначен капитан Николай Сергеевич Сухаржевский²².

Мощная станция делала крепость Гродно самостоятельной в оперативном смысле. Небольшой бензиновый двигатель обеспечивал станцию энергией. Позднее ее соединили с городской электростанцией. В январе 1915 г. для крепостной станции из г. Рига прибыли две динамо-машины²³. Два телеграфиста принимали и отправляли зашифрованные радиограммы. Зворыкин (к этому времени он получил чин прапорщика) занимался шифровкой и дешифровкой радиограмм. Со временем количество радиограмм настолько возросло, что станция перешла на круглосуточный режим работы. Она охранялась караулами, выставляемыми из состава гарнизона. Связисты не имели права покидать станцию без разрешения начальника караула. В мае 1915 г. прапорщика Зворыкина сменил прапорщик 80-го пехотного запасного батальона Алексей Флоровский²⁴.

Летом 1915 г. искровая станция была выделена в самостоятельную единицу и стала называться нештатная Гродненская крепостная

**Н. С. Сухаржевский –
заведующий
Гродненской крепостной
радиостанцией.
Фото после 1945 г.**

станция искрового телеграфа. Для нее был определен штат и командир, пользующийся правами, установленными для начальника станции. С 17 июня (ст. ст.) 1915 г. им стал капитан Сухаржевский. Помощником начальника станции был определен прапорщик Флоровский. В состав искровой станции из крепостной телефонно-телеграфной команды были переведены 10 унтер-офицеров, 2 ефрейтора и 9 рядовых²⁵.

К началу 1915 г. в Гродненской крепости устройство телеграфно-телефонной сети было закончено. Сеть связывала все укрепления, а также артиллерийские батареи и наблюдательные пункты.

Первое боевое испытание крепости пришлось выдержать в феврале 1915 г. В результате прорыва фронта 10-й армии германцы начали стремительно продвигаться к Неману. Вскоре немцам удалось занять ближайшие подступы к Гродненской крепости. Наличие телефонной и телеграфной связи позволило достаточно оперативно действовать крепостной артиллерии. Так, именно благодаря наличию телефонной связи начальник артиллерии I отдела обороны крепости капитан Михайлов смог оперативно сообщить командующему артиллерией крепости генералу Криштафовичу о появлении первых немецких разведов в лесу за м. Сопоцкин²⁶. Корректировка и управление огнем артиллерийских батарей также осуществлялось при помощи крепостной сети.

В период позиционной войны в районе Гродно (февраль – начало марта 1915 г.) среди русских войск достаточно широко распространились слухи о немецких шпионах. Иногда эти слухи приобретали комичную окраску. Служивший при искровой станции крепости младший унтер-офицер Зворыкин вспоминал: «Все – от простого солдата до высших чинов командного корпуса – искали в своем окружении немецких шпионов... нас (радиосвязистов. – Д.Л.) обязали выяснить, каким образом немцы получают подробнейшие сведения обо всем, что происходит в наших окопах. На передовой возле Гродно немцы поднимали над своими окопами плакаты, которые сообщали нашим бойцам, когда и какой командир поведет их в атаку, как скоро прибудет пополнение и чем их собираются кормить на обед. В войсках началась настоящая паника: ничем иным, кроме как шпионажем, объяснить такую осведомленность немцев солдаты не могли»²⁷. Благодаря работе искровой станции удалось установить, что русские и германские полевые телефонные линии проходили достаточно близко друг к другу.

Немцы просто перехватывали переговоры полковых телефонистов и использовали эту информацию для психологического давления на русские войска.

Также следует отметить, что благодаря работе крепостной искровой станции удалось прослушать радиотелеграммы германской радиостанции в г. Науэн (располагается недалеко от Берлина). Таким образом, штаб Гродненской крепости начал оперативно получать сводки германского генерального штаба.

За «особо ревностную службу и труды, понесенные во время боев» в феврале 1915 г. серебряными медалями с надписью «За Усердие» на Станиславской ленте были награждены гражданские служащие Гродненской телефонной станции во главе с заведующей графиней Юзефой Миончинской²⁸. Орденом Св. Станислава 3-й ст. был награжден и владелец телефонной сети А. Держановский²⁹. В штабе крепости высоко отметили и заведующего крепостной телеграфно-телефонной сетью подполковника Горазеева³⁰.

На протяжении весны–лета 1915 г. устройство крепостной сети все более совершенствовалось. Произошли и важные преобразования в деле организации частей связи. В июне 1915 г., согласно приказу за № 223 Главнокомандующего Северо-Западным фронтом, Гродненская отдельная крепостная телефонно-телеграфная команда должна была быть переформирована в двухротный Гродненский крепостной телеграфный батальон. Его командиром 1 июля (ст. ст.) 1915 г. был назначен подполковник Горазеев. Вместе с тем, он продолжал командовать крепостной сетью³¹. 2-й ротой батальона стал командовать князь Урусов.

Тем временем фронт стремительно приближался к Гродненской крепости. После падения Новогеоргиевска и Ковно вера в крепости у русского командования была сильно подорвана. Согласно приказу командования фронта от 19 августа 1915 г. Гродненская крепость была расформирована. Ее артиллерийское вооружение должно было быть эвакуировано. 14 августа (по ст. ст.) 1915 г. была эвакуирована в г. Минск и искровая станция Гродненской крепости.

Формируемый крепостной телеграфный батальон был оставлен в Гродно. Телефонисты должны были обслуживать крепостную сеть и все телефонные станции до полного оставления укреплений. Кроме того, они должны были устроить связь между всеми подрывающими командами и штабом крепости³².

Во время последних боев за Гродно можно упомянуть несколько моментов, связанных с ролью связистов и использованием крепостной сети. Телефонные станции продолжали действовать на каждом форту и опорном пункте. Их обслуживали по несколько телефонистов. Согласно приказу коменданта Гродненской крепости генерала М.Н. Кайгородова еще до начала боев были уничтожены укрепления, располагавшиеся на правом берегу Немана. Форты и опорные пункты, находившиеся на левом берегу, были заняты гарнизонами из состава 1-го армейского и сводного Осовецкого корпусов.

Основные атаки германцев были направлены на группы укреплений фортов № III и IV. Так, во время боев за фортовую группу № IV связь между основным фортом и мортирной Каролинской батареей поддерживалась при помощи телефонного кабеля. Германские атаки передовых крепостных позиций начались 31 августа. Благодаря телефонной связи и хорошей работе телефонистов огонь русской мортирной батареи был очень результативным. Однако в результате германского обстрела форта № IV в середине дня были перебиты телефонные провода, связывавшие русскую мортирную батарею с наблюдательным постом на форту. Точность огня русской батареи сразу же снизилась. Форт сохранил телефонную связь только с тыловым блиндажом. В результате действий телефонистов к 15 часам связь с Каролинской батареей была налажена, однако было уже поздно. Слабо укрепленные передовые крепостные позиции были сильно разрушены огнем германской артиллерии и оставлены русской пехотой. В последующем связь между фортом и тыловыми позициями, а также батареями периодически обрывалась – осколки перебивали кабель. Тем не менее телефонисты регулярно восстанавливали ее. Крепостной кабель, надежно укрытый в земле, не давал связи со своей артиллерией. 1 сентября один из тяжелых немецких снарядов попал в колодезь телефонной линии и окончательно прервал связь с фортом № IV. К вечеру сражающийся в окружении форт и близлежащие опорные пункты были взяты германцами.

Ожесточенные бои проходили и за группу укреплений форта № III. Между фортом № III и прикрывавшей его легкой батареей № 2 телефонной связи не было. Ее пришлось устраивать из обычной проволоки уже во время боев. Форт имел телефонную связь только с опорными пунктами, где находились конечные

телефонные станции. 1 сентября передовой опорный пункт ли-тера «Г» выдержал несколько сильных атак 11-й ландверной дивизии. Его земляные укрепления были практически полностью разрушены сильным германским артиллерийским огнем. Оставшиеся в живых раненые офицеры и нижние чины погибли или были убиты немцами. Среди них был и телефонист Васильчик, который на протяжении дня поддерживал связь между опорным пунктом и фортом № III.

После падения группы форта № IV русские войска получили приказ на уничтожение всех левобережных укреплений и отступления в Гродно. После боев 2–3 сентября был оставлен и этот город.

После ликвидации Гродненской крепости и уничтожения ее укреплений Гродненский крепостной телеграфный батальон просуществовал до декабря 1915 г. По приказу начальника штаба Верховного Главнокомандующего батальон был переформирован в 26-ю и 34-ю отдельные телеграфные роты. К слову сказать, крепостная сеть Гродненской крепости была частично восстановлена германскими войсками уже к началу 1916 г. и использовалась ими на протяжении последующих лет.

¹ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1 Д. 586. Л. 1–1 об. Распределение строительных участков работ между производителями работ.

² Национальный исторический архив Республики Беларусь в г. Гродно (НИАБ). Ф. 731. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

³ Jastrzębski Jan. Z praktyki saperskiej w twierdzy Grodno w r. 1914–1915 // Saper. Przegląd wojskowo techniczny. 1933. T. 13. Z. 2. S. 70.

⁴ НИАБ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 2. Л. 79.

⁷ Урусов Вадим Николаевич, князь – родился 19 дек. 1888 г., православный. Закончил Тверское кавалерийское училище. Корнет запаса армейской кавалерии. Земский начальник 2-го участка Сокольского уезда Гродненской губ.

⁸ Макаль Донат Васильевич – 1886 г.р., православный, из крестьян Гольинской вол. Гродненской губ. Закончил Гродненскую мужскую гимназию, Императорский Московский университет. С 1 окт. 1910 г. – нижний чин., с 16 февр. 1912 г. – прапорщик. После Первой мировой войны жил в Москве, служащий, артель «Бетоноасфальт». Проживал: Петровка, д. 23, кв. 55. Репрессирован // НИАБ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 2. Л. 85 об.

⁹ Козловский Борис Дионисевич – 1885 г. р., Киев, из дворян. Уманское училище садоводства и земледелия. Служил: нижний чин с 1908 г., прапорщик с

1909 г. Призван из запаса по мобилизации 18.07.14 г. и зачислен в состав т/т команды, назначен командиром 1-го взвода 14.8.1914 г., назначен начальником 4-го отдела телефонной сети 19.09.1914 г. Уволен в запас и исключен из списков команды 7.01.1915 г. После войны жил в Омске. Заведующий отделом животноводства Облмелътреста. Арестован 03.01.1942 г. Осужден 09.09.1942 г. Приговорен к 10 годам ИТЛ. Реабилитирован 09.12.1992 г. прокуратурой Омской обл. // НИАБ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 2. Л. 50–51.

¹⁰ НИАБ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 8. Л. 35.

¹¹ Там же. Л. 53 об.

¹² Александр Иогансович Шнель – закончил институт сельского хозяйства и лесоводства. Начальник 1-го отдела (осень 1914 – лето 1915 гг.) Приказом командующего 10-й армией № 517 от 01.05.1915 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. // НИАБ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 2. Л. 5; Ф. 731. Оп. 1. Д. 8. Л. 35.

¹³ Буслович Емельян Иванович – родился в 1879 г., православный, из мещан г. Бельска Гродненской губ. Образование – Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства. На службе: нижний чин с 1905 г., прапорщик с 1906 г., женат. Сын и дочь. В Гродно – завхоз – летом 1915 г. После войны проживал в Вологодском уезде // НИАБ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 2. Л. 55.

¹⁴ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 183. Л. 10.

¹⁵ НИАБ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

¹⁶ Согласно описи имущества в аренду передавались: мебель телефонной сети, три коммутатора на 200 номеров, четыре распределительных щита на 200 номеров, 646 автоматических предохранителей // НИАБ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 6. Л. 54.

¹⁷ Горазеев Модест Иванович (22.07.1878 – 02.1942) – русский и советский военный инженер, полковник. Православного вероисповедания. Сын полковника. Уроженец Черниговской губ. Образование получил в Михайловском Воронежском кадетском корпусе. Окончил в 1895 г. В службу вступил юнкером рядового звания на правах вольноопределяющегося 1-го разряда. 1.09.1895 – 1898 – окончил 3 класса Николаевского инженерного училища по 1 разряду. Выпущен в 4-й ж/д батальон. Прибыл к месту службы 30.09.1898 г. Подпоручик (8.08.1898). Временно обучающий в классе движения и телеграфа 14–20.10.1898 г. Командирован на Варшавско-Виленскую ж/д для изучения службы тяги 24.11.1898 – 2.06.1899 г. Зав. ж/д имуществом и мастерскими батальона 2.06.1899 – 10.06.1900 г. и 20.08.1900 – 4.04.1902 г. Командирован в Люблин для участия в опытах с полевыми ж/д 30.08 – 5.10.1899 г. Выдержал экзамен на звание «машинист», предоставлено право самостоятельного управления паровозом 28.05.1899 г. Обучающий в классе тяги 2.07.1899 – 26.08.1900 г. Делопроизводитель батальонного суда 30.08.1899 – 4.04.1902 г. Поручик (1.08.1901). Находился на маневрах Варшавского военного округа 18–31.08.1901 г. Командирован в Санкт-Петербург для сдачи вступительных экзаменов в Николаевскую академию Генерального Штаба 9.07.1902 г. Командирован в Военную электротехническую школу 18.09.1902 г. Зачислен слушателем офицерского класса Военной электротехнической школы 17.11.1902 г., который окончил по 1-му разряду 30.04.1904 г. Переведен на службу в Морское ведомство с зачислением по адмиралтейству 17.05.1904 г. Зачислен в 18-й фл. экипаж 18.05.1904 г. Обучающийся ПП на миноносце (ПЛ) «Дельфин» 6.06.–7.09.1904 г. Предназначался для назначения помощником командира миноносца (ПЛ) «Скат».

При аварии во время учебного погружения на миноносце (ПЛ) «Дельфин» 16.06.1904 г. получил ушибы спины и ожоги 20-й и 3-й ст. головы, лица, шеи и груди. Отправлен во Владивосток 5.10.1904 г. и назначен в распоряжение командира Владивостокского порта 7.10.1904 г. Переведен из БФ в Сибирский фл. экипаж 16.10.1904 г. Вахтенный начальник миноносца (ПЛ) «Форель» 10.11 – 21.12.1904 г. Штабс-капитан (6.12.1904 г.). Помощник командира миноносца (ПЛ) «Скат» 21.12.1904 – 23.05.1905 гг. Зав. мастерской отдельного отряда миноносцев (ПЛ) 23.05. – 13.10.1905 г. Находился в распоряжении штаба Владивостокской крепости на изыскании крепостной ж/д 19.07 – 16.11.1905 г. Зав. береговыми станциями беспроволочного телеграфа Морского ведомства во Владивостоке 13.10. – 17.11.1905 г. Подал рапорт о зачислении в запас флота по домашним обстоятельствам 10.11.1905 г. Уволен в отпуск 18.11.1905 г. Зачислен в запас флота по Новороссийскому у. 9.01.1906 г. 9.01.– 17.12.1906 г. – находился в запасе. Вновь по прошению определен на действительную службу в 10-й саперный батальон 17.12.1906 г. Прикомандирован к постоянному составу Военной электротехнической школы 20.12.1906 г. Временно зав. оружием 5.04. – 3.05.1907 г. Зачислен в постоянный состав школы 2.04.1908 г. Казначей школы 12.05.1907 – 14.05.1909 гг. Квартирмейстер и зав. командой нестроевых 12.05.1907 – 1.10.1909 гг. Адьютант школы 1.10.1909 – 8.07.1910 гг. Заведующий телеграфно-телефонным кабинетом 8.07.1910 – 12.10.1914 гг. Окончил офицерский класс Военной электротехнической школы (ВЭШ) по 1 разряду. Капитан (11.12.1910 г.). Подполковник с 4.04.1914 г. На лето 1914 – преподаватель, заведующий практическими занятиями ОЭШ. Женат. Назначен в распоряжение НИГК 12.10.1914 г. Заведующий телеграфно-телефонной сетью Гродненской крепости 20.10.1914 – 10.07.1915 гг. Командир Гродненского крепостного телеграфного батальона 10.07.1915 – 24.04.1916 г. После расформирования батальона – в распоряжении начальника инженеров Витебского р-на 24.04 – 2.10.1916 г. Возвращен в Военную электротехническую школу с назначением командиром телеграфной роты запасного электротехнического батальона 2.10.1916 г. С 14.05.1917 г. – полковник, за отличную-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами Первой мировой войны. Инженер-приемщик ГИУ 15.05.1917 – 18.12.1918 гг., находился на заводе «Сименс и Гальске» под Нижним Новгородом. Во время Октябрьского переворота состоял начальником службы связи ВРК в Нижнем Новгороде. Назначен в распоряжение начальника ж/д войск 18.12.1918 г. 13.01. – 8.08.1919 г. командир 1-й ож/д роты. Участвовал в боях против польских войск на Западном фронте: под Вильной (19.03 – 17.04.1919 г.), под Молодечно (17.04 – 10.06.1919 г.). 8.08.1919 – 15.07.1921 гг. – заведующий мастерскими службы связи Балтийского флота. Заведующий абонентской службой связи при штабе МСБМ 15.07. – 26.10.1921 г. Преподаватель Училища командного состава флота 26.10.1921 – 1.10.1922 гг. 1.10.1922 г. – заведующий приборами и штатный преподаватель ВМИУ. 5.9.1923 г. – преподаватель Военно-морского подготовительного училища. 13.10.1924 г. – преподаватель ВМУ им. М.В. Фрунзе. 26.7.1926 г. – зачислен в запас РККФ. 5.8.1926 г. – исключен из списков училища. 31.12.1933 г. – снят с воинского учета по возрасту. 1941–1942 гг. – проживал в Ленинграде, Васильевский остров, 12-я линия, д. 31а, кв. 9. Умер во время блокады. Похоронен на Смоленском кладбище. Награды: ордена св. Анны 3 ст. (1908), св. Станислава 2 ст. (6.12.1911), Анны 2-й ст. (1914) // НИАБ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 2. Л. 93 об.; Пожарский А.М. Подводное

плавание в России. 1834–1918 гг. Биографический справочник. СПб.: Блиц, 2011. С. 216–218.

¹⁸ Курковский Александр Альфонсович – родился в 1882 г., православный, сын подполковника. Из дворян Виленской губ. Уроженец. Рязанской губ. Закончил 2-й Оренбургский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, курс по 1-му разряду. Участник Русско-японской войны, был в сражениях. Не ранен. В 1909 г. – поручик 2-го Восточно-Сибирского батальона. Женат. Дочь 3 года. Ордена – св. Анны 4, 3 (мечи), 2, св. Станислава, 3, 2 с мечами // НИАБ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 2. Л. 81.

¹⁹ Слейер Павел Иванович – 1882 г.р., Москва, сын статского советника. Закончил Императорский московский университет, юридический факультет. Работал присяжным поверенным. На службе: нижний чин с 1910 г., прапорщик с 1912 г. С 1917 г. работал юрисконсультом в Москве. 19 сентября 1919 г. арестован как бывший офицер и заключен в Бутырскую тюрьму // НИАБ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 2. Л. 85 об.

²⁰ Владимир Кузьмич Зворыкин (30.07.1889 – 29.07.1982) – изобретатель телевизионного кинескопа и электронного телевидения в США.

²¹ Парфенов Л.Г. Зворыкин Муромец. Мемуары изобретателя телевидения. М., 2011. С. 122–124.

²² Сухаржевский Николай Сергеевич (1878 (?) – 23.01.1954). Выпускник Киевского военного училища. Окончил курс Николаевского инженерного училища (1901). Назначен в 10-й понтонный батальон. В годы Русско-японской войны воевал в составе Восточно-Сибирского понтонного батальона. В 1908 г. окончил Военно-электротехническую школу и был назначен в Осовецкую крепость в крепостной военный телеграф. Штабс-капитан. В 1912 г. за выслугу лет произведен в капитаны, в ноябре 1913 г. стал начальником Осовецкой искровой станции. С 1915 г. в Гродненской крепости // НИАБ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 2. Л. 55. Полковник. В Бизерту эвакуировался из Константинополя с Русской эскадрой. Все годы эмиграции в Тунисе. Являлся активным участником культурной жизни русской колонии. Играл на виолончели. В 1937 г. принимал участие в юбилейных Пушкинских празднествах в Тунисе. Автор проекта церкви св. блгв. вел. кн. Александра Невского в Бизерте, построенной в 1937–1938 гг. в неорусском стиле. Автор проекта Храма –памятника кораблям Русской эскадры в Бизерте. В 1937–1938 гг. возглавлял строительство Храма-памятника. В 1944 г. получил благодарность Французского комитета национального освобождения за участие в сборе пожертвований на нужды Красной армии. Умер в Тунисе. Похоронен на русском участке христианского кладбища Туниса Ле Буржель (Le Bourgel) // <http://artz.ru/articles/1804871093/index.html>

²³ НИАБ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 6. Л. 46.

²⁴ Флоровский Алексей – прапорщик, по инженерным войскам, студент 4 курса Императорского Московского училища. Прикомандированный к офицерской электротехнической школе. Помощник начальника радиостанции // НИАБ. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 2. Л. 55; Ф.731. Оп. 1. Д. 8. Л. 34 об.

²⁵ НИАБ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 8. Л. 63.

²⁶ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 387. Л. 76 об. Телефонограмма № 76 капитана Михайлова от 2 февраля 1915 г.

²⁷ Парфенов Л.Г. Зворыкин Муромец. Мемуары изобретателя телевидения. М., 2011. С. 137.

²⁸ По приказу командующего 10-й армией № 210 от 21.2.1915 г. медалями награждены: заведующая станцией графиня Юзефа Мария Целина Миончинская, заведующая техническим столом Регина Левандовская, телефонистки Ева Барановская, Франтишка Скорупко, София Кликс, Ольга Пузыревская, Розалия Гелажин, Елена Мыслицкая, старший монтер Людвиг Кричковский // НИАБ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 6. Л. 78.

²⁹ НИАБ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 6. Л. 79.

³⁰ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 187. Л. 563. Рапорт строителя Гродненской крепости генерала Колосовского коменданту крепости от 23 окт. 1915 г.

³¹ НИАБ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 8. Л. 80.

³² Там же. Д. 6. Л. 115.

А.Н. Максимчик (Минск, Республика Беларусь)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СУДЬБЕ КАВКАЗСКОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

20 ОКТЯБРЯ 1914 г. в результате нападений германо-турецкого флота на ряд городов Черноморского побережья России (Феодосия, Севастополь, Новороссийск, Одесса) император Николай II обнарудовал Высочайший манифест об объявлении войны Турции. В нем он с надеждой отмечал: «Не впервые доблесному русскому оружию одолевать турецкие полчища – покарает оно и на сей раз дерзкого врага нашей Родины. Вместе со всем народом русским Мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря»¹. До этого момента Кавказская армия, с первых дней войны России с Германией, являлась «донором» людских и материальных ресурсов для ведения военных действий на Западном фронте, что давало численное преимущество противнику на открывшемся театре военных действий².

В сложившейся ситуации открытие на Южном Кавказе российско-турецкого фронта кардинально изменило жизнь в регионе. Перед местной гражданской и военной администрацией были поставлены новые задачи. Не остался в стороне от них и Кавказский военно-исторический музей (КВИМ)³. Уже с первых месяцев Первой мировой войны на имя директора КВИМ от мобилизованных на фронт частей Кавказской армии стали поступать просьбы о временном принятии на хранение ценных для них предметов в здании музея⁴. Так, 20 июня 1914 г. с такой просьбой к Семену Спиридоновичу Эсадзе (рис. 1) обратился командир 1-го Кавказского

саперного батальона полковник А.С. Глаголев. В письме он подчеркивал: «Ввиду объявления мобилизации, батальон озабочен надежным сохранением некоторых ценных музейных предметов, как то: мундира и шашки великого князя Николая Николаевича Старшего, статуэток старого сапера и генерала (Эдуарда Ивановича. – А. М.) Тотлебена»⁵.

Однако основной задачей музея стала необходимость расширения его площадей для приема от частей Кавказской армии и экспонирования боевых трофеев, захваченных на полях сражений Первой мировой войны. Соответствующее распоряжение последовало от Главнокомандующего Кавказской армией И.И. Воронцова-Дашкова. В этой связи в марте 1915 г. директор КВИМ докладывал исполняющему дела начальника штаба Кавказской армии на театре военных действий

генерал-майору Л.М. Болховитину: «Вашему Превосходительству известно, что существовавшее здание музея крайне тесно для хранящегося уже там имущества... Считаю служебным долгом теперь же, заблаговременно, озаботиться о расширении музея с тем, чтобы вновь отбитые трофеи могли быть целесообразно размещены и заняли бы подходящее своему значению место в “Храме Славы”»⁶. В докладе С.С. Эсадзе также акцентировал внимание на том, что «...все присланное в музей затем будет направлено в Петроград на устраиваемую по высочайшему повелению общую выставку настоящей войны, но они будут находиться там во временном пользовании, и реликвии доблестных Кавказских войск будут возвращены в Тифлис в хранилище боевой славы их предков»⁷. По предложению директора музея планировалось сделать пристройку к музею

Рис. 1. Полковник С.С. Эсадзе (1870–1927) – начальник военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа и директор КВИМ (с 1913 г.). Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Грузии. Альбом 240, ед. хр. 1 (публикуется впервые)

Рис. 2. Вид на 1-ю классическую гимназию Тифлиса из Александровского сада. Конец XIX в. Фото Д.И. Ермакова (после завершения постройки здания музея в 1892 г. с этого ракурса гимназии видно не будет)

со стороны Александровского сада (рис. 2), однако эта идея не была реализована⁸. Следует отметить, что стимулирующим фактором необходимости реконструкции здания стало замечание императора Николая II, который посетил музей 28 ноября 1914 г. (рис. 3)⁹. Обращаясь к С.С. Эсадзе, он соизволил заметить: «У вас все переполнено»¹⁰. Однако в целом государь остался доволен экспозицией музея и сделал соответствующую запись в книге почетных гостей¹¹.

Пребывание императора в Тифлисе совпало с ухудшением положения Кавказской армии на российско-турецком фронте. Перейдя турецкую границу и развернув наступление в полосе до 350 км, Сарыкамышский отряд Кавказской армии, вклинившись вглубь территории противника, натолкнулся на сопротивление его превосходящих сил и вынужден был перейти к обороне. В то же время турецкие войска на приморском направлении вторглись на российскую территорию и развернули широкое наступление, вскоре принявшее угрожающий характер. В результате, при содействии

**Рис. 3. Император Николай II выходит из здания КВИМ.
28 ноября 1914 г. Фото К.М. Заниса**

аджарцев, напавших с тыла и флангов на немногочисленные войска Кавказской армии, под контроль турецких войск перешла практически вся Батумская область, за исключением Михайловской крепости, Верхне-Аджарского участка Батумского округа и г. Ардаган Карсской области. Начальник императорской дворцовой охраны генерал-майор А.И. Спиридович, находившийся в это время в Тифлисе, в своих воспоминаниях писал: «Вечером (26 ноября 1914 г. – А. М.) князь Орлов¹² уже подробно знал, насколько растерялся в те дни войны помощник наместника по военной части генерал Мышлаевский¹³. Командуя фронтом, он сидел в Тифлисе и доказывал наместнику необходимость эвакуации Тифлиса. Такое паникерство не соответствовало ни положению на фронте, ни героическому настроению войск. Но Мышлаевский был в панике. Наместник не разделял мнения своего помощника и оставался спокоен... Приезд государя и его спокойствие отрезвили Мышлаевского. Ему были даны инструкции, и он поневоле вынужден был ехать на фронт»¹⁴.

Однако отъезд А.З. Мышлаевского на фронт и его руководство действиями армии были недолгими. В момент наивысшего кризиса Сарыкамышской операции для Кавказской армии, грозившего ее окружением, генерал, не веря в успех войск, вернулся обратно в Тифлис. По возвращении он провел пресс-конференцию для высших гражданских и военных чинов об угрожающем состоянии фронта. Это привело к панике и дезорганизации в тылу российских войск¹⁵. Уже не первый раз А.З. Мышлаевский всячески пытался убедить городские власти в необходимости начала эвакуации из Тифлиса¹⁶. По этому поводу бывший начальник отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии генерал Е.В. Масловский вспоминал: «С самого начала операции сильная тревога распространилась в Тифлисе и по всему Кавказу. Возвращение генерала Мышлаевского одного не могло внести успокоения... Им было приказано организовать и немедленно начать работы по созданию укреплений у Тифлиса, у Мцхета, при выходе на Военно-Грузинскую дорогу, и узла у Баку... В штабе армии приказано было вывозить семьи чинов штаба вглубь России, для чего всем выдавались прогоны и пособия и назначены были специальные поезда»¹⁷. Подобную оценку происходящего в Тифлисе оставил также командир конвоя наместника Кавказа Н.А. Бигаев. Он писал: «Наша армия была почти окружена турецким “Наполеоном” Энвер-пашой. Создалась паника. Эту панику прежде всего создали высшие чины штаба действующей Кавказской армии. Эти господа сообщили своим семьям в Тифлис об опасности и о том, чтобы они готовились к эвакуации, т. е. к бегству на Северный Кавказ. Тифлис затрепетал от страха. Армяне бросились восвояси. Жены штабистов упаковывали имущество, загрохотали по улицам грузовики. Словом, получился встревоженный “муравейник”»¹⁸.

Паника была вызвана возможностью захвата Тифлиса турками. Такая необъективная оценка ситуации на российско-турецком фронте накладывала свой негативный отпечаток и на функционирование КВИМ. 18 декабря 1914 г. генерал-майор Ф.Т. Рябинкин обратился с докладом на имя Главнокомандующего Кавказской армией И.И. Воронцова-Дашкова: «Ввиду создавшегося крайне неблагоприятного положения на театре военных действий и непосредственной близости города Тифлиса от угрожаемого турками района, не признаете ли, Ваше Сиятельство, необходимым приказать

приступить к обсуждению порядка эвакуации из города Тифлиса всех учреждений, чтобы, вслед за сим, по получении от Вашего Сиятельства приказа – приступить немедленно к таковой»¹⁹. По итогам доклада последовала утвердительная резолюция наместника: «Приступить к частичной эвакуации теперь уже по очереди, которую укажут помощники по военной и гражданской части».

Вечером того же дня в штаб Кавказского военного округа был вызван директор музея С.С. Эсадзе, которому, ввиду значительной ценности экспонатов КВИМ, было приказано приступить к эвакуации имущества музея. Согласно его секретному рапорту на имя Ф.Т. Рябинкина от 18 декабря 1914 г., на момент эвакуации музея в нем находилось 1060 предметов: «...больших картин 25, малых картин 120, портретов царских 15, портретов деятелей 146, манекенов 30, витрин 37, остальных предметов 687»²⁰. Кроме того в военно-историческом отделе при окружном штабе находился архив с 25 тыс. дел, который также решено было эвакуировать.

20 декабря 1914 г. генерал Ф.Т. Рябинкин сообщил директору КВИМ о том, что пунктом эвакуации назначен г. Ставрополь²¹. Менее чем через месяц, 16 января 1915 г. С.С. Эсадзе рапортовал начальнику штаба Кавказского военного округа, что имущество музея «упаковано в ящики и готово к отправлению к месту назначения»²². Всего на эвакуацию имущества музея было израсходовано 21 258 руб. 44 коп., из которых 21 тыс. руб. – ассигнование штаба военного округа, а 258 руб. 44 коп. – средства военно-исторического отдела. В эту сумму кроме закупки упаковочных материалов, погрузочно-разгрузочных работ, расходов на дорогу также входила и выплата жалования сотрудникам музея с апреля 1915 по июль 1916 г.²³ В числе неэвакуированного имущества остались только старинные пушки и почти вся артиллерия, как бывшая в экспозиции, так и расположенная в саду по периметру здания²⁴.

20 января 1915 г. музейные коллекции были погружены на железнодорожные платформы и в сопровождении конвоя отправлены в Ставрополь (рис. 4). При этом необходимо подчеркнуть, что проведение эвакуации коллекций музея проходило в условиях, когда российско-турецкий фронт стабилизировался в результате успешного исхода Сарыкамышской операции под руководством генерала Н.Н. Юденича.

По прибытии имущества КВИМ в пункт эвакуации 28 января 1915 г. оказалось, что помещение для его хранения не соответствовало

Рис. 4. Железнодорожный вокзал в Тифлисе. Открытка начала XX в.

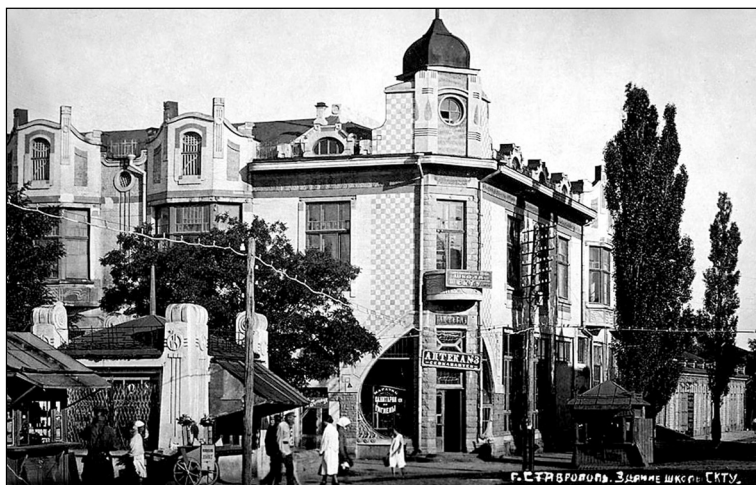

Рис. 5. Аптека Байгера. г. Ставрополь. 1930-е гг.

необходимым требованиям. Редактор военно-исторического отдела капитан А.А. Смирнский в докладе С.С. Эсадзе от 24 февраля 1915 г. описывал место хранения следующим образом: «Осмотрев помещение, я увидел, что стены, на которых раньше были видны большие сырые пятна, побелены, для сокрытия последних, и для осушки помещения стоят мангалы. Кроме сырости, помещение не было пригодно для имущества музея уже по одному тому, что вряд ли можно было в нем разместить все имущество, раскладывая ящики до потолка (что, собственно, делать было нельзя, опасаясь порчи имущества). Кроме того, совершенно отсутствовало помещение для зрителя, который должен был помещаться при имуществе»²⁵. Несмотря на это, имущество музея было размещено в целом ряде помещений: в доме известного ставропольского купца Венецианова на Николаевском проспекте, в одной из комнат и подвалах «Байгеровской» аптеки (рис. 5) и подвалах дома Ерганжиева на противоположной стороне Архиерейской улицы. Судя по найденным документам, имущество музея хранилось в них до мая 1918 г., когда после требования штаба Красной Армии освободить помещение дома Венецианова оно было перевезено в здание Ставропольского центрального народного музея им. Г.К. Праве²⁶. Уже оттуда в феврале 1923 г. все имущество КВИМ будет реэвакуировано обратно в Тифлис под руководством профессора Саргиса Несторовича Какабадзе (рис. 6)²⁷.

Отсутствие конкретных сроков пребывания коллекций музея в Ставрополе негативно сказывалось на их сохранности, поскольку это увеличивало суммы затрат на оплату арендуемых помещений и закупку топлива для поддержания в них соответствующего температурно-влажностного режима. На многочисленные запросы С.С. Эсадзе в вышестоящие инстанции о выдаче антрацита²⁸ постоянно следовали отказы.

После эвакуации музейных коллекций здание КВИМ было закрыто на ремонт,

**Рис. 6. Профессор
С.Н. Какабадзе
(1886–1967) –
грузинский историк
и филолог, директор
Центрального архива
Грузии (1921–1926)**

а после его окончания использовалось для проведения временных выставок. Так, в марте 1916 г. Тифлисское общество изящных искусств организовало выставку художественных работ местных мастеров в пользу лазарета для раненых воинов, содержимого Обществом чинов штаба Кавказского военного округа²⁹, а в январе 1917 г. грузинское художественное общество открыло в одном из залов КВИМ художественно-научную выставку древнегрузинских церковных фресок³⁰.

Несмотря на события Первой мировой войны, отсутствие коллекций музея в здании КВИМ, военно-исторический отдел продолжал работу по сбору экспонатов для музея. Отправляя в июле 1916 г. сотрудника отдела Я. Бондаренко в Ставрополь для осмотра условий хранения эвакуированного имущества, С.С. Эсадзе в письме к нему писал: «На обратном пути предлагаю захватить на группы Минеральных Вод и приобрести для Музея все относящееся до действий войск на Кавказском фронте, например, открытки, картины, гравюры; узнать цены на фотографические пластинки 13x18, фотографическую бумагу. В управлении Минеральных Вод было бы желательно получить сведения: сколько раненых офицеров и нижних чинов лечатся на группах»³¹. Кроме этого, в военно-исторический отдел продолжали поступать экспонаты для музея от частных лиц. Так, 23 февраля 1916 г. Е. Нитиева передала портрет своего деда – генерал-майора в отставке Г.И. Карганова³², а 15 января 1917 г. командующий Кавказской армией Н.Н. Юденич в письме к С.С. Эсадзе сообщал: «Препровождаю Вам для хранения в военно-историческом музее орден св. Анны, звезду ордена св. Георгия, принадлежавшие генералу Котляревскому³³, а также его фотографическую карточку. Предметы эти принесены в дар одним из родственников покойного героя Кавказской войны Леонидом Петровичем Оршаво-Орачевским, живущим в Стародубе Черниговской губернии»³⁴.

Однако революционные события и гражданская война на Кавказе не позволили восстановить музей. В 1920 г. власти демократической Грузии приняли решение основать в пустующем здании КВИМ Национальную художественную галерею³⁵. С этого момента здание музея из первоначального военно-исторического профиля трансформировалось в выставочное помещение художественного музея. Несмотря на то, что эвакуированные коллекции КВИМ удалось вернуть в Тифлис, они оказались не востребованными, и

все ящики с экспонатами были переданы на хранение в Центральные архивы. До конца жизни С.С. Эсадзе надеялся на то, что музей удастся восстановить. 3 января 1922 г. в объяснительной записке к «Проекту положения о Кавказской военно-исторической комиссии по изучению и использованию опыта мировой и гражданской войны на Кавказском фронте» бывший директор музея высказал мнение: «Было бы крайне желательно Музей перевезти обратно в Тифлис в свое помещение на Головинском проспекте, причем там же можно устроить и Музей Красной Армии»³⁶. В итоге, музей не только не был восстановлен, но с 1925 г. руководством Грузии стала поощряться передача коллекций КВИМ в другие музейные собрания (Баку, Махачкала, Грозный, Краснодар).

Так в результате недооценки стратегической ситуации на российско-турецком фронте музей перестал существовать. На новом витке развития российской государственности это выглядело вполне закономерным: вслед за исчезновением с политической карты мира Российской империи стали разрушаться и достижения ее многовековой деятельности.

¹ Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 г. (стратегический очерк). Париж: «La Renaissance», 1933. С. 20–21.

² К моменту объявления войны Турция Ставка Верховного Главнокомандующего перебросила на Западный фронт два из трех корпусов, составлявших в мирное время Кавказскую армию.

³ Подробно о создании и деятельности КВИМ см.: Максимчик А.Н. Место музея в пространстве исторической памяти (на примере создания и деятельности Кавказского военно-исторического музея) // «Ахульго, Дагестан, Кавказ в творчестве Франца Рубо». К 155-летию со дня рождения Ф.А. Рубо и 120-летию первой русской панорамы «Штурм Ахульго»: Материалы науч.-практ. конф. 27–30 марта 2012 г. Махачкала: RIZO-PRESS, 2012. С. 48–70.

⁴ Подтверждением данной информации может служить отчет заведующего Ставропольской губернской секцией по охране памятников искусства и старины В. Ракшовского от 1 июля 1921 г. В отчете он сообщал о причинах перемещения музейных коллекций КВИМ в 1918 г. в Центральный народный музей им. Г.К. Праве, которые с января 1915 г. были эвакуированы из Тифлиса в Ставрополь. Тогда же губернской секцией была проведена скрупулезная работа по описанию и принятию на учет экспонатов КВИМ, среди которых оказались предметы из драгоценных металлов (Георгиевские трубы, братины, ковши, стаканы, чарки, ложки, кольца для салфеток, ножи, вилки), переданные разными воинскими частями на хранение в КВИМ. Подробнее см.: Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. р-645. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

- ⁵ Центральный государственный исторический архив Грузии (далее – ЦГИАГ). Ф. 1087. Оп. 1. Д. 123. Л. 561.
- ⁶ Там же. Л. 584.
- ⁷ Там же.
- ⁸ В 2007–2010 гг. здание музея находилось на реконструкции. В результате со стороны Александровского сада к существующей стене здания была сделана пристройка, позволявшая расширить помещение Национальной художественной галереи Грузии.
- ⁹ НИОР РГБ. Ф. 58. Картон 79. Ед. хр. 16. Программа пребывания Николая II в Тифлисе и список лиц свиты и чинов различных ведомств, которые должны встречать Николая II; Государь Император в Тифлисе // Кавказ (№ 271) от 29 ноября 1914 г. С. 1; Кавказский календарь на 1915 г. / Под ред. А.А. Эльзенгера, Н.П. Стельмащука. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Е.И.В. на Кавказе, 1914. С. VIII.
- ¹⁰ ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 123. Л. 584.
- ¹¹ Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею / Воен.-ист. отд. при Штабе Кавказского воен. окр. 5-е изд. Тифлис: Тип. Штаба Кавказского воен. окр., 1915. С. V.
- ¹² Орлов Владимир Николаевич (1867–1927) – князь, генерал-майор. Входил в ближайшее окружение Николая II и фактически выполнял обязанности лично доверенного секретаря императора по военным делам.
- ¹³ Мышлаевский Александр Захарьевич (1856–1920) – генерал от инфантерии, помощник главнокомандующего Кавказской армией до марта 1915 г.
- ¹⁴ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. С. 38.
- ¹⁵ Арутюнян А.О. Кавказский фронт. 1914–1917. Ереван: Айастан, 1971. С. 150.
- ¹⁶ Корсун Н.Г. Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914–1915 году. М.: Гос. воен. изд-во наркомата обороны Союза ССР, 1937. С. 78.
- ¹⁷ Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 г. С. 133–134.
- ¹⁸ Бигаев Н.А. Последние наместники Кавказа (в свете личных воспоминаний) (1902–1917) / Публ. М.В. Сидоровой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, 2003. Т. XII. С. 418.
- ¹⁹ ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп.1. Д. 212. Л. 6.
- ²⁰ Там же. Л. 2–2 об.
- ²¹ Там же. Л. 7.
- ²² Там же. Л. 16.
- ²³ Там же. Л. 148 об.
- ²⁴ «... Печальное состояние Кавказского военно-исторического музея»: Воробьев Т.И. Гибель «Храма Славы» / Публ. Г.И. Герасимовой // Вестник Музея-панорамы «Бородинская битва». 2006. Вып. III. С. 121.
- ²⁵ ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 212. Л. 50.
- ²⁶ ГАСК. Ф. р-645. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.
- ²⁷ Доклад уполномоченного народного комиссариата просвещения Грузии С.Н. Какабадзе на имя наркома просвещения Грузии о выполнении работы по эвакуации с территории Северного Кавказа в Грузию архивов и музейных ценностей в 1923 г. // Исторический вестник. 1924. Кн. 1. С. 280.

²⁸ Антрацит – лучший сорт каменного угля, отличающегося большой тепло-творной способностью.

²⁹ ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 123. Л. 589.

³⁰ Там же. Л. 602; Ф. 17. Оп.1. Д. 8609. Л. 146.

³¹ ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 212. Л. 73–73 об.

³² Там же. Л. 601.

³³ Котляревский Петр Степанович (1782–1852) – генерал от инфантерии, участник Кавказской войны.

³⁴ ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1125. Л. 6.

³⁵ Тифлис и его окрестности: Путеводитель / Сост. турист. отд. географ. о-ва Грузии под. ред. И.А. Асланишвили. Тифлис: Церкумси, 1925. С. 140.

³⁶ ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 2. Д. 22. Л. 7 об.

О.Е. Мальченко (Киев, Украина)

**ГЕНУЭЗСКАЯ «PETRIERE» XVI ВЕКА
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ИМ. Д. ЯВОРНИЦКОГО**

В ДАННОЙ СТАТЬЕ мы попробуем разобраться в морфологических, конструктивных и функциональных особенностях оригинального образца итальянской артиллерии XVI в., который теперь хранится в Днепропетровском историческом музее им. Д. Яворницкого.

Первым в научный оборот ввел этот музейный образец В.О. Сидоренко, определив его как западноевропейскую гаубицу, в статье, посвященной крестьянско-казацкой артиллерии времен восстания Б. Хмельницкого. Автор довольно точно передает маркировку веса и монограмму литейщика, основываясь при этом на работе К. Мельника¹, и сообщает, что ствол найден на одном из днепровских островов, в 8 верстах выше Никополя². Кроме того, им упоминается еще один аналогичный ствол с весовой маркировкой «АОС4R20» («Santara 4 – Rotoli 20»), который некогда хранился в Черниговском историческом музее³. Обнаружено орудие в Нечаевской плавне, между Томаковской и Микитинской Сечью, в трех верстах от Никополя. Более того, В. Сидоренко приводит фотографию этого ствола с отчетливо прорисованной маркировкой⁴. Далее след «черниговского» образца теряется. С тех пор, насколько нам известно, не предпринималось попыток проанализировать эпиграфику, морфологию и конструктивные особенности «днепропетровского» артефакта с целью его идентификации.

Итак, перед нами бронзовая короткоствольная пушка (длина 5,1 калибра) (рис. 1–2). Ствол визуально разделен на дульную

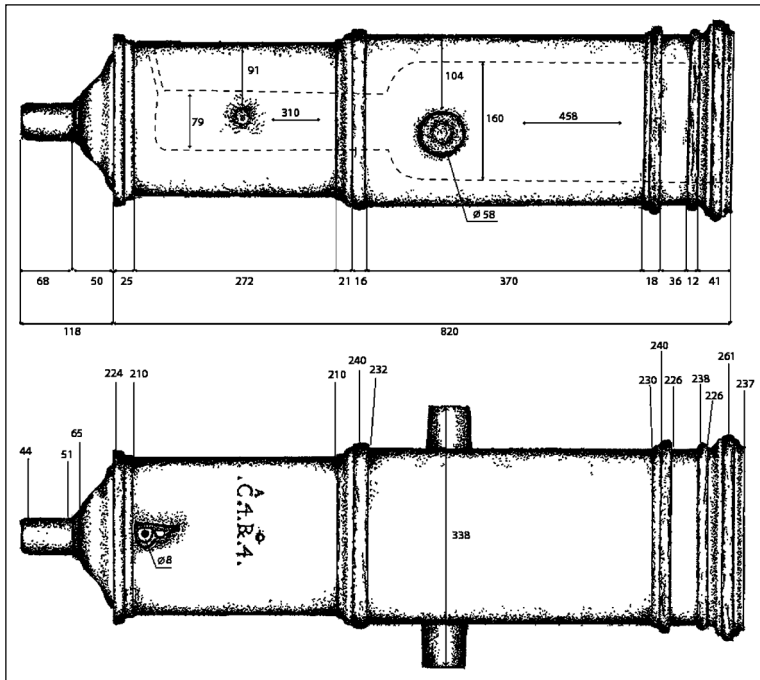

Рис. 1

(утолщенную) и донную части. Канал орудия состоит из пороховой камеры и собственно ствола, с соотношением диаметров – 2. Толщина стенок ствола в дульной части составляет 33 мм (соотношение с диаметром канала – 4,8). Дно пороховой камеры, как и канала ствола, имеет сферическую форму. Дельфины отсутствуют. Цапфы цилиндрические. Винград сохранился в урезанном состоянии. Поверхность ствола полированная с многочисленными следами механического воздействия.

На стволе над запальным отверстием вырезана марка веса, выраженная в формуле «Cantara 4 – Rotoli 4». Этот важнейший идентификационный маркер указывает на генуэзское происхождение орудия, в то время как венецианские литейщики рассчитывали артиллерийский вес в *Libre*, а испанские – в *Quintal*. Учитывая, что генуэзский *Cantaro* = 47,649 кг, а *Rotolo* = 476,49 г, вес ствола составляет 192,5 кг.

При всей очевидности этой маркировки ее легко перепутать с идентичным сицилийским указанием веса, в котором *Santaro* = 79,432 кг, а *Rotolo* = 794,32 г. Выходом из положения будет или прямое взвешивание ствола, или дополнительный атрибутивный признак. В нашем случае таким признаком является монограмма мастера-литейщика, размещенная вокруг запального отверстия в виде буквы «В» с удлиненным вертикальным элементом, которая прочитывается как «ІВ» (рис. 2).

Рис. 2

На данный момент известны еще четыре сохранившихся образца итальянских пушек с монограммой «ІВ». Один из них (1591 г.), найденный у берегов о. Сардинии, кроме указанной монограммы, на базовом кольце снабжен полной подписью мастера на латыни: «ІО. BAPTISTA GANDVLPHVVS»⁵. Сохранилась также запись в артиллерийском инвентаре папской крепости Перуджи (1624 г.), согласно которой одна из пушек снабжена монограммой и надписью: «OPVS ІО. BAPTA GANDVLFVS». Таким образом, на авторство «днепропетровского» ствола претендует известный генуэзский литейщик *Gioanni Battista Gandolfo* (Генуя ок. 1535–1601 гг.)⁶.

Подобная маркировка была элементом так называемой генуэзско-французской (провансальской) системы дизайна артиллерийских стволов XVI в., поскольку типичные авторские монограммы встречаются как среди генуэзских (*Dorino II Gioardi* – «D»; *Georgio I Gioardi* – «G»; *Alessandro Gioardi* – «A» (?); *Battista Merello* – «B»;

Bartolomeo Sommariva – «BS»), так и среди французских литейщиков (Claude Laignel – «CL» (Тулон, Марсель); Simon Gaidon – «G» (Марсель)⁷.

Отсутствие геральдических элементов на стволе может указывать на то, что пушка находилась на вооружении генуэзской торговой галеры или же изготовлена для иностранного, к примеру – испанского, заказчика.

Пояски дульного утолщения ствола уже отличаются от угловатой архаичной французско-генуэзской формы (популярной до середины XVI в.), представленной в виде простой капители, обогащенной квадратным (в сечении) пояском⁸. Ее усложнение с помощью набора молдингов разного диаметра и сечения (кольцо, гусек, астрагал, выкружка, четвертной валик), в сочетании с профессиональной биографией литейщика G.V. Gandolfo, позволяет датировать образец периодом последней трети XVI в.⁹

В донной части ствола на расстоянии 150 мм от базового кольца хорошо заметны два ржавых пятна, угловое положение которых соответствует – 9:00 и 15:00, если принимать поперечный срез ствола за воображаемый циферблат. Очевидно, они свидетельствуют о наличии так называемого «воротника» (в другой терминологии – «крестовина», «stuzeta»), с помощью которого при отливке ствола фиксировали ядро (будущий канал ствола) точно по центру модели.

Изготовленный из кованого железа воротник крепился на конце донной части модели путем насаживания тонкого кольца на форму канала ствола, тем самым удерживая ее на месте. Иногда, для надежности, одновременно устанавливали несколько таких креплений. Согласно данным теоретика средневековой артиллерии В. Бирингуччо (Vannoccio Biringuccio, *De la Pirotechnia, Venice, 1540*), воротник располагался на расстоянии около 300 мм от базового кольца¹⁰, но в реальности его следы на разных образцах встречаются даже в районе дельфинов.

Для надежной фиксации воротника его «ноги» были имплантированы в форму ствола, иногда даже полностью ее пронизывая, таким образом, навсегда оставаясь внутри бронзовой массы орудия. После отливки и удаления формы над поверхностью ствола в одной плоскости торчали армирующие элементы, при удалении которых образовывались полости, которые могли быть заполнены бронзой. Следы от воротника могут проявляться на поверхности стволов в виде ржавых пятен или мест, подверженных коррозии.

Классический воротник обычно имел четыре так называемые «ноги», но встречаются экземпляры, имевшие от одной до шести ног разного сечения (круглые, квадратные, прямоугольные) (рис. 3).

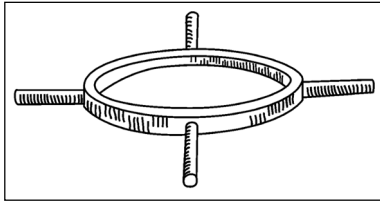

Рис. 3

Исследование ствола с помощью магнита показало только две точки выхода арматуры воротника прямоугольного сечения на поверхность. Наличие железа в других местах внутри ствола не обнаружено, по крайней мере, таким простым методом.

Описанный выше образец, очевидно, относится к типу орудий, обозначенному в генуэзских инвентарях XVI в. как «petrieri» («pedrieri», «pedreri»), хотя и довольно необычной конструкции. Это подтвердил в личной переписке и крупнейший специалист по истории итальянской артиллерии Ренато Джанни Риделла (Renato Gianni Ridella). В 1550–1570-х гг., когда на генуэзских торговых судах проводилась массовая замена устаревших железных бомбард бронзовыми дульнозарядными петриерами, – потомками старых «cannoni petrieri» (конец XV – начало XVI вв.), могли появляться и нестандартные формы.

Петриеры активно использовались на протяжении всего XVII в., главным образом, на городских укреплениях, где, ввиду компактных размеров, они легко обслуживались в узких казематах внутри бльверков. С этих позиций пушки анфиладным огнем очищали стены от атакующей вражеской пехоты. Р.Д. Риделла выделяет три категории петриер: тяжелые (дробовой каменный снаряд 15–18 libbre (4,8–5,7 кг), вес ствола 670–860 кг, диаметр канала ствола 160–170 мм); средние (снаряд 2,9–3,8 кг, вес 330–480 кг, диаметр 135–155 мм); легкие (снаряд 1,9 кг, вес 190–240 кг, диаметр 120 мм). На торговых кораблях обычно использовали средние петриеры¹¹.

Однако «днепропетровский» образец, обладая морфологией, совершенно отличной от классической формы морских орудий этого типа, замыкает в себе параметры одновременно и тяжелой, и легкой петриеры, приближаясь к морфологии мортиры. Утолщенная дульная часть вместе с укороченным стволом (5,1 калибра вместо обычных 11–12 калибров), делает эту пушку похожей если не на мортиру, то на протогаубицу.

Данный ствол – замечательный пример пограничной технологии, вполне оригинальной и креативной. Необычная конструкция пушки, очевидно, является случайной эмпирической находкой, не подкрепленной четко артикулированной теорией. Количество и сложность набора критических переменных этой конструкции достаточно велики, чтобы иметь под собой некую теоретическую базу. Тем более, что время его появления совпадает с периодом повсеместных изменений в артиллерийской морфологии, связанных со сложностями бронзового литья и применением гранулированного пороха. Середина XVI в. вообще воспринимается многими исследователями как время эмпирических дополнительных отклонений от установленных практикой артиллерийских конструкций.

Однако, при всей конструктивной новизне данного ствола для итальянского артиллерийского производства 1560-х гг., подобный морфологический тип встречается в разных местах Европы с конца XV в. Так называемая «гауфница» 1542 г. мастера Игнатия, выставленная в Артиллерийском музее Санкт-Петербурга, имеет длину 7,8 калибра, а соотношение канала ствола и толщины стенки ствола – 4,8 (рис. 4). Не исключено, что артефакт является результатом морфологического толчка, совершенного в последней четверти XV в. итальянскими литейщиками (в том числе – известным Paolo Bosio) на службе московского правителя. В российской историографии это орудие принято называть гаубицей¹².

Рис. 4

Интересен в сравнительном плане и пример турецкой бронзовой петриеры конца XV – начала XVI вв. из Феодосийского краеведческого музея: длина – 6,4 калибра, соотношение канал/стенка – 4,6 (рис. 5). Являясь морфологическим «наследником» гигантских петриер времен завоевания Константинополя, это орудие сохранило

Рис. 5

архаичный дизайн, вплоть до такого элемента, как технические углубления для свинчивания двух частей ствола.

Нетрудно заметить, что, несмотря на отличия в морфологии (архаичная у московской и турецкой и новейшая у генуэзской), эти три образца подобны между собой в физических пропорциях, определяющих их боевую функциональность: длина (5,1; 6,4; 7,8 калибра) и соотношение канал/стенка ствола (4,6; 4,8; 4,8). Возможно, в данном случае мы сталкиваемся с феноменом культурного обмена и заимствования, который способен как вывести к исторической истине, так и загнать исследователя в глухой угол.

Блистательная Порта и Священная Римская империя Карла V уже к 1520-м годам зажали Средиземноморский регион (к нему мы относим и акваторию Черного моря) в тиски своего военного могущества, основанного на флоте и артиллерии. Эффективное абсорбирование маленьких средиземноморских держав, за исключением Венеции, завершило имперский геополитический успех. Генуя, отрезанная от богатых черноморских колоний, была не в состоянии продолжать открытую войну с Венецией и подверглась экономическому и военному поглощению, сначала Францией, а потом – Испанией¹³.

В результате образовался некий симбиоз производства огнестрельного оружия. Османы были традиционно лучшими в осадной артиллерии, испанцы – в ручном огнестрельном оружии, а итальянским республикам досталась производственная ниша бронзовой морской артиллерии. Поэтому опыт генуэзских литейщиков пригодился для выполнения больших испанских артиллерийских заказов.

Полная занятость всех семи (!) литейных мастерских Генуи во второй половине XVI в.¹⁴ была обусловлена, очевидно, не только внутренними потребностями республики (оснащение восстано-

ленного города и крепости, отвоевание Корсики в 1553–1559 гг., огромная потребность в морской артиллерии), но и значительными испанскими заказами: 142 ствола для города и крепости Милана (1557–1559), неопределенное количество пушек для крепости Stato dei Presidi (Тоскана) и Неаполитанского королевства (1571–1572), 50 стволов для Палермо (1575–1576). Кроме того, к генуэзским литейщикам напрямую обращались с артиллерийскими заказами судовладельцы из Испании и Рагузы¹⁵. Очевидно, следует согласиться с тем, что в этот период Генуя была одним из главных средиземноморских центров по производству и продаже артиллерийского вооружения.

Поэтому вполне логично предположить, что такая грандиозная производственная площадка была не только артиллерийским конвейером, но и способствовала зарождению творческих замыслов, которые могли инициировать появление новой технологии и морфологии пушек. Заказчики, в соответствии со своими потребностями, также «подхлестывали» технологическое развитие, что, соответственно, приводило к конструкционным нововведениям, которым подверглись, в первую очередь, несколько устаревшие к концу XVI в. петриеры (в испанской терминологии – «pedregros»). А конгломерат земель огромного государства Габсбургов способствовал распространению новинок итало-иберийской артиллерийской морфологии.

Таким образом, морфология «днепропетровской» петриеры может представлять собой густо замешанный сплав генуэзского литейного опыта, иберийского дизайнера и специфической средиземноморской системы ведения морской войны, которую в свое время анализировал исследователь исторической артиллерии J.F. Guilmartin¹⁶.

Очевидно, что на развитие артиллерии влияют категории факторов «большой войны» (крупные сражения и кампании), «малой войны» (локальные военные инциденты и рейды, пиратские нападения, экономическое истощение, торговые запреты) и, конечно, прогресс в технологиях. Высокая степень взаимопроникновения этих составляющих позволяет рассматривать их только в комплексе, чтобы избежать искусственного упорядочивания весьма сложного предмета. Возможно, в основе лежат все-таки технологические изменения, которые заметно повлияли на характер вооруженных конфликтов в Средиземном море в XVI в.¹⁷

Изменения, как водится, не происходили с драматической внезапностью и имели ползучий характер, поскольку базировались на задействовании количественных факторов, которые, в свою очередь, косвенно зависели от социальных и экономических составляющих. Скажем, в XVI в. произошло значительное увеличение стоимости ведения войны на море, вызванное дороговизной пороха, провианта и бронзы¹⁸. В связи с этим авторы военных бюджетов стали активно интересоваться эффективностью морской артиллерии, которую уже не обеспечивала устаревшая номенклатура бортового вооружения, родом из XV в. Современные теоретики артиллерии также указывали на необходимость специализации пушек. К примеру, испанец Luys de Collado в своем труде «Platica manual de artilleria» (1592) писал, что прилагает множество усилий для убеждения правителей и литейщиков в том, что изготовление артиллерии должно всегда учитывать цель, которой каждый ствол будет служить¹⁹.

Понятие эффективности, во-первых, напрямую было связано с конструктивной гибкостью орудий, их специализацией, и, во-вторых, зависело от платформы, на которой артиллерия функционировала (земляной вал, каземат бовверка, корабельная палуба и т. д.). Учитывая «морскую» морфологию изучаемой нами петриеры, мы склонны связывать ее с галерным вооружением.

В историографии времена использования галер обычно иллюстрируют технологический застой, что не совсем соответствует действительности относительно Средиземноморского региона, где война была сосредоточена на осаде и защите приморских крепостей. Обеспечение прибрежных рейдов полностью полагалось на галерный флот, который перевозил провиант, войска и артиллерию, необходимую для ведения осады, и вообще предоставлял любую материально-техническую поддержку. Десантные возможности галер были критическим фактором в доставке людей и вооружения с помощью морской логистики. Из-за особенностей береговой линии галеры могли действовать безопасно очень близко к берегу, могли подойти вплотную к пляжу для высадки войск и выгрузки орудий или использоваться в качестве плавучих батарей²⁰.

Высокомобильная десантная галера как специфический корабль в специфическом регионе, требовавший специфического

вооружения, должна была иметь на вооружении соответственные орудия ближнего боя по типу «днепропетровской» петриеры – тактической пушки, облегченного варианта тяжелых толстоственных петриер начала XVI в. Очевидно, подобные орудия, которые не входили в стандартный комплекс галерного арсенала, заказывались капитанами на время специальных экспедиций, где предполагалась стрельба на короткие дистанции, как навесная, так и прямой наводкой. Учитывая относительно небольшую толщину стенок ствола, нельзя проигнорировать вопрос о снарядах для «днепропетровской» петриеры. В зависимости от условий боя, это могли быть или каменные ядра, или дробь, что вполне соответствовало функциональному назначению орудия.

Хотя большинство современных историков а priori уверены в технической ущербности каменных снарядов, что логично подтверждается полной «победой» чугунных ядер, – это не совсем и не всегда очевидно. Иногда преимущество чугунных ядер в абсолютной максимальной дальности полета было бессмысленным превосходством из-за пресловутой неточности сферических снарядов гладкоствольных пушек. Принимая во внимание данные, предоставленные В.Р. Hughes, мы знаем, что горизонтальный сектор, в рамках которого падали 100 % ядер дульнозарядных гладкоствольных орудий, колеблется от 10 до 15 % траектории²¹. По сути, стреляя ядрами по цели, расположенной в 1000 м, отклонение снаряда в сторону могло достигать 100–150 м. Каменное же пушечное ядро, из-за его меньшей плотности, создавало меньшее внутреннее давление внутри ствола орудия, предназначенного для этого типа снарядов. Это позволяло отливать тонкостенные стволы, подобные данной петриере, что было ощутимым преимуществом ввиду высокой стоимости бронзы. Кроме того, каменное ядро оставляло пробоину значительно большую, чем чугунный шарик того же веса, что было немало важно в морской дуэли.

Главная проблема использования каменных снарядов заключалась в необходимости содержания большого количества рабочей силы, способной изготавливать идеально сферические шары. Начиная с XIV в., резчики пушечных ядер были одними из самых высококвалифицированных и высокооплачиваемых ремесленников. Высокие трудовые затраты в производстве каменных ядер были приемлемыми и даже необходимыми, пока труд ценился

относительно дешево, а бронза оставалась относительно дорогой. Однако, в конце концов, заработная плата этой категории ремесленников поднялась настолько высоко, что возросшая себестоимость выстрела превратилась в экономическую проблему. По этой причине от орудий, стрелявших каменными ядрами, отказались сначала в тех регионах, где труд ценился высоко (в Англии, Голландии и остальной северо-западной Европе), и применяли их дольше там, где труд был дешевым (в Османской империи и колониальных владениях Португалии)²². Потому украинские музеи переполнены турецкими каменными ядрами разных калибров и веков.

Вряд ли мы сможем сказать что-то большее о тактико-технических данных «днепропетровского» образца без риска фантазирования. Основная проблема для такого рода расследования в том, что существует огромное множество артиллерийских орудий всех исторических эпох при полном отсутствии проб различных порохов, используемых в прошлом.

Наши знания о вооружении средиземноморских галер середины XVI в. также не отличаются полнотой, что влияет на возможности реконструкции средиземноморской системы ведения морской войны и оставляет много вопросов без вразумительных ответов, которые требуют сравнительной оценки корабельных arsenалов. К примеру, остается не совсем ясным способ и место монтажа легкой петриеры на борту галеры. Эта антиабордажная пушка могла монтироваться на вертлюге асимметрично (относительно осевой линии судна) на борту или же на корме. Открытая носовая часть галеры обычно использовалась для тяжелых пушек, влиявших на остойчивость судна. Еще одним местом фиксации подобного ствола могли быть вертикальные стойки носовой палубы, которые возвышались над артиллерийской площадкой больших калибров²³.

И наконец, последний сюжет данной статьи: как и когда генуэзские пушки 1560-х гг. оказались на нижнем Днепре. Как уже упоминалось, орудия были найдены недалеко от бывшей крепости Кодак и в районе Томаковской Сечи. Конечно, пушка, найденная на месте крепости Кодак, это далеко не «вместе» с комплексом других артефактов, которые могли бы составить некий исторический контекст, способный помочь в реконструкции судьбы данного ствола. Но, пожалуй, не вызовет особых сомнений предположение, что

трофейные стволы, предварительно захваченные на генуэзских кораблях (возможно, африканскими корсарами), были установлены на османский морской транспорт, который действовал в Северном Причерноморье на имперской границе.

Служба обеспечения галерного вооружения султанского флота должна была заинтересоваться итальянскими легкими противопехотными орудиями. Дело в том, что даже в XVII в. традиционным способом остановки вражеского десанта в османском флоте оставалась стрельба из луков и мушкетные залпы²⁴. Османские галеры («кадырги» и «бастарды») были прекрасно оснащены артиллерией главного калибра собственного производства, но испытывали досадный дефицит в поворотных противопехотных орудиях останавливающего действия во время абордажного боя или против атакующей пехоты на коротких дистанциях.

В средиземноморских войнах со своими извечными венецианскими *vis-à-vis* османы сосредотачивались на вооружении флота большими калибрами. Северочерноморская периферия *Raх Ottomana* XVII в. требовала применения иной тактики и иных акцентов морской артиллерии. Парадокс в том, что турецкие галеры, при достаточно мощном стандартном артиллерийском бортовом арсенале, проигрывали дуэль запорожским «чайкам» из-за негибкости государственной программы артиллерийского производства.

Очевидно, именно в этом следует искать причину многих успешных захватов турецких галер запорожцами: сложность ведения прицельной стрельбы большими калибрами по подвижной небольшой «чайке» позволяла казакам безболезненно подойти к кораблю на расстояние выстрела прямой наводкой из малокалиберных фальконетов, после чего предпринимать абордажные действия. Поэтому турки максимально использовали легкие трофейные орудия для оснащения кадырг, снимая их даже с захваченных запорожских «чаек»²⁵.

Не исключено, что петриеры, отлитые генуэзским мастером *Gioanni Battista Gandolfo*, попали в руки запорожцев во время одной из многочисленных стычек с турецкими галерами в период строительства турецких замков на днепровской Таванской переправе (1660–1665), при подготовке к Чигиринским походам (1677–1678) или во время осадных кампаний у замка Кизы-Кермен (1695–1697).

Тот факт, что подобные орудия применялись на кораблях еще в конце XVII в., говорит об их удовлетворительной эффективности в качестве морской противопехотной артиллерии ближнего боя.

¹ Мельник К. Каталог коллекции древностей А.Н. Поля в Екатеринославе. Киев, 1893. Вып. 1. С. 123.

² Сидоренко В.О. З історії селянсько-козацької артилерії часів Визвольної війни українського народу 1649–1654 рр. // Праці Київського державного історичного музею. Київ, 1958. Вип. 1. С. 112.

³ Каталог украинских древностей коллекции В.В. Тарновского. 1898. Вып. 1. С. 48.

⁴ Сидоренко В.О. Указ. соч. С. 113.

⁵ Ridella R.G. The 16th-century Genoese ordnance aboard galleys and merchantmen // *Ships and Guns: The Sea Ordnance in Venice and in Europe between the 15th and the 17th Century*. Edited by Carlo Beltrame and Renato Gianni Ridella. Oxford, 2010. P. 45.

⁶ Ridella R.G. Fonditori italiani di artiglierie, in trasferta nell'Europa del XVI secolo, in N. Labanca & P.P. Poggio (editors), *Storie di Armi, Atti del convegno Brescia 8–10 novembre 2007*. Milano, 2009. P. 31–32.

⁷ Guérout M. Sixteenth-Century French Naval Guns // *Ships and Guns: The Sea Ordnance in Venice and in Europe between the 15th and the 17th Century*. Edited by Carlo Beltrame and Renato Gianni Ridella. Oxford, 2010. Pp. 124–132; Ridella R. G. The 16th-century Genoese ordnance... P. 42–53.

⁸ Ridella R.G. The 16th-century Genoese ordnance... P. 48.

⁹ Новые округлые формы дульного утолщения с дополнительным армирующим пояском оставались практически неизменными до середины XVIII в., поэтому данная морфологическая особенность эволюции дизайна может быть использована как средство атрибуции и датировки генуэзской артиллерии.

¹⁰ *The Pirotechnia of Vannoccio Biringuccio*. Translated from the Italian with an introduction and notes by Cyril Stanley Smith and Martha Teach Gnudi. New York, 1942. Reprint Cambridge: The M.I.T. Press, 1966. P. 246.

¹¹ Ridella R.G. The 16th-century Genoese ordnance... P. 50.

¹² Каталог материальной части отечественной артиллерии / Сост. В.П. Вышенков, Л.К. Маковская, Е.Г. Сидоренко. Л., 1961. С. 134.

¹³ Guilmartin J.F. *Gunpowder and Galleys: Changing Technology and Mediterranean Warfare at Sea in the Sixteenth Century*. Cambridge, 1974. P. 255.

¹⁴ Об этом свидетельствует договор партнерства (вариант профессионального договора) от 20 марта 1572 г., подписанный генуэзскими литейщиками Alessandro, Dorino II, Gregorio II и Stefano Gioardi, Giacomo Merello, Gio. Battista Gandolfo и Bartolomeo Sommariva, каждый из которых владел собственной мастерской (Ridella R.G. The 16th-century Genoese ordnance... P. 55).

¹⁵ Ridella R.G. The 16th-century Genoese ordnance... P. 55.

¹⁶ Guilmartin J.F. *Gunpowder and Galleys*... P. 253–273.

¹⁷ Ibid. P. 253.

¹⁸ Ibid. P. 254.

¹⁹ Manucey A. Artillery Through the Ages: A Short Illustrated History of Cannon (Originally published in 1949, an official NPS publication, United States Government Printing Office), reprint: 2013. P. 38.

²⁰ Guilmartin J.F. Gunpowder and Galleys... P. 264.

²¹ Hughes B.P. Firepower. Weapons Effectiveness on the Battlefield, 1630–1850, London, 1974.

²² Guilmartin J.F. Gunpowder and Galleys... P. 271–272.

²³ Ibid. P. 296.

²⁴ Ibid. P. 303.

²⁵ Эвлия Челеби. Книга Путешествия. Вып. 1. Земли Молдавии и Украины / Пер. и коммент. Тверитиновой А.С., Желтякова А.Д. М., 1961. С. 104.

В.К. Марченков (Санкт-Петербург)

КОЛЛЕКЦИЯ ТЕЛЕФОННОЙ И ТЕЛЕГРАФНОЙ АППАРАТУРЫ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ МУЗЕЕ СВЯЗИ ИМЕНИ А.С. ПОПОВА

В ФОНДАХ Центрального музея связи имени А.С. Попова в Санкт-Петербурге хранится большое собрание военной аппаратуры связи времен Первой мировой войны. Оно включает коллекции военной радиоприемной и радиопередающей аппаратуры, которая использовалась в армии и на военно-морском флоте, военных телефонных аппаратов, коммутаторов и номерников, военных телеграфных аппаратов, оптических сигнальных устройств. В настоящей статье освещается военная аппаратура проводной связи: телефонная и телеграфная.

Большинство предметов военной телефонной и телеграфной связи времен Первой мировой войны поступило в музей в 1930-е гг. из армейских складов и Северо-западного управления связи. Однако музейный фонд продолжал пополняться указанной аппаратурой до начала 1950-х гг.

Коллекции военных телефонов, коммутаторов и номерников и военных телеграфных аппаратов насчитывают несколько десятков предметов и представлены изделиями различных отечественных и иностранных производителей. Из отечественных предприятий это прежде всего три петроградских производства: телефонная фабрика «Л.М. Эриксон и К^о», акционерное общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске», телефонно-телеграфный завод «Н.К. Гейслер и К^о». Аппаратура иностранного производства изготовлена в Германии, Швеции, Англии, Франции, Италии, Румынии, Японии.

При всем многообразии конструктивного исполнения отечественных и иностранных военно-полевых телефонных аппаратов того периода все они были собраны по однотипным электрическим схемам и имели целый ряд общих особенностей. Вызов абонента в большинстве моделей был фоническим и осуществлялся с помощью кнопки, установленной на корпусе аппарата. На приемном конце вызов принимался на зуммер или на телефонный капсульт. В некоторых моделях был установлен телеграфный ключ, позволявший осуществлять передачу сигналов азбуки морзе с приемом на слуховой телефон.

В штабных телефонах для вызова использовался электрический индуктор, ручка которого обычно располагалась в правой части корпуса, что было удобно для большинства пользователей, являвшихся правшами. Вызов принимался на электрический звонок.

В качестве передатчиков звука применялись различные конструкции угольных микрофонов. Для питания микрофонных цепей в телефонах использовалась местная батарея из гальванических элементов, встроенных в сам аппарат. Приемные микротелефонные трубки были съемными и соединялись с аппаратами гибкими электрическими шнурами. Как правило, на ручке микротелефонной трубки устанавливалась клавиша (тангента), служившая для подключения микрофона только в режиме разговора, что позволяло экономить емкость батарей.

Телефонные корпуса изготавливались из дерева и имели форму прямоугольного ящика с откидывающейся на петлях крышкой. Для удобства при переноске телефонные корпуса имели гибкие плечевые ремни, подобные оружейным. Вес телефонов с батареями не превышал 10 кг.

На представленных ниже фотографиях помещены наиболее интересные модели военно-полевых телефонов и коммутаторов.

Рис. 1

Аппарат предназначался для использования на временных телефонных линиях: в военно-полевых условиях, для связи на железной дороге и пр. Собран в деревянном корпусе с откидывающейся верхней крышкой. Укомплектован микротелефонной трубкой, двумя сухими элементами, вызывным индуктором, электрическим звонком, громоотводом, катушками с телефонным проводом.

Рис. 2

Аппарат собран в деревянном корпусе. Особенностью модели являлись: микротелефонная трубка с откидным рупором и тангентой

Рис. 1. Переносный телефонный аппарат петроградской телефонной фабрики «Л.М. Эриксон и К^о», 1917 г.

Рис. 2. Военно-полевой телефонный аппарат петроградского завода акционерного общества русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске». 1916 г.

Рис. 3. Малогабаритный военно-полевой телефонный аппарат разведчика системы Шателена санкт-петербургского завода акционерного общества русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске». 1912 г.

(клавишей подключения микрофона) и устройство фонического вызова.

Рис. 3

Этот миниатюрный военно-полевой телефонный аппарат разработал известный отечественный электротехник, профессор Санкт-Петербургского политехнического института Михаил Андреевич Шателен (1866–1957). Аппарат собран в деревянном корпусе с откидной крышкой. Микрофон установлен внутри корпуса. Слуховой телефон вынесен из корпуса и соединен со схемой гибким шнуром. Вызов фонический. В условиях проведения разведывательной операции предусмотрен скрытный режим вызова путем создания в слуховом телефоне потрескиваний.

Рис. 4

Аппарат собран в деревянном корпусе. Имеет микротелефонную трубку с тангентой и устройство фонического вызова.

Рис. 5

Аппарат мог применяться для работы в двух режимах — телефонном и телеграфном. При телефонном режиме использовался угольный микрофон, установленный на передней панели. В качестве

Рис. 4. Военно-полевой телефонный аппарат петроградского телефонно-телеграфного завода «Н.К. Гейслер и К°». 1916 г.

Рис. 5. Военно-полевой телефонный аппарат с телеграфным ключом английского производства. Начало XX вв.

слухового телефона использовалась трубка Белла со шнуром, подвешивавшаяся на рычаг на передней панели. Фониический вызов осуществлялся с помощью вибратора. При телеграфном режиме для передачи сигналов использовался телеграфный ключ, а прием велся на слух с помощью трубки Белла. Аппарат собран в деревянном корпусе с откидной передней стенкой. Микрофонные батареи устанавливались в батарейном отсеке в задней части корпуса.

Рис. 6

Аппарат имеет деревянный корпус, микрофонную трубку и фониическое вызывное устройство.

Рис. 7

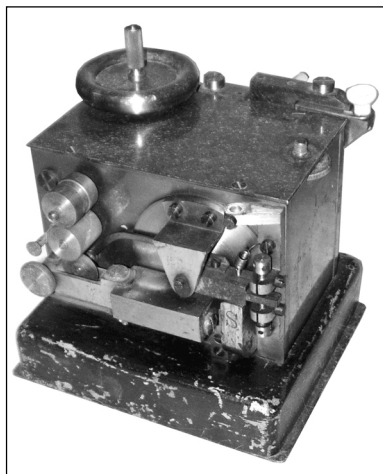
Коммутатор предназначался для телефонной связи 10 абонентов по временным линиям в полевых условиях. Собран в компактном деревянном ящике с откидывающимися верхней и передней крышками. Сзади расположен отсек для микрофонной батареи, в верхней части корпуса – клеммы для подключения

Рис. 6. Военно-полевой телефонный аппарат токийского акционерного общества электрических инструментов и проводов «Кюрицу». 1916 г.

Рис. 7. Военно-полевой телефонный коммутатор на 10 номеров петроградского телефонно-телеграфного завода «Н.К. Гейслер и К^о». 1915 г.

**Рис. 8. Малогабаритный
военно-полевой телеграфный
аппарат Морзе берлинской
фирмы «Сименс и Гальске».
Начало XX вв.**

впечатывающие телеграфные аппараты Юза, буквопечатывающие телеграфные аппараты Муррея.

Рис. 8

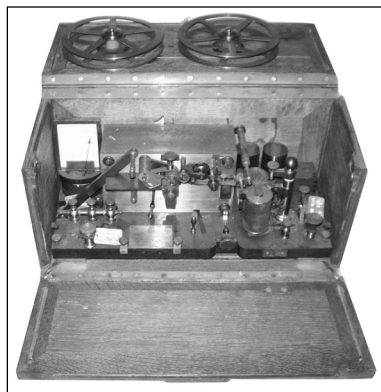
Аппарат предназначался для приема сигналов азбуки морзе с записью их на бумажной ленте. Для протяжки телеграфной ленты использовался ручной привод с маховым колесом. За счет плотной компоновки и отсутствия пружинного двигателя имеет небольшие габариты.

Рис. 9

Аппарат предназначался для приема сигналов азбуки морзе с записью их на бумажной ленте. Собран в деревянном корпусе с откидывающимися стенками.

десяти двухпроводных линий, микротелефонная трубка и кнопка фониического вызова абонента. В нижней части корпуса находятся 10 вызывных и 4 отбойных бленкеров и координатное поле с 44 клавишными переключателями, предназначенными для соединения абонентов между собой.

Коллекция военных телеграфных аппаратов представлена переносными военно-полевыми телеграфными аппаратами Морзе отечественных и иностранных производителей. В музее хранятся также стационарные телеграфные аппараты, которые использовались в штабах армий: настольные чернипишущие телеграфные аппараты Морзе, буквопечатывающие телеграфные аппараты Юза, буквопечатывающие телеграфные аппараты Муррея.

**Рис. 9. Военно-полевой
телеграфный аппарат Морзе
бухарестской фирмы «Энгельс
и Тейрих». Начало XX вв.**

В состав комплекта входит передающий телеграфный ключ, гальваноскоп и две консоли для телеграфной ленты.

Рис. 10

Буквопечатающий телеграфный аппарат Муррея предназначен для передачи и приема телеграфных сигналов с записью букв и цифр на телеграфной ленте.

Вся военная аппаратура проводной связи времен Первой мировой войны, хранящаяся в музее, за редким исключением, носит следы интенсивной эксплуатации. К сожалению, музейные работники прошлых десятилетий не зафиксировали историю бытования этих предметов. Поэтому сейчас практически невозможно установить, на каких фронтах и в каких частях использовалась эта техника. В отличие, к примеру, от стрелкового оружия, которое во все времена подлежало строгому учету, заводские номера аппаратов связи могли фиксироваться в бухгалтерских книгах лишь при централизованных закупках и поставках в войска. Однако и эти сведения, не представлявшие большого значения, не сохранились. Несмотря на невозможность дать мемориальную оценку названным музейным предметам, все они являются памятниками науки и техники и имеют большое историческое и познавательное значение.

Рис. 10. Клавиатурный перфоратор буквопечатающего телеграфного аппарата Муррея петроградского телефонно-телеграфного завода «Н.К. Гейслер и К°». 1910-е гг.

А.В. Марьяняк (Москва)

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА РУССКОЙ КАВАЛЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

РУССКАЯ КАВАЛЕРИЯ в начале XX в. оставалась наиболее традиционным родом войск в составе Императорской армии. Во многом это было связано с ее офицерским корпусом, основной костяк которого продолжали составлять представители дворянского сословия, зачастую даже еще сумевшие сохранить свои поместья. Традиция службы в кавалерии, нередко в одних и тех же полках, передавалась из поколения в поколение, поддерживая сформировавшийся образ офицера-кавалериста: франтоватого, в красивой блестящей форме, молодцеватого человека со средствами (совсем не обязательно крупными, но требовавшееся наличие собственной лошади уже было показателем некоей «кредитоспособности» на фоне демократичного пехотного офицерства, жившего на одно жалованье).

В результате кавалерийские полки оставались верны своим традициям, отличались крепкой спаянностью офицерского состава (чему, отчасти, способствовала меньшая штатная численность). Сплоченная офицерская семья порой даже оказывалась сильнее честолюбия и карьерного роста: многие штабс-ротмистры отказывались от дальнейшего производства, дожидаясь вакансии командира эскадрона в родном полку, что могло затянуться на многие годы.

После русско-японской войны 1904–1905 гг. в кавалерийской среде стал активно пропагандироваться и внедряться спорт. Скачки стали обязательным элементом обучения, причем состязались не только молодые корнеты и поручики, а весь офицерский состав.

Кавалерия готовилась к крупным схваткам со своими «западными коллегами» из германской и австро-венгерской армий. Именно для кавалерийских сшибок с этими неприятелями в регулярную кавалерию вернулась пика.

Последнему предвоенному Военному министру – генералу В.А. Сухомлинову, получившему дурную репутацию у многих современников и унаследованную, по преимуществу, последующей историографией, было чем гордиться. Именно при нем Императорская армия смогла справиться с некомплектom своего офицерского состава (к 1 октября 1913 г. сверх штата состояло 335 офицеров¹), а разработанная в 1913 г. так называемая «Большая программа» грозила сделать невозможной для Германии войну на два фронта. По ней, в частности, значительно увеличивалось число кавалерийских полков (на 26 единиц, или 39 %), что должно было решить вопрос с корпусной и дивизионной конницей и дать возможность «сосредоточить всю стратегическую кавалерию в ближайшей к границе полосе»² во избежание численного превосходства вражеской кавалерии в начальный период кампании.

К началу войны русская конница состояла из 10 гвардейских и 57 армейских полков, объединенных в 18 кавалерийских дивизий и 4 отдельные бригады, и 54 казачьих полка (в том числе 3 гвардейских). Треть казачьих полков входила в качестве четвертых полков в состав кавалерийских дивизий, также существовали 1-я Донская, 2-я Сводная, 1–3-я Кавказские и 1-я Туркестанская казачьи дивизии, Закаспийская, Забайкальская и Сибирская казачьи бригады и Уссурийская конная бригада. Ряд кавалерийских и казачьих полков в соединения не входил.

Для пополнения их офицерского состава существовали Николаевское, Елисаветградское и Тверское кавалерийские, Новочеркасское и Оренбургское казачьи училища, несколько десятков офицеров выходило (преимущественно в гвардейскую кавалерию) из специальных классов Пажеского корпуса.

Уже само обучение в кавалерийских училищах требовало материальных затрат (и немалых): с поступающих взимался реверс в размере 600 руб. (для покупки после выпуска молодым офицером верховой лошади и «седельного убора»), из 200 вакансий Николаевского кавалерийского училища 140 были «своекоштными»: занимавшие их юнкера платили по 550 руб. в год за содержание, а в Елисаветградском и Тверском кавалерийских училищах, хоть все

вакансии и стали казенными, но $\frac{1}{3}$ юнкеров (116 и 50 человек соответственно) продолжала оплачивать свое обмундирование (85 руб. 72 коп. в год с человека).

Столь высокая материальная планка привела к тому, что в 1913 г. из 700 вакансий в кавалерийских училищах было занято 535. Не помогла даже столь демократичная мера, как разрешение на поступление в Николаевское кавалерийское училище представителей всех сословий. Стоя перед необходимостью пополнения новых кавалерийских полков, формируемых по «Большой программе», Военное министерство, с подачи Главного управления военно-учебных заведений, пошло на полную отмену реверсов и перевод всех юнкеров на казенное содержание и обмундирование (что давно уже было сделано в военных училищах).

Средняя ежегодная убыль офицеров в кавалерии составляла 180 человек (ушедшие в запас, отставку, умершие и т. д.). С подобным некомплектом легко и с запасом справлялся даже незаполненный ежегодный выпуск кавалерийских училищ. На 1 июля 1914 г. (последние предмобилизационные данные) в офицерском составе русской армейской кавалерии по штату полагалось 196 штаб- и 2242 обер-офицера, по списку числилось 215 штаб- и 2229 обер-офицеров, при этом «действительный сверхкомплект» штаб-офицеров – 17 человек., а «действительный некомплект» обер-офицеров – 127 человек³. Как видно из приведенных данных, имевшийся некомплект легко покрывался ближайшим выпуском из кавалерийских училищ.

Основная масса офицеров для конных казачьих частей готовилась в сотне Николаевского кавалерийского училища (135 юнкеров всех казачьих войск), Новочеркасском (180 юнкеров из казаков Донского казачьего войска) и Оренбургском (120 юнкеров казачьих войск, кроме Донского) казачьих училищах.

Одним из первых мероприятий приближающейся войны стало производство юнкеров в офицеры 12 июля 1914 г., т. е. почти на месяц раньше обычного срока. Кроме молодых корнетов кавалерия при мобилизации могла пополниться офицерами из запаса (на 1 июля 1914 г. в запасе состояли 151 генерал, штаб- и обер-офицер гвардейской кавалерии и 1883 генерала и обер-офицера армейской кавалерии (в том числе 1357 прапорщиков запаса; армейских кавалерийских штаб-офицеров в запасе не числилось)⁴.

Практически не увеличивавшая своего состава при мобилизации регулярная кавалерия выступала в поход, имея почти двойной комплект офицеров (состоящих на действительной службе и призываемых из запаса).

Вскоре после объявления мобилизации в военных училищах (в том числе и кавалерийских) было введено «Положение об ускоренных выпусках юнкеров», утвержденное 8 октября 1912 г. Следующий выпуск юнкеров старшего класса должен был состояться 1 октября 1914 г., новый набор приступал к занятиям 1 августа 1914 г., причем с целью увеличить число выпускаемых было разрешено всем военным училищам принять возможно больший сверхкомплект юнкеров.

Разработанная в 1910–1912 гг. программа ускоренных занятий предусматривала 8-месячный курс обучения. Военное руководство империи сочло невозможным столь длительный промежуток (с 1 октября 1914 по 1 апреля 1915 г.) в пополнении воюющей армии. Была срочно разработана программа с 4-месячным курсом обучения. Применимость ее к будущим кавалерийским офицерам вызывала сомнения в Главном управлении военно-учебных заведений: «Четырехмесячная подготовка офицеров в военных (пехотных) училищах, ввиду чрезвычайных обстоятельств, признается возможною. Что же касается Пажеского Е. И. В. корпуса, из которого $\frac{3}{4}$ пажей выпускаются в кавалерию, и кавалерийских и казачьих училищ, то ввиду особенностей кавалерийской службы, требующей наиболее продолжительного предварительного обучения, подготовка офицеров кавалерии в четырехмесячный срок представляется гораздо более затруднительною, и надо ожидать, что часть подготовляемого контингента не в состоянии будет в столь краткий срок достигнуть требуемой подготовки»⁵.

По утвержденной 30 июля 1914 г. программе 4-месячного курса в кавалерийских и казачьих училищах в качестве предметов оставались: тактика, артиллерия, фортификация, топография, военная администрация, военная гигиена, а также иппология. На учебную подготовку отводилось 18 часов в неделю, на военно-служебную – 24 часа, из которых 6 – на изучение уставов⁶. Естественно, курс этих предметов был введен в сокращенном виде, а общеобразовательные исключены вовсе.

В организации проведения занятий начальствующему составу училищ предоставлялась полная свобода, экзаменов в конце курса

производить не требовалось, оценка выводилась из контрольных репетиций различных предметов курса.

Число сверхкомплектных юнкеров к 1 октября 1914 г. составило в Николаевском кавалерийском училище – 43, в Екатеринославском – 10, в Тверском – 6, в Новочеркасском казачьем – 72, в Оренбургском – 10 человек⁷.

Патриотический подъем, охвативший часть русской образованной молодежи в начале войны, привел к тому, что военные училища не только не понизили, а сначала даже подняли «образовательный уровень» своих юнкеров: вплоть до середины лета 1915 г. в большинстве военных училищ не производилось приема «второ-разрядников по образованию», более того, непринятыми оказались многие лица с образованием I разряда (т. е. окончившие не менее 6 классов среднего учебного заведения). Абсолютное большинство среди юнкеров кавалерийских и казачьих училищ также составили лица с законченным средним образованием.

Более того, заметный процент среди юнкеров стали составлять лица с университетским образованием (так, уже в прием 1 августа 1914 г. в Елисаветградское кавалерийское училище было принято 8 студентов и окончивших университеты⁸, а в следующий (1 октября 1914 г.) – «юнкеров с университетскими значками было не меньше десяти процентов»⁹). Значительную часть молодых юнкеров приема 1 августа 1914 г. составили выпускники кадетских корпусов, бывшие и до войны костяком кавалерийских училищ и оставшиеся им в «летние приемы» 1914–1917 гг. Даже вольноопределяющиеся, бывшие на войне и присланные из действующей армии, но окончившие всего 6 классов, были приняты в Елисаветградское училище в февральский прием 1915 г. «в виде исключения».

Увеличение числа юнкеров «до максимальной цифры» неизбежно влекло структурные изменения в училищах: так, Новочеркасское казачье училище, разросшееся к зиме 1914–1915 гг. до 320 юнкеров (вместо 180 в мирное время), было развернуто в 2 сотни, появился второй эскадрон и в Николаевском кавалерийском училище (увеличившем штатное число юнкеров к 1 января 1916 г. с 335 до 465).

Достаточно скоро выяснилось, что 4-месячный курс подготовки мал, особенно для кавалерийских училищ, где за это время можно было приобрести основательные потертости, но не научиться

крепко сидеть в седле, а тем более приобрести какие-либо инструкторские навыки. Не только абсолютное большинство юнкеров, поступавших «со стороны», ни разу не сидело в седле, даже представители казачьего сословия далеко не все могли похвастаться знакомством с лошадью: в феврале 1915 г. из 302 юнкеров Новочеркасского казачьего училища «104, т.е. около одной трети, до поступления в училище никогда не садились на лошадь»¹⁰. Если такова была ситуация в училищах, комплектовавшихся исключительно «природными всадниками», то что говорить о всесловных кавалерийских!

В то же время, усвоение теоретического курса не представляло для большинства кавалерийских и казачьих юнкеров никаких затруднений. Осматривавший в апреле 1915 г. Елисаветградское кавалерийское и Новочеркасское казачье училища генерал П.А. Лайминг констатировал: «По общему развитию состав юнкеров в обоих училищах несравненно выше, чем при нормальных условиях приемов в мирное время...», а «общеобразовательный уровень молодых людей, поступивших в эти училища, в особенности в Елисаветградское, значительно выше, чем в осмотренных мною четырех пехотных училищах...»¹¹

Ввиду того, что убыль офицеров в кавалерийских частях (в сравнении с пехотой) оказалась низкой, а формирование новых кавалерийских частей носило крайне ограниченный характер (не идущий ни в какое сравнение с разворачиванием пехотных дивизий второй очереди, активно участвовавших в боевых действиях), в начале 1915 г. появилась возможность продлить курс обучения в кавалерийских училищах. Вследствие «сложности подготовки кавалерийского офицера» курс приема 1 декабря 1914 г. был продлен до 6 месяцев, а курс приема 1 февраля 1915 г. – до 8 месяцев. Пажеский корпус, «выпускающий значительное большинство в кавалерию и артиллерию», также получил 8-месячный курс, а прием в него 1 декабря 1914 г. имел три выпуска: 1 мая 1915 г. – в пехоту, 14 мая – в артиллерию и 1 июня – в кавалерию.

Развертывание по мобилизации казачьих частей 2-й и 3-й очереди потребовало усиленного пополнения офицерского состава, поэтому в 1915 г. казачьи училища, наравне с пехотными, произвели пять выпусков: 1 февраля, 1 мая, 1 июня, 1 сентября и 1 октября. Против всего трех выпусков кавалерийских училищ: 1 мая, 1 июня и 1 октября¹².

Комплектование офицерского состава русской кавалерии в годы Первой мировой войны

Более того, низкая убыль в кавалерийских частях не потребовала резкого увеличения числа обучающихся от штатов мирного времени (за исключением Николаевского), в то время как Новочеркасское казачье выросло к 1 января 1916 г. со 180 до 420 юнкеров, а Оренбургское со 120 до 150. «В Елисаветградском и Тверском кавалерийских училищах штатное число юнкеров не увеличивалось **за отсутствием необходимости в увеличении выпусков офицеров в кавалерию** (выделено мной. – А. М.)», – отмечено в материалах Главного управления военно-учебных заведений¹³.

Не раз упоминая о разнице потерь пехоты и конницы, приведем в качестве примера некоторые данные из донесений фронтов в Мобилизационный отдел Главного управления Генерального штаба о некомплекте офицеров¹⁴:

Дата	Род войск	Северный фронт	Западный фронт	Юго-Западный фронт	Кавказская армия
01.09.1915	пехота	2500	15 293	4085	752
	кавалерия	134	169	89	17
	казаки	9	158	61	74
01.11.1915	пехота	3138	9277	4025	135
	кавалерия	121	110	72	1
	казаки	2	85	52	76
01.01.1916	пехота	1884	5805	3483	105
	кавалерия	96	64	63	
	казаки	3	30	14	19
01.06.1916	пехота	421	2262	2543	155
	кавалерия	31	76	90	
	казаки	2	39	18	6
01.12.1916	пехота			1459	
	кавалерия			51	
	казаки			20	

Данные представляют собой разницу между штатным и наличным составом частей, т. е. в указанное число попадали не только убитые, эвакуированные по ранению, контузии или болезни, но и, например, находящиеся в командировках и отпусках. Просмотр материалов кавалерийских частей редко дает безвозвратные потери за годы войны (убитыми и умершими от ран), превышающие два десятка офицеров. Как правило, за три года войны безвозвратная офицерская убыль в рядах кавалерийских полков составляла порядка десяти человек, большая часть из которых приходилась на

первый год войны. Как можно видеть из приведенных данных, даже если посчитать некомплект кавалерийских и конных казачьих частей не наличным, а списочным – он легко восполнялся одним выпуском из соответствующих училищ.

Увеличение срока обучения в кавалерийских училищах дало возможность ввести в действие в них в марте 1915 г. новую расширенную программу учебных курсов. В частности, в курс вернулась военная география – «обзор областей, входящих в театр военных действий».

Ввиду престижности кавалерийской службы и продолжительных (в сравнении с пехотными) сроков обучения кавалерийские училища не испытывали трудностей с укомплектованием вакансий, а потому принимаемые меры для расширения «категории лиц, имеющих право на поступление в военные училища» их не сильно заботили (также как и руководство специальных училищ). Они вполне успешно комплектовались лицами с законченным средним образованием.

Наметившаяся в 1915 г. тенденция была подтверждена в 1916-м: начиная с приема 1 октября 1915 г. срок обучения в кавалерийских училищах был продлен до 1 года, а юнкеров стали выпускать не прапорщиками, а корнетами (как в мирное время). В данном случае никаких особых привилегий кавалеристы не получали: выпущенные после 4 месяцев обучения пехотные прапорщики производились в подпоручики через 8 месяцев. Накопился запас офицеров и для казачьих войск, вследствие чего срок обучения юнкеров в казачьих училищах, начиная с приема 1 февраля 1916 г., был продлен до 8 месяцев (опять же «с целью улучшения подготовки»).

Насколько оправданной оказалась эта система и насколько она выполнила свою задачу? Как было отмечено выше, регулярная кавалерия сильно численно не выросла за период Мировой войны, ее безвозвратные потери не шли ни в какое сравнение с пехотой. Когда в начале 1916 г., в преддверии летней кампании, на совещании в Ставке «было признано безусловно необходимым извлечь всех офицеров, получивших нормальную подготовку мирного времени», из **всех** тыловых частей, управлений, учреждений и заведений военного ведомства «ввиду того, что на фронте есть дивизии, которые насчитывают у себя в строю всего 5–6 настоящих офицеров¹⁵, а полки с 4–5 такими офицерами считаются в завидном

положении»¹⁶, это ни в коем разе нельзя распространять на кавалерийские полки и дивизии, где ситуация была гораздо лучше. Что и было тут же подтверждено при попытках перевода офицеров постоянного состава кавалерийских училищ в части действующей армии: для них в прямом смысле не было места! В кавалерийских полках наблюдался сверхкомплект офицеров, особенно штаб-офицеров и командиров эскадронов – ротмистров. В то время как при подготовке пехотных прапорщиков приходилось иметь в виду тот факт, что многие из них сразу по прибытии на фронт вынуждены были принимать роту (в 1915–1916 гг. в пехотных полках зачастую просто не оставалось офицеров для занятия должностей ротных командиров, даже в случаях свертывания полка после боев), для молодых кавалерийских офицеров взвод становился служебным потолком на годы. Как правило, младшие офицеры, вышедшие со своими полками на войну и оставшиеся в строю к 1917 г., уже достигали чина штабс-ротмистра и становились кандидатами на получение эскадрона, причем в значительной части полков эта очередь достигала внушительных размеров – более десятка человек.

Отметим некий «рубикон» в подготовке кавалерийских офицеров, который был перейден в 1915 г.: если 4-месячный курс подготовки был увеличен ввиду **невозможности** подготовить офицера кавалерии в столь короткое время, то продление обучения с 8 до 12 месяцев и прекращение расширения штатов кавалерийских и казачьих училищ были сделаны **за отсутствием необходимости** столь частого и многочисленного пополнения русской конницы.

От кавалерийских офицеров требовалось умение руководить действиями взвода в пешем бою, умение возводить окопы, руководить огнем, т. е. те самые навыки, к приобретению и изучению которых кавалерийские юнкера традиционно относились с некоторым пренебрежением, как не касающихся их «прямой специальности». В то же время «об общей дисциплинированности и о развитом в молодых офицерах чувстве долга и служебном такте кавалерийские начальники дали похвальный отзыв», – свидетельствовал в своем отчете о командировке в действующую армию инспектор классов Тверского кавалерийского училища полковник Ковалев.

Как и в прочих родах оружия Императорской армии, пополнение кавалерийских частей шло также за счет производства в прапорщики своих вольноопределяющихся и подпрапорщиков.

Всего за годы Первой мировой войны, по нашим подсчетам, русская кавалерия пополнилась свыше 6 тыс. офицеров, из которых около 4 тыс. прошли через кавалерийские училища, сделавшие 8 выпусков военного времени:

- 1 декабря 1914 г. (прапорщиками);
 - 1 февраля 1915 г. (прапорщиками);
 - 1 июня 1915 г. (прапорщиками);
 - 1 октября 1915 г. (прапорщиками);
 - 1 февраля 1916 г. (прапорщиками);
 - 1 октября 1916 г. (корнетами, хорунжими);
 - 1 февраля 1917 г. (корнетами, хорунжими);
 - 1 октября 1917 г. (корнетами, хорунжими);
- и специальные классы Пажеского корпуса.

Для пополнения конных казачьих частей, помимо сотни Николаевского кавалерийского и Новочеркасского и Оренбургского казачьих училищ, служила конная сотня открытой в 1916 г. Екатеринодарской школы подготовки прапорщиков казачьих войск. Вместе с производством в офицеры в частях войск, значительная часть казаков проходила обучение в различных школах прапорщиков, выходя из них в «комплект конных полков» своего казачьего войска. Как и кавалерийские, конные казачьи части не испытывали серьезных трудностей с укомплектованием своего офицерского состава (хоть и в меньшей степени), свидетельством чему служит постепенное увеличение сроков обучения не только в казачьих училищах, но и в Екатеринодарской школе прапорщиков.

Как уже было отмечено выше, за годы войны русской кавалерии удалось поднять общеобразовательный уровень своих молодых офицеров благодаря притоку в кавалерийские училища лиц с законченным средним и высшим образованием, вместе с тем, естественно, повысился возрастной состав молодых офицеров (большинство стали составлять лица старше 21 года). В последнем показателе, правда, резко «портили картину» выпускники кадетских корпусов – 16–18-летняя молодежь, сразу после окончания занятий переводившаяся в училища. По сословной принадлежности около половины молодых кавалерийских офицеров составляли сыновья потомственных и личных дворян. Как ни странно, но наиболее всесословный состав сложился в эскадроне столичного Николаевского кавалерийского училища, где выходцы из крестьянского и мещанского сословия составили заметное большинство

Комплектование офицерского состава русской кавалерии в годы Первой мировой войны

(по состоянию на 1 января 1915 г. из 377 занятых вакансий в эскадроне и сотне 104 были заняты казаками (сотня), 98 мещанами и 62 крестьянами). Вероятно, и в этом вопросе «кадетские» приемы слегка корректировали ситуацию. По вероисповеданию абсолютное большинство были православными.

В казачьих училищах возраст обучающихся был в среднем несколько моложе и не испытывал «кадетских колебаний», значительно больше был процент женатых. По сословной принадлежности все (за единичными исключениями) были казаками и почти 100 % были православными (единицы – старообрядцами или магометанами). Образовательный уровень поступавших в казачьи училища был ниже: значительную часть юнкеров составляли «лица с правами вольноопределяющегося бывшего 2-го разряда», т. е. закончившие курс не менее 4 классов правительственных гимназий и реальных училищ.

То, к чему готовилась русская кавалерия в мирное время, оказалось невостребованным в ходе войны. Лишь в августе 1914 г. крупные кавалерийские массы имели опыт кавалерийских рейдов и больших сражений с кавалерией противника в полосе Юго-Западного фронта. Огромный численный перевес русской кавалерии в ходе Восточно-Прусской операции не был использован. В дальнейшем лихие кавалерийские дела случались на уровне взводов и эскадронов, иногда – полков, но применить свои конные массы русское командование не умело. Одним из самых доблестных сюжетов в истории русской кавалерии стало добровольное откомандирование в истекавшую кровью пехоту, в рядах которой пали многие кавалерийские офицеры. Апофеозом фантазии и незнания русского верховного командования, куда применить имевшуюся в его распоряжении конницу, стало формирование зимой 1916–1917 гг. при кавалерийских и казачьих дивизиях «стрелковых полков», за счет спешивания 5-х и 6-х эскадронов и сотен кавалерийских и казачьих полков. Из хорошей конницы, которую не умели применить в ходе летнего наступления, создали посредственную пехоту.

В ходе войны русская кавалерия получала хорошее офицерское пополнение, значительная часть которого была «ориентирована» на службу именно в кавалерийских частях, продолжительные сроки обучения дали возможность максимально приблизить программу к курсу мирного времени, но с учетом опыта войны. Сохранившийся в строевых частях кадровый офицерский и унтер-офицерский

состав довершал формирование кавалерийского офицера. О чем-нибудь вроде опытного эскадронного командира, авторитетного вахмистра и грамотных унтер-офицеров его пехотный коллега, как правило, мог только мечтать, получая едва ли не сразу под командование две сотни едва обученных мужиков, без полноценных унтер-офицеров. Он приобретал необходимые командные навыки только если выживал, что удавалось далеко не всем. Немаловажным фактором являлось то, что кавалерийский юнкер выходил, как правило, в старый полк, имеющий свою славную историю и крепкие традиции, полк, мундир которого он мечтал носить, сидя еще на кадетской скамье. Большинство пехотных полков было сформировано после начала войны и не имело даже знамен, о каких традициях и полковой гордости в массе таких частей могла идти речь?

Кавалерийские части, сохранившие большую часть своего кадрового состава, сумевшие воспитать полковую гордость в своих пополнениях военного времени, омолодившиеся и окрепшие за годы войны, долее других родов оружия сохраняли дисциплину на протяжении революционного 1917 года, дольше не поддавались разложению, а в начавшейся Гражданской войне дали полковые ячейки и возрожденные полки в рядах Белых армий.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1. Оп. 2 Д. 113. Л. 3 об.

² Там же. Л. 1 об.

³ См.: Там же. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1608. Л. 41 об.

⁴ См.: Там же. Л. 38.

⁵ Там же. Ф. 725. Оп. 48. Д. 1194. Л. 148.

⁶ Там же. Л. 151.

⁷ Там же. Оп. 49. Д. 34. Л. 3 об.

⁸ Алешо Е. Бывший «земной бог» Школы // Незабываемое прошлое Славной Южной Школы. Нью-Йорк, 1965. С. 146.

⁹ Вакар С. В первый год войны // Там же. С. 151.

¹⁰ РГВИА. Ф. 725. Оп. 54. Д. 408. Л. 2.

¹¹ Там же.

¹² Необычная последовательность объясняется тем, что курс приема 1 декабря 1914 г., чье обучение выпадало на зимние месяцы и ограничивало подготовку «в поле», был продлен на месяц. В результате, при 4-месячном курсе обучения, вместо выпусков каждые два месяца, выпуски производились или через месяц или через три друг от друга.

¹³ РГВИА. Ф. 725. Оп. 50. Д. 17. Л. 34 об.

Комплектование офицерского состава русской кавалерии в годы Первой мировой войны

¹⁴ Составлено на основании: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1635. Л. 21, 22, 45–50; Д. 1637. Л.1, 2, 78–84; Д. 1662. Л. 3–3об.

¹⁵ В данном случае, вероятно, все же речь идет о кадровых строевых офицерах, находившихся на службе к моменту мобилизации армии. Столь жуткую картину (5–6 кадровых офицеров на **дивизию (!)**) могли представлять собой лишь дивизии 3-й очереди, сформированные из ополченских дружин, в которых, помимо серьезного некомплекта, значительная часть офицерского состава состояла из возвращенных на службу из отставки, переведенных с нестроевых должностей и из других ведомств.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 103. Л. 38 об.

А.В. Мацук (Минск, Республика Беларусь)

РОССИЙСКИЕ ВОЙСКА И ШЛЯХТА ВОСТОЧНЫХ ВОЕВОДСТВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ЗА ПОЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО 1733–1735 ГОДОВ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ российских войск и шляхты Великого княжества Литовского (далее: ВКЛ) уже были в центре внимания исследователей¹. Правда, большинство этих работ касалось всей Речи Посполитой или всей территории ВКЛ. Цель нашей статьи – исследование взаимоотношений российских войск со шляхтой восточных воеводств ВКЛ во время «войны за польское наследство 1733–1735 гг.».

Российские войска расположились на востоке ВКЛ после того, как 12 ноября 1733 г. возле местечка Яковичи сюда вошел корпус полковника князя Юрия Репнина – 3 пехотных батальона (1670 солдат)². Согласно приказу российского правительства Репнин разместил часть своего корпуса в Витебске, а вторую часть под руководством премьер-майора Оленина направил в Быхов³. Яковичи, со слов Репнина, принадлежали рогачевскому старосте Поцею и были в заставе и витебского подкомория Казимира Саковича, который сразу приехал и заявил о полной поддержке Августа III и Варшавской конфедерации⁴. Уже 18 ноября со своими декларациями поддержки Августа III и Варшавской конфедерации к Репнину прибыли витебские урядники: стольник и городский писарь Павел Богомолец, городничий Юзеф Лускина, земский писарь Казимир Гурко, городский судья Антоний Жаба. Именно тогда Репнин с удовольствием сообщил в Петербург, что «противной партии и хоронгв неслышно и в оном городе замешания никакого ныне не имеется»⁵. Позднее, более точно разведав ситуацию, Репнин

заметил, что сторонником Лещинского является витебский воевода Мартин Огинский, который неизвестно где находится, а также в Оршанском повете «имеется шляхества, которые к российской стороне не склонны ж и подписались Станиславу». Одновременно шляхта Витебского воеводства приезжала и приносила присягу Августу III. Правда, Репнин не очень доверял такой присяге и интересовался, не брать ли ее письменно. Он также спрашивал, выдавать ли в таком случае охранные грамоты владениям присягнувшей шляхты, просившей такие документы. Еще его интересовало, с каких владений брать обеспечение для своего корпуса⁶.

Юрий Репнин должен был подчиняться командовавшему войсками в ВКЛ Льву Измайлову. Однако чаще нежели от Измайлова он получал приказания непосредственно из Петербурга. Репнину был дан приказ, находясь в Витебске, «смотреть и разведывать навкрепко о состоянии всех тамошних обывателей, особливо о шляхетстве»⁷. 25 ноября 1733 г. он узнал от витебского городничего Юзефа Лускины, что на элекционном сейме от Витебского воеводства присутствовали и избирали королем Станислава I Лещинского гродский судья Антоний Жаба, земский писарь Казимир Гурко, стольник и гродский писарь Павел Богомолец. Тот же Лускина сообщил, что они даже получили «од Станислава Лещинского денги для набирания харугв»⁸. Правда они ничего не сделали для организации выступления шляхты в поддержку Лещинского. Зато уже 5 декабря 1733 г. у Репнина появилась информация, что в Поженках и Белицах у шляхтичей Новацкого и Криштофа Статкевича, «которые к российской стороне не склонны», имелись собрания шляхты и вооруженные хоругви. Поженки находились в 10 милях от Витебска, а Белицы – в 13 милях. Репнин направил туда роту вологодского полка «с надлежащим числом обер и ундер афицеров». Этот отряд не нашел никаких собраний, но узнал, что Статкевич вместе с оршанским старостой Юзефовичем и иными шляхтичами на элекционном сейме получили 2200 червонных злотых на четыре хоругви по 100 человек. Из этой суммы Статкевич получил на формирование одной хоругви 190 червонных злотых. Именно в Поженках 5 декабря 1733 г. состоялся съезд шляхты Оршанского повета, где были оршанский гродский староста Юзефович со своею хоругвью, ротмистры Михаил Новацкий, Перутти, Винцент Ляровский с хоругвями. Сам Статкевич имел 24 солдат и 10 нанятых за деньги на службу шляхтичей. Кроме того, на съезде присутствовали

шляхтичи Булгаки, которые также были на элекционном съезде и получили от Лещинского деньги на формирование хоругвей, но еще не успели этого сделать. Уже 6 декабря 1733 г. эти силы, верные Лещинскому, направились в Оршу. Сам Статкевич выехал 7 декабря. Позднее в этот же день под руководством ротмистра Завиши от Юзефовича прибыл отряд численностью в «80 товарищей и 240 пахолков и хлопцев», который хотел объединиться с отрядом Статкевича, был должен напасть на движущиеся к Поженкам российские войска. Не застав Статкевича, этот отряд вернулся к Орше. Одновременно в Белице российский отряд не застал никаких сторонников Лещинского. Владелец Белицы Игнатий Новацкий убеждал, что его сын Михаил не является сторонником Лещинского и показывал охранный документ для сына от генерал-адъютанта Артемия Волинского. Игнатий Новацкий утверждал, что хоругвь нужна его сыну только для защиты, так как ныне должны были пройти в Орше каптуровые суды. Безусловно, это был обман. Да и Репнин особо не доверял этой информации и 14 декабря 1733 г. направил новый, более сильный отряд против сторонников Лещинского в Оршанском повете⁹.

16 декабря из Орши Репнину написал Юзефович. Он хотел убедить Репнина в своем приятном отношении к российским войскам. Юзефович сообщил, что, вернувшись на восток ВКЛ, сразу хотел приехать и высказать свое почтение Репнину, но его задержали неотложные дела. Информировал, что участвовал в выборах королем Лещинского, не зная, что такие необдуманные действия вызвали вход российских войск в Речь Посполитую. Юзефович благодарил за предложенное прощение за такую свою деятельность и обещал приехать, когда решит свои дела в Оршанском повете¹⁰. Уже 19 декабря 1733 г. Юзефович написал Репнину новое письмо, в котором заявлял о приятности к России всей шляхты Оршанского повета и обещал, что российской императрицы «указы готовы полнить всем поветом»¹¹. Репнин не очень доверял заявлениям Юзефовича и сообщал, что «на которое его письмо писано к нему от меня, чтоб виделся со мною в Витебске, однако же не утверждаюсь на том его письме, сего же декабря 11 (22 декабря по н. с.) дня командировал в Оршу капитана Шмакова и 150 человек солдат и Рославльского эскадрона драгун 30 человек с надлежащим числом обер и унтер-офицеров, для подлинного разведывания о собрании противных партий и хорунг, и ужели у показанного Иезофовича и

у прочих, о которых доносил прежде сего в Кабинет Ея И. В-ва, явятся в собрании оныя хорунги, то по силе данной мне инструкции, приказал оных прекращать, и сначала разганять, и буде же будут противиться, с такими поступать неприятельски»¹². Юзефович продолжал свою игру с Репниным и 23 декабря 1733 г. написал ему новое письмо. В нем он утверждал, что поветовые ротмистры, «в ужасе от страха» ушедшие из своих домов из-за притеснений российских войск и «до того времени по лесах прятавшиеся», к нему присоединились. Юзефович высказывал неверие в том, что российские войска так действовали по приказу Репнина «против заприсяженным союзам и приятельским между народом трактатам». Скорее всего, делал вывод он, это были просто своевольные собрания российских солдат, от которых для «безопасности собственного здоровья» ротмистры спрятались под его защиту как «полковника и поветового господаря»¹³. Таким способом Юзефович тянул время и присоединял к своему отряду все новые силы сторонников Лещинского.

Тем временем 8 декабря 1733 г. посланный Репниным Оленин успешно занял и Быхов¹⁴. Он тоже не доверял декларациям Юзефовича. Более того, узнав, что оршанский староста Юзефович со своими сторонниками должен быть в Могилеве, послал туда 10 декабря 1733 г. из Быхова отряд в количестве шестидесяти солдат под руководством поручика Толстого¹⁵. Оленину пришлось решать проблему появления сторонников Лещинского и в Речицком повете. К нему обратился администратор пропойского староства (принадлежало одному из лидеров Августа III в ВКЛ Богуславу Незабытовскому) Антоний Конча, который имел охранный лист от Карла Густава Левенвольде, о собрании недалеко от Пропойска сторонников Станислава Лещинского. Против них Оленин 16 декабря 1733 г. послал отряд в 20 солдат во главе с подпоручиком¹⁶.

Полностью согласно российским планам разворачивалась ситуация в Витебском воеводстве. Витебский подкоморий Казимир Сакович издал универсал на созыв витебского сеймика 25 января 1734 г. С его слов, он созвал сеймик на основании универсала маршалка Генеральной Варшавской конфедерации Понинского, но который не дошел до Витебского воеводства. Вторым основанием был универсал российского генерала Льва Измайлова от 30 декабря 1733 г., который оказался в Витебском воеводстве 11 января 1734 г.¹⁷ В результате 25 января 1734 г. в Витебске состоялся сеймик,

который присоединился к Варшавской конфедерации, и на нем Августу III «в верности присягу учинили и поклялись как шляхетство, так и мещане, и послов на коронацию до Кракова отправили»¹⁸. Репнин полностью не доверял витебской шляхте и заставил гродского регента Александра Тышу Быковского и гродского наместника Доминика Юзефа Русецкого составить список имеющих владения в Витебском воеводстве, но отсутствовавших на сеймике и поэтому не присягнувших Августу III. Согласно этому списку, из-за болезней не были на сеймике: витебский подвоевода Ремигян Селицкий, земский судья Игнатий Новацкий, стольник и гродский писарь Павел Богомолец. Еще некоторые шляхтичи, как, например, полоцкий стольник Юзеф Пакош, минский стольник Леон Володкович, виленский чашник Николай Петрусевич, Пжисецкий, Стеткевич и даже подскарбий ВКЛ Ян Сологуб, не бывали на витебских сеймиках, так как имели владения в иных поветах и воеводствах ВКЛ, где и ездили на сеймики. Кроме того, были понятны причины, по которым на сеймике не было магнатов Павла Сангушки, Казимира и Михаила Чартгорыйских. Не интересовались сеймиками подचाший ВКЛ Александр Поцей и рогачевский староста Михаил Поцей. Полоцкий скарбник Казимир Жук находился в своих владениях в Полоцком воеводстве и наверное ничего не знал о сеймике. А где находился витебский воевода Мартин Огинский, ничего не было известно. Все иные шляхтичи, по уверениям Быковского и Русецкого, прибыли на сеймик и присягнули Августу III¹⁹.

Значительное количество сторонников Августа III во главе с мстиславским гродским старостой Александром Воловичем находилось в Мстиславском воеводстве. Однако это воеводство было отделено от Витебска и Быхова отрядами сторонников Лещинского в Оршанском повете. Да и вся шляхта Мстиславского воеводства была разделена на два лагеря: сторонников Станислава I и Августа III. 17 декабря 1733 г. Александр Волович обратился к Юрию Репнину с просьбой прислать в помощь войска против сторонников Лещинского. Эти войска должны были помочь провести 22 декабря 1733 г. передкоронационный сеймик. Репнин не знал Воловича, но тот сообщил, что имеет документ о поддержке своих действий от российского посла Карла Густава Левенвольде²⁰. Александр Волович одновременно обратился 20 декабря 1733 г. за помощью в Быхов к майору Оленину, где также был представлен

вышеупоминаемый документ Левенвольде. Оленин сразу же 20 декабря 1733 г. послал из Быхова в Мстиславль 150 солдат с поручиком, прапорщиком, сержантом, двумя капралами и барабанщиком²¹. Правда, сам сеймик прошел позднее, 11 января 1734 г., и на нем была образована конфедерация Мстиславского воеводства, а ее маршалком избран Александр Волович. Также он был и полковником Мстиславского воеводства. Воловича шляхта просила остаться в Мстиславле, чтобы рассылать универсалы с призывом признать власть Августа III и присоединяться к конфедерации его сторонников²². Положение Воловича, однако, оставалось опасным из-за наличия в воеводстве значительного количества сторонников Станислава I Лещинского. Именно поэтому в январе 1734 г. он обратился за помощью к смоленскому вице-губернатору Семену Козловскому с просьбой прислать для защиты солдат²³. Опасения Воловича были вызваны тем, что в Мстиславское воеводство с элекционного сейма вернулись его противники и сторонники Лещинского. Они привезли конституцию сейма, а также универсалы Станислава I, созывающие посполитое рушение. Именно поэтому для помощи Воловичу в проведении громничного сеймика Юрий Репнин послал отряд капитана Толстого. Сеймик окончился успешно, и на нем были избраны послы на коронацию Августа III²⁴.

Оршанский староста Юзефович в это время расположился около Шклова и 31 декабря 1733 г., перейдя Днепр, неожиданно атаковал незначительный российский отряд, который расположился в городе²⁵. После этого во главе шести хоругвей сторонников Лещинского в количестве 600 солдат он разместился около Бельничей. К нему присоединялись все новые и новые сторонники Лещинского: «прибавляютца де еще болше»²⁶. Для лучшего разведывания дислокации отрядов сторонников Лещинского в начале января 1734 г. Репниным в Шклов был послан отряд секунд-майора Мельгунова. В Копысь он прибыл 4 января 1734 г. и направился в Шклов, в предместье которого, по его информации, находились отряды сторонников Лещинского. В Шклов отряд Мельгунова прибыл 9 января 1734 г., но сторонников Лещинского уже не обнаружил, узнав о их перебазировании в недалеко находящийся Головчин. Куда прибыл 10 января 1734 г. в восемь часов вечера. Тут были обнаружены сторонники Лещинского «в количестве 120 товарищей» под руководством ротмистров Новацкого, Шкультецкого и Василевского, которые сразу открыли огонь по российскому отряду.

В результате перестрелки сторонники Лещинского считали за лучшее отступить из Головчина и направиться к своему основному отряду под руководством Юзефовича. Мельгунов имел информацию, что Юзефович со своими силами, узнав о приближении российских войск, переместился из Бельничей, но направление было неизвестно²⁷. На самом деле Юзефович покинул границы Оршанского повета и через Минское воеводство отправился в Новогрудское воеводство. Таким образом, на востоке ВКЛ не осталось крупных отрядов сторонников Станислава I Лещинского.

В конце 1733–начале 1734 г. ситуация в ВКЛ изменилась в пользу сторонников Станислава Лещинского. Все новые и новые поветы образовывали конфедерации в его поддержку. Не остались в стороне и восточные поветы ВКЛ. Уже 14 февраля 1734 г. Репнин жаловался, что активничали сторонники Лещинского в Полоцком воеводстве, Ошмянском и Оршанском поветах²⁸. Он был вынужден послать отряд в Оршанский повет для уничтожения сторонников Станислава I и для принуждения присягнуть местную шляхту в верности Августу III²⁹. Кроме того, этот отряд должен был защитить местных сторонников Августа III во время громничного сеймика. В результате все произошло согласно плану Репнина: «В Оршанском повете, сего ж января 28 дня (8.02 н. с.), сеймик будет громничный, а во оном повете имеется замешания и многие находятся к российской стороне несклонны, и чтоб оные противники Оршанскаго повету шляхетству в принятии генеральной конфедерации варшавской и в верности Его Королевскому Величеству польскому Августу III в присяге и в подписке не учинили б какого замешания, того ради командировал я капитана одного, солдат и драгун девяносто человек с принадлежащим числом обер и унтер офицеров»³⁰. Это принесло успех, и 10 февраля 1734 г. Репнин информировал, что оршанская шляхта в количестве 204 человек на громничном сеймике «присугнула» Августу III. Местная шляхта избрала послов к Августу III Котовича и Кроера, а также к российской царице Анне Иоанновне Ларского и Бородича³¹.

Успокоение ситуации в Оршанском повете и отсутствие тут отряда Юзефовича дало возможность Репнину совершить поход в Полоцкое воеводство, чтобы принудить местную шляхту признать власть Августа III. Этот поход окончился полным успехом, и сторонники Лещинского в Полоцком воеводстве капитулировали без битвы 8 марта 1734 г. под Туровлей при одном появлении

российских войск. Маршалок полоцкой конфедерации сторонников Лещинского полоцкий стольник Юзеф Пакош заключил 9 марта 1734 г. договор с Репниным. Этот договор состоял из трех пунктов. Согласно им полоцкая шляхта отдавала свою хоругвь Репнину (фактически распускалась); заявляла о том, что не воевала против российских войск и просила не принуждать к присяге Августу III; не причинять вреда владениям в Полоцком воеводстве. Большинство шляхты, правда, не стало участвовать в заключении договора и в ночь с 8 на 9 марта 1734 г. сбежало в юго-западном направлении. Репнин после заключения договора спокойно занял Полоцк, но не пытался провести сеймик для принесения присяги Августу III³².

Еще ранее, 3 марта 1734 г., Репнин выслал для разведывания в Улу отряд в тридцать драгун под руководством прапорщика Бульчева. В Бешенковичах этот отряд неожиданно был атакован отрядом в пятьдесят человек сторонников Лещинского (наверное, ушедшие из-под Туровли отряды конфедерации Полоцкого воеводства). Бульчев отбил их атаку и перешел в контрнаступление. В это время появились основные силы сторонников Лещинского в количестве пяти хоругвей. Это вынудило Бульчева снова вернуться в Бешенковичи и защищаться от превосходящих сил противника. Сторонники Лещинского подпалили Бешенковичи, которые сгорели дотла. Битва продолжалась с полудня до четырех часов утра, а после этого Бульчев вынужден был отступить³³.

С отходом Репнина в Оршанском повете снова активизировались отряды сторонников Лещинского. Этому содействовало возвращение в Оршанский повет отряда под руководством Александра Юзефовича. Этот отряд получил приказ генерального региментария Антония Поцея вернуться на восток ВКЛ из Новогрудского воеводства. Он двинулся на восток ВКЛ в конце февраля 1734 г. через Негневичи, Налибоки на Минск, Раков в сторону Витебска³⁴. Точнее, местом их дислокации был выбран Оршанский повет. 17 марта 1734 г. в Черее был организован «генеральный конгресс» Оршанского повета. На нем было принято решение об организации 6 хоругвей конницы. Первая – поветого полковника в количестве 100 человек, а в остальных пяти должно было быть по 80 человек. Для их обеспечения был определен налог в 20 злотых «с каждого дыма». Эти хоругви должны были собраться в Орше. Там же через две недели должна была собраться и пехота³⁵. В самой Орше также

разместились сторонники Станислава Лещинского «весма в немалом собрании» и ожидали прибытия Юзефовича с двумя или тремя тысячами пехоты. Они разорили владения сторонников Августа III, особенно искали избранного послом к Анне Иоанновне оршанского мостовничего Яна Бородича, не найдя, разграбили его дом³⁶. 27 марта 1734 г. Юзефович неудачно штурмовал Горки, где разместился российский отряд полковника Швыковского. Под руководством Юзефовича в это время было 6 ротмистров со своими хоругвями и значительное количество шляхты, а среди них были и те, которые уже ранее присягнули Августу III³⁷. Смоленский вице-губернатор Козловский был вынужден направить на помощь в Горки из Вятского батальона две роты и 50 человек «польского корпуса»³⁸.

Появились проблемы у сторонников Августа III в Мстиславском воеводстве. Сторонники Лещинского здесь собрались в отряд в Бабыличах. По просьбе Воловича из Быхова 16 марта 1734 г. капитан Кураш послал отряд поручика Толстого в 50 солдат. Появление российских войск вынудило сторонников Лещинского к бегству, и фактически все Мстиславское воеводство оказалось под контролем Александра Воловича и его сторонников³⁹. В это время сам Волович вместе с мстиславским обозным Марком Жиркевичем как избранные послы от Мстиславского воеводства к царице Анне Иоанновне направились в Петербург⁴⁰. Прибыв в Петербург и получив аудиенцию, они среди прочего просили Анну Иоанновну, чтобы российские войска не притесняли из-за сбора провианта шляхту Мстиславского воеводства. Они утверждали, что «оное воеводство противу войск наших ни в какую войну вступать, но паче обще со оным против станиславцов действовать будут». Анна Иоанновна решила, чтобы для укрепления приязненности Мстиславского воеводства и для примера сторонникам Лещинского «оное воеводство не токмо никакими поборами к даче провианта не отягощали, но паче и от неприятелей охранять и защищать». Для исполнения этого 8 апреля 1734 г. был издан собый охранный акт Мстиславскому воеводству⁴¹.

Активность сторонников Лещинского вынудила Репнина 23 марта 1734 г. снова направиться в Оршанский повет. Это решение было одобрено Анной Иоанновной, но она требовала, чтобы он оставил сильный гарнизон в Витебске для защиты воеводства от сторонников Станислава Лещинского. Еще ранее к Горкам Репниным

был отправлен отряд под руководством секунд-майора Путятина. Поход главного корпуса Репнина окончился полным успехом. Стронники Станислава I отступали при приближении российских войск. В немногочисленных столкновениях победа оставалась за российскими войсками, и во время одной из них в плен попал ротмистр Ласкарис. В присутствии российских войск шляхта снова принесла присягу Августу III. Отряд Юзефовича был вынужден отступить из Орши и направился к Быхову. Находящийся там отряд премьер-майора Оленина не был в состоянии противостоять Юзефовичу и просил помощи у Репнина. Правда, Юзефович тоже не решился штурмовать Быхов и отступил при приближении Репнина⁴².

В Петербурге были обеспокоены активностью сторонников Лещинского на востоке ВКЛ. Согласно приказу Анны Иоанновны от 15 апреля 1734 г. корпус Репнина должен был уничтожить их и заставить местную шляхту признать королем Августа III. Царица приказывает для «разогнания» отрядов Юзефовича выслать отряды в Оршу «и к Горкам и в протчие места немедленно». Репнин 17 апреля 1734 г. отправил отряд майора Орлова в Оршу, Шклов, Горки «и в прочие места»⁴³. Содействовало решительности Репнина очередное увеличение его корпуса за счет прибытия солдат из Смоленска. Это дало возможность разместить свои гарнизоны в Орше, Шклове, Горках и иных городах и таким образом взять под контроль ситуацию в Оршанском повете и Мстиславском воеводстве. Разместив свои гарнизоны в городах, Репнин занялся истреблением отрядов сторонников Лещинского. По подсчетам Тадеуша Огинского, корпус Репнина состоял примерно из 3 тысяч солдат. Помогали ему отряды сторонников Августа III Ларского и Адама Кроера. Последний имел 100 человек конницы и около 600 пехотинцев⁴⁴. Кроер прибыл на помощь от новогрудского воеводы Николая Фаустина Радзивилла только в конце марта 1734 г.⁴⁵ Согласно рапорту самого Репнина у него на 5 мая 1734 г. в корпусе в Оршанском повете было 3728 человек⁴⁶. Часть этих сил, правда, использовалась только как гарнизоны в городах на востоке ВКЛ, и поэтому Репнин требовал присылки новых солдат, а задержка в их прибытии привела к тому, что в «разогнании и сокращении противничьих партий учинилась немалая остановка»⁴⁷.

В конце апреля 1734 г. Репнин сделал удачный рейд в Полоцкое воеводство. После этого он занялся преследованием главных сил

сторонников Лещинского на востоке ВКЛ. Уже 26 мая 1734 г. по новому приказу Репнин выступил в Оршу. Посланные ранее вперед отряды секунд-майоров Орлова и Путятин еще 6 мая 1734 г. в Круглом столкнулись со сторонниками Лещинского под руководством Тадеуша Огинского, который отступил через реку Друть, разрушив переправу. Путятин и Орлов хотели преследовать его и переправиться, но к Огинскому подошел отряд оршанского городского старосты Юзефовича. Это помешало переправе. Правда, в результате битвы сторонники Лещинского посчитали за лучшее отступить, но и российские войска не смогли их преследовать⁴⁸. Юзефович отступил к Борисову, где уже 10 июня 1734 г. расположился обозом. Тем временем 4 июня 1734 г. Репнин со своим корпусом прибыл в Оршу. Отряды сторонников Лещинского, только услышав о приближении корпуса Репнина, отступили. Несмотря на стремление Репнина дать генеральное сражение, они избегали битвы и прятались от российских войск. Сразу по прибытии Репнина в Оршу явилось значительное количество шляхты, которая присягнула в верности Августу III⁴⁹. На 16 июня 1734 г. был созван сеймик Оршанского повета для принесения присяги Августу III. Несмотря на угрозу оршанского городского старосты Александра Юзефовича, сторонники Августа III собрались на сеймик и принесли присягу, а также избрали своих послов к российской царице Анне Иоанновне (Адама Кроера и Яна Бородича)⁵⁰.

Репнин, имея целью уничтожение отряда Юзефовича и получив информацию о его нахождении в лагере в Лукомле, 18 июля 1734 г. выступил на него из Орши. Юзефович, узнав о прибытии отряда Репнина в недалеко расположеную от Лукомля Череею, вышел из своего лагеря и передислоцировался в Лепель. Репнин преследовал его. Юзефович, получив сведения о движении Репнина, покинул Лепель и, перейдя реку Березину, вошел в Минское воеводство, где и остановился. 26 июля 1734 г. на реке Березе секунд-майор Путятин с одной кавалерией атаковал Юзефовича и помешал разрушить мост. Юзефович отступил в местечко Панский ям, где контратаковал значительно уступающие силы Путятин, вынудив россиян отступить на другой берег. Тут подошла пехота Путятин и основные силы российского корпуса Репнина. Они атаковали отряд Юзефовича и принудили его спасаться бегством. Оторвавшись от российских войск, он разместился на западе Оршанского повета в Смолянах. Против него Репнин выслал отряд

секунд-майора Орлова, что вынудило Юзефовича к дальнейшему отступлению на запад⁵¹.

Остатки отряда Юзефовича покинули Оршанский повет, и восток ВКЛ полностью оказался под контролем корпуса Репнина. Выполнив свое задание, корпус Репнина бездействовал некоторое время. Новый поход он предпринял только в конце сентября 1734 г., когда двинулся в Полоцкое воеводство, чтобы принудить местную шляхту принести присягу в верности Августу III⁵². Репнин обратился к хоружему Александру Константину Корсаку Бобыницкому, подсудку Иосифу Антонию Селяве и земскому писарю Базылию Рыпиньскому, чтобы они созвали сеймик Полоцкого воеводства для присяги Августу III. В результате этот сеймик был созван универсалами Александра Константина Корсака Бобыницкого⁵³. Сам сеймик прошел 2 декабря 1734 г. На нем местная шляхта принесла присягу и избрала послов к российской царице Анне Иоанновне и Августу III – инфлянтского войскового Людвика Шатыра и инфлянтского скарбника Яна Гизберта⁵⁴.

В это время ухудшилось положение сторонников Августа III в Мстиславском воеводстве и они снова обратились к смоленскому вице-губернатору Козловскому с просьбой прислать несколько сотен российских солдат с пушками против собирающихся сторонников Станислава I Лещинского⁵⁵. Одновременно охранный акт Анны Иоанновны не очень помогал мстиславской шляхте от нападений смоленского дворянства и сбора провианта российскими войсками. Особенно большой вред сделал отряд, который подчинялся находящемуся в Быхове премьер-майору Оленину. Этот отряд выбирал провиант у сторонников Августа III. Мстиславская шляхта просила компенсировать понесенные материальные потери. Для решения этих проблем 20 ноября 1734 г. на мстиславском сеймике был избран посол к смоленскому вице-губернатору Федору Шепелеву и Юрию Репнину – мстиславский подстароста и угиский староста Криштоф Волович. Кроме того, был послан посол Юрий Томашевич к Оленину с просьбой не собирать налоги в Мстиславском воеводстве согласно акту российской царицы⁵⁶.

Еще одной проблемой для российского правительства стали избранные на оршанском сеймике послы к Анне Иоанновне Адам Кроер и оршанский мостовничий Ян Бородич. Адам Кроер отличился многочисленными грабежами своего отряда под видом

выбирания провианта. Особенно сильно от него пострадали владения трокского воеводы Юзефа Огинского и русского воеводы Августа Чарторийского. Еще хуже было простой шляхте, а особенно Шемешу, который ранее судился с Кроером. В результате злоупотреблений Кроера выступили сторонники Августа III новогрудский воевода Николай Фаустин Радзивилл и мечник ВКЛ Игнат Завиша, который как посол в Россию сделал соответственное представление и российскому правительству. Завиша утверждал, что Кроер и послом фактически избрал сам себя, принудив под угрозами согласиться оршанскую шляхту, которая присутствовала на сеймике. Кроме того, установил завышенные выплаты послам к Анне Иоанновне и Августу III «по четыре гульдена с дымом». После этого с помощью своего отряда начал их собирать, грабя шляхетские владения и даже убивая несогласную шляхту. Правда, за свои действия был арестован в июне 1734 г. по приказу генерала Льва Измайлова вместе со всей своей хоругвью. Добивался своего освобождения как невиновного и 20 июня 1734 г. из Орши даже отправил челобитную российской царице Анне Иоанновне. В ней отмечал свои боевые заслуги, что был оговорен, а никаких нарушений закона не чинил. Особенно Кроер подчеркивал, что из-за ареста не может с посольством выехать в Петербург как избранный оршанский посол. Его обращения к Николаю Фаустину Радзивиллу и в Россию имели успех, и уже в августе 1734 г. по приказу того же Измайлова он был выпущен из-под ареста. Российское правительство на основании обращений Кроера, Бородича и Завиши приняло хитрое решение. Пообещав свою помощь Кроеру и Бородичу, оно проинформировало Репнина о нем, но сообщило и о нужности исполнять его, и постараться дистанцироваться от конфликта Кроера с урядниками ВКЛ, одновременно стараясь узнать об этом конфликте побольше⁵⁷. Поддержка, высказанная на словах российским правительством, приободрила Кроера, который по возвращении в ВКЛ снова принялся грабить шляхетские владения. Более того, подделал печать Николая Фаустина Радзивилла и выдавал за него указы. Анна Иоанновна 6 февраля 1735 г. приказала Репнину, чтобы Кроеру «нетокмо никакой протекции не давали, но и до самовольных поступков его не допускали». Кроме того, российская царица требовала в случае нарушения законов Кроером связаться с Николаем Фаустином Радзивиллом для принятия совместного решения⁵⁸.

Ситуация на востоке ВКЛ снова обострилась в связи с движением сюда в конце 1734 г. отряда сторонников Станислава I Лещинского под руководством Тадеуша Огинского, в составе 20 драгун и по 6 петигорских, авангардных и поветовых хоругвей⁵⁹. Содействовало этому и то, что Репнин с большей частью своего корпуса покинул восток ВКЛ и направился в Ошмянский повет, чтобы усмирить местных сторонников Лещинского⁶⁰. Отряд Огинского сначала двинулся в Оршанский повет, где захватил Шклов и остановился там на три недели. Далее Огинский направился в Мстиславское воеводство, в Кричевское староство. По дороге авангардная хоругвь ротмистра Узловского была разбита отрядом войска ВКЛ под руководством Яна Кости и Белявского, которые размещались в Могилеве. В отместку Огинский предпринял попытку захватить Могилев, но она окончилась неудачей. После разграбил Чаусы и снова направился в Кричевское староство. Из-за оказанного сопротивления отряд Огинского разграбил Кричев. Тут он разместился на четыре недели⁶¹. Такое долгое нахождение его в Мстиславском воеводстве содействовало образованию здесь конфедерации сторонников Станислава I Лещинского. Тем более, что соответствующие универсалы прислали к мстиславской шляхте региментарий войск Лещинского в ВКЛ Антоний Поцей (от 3 февраля 1735 г.) и Тадеуш Огинский (от 15 марта 1735 г.)⁶². Сторонники Лещинского образовали конфедерацию в его поддержку и даже организовали дивизию под руководством мстиславского ловчего и мстиславского подстаросты Антония Парчевского. Они пробовали объединиться с отрядом Тадеуша Огинского, но российские войска, по явно завышенной информации, в 4000 солдат под руководством Кураша в Хумнах разгромили их⁶³. С этого времени Мстиславское воеводство снова оказывается под контролем сторонников Августа III. Огинский, узнав о движении к нему сильного отряда Николая Фаустина Радзивилла, в апреле 1735 г. начал отступать к Шклову. Имея ошибочную информацию о количестве российского гарнизона в Орше в 200 человек (из них только 100 здоровых), предпринял неудачную попытку захвата поветовой столицы, так как гарнизон под руководством вахмистра Роговцова состоял из 700 солдат. Огинский отступил к Смолыням, где, простояв пять дней, отправился к Глубокому, покинув восток ВКЛ⁶⁴.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В восточных воеводствах ВКЛ разместился корпус российских войск под

руководством полковника Юрия Репнина. Его численность со временем только возрастала. Постоянным местом дислокации был избран Витебск. Вторая часть корпуса разместилась в Быхове. Целью Репнина было помешать действию сторонников Лещинского на востоке ВКЛ и приводить местную шляхту к присяге Августу III. Ситуация в восточных воеводствах ВКЛ имела свои отличия. В Витебском воеводстве шляхта сразу признала Августа III и не производила никаких действий в пользу Станислава I Лещинского. Это было вызвано постоянной дислокацией в Витебске корпуса Репнина. Уже 25 января 1734 г. на своем сеймике витебская шляхта учинила присягу Августу III. В Мстиславском воеводстве сторонники Августа III под руководством Воловича получили превосходство только при поддержке посылаемых им российских отрядов. Хотя инициатива образования конфедерации сторонников Августа III исходила от них самих и они это сделали на своем сеймике еще 11 января 1734 г. Одновременно российские отряды были вынуждены их все время защищать от формировавшихся в Мстиславском воеводстве отрядов сторонников Лещинского. Несмотря на охранную грамоту от царицы Анны Иоанновны сторонники Августа III в Мстиславском воеводстве постоянно сталкивались с проблемой выбора провианта российскими войсками. Шляхта Оршанского повета и Полоцкого воеводства в своем большинстве выступила на стороне Станислава Лещинского. Причем часть оршанской шляхты под воздействием присутствовавших российских войск признала Августа III королем и учинила присягу еще во время громничного сеймика 8 февраля 1734 г. Однако фактически в своем большинстве она выступила на стороне Станислава Лещинского и сформировала вооруженные хоругви в его поддержку под руководством местного гродского старосты Александра Юзефовича. Именно против них Репнин и вел основные боевые действия со множеством мелких сражений. Ситуацию в Оршанском повете Репнину удалось взять под контроль только после победы российских войск над Юзефовичам 26 июля 1734 г. на реке Березе. Шляхта Полоцкого воеводства тоже выступила на стороне Станислава Лещинского, но действовала значительно менее активно, нежели оршанская шляхта. Репнин дважды сделал рейды в Полоцкое воеводство. В результате первого полоцкая шляхта 8–9 марта 1734 г. капитулировала без боя под

Туровлей, а потом в своем большинстве убежала с места переговоров. Во время второго рейда Репнин принудил 2 декабря 1734 г. полоцкую шляхту на своем сеймике признать власть Августа III. Дважды сторонники Лещинского получали помощь в виде рейдов корпуса под руководством Тадеуша Огинского, что активизировало и их выступления в восточных воеводствах ВКЛ. Окончательно Репнину удалось успокоить ситуацию на востоке ВКЛ только в начале 1735 г.

¹ Бутурлин Д. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 3. СПб., 1823; Sliesoriūnas F., Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė. 1733–1736 metų tarpuvaldžiu // Lietuvos Valstybė XII–XVIII a. Vilnius, 1997. S. 365–381; Sliesoriūnas F. Mūšis prie Vilniaus ir miesto nusiaubimas 1734 metais // Lietuva ir jos kaimynai: nuo Normanų iki Napoleono. Prof. Broniaus Dundulio atminimui. Vilnius, 2001. P. 311–329; Мацук А. Войска як інструмент усталавання ўлады Аўгуста III у ВКЛ у 1733–1735 г. // Беларускі гістарычны агляд. Т. 15, сшыткі 1–2 (28–29), 2008. С. 329–364; Цясельскі Т. Узброеныя сілы ВКЛ падчас вайны за польскую спадчыну ў 1733–1735 гг. // Архэ, 2011. № 6. С. 246–259; он же. Баявыя дзеянні на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага падчас вайны за польскую спадчыну ў 1733–1735 гг. // Там же. С. 347–371; Мацук А. Значенне боевых действий в ВКЛ в войне за «польское наследство» // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. Часть III. СПб., 2013. С. 198–218.

² Sliesoriūnas F. Mūšis prie Vilniaus ir miesto nusiaubimas 1734 metais // Lietuva ir jos kaimynai: nuo Normanų iki Napoleono. Prof. Broniaus Dundulio atminimui. Vilnius, 2001. P. 314.

³ СИРИО. Т. 106. СПб., 1899. С. 588; РГАДА. Ф. 177. 1733 г. Д. 7. Л. 8, 12.

⁴ СИРИО. Т. 106. С. 588; РГАДА. Ф. 177. 1733 г. Д. 7. Л. 8, 12.

⁵ РГАДА. Ф. 177. 1733 г. Д. 7. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 17–17 об.

⁷ Там же. Л. 8, 12.

⁸ Там же. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 18–19.

¹⁰ Там же. Л. 24.

¹¹ СИРИО. Т. 106. С. 621.

¹² СИРИО. Т. 106. С. 621–622; РГАДА. Ф. 177. 1734 г. Д. 18. Л. 21 об.

¹³ РГАДА. Ф. 177. 1733 г. Д. 7. Л. 39–39 об.

¹⁴ СИРИО. Т. 106. С. 620; РГАДА. Ф. 177. 1733 г. Д. 17. Л. 30.

¹⁵ РГАДА. Ф. 177. 1733 г. Д. 7. Л. 20.

¹⁶ Там же. Л. 30.

¹⁷ Там же. 1734 г. Д. 18. Л. 7.

¹⁸ Там же. Л. 21.

¹⁹ Там же. Л. 22–22 об.

²⁰ Там же. Л. 43–44.

- ²¹ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1733 г. Д. 17. Л. 30 об.–31.
- ²² LMAV. F. 148. B. 80. P. 84–84 v, 85–86 v.
- ²³ СИРИО. Т. 108. СПб., 1900. С. 22.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 177. 1734 г. Д. 18. Л. 22, 56–56 об.
- ²⁵ Там же. Л. 2–2 об.
- ²⁶ Там же. Л. 14.
- ²⁷ Там же. Л. 18–19 об.
- ²⁸ Там же. Л. 26.
- ²⁹ СИРИО. Т. 108. С. 46, 63.
- ³⁰ Там же. С. 46–47.
- ³¹ РГАДА. Ф. 177. 1734 г. Д. 18. Л. 24.
- ³² СИРИО. Т. 108. С. 21, 63; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 45а. Л. 11–12; Biblioteka PAN i PAU 1175, k. 9–9 v; РГАДА. Ф. 177. 1734 г. Д. 18. Л. 31, 59.
- ³³ РГАДА. Ф. 177. 1734 г. Д. 18. Л. 34–34 об.
- ³⁴ Dygdała J. Codzienne kłopoty, wielkie interesa i podwójna elekcja: korespondencja radziwiłowskich urzędników z księżną Anną z Sanguszków Radziwiłową i jej synem Michałem Kazimierzem z 1733/1734 roku. Warszawa, 2013. S. 197.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 177. 1734 г. Д. 18. Л. 94–94 об.; Biblioteka Ossolińskich. Sygn. 6611. S. 758–761.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 177. 1734 г. Д. 18. Л. 46–47.
- ³⁷ Там же. Л. 56–56 об.
- ³⁸ СИРИО. Т. 108. С. 124, 132 .
- ³⁹ РГАДА. Ф. 177. 1734 г. Д. 18. Л. 138–139 об.
- ⁴⁰ СИРИО. Т. 108. С. 65.
- ⁴¹ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 45а. Л. 18–18 об.; НГАБ. Ф. 1729. Воп. 1. Спр. 38а, арк. 36–37адв, 42–43.
- ⁴² СИРИО. Т. 108. С. 115, 117, 122; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1734 г. Д. 18. Л. 56 об.
- ⁴³ СИРИО. Т. 108. С. 142; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 45а. Л. 35–36.
- ⁴⁴ Matuszewicz M. Dziariusz życia mego. Т. 1. Warszawa, 1996. S. 71. Согласно информации Льва Измайлова в отряде Кроера было 500 солдат. С ним вместе действовала и рота пехотного полка капитана Менгдена. СИРИО. Т. 108. С. 122.
- ⁴⁵ Там же. С. 103.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 177. 1734 г. Д. 18. Л. 68–69.
- ⁴⁷ СИРИО. Т. 108. С. 124, 139, 142–143; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1734 г. Д. 18. Л. 61–62 об.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 177. 1734 г. Д. 18. Л. 70–70 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 80.
- ⁵⁰ Там же. Л. 93; СИРИО. Т. 108. С. 382.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 54. Ч. 1. Л. 1–1 об.; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1734 г. Д. 18. Л. 70–70 об., 106–107 об.
- ⁵² СИРИО. Т. 108. С. 337, 397; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 45б. Л. 3–6 об.
- ⁵³ РГИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 54. Ч. 1. Л. 17–17 об., 18–18 об.; РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1734 г. Д. 18. Л. 171.
- ⁵⁴ НГАБ. Ф. 1734. Воп. 1. Спр. 24, арк. 13–16адв, 22–23.
- ⁵⁵ СИРИО. Т. 108. С. 132.
- ⁵⁶ НГАБ. Ф. 1729. Воп. 1. Спр. 38а, арк. 38–39адв, 40–41адв, 44–47.
- ⁵⁷ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1733 г. Д. 45а. Л. 66–68, 71–110 об., 114–115, 123–131,

133–140, 142–155, 161–162; СИРИО. Т. 108. С. 264, 337; РГАДА. Ф. 177. 1734 г. Д. 18 Л. 97–97 об.

⁵⁸ СИРИО. Т. 111. Юрьев, 1901. С. 25.

⁵⁹ СИРИО. Т. 111. С. 47.

⁶⁰ РГИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 54. Ч. 1. Л. 22.

⁶¹ Pamiętnik Tadeusza Ogińskiego // Przegląd historyczny. 1914. Z. 1, S. 76; СИРИО. Т. 111. С. 47–48; Бутурлин Д. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1823. Ч. 3. С. 104.

⁶² НГАБ. Ф. 1729. Воп. 1. Спр. 39, арк.175–176адв, 186–187.

⁶³ Там же. Арк. 214–215адв, 216–216адв; Dyariusz życia Ignacego Łopacińskiego // Biblioteka Warszawska, 1855. Т. 3. S. 397.

⁶⁴ Цясельскі Т. Баявыя дзеянні на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага... С. 369.

Б.В. Мезгорский (Санкт-Петербург)

**НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ
ОБ ОСАДНЫХ РАБОТАХ ПОД НАРВОЙ
(К 310-Й ГОДОВЩИНЕ ВЗЯТИЯ КРЕПОСТИ)**

Г ОРОД-КРЕПОСТЬ Нарва занимает важное место в отечественной военной истории в связи с «нарвской конфузией» – неудачной осадой и поражением от короля Карла XII в ноябре 1700 г. События эти были настолько драматичны для петровских войск и славны для шведских, что в их тени оказалась осада 1704 г., когда русские вернулись «с выполненным домашним заданием». Вместе с тем, вторая и на этот раз успешная осада стала серьезной вехой на боевом пути царской армии. Северная война была во многом войной осад и штурмов, но лишь при взятии Нарвы русскими войсками были применены все возможные тактики и методы – от блокады и бомбардирования до постепенной атаки и удачного генерального штурма; такого в петровской истории больше не было¹.

Подробно описать события вокруг Нарвы нам позволяет большой объем доступных источников. В первую очередь, это хрестоматийные тексты по истории Северной войны: «Книга Марсова», «Журнал или поденная записка Петра Великого» и «Гистория Свейской войны»². Некоторые дополнительные сведения содержатся в так называемом журнале барона Гизена (Генрих Гюйсен с 1703 г. писал известия о событиях в России для европейской прессы, а позднее составлял по заказу Петра историю войны со Швецией³). Его описание осады Нарвы 1704 г. (а он был очевидцем) сделано преимущественно на основании «Поденной записки или журнала воинского и иного поведения, 1704-го года генваря с 1-го числа»⁴, а сведения, приписываемые некоему «иностранному министру», перекликаются с немецким жизнеописанием царя 1710 г. (публикации которого Гизен также «споспешествовал»)⁵. Эти официальные

описания войны вообще и нарвской операции в частности создавались и редактировались при Петре на основе первичных источников. К таковым можно отнести документы и дневниковые записи, составляющие «Походный журнал 1704 года», в котором содержится наиболее подробное описание осады⁶. Некоторые сведения о действиях, численности и потерях отдельных соединений содержатся в военно-походном журнале Б.П. Шереметева и журнале шведских служб П.М. Апраксина⁷.

Шведская официальная историография деяний Карла XII представлена трудами Густава Адлерфельда и пастора Йорана Нордберга; обе истории составлялись современниками событий на основе доступных авторам документов (Адлерфельд – до 1709 г., Нордберг – в 1730-х гг.). Поскольку для короля Нарва в 1704 г. была второстепенным театром, а составители не были очевидцами событий, их описания осады скудны⁸. Однако, у Адлерфельда приведен важнейший военный источник со шведской стороны – «Журнал происходившего при осаде Нарвы с 1 апреля по 24 августа 1704 год», написанный офицером ивангородского гарнизона⁹. Опубликованы также дневники живших в Нарве во время осады горожан¹⁰. Завершает круг шведских источников «Лифляндская История», автор которой пастор Кристиан Кельх, будучи современником – хотя и не участником – событий, пользовался официальными реляциями и сообщениями очевидцев¹¹.

Поскольку большинство историй составлялось постфактум, особенную ценность представляет переписка участников событий непосредственно в ходе осады и по поводу осады, включая постановку задач, отчеты об исполнении, показания пленных и т. п. К такой корреспонденции можно отнести письма самого Петра Великого, А.Д. Меншикова, Б.П. Шереметева, Г.Б. Огильви, П.М. Апраксина и др. Эти источники опубликованы в 3-м томе «Писем и бумаг Петра Великого» и других сборниках материалов¹². Личный опыт и переживания непосредственных участников событий сохранились в воспоминаниях, мало распространенных среди воинов петровской армии того периода. Если для первой нарвской осады это записки саксонского генерала на русской службе Людвиг Николая Алларга и анонимного «Летописца 1700 года», то для второй – записки князя Бориса Ивановича Куракина и графа Григория Петровича Чернышова¹³. Важным источником являются также записанные офицерами русской армии в 1720 г.

служебные автобиографии («сказки»), иногда содержащие ценные сведения об участии их авторов в акциях 1704 г.¹⁴

Вторая нарвская осада 1704 г. неоднократно более или менее подробно была описана в историографии, и упоминания заслуживают работы исследователя петровского времени Н.Г. Устрялова, военного инженера Ф.Ф. Ласковского, историка Нарвы А.В. Попова и специалиста по Эстонии XVII–XVIII вв. Х.Э. Палли¹⁵. Книги этих авторов достаточно полно освещают хронологию событий 1704 г., однако у нас есть возможность уточнить некоторые эпизоды второй нарвской операции петровской армии с привлечением новых источников.

Недавно был выявлен и опубликован хранящийся в Великобритании архивный документ 1704 г., перечисляющий «генералов, командующих при осаде Нарвы», и участвующие в ней полки¹⁶. Судя по содержанию, документ был составлен находившимся при армии английским консулом Чарльзом Гудфеллоу незадолго до взятия крепости, в период между 30 июля и 9 августа 1704 г. Этот материал – хронологически первое из дошедших до нас известий иностранцев о составе русской армии в ходе Северной войны. Он, в частности, перечисляет не только генералитет, но, что особенно ценно, инженеров осаждающей армии – эти военные специалисты редко упоминаются в описании операций. Генерал-инженером был француз Жозеф Гаспар Ламбер де Герен, он уже руководил осадными работами под Нотебургом и Ниеншанцем. Ему подчинялись инженеры итальянец Андре де Брильи и мекленбуржец Марк Гейнсон, про которых известно, что 9 августа они были командированы на штурм вместе с войсками, а также саксонский инженер Вильгельм Адам Кирштенштейн, автор проекта и руководитель строительства Санкт-Петербургской дерево-земляной крепости¹⁷.

В настоящей статье рассматриваются данные из не публиковавшегося ранее источника. Подборка приказов, отданных по армии под Нарвой с 9 июля по 28 августа 1704 г., отложилась в РГВИА в фонде штаба лейб-гвардии Семеновского полка в виде машинописной копии начала XX в.¹⁸ Этот документ позволяет больше узнать о боевой повседневности – тех вещах, о которых не упоминали реляции.

Из текста приказов видны количество и состав команд, отправлявшихся на работы в апроши (осадные траншеи). Так, 9 июля от каждого батальона – по 20 солдат с капралом, с командами всех

батальонов были капитан, майор и полковник, которые поступали в распоряжение генерала, находившегося в апрошах¹⁹. 21 июля на работы наряжено 320 человек, по 10 от батальона с майором и 6 офицерами, а 22 июля на работу никого не послали²⁰. Все работники приходили в апроши с оружием, по завершении работы они должны были встать в резерв и ожидать смены; в апрошах для работников всегда были приготовлены инструменты – по тысяче лопат и кирок²¹. 30 июля на ночные работы нарядили по 20 человек с батальона (всего 600 человек) с 2 майорами, 4 капитанами и 4 поручиками; каждый солдат должен был прийти с фашиной; помимо этой разрядки к майору отправлено еще по одному солдату без оружия²². 3 августа – по 33 человека (всего 990 человек) с подполковником, двумя майорами, десятью капитанами и поручиками; сбор для людей с оружием и фашинами был назначен на 4 часа после полудня перед фронтом лагеря Преображенского полка, по окончании работ утром покидать траншеи разрешалось только по приказу фельдмаршала или генерала Репнина. 7 августа – по 31 человеку (992 человека) с тем же составом офицеров²³.

Генерал посылался в траншеи, чтобы отвечать за выполнение задач («чтоб государево дело было исполнено и в опрошах во всяких делах чинить за что отповедь мочно давать»), и находился там до тех пор, пока не прибудет другой ему на смену и не примет дела. Так же и майор при работниках не должен был уходить, не сдав пост следующему майору²⁴. В частности, 11 июля «все дело в апрошах управлять» было велено майору Преображенского полка фон Кирхену²⁵. 10 июля фельдмаршал Огильви отправил в траншеи к генерал-лейтенанту Шонбеку письмо, в котором, очевидно, описывался порядок смены генералов в апрошах – этим документом должны были руководствоваться в дальнейшем²⁶. Генерал-инженер руководил непосредственным ведением работ; он мог попросить у генерала работников «в прибавок», и тогда солдаты шли в апроши с оружием, во время работы клали его рядом с собой, а по выполнении задания уходили на свои прежние места²⁷.

Защищать работников в траншеях от вылазок гарнизона был призван траншейный караул. Приказом 20 июля в траншейный караул назначалось по 47 солдат от каждого из 36 батальонов²⁸. 22 июля в караул послано по 50 солдат от 30 батальонов²⁹. Часто в приказах о караулах вообще не упоминается; очевидно, тогда действовала формулировка, как, например, 7 августа: «на караул в

опроши посылать обычайно»³⁰. Согласно Вобану, находившийся в траншеях пехотный караул должен был быть равен по численности трем четвертям гарнизона крепости, и сменять его следовало так, чтобы каждый человек был свободен от караула пять–шесть дней³¹. В реляциях можно найти лишь эпизодические упоминания о том, как были организованы дежурства в траншеях русской армии. В частности, под Дерптом «в те опроши ходили полковники с батальоны для караулу, переменяясь по суточно»³². Таким образом, порядок смены войск в траншеях в 1704 г. был различным в армии Шереметева (суточное дежурство целого батальона) и в армии Огильви (суточное дежурство сводных отрядов). Перед сменой рекомендовалось посылать на сборное место проводников, чтобы те показали путь свежему караулу по длинным и часто запутанным апрошам. Как только старое прикрытие уходило, солдаты новой смены садились на банкет спиной к брустверу и ставили оружие между коленями; часовые вставали на банкет и наблюдали за городом, они должны были предупредить о попытках осажденных помешать работам³³.

Согласно приказу от 11 июля, караулы в лагере осаждающей армии под Нарвой должны были переменяться в 12 часов, а траншейные караулы – в 6-м часу пополудни³⁴. Именно во время перемены караулов вечером 23 июля в апрошах выстрелом из шведской фузеи был убит преображенский подполковник Дмитрий Карпов, герой нотебургского штурма³⁵.

Необходимые для строительства батарей и траншей материалы – туры и фашины – заготавливались войсками в близлежащих рощах и лесах. Каждому полку назначалось, сколько сделать фашин и туров. По приказу от 11 июля, каждый день рано утром после пробития зори солдаты от каждого полка должны были приносить заготовленные ими туры и фашины и складывать на берегу в одном месте, откуда их грузили на лодки и везли туда, где велись работы³⁶. Очевидно, заготовка материалов велась ниже крепости по течению и ближе к устью р. Наровы; оттуда их доставляли наверх либо на левый берег для ведения апрошей, либо на правый берег для строительства батарей. Осажденный гарнизон мог наблюдать, как русские солдаты складывали сплетенные туры. 5 июля шведский полковник Ферзен с ивангородского горнверка стрелял из пушек по их месту сбора, чем вызвал неудовольствие коменданта Нарвы генерал-майора Горна; последний

сделал полковнику выговор и потребовал заплатить по дукату за каждый выстрел³⁷.

Согласно походному журналу, 3 июля по указу царя все пехотные полки на нарвской стороне разбили лагерь вдоль новой контрваллационной линии, а вместо циркумваллационной линии с поля огородились одними рогатками³⁸. Известно, что А.Д. Меншиков приказал заготовить и прислать в полки под Нарвой 4200 рогаток: брусья длиной 2,5 м должны были иметь крюки на концах и по 20 «спис» (кольев); в Москве и Твери было изготовлено 1200 таких рогаток³⁹. Неизвестно, однако, когда распоряжение было сделано (очевидно, не ранее конца мая) и когда выполнено. В делах Приказа артиллерии хранятся документы об изготовлении «копейцев», железных наконечников для рогаточных копий, кузнецами Москвы и семи других городов, а также о найме 10 июля подвод для доставки под Ругодев 20 000 этих изделий⁴⁰. Неизвестно, успели ли они прибыть во время осады; уже после взятия города в крепости складировали 56 коробов и «в них 30 500 копей рогаточных»⁴¹. Согласно приказу от 20 июля, войскам следовало изготавливать рогатки на месте, желательнее из березы, по образцу, который стоял перед лагерьем 1-го батальона Преображенского полка⁴².

Случались и другие наряды, в первую очередь к артиллерии. 20 июля в распоряжение начальника артиллерии генерал-майора Я.В. Брюса было послано 540 солдат с офицерами⁴³. 21 июля приказано делать платформы («мосты») для осадных орудий. Это было необходимо, чтобы под собственным весом тяжелые пушки не зарывались в грунт при отдаче и накатывании, к тому же пушку легче было наводить, когда она стояла на ровной поверхности. По Вобану, для строительства платформы за бруствером выкладывались и крепились к земле кольшками 5–6 толстых деревянных брусьев, пространство между ними заполнялось плотно прибитой землей, а поперек брусьев клали настил из досок в 6 см толщиной. Платформа имела вид трапеции, сужающейся от тыла к фронту, и была длиной до 6 м, шириной тыльной части 4 м и передней – 2 м. Чтобы пушка сама накатывалась к амбразуре после заряжания, платформу делали с уклоном к передней части⁴⁴. Сложно сказать, насколько этим рекомендациям следовали под Нарвой; нам лишь известно, что каждые два батальона должны были изготовить деревянный настил длиной 4,2 м⁴⁵. Сделанные пушечные платформы следовало отвозить к Я.В. Брюсу, а 24 июля последовал приказ

сделать три мортирных «моста», задание, как и все другие, было распределено поровну между 30 батальонами⁴⁶.

Оборудование артиллерийских позиций продолжалось и после того, как 30 июля началось бомбардирование; очевидно, на этот раз строились батареи для поддержки будущего штурма. 3 августа в распоряжение Я.В. Брюса для строительства одной батареи направлялись по 30 человек из батальонов бригад генерал-майора Чамберса и генерал-лейтенанта Шонбека (всего 600 человек с тремя капитанами и поручиками); из бригады генерал-майора Шарфа к новым батареям было определено 200 человек. На три батареи к Корчмину (бомбардиру Преображенского полка) наряжено 80 человек от 10 батальонов⁴⁷. 7 августа к Брюсу на работы отряжено по 16 человек с батальона, к Корчмину – по 3, а к артиллерийскому майору Коберту на новую мортирную батарею по 2 и на строительство погреба для боеприпасов еще по 2 человека⁴⁸.

Подготовка к штурму крепости требовала «приступных лестниц». 31 июля приказано «на роту сделать по лестнице»; для этого от каждой роты 3 солдата с сержантом отправлялись для вытесывания брусев. Лестницы должны были быть «в три дерева», т. е. из трех продольных брусев, длиной 24 аршина (17 м). Ширину и расстояние между ступенями изготовителям надлежало узнать у генерала Репнина⁴⁹. Лифляндский хронист Кельх упоминает лестницы такой ширины, что по ним взбиралось 4 солдата разом⁵⁰. Эти данные подтверждаются сообщением Б.И. Куракина о том, что лестницы русских войск под Нарвой в 1704 г. были шириной 2 аршина и длиной 8 сажень (т. е. шириной около 1,4 м и длиной 17 м)⁵¹. Ротам каких полков было велено делать лестницы, из приказа не ясно; если работа раскладывалась, как обычно в те дни, на 30 батальонов, то в результате должно было получиться не менее 120–150 лестниц. 7 августа было уточнено, что на концах лестниц следовало сделать колеса диаметром 8 вершков (35 см)⁵². Объяснение такой конструкции можно найти в письме Я.В. Брюса, который, в частности, заготавливал штурмовые лестницы для кампании 1702 г.: «Приделаны ко всякой по два колесца, чтобы скорей по стене их вкатить»⁵³. Генералы должны были обеспечить готовность лестниц в своих бригадах к 8 августа, так как на 9-е число был назначен штурм.

Работы требовались не только в траншеях, но и в лагере. В тех местах, где войска стояли в низинах и болотинах, предписывалось

вырывать дренажные канавы и делать гати⁵⁴. 24 июля от 30 батальонов на работы было наряжено 600 солдат с офицерами, их разделили на две равные партии и отправили к наплавным мостам через Нарову выше и ниже крепости. Каждый солдат должен был принести одну фашину. Указания по работе следовало получить у генерал-инженера «Ламберха» (Ламбера де Герена)⁵⁵. Очевидно, было необходимо к новым мостам построить спуски.

Количество батальонов, на которое распределялись работы, менялось со временем: 20 июля – 36 батальонов, 21 июля – 32 батальона, с 22 июля по 3 августа – 30 батальонов, 7 августа – 32 батальона. Из упоминаний в приказах можно узнать о некоторых составляющих армию Огильви соединениях: бригадах генерал-лейтенанта Шонбека, генерал-майора Чамберса (обе вместе включали 20 батальонов) и генерал-майора Шарфа⁵⁶.

Огильви со дня своего прибытия под Нарву и вступления в должность главнокомандующего наблюдал неоднократные случаи непослушания и жаловался царю на отсутствие дисциплины и порядка во вверенных ему войсках. 11 июля в приказе требовалось, чтобы офицеры ходили в апроши при своих солдатах и чтобы солдаты и офицеры слушались полковников, подполковников и майоров⁵⁷. 20 июля фельдмаршал издал приказ по армии, из которого следовало, что некоторые офицеры и солдаты в поле, в траншеях, на работах и на посылках не оказывали своим начальникам «достойного послушания» и не исполняли данные им поручения. Требование подчиняться старшим по званию под угрозой смерти было зачитано по всему лагерю с барабанным боем, чтобы никто более не мог оправдаться неведением⁵⁸. 23 июля последовал очередной приказ – в нем офицерам и солдатам велено вступать в ружье и строиться немедленно по получении приказа от адъютанта фельдмаршала, а не дожидаться дополнительных приказов⁵⁹. Порядок наводили и в дальнейшем – 31 июля людям было запрещено «без дела» ходить в траншеи, запрещен также проход по наведенным мостам через Нарову⁶⁰. Приказ от 7 августа констатировал еще одну проблему: из еженедельных рапортов («ведомостей») следовало, что в полках было немалое число людей, однако при распределении нарядов на работы и в караул командиры «сказывают переменить нечем»; поэтому от полковников были затребованы подписанные лично ими полковые ведомости⁶¹. Это было особенно актуально, поскольку в тот же день военный совет постановил брать крепость

приступом, для чего фельдмаршал Огильви должен был распределить войска по штурмовым колоннам⁶². Генеральный штурм состоялся 9 августа в 2 часа пополудни, и благодаря тщательной подготовке крепость была взята.

¹ См.: Мегорский Б.В. Осадные операции Северной войны: опыт типологии // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 года. СПб., 2013. Ч. III. С. 219–230.

² Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): В 2 вып. М., 2004; Журнал или поденная записка Петра Великого. СПб., 1770; Книга Марсова или воинских дел... СПб., 1766.

³ Гизен. Журнал Государя Петра I с 1695 по 1709, сочиненный бароном Гизеном. Половина первая // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Государя Императора Петра Великого. Изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. Т. 3. СПб., 1787.

⁴ Поденная записка или журнал воинского и иного поведения, 1704-го года генваря с 1-го числа // Походный журнал 1704 года. СПб., 1854. С. 17–83.

⁵ Des Moscovitischen grossen Czaars Petri Alexiewiz Leben und Thaten. Frankfurt und Leipzig, 1710. Т. 2. S. 324–356. О литературной и исторической деятельности Гизена см.: Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 90–107, 318–321.

⁶ Походный журнал 1704 года. СПб., 1854.

⁷ Шереметев Б.П. Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705-го года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева // Материалы военно-ученого архива главного штаба. СПб., 1871. Т. 1; Вольнский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием ее участия в Великой Северной войне. СПб., 1912. Кн. 3. С. 33–36.

⁸ Adlerfeld G. The military history of Charles XII. King of Sweden, written by the express order of his Majesty, by M. Gustavus Adlerfeld. Vol. 1–3. London, 1740; Nordberg J.A. Histoire de Charles XII, Roi de Suede. Т. 1–3. Hays, 1748.

⁹ Adlerfeld G. The military history of Charles XII. Vol. 2. P. 1–28.

¹⁰ Narva's Belagerung und Einahme von den Russen, nach Aufzeichnungen dasiger Einwohner in Jahre 1704 // Archiv für die Geschichte Liv-, Esth-, und Curlands. Band. VI. Heft. 3. Reval, 1851. S. 225–287; Hermann Poorten's Aufzeichnungen über die Belagerung und Einnahme der Stadt Narva durch den Russen im Jahre 1704 // Ibid. Band. II. Reval, 1861. S. 191–197.

¹¹ Kelch C. Lieflandische Historia oder Kriegs- und Friedens-Geschichte. Continuation (1690–1706). Dorpat, 1875.

¹² Письма и бумаги Петра Великого. Т. 3 (1704–1705). СПб., 1893; Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 2; Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. Т. 1. М., 2009.

¹³ Hallart L.N. Das Tagebuch des Generals von Hallart uber die Belagerung und Schlacht von Narva, 1700. Reval, 1894; Галларт Л.Н. Подробное описание осады города Нарвы и сражения под сим городом в 1700 году (Отрывок из Истории Петра Великого, сочиненной генералом Аллартом. Рукопись) // Северный архив. 1822. Ч. 1. № 1. С. 3–28; № 2. С. 117–143. Летописец 1700 года // Летопись занятий Археографической Комиссии. 1865–1866. Вып. 4. СПб., 1868. Материалы. С. 131–157. Куракин Б.И. Русско-шведская война. Записки. 1700–1710 // Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890; Куракин Б.И. Военная хитрость царя Петра Алексеевича под Нарвою 8-го июня 1704 г. Рассказ очевидца князя Б.И. Куракина // Кн. 3. СПб., 1892.

¹⁴ Например, сказки участвовавших в осаде офицеров опубликованы: Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием ее участия в Великой Северной войне. СПб., 1912. Кн. 4; Адамович Б.В. Сборник военно-исторических материалов Лейб-Гвардии Кексгольмского полка. Т. 1. СПб., 1910.

¹⁵ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1863; Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Т. 2. СПб, 1861; Петров А.В. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб., 1901; Палли Х.Э. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны 1701–1704. Таллин, 1966.

¹⁶ Names of the Russian Generalls, who command at the siege of Narva. Specification of the Regiments employed in the Siege of Narva // The University of Nottingham. Manuscripts and Special Collections. Letters and papers of Robert Harley, 1st Earl of Oxford. Pw2 Ny 1236.

¹⁷ См. публикацию, перевод и анализ источника: Мегорский Б.В. «Подробное описание полков, занятых в осаде Нарвы» 1704 года [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. I. С. 391–420. <http://www.milhist.info/2012/06/30/megorskiy_1> (30.06.2012).

¹⁸ Приказы, отданные во время осады Нарвы в 1704 г. // РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 6.

¹⁹ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ Там же. Л. 1, 2.

²² Там же. Л. 5.

²³ Там же. Л. 6, 7.

²⁴ Там же. Л. 1.

²⁵ Там же. Л. 2.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 1.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 4.

³⁰ Там же. Л. 7.

³¹ Вобан С. Книга о атаке и обороне крепостей, изданная чрез господина де Вобана, маршала Франции и генерала директора над фортификациями королевства Французского, переведена чрез Ивана Ремезова, поруччика Шляхетного Кадетского Корпуса. СПб., 1744. С. 28, 34, 119.

³² Шереметев Б.П. Военно-походный журнал. С. 154.

³³ Bland H. A Treatise of Military Discipline; in which is laid down and explained the duty of the officer and soldier thro' the several branches of service. London, 1727. P. 269, 270.

- ³⁴ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
- ³⁵ Походный журнал 1704 года. СПб., 1854. С. 72.
- ³⁶ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 2.
- ³⁷ *Narva's Belagerung und Einahme von den Russen, nach Aufzeichnungen dasiger Einwohner in Jahre 1704.* S. 259.
- ³⁸ Походный журнал 1704 года. СПб., 1854. С. 57.
- ³⁹ Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 4. Ч. 2. С. 306.
- ⁴⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 291 об., 308 об.–312.
- ⁴¹ Там же. Д. 4. Л. 139.
- ⁴² РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Вобан С. Книга о атаке и обороне крепостей. С. 60–61.
- ⁴⁵ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
- ⁴⁶ Там же. Л. 5.
- ⁴⁷ Там же. Л. 6.
- ⁴⁸ Там же. Л. 7.
- ⁴⁹ Там же. Л. 6.
- ⁵⁰ Kelch С. *Lieflandische Historia oder Kriegs- und Friedens-Geschichte. Continuation (1690–1706).* Dorpat, 1875. S. 416.
- ⁵¹ Куракин Б.И. Русско-шведская война. Записки. 1700–1710. С. 297.
- ⁵² РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.
- ⁵³ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1 (1688–1701). СПб., 1887. С. 877.
- ⁵⁴ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
- ⁵⁵ Там же. Л. 5.
- ⁵⁶ Там же. Л. 6.
- ⁵⁷ Там же. Л. 4.
- ⁵⁸ Волынский Н.П. Указ. соч. Кн. 3. С. 100–101; Устрялов Н.Г. Указ. соч. Т. 4. Ч. 2. С. 315.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
- ⁶⁰ Там же. Л. 5, 6.
- ⁶¹ Там же. Л. 7.
- ⁶² Походный журнал 1704 года. СПб., 1854. С. 76–78.

С.С. Мигунов (Санкт-Петербург)

РЕКРУТСКИЕ НАБОРЫ В ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

ПРОВЕДЕНИЕ рекрутских наборов в западных губерниях является одним из наиболее ярких примеров государственной политики Российского государства на западных окраинах. В рассматриваемый период оно имело особенно важное значение.

После подавления мятежа в западных губерниях и Царстве Польском жизнь региона изменилась кардинальным образом и отзвуки этих изменений продолжали проявляться до самого конца существования империи.

Наиболее существенной задачей российской администрации в западных губерниях был так называемый «разбор шляхты», направленный в конечном счете на слияние дворянства Царства Польского и России. Совершить это предполагалось посредством подтверждения всеми желающими своего дворянского происхождения. Создавались специальные комиссии, принимавшие от дворян свидетельства в их дворянстве. Те, кто не смог предоставить соответствующих доказательств в установленные сроки, были записаны в податное состояние и стали называться однодворцами западных губерний. Именно они и составили основную часть рекрутов, призванных в армию из этого региона.

Согласно Уставу о рекрутах в редакции 1831 года утверждался поочередный набор рекрутов из Западной и Восточной полос государства. При этом подлежавшие рекрутскому набору делились на четыре категории. Связано это было с тем, что устанавливались необходимые пропорции для набора в армию. В западных губерниях во второй четверти XIX в. эта пропорция составляла десять к тысяче (Устав о рекрутах т. 4, гл. 5)¹ Набор производили по

рекрутским участкам. В процедуре были задействованы участковый старшина и два добросовестных представителя под руководством местной казенной палаты в лице земских исправников и становых. Призывной возраст колебался от двадцати до тридцати пяти лет. Призывной список составлялся на основании ревизских сказок об однодворцах и серийных списков, которые составлялись землевладельцами. В случае разночтений между ревизскими сказками и семейными списками требовались свидетельства двух человек, «спрошенных по совести». В начале февраля каждого года призывные списки редактировались участковым старшиной с учетом последних изменений. Участковый сход следил за тем, не пропущен ли кто в призывном списке и верно ли учтены все освобожденные от призыва. Помимо собственно рекрутов, призывники подразделялись на подставных, запасных и свободных. Рекрутами становились те, кто, оголив руку по локоть (во избежание недоразумений), вынимали меченые билеты. Отмечались они согласно процедуре участковым старшиной, делавшим на них ему одному известную отметку, он же потом и проверял эти билеты для подтверждения правильности вынутого жребия. После определения списка рекрутов принималось решение и о том, кого назначить подставными, запасными и свободными от набора.

Подставными назначалось такое же количество из общего списка, сколько было и собственно рекрутов. Подставными становились те, кто шел в армию при невозможности фактической службы тем человеком, кто вытянул жребий. Десять из тысячи следующих по списку сразу за означенным числом подставных становились запасными. Они были нужны на случай экстренного призыва в этом же году. Билет, вынутый призывником, действовал до следующего набора (фактически в течение двух лет, когда очередь рекрутских наборов снова дойдет до Западной полосы империи (деление проходило примерно по линии Уральских гор).

Как всегда имелись и обстоятельства, освобождавшие от службы в армии. Имелось довольно объемистое приложение к рекрутскому уставу с подробным описанием болезней, освобождавших от службы. Если выяснялось, что болезнь могла быть вылечена с течением времени, такие призывники проходили процедуру рекрутского набора повторно до достижения двадцати пяти лет, после чего освобождались от службы при отсутствии изменений в состоянии здоровья. Но основным показателем был рост. Для двадцати двух

лет устанавливался нормальный рост, равный 2 аршина и $3\frac{3}{4}$ вершка, что приблизительно равняется 160 сантиметрам. При усиленных наборах рост мог быть ниже на четверть вершка. Те, кто записывался в зачет будущих наборов (не попадая в число обязательно взятых в рекруты при физической возможности служить), могли иметь рост два аршина и четыре вершка. Существовало также определение «непременных рекрутов». Сюда относились скрывшиеся от набора или по каким-то причинам убежавшие прямо с процедуры проведения набора.

Необходимо отметить специфический характер рекрутских наборов, сложившийся в западных губерниях в царствование императора Николая Павловича. Они, в какой-то мере, были частью общего курса по отношению имперских властей к западным окраинам. Не будем упираться на «репрессивный» характер этой политики. Она была продуманной и имела свои положительные цели и конечные результаты.

Некоторые документы, проливающие свет на историю рекрутских наборов в западных губерниях в изучаемый период, отложились в фонде Комитета по делам западных губерний в Российском государственном историческом архиве (см. фонд 1266)². 28 марта 1844 г. комитет рассмотрел вопрос о назначении рекрутских очередей из оседлых и неоседлых однодворцев.

Казенная палата и палата государственных имуществ Волынской губернии, инициировавшие рассмотрение данного вопроса в комитете, руководствовались статьей 654 Устава о рекрутах, где было сказано, что при составлении рекрутских очередей из однодворцев следовало помещать сначала неоседлых однодворцев, а затем обращать внимание на оседлых. Таким образом, создавалась ситуация, при которой служить рекрутами из западных губерний шли практически только представители одной прослойки общества, а именно безземельные однодворцы, являвшиеся наиболее незащищенной частью общества. Записанные в сословие однодворцев, они фактически могли забыть о славной истории своих родов во времена Речи Посполитой и, в силу новых условий жизни и субъективных факторов, например, невозможности призвать в свидетели умерших соседей, знавших родителей нынешних однодворцев и способных подтвердить искомое дворянство последних, отсутствия утраченных подтверждений дворянства (которые, между прочим, предоставлялись обязательно при поступлении отпрысков

благородного сословия в Дворянский полк), становились в весьма невыгодное положение в обществе.

Набор начинался с многолюдных семейств неоседлых однодворцев и так далее до малолюдных семейств оседлых однодворцев. Именно по таким правилам производились рекрутские наборы до 1841 г. Именно тогда Волынское губернское рекрутское присутствие предложило видоизменить порядок рекрутских наборов на основании пунктов 91, 94 и 95 продолжения к Уставу о рекрутах. Они гласили, что в каждом податном обществе в первую очередь набору подлежат представители семейств с самым большим числом наличных работников. Таким образом, предлагалось определять рекрутскую повинность в соответствии с количеством работников целого однодворческого общества. Такой порядок был прописан в дополнениях к общему Уставу о рекрутах, относящихся к западным губерниям и особенно к представителям однодворческого сословия в этой части империи. Палата государственных имуществ, в свою очередь, признавала такой порядок справедливым и предлагала оставить его и в дальнейшем.

Такое решение было принято в связи с весьма зыбким положением неоседлой части однодворцев в западных губерниях. Отсутствие земли и постоянных занятий у последних ставило под угрозу выполнение ими обязательств по выплате государственных податей и сборов и по исполнению натуральных повинностей. Таким образом, мы видим, что рекрутская повинность была едва ли не единственным способом задействовать неоседлых однодворцев в исполнении повинностей, возложенных на податные сословия на западных окраинах империи.

Министр государственных имуществ П.Д. Киселев, поднявший рассмотрение данного вопроса в Западном комитете, понимал, что различие позиций по нему между рекрутским присутствием и палатой госимуществ в Волынской губернии может привести к подобной ситуации в других губерниях империи. После обсуждения этого вопроса с участием министра внутренних дел Д.Н. Блудова и губернаторов западных губерний Ф.Я. Мирковича и Д.Г. Бибикова стало понятно, что все вышеозначенные лица согласны с мнением Волынского рекрутского присутствия о необходимости поставлять рекрутов преимущественно из числа неоседлых однодворцев при равенстве количества работников в обоих обществах. При этом необходимо отметить, что в случае, когда в рекрутском участке

было менее двух десятков ревизских душ и не было возможности их присоединения к другим рекрутским участкам, допускалась денежная выплата вместо постановки на службу рекрута.

При возникших сложностях в отдаче в рекруты однодворцев западных губерний виленский губернатор Ф.Я. Миркович предложил производить наборы в любое время года. Могилевский гражданский губернатор также предложил считать оседлыми однодворцами не только имевших свое собственное хозяйство, но и ремесленников, а также состоявших на службе у частных лиц и живущих на постоянном месте за пределами однодворческих обществ.

1 июля 1841 г. Киселев предложил ввести однодворцев, поселенных на казенных землях, в состав обществ государственных крестьян в тех имениях, где они были поселены. При этом на них распространялись все те же государственные повинности, что и на государственных крестьян.

Таким образом, отныне однодворцы подчинялись правилам рекрутского устава, предназначенным для государственных крестьян. Так, однодворцы, в отличие от крестьян, определяли порядок очередей семейств по количеству работников в обществе, а не по количеству ревизских душ. Очередь однодворцев была отделена от очереди крестьян данного общества. Образовывались однодворческие общества из оседлых однодворцев, расположенных на помещичьих, общественных или собственных землях. Общество при этом территориально приравнивалось к стану, а управление им ложилось на ответственность земского начальства и казенных палат и губернского правления. Зависимость обществ от первых заключалась в финансовой стороне вопроса, а от второго – по части благоустройства.

Неоседлые однодворцы получили право приписываться в городское сословие. Рекрутская же повинность однодворческих обществ была установлена по тем же правилам, что и у однодворцев из казенных имений. Сословие граждан западных губерний было законодательно приравнено к мещанству, что было распространено и на отбывание ими рекрутской повинности. Предлагалось уравнять в правах однодворцев и вольных людей. При этом в Юго-Западном генерал-губернаторстве ориентировались на порядок, уже действовавший в Северо-Западном крае. Было постановлено вслед за неоседлыми и оседлыми однодворцами ставить в рекруты участников польского мятежа 1830–1831 гг., и это решение имело особое

политическое значение. Это была скорее не воспитательная, репрессивная мера воздействия на представителей польского шляхетства, участников возмущения в Царстве Польском и западных губерниях. Это решение проистекало из общей направленности политики императора Николая Павловича. Приведение к единому стандарту законодательства империи, в частности, было созвучно идее объединения дворянства всех частей империи в единую корпорацию. Но попасть в эту корпорацию можно было только на законных основаниях. Поэтому и была введена практика так называемого «разбора шляхты», основной целью которой было очищение польской шляхты, становившейся частью дворянства Российской империи, от инородных элементов, попавших в нее случайно, хотя подчас эта случайность была вызвана бюрократическими ошибками и недосмотрами.

Следствием подобной политики и стали ситуации, когда не сумевшие доказать своего дворянского происхождения жители западных губерний были причислены к унижительному для многих из них состоянию однодворцев и были обязаны, в частности, исполнять рекрутскую повинность.

Еще одним моментом, иллюстрирующим своеобразие рекрутских наборов на западных окраинах Российской империи, был вопрос о взысканиях в пользу однодворческих обществ этих губерний с охотников, т. е. желающих записаться в ходе рекрутского набора в армию, для того, чтобы обеспечить выплату от их лица денежных повинностей, которые они, разумеется, не могли выплачивать, находясь на воинской службе.

В 1839 г. казенным палатам было предписано выделять по 465 рублей серебром за каждого нанятого охотника³. При этом 50 рублей уплачивалось в пользу того общества, к которому принадлежал охотник. Выплаты производились до назначения следующей ревизии. 22 мая 1842 г. появилось Высочайшее повеление, разрешавшее гражданам и однодворцам западных губерний записываться в рекруты вместо людей другого сословия без учета губернии. Таким образом, стала возможной служба однодворцев из Западного края по всей стране. Каждый наниматель платил все подати и повинности за нанятого рекрута до проведения следующей ревизии.

На практике, однако, это правило не работало и наниматели не спешили уплачивать подати за рекрутов. Поэтому было принято

решение вместо обязательства платить подати за рекрута добавлять к договорной с наемником плате пятьдесят рублей серебром с пересылочной суммой за каждого рекрута, отправляя эти деньги в ту палату госимуществ, в ведение которой входит данный наемник. Палата госимуществ, в свою очередь, получала эти деньги и уплачивала их в казну от имени рекрута, нанявшегося на военную службу вместо другого представителя податных сословий.

Изучение истории и практики рекрутских наборов в западных губерниях помогает понять специфику межсословных отношений в регионе в период между двумя польскими мятежами.

¹ Устав о рекрутах. Т. 4. Гл. 5.

² РГИА. Ф. 1266. Оп. 1. Д. 35. Л. 3–14. «О назначении рекрутских очередей из оседлых и неоседлых однодворцев Западных губерний».

³ Там же. Л. 245–247 «О взыскании в пользу однодворческих обществ западных губерний по 50 рублей за каждого нанимаемого охотника из однодворцев для обеспечения платежа за них податей и повинностей до новой ревизии».

Д.Ю. Милосердов (Москва)

О РОЛИ ЛАТУНИ ПРИ ДАТИРОВКЕ ТРАДИЦИОННОГО КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ АФГАНИСТАНА XIX–XX ВЕКОВ

Н А СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ при атрибуции холодного оружия Афганистана музейные работники, эксперты Министерства культуры и коллекционеры сталкиваются с проблемой датировки исследуемых предметов. Дело в том, что только малая часть афганского оружия имеет надписи на клинках, по которым можно определить их возраст. И большей частью это относится к длинно-клинковому оружию (шамширам и пулварам). А вот «среднеклинковое» (хайберы) и короткоклинковое (чуры и каруды) датировать крайне сложно, так как они, за редкими исключениями, бывают «подписными».

Западные антиквары чаще всего датируют хайберы и короткоклинковое афганское оружие XIX веком, никак не мотивируя свою позицию. При этом известно, что в начале XX в. в Афганистане происходили локальные военные конфликты с использованием холодного оружия (в том числе и хайберов). Например, Уинстон Черчилль в книге «Походы Британской армии» (оригинальное название – «Границы и войны») так пишет об использовании афганцами в 1897 г. холодного оружия во время Малаккландского восстания: «Они (*британские войска*) встретили массу врага (*афганцев*) – около тысячи сильных, вооруженных «мечами» и ножами мужчин»¹. Далее он упоминает о схватке сикхских пехотинцев с афганцами, вооруженными «мечами»². Генерал С. Бранч (Staff Branch) в своей книге «Операции в Вазиристане в 1919–1920» упоминает об атаке более пятисот вооруженных «мечами» махсудов на английский лагерь³. При этом из текстов понятно, что и афганцы, о которых пишет Черчилль, и махсуды были пешими, так что под «мечами»,

скорее всего, имеются в виду хайберы (хайберские ножи). Выходит, что датировать хайберы исключительно XIX в., как минимум, не совсем корректно.

Так можно ли отличить вышеупомянутые хайберы, изготовленные в XX в., от хайберов XIX в.? Мы считаем, что это вполне возможно. Все хайберы, хранящиеся в музеях и частных коллекциях, за редким исключением, можно разделить на две условные группы. В одну группу попадают хайберы с железными деталями рукояти и ножен, в другую – с латунными деталями.

Нужно сказать, что в Афганистане изделия из металла – это художественно оформленные бытовые вещи: кувшины, блюда, подсвечники, пеналы и др., выполненные преимущественно из бронзы, а также оружие с резным орнаментом⁴. Возникает вопрос: где же латунь? Ведь латунь – материал, известный на Востоке давно. В альбоме «Песнь в металле. Народное искусство Узбекистана» упоминается, что латунь была известна еще во времена Бируни (X в.) и использовалась для изготовления чаш и светильников, что продемонстрировано иллюстрациями нескольких латунных предметов из музейных коллекций⁵. А вот дальше начинается самое интересное. Судя по приведенным в книге предметам, примерно с XV и до конца XIX в. вещи из латуни крайне редки. Более того, часть бытовых предметов, изготовленных в этот временной промежуток и заявленных как «латунные», с высокой долей вероятности являются медными или бронзовыми⁶. Большинство же бытовых предметов из латуни сделаны в самом конце XIX – начале XX в. Таким образом, бытовые предметы, изготовленные из латуни в XV–XIX вв., являются единичными предметами. Надо отметить, что на оружии, представленном в книге и датированном до XX в., латунь никак не использовалась. Для изготовления ювелирных изделий латунь тоже не применяли. Авторы пишут: «В XIX в. изготовлялись украшения из золота, серебра, бронзы, меди...»⁷

Почему мы пытались так подробно проанализировать книгу коллектива узбекских авторов в теме, посвященной Афганистану? Конечно, из-за тесных связей между Средней Азией (Бухарой, Хивой, Кокандом) и Афганистаном, которые относятся к Центральной Азии. Как удалось выяснить из различных отечественных и англоязычных источников, опубликованных до начала XX в., различные металлы почти до самого конца XIX в. поступали в Афганистан из Бухары, в которую, в свою очередь, доставлялись из России.

Это связано с тем, что, несмотря на богатейшие запасы различных руд, в Средней Азии и Афганистане в XVIII–XIX вв. была практически не развита добыча полезных ископаемых. Еще И.Л. Яворский писал, что «рудное дело, несмотря на то, что афганские горы изобилуют разными ископаемыми, поставлено плохо»⁸. И далее: «В Средней Азии разработка земных недр производилась в небольших размерах и примитивными способами. Добывали железо и цветные металлы. Тем не менее, необходимые металлические предметы (жители Средней Азии) предпочитали производить из привозного, главным образом, русского металла»⁹.

Чтобы лучше понять ситуацию с торговлей металлами в те времена, стоит обратиться к русскоязычным источникам. Так, в 1803 г., по предложению министра коммерции Н.П. Румянцева, император Александр I разрешил свободно вывозить за границу через Семипалатинск, Петропавловск и Бухтарминск иностранные серебряные и золотые монеты, железо, медь, олово, всякого рода хлеб, ранее не подлежащие вывозу. При этом российским купцам было разрешено отправлять караваны в Среднюю Азию¹⁰. Следует отметить, что ассортимент русских товаров, привозимых в Семипалатинск, был весьма разнообразным. «Здесь были шерстяные изделия, бумажные, холсты толстые, кожи юфтовые, кожевенные изделия, медные, железные и чугунные изделия, подносы, иностранные золотые монеты; пушнина»¹¹. «Следует указать, что в 1811 г. ташкентские и бухарские купцы прибывали с большими караванами из Казахской степи и Восточного Туркестана. Взамен своих товаров они вывозили изделия из железа и чугуна (на 100 тыс. руб.)». Кроме того, «в Среднюю Азию и Казахстан в значительном количестве отправлялись сукна, полуситец, нанки, выбойки, бархат, шелковые штофы, бумажные платки, шелковые и бумажные кушаки, плисы, мишурные парчи, серебро, голландские червонцы, сундуки, марджан, стеклянные корольки, медные пуговицы, самовары, жестяная посуда, лаковые подносы, бобры, выдры, квасцы, нашатырь и др.»¹². В 1849 г. путешественник и географ П.А. Чихачев писал следующее. «Этим жителям (*Средней Азии*) необходимы для их земледельческих работ сошники, бороны, мотыги, лопаты, котлы и вообще разные железные и чугунные мануфактурные изделия»¹³. Благодаря такой ситуации Средняя Азия стала для Российской империи новым рынком сбыта металлов как сырья. «Уже к середине XIX в. в Среднюю Азию вывозилось до 60 % всего металла,

который экспортировался Российской империей»¹⁴. «В 1858 году Закаспийское торговое товарищество сбывало в Иран и Среднюю Азию железо, сталь, медь...»¹⁵ «В 1861–1865 гг. взамен среднеазиатских товаров с Сибирской линии вывозились железные, медные изделия: листовая медь и медная проволока, бритвы, ножницы, столярные и плотницкие инструменты, перочинные ножи, таганы, котлы, капканы, швейные иглы, золотые и серебряные изделия и монеты»¹⁶. А вот что писали в «Русском Вестнике» в 1871 г.: «От нас среднеазиатцы вывозят преимущественно такого рода товары, которых по ценам, за какие эти товары приобретаются в России, не могут они получать ниоткуда и которые составляют при этом насущную потребность в Средней Азии. Таковы металл: железо, медь, чугун и изделия из них; товар кожаный и деревянный. Без наших произведений среднеазиатцу не в чем будет варить себе пищу...»¹⁷

Из Средней Азии часть русских товаров поступала в Афганистан. Казалось бы, англичанам через Индию прямой путь «завалить» приграничный Афганистан своими товарами. Но это не происходило по двум причинам. Во-первых, доставлять товары из индийских портов пришлось бы через всю Индию, а во-вторых, афганцы предпочитали русские товары английским. Генерал Хрулев писал: «Немногим известно, (что) товары наши (русские) в Средней Азии до самого Афганистана ценятся выше английских»¹⁸.

Что же везли караваны афганских торговцев с рынков Средней Азии? Афганистан крайне нуждался в российских товарах, среди которых особое место занимали металлические изделия, сукно, шелковые изделия, некоторые металлы¹⁹. Ценные сведения о торговле афганцев на рынках Средней Азии приводит Е.К. Мейендорф в книге «Путешествие из Оренбурга в Бухару»: «Среди народов, имеющих сношения с Бухарой, индусы и афганцы ведут наиболее значительную торговлю... Кабульские купцы привозят в Бухару индиго и изготовленные в Кашмире, Кабуле и Герате шали... Их меняют на русскую кисею, бумагу, железо, медь, мелкий стеклянный товар, кошениль и вытканые золотом материи, которые дешевле, чем индийские и персидские»²⁰. Из Бухары в Кабул вывозили, кроме золотых и серебряных монет, «...слитки драгметаллов, шелковые и полшелковые платья, шелковые носовые платки, чай, китайский фарфор, кокандскую коноплю, туркменские коджари (попоны для лошадей). Значительную статью бухарского

реэкспорта составляли российские изделия: золотые и серебряные нити, нанка, олово, медь, железо, сукно, воск, шелковые ткани, сундуки, русский фарфор, бумага, зеркала, иглы, подносы, выделанная кожа и «некоторые мелкие товары из стекла»²¹. Латунь продавалась из России только в виде изделий. Вот что об этом пишет путешественник и этнограф Н.В. Ханыков: «Русские товары представлены в Герате (1858 год), как повсюду на Востоке, полосовым железом, красной медью, чугуном и сталью, домашней утварью из желтой меди»²².

Внимательно изучив списки товаров, поступающие из России в Среднюю Азию и далее в Афганистан, мы убедились, что латунь как сырье среди продаваемых металлов отсутствует. В чем же была причина? Помимо того, что во второй половине XIX в. объемы производства латуни в России были невелики, вся она употреблялась на внутренние нужды. Половина производимой в 1870-е гг. латуни шло на мирные нужды – для изготовления самоваров, а половина – на военные заказы²³.

Что же в это время происходило в Англии? В 1814 г. Англия экспортировала железо, сталь, медь, олово, свинец и латунь. Но Ост-Индская компания продавала только железо, медь и свинец, отказавшись от трех других названных металлов²⁴. В 1827 г. к ранее названным металлам добавили олово, сталь, изделия из латуни, оловянные изделия, жемчуг, ювелирные изделия, машины, стрелковое оружие и пушки²⁵. В отчете 1836 г. по производству и торговле Британской империи, в разделе «Латунное и медное производство в середине XIX века» сообщается, что производство меди является одной из важнейших отраслей британской промышленности. Количество меди и британских товаров из нее, которые остаются для внутреннего потребления страны, составляет 108 976 т. Количество привозной меди сохраняется на прежнем уровне и крайне незначительно. При этом о латуни, несмотря на название главы, ничего не говорится²⁶. Судя по списку импорта и экспорта, приводимому в данной же работе, в середине XIX в. цветные металлы из Англии не экспортировались²⁷. Можно с высокой долей уверенности утверждать, что нет упоминаний и о том, что до 1900 г. Англия экспортировала латунь как сырье в Индию или Афганистан²⁸. Есть упоминания о торговле медью, но не латунью²⁹. В англоязычных источниках конца XIX – начала XX вв., таких как *The trade relations between England and India (1600–1896)*, есть упоминания о торговле

железом, но нет о цветных металлах, вероятно, как о товаре с незначительным объемом торговли³⁰.

Изучая описания этнографов и путешественников по Средней Азии и Афганистану, не сложно убедиться в том, что даже посуда из латуни была скорее исключением, чем правилом в домах простых людей. Описывая экспедицию по Средней Азии, М.Н. Галкин-Враской повествует о том, что «... гостям внесли на подносе чай. Два чайника, один каменный, а другой медный...»³¹. Использование этих же материалов для изготовления посуды подтверждает отчет А.А. Бобринского³². До конца XIX в. ситуация практически не менялась. Достаточно обратиться к статье Ч. Джонстона (Johnston Charles), чтобы убедиться в этом: «Домашняя утварь афганцев Дарваза состоит из самого необходимого: железного чайника, железного кумгана для кипячения воды, нескольких глиняных горшков разного размера для воды или кислого молока, а также для приготовления пищи и двух или трех чашек грубой глины»³³. В 1895 г., через три года после публикации статьи, Дарваз был разделен между Афганистаном и Бухарой. Сегодня северная часть Дарваза расположена в центральной части Таджикистана, а южный Дарваз является районом в провинции Бадахшан Афганистана.

Все вышеперечисленное дает основание предполагать, что до 1900 г. латунь в качестве сырья не поступала в Афганистан вообще, а в виде изделий поступала в очень малых количествах, и такие изделия считались предметами роскоши. После 1900 г., в связи с резким подъемом промышленности в Англии, в том числе и в цветной металлургии, и развитием железнодорожной сети в Индии, позволяющей дешево перемещать тяжелые грузы, латунь как сырье в большом количестве стала поступать в Афганистан.

Основываясь на всем вышеизложенном, с большой долей уверенности мы можем предположить, что большую часть хайберов и афганского короткоклинкового оружия со стальными деталями можно датировать XIX в. Кстати, это косвенно подтверждают уставные хайберы, появившиеся в последней четверти XX в., все оригинальные детали которых изготовлены из стали.

Клинковое оружие с латунными деталями рукояти и ножен, например, хайберы, вероятнее всего, производилось или ремонтировалось уже в XX в. Дополнительным подтверждением этому служат хайберы, которые можно назвать «ремонтными». Сохранив

стальные детали рукояти, такие предметы, вероятно, в процессе бытования утратили комплектные ножны с оригинальными стальными наконечниками. Судя по всему, в качестве альтернативы более трудоемким в изготовлении стальным деталям их заменяли на более легкие в обработке и ставшие доступными детали из латуни.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что хотя вопрос, обозначенный в нашей статье, безусловно, требует дополнительной проработки, данное направление исследований представляется нам перспективным в плане атрибуции среднеклинкового и короткоклинкового афганского оружия XIX–XX вв.

¹ Churchill Winston S. *Frontiers and Wars*. London, 1962. P. 32.

² Там же. P. 38.

³ Staff Branch (General). *Operations in Waziristan 1919–1920*. Calcutta: Supt. Govt. Print, 1921. P. 15.

⁴ Всеобщая история искусств. Т. 2. Кн. 2 / Под общей ред. Б.В. Веймарна и Ю.Д. Колпинского. М.: Искусство, 1961. С. 169.

⁵ Абдуллаев Т., Фахретдинов Д., Хакимов А. *Песнь в металле. Народное искусство Узбекистана*. Изд-во литературы и искусства имени Гафура Гуляма. Ташкент, 1986. С. 26.

⁶ Там же. С. 48–50.

⁷ Там же. С. 159.

⁸ Яворский И.Л. *Путешествие русского посольства по Афганскому и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг.* Т. 1. СПб., 1883. С. 233.

⁹ Рожкова М.К. *Экономические связи России со Средней Азией. 40–60-е годы XIX в.* М.: АН СССР, 1963. С. 35.

¹⁰ Зияев Х.З. *Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв.* Ташкент: Фан, 1983. С. 101.

¹¹ Там же. С. 113.

¹² ЦГИАЛ СССР. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 54. Л. 106–107.

¹³ Чихачев П.О. *Исследование вершин Сыр- и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир // Записки Русского географического общества*. Кн. III. 1849. С. 27.

¹⁴ Неболсин Г.П. *Статистическое обозрение о внешней торговле России*. Ч. 2. СПб., 1850. С. 438–439.

¹⁵ Халфин Н.А. *Политика России в Средней Азии (1847–1868)*. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 44.

¹⁶ Зияев Х.З. *Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв.* С. 133.

¹⁷ Григорьев В.В. «Русский вестник». 1871. № 1–2. С. 456.

¹⁸ Хрулев С. *Проект устава товарищества для развития торговли со Среднею Азиею*. СПб., 1863. С. 25–27.

¹⁹ Шкунов В.Н. *Торговые связи России с Афганистаном на рынках Средней Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Т. 10. Вып. 4. Самара, 2008. С. 995.

О роли латуни при датировке традиционного клинкового оружия Афганистана XIX–XX вв.

- ²⁰ Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 129–130.
- ²¹ Записки о Бухарском ханстве. (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., 1983. С. 80.
- ²² Ханьков Н.В. Экспедиция в Хорасан. М., 1973. С. 121.
- ²³ Ребров В.И. Наши корни. Очерки по истории Кольчугинского края (Кн. 2). Кольчугино, 1994. С. 29–30.
- ²⁴ Crawford J. A view of the present state and future prospects of the free trade & colonization of India. London, 1829. P. 10.
- ²⁵ Там же. P. 13.
- ²⁶ James McQueen. General Statistics of the British Empire. London, 1836. P. 131, 132.
- ²⁷ Ibid. P. 173–174.
- ²⁸ The Colonization and commerce of British India. London, 1830. P. 18.
- ²⁹ Chiozza L.G. British trade and the Zollverein Issue, London. 1903. P. 21–22.
- ³⁰ Hamilton C.J. The trade relations between England and India (1600–1896). Calcutta, 1919; Burgis Edwin. Perils to British trade, how to avert them. London, 1895. P. 162, 166; Hooper Frederick; Graham James. The import and export trade; or, Modern commercial practice (formerly known as modern business methods) being a guide to the operations incidental to the trade of the United Kingdom, with the customary documents and correspondence. London, 1916. P. 170.
- ³¹ Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. С. 168.
- ³² Бобринский А.А. Горцы верховьев Пянджа. Очерк быта по путевым заметкам. М., 1908. С. 85.
- ³³ Johnston Charles. Darwaz and Karategin: An Ethnographical Sketch, The Asiatic Quarterly Review New Series – Volume III. January April, 1892. The Oriental University Institute. P. 77–86.

Д.Ю. Милосердов (Москва)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В XV–XIX ВЕКАХ
В ИНДО-ИРАНСКОМ РЕГИОНЕ
РОСТРУМОВ РЫБЫ-ПИЛЫ
(*PRISTIS PECTINATUS*) В КАЧЕСТВЕ ОРУЖИЯ**

С САМОГО НАЧАЛА возникновения человечества в качестве оружия использовались различные остеологические материалы. Их использование продолжилось с появлением цивилизации и не исчезло окончательно даже в XX веке. Кости и бивни применялись как материал для рукоятей клинкового оружия¹, рога – в качестве материала рукоятей и как самостоятельное оружие (например, «маду»)².

Кроме хорошо известных костей и рогов, более экзотическим остеологическим материалом является рострум рыбы-пилы (рис. 1). Рострум (от лат. *Rostrum* – клюв) – предглазничный отдел черепа у позвоночных. Особенно выражен рострум у рыбы-пилы³. Т.С. Расс отмечает, что скаты-пилорылы отличаются от других скатов сильно удлинненным рылом (рострумом), имеющим форму вытянутой плоской лопасти, усаженной по бокам большими зубовидными выростами (рис. 2). Эти выросты расположены в один ряд с каждой стороны рыла и придают ему сходство с двусторонней пилой⁴. Говорить о роструме как о кости или роге (бивне) не совсем верно,

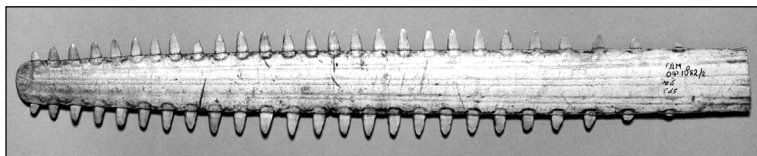

Рис. 1. Рострум рыбы-пилы

но тем не менее – это твердая структура, по форме напоминающая клинок меча, на лезвиях которого находятся острые зубцы. Вероятно, именно поэтому люди использовали рострумы в качестве оружия. Наиболее широко рострумы рыб-пил и части других хрящевых рыб (кожа и зубы акул) использовались в Тихоокеанском регионе. Об этом пишут Дж. Стоун⁵ и Д. Дрэгер⁶. Мечи, изготовленные из рострумов и акульих зубов, хранятся во многих музеях мира. Например, подобные экспонаты есть в Морском музее (Museo Naval) в Мадриде, музее Victor Balaguer, недалеко от Барселоны (там представлены мечи из рострумов с Филиппин) (рис. 3), музее Бишопа (Bishop Museum) в Гонолулу (гавайское оружие). Безусловно, подобное оружие должно было наносить серьезные травмы человеку, не имеющему доспехов.

В других регионах оружие из рострумов рыбы-пилы встречалось гораздо реже и поэтому его принято считать исключительно

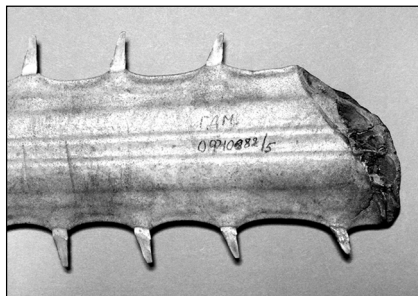

Рис. 2. Фрагмент рострума рыбы-пилы

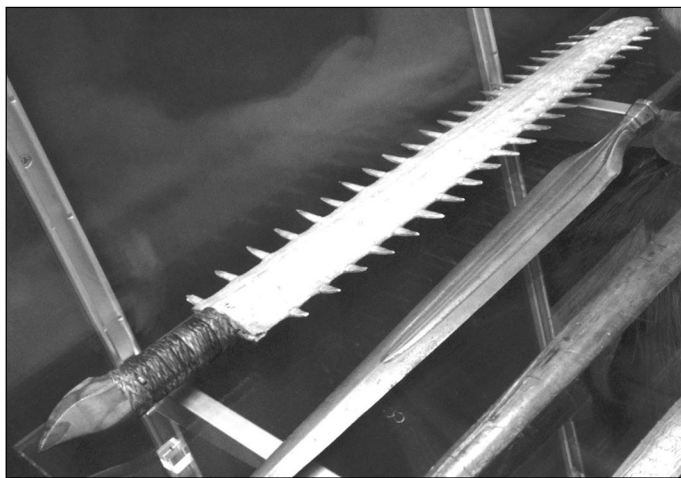

Рис. 3. Моро крис с клинком из рострума

церемониальным. Примером такого оружия является меч, датированный XVI–XVII вв., из Музея немецкой истории (German History Museum) в Берлине (хотя есть версия, что на самом деле этот экспонат правильней датировать началом XIX в.). Клинок этого меча длиной 114,5 см изготовлен из рострума рыбы-пилы, рукоять и перекрестье – железные. Общая длина меча почти 170 см. Даже при таких внушительных размерах меча сложно предположить, что его использовали как оружие. Хотя к XVII в. время тяжелых доспехов прошло, даже легкие металлические доспехи могли защитить от удара таким оружием.

На Востоке также встречалось оружие с «клинками» из рострумов рыбы-пилы. Один из таких «мечей» находится в экспозиции Российского этнографического музея Санкт-Петербурга. О нем упоминает Е. Малоземова в своей работе «Оружие суфийских мистиков»: «мечи (иногда дервишеские мечи изготавливались из носовой кости рыбы-пилы – ИН № 2436132 и ИН № 3157-3 коллекции МАЭ РАН) – были символом богатырской доблести»⁷. Здесь речь идет именно о роструме рыбы-пилы. Описывается данный экспонат следующим образом: «Посох дервиша. Кость рыбы-пилы, металл. XIX век, иранцы». Надо признать, что считать предмет из коллекции Российского этнографического музея мечом или посохом сложно. У него есть грубая рукоять, но на конце закреплен копьевидный наконечник. Тем не менее, то, что этот предмет был оружием, лично у нас сомнений не вызывает.

Версия об ошибочной атрибуции «меча» (посоха) дервиша, высказанная некоторыми зарубежными специалистами, кажется нам малосостоятельной. Так как экспонат из Российского этнографического музея сильно отличается от всех известных мечей из рострумов рыб-пил, бытовавших в Тихоокеанском регионе. Можно было бы считать этот экспонат определенным уникамом, диковинным курьезом, если бы относительно недавно в поле нашего зрения не попал другой интересный предмет.

Этот предмет мы позволили себе назвать (довольно условно)

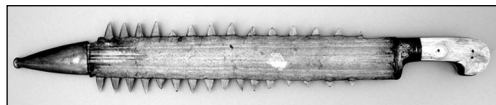

Рис. 4. Хайбер с «клинком» из рострума рыбы-пилы

хайбером с «клинком» из рострума рыбы-пилы (рис. 4). Общий размер «хайбера» – 63 см, размер «клинка» – 51 см. Это

достаточно стандартный размер для рострума рыбы-пилы. В Дарвиновском музее представлена серия из 26 рострумов⁸, 14 из которых практически такого же размера: КП ОФ 9788, 10082/2, 10082/3, 10082/6, 10082/8, 10082/9, 10082/10 (рис. 5), 9787, 9789, 9790, 10082/1, 10082/4, 10082/5, 10082/7. Мощная рукоять изготовлена из железа с щечками из слоновой кости и по форме типична для Афганистана/Центральной Азии (рис. 6). Наконечник хайбера, напоминающий «стакан» европейских ножен, сделан из желтого металла и, вероятно, должен был предотвращать разрушение кончика «клинка» из рострума (мы считаем, что он был установлен позже) (рис. 7). С афганскими хайберами его «роднят» форма рукояти и размер. Данный предмет много лет хранился в частной коллекции в Великобритании. В семье, в которой он находился, передавалась история, что этот «хайбер» был

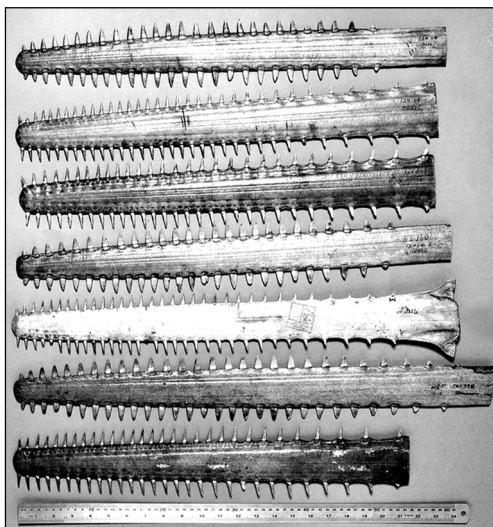

Рис. 5. Рострумы, аналогичные по размеру «клинку» хайбера

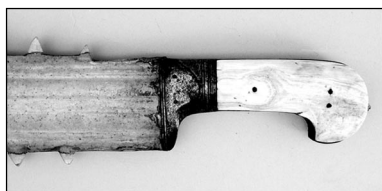

Рис. 6. Рукоять, типичная для Афганистана/Центральной Азии

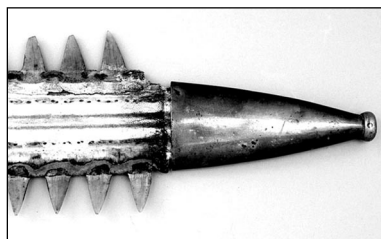

Рис. 7. Наконечник «хайбера», предотвращающий разрушение рострума

взят как трофей в арсенале форта Амбер в Нагапуре в 1817 г. во время третьей англо-маратхской войны. Безусловно, мы не можем утверждать, что это истина, так как не существует никаких документов, подтверждающих происхождение этого «хайбера». Но косвенные признаки, названные выше, говорят о том, что предмет с высокой долей вероятности относится к Центральной Азии.

Появление «хайбера» с клинком из «носа» рыбы-пилы подтолкнуло нас к рассмотрению вероятности использования в Индо-Иранском регионе рострумов рыбы-пилы в качестве оружия. Хотя острова Тихого океана находятся далеко от полуострова Индостан, тем не менее, рыба-пила обитает в тропических и субтропических водах всех океанов. Встречается она преимущественно на мелководьях, распространена у берегов Атлантического океана, у побережий Тихого и Индийских океанов.

Удалось выяснить, что в Индии рострумы рыбы-пилы использовались довольно часто. Например, известно их использование в качестве ножен для кутаров. Один такой кутар с ножнами из рострума хранится в музее Метрополитен в Нью-Йорке, второй – в коллекции О. Фельдмана в Харькове. Кроме того, в литературе приводятся изображения мечей с клинками из рострумов и тальварными рукоятками⁹. Более того, если мы посмотрим на форму некоторых индийских клинков, изготовленных из металла, мы увидим, что они фактически копируют форму рострума рыбы-пилы^{10, 11}.

Можно было бы допустить, что существование оружия с клинками из рострумов ограничивалось исключительно Индией, которая имеет выход к морю, а в Афганистане и Иране оно не встречалось, отбросив тесные торговые и культурные связи между Индией, Центральной Азией и Ираном.

Однако в музее Голестан (Golestand Palace Museum) в Тегеране хранятся персидские миниатюры, на которых изображены воины (причем именно воины, а не дервиши), сражающиеся рострумами рыбы-пилы (рис. 8). Миниатюры иллюстрируют манускрипт «Хаваран-наме» (*Xāvarānpāme*) созданный Ибн Хесамом Хусофи Бирджанди (*Ibn Hesām Xusofi Birjandi*) в XV в.¹² Эта его работа принесла ему прозвище второго Фирдоуси (автора эпического произведения «Шах-наме»). Манускрипт посвящен событиям, связанным с жизнью халифа Али и его сподвижников. Важно отметить, что в манускрипте это оружие названо видовым для него термином (т. е. это было достаточно распространенное оружие)

ostexan-e tabdar, обозначающим «замысловатая» или «зубчатая», в общем, «сложно сделанная» кость.

Предмет, о котором мы говорили выше, и предметы на миниатюрах соразмерны мечам. Твердость зубовидных выростов роstrума сопоставима с твердостью предметов, изготовленных из металла.

С большой долей вероятности можно предположить, что свою роль играла и общая угрожающая внешность роstrумов. Кроме того, на некоторых миниатюрах изображены демоны, сражающиеся роstrумами¹³ (рис. 9), что придавало этому оружию некий магический или ритуальный статус. Эти два фактора должны были оказывать деморализующее воздействие на противника. При этом роstrум легче металлического меча. Безусловно, резать таким «клинком» было нельзя, но, как показывает практика, часто и саблей

Рис. 9. Персидская миниатюра с демонами (?), сражающимися роstrумами рыбы-пилы

Рис. 8. Персидская миниатюра с воинами, сражающимися роstrумами рыбы-пилы

трудно разрезать даже обычную плотную ткань. Зато зубцы при ударе легко могли проникать через одежду, нанося серьезные повреждения.

Кроме того, нам удалось выяснить, что в труде «Аин-и-Акбари» Абу-л Фазл Аллами приводит изображение, напоминающее роstrум рыбы пила (рис. 10), среди прочего оружия¹⁴.

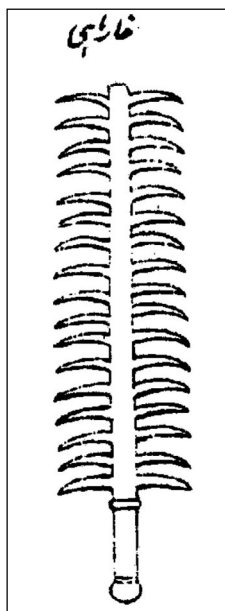

Рис. 10.
Кхарамахи из
«Аин-и-Акбари»

Изображение «рострума» подписано: «кхармахи», что переводится как «рыбья кость» или «рыбий скелет» (хочется выразить благодарность за любезную помощь в переводе данного термина доктора Манучехра Моштага Хорасани). Мы не утверждаем, что в данном трактате изображен именно рострум, так как описание его не дается, а есть только изображение, но внешнее сходство изображенного предмета и рострума говорит само за себя.

В более поздних трудах различных авторов мы сталкиваемся с описанием «кхарамахи» как оружия с железными шипами¹⁵. Поэтому исследователи (Ирвайн, например) относит кхарамахи (которое, безусловно, аналогично роструму) к булавам, а не к мечам. Но, если мы внимательно рассмотрим изображение, которое приводит Ирвайн, то увидим, что хотя на нем и присутствует предмет, выполненный из металла, он мало чем похож на рисунок кхарамахи из труда Абу-л Фазл Аллами.

Возвращаясь к трактату последнего, надо отметить, что он приводит таблицу стоимости различного оружия и доспехов¹⁶: загнол (клевец) стоил от 0,5 рупии; железная булава – от 0,25 до 5 рупий; кханда – от 1 до 10 рупий; кханджар – от 0,5 до 5 рупий; кхармахи (рыбья кость) стоила от 1 до 5 рупий.

Данная таблица свидетельствует о том, что, во-первых, в свое время мечи из рострума рыбы-пилы или аналогичные им из металла были довольно распространены, а во-вторых, достаточно дорого ценились.

Миниатюры из манускрипта «Хаваран-наме» и данные из «Аин-и-Акбари», по нашему мнению, являются весомым доказательством использования рострумов рыбы-пилы в Иране именно в качестве оружия.

Все вышеперечисленное говорит о том, что в Индо-Иранском регионе рострумы являлись оружием примерно с XV в. Безусловно, это было далеко не самое распространенное, хотя и довольно часто встречающееся оружие, а к концу XIX века оно, вероятно,

стало церемониально-парадным, как и большинство другого холодного оружия в этом регионе.

¹ Милосердов Д.Ю. Osteологические материалы рукоятей клинкового оружия XIX–XX веков в Индо-Иранском регионе и на сопредельных территориях. Война и оружие. Новые исследования и материалы // Труды Третьей международной научно-практической конференции. Ч. II. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. С. 322–331.

² Милосердов Д.Ю. Маду. История, принадлежность, osteологические материалы, использовавшиеся для изготовления. Война и оружие. Новые исследования и материалы // Труды Четвертой международной научно-практической конференции. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 231–236.

³ Гиляров М.С. Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 548.

⁴ Расс Т.С. Жизнь животных. Т. 4. Рыбы. Ч. 1. М.: Просвещение, 1971. С. 54.

⁵ Стоун Д.К. Оружие и доспехи всех времен и народов. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 604–606.

⁶ Draeger D.F. Weapons and Fighting Arts of Indonesia. Tuttle Publishing; Reprint edition, 2001. P. 196, fig. 154.

⁷ Малоземова Е.И. Оружие суфийских мистиков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. № 35. СПб., 2008. С.240–241.

⁸ Богданов П.В. Коллекции Государственного Дарвиновского музея. М.: Альфа-Принт, 2002. С. 43.

⁹ Крепости и вооружение Азии. М.: Бук Хаус, 2006. С. 139.

¹⁰ Стоун Д.К. Оружие и доспехи всех времен и народов. С. 257, 399.

¹¹ Носов К.С. Традиционное оружие Индии. М.: Эксмо, 2011. С. 221.

¹² Khorasani M. Lexicon of Arms and Armor from Iran: A Study of Symbols and Terminology. Legat Publishers (Tübingen, Germany), 2009. P. 265.

¹³ Там же.

¹⁴ A'in-i Akbari of Abu al-Fazl, Sir Syed Ahmad Lithograph, 19th century, reprinted in 2005. P. 101.

¹⁵ Irvine W. The Army of the Indian moghuls: its organization and administrazion. London, 1903. P. 80.

¹⁶ A'in-i Akbari of Abu al-Fazl, Sir Syed Ahmad Lithograph, 19th century, reprinted in 2005. P. 100.

А.А. Михайлов (Санкт-Петербург)

ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ЕЕ СОЮЗНИКОВ ПО АНТАНТЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ война по праву может быть названа событием, надолго определившим развитие мира в XX веке. Она оказала основополагающее воздействие на систему международных отношений, стала катализатором кардинальных перемен политического строя в ряде ведущих стран мира, изменила мировые экономические, политические, социальные процессы и пр. Вполне закономерно, что Первой мировой войне посвящена чрезвычайно обширная научная, мемуарная, публицистическая литература. Еще в 1934 г. советские ученые – составители сборника «Мировая война в цифрах» – указывали: «В тысячах научных исследований, политических памфлетов, официальных документов, воспоминаний, художественных произведений содержится огромное количество материалов, характеризующих ход войны, ее развертывание в различных частях земного шара, стратегические и политические уроки войны, масштабы жертв и разрушений производительных сил, вызванных ею...»¹.

Особое внимание исследователей привлекали и продолжают привлекать вопросы взаимоотношений и взаимодействия стран, входивших в противоборствующие блоки: Антанту и блок Центральных держав. Коалиционный характер Первой мировой войны, его влияние на политику стран и стратегию подчеркивали авторы как в России², так и за рубежом³. При этом на позицию зарубежных (английских, французских, американских и др.) историков относительно роли России существенное влияние оказал ее выход

из войны до окончания борьбы, после того, как в октябре 1917 г. власть перешла в руки большевиков. В силу данного обстоятельства зарубежные авторы уделяют действиям российской армии гораздо меньше внимания, чем событиям на Западном фронте, вспоминая о ней, в лучшем случае, в связи с наступлением в Восточной Пруссии в 1914 г. или Брусиловским прорывом 1916 г.

Отечественные историки часто высказывали тезис о том, что союзники не помогали России в должной мере и стремились, в первую очередь, использовать ее людские ресурсы. Данное суждение было сформулировано еще до завершения боевых действий и получило широкое распространение в советский период, тесно переплетаясь с тезисом о «реакционном», «антинародном» характере Первой мировой войны⁴.

Необходимо, однако, отметить, что отечественными историками была проделана очень большая работа по изучению самого широкого круга аспектов истории Первой мировой войны. В 1920-е гг. в Советской России наблюдалось активное стремление осмыслить опыт Первой мировой войны. Так, несколько фундаментальных работ о подготовке страны к войне и об участии в ней выпустил в то время участник событий, бывший генерал императорской армии, генштабист А.М. Зайончковский, который, среди прочего, коснулся и отношений России с ее союзниками накануне и во время Первой мировой войны⁵.

Одной из первых работ, специально посвященных военно-оперативному взаимодействию России и ее союзников, стала монография Н. Валентинова «Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг.»⁶. Правда, сам автор – Н.В. Вольский (1879–1964), писавший под псевдонимом «Валентинов», ни историком, ни военным не был, но в подготовке издания выступили представители «старого» генералитета, принимавшие, к тому же, в событиях войны самое непосредственное участие: А.В. Свечин, Д.П. Парский, В.Н. Клембовский. Будучи богатой фактическим материалом, книга Валентинова по сути представляет собой все же хронологическую подборку документов, главным образом материалов переписки российского Верховного командования с союзниками, с некоторыми авторскими комментариями.

Почти одновременно с публикацией Н. Валентинова появился трехтомный труд бывшего начальника Главного артиллерийского

управления Генерального штаба А.А. Маниковского «Снабжение русской армии в мировую войну 1914–1918 гг.»⁷. В этой работе, выдержавшей, с изменениями и поправками, три издания⁸, значительное внимание уделено оценкам масштабов и характера военной помощи, которая оказывалась России союзниками. Затронута данная проблематика также в работе Н. Козлова⁹.

В 1930-е гг. продолжало выходить значительное количество работ, посвященных различным аспектам истории Первой мировой войны: общему ходу боевых действий и отдельным операциям¹⁰, проблемам снабжения армии¹¹, действиям артиллерии¹², флота¹³ и др. Вопросы военного и экономического сотрудничества в них освещались лишь как дополнительный сюжет. Богатейший статистический материал о войне был представлен в издании «Мировая война в цифрах» (1934)¹⁴, подготовленном Институтом мирового хозяйства и мировой политики.

Существенным вкладом в изучение проблемы явилась публикация многотомного сборника документов «Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917», третья серия которого охватывала именно период Первой мировой войны¹⁵. В подготовке и комментировании документов участвовали видные ученые-историки: А.С. Ерусалимский, Б.Г. Вебер, Э.Д. Гримм, Б.Я. Галина, В.В. Альтман и др. Благодаря данному изданию значительное число источников было впервые введено в научный оборот.

В годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы основное внимание в научных публикациях уделялось изучению боевого опыта и дипломатической борьбы в период Первой мировой войны. Сотрудничеству союзников уделяется меньше внимания, причем, как и в 1930-е гг., авторы исходят из положения о полуколониальной зависимости России от союзников. Размеры оказанной России материальной помощи рассматривались как ничтожные, не игравшие никакой роли в обеспечении боеспособности российской армии. Выполнение российским правительством союзнического долга трактовалось как проявление зависимости от союзников. Один из авторов, А. Коленковский, например, писал: «Полуколониальная зависимость царской России от западноевропейских империалистов заставляла русское военное командование особенно внимательно относиться к выполнению взятых на себя военных обязательств»¹⁶.

Анализ многих вопросов, связанных с взаимоотношениями стран Антанты, значительно продвинулся вперед благодаря выходу в свет в 1947 г. монографии Ф.И. Нотовича «Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны»¹⁷. К сожалению, из задуманной четырехтомной работы автор успел написать лишь один, первый, том, посвященный 1914 г.

В 1950–1970-е гг. появилось значительное число фундаментальных работ советских исследователей о различных аспектах истории Первой мировой войны. Экономике страны в этот период посвящены исследования Б.В. Ананьича¹⁸, П.В. Волобуева¹⁹, Г.И. Шигалина²⁰, П. Шарова²¹. Авторы сравнили показатели развития промышленности в условиях войны в противоборствующих державах и пришли к заключению, что военно-экономическая база России оказалась слабой и поэтому не выдержала напряжения, вызванного войной.

По-прежнему большое внимание в научных публикациях уделялось внешнеполитическим аспектам мировой войны: ими плодотворно занимались Р.Ш. Ганелин²², В.М. Хвостов²³, Г.К. Селезнев²⁴, В.А. Емец²⁵, А.В. Игнатъев²⁶, Ю.А. Писарев²⁷, В.Н. Виноградов²⁸ и др.

Финансово-экономический аспект отношений России с союзниками раскрыл в своих работах А.Л. Сидоров²⁹. Он показал несоответствие финансово-экономических возможностей Российской империи ее внешнеполитическим и военным целям, что, по его мнению, приводило к зависимости от Англии и Франции.

Вопросы собственно военного взаимодействия стран Антанты нашли отражение в работах военных историков: монографии А.А. Строкова³⁰ и двухтомном труде коллектива Института военной истории под руководством И.И. Ростунова³¹. Кроме того, В.Ф. Воронцовым изучался сам феномен коалиционных войн, в том числе и применительно к Первой мировой войне³².

Доминирующим оставалось суждение о неравноправном положении России в союзе, а также о его непрочности, стремлении союзников решать собственные проблемы, нередко – в ущерб общим. Эта тенденция сохранялась также в 1980-е гг. В начале 1990-х гг. проблемам истории внешней политики и военного сотрудничества в Первую мировую войну стало уделяться меньше внимания. В условиях отказа от прежних идеологических установок, бурных внутрисполитических событий ученых интересуют в большой мере

проблемы функционирования государственного аппарата, влияние войны на общественные отношения и др. Однако затем, в конце 1990-х и особенно в последнее десятилетие, интерес к проблеме взаимодействия союзников возрастает вновь³³.

Тем не менее многие аспекты функционирования Антанты, взаимодействия ее членов, определения эффективности союза вызывают научные дискуссии. При этом некоторые современные авторы стремятся отойти от устоявшихся концепций «неравноправного» союза и подчеркнуть роль России, как на поле боя, так и в дипломатии³⁴.

¹ Митяев Д., Разумова Р. Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 3.

² Воронцов Г.Ф. Военные коалиции и коалиционные войны. М., 1976. 340 с.; Лютов И.С., Носков А.М. Коалиционное взаимодействие союзников: По опыту первой и второй мировых войн. М., 1988. 324 с.

³ Stevenson D. The Politics of the Two Alliances // The Great War and Twentieth Century. London, 2000. P. 42–67; Stevenson D. French war aims against Germany, 1914–1919. Oxford, 1982; Greenhalgh E. Victory Through Coalition: Britain and France during the First World War. New York, 2006. 302 p.

⁴ Хрустов Ф. О характере и сущности Первой и Второй мировых войн // Военная мысль. № 9. 1949. С. 21–25.

⁵ Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк. М., 1924. 457 с.; Его же. Подготовка России к войне в международном отношении. Л., 1926. 401 с.

⁶ Валентинов Н. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. Ч. 1. М., 1920. 126 с.

⁷ Маниковский А.А. Снабжение русской армии в мировую войну 1914–1918 гг. Ч. 1–3. М.; Л., 1920–1923.

⁸ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 3-е изд. М.: Гос. воен. издат., 1937. 718 с.

⁹ Козлов Н. Очерки снабжения русской армии военно-техническим имуществом в мировую войну. Ч. 1. М., 1926. 378 с.

¹⁰ Базаревский А. Наступательная операция 9-й русской армии в июне 1916 г. М.: Воениздат, 1937. 157 с.; Новицкий В.Ф. Мировая война 1914–1918: Кампания 1914 г. в Бельгии и Франции. Т. 1. От начала войны до расположения сторон на Марне. М., 1938. 339 с.; Т. 2. От завязки и сражения на р. Марне до установления позиционной войны. М., 1938. 352 с.

¹¹ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну.

¹² Барсуков Е.З. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М.; Л., 1926. 216 с.; Его же. Русская артиллерия в мировую войну. Т. I. М., 1938. 396 с.; Т. II. М., 1938. 464 с.

¹³ Петров М. Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л., 1926. 260 с.

¹⁴ Митяев Д., Разумова Р. Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. 128 с.

¹⁵ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов

царского и Временного правительств 1878–1917. Серия III. 1914–1917. Т. I–X. М.; Л., 1931–1938.

¹⁶ Коленковский. Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. С. 62–63.

¹⁷ Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т. 1. М.; Л., 1947. 748 с.

¹⁸ Ананьич Б.В. Россия и Международный капитал 1897–1917 гг. Очерки истории финансовых отношений. М., 1970. 316 с.

¹⁹ Волобуев П.В. Монополистический капитализм в России накануне Первой мировой войны. М., 1956. 48 с.; Его же. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. 483 с.

²⁰ Шигалин Г. Военная экономика в Первую мировую войну. М., 1956. 332 с.

²¹ Шаров П. Влияние экономики на исход мировой войны. М., 1962. 147 с.

²² Ганелин Р.Ш. Россия и США. 1914–1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969. 423 с.

²³ Хвостов В.М. История дипломатии. Т. II. Дипломатия в Новое время 1871–1914. М., 1963. 820 с.; Его же. Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX– начале XX вв. М., 1974. 403 с.

²⁴ Селезнев Г.К. Тень доллара над Россией. Из истории американо-русских отношений. М., 1957. 203 с.

²⁵ Емец В.А. Очерки внешней политики России. М.: Наука, 1977. 367 с.

²⁶ Игнатьев А.В. Англо-русские отношения накануне Первой мировой войны. М.: Социздат, 1962. 243 с.

²⁷ Писарев Ю.А. Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М., 1968. 375 с.

²⁸ Виноградов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. 370 с.

²⁹ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в Первой мировой войне. М., 1960. 579 с.; Его же. Экономическое положение России в Первой мировой войне. М., 1975. 654 с.

³⁰ Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974. 616 с.

³¹ Агеев А.М., Вержховский Д.В., Виноградов В.И. История первой мировой войны 1914–1918 // Под ред. И.И. Ростунова. Т. 1–2. М., 1975.

³² Воронцов Г.Ф. Военные коалиции и коалиционные войны. М., 1976. 337 с.

³³ Например, см.: Павлов А.Ю. Скованные одной цепью: Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917). СПб., 2008. 189 с.

³⁴ Там же.

А.В. Михайлов, Г.В. Малахов, В.В. Птицын (Тула)

**ТУЛЬСКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПЛАНЫ ПО РАСШИРЕНИЮ
ОРУЖЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА
И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В 1914–1918 ГОДАХ)**

УМЕНЬШЕНИЕ в предвоенные годы государственных заказов на производство стрелкового оружия и в особенности трехлинейных винтовок привело к тому, что их производство было практически свернуто.

Резкое увеличение нарядов на стрелковое оружие, следовавшие сразу же после начала войны и в последующие годы, потребовало беспрецедентного напряжения ресурсов всех оружейных заводов. Положение Тульского оружейного завода (ТОЗа) осложнялось еще и тем, что к началу войны планы по его расширению, принятые в 1911–1913 гг., находились в стадии реализации.

В каких же условиях и какими средствами осуществлялись планы по расширению производства стрелкового оружия и высокоточного оборудования на ТОЗе?

К началу 1914 г. списочная численность наших регулярных войск составляла 1 232 738 человек (согласно отчету военного министра). По окончании мобилизации было призвано 5 432 746 человек, для вооружения которых потребовалось около 5 млн винтовок; для последующих пополнений еще около 5,5 млн; для восполнения убыли по причине потерь и поломок в течение 3 лет войны – около 7,2 млн. Всего оказалось нужным до 17,7 млн винтовок.

Такую ситуацию с вооружением военное министерство не предвидело. Согласно мобилизационному расписанию 1910 г. считалось достаточным иметь 6,6 млн винтовок. Ошибка составляла

около 11 млн. Имеющийся к началу войны мобилизационный запас 4,5 млн штук винтовок был катастрофически мал¹.

В 1911 г. мобилизационный запас был близок к ошибочным нормам, установленным военным ведомством, и контролирующее ведомство (министерство финансов и государственный контроль) стали препятствовать отпуску кредитов на увеличение нарядов. К тому же назревала необходимость перевооружения армии автоматическими винтовками и пистолетами. Еще осенью 1908 г. в России была создана Комиссия по выработке образца автоматической винтовки. Комиссией был рассмотрен ряд систем, отработаны многие вопросы проектирования, испытания и опытного производства автоматического оружия. Начальникам оружейных заводов предоставлялось право ежегодно расходовать на разработку автоматического оружия до 2 тыс. рублей. В 1915 г. планировалось закончить войсковые испытания ряда образцов автоматических винтовок².

В связи с этим производство винтовок начали сокращать. Из Представления Главного артиллерийского управления (ГАУ) в Военный совет о сокращении производства винтовок от 28 февраля 1911 г. «...признано возможным казенным оружейным заводам изменить наряды нижеследующим образом:

Императорскому Тульскому заводу дать в наряд 10 тыс. 3-лин. винтовок и 18 тыс. 3-лин. револьверов (взамен данных 25 тыс. 3-лин. винтовок и 5 тыс. револьверов); 2) Сестрорецкому заводу — 2,5 тыс. 3-лин. винтовок (взамен 10 тыс. этих винтовок) и 3) Ижевским заводам — 18 тыс. 3-лин. карабинов (взамен 20 тыс. 3-лин. винтовок)... Поручить казенным оружейным заводам за счет произведенных сокращений в планнх нарядах на текущий год изготовление возможно большего количества новых образцов прицельных рамок, отсечек отражателей и других винтовочных частей, необходимых для переделки состоящей на вооружении 3-лин. винтовки и приспособления ее к стрельбе новым патроном с остроконечной тулей»³.

В результате снижения заказов в 1911 г. было изготовлено 36 967 винтовок, в 1912 г. — 47 157, в 1913 г. — 65 044. На ТОЗе в предвоенном 1913 г. было изготовлено 12 860 винтовок, 87 200 револьверов «Наган», 913 пулеметов «Максим», 490 станков системы Соколова к пулемету и 173 500 взрывателей⁴.

В период уменьшения заказов на производство винтовок, кроме изготовления винтовочных частей, ТОЗ поставил у себя несколько

дополнительных производств: станков к пулемету Максима системы Соколова; выючных приспособлений; взрывателей типа ЗГТ и 4ГТ; переделки винтовок Бердана № 2 из боевых в охотничьи; частей к велосипеду фирмы «Дукс». В 1912 г. рассматривалась возможность производства на ТОЗе авиационных двигателей модели «Гном»⁵.

Пулеметное производство на ТОЗе, налаженное в 1906 г., не обеспечивало потребности армии в пулеметах и требовало расширения, чего не позволяла ограниченная площадь завода. Для увеличения производственной мощности пулеметного производства требовалась покупка новых территорий.

В 1911 г. было признано необходимым начать массовое производство высокоточных отечественных станков для военно-промышленного комплекса России. Опыт зарубежного точного машиностроения показывал, что станкостроение организовывалось при участии оружейных заводов. В Германии лучшие станки строились оружейной фирмой «Леве». Во Франции станкостроительный завод «Баррикан и Мар» был построен при государственном оружейном заводе. В Америке станкостроительные фирмы «Браун и Шарп» и «Пратт и Витней» развивались благодаря заказам на оборудование для оружейных заводов.

ТОЗ к этому времени имел опыт такого производства, изготавливая станки для собственных нужд по образцам ведущих станкостроительных фирм.

Поэтому начальнику ТОЗ в 1911 г. поступает распоряжение ГАУ о разработке проекта расширения станкостроительного производства. В 1912 г. на заводе было создано техническое бюро, по проекту которого предусматривалось строительство станкостроительной мастерской с последующей организацией машиностроительного отдела. Отдел включал конструкторское бюро и цеха: механический, литейный и кузнечный.

Создание станкостроительного отдела, также как и увеличение мощности пулеметного производства, было возможно только на новых территориях.

Для указанных целей в 1912 г. у торгового дома «Л. В. Готье» ТОЗом был куплен «сталелитейный и механический завод с территорией, со всеми каменными и деревянными строениями и оборудованием». Кроме земли, заводу перешли двадцать двух- и трехэтажных каменных сооружений и все оборудование. Оборудование

(больше 100 металлорежущих станков, 12 кузнечных горнов, 11 подъемных кранов, 6 паровых котлов, 4 динамо-машины, 3 вагранки, 2 конвертора, пятидесятитонный пресс) находилось в хорошей сохранности. Наиболее ценного оборудования насчитывалось более 250 единиц.

На купленной территории находилась внутривзводская узкоколейная железная дорога с тремя поворотными кругами и путевыми вагонетками.

Часть полученного оборудования была перебазирована на территорию оружейного завода и использована для оснащения его мастерских. Освободившиеся помещения были отремонтированы и переоборудованы для выпуска новой продукции. Согласно плану расширения завода в первую очередь обустраивались механическая и литейная мастерские для организации в них машиностроительного отдела. Сюда с помощью ломовых извозчиков перевезли со старой территории все оборудование механической мастерской. Все работы были закончены к лету 1913 г. Выпуск металлорежущих станков был начат уже в сентябре 1913 г. Первоначально планировалось выпустить 600 станков в год.

В 1913 г. согласно выдвинутой военным ведомством «Большой программе по усилению армии» ТОЗ должен был производить ежегодно: «винтовок – 250 000, револьверов – 50 000, пулеметов – 1000, станков – 700 и взрывателей – 250 000 в год при односменной работе».

В связи с этим было запланировано расширение завода. Приказом от 13 июня 1913 г. начальник ТОЗа создал комиссию по расширению завода во главе с полковником П.П. Третьяковым. В сжатые сроки была составлена смета на строительство и оборудование завода, с расчетом выполнить работы в двухлетний период, т. е. к 1 января 1915 г.

Одновременно был объявлен закрытый конкурс на составление проекта расширения завода, победителем которого стала московская проектно-строительная фирма «Инженерное дело». Она же осуществляла и авторский надзор за реализацией проекта. Для возведения зданий привлекли частные артели подрядчиков, которые обязаны были в оговоренные сроки построить здание для пулеметных мастерских, сборочно-пулеметный корпус, ложевую мастерскую, электростанцию, расширить механическую, литейную и модельную мастерские.

Война застала работы по строительству и оборудованию завода незаконченными. Потребовалось скорейшее завершение намеченной программы.

Новый двухэтажный корпус для производства станковых пулеметов вступил в строй уже осенью 1915 г. Сюда полностью перевели пулеметное производство со старой территории, были созданы 1-я и 2-я пулеметные и сборочно-пулеметная мастерские⁶.

За 1915 г. ТОЗ изготовил 4279 пулеметов против 1541 в 1914 г.

Однако в том же 1915 г., в связи с неудовлетворительным снабжением армии стрелковым оружием, военным ведомством был поставлен вопрос о строительстве нового оружейного завода.

Из представления Военного министерства в Государственную думу о постройке новых казенных оружейного и сталелитейного заводов от 23 августа 1915 г.: *«Кладя в основание выяснившуюся ныне потребность в выпуске в месяц 200 тыс. винтовок и учитывая то обстоятельство, что путем уже производящихся ныне напряженных работ существующие казенные заводы поднимут выход винтовок до 100 тыс. в месяц, представляется необходимым приступить теперь же к постройке завода или заводов с мощностью не менее 100 тыс. винтовок в месяц»*⁷.

ТОЗ предложил ГАУ не строить новый завод как самостоятельный, а произвести эквивалентное расширение старого завода. Это предложение было одобрено, и вопрос о дальнейшем развитии завода решился.

Проект дальнейшего расширения завода предполагал окончание строительства всего того, что было запланировано фирмой «Инженерное дело», кроме того, к зданию механической мастерской на новой территории пристраивался новый корпус, заново возводились трехэтажный главный корпус, новая кузница и ряд помещений вспомогательного характера. Предполагалось отремонтировать и приспособить для производства все имевшиеся здания старой постройки. Для строительства были приобретены новые земли (122 частные усадьбы) и безвозмездно получена пустующая казенная земля, прилегающая к району строительства.

Оборудование обязалась поставить американская фирма «Ремингтон» после окончания с ней контракта на изготовление трехлинейных винтовок. Также предполагалось использовать оборудование собственного производства.

Строительство велось исключительно быстрыми темпами, поскольку перед строителями-подрядчиками ставилась только одна задача – возвести корпуса к определенному сроку. Они же сами, исходя из задания, набирали потребное количество людей, организовывали круглосуточную работу, выдерживая при этом отменное качество. В августе 1915 г. был достроен, оснащен станками и запущен в эксплуатацию пулеметный корпус. В октябре 1916 г. окончилось возведение зданий для механической и литейной мастерских.

По завершении всего комплекса работ годовая программа завода предусматривала выпуск в механических мастерских до 1500 станков различных типов, а в пулеметных мастерских до 14 000 пулеметов и 12 800 пулеметных станков Соколова в год.

В разгар работ по расширению ТОЗа вышло «Представление Военного министерства в Государственную думу о постройке казенного машиностроительного завода» (от 6 октября 1916 г.)

Из Представления: «...Для удовлетворения потребности технических артиллерийских заведений в металлообрабатывающих станках, приспособленных к точной работе... приходится постоянно прибегать к заказам станков за границей, так как в России эта отрасль машиностроения не получила надлежащего развития... Военное ведомство пришло к заключению о необходимости постройки первого в России казенного машиностроительного завода для изготовления станков – типов, потребных разом для оружейных, патронных и трубочных заводов...»

Кроме станкостроительного производства в составе завода предусматривался инструментальный отдел для изготовления обрабатывающих и измерительных инструментов, а также технологической оснастки.

Запланированная производительность завода составляла 8 станков в рабочий день, т. е. около 200 станков в месяц, или 2400 в год.

Для обеспечения намеченной производительности было необходимо 1000 пудов отливок чугуна, 250 пудов отливок стали и 20 пудов отливок меди в день. Для оснащения механических мастерских и инструментального отдела требовалось около 1000 станков⁸.

Однако начавшийся в 1916 г. экономический кризис не позволил приступить к постройке нового машиностроительного завода.

В результате реализации планов по расширению и повышению производительности оружейного производства в 1915 г.

ТОЗ изготовил 352 550 винтовок, 131 842 револьвера и 4124 пулемета. Заводу понадобилось всего 7 месяцев для достижения производительности около 1000 винтовок в день, против запланированной в 1914 г. (700 винтовок в день). Следует учесть, что к 1914 г. винтовочное производство было почти полностью остановлено (за первые 6 месяцев этого года завод выпустил 41 винтовку). К концу 1916 г. на ТОЗе было изготовлено: 648 800 винтовок, 180 701 револьвер, 11 072 пулемета и 8031 пулеметный станок⁹. В этом году производилось до 1500 винтовок в день, а в дальнейшем планировалось повышение ежедневной производительности до 2000 винтовок.

Таким образом, ТОЗ во время войны 1914–1917 гг. оправдал надежды государства.

Однако повышение производительности ТОЗа сдерживалось устаревшими принципами организации производства: начальник завода и штаб-офицер по технической части (главный инженер) непосредственно руководили деятельностью всех заведующих мастерскими. Такая схема управления при значительном расширении производства стала неэффективной.

Прогрессивная схема управления технической частью производства была разработана только в 1918 г. и описана в «Объяснительной записке к схеме организации технической части Тульского оружейного завода», составленной техническим комитетом завода. Записка содержит проект новой структуры технической части завода. Технический директор управляет всей технической частью производства, разделенной на 6 отделов – самостоятельных производств, которыми руководит один из помощников технического директора. Ему подчиняются начальники мастерских, входящих в отдел. При техническом директоре имеется техническое бюро, а также техническая библиотека и музей «как необходимые пособия для постоянного пополнения знаний». При каждом отделе имеется свое техническое бюро.

Эта структура, вполне эффективная и в настоящее время, впоследствии была реализована¹⁰.

¹ См. Барсуков Е.З. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М., 1926; Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937.

- ² ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 8297. Л. 309.
- ³ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 53. Л. 257–259 об.
- ⁴ Михайлов В.С. Очерки по истории военной промышленности [Электронный ресурс] URL: http://www.grwar.ru/library/Mikhayloff-Notes/MN_03.html
- ⁵ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 10521. Л. 9–20.
- ⁶ Сотников М.А., Чуднов Г.М. Тульский машиностроительный. ТМЗ им. В.М. Рябикова – 50 лет. Тула: Приокское кн. изд-во, 1989. С. 25–34.
- ⁷ РГВИА. Ф. 962. Оп. 2. Д. 25. Л. 243–245.
- ⁸ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 44. Д. 548. Л. 373 об.
- ⁹ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 8415. Л. 10.
- ¹⁰ ГАТО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 568. С. 371–376.

А.В. Михайлов, А.А. Портунеев (Тула)

**ПОДПОРУЧИКИ И ПРАПОРЩИКИ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ
ГРАЖДАНСКИХ ВУЗОВ НА ТУЛЬСКОМ
ОРУЖЕЙНОМ ЗАВОДЕ В 1914–1917 ГОДАХ)**

В ДОКУМЕНТЕ из архивных фондов Тульского оружейного завода (ТОЗ) «Список офицерам и чиновникам, прикомандированным к Тульскому императора Петра Великого оружейному заводу»¹ содержатся данные об офицерах, имевших высшее и среднее специальное образование, которые с 1915 по 1917 гг. на основании приказа по Военному ведомству 1915 г. № 648 и 1916 г. № 408 отозваны из действующей армии в распоряжение ГАУ, а затем направлены на завод для усиления «технической части».

Наиболее интересны сведения об офицерах, которые практически сразу по прикомандированию к заводу стали руководителями подразделений и служб завода.

«Подпоручик Мелик-Мирзаханов Илларион Аветович. Петербургский технологический институт. Командир роты 206 Сальянского пехотного полка. Был ранен и контужен. Награды: ордена Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом, Св. Анны 4 степени. Зав. Пулеметной мастерской № 2...

Подпоручик Мироненко Иван Игнатъевич. 1 Осадная артиллерийская бригада. Был в походах и делах против неприятеля на позициях Северного фронта (Якобштадский район). Харьковский технологический институт. Сергиевское артиллерийское училище в Одессе. Зам. Зав. Инструментальной мастерской...

Подпоручик Добрынин Константин Николаевич. Императорское Московское техническое училище. 1 Запасной железнодорожный батальон. В кампанию 1914–15 гг., в делах ранен и контужен

не был. Награды: орден Св. Станислава 3 степени. Зав. Литейной и Модельной мастерскими.

Прапорщик Лебедев Константин Алексеевич. Императорское Московское техническое училище. 151 пешая Воронежская дружина. В сражениях был, ранен и контужен не был. Награды: орден Св. Анны 2 степени. Младший механик Комиссии по построению нового завода...

Прапорщик Мельников-Егоров Павел Густинович. Императорское Московское техническое училище. 4 запасной саперный батальон. В действующей армии не был. Архитектор завода...

Прапорщик Васильев Владимир Васильевич. Императорское Московское техническое училище. Адъютант 151 запасного батальона. В сражениях не был. Старший механик завода...

Военный чиновник Чурлис Юрий Иванович. Петербургский технологический институт. Чиновник военного времени. Штаб Двинского военного округа. В действующей армии был, ранен и контужен не был. Зав. Коробочно-взрывательной мастерской...

Прапорщик Падеревский Иосаф Иосафович. Императорское Московское техническое училище. В сражениях не был. 348 пешая Вологодская дружина. Зам. зав. мастерской...

Прапорщик Кичкин Сергей Федорович. Московский Сельскохозяйственный институт. Участвовал в кампаниях 1904–05 и 1914–15 гг. в сражениях, был ранен. Награды: ордена – Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом, Св. Анны 3 степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2 степени. (2 сына 13 и 10 лет и 4 дочери 14, 11, 8 и 5 лет). Зав. Ложевой мастерской...

Прапорщик Макаров Василий Андреевич. Комиссаровское техническое училище в Москве. Младший офицер 9 легкой батареи. В сражениях был, ранен и контужен не был. Зав. Механической мастерской № 2...

Прапорщик Мануилов Алексей Петрович. Севастопольское Константиновское реальное училище. Младший офицер 37 артиллерийской бригады. В сражениях был, ранен и контужен не был. Награды: орден Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом. Зав. Инструментальной мастерской...

Подпоручик Дылевский Эдуард Александрович. 6-я Петроградская гимназия. Младший офицер роты. 49 Брестский пехотный полк. Был 2 раза ранен. Награды: ордена Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом, Св. Анны 3 степени с мечами и бантом,

Бухарский орден Серебряной звезды 2 степени. Зав. Штыковой мастерской...».

Как видно из списка, большинство офицеров закончило престижные в то время высшие и средние технические учебные заведения. В Московском высшем техническом училище, Петербургском и Харьковском технологическом институтах на рубеже XIX–XX вв. работали выдающиеся ученые своего времени. Это механики, технологи и инструментальщики: профессора Н.Е. Жуковский, А.П. Гавриленко, И.А. Вышнеградский, А.В. Гадолин, Н.Ф. Лабзин, А.Д. Гатцук, В.Л. Кирпичев, В.И. Альбицкий, П.М. Мухачев, К.А. Зворыкин, В.С. Кнаббе или представители созданных ими научных школ.

Качество преподавания в среднетехнических учебных заведениях также находилось на высоком уровне. Московское Комиссаровское техническое училище было одним из ведущих средних технических учебных заведений царской России. Деятельность этого училища оказала огромное влияние на становление и совершенствование в России профессионального образования. Это училище явилось предшественником Московского автомеханического института (МАМИ) и Военной академии механизации и моторизации РККА (ВАММ РККА).

Севастопольское Константиновское реальное училище давало возможность поступать по его окончании в технические институты. Его преподаватели сотрудничали с севастопольскими Морским кадетским и Морским корпусами.

Т. е. образовательный потенциал выпускников гражданских технических учебных заведений был высок.

Сравнение послужных списков офицеров, прикомандированных к заводу², говорит о том, что их предвоенные и военные биографии достаточно типичны. К примеру, «Краткая записка о службе...» подпоручика И. Мироненко.

КРАТКАЯ ЗАПИСКА

*О службе состоящем в прикомандировании
к Тульскому И.П.В. Оружейному заводу 1-ой осадной
Артиллерийской бригады Подпоручика Ивана Мироненко
Сентября 1917 года
Родился 28 декабря 1889 года
Вероисповедания православного
Из крестьян*

Окончил курс наук в Александровском средн.- мех. техн. училище и имеет диплом об окончании Харьковского технологического института Имп. Алекс. III за № 1688.

Холост

Получает жалования 250 руб. в м-ц.

В службу вступил в Сергиевское Артиллерийское училище юнкером рядового звания на правах вольноопределяющегося 1 разряда 1915 г. нояб. 4.

Действительная служба

Считается с дек. 1.

Унтер-офицером с 1916 г. фев. 4.

И.д. младшего портупей-юнкера с мар. 7.

Произведен в прапорщики с назначением на службу

в крепостную береговую артиллерию Северного фронта

с зачислением по полевой пешей артиллерии 1916 г. май 14

Со старшинством с апр. 1

Переведен в 1 Осадную артиллерийскую бригаду и назначен

младшим офицером в 1 дивизион во 2 батарею июнь 16.

Командирован в 3 Воздухоплавательную

роту в качестве артиллерийского наблюдателя окт. 11.

Возвратился из командировки нояб. 23.

По испытании в знании теоретических понятий

по Воздухоплаванию, признан выдержавшим их «успешно».

Практический курс закончил совершив 11 подъемов дек. 17.

Командирован в Главное Артиллерийское Управление 1917 янв. 6.

Назначен в Тульский И. П. В. оружейный завод янв. 9.

Прибыл в завод янв. 10.

Произведен в подпоручики апр. 2.

Со старшинством 1915 дек. 1.

Был в походах и делах против неприятеля на позициях Северного фронта (Якобштадский район) с 1916 май 22 по 1917 янв. 6.

Эти люди получили высшее или среднее образование. Затем были мобилизованы на фронт, вынесли все тяготы войны – многие были ранены или контужены, а после излечения направлены на военный завод. Практического заводского производственного опыта не имел никто.

В какие же производственные условия попали эти, по заводским меркам, «молодые специалисты»?

К 1917 г., во время войны значительно увеличилась численность рабочих и количество мастерских (цехов). Если в 1901 г. всего на заводе числилось 7035 человек, работавших в 11 мастерских, то к 1 июля 1914 г. на заводе было занято 8840 человек, к 1 июля 1916 г. – 21 251 человек, а к февралю 1917 г. количество работающих достигло 25 000 человек, занятых в 26 мастерских.

Руководили этим производством (технической частью), по штату, объявленному в Своде штатов сухопутного ведомства изд. 1914 г.: начальник завода – 1, помощник начальника завода – 1, техники для заведывания производствами (старшие и младшие) – 11, классные оружейные мастера (старшие и младшие) – 9, механики (старший и младший) – 2³. В документе «Список генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам Тульского Императора Петра Великого оружейного завода и оружейной школы»⁴, датированном 3.01.1917 г., значатся: генерал-майоры П.П. Третьяков – начальник завода, А.А. Кубасов – помощник начальника завода, гвардии полковники Н.Н. Нефедов, П.А. Гусев, Я.И. и Б.И. Каневские, Д.С. Груев, гвардии капитаны А.М. Барташевич, Б.Я. Успенский, гвардии штабс-капитаны Г.А. Апарин, В.А. Шелепов – начальники важнейших мастерских (цехов) завода. Все они военные инженеры, окончившие (только по 1-му разряду) одно из лучших европейских военно-технических заведений, – Михайловскую артиллерийскую академию. Большинство было отмечено за успехи в учебе специальными премиями, правительственными наградами: орденами или внеочередным производством в следующий чин. Это выпускники научных школ выдающихся ученых своего времени: механика И.А. Вышнеградского, специалистов по артиллерийской и оружейной технологиям А.В. Гадолина, В.Л. Чебышева, металловеда Д.К. Чернова и многих других. К 1917 г. офицеры ТОЗа имели огромный опыт работы, как в оружейном, так и в станкоинструментальном производствах, были хорошо знакомы с передовыми технологиями Запада. В мирное время многие военные инженеры завода наряду с производственной занимались и научной деятельностью, сотрудничали с Императорским русским техническим обществом, печатались в технических журналах.

К началу войны большинству офицеров приходилось руководить двумя, а то и тремя мастерскими. Кроме ответственности за количество и качество выпускаемой продукции, они несли ответственность за оснащение мастерских оборудованием, за проектирование

и изготовление обрабатывающего инструмента и технологической оснастки, составление различных смет, ведение отчетности и прочее, вплоть до состояния туалетов.

Такая нагрузка была непосильна даже для высококвалифицированных и опытных специалистов. В результате уже в начале войны, при развертывании производств, начал сказываться дефицит «техника», способных справиться с решением многообразных технических и организационных задач.

Одним из способов удовлетворения «голода» в специалистах с техническим образованием стал их отзыв из армии. Инженеров и техников находили во фронтовых и запасных частях всех родов войск, в штабах и т. п., а затем направляли в распоряжение Главного артиллерийского управления (ГАУ). Далее следовало прикомандирование к оружейным предприятиям, в том числе к ТОЗу.

Прикомандированные к заводу офицеры попали в весьма сложные условия жесткого форсирования производства. Была введена круглосуточная работа с 12-часовыми сменами, сокращено количество выходных дней до двух в месяц, повышены режимы работы оборудования, невзирая на возможность его катастрофического износа. Несмотря на нарушения норм техники безопасности и санитарии, все свободные рабочие площади использовались под оборудование – «на станок вместо 2 сажений приходилось всего около $\frac{3}{4}$ сажени»⁵. В мастерские завода поступало новое оборудование из заграницы, которое осваивалось в сжатые сроки. Станки, реквизируемые с частных предприятий, надо было сначала ремонтировать или усовершенствовать, а затем встраивать в оружейные технологические процессы. В арендованных заводом помещениях (на самоварной фабрике братьев Тейле, чугунолитейном заводе Маркова и прочих) требовалась перепланировка под поступающее оборудование. Шло расширение ТОЗа и оборудование новых производственных площадей. Начиналось строительство нового машиностроительного завода. Ручной труд, широко применявшийся из-за нехватки оборудования, было необходимо механизировать.

Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют о том, что вновь прибывшие на завод подпоручики и прапорщики быстро освоились на новых местах службы и принимали активное участие в совершенствовании организации производства, технологий изготовления как основной продукции, так и необходимого обрабатывающего оборудования, оснастки и инструмента.

«Молодые специалисты» справлялись со своими обязанностями благодаря качеству своего образования, а также высокой квалификации руководства и сослуживцев – кадровых военных инженеров-технологов. Плодотворное сотрудничество вновь поступивших на завод и опытных военных инженеров существенно повлияло на то, что к концу 1916 – началу 1917 гг. завод выполнял намеченные планы.

Таким образом, к концу 1917 г. производствами ТОЗа руководили опытнейшие производственники, выпускники Михайловской артиллерийской академии, и получившие 2–3-летний заводской опыт предвоенные выпускники гражданских вузов.

Многие кадровые офицеры ТОЗа уже в советское время стали крупными организаторами и машиностроительного производства, и высшего технического образования.

Так, генерал-майор П.П. Третьяков стал основателем проектно-конструкторского бюро на ТОЗе – конструкторской базы по разработке стрелкового оружия. Под его руководством начинали работать конструкторы и талантливые изобретатели: Д.М. Кочетов, С.А. Коровин, Г.В. Кушников, С.А. Ярцев, С.А. Прилуцкий, С.В. Владимиров и прочие. ПКБ Третьякова было предшественницей Тульского КБП.

Генерал-майор С.А. Зыбин в 1920–1930-х гг. был заведующим кафедрой Самарского сельскохозяйственного института, профессором физики и математики.

Полковник Б.И. Каневский, впоследствии генерал-лейтенант Красной Армии, был главным инженером крупного военного завода, руководителем одного из управлений Главного управления военной промышленности, начальником факультета в Военно-промышленной академии.

Штабс-капитан Г.А. Апарин был назначен главным инженером Ковровского пулеметного завода. В 1930 г. основал кафедру взаимозаменяемости МВТУ им. Баумана. В 1943 г. профессор Апарин возглавил кафедру резания металлов Казанского авиационного института.

От кадровых офицеров не отставали и подпоручики военного времени. Подпоручик И.И. Мироненко прошел путь от зам. начальника инструментальной мастерской ТОЗа до начальника инструментального отдела завода, включающего 2 цеха и технический отдел. В 1920-х гг. по совместительству преподавал в техникумах.

В 1931 г. приглашен на работу в Тульский механический институт, где стал основателем кафедры «Металлорежущие инструменты», которую можно считать венцом тульской инструментальной школы. О квалификации И.И. Мироненко говорит то, что он «давал... методы расчетов протяжек, фрез и специальных сверл задолго до появления аналогичных материалов в печати»⁶.

Подпоручик Мирзаханов на ТОЗе прошел путь от начальника пулеметной мастерской до главного инженера завода, затем работал председателем правления Треста тульских государственных заводов. В 1924 г. он был переведен в Москву и назначен директором-распорядителем государственного акционерного общества «Рудметаллторг». В конце 20 – начале 30-х гг. был помощником начальника оружейно-пулеметного треста по технической части. С 1931 по 1939 г. руководил крупнейшими предприятиями оборонной промышленности: заводами № 8 им. М.И. Калинина (г. Подлипки – ныне г. Королев) и № 92 (Приволжский завод). Только на заводе № 8 к началу Великой Отечественной войны было изготовлено более 56 тыс. орудий и установок, значительно больше, чем на всех остальных артиллерийских заводах страны вместе взятых. В феврале 1939 г. Мирзаханов был назначен начальником Третьего главного управления и стал членом коллегии Наркомата вооружения СССР, а с мая 1941 г. он работал заместителем народного комиссара вооружений СССР. На этом посту находился до 1953 г. 18 ноября 1944 г. И. Мирзаханову было присвоено воинское звание генерал-майор инженерно-технической службы⁷.

Подпоручик Добрынин, прапорщики Мельников-Егоров, Лебедев, Васильев при советской власти долгое время работали на ТОЗе, руководили различными производствами, воспитывали новые поколения инженеров-оружейников.

¹ ГАТО. Ф. 187. Оп. 2. Д. 666. Л. 43–46.

² Там же. Л. 2–25.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Там же. Л. 2–25.

⁵ Там же. Л. 65.

⁶ Кузница инженерных кадров. Тула: Приокское кн. изд-во, 1980. С. 49.

⁷ Арутюнян К.А., Погосян Г.Р. Вклад армянского народа в победу в Великой Отечественной войне. М., 2010. С. 582–584.

Д.Ю. Михеев (Новосибирск)

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ НАУКИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ВОЕННО-НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (1920-е ГОДЫ)

В ОПРОС участия в исследовании стратегии и тактики ведения войн, подготовке войск и населения к будущей войне такой специфической, уникальной организации, какой являлось Военно-научное общество СССР, мало изучен. А между тем, в 1920-е годы в Советском Союзе эта многотысячная общественная организация, используя гигантский «административный ресурс», вносила существенный вклад в укрепление обороноспособности государства, развитие искусства войны.

Как известно, в октябре 1920 г. было объявлено о создании Военно-научного общества. В январе 1926 г. Председатель СНК А.И. Рыков утвердил Устав Военно-научного общества (далее – ВНО) СССР¹. В соответствии с Уставом, «в целях общественного содействия усилению обороноспособности ...организуется Военно-научное общество Союза ССР»². Поставленных перед Военно-научным обществом целей предлагалось достигать, в том числе, путем «организации научных исследований в области теории и истории военного искусства на основе ленинизма», с учетом опыта «империалистической и гражданской войн», «изучения состояния военного дела в иностранных государствах», распространения военно-научных знаний, «как среди состава Красной Армии, так и вообще среди трудящихся масс»³.

Основными формами работы ВНО являлись издание журналов, монографий, брошюр, сборников, организация лекций, докладов, экспериментальное изучение военного дела путем проведения

учений, военных игр и др. В соответствии с Уставом ВНО СССР создавалась сеть организаций по изучению и пропаганде военного дела. Эта сеть имела строгую иерархию и охватывала как воинские части, так и гражданские организации в соответствии со структурой Красной Армии и территориально-административным делением страны. Первичными организациями являлись кружки военных знаний (КВЗ) в войсковых частях, на фабриках, заводах, избах-читальнях. Следующая ступень – военно-научные кружки (ВНК) отдельных войсковых частей, военных кораблей, штабов, военно-учебных заведений, гражданских высших учебных заведений. Наконец, при военных академиях, курсах усовершенствования и при центральных управлениях наркоматов создавались отделения военно-научного общества (ОВНО). Высшим органом являлся Центральный Совет ВНО СССР, который состоял из генерального секретариата, методической и научно-исследовательской комиссий, редакционно-издательского совета и управления делами. Учитывая особую для сегодняшнего дня актуальность вопроса борьбы с коррупцией и злоупотреблениями, обратим внимание на существовавшие в системе ВНО ревизионные комиссии. Их цель – проверка материальной и денежной отчетности советов и президиумов центральных и местных организаций.

Отметим отдельно, что страна, едва преодолев последствия социальных потрясений, находит возможность выстроить столь стройную и, видимо, затратную систему. Тогда не сомневались: на армии, на обороне государства экономить нельзя. Распространение военных знаний среди населения было тем более необходимо, что в рассматриваемый период осуществлялся переход на милиционную систему. Примечательно, что деятельность ВНО не предусматривалось сворачивать даже в случае войны. В соответствии с Уставом ВНО СССР в военное время деятельность организации должна определяться особыми инструкциями Реввоенсовета СССР⁴.

Присутствовали и все внешние атрибуты: установленного образца членский билет, регистрация в организации и членские взносы. В Сибирском военном округе, например, красноармейцы платили 5 коп. в год, крестьяне – 60 коп. в год, безработные членские взносы не платили⁵. Заслуживают внимания основания исключения из ВНО. Таковыми признавались: лишение избирательных прав, совершение проступков, несовместимых с «достоинством трудящегося»⁶.

Военно-научной работе уделялось самое серьезное внимание. Ежегодно проводились всесоюзные съезды ВНО, в военных округах – окружные конференции ВНО (не реже одного раза в год). Причем, в крупных гарнизонах съезды организовывались через делегатов.

Есть все основания полагать, что центром, ведущим звеном военно-научной работы являлся военный округ. В Сибирском военном округе (далее – СибВО), на просторах от Урала и до Дальнего Востока, со всей ответственностью и присущим эпохе энтузиазмом отнеслись к делу. В сибирских архивах отложилось значительное число документов, свидетельствующих о серьезной и с размахом организованной военно-научной работе. Вывод об особом отношении к военно-научной работе подтверждается и тем, что председатель Сибирского краевого исполнительного комитета Р.И. Эйхе, глава советской власти в Сибири, был членом совета военно-научного общества военного округа и не просто числился, но принимал регулярное и активное участие в заседаниях президиума военно-окружного совета ВНО.

Председателем совета ВНО СибВО являлся Н.Н. Петин, командующий войсками округа в 1926–1928 гг. Примечательна личность командующего. Н.Н. Петин имел еще дореволюционное военное образование: в 1897 г. окончил Николаевское инженерное училище, в 1907 г. – по I разряду Академию Генштаба, являлся участником Русско-японской и Первой мировой войн⁷. Командующий умело и энергично направлял деятельность ВНО в округе. Теоретические знания, боевой опыт позволяли Н.Н. Петину серьезно и авторитетно выступать перед военно-научным сообществом по вопросам искусства войны.

В своем докладе 22 января 1926 г. он отмечал: «В связи с переходом военного строительства от восстановительного периода к созидательному, к периоду построения революционного творчества, периоду построения вооруженных сил и всей системы обороны на новых организационных началах, работа военно-научных организаций в нашей армии получает совершенно другое значение, другой характер...»⁸. Командующий критикует царскую армию и ее «Общество ревнителей военных знаний», воспитанных на «истории Иловайского», а потому «политически малограмотных», и заключает: «...перед военно-научными организациями Красной Армии лежит теперь широчайшее поле деятельности, громадные

перспективы и возможности»⁹. Н.Н. Петин утверждает также, что характер и масштаб будущих войн требует вовлечения в работу по подготовке к обороне всего населения. Как он говорит – «военизации»¹⁰.

Далее командующий развивает свои взгляды, утверждая, что «в будущей войне барьера между фронтом и тылом не будет, авиация и химия перенесут боевые операции глубоко в тыл воюющей страны»¹¹. Особую роль в подготовке к войне Н.Н. Петин отводил непосредственно военно-научной работе, хотя и заключал: «Рассчитывать, что эту работу может взять на себя военно-научное общество армии, совершенно невозможно». Командующий утверждает, что достичь цели возможно лишь при условии «развертывания... работы среди... всей массы трудящихся, не числящихся в армии», при условии если это «станет задачей руководящих органов наших партийных, советских и профессиональных организаций»¹².

Деятельность ВНО в Западно-Сибирском крае регулярно рассматривалась на заседаниях Революционного военного совета Сибирского военного округа в присутствии, как принято говорить, первых лиц края. Реввоенсовет СибВО руководил низовыми организациями ВНО (отделениями военно-научного общества, военно-научными кружками, кружками военных знаний), в том числе и посредством направления указаний о работе военно-научных организаций на период обучения войск округа, принятия постановлений по вопросам работы ВНО. Такие указания и постановления носили императивный характер, подлежали обязательному выполнению и отражали все многообразие военно-научной работы.

В частности, в указаниях о работе ВНО войск округа в летний период обучения 1929 г. анализировалось состояние военно-научной работы, указывались недостатки – «замирание работы» вследствие «загруженности комполитсостава, неопуска боевых патронов и пр.», определялся вывод: несмотря на летний период, «условия работы, как в армии, так и среди гражданского населения... не содержат предпосылок для сворачивания ВНО-вской работы...»¹³. Другими словами, военно-научная работа должна вестись в любых условиях обстановки. В числе задач, поставленных в данном указании – добиться дальнейшего количественного роста организаций, углубления работы и улучшения ее качества, вовлечение

широких масс трудящихся в целях превращения ВНО в массовую общественную организацию.

В постановлении от 28 апреля 1926 г. РВС СибВО определяет основные вопросы военно-научной работы: пропаганда идей военного строительства и обороны СССР, конкретизация работы. Реввоенсовет округа предлагает научно-техническому бюро установить более тесную связь с таким же бюро в Авиахим, развернуть военно-научную работу в вузах и втузах, защищает бюллетень окружного совета ВНО от «выпадов» главного издания Сибири – газеты «Советская Сибирь» (вопросы военно-научной работы находили свое отражение и в сибирской прессе)¹⁴. В постановлении, принятом 28 июля 1926 г. и имевшем гриф «совершенно секретно», Реввоенсовет СибВО просит центр «периодически объявлять перечень издаваемых трудов, которые обязательно должны быть изучены высшим начсоставом», обеспечить библиотеки войсковых соединений от дивизии и выше «хотя бы одним экземпляром выходящих серьезных военных и военно-политических трудов». И, в свою очередь, требует от подчиненных низовых военно-научных организаций в целях установления «более тесной связи штабных работников со строевым составом, широко практиковать участие первых на военных играх, полевых поездках и маневрах» и др.¹⁵

Весьма интересным представляется исследование деятельности ВНО Сибирского военного округа в 1920-е гг., посредством которой осуществлялось изучение, насколько это возможно, тактики ведения будущей войны, проводилась работа по подготовке войск и населения к войне. Командование округа требовало, чтобы по содержанию такого рода деятельность была «тесно увязана с текущими задачами подготовки бойца, командира и части», добивалось, чтобы ВНО округа содействовало успешному решению задач по повышению тактической грамотности командира. Как непреходяще звучит: «необходимо увязать теоретические знания командира с практической работой в поле, предупредить опасность буквального применения теоретических знаний на практике, независимо от учета общей обстановки»¹⁶.

Отдельно и весьма тщательно ВНО округа рассматривало опытно-исследовательскую работу, указывало наиболее актуальные вопросы такого рода деятельности. Эти вопросы и темы исследований весьма специфичны, но и весьма показательны. Тематика формулировалась в ежегодных перечнях «примерных тем для изучения

в военно-научных кружках частей»¹⁷. В их числе темы для военно-научных кружков «всех видов оружия», военно-научных кружков стрелковых, кавалерийских, артиллерийских, инженерных частей, частей связи, военно-научных кружков «по военно-химическому делу». Объяснимый интерес представляет тематика, подлежащая, как тогда говорили, «проработке» в инженерных и артиллерийских частях. Для инженерных частей предлагались следующие вопросы: «Проверка способов противогазового оборудования позиций», «Применение кузнечных мехов для оборудования газоубежищ», «Способы герметического запора входов в блиндажах», «Тип колодца, характерный для данной местности».

Для артиллерийских частей: «Организация службы разведки и связи в бою», «Порядок подчинения артиллерийской группы непосредственной поддержки в разных видах боевых столкновений», «Возможно ли совмещение в одном лице должностей заведующего разведкой и начальника связи» и др.¹⁸ Не оставим в стороне и политрабату, тем более, что в упомянутых перечнях она всегда находилась на первом месте: «Работа вокруг политико-морального состояния», «Работа по поднятию бодрого настроения у красноармейцев», «Работа среди населения», «Организация красноармейского досуга на привале», «Политразведка и оперативная работа», «Насколько приемлема идея сделать маневры рабоче-крестьянским праздником»¹⁹.

Активно ВНО работало и среди гражданского населения. К руководству кружками военных знаний привлекался комсостав запаса, организовывалось взаимодействие с Авиахимом и кружками физкультуры, проводились беседы, посвященные «эпохе борьбы Красной Армии на фронтах гражданской войны», а также ознакомление с литературой, «рисующей эту эпоху»²⁰.

Обобщая сказанное выше, представляется возможным сделать вывод, что советское государство посредством Военно-научного общества СССР активно и последовательно распространяло в войсках и среди гражданского населения военные знания, вовлекало трудящихся в активную работу по подготовке к обороне страны, формировало мотивацию населения к военной службе, принимало непосредственное участие в исследовании если не стратегии, то тактики ведения войны, в подготовке войск и населения к будущей войне. Справедливо, видимо, будет предположить, что государство таким образом формировало и «военно-государственное»

сознание своих граждан, проявившееся в полной мере в годы грозных испытаний Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. И, несомненно, важная роль в этом принадлежала военно-научному обществу Сибирского военного округа.

¹ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. 47. Оп. 4а. Д. 11. Л. 215.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 216.

⁵ Там же. Л. 7 об.

⁶ Там же. Л. 218 об.

⁷ Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. / Под ред. В.А. Ламина. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 2. С. 612–613.

⁸ ГАНО. Ф. Р 47. Оп. 4а. Д. 11. Л. 22.

⁹ Там же. Л. 23.

¹⁰ Там же. Л. 28.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 7 об.

¹⁵ Там же. Л. 43.

¹⁶ Там же. Л. 3 об.

¹⁷ Там же. Л. 5.

¹⁸ Там же. Л. 6.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ Там же.

А.М. Молочников (Санкт-Петербург)

**ПОХОД АДАМА ЖОЛКЕВСКОГО
К МОСКВЕ В ДЕКАБРЕ 1612 ГОДА И ЕГО БИТВА
С ОТРЯДОМ ЗЕМСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ
В СВЕТЕ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ**

В ОЕННАЯ КАМПАНИЯ 1612 г. завершилась боем полковника Адама Жолкевского с отрядом земского ополчения. Событие это было примечательным во многих отношениях. Во-первых, оно завершило судьбоносные бои за освобождение российской столицы от польско-литовского войска. Не только сам Жолкевский был вынужден отойти от стен столицы в лагерь короля Сигизмунда под Можайском, но и все королевское войско покинуло пределы России и отошло в ранее захваченные города Смоленск, Вязьму и Можайск. Во-вторых, была поставлена точка в планах посадить на русский престол королевича Владислава. Этот аспект крайне важен, поскольку поход Адама Жолкевского вряд ли можно понять в отрыве от переговоров о коронации Владислава, которые представители русской и польской знати вели с 1610 г. После боя Адама Жолкевского с москвичами сторонникам «царя Владислава» в Москве и Польше стало очевидно собственное поражение. Только через несколько лет, в 1617–1618 гг., они вновь попытаются взять реванш и вновь потерпят крах. В-третьих, в событиях под Москвой причудливо переплелись судьбы различных участников Смутного времени.

Бой Адама Жолкевского с отрядом ополченцев 8 декабря 1612 г. отражен в различных польских и русских источниках, однако до недавнего времени самым подробным изложением событий считался «Новый летописец»¹. Недавняя публикация писем-донесений кснедза Якуба Задзика, который выступал в качестве информатора

у польского канцлера Лаврентия Гембицкого, добавляет новые подробности похода Жолкевского². Поскольку Якуб Задзик был непосредственным очевидцем событий, то его письма, в совокупности с другими источниками, позволяют восстановить более полную картину похода.

Поход Сигизмунда и Владислава под Волоколамск. Решение выступить в поход против Москвы было принято королем Сигизмундом после разгрома гетмана литовского Ходкевича. Ксендз Якуб был свидетелем аудиенции, которую король предоставил побежденному под Москвой полководцу в Орше, перед выходом в поход в 20-х числах сентября. По его словам, гетман представил королю трудности деблокады русской столицы, при этом советовал «уладить это дело при помощи королевича, потому что силой и мощью завершить их невозможно»³. По словам Ходкевича, русские, «узнав, что его королевское величество не желает дать им королевича, утвердились в таком замысле: или заполнить столицу, или всем умереть»⁴.

26 сентября король принял посланников от смоленских дворян из войска Пожарского, которые также заявили, что как только король с королевичем «появятся на границе, все ударят ему челом». Известно, что в марте 1611 г. смоляне перешли на сторону земских ополчений и составили ядро войска Минина и Пожарского, при этом они сами посылали королю грамоты с угрозами. Вероятно, что король вел переговоры не со всеми смолянами, а с оставшимися сторонниками «царя Владислава». Впоследствии сторонником партии Владислава оказался Юрий Федорович Потемкин (Выбор, 500 четей). Он служил в осажденном Смоленске и был одним из немногих, кто, по словам летописи, невредимым ушел после штурма⁵. После этого Потемкин участвовал в земских ополчениях, но в 1618 г. перебежал к королевичу Владиславу и принял польское подданство⁶. Сторонники Владислава были не только среди смоленских дворян. Города Невль и Торопец также прислали своих представителей и выразили готовность сохранять присягу королевичу⁷. Ходкевич полагал, что в случае прибытия Владислава в Россию в ополчении Пожарского может произойти раскол. В то же время король Сигизмунд оставался недоволен теми условиями призвания Владислава, которые заключил в 1612 г. коронный гетман Станислав Жолкевский. Он заявлял Ходкевичу: «Предпочитаю отдать им Шуйского, чем согласиться на те условия, на коих

присягнул пан гетман. Лучше бы он вообще никогда не вступал в переговоры, чем принял такие кондиции»⁸. Тем не менее Сигизмунд согласился выступить в поход вместе с Владиславом, поскольку только присутствие королевича могло укрепить его позиции в глазах москвичей.

Король Сигизмунд вместе с королевичем выступил из Вязьмы в начале ноября 1612 г. Его отряд двигался не традиционным путем – через Царево-Займище и Можайск, а повернул на северо-запад, через Погорелое Городище и Волоколамск.

О составе королевского войска ни один источник не дает подробных сведений, но можно предполагать, что оно было немногочисленным. Ядром войска были гусарские роты под управлением триумvirата: коронного обозного Адама Жолкевского (племянника гетмана, заключившего союз об избрании Владислава), князя Самуила Корецкого и киевского подчашия пана Лозки. О численности этого отряда ксендз Якуб пишет только, что при полковниках «должно быть, несколько сотен пехоты». Дополнительный отряд составляли лифляндские наемники, ранее воевавшие под началом Ходкевича⁹. Литовский гетман по-прежнему осуществлял общее руководство войсками.

Ксендз Якуб отмечает, что с самого начала похода королевский отряд преследовали «стесненные обстоятельства». Важным фактором, к которому ксендз постоянно обращается в своих письмах, был голод. В его записках представлена картина разорения земли: «Его милость, пан гетман, – отмечает ксендз, – повел это войско по такому голодному краю, что едва можно достать пищу для коней»¹⁰. Скорее всего, Ходкевич, которому был уже знаком театр военных действий, выбрал волоколамское направление, поскольку знал, насколько разорена смоленская дорога. Продовольственные проблемы усиливались из-за крайне неудачного времени для похода. Уже 7 ноября Задзик отмечает: «Нас весьма пугает плохая погода, которая, начавшись с первых чисел сего месяца, не улучшается. Если она продержится дольше, нам придется погибнуть вместе с конями и возами»¹¹. 25 ноября он добавляет: «Само теперешнее время не обещает нам ничего хорошего, установившаяся плохая погода так испортила нам дорогу, что все войско может пройти только по миле»¹². Наконец, важным обстоятельством стало отсутствие жалования для наемников. Ксендз Задзик сам говорил с солдатами и дважды в своих письмах отмечает, что они «ничего не имеют на устах,

кроме “sextam Januarii”» – 6 января, день, когда им обещали выплатить полное жалование¹³.

Такова была обстановка к концу ноября 1612 г., когда король стал лагерем под Волоколамском. Гарнизон крепости упорно сопротивлялся, а с соседним Погорельым Городищем польское войско даже было вынуждено заключить договор о взаимном нейтралитете (непричинении вреда)¹⁴. В это время пришло известие о взятии ополчением Китай-города, а затем и Кремля¹⁵. Наблюдательный ксендз Якуб отмечает, что на солдат особенно повлияло пленение товарищей. Они были морально не готовы к долгой осаде или тем более обороне крепостей и прямо говорили, что готовы воевать только пока в войске находится королевич¹⁶. Здесь уже проявилось открытое недоверие к Сигизмунду, который не сумел защитить московский гарнизон.

В этой обстановке было решено отправить посольство окольного князя Данилы Мезецкого и дьяка Ивана Грамотина. Оба они были сторонниками призвания королевича Владислава на московский престол. Вместе с ними должны были отправиться бывшие тушинцы Александр Зборовский и Анджей Млоцкий¹⁷. Отметим, что еще 25 ноября речь шла только о посольстве для ведения переговоров о Владиславе, подобного посольству Станислава Жолкевского в 1610 г. Однако к 6 декабря обстоятельства изменились, поскольку посланные в Москву гонцы не возвращались и не подавали о себе вестей. На королевском совете было решено все-таки отправить посольство, но выделить отряд для его охраны. Во главе отряда поставили Адама Жолкевского. Этому назначению предшествовал некоторый конфликт, о котором скупо упоминает Задзик: «Его милость пан обозный имеет большие трудности от здешних солдат, он удален от войска к его королевскому величеству, дабы не стал причиной какого-либо бунта. При дворе ему чинят великую обиду за правду, кроме того, на него разозлились на то, что он открыто показывал свое влияние на королевича и говорил то, что думает, дабы дела эти могли быть разрешены»¹⁸. Следует согласиться со мнением публикатора Н.В. Эйлбарт, что молодой Жолкевский пытался оказать влияние на королевича Владислава, находившегося при войске. Вероятно, он планировал довершить начатое своим дядей, коронным гетманом Станиславом Жолкевским. Можно также предположить, что он рассчитывал явиться к Москве с Владиславом, но без Сигизмунда, поскольку такой вариант в наибольшей

степени соответствовал предложениям Ходкевича и смоленских дворян. Видимо, как Жолкевские, так и русские сторонники «царя Владислава» исходили из того, что королевич сможет стать самостоятельным политиком, однако семейные отношения в династии Ваза не предусматривали столь скорого взросления, и король не решился подвергать своего сына опасности.

Таким образом, поход Жолкевского к Москве в декабре 1612 г. следует рассматривать как посольскую миссию. Миссия была вынужденно подкреплена военным отрядом, но королевича Владислава, который мог бы стать для московских ополченцев главным доводом, с ними не было. Сам король перенес свою ставку в село Федоровское под Можайском, где и ожидал вестей.

Бой у Никитских ворот 8 декабря 1612 г. Судя по донесению Мезецкого и Грамотина, посольство выдвинулась раньше отряда Жолкевского. Посольство двигалось дорогой через Рузу, куда и прибыло 29 ноября¹⁹, в то время как выступление отряда Жолкевского было назначено на субботу 1 декабря. Ксендз Якуб, который сочувствовал Жолкевскому, отправился вместе с отрядом, в который входили солдаты смоленского гарнизона, а также гусарские и казачьи роты. Войско и посольская миссия сошлись в селе Вешенках. Из Рузы в Москву были посланы гонцы – дворянин Федор Матов и слуга полковника Зборовского пан Шалевский. С 3 по 7 декабря оба войска стояли в лагере в Лучинском, в дневном переходе от Москвы. Не дождавшись вестей, полковники приняли решение двигаться дальше, к Москве. Как потом оказалось, гонцов держали под арестом на Казенном дворе.

8 декабря отряд выступил из Лучинского в полном составе, оставив в лагере только челядь и одну казачью роту. Они прошли через знаменитое село Тушино, в котором удалось захватить трех человек и послать их вперед с грамотами. Однако до самых стен столицы им так и не удалось встретить вооруженных отрядов.

По словам ксендза Якуба, Адама Жолкевский посылал к стенам трубача, под защитой гусар из разных рот. «Трубач подъехал к стенам, однако своим долгим трубением никого не смог оттуда вызвать, также там не было никакой стражи... Когда гусары и некоторые из нас, желая взглянуть на эти стены, политые нашей кровью, начали подступать ближе, показалось несколько москвитян, затем ударили во все колокола, после чего, однако не скоро, начали к нам выезжать»²⁰. Дальнейшие события также разворачивались вблизи

городской стены. Судя по всему, имелись в виду каменные стены Белого города, а конкретно – Никитские ворота, выходившие на Волоколамскую дорогу. Следовательно, донесение Задзика позволяет более точно локализовать последующую стычку и обозначить ее как бой у Никитских ворот.

Причина этой битвы по-разному предстает в источниках русского и польского происхождения. В донесении Мезецкого и Грамотина польскому королю сказано: «И московские люди замену против нас не прислали никого, а на середине с поляками говорили, что они нам ведомо учинят и гонцов наших к нам отпустят, а после того начали с польскими людьми чинити задор и бой и на том бое взяли смолянина, сына боярского Ивана Философова»²¹.

Сам Иван Философов вспоминал в своей челобитной: «Да в прошлом, государь, во 121-м году, приходил литовский король и королевич в Московское государство, и стоял он под Волоком Ламским, а под Москву, государь, от короля приходил Адам Жолкевской с литовскими людьми, и был бой с вашими государевы со князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, и на том бою я, холоп ваш, вам, государям, служил и за вас, государей, первой был мертвец, изсекли меня, холопа вашего, во многих местах, и от тех ран рука у меня, холопа вашего, испорчена»²². В «Новом летописце» говорится о смятении москвичей, которые, узнав о приближении отряда Жолкевского, «не ведали что сотворить», однако мужественно приняли бой. Рассказ летописи, в котором отряд Жолкевского представлен как военная угроза столице, оказал существенное влияние на последующую историографию. В грамоте Трубецкого и Пожарского в Осташков, написанной по горячим следам событий, сказано, что причиной битвы стал «обман» со стороны Жолкевского: «Поэтому, когда им (королем Сигизмундом) посланы были с вооруженным отрядом Адам Жолкевский, Даниил Мезецкий и Иван Грамотин, мы, убедившись, что нас обманывают, разбили их»²³.

Что касается Якуба Задзика, то его известие в целом соответствует донесению Мезецкого–Грамотина. По его словам, стычка завязалась во время переговоров. Делегаты от москвичей вели себя дерзко и выражали явную неприязнь к непрошенным гостям. Задзик передает их слова: «Не время вести сейчас переговоры, когда у нас в руках и столица, и ваши», «что они не хотят говорить ни о каких делах, только о пленниках», о государе «будут совещаться

в другое время». Также люди Пожарского ругали королевича, «не желая иметь его государем за его лживые сказки» (это были слова этих людей)²⁴. После долгих ругательств русские завязали стычку, которую поляки отбили.

Версия польской стороны представляется более вероятной. Поляки изначально надеялись на переговоры с гарнизоном столицы, а нападение русского отряда стало для них неожиданностью. Именно земская рать, а не отряд Жолкевского, оказалась заинтересована в том, чтоб закончить дело битвой, а не переговорами. Москвичи отнюдь не были смятенны появлением Адама Жолкевского у стен столицы, как пытается представить московская летопись. Напротив, появление отряда они могли расценивать как удачу – недаром они дважды упомянули о пленниках и о размене. Действительно, после взятия Кремля ополченцам удалось захватить значительное число поляков, однако в Польше оставалось гораздо большее количество значимых персон, в том числе митрополит Филарет, князь Голицын, воевода Шеин. По-видимому, москвичи были готовы пополнить состав «вязней», а сам бой у Никитских ворот стал для них «охотой за полоном». На такой характер битвы указывает и то обстоятельство, что Иван Философов, прежде чем попасться в руки поляков, сам захватил пленника²⁵. Кроме того, в плену Философов объяснил Мезецкому и Грамотину, почему ополченцы не прислали из Москвы заложников – «для того, что русские люди, а против-де русских людей заложников давать не годится»²⁶. Все эти подробности подтверждают, что наибольшую ценность для москвичей представляли пленные поляки.

Ход стычки ксендз Якуб описывает следующим образом: «Они все больше стали ругаться, а потом один, подскочив сбоку, выстрелил в наших. С этого началась стычка, на которой наши были столь мужественны, что несколько десятков человек сдерживало собой нападение 800 людей в течение нескольких часов... Практически при первой стычке был пойман боярин, некто Философов, полтора десятка москвитян ранено, также ранены их кони. Наши, по милости Божьей, не понесли потерь, кроме нескольких раненых коней и легко раненных стрелой двух гусар»²⁷. Хотя Задзик пишет, что наблюдал за ходом боя из первых рядов, все же к его показаниям следует отнестись с осторожностью. Если и допускать, что видимые потери поляков были невелики, то это было связано с тем, что русские стремились захватить противников живьем. Потери пленными

ксендз, по-видимому, не учел. Превосходство ополченцев над гусарами также сильно преувеличено. Под несколькими десятками человек следует понимать гусар, которых Жолкевский выслал вперед для переговоров. Видимо, эти гусары были действительно атакованы численно превосходящим отрядом москвичей, которые смогли взять несколько человек в плен, однако при подходе подмоги ополченцы спешно отступили за стены Белого города. Попавшему в плен Ивану Философову предстояла заметная роль в последующих событиях.

Показания Ивана Философова и отступление поляков. В «Новом летописце» сохранилась героическая легенда о поведении захваченного в плен Ивана Философова: «Ему же даде Бог слово, что глаголити, и рече им: Москва людна и хлебна, и на то все обещаюмя, что всем помереть за православную веру, а королевича на царство не имати»²⁸. После этого, сообщает летопись, Адам Жолкевский отступил под Волоколамск, в лагерь короля Сигизмунда. По словам летописи, Философов повторил те же самые слова на допросе перед самим королем и радными панями. После неудачных попыток взять приступом Волоцк король Сигизмунд «пойде наспех из Московского государства».

Начиная с исследования С.Ф. Платонова, подвиг Философова подвергается сомнению в историографии. Причиной для сомнений стал текст донесения князя Данила Мезецкого и дьяка Грамотина, в котором они извещали Сигизмунда о неудаче своего похода на Москву. В том числе, передавали слова Философова: «А на расспросе, государи, нам и полковникам сын боярский сказал, что на Москве у бояр, которые вам, государям, служили и у лучших людей, хотение есть, чтоб просить на государство вас, великого государя Владислава Жигомонтовича. И именно-де о том говорить не смеют, а говорят, чтоб выбрать на государство иноземца. А казаки-де, государи, говорят, чтоб выбрать кого из русских бояр, а примеривают Филаретова сына и воровского сына Калужского. И во всем-де казаки боярам и дворянам сильны, делают что хотят, а дворяне-де и дети боярские разъехались по поместьям. А на Москве осталось дворян и детей боярских всего тысячи с две, да казаков две с половиной тысячи человек, да стрельцов с тысячу человек, да мужики чернь... А делает всякие дела князь Дмитрий Трубецкой, да князь Дмитрий Пожарский, да Куземка Минин, и кому вперед быти на государстве, тому еще не постановили намерения»²⁹.

Кроме того, Философов сказал, что князя Мстиславского отставили от дел, а Ивана Безобразова и Федора Андронова посадили в тюрьму. Безусловно, показания Ивана Философова в этом источнике отличаются от летописного варианта. Донесения ксендза Якуба также позволяют пересмотреть героическую легенду. Допрос пленного Философова Якуб Задзик передает таким образом: «Также этот пленник подтвердил, что не стоит думать ни о каких переговорах, а закончить все силой и сейчас, потому что москвитяне не имеют продовольствия и число их самих не более 6 тысяч. Он добавил и то, что если бы их взять в осаду сейчас, они поддадутся за месяц»³⁰. В итоге, поступок Философова представляется не столь героическим, как о том упоминает летопись.

Сам Иван Философов поведал о своей судьбе в плену в 1627 г. в челобитной Михаилу Федоровичу: «И сечена меня взяли в полон и привели перед короля и перед королевича к роспросу; и король и королевич меня, холопа вашего спрашивали: «Москвы не взяли-ль и про мой королевский и про королевичев приход бояре ведают-ли, что мы идем со многими людьми, и королевича на Московское государство хотят ли или хотят с нами битца?» И я, холоп ваш, перед королем и перед королевичем в роспросе сказал, что бояре Москву взяли, и которые отрывы от Китая и от Кремля были, и то закрепили, и наряд по городу изставили. И на Москве многие ратные люди по городам в сборе, и про твой королевской и про королевичев приход ведают, а королевича на Московское государство не хотят, потому что Москву пожгли и высекли, против королевича хотят битца, а обирают на Московское государство тебя, праведнова государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси. И Божиею милостью и твоим государевым счастьем и твоими, великого государя, светейшего патриарха молитвами по моим расспросным речам король и королевич с литовскими людьми из Московского государства вышли вон»³¹. В результате царь Михаил «пожаловал Ивана Иванова сын Философова для нынешней радости, благоверные царевны и великие княжны Ирины Михайловны, велел ево написати в Московский список»³².

Следует иметь в виду, что в 1627 г. бой у Никитских ворот был делом давним, к тому же государь оказал «милость» по случаю рождения дочери. Несомненно, что в своей челобитной Философов не сообщил всей правды о своих расспросных речах. В то же время, уже первый допрос Философова повлиял на отступление

отряда Жолкевского из-под Москвы. Задзик пишет: «Получив от него известия и отчаявшись завязать переговоры в три часа ночи, после долгих совещаний (потому что многие хотели дожидаться дня, чтобы отход не казался бегством), имея на этот счет много верных соображений и то наиважнейшее, что челядь на сильном морозе, без огня, никоим образом не могла бы выдержать, мы двинулись в лагерь, до которого доехали перед самым рассветом»³³. Отряд Адама Жолкевского не имел достаточно сил для штурма Москвы, и в его задачу входила охрана послов, которые должны были вести переговоры от имени «царя Владислава». Первые слова Философова о гарнизоне «не более 6 тысяч» войска соответствуют его показаниям Мезецкому и Грамотину в лагере в селе Лучинском: 2000 дворян, 2500 казаков и 1000 стрельцов. Но даже такая численность московского гарнизона значительно превосходила войско Адама Жолкевского. По словам самого Зборовского, в этом отряде было около 1000 человек. Указание Философова на то, что в Москве нет продовольствия и что осада может занять месяц, также не усиливало желания польских солдат наступать, поскольку, как неоднократно отмечает тот же Задзик, отряд Жолкевского, как и все войско Сигизмунда, испытывал постоянные трудности с продовольствием в разоренной стране. Наконец, надо иметь в виду, что у воевод в Москве имелись сведения о малочисленности отряда Жолкевского, а следовательно, им могло быть выгодно какое-то время удерживать поляков у стен столицы. Поэтому нет никаких оснований полагать, что Иван Философов был искрещен с поляками. Несомненно, что во время первых двух допросов – у Никитских ворот и в селе Лучинском – он представлял себя одним из сторонников «царя Владислава» и, возможно, преуменьшал численность гарнизона и количество продовольствия. Однако из его расспросных речей Жолкевский и Зборовский сделали вывод о невозможности оставаться под стенами столицы.

К тому же во время третьего допроса – в лагере короля Сигизмунда под Волоколамском – характер его показаний изменился. По словам самого Философова: «И многие, государь, поляки выезжали и полоняники выходили к Москве, к боярам, и про те мои расспросные речи сказывали, и ваши государевы бояре князь Д.Т. Трубецкой да князь Д.М. Пожарский про тое мою службишку, и про расспросные речи, и про королевский отход писали по городам, что король и королевич по моим расспросным речам из

Московского государства вышли вон»³⁴. Действительно, известие о подвиге Философова встречается в грамоте Трубецкого и Пожарского в Осташков, которая сохранилась в переводе на шведский язык³⁵. В этой грамоте также упоминаются выходцы из польского полона. Вероятнее всего, это те близкие к королю сторонники «царя Владислава», которых упоминает Задзик в своем последнем письме: «Москвитяне, кои до сего времени были при его королевском величестве, отпущены ехать к своим, дабы там, per occasioneм вели дела in rem его королевского величества. Они обещали, не знаю, захотят ли. Некоторые говорили, с плачем, что желали бы остаться при его королевском величестве, но не могут выдержать из-за великой нужды, должны искать хлеб среди своих, чтобы не сдохнуть от голода»³⁶. Это письмо было написано из Вязьмы и сообщало о скором отъезде короля Сигизмунда в Смоленск. Между прочим, из этой истории видно, что в лагере короля Философов уже не настаивал на полном отсутствии у москвичей продовольствия. В числе выходцев из королевского лагеря был, вероятно, и князь Данила Мезецкий, который до этого момента служил королю, а затем принял участие в избирательном земском соборе и поставил свою подпись под грамотой об избрании Михаила Романа. Следовательно, о показаниях Философова перед королем московские воеводы могли узнать от того же князя Мезецкого, который допрашивал его в лагере в Лучинском. Поэтому у лидеров ополчения и совета всей земли были основания доверять сведениям о «расспросных речах» Ивана Философова в королевском лагере под Волоколамском.

Сам Иван Философов вскоре вернулся из плена и уже в 1613 г. начал службу с князем Черкасским под Смоленском, а затем в «можайском отходе» князя Лыкова и в московском осадном сидении 1618 г. Есть все основания полагать, что его род стал знаменит в Смутное время не только благодаря его подвигу. В обороне Смоленска 1609–1611 гг. участвовали двое Философовых – Максим «Замятня» и его племянник Афанасий, старший брат старейшины рода Ивана Ивановича Философова. И Максим Замятня, и Афанасий Иванович погибли во время смоленской обороны³⁷. При сыске по делу о челобитной выяснилось, что в московские дворяне уже был пожалован двоюродный дядя Ивана, Феодосий Философов³⁸. Вероятно, история с войском Адама Жолкевского была лишь одним из моментов службы рода Философовых в Смутное время.

Дальнейшее отступление Жолкевского в Лучинское и в Волоколамск и последующий отход короля Сигизмунда в Вязьму (по новому стилю он произошел в начале января 1613 г.) происходили почти без военных столкновений (если не считать грабежей запорожцев на северщине и сожжения Можайска)³⁹.

Уход королевской армии в Вязьму был связан с объективными причинами: почти полным отсутствием продовольствия и зимним временем. Показания Философова лишь отчасти повлияли на провал королевского войска.

Поход Адама Жолкевского к Москве не следует рассматривать как попытку захватить столицу. Это была неудачная попытка повторить дипломатический успех старшего Жолкевского на переговорах с московскими боярами в 1610 г. Провал этой миссии продемонстрировал поражение партии Владислава в России. Бой у Никитских ворот также не был вызван необходимостью защищать город от малочисленного польского отряда. Эту операцию следует рассматривать как неудачную попытку ополченцев по захвату пленников. Однако этот бой получил идеологическое значение благодаря спешному отступлению поляков из Московского государства. Неудачный поход Сигизмунда в ноябре–декабре 1612 г. продемонстрировал заметное усиление Московского государства и ослабление Речи Посполитой.

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 14. М., 2000. С. 111.

² Письма Я. Задзика Л. Гембицкому // Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. Новосибирск, 2013. С. 247–332.

³ Там же. С. 307.

⁴ Там же.

⁵ Памятники обороны Смоленска. С. 165–166; Полное собрание русских летописей. С. 111.

⁶ Полное собрание русских летописей. С. 120.

⁷ Там же. С. 309.

⁸ Там же. С. 308–309.

⁹ Там же. С. 316.

¹⁰ Там же. С. 317.

¹¹ Там же. С. 316.

¹² Там же. С. 317.

¹³ Там же. С. 317, 322.

¹⁴ Там же. С. 318.

¹⁵ Там же. С. 319–321.

- ¹⁶ Там же. С. 317, 322.
- ¹⁷ Там же. С. 318.
- ¹⁸ Там же. С. 323.
- ¹⁹ Донесение Мезецкого и Грамотина см.: Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. С. 366–368.
- ²⁰ Письма Я Задзика Л. Гембицкому. С. 324.
- ²¹ Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. С. 368.
- ²² Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913. С. I–II.
- ²³ Сборник Новгородского общества любителей древностей. Вып. V. Новгород, 1911. С. 19–20.
- ²⁴ Там же. С. 324.
- ²⁵ Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. С. III.
- ²⁶ Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. С. 368.
- ²⁷ Письма Я Задзика Л. Гембицкому. С. 324–325.
- ²⁸ Полное собрание русских летописей. С. 128.
- ²⁹ Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. С. 368.
- ³⁰ Там же. С. 325.
- ³¹ Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. С. I–II.
- ³² Там же. С. IV.
- ³³ Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. С. 325.
- ³⁴ Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. С. II.
- ³⁵ Сборник Новгородского общества любителей древностей. Вып. V. Новгород, 1911. С. 19–20. В передаче Винекина: «Поэтому, когда им (королем Сигизмундом) посланы были с вооруженным отрядом Адам Жолкевский, Даниил Мезецкий и Иван Грамотин, мы, убедившись, что нас обманывают, разбили их, а потом от многих вражеских пленных и от некоторых наших, возвращавшихся от поляков, узнали, что все прежние предчувствия, не напрасно внушавшие нам страх, правильны, а сверх того, что король от одного смоленского боярина Ивана Философова услышал о нашем союзе, об отказе от общения с поляками и готовности вечной ненавистью преследовать их и литовцев; что, узнав об этой враждебности, он ушел в Польшу на сейм.
- ³⁶ Письма Я Задзика Л. Гембицкому. С. 329.
- ³⁷ СПб ИИ РАН Ф.131. Оп. 1. № 106. Л. 68.
- ³⁸ Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. С. II.
- ³⁹ Письма Я Задзика Л. Гембицкому. С. 327.

А.А. Монахов (Москва)

РУКОВОДИТЕЛЬ ПЕРВОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КАНЦЕЛЯРИИ РОССИИ ГВАРДИИ МАЙОР М.И. ВОЛКОНСКИЙ: ЛИНИЯ СУДЬБЫ

КАК ИЗВЕСТНО, в 2013 г. по инициативе Следственного комитета Российской Федерации (далее – Следственный комитет) был обоснован и учрежден ежегодный профессиональный праздник – День сотрудника органов следствия Российской Федерации¹. Следует отметить, что проект постановления был предварительно согласован со всеми федеральными государственными органами, в составе которых в настоящее время имеются следственные подразделения (ФСБ, МВД, ФСКН России).

Установление единого праздника всех следователей – Следственного комитета Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков – вписывается в реализуемую концепцию создания в Российской Федерации единого следственного органа и, по нашему мнению, данный факт может быть заложен в основу государственно-патриотического воспитания молодого поколения следователей на данном этапе.

С учетом установления профессионального праздника принято решение о проведении ежегодных торжественных мероприятий в Следственном комитете, посвященных образованию и историческому развитию следствия России. Соответствующая организационно-плановая информация доведена до следственных органов Следственного комитета в полном объеме.

Выбор указанной даты обусловлен тем, что 25 июля 1713 г. был издан именной указ о создании следственной канцелярии

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 27 августа 2013 г. № 741

МОСКВА

О Дне сотрудника органов следствия Российской Федерации

В соответствии с пунктом 2 Указа Президента Российской Федерации от 31 июля 2013 г. № 659 "О порядке установления в Российской Федерации памятных дней и профессиональных праздников" Правительство Российской Федерации **п о с т а н о в л я е т** :

Установить профессиональный праздник - День сотрудника органов следствия Российской Федерации и отмечать его 25 июля.

Председатель Правительства
Российской Федерации

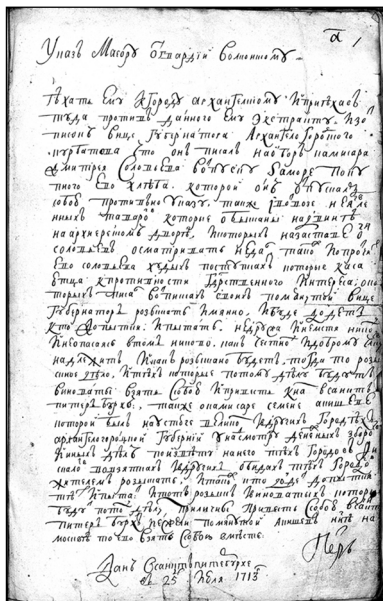
Д.Медведев

**Постановление Правительства Российской Федерации
от 27 августа 2013 г. № 741 «О дне сотрудника
органов следствия Российской Федерации»**

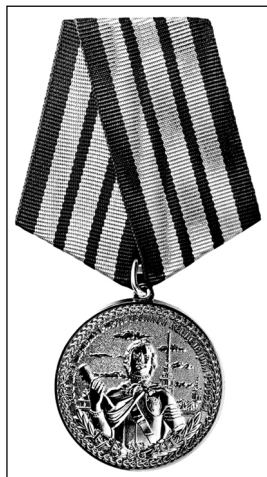
М.И. Волконского², которая, как установил доктор исторических наук Д.О. Серов³, явилась первым отечественным органом предварительного расследования.

Тот факт, что 25 июля 2013 г. исполнилось 300 лет со дня издания данного указа, позволил спланировать в Следственном комитете комплекс праздничных мероприятий, приуроченных к этой дате, и пополнить наградную ведомственную систему новой медалью (приказ Следственного комитета Российской Федерации от 21.06.2013 г. № 39 «Об учреждении памятной медали Следственного комитета Российской Федерации “300 лет первой следственной канцелярии России”»).

Названные органы расследования – «майорские» следственные канцелярии – подчинялись непосредственно главе государства. Это

**Именной Указ Петра I
от 25 июля 1713 г.
«О создании следственной
канцелярии гвардии майора
М.И. Волконского»**

**Памятная медаль
Следственного
комитета Российской
Федерации «300 лет
первой следственной
канцелярии России».
2013 г.**

**Настольная медаль
Следственного комитета
Российской Федерации
«300 лет первой
следственной канцелярии
России». 2013 г.**

**Нагрудный знак Следственного
комитета Российской Федерации
«300 лет первой следственной
канцелярии России». 2013 г.**

означает впервые в отечественной истории воплощение на практике вневедомственной модели организации следственного аппарата, что, спустя почти три века, в русле поиска новых форм противодействия преступлениям против интересов государства и общества, вновь становится обязательным условием успешного развития российской государственности.

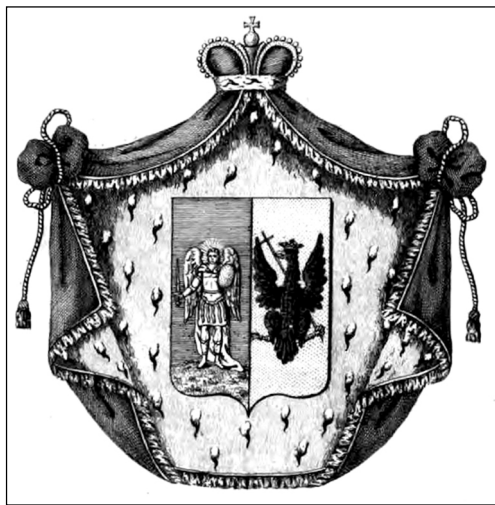
В контексте изложенного становится актуальным изучение и самой личности руководителя первой следственной канцелярии гвардии майора Михаила Ивановича Волконского. Вместе с тем, история его жизни, до сих пор не исследованная и покрытая трехвековой тайной, исключительно интересна и глубоко трагична одновременно.

Происхождение и семья

Наиболее систематизированными источниками информации о представителях дворянства XVIII в. являются, как известно, труды Г.А. Власьева и П.В. Долгорукова⁴. Род князей Волконских записан в V часть родословных книг губерний: Вологодской, Воронежской, Калужской, Курской, Московской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Тамбовской и Тульской. Он берет свое начало от пятого сына святого князя Михаила Черниговского. Князь Юрий Михайлович Торусский имел сына Ивана, по про-

звищу Толстая Голова, коему дал во владение в Алексинском уезде волость Сапрыскину и городище Волкону на речке Волхонка, отчего потомки его и назывались сначала Волхонскими, а потом Волконскими⁵.

Младшая ветвь Волконских малоизвестна: она не дала крупных государственных и общественных деятелей. В исторической и генеалогической литературе упоминаются

Герб рода князей Волконских

лишь отдельные представители этой линии⁶. Эта линия княжеского рода Волконских идет от Порфирия (Перфилия) Ивановича, внука князя Федора Федоровича Тарусского (умер в 1437 г.)⁷.

Известно, что дед М.И. Волконского по отцу – князь Федор Васильевич Волконский, из младшей второй ветви рода Волконских, в 1627 г. был патриаршим стольником⁸. 21 марта 1635 г. на обеде при отпуске литовских послов стоял у Государева стола, с 1650 г. входил в число стольников, ездивших за государем в его ближних поездках, а в 1654 г. – участвовал в Литовском походе. Умер в 1658 г.

Место и время рождения М.И. Волконского до сих пор достоверно не установлены. Между тем, некоторые сведения, по которым можно установить примерный период рождения, имеются в разрядных записях о его отце князе Иване Федоровиче Волконском⁹. В 1668 г. И.Ф. Волконский был из стряпчих пожалован в стольники. Полученную в 1674 г. вотчину в Дмитровском уезде передал сыну Михаилу. Скончался в 1687 г., его имения, по поступкам вдовы княгини Дарьи Ивановны, также были spravлены за сыном Михаилом¹⁰.

Супругой князя М.И. Волконского с 17 августа 1691 г. являлась Татьяна Борисовна (урожденная княгиня Солнцева-Засекина), дочь Бориса Андреевича Солнцева-Засекина¹¹, получившая в качестве приданого от отца земельные наделы в Дмитровском и Суздальском уездах. Сведения о совместных детях отсутствуют. Умерла 13 июля 1720 г.

Мать – Дарья Ивановна, овдовевшая в 1687 г., в 1728 г. свои имения отдала дочери Настасье, ставшей женой полковника Василия Ивановича Чаадаева¹². Это значит, что у М.И. Волконского была родная сестра – Анастасия Ивановна, о которой мало что известно, чего не скажешь о родном брате.

Основатель данной ветви рода князей Волконских Порфирий (Перфилий) Иванович в шестом колене имел потомка Григория Ивановича Волконского (XXIII колена от Рюрика), которому Петром I между 1700 и 1711 гг. были подарены земли в Воронежской губернии (ныне Задонский район Липецкой области).

Будучи родным братом М. И. Волконского, Григорий Иванович известен, прежде всего, как руководитель Тульского оружейного завода¹³, сохранившегося до наших дней, и как один из девяти сенаторов Правительствующего Сената первого состава. В 1688 и

1692 г. он был показан стольником, в 1703 г. – ярославским обер-комендантом в чине подполковника, а в 1707 г. – воеводой в Козлове в чине полковника.

В феврале 1711 г. Григорий Иванович стал сенатором и начальником оружейного производства Тульского завода. Был одним из самых ярких недоброжелателей вице-губернатора А.А. Курбатова, уголовное дело в отношении которого расследовал М.И. Волконский.

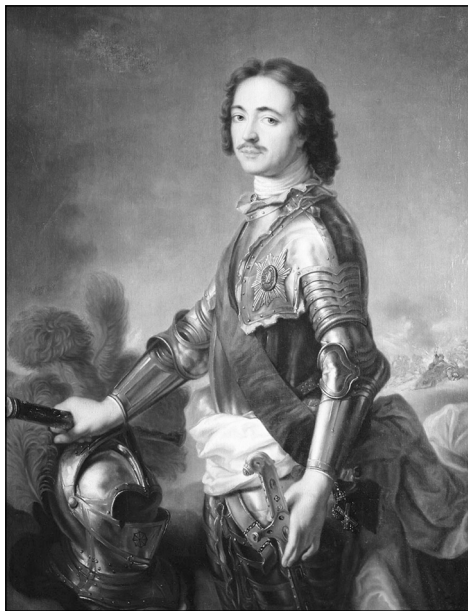
В том же 1711 г. совместно с В. А. Апухтиным он принял на себя подряд по поставке провианта в Брянск¹⁴. Однако, уличенный следственной канцелярией В.В. Долгорукова в причастности к «подрядной афере», был исключен из числа сенаторов и 6 апреля 1715 г. подвергнут телесному наказанию – публичному жжению языка¹⁵, а его имения отписаны в казну¹⁶. Скончался в 1718 г.

Служба в гвардии

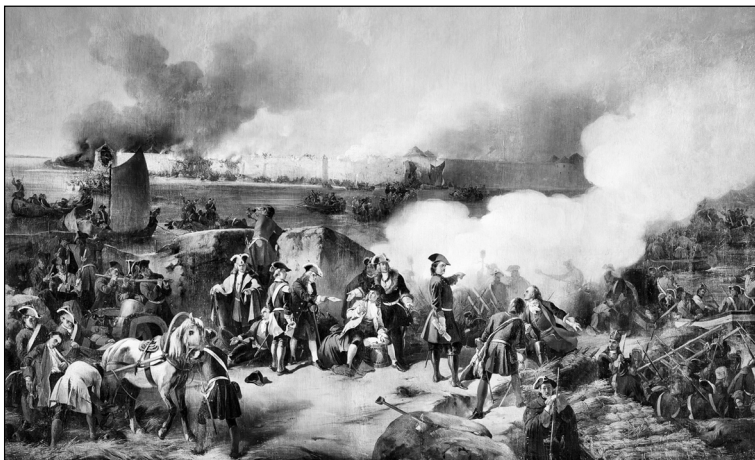
Наиболее полные сведения о лейб-гвардии Семеновском полку собраны военными историками П.Н. Дириным и П.П. Карцовым¹⁷, к ним и обратимся.

«1683 год: Потешные Семеновские». Такими словами определяется на лентах знамен лейб-гвардии Семеновского полка его начало и происхождение¹⁸. Лишь в 1695 г. молодому полку суждено было в первый раз от потех перейти к делу¹⁹, участвуя в Азовском походе Петра I, давшем рождение отечественному военно-морскому флоту.

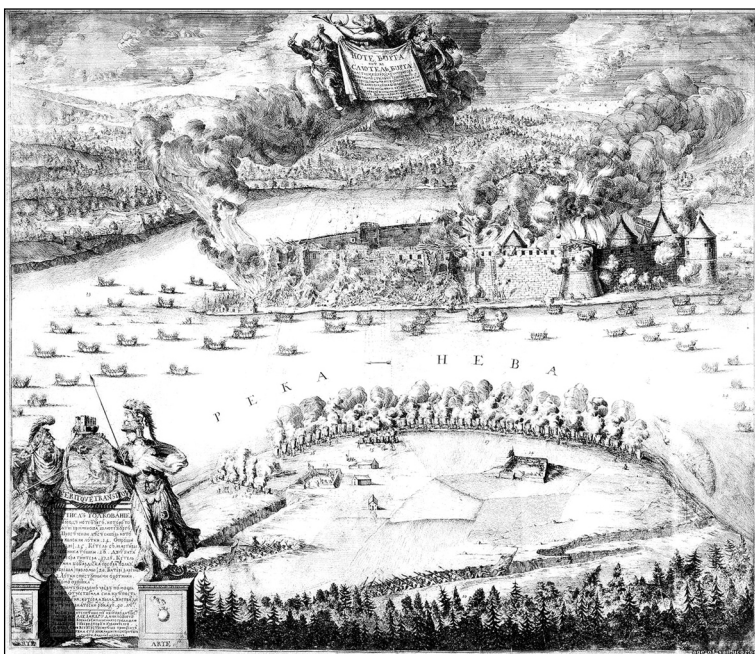
Между тем, как свидетельствуют другие источники²⁰, «как совершалось формирование Семеновского полка, тоже определенно не известно. В делах полка нет никаких следов, доказывающих несомненное

«Царь Петр I». Картина Ж.-М. Натье

«Штурм крепости Нотебург 11 октября 1702 г.».
Картина А.Е. Коцебу

«Штурм Нотебурга 11 октября 1702 г.» Гравюра А. Шхонебека

существование его до 1698 года». И данный факт, несомненно, важен, ведь М.И. Волконский проходил службу в гвардии именно с 1698 г.²¹, т. е. с самого момента формирования полка, причем вошел в состав полка, будучи офицером, начинавшим службу еще в Семеновской потешной роте.

Среди 46 обер-офицеров первого состава наряду с известным княжеским отпрыском капитаном Яковом Лобановым-Ростовским и впоследствии ставшим очень известным капитаном Иваном Дмитриевым-Мамоновым, числились поручик князь Михаил Волконский²² и его однофамилец прапорщик князь Василий Волконский. Из эпизодов боевого пути М.И. Волконского бесспорно известно его участие во взятии крепости Нотебург осенью 1702 г.

В результате боя старинный русский город, раньше называвшийся Орешком, вернулся в русские руки и был переименован в Шлиссельбург («ключ-город», открывавший дорогу к овладению устьем Невы). Губернатором завоеванной крепости назначен А.Д. Меншиков²³. Князь М.М. Голицын за заслуги получил чин подполковника лейб-гвардии Семеновского полка, золотую медаль, 3000 рублей денег и 314 дворов крестьян. Наряду с другими штаб- и обер-офицерами капитан-поручик Семеновского полка князь М.И. Волконский получил денежную награду и произведен в капитаны²⁴.

Еще одним памятным эпизодом с участием князя М.И. Волконского стал бой в устье реки Невы – морское сражение, состоявшееся 7 мая 1703 г. между тремя десятками лодок с солдатами Преображенского и Семеновского гвардейских полков под командованием Петра Первого и А.Д. Меншикова и двумя небольшими кораблями «Гедан» и «Астрильд» шведского флота, пришедшими в составе эскадры на помощь крепости Ниеншанц (на месте нынешнего Санкт-Петербурга).

В ходе непродолжительного боя оба шведских корабля были взяты на abordаж. Условно бой можно назвать первым морским сражением русского флота. Сегодня дата 18 мая считается официальной датой рождения Балтийского флота.

«За эту викторию бомбардирского капитана Петра Михайлова пожаловали Андреевским кавалером, офицерам даны золотые медали с цепями, а солдатам – малые без цепей. На взятие этих судов выбита медаль, на которой было изображено морское сражение, а в облаках рука, держащая корону и пальмы, с надписью: “Небываемое

**«Взятие русскими шведских кораблей “Гедан” и “Астрильд”
в устье реки Невы 7 мая 1703 г.». Картина Л.Д. Блинова**

бывает”. Покорение Ниеншанца вело Петра к исполнению давно желанного замысла – к сближению России с морем и Европой. Ключом к морю он овладел, в устье Невы утвердился...»²⁵.

Из 300 человек, участвовавших в этой схватке со шведами, был убит 1 обер-офицер, 19 нижних чинов, а среди 19 раненых обер-офицеров также числился капитан князь Волконский²⁶. Инициалы, к сожалению, ни одним из авторов не упомянуты, однако к этому моменту М.И. Волконский уже был капитаном, потому с высокой долей вероятности осмелюсь предположить, что речь идет как раз о нашем герое.

Медаль «Небываемое бывает» (аверс, реверс). 1703 г.

Непосредственное участие князя М.И. Волконского в военных кампаниях Петра I с участием Семеновского полка в период с 1700 по 1713 г. требует дополнительного изучения, хотя, по крайней мере, он не значился в списках раненых за этот период.

Между тем, военными историками довольно ярко резюмирован вклад М.И. Волконского в развитие гвардии: «Благодаря постоянному возрастающему милостивому отеческому участию к полку государя и при усилиях командира полка князя Голицына и штаб-офицеров подполковника Ефима Вестова и майоров: Михаила Волкова, Ивана Дмитриева-Мамонова и князя Михаила Волконского, полк стал мало-помалу устраиваться. Если мы привели здесь имена батальонных командиров, то это не без основания; при таком составе штаб-офицеров не трудно было полку поправиться; все они впоследствии командовали полком и имели влияние не только на Семеновский полк, но и на Преображенский, сумев выказать на деле свои дарования и первые положив начало прочной организации и администрации гвардии»²⁷.

Во главе следственной канцелярии

Со временем военнотружущие Преображенского и Семеновского полков стали привлекаться к процедуре следствия и суда. При этом гвардейцам поручали расследования самого разного порядка, начиная от бытового воровства и заканчивая делами о государственных преступлениях и коррупции. Предоставление гвардии ряда полицейских, следственных и судебных полномочий было связано с самой системой управления полками. Находясь в ведении Преображенского приказа, основного следственного органа страны, а также размещаясь в Преображенском и Семеновском селах, где «всякие розыски... бывали»²⁸, гвардейцы любого ранга привлекались к следствию на всех его этапах²⁹.

Гвардейцы могли и непосредственно расследовать дело. Так, начавшийся в 1713 г. розыск по делу архангелогородского вице-губернатора А.А. Курбатова, Д.А. и О.А. Соловьевых проводил майор Семеновского полка Михаил Волконский. Дело это оказалось довольно запутанным, усложнялось «подковерной» борьбой противоборствующих кланов двух особо приближенных к царю лиц – А.Д. Меншикова и В.В. Долгорукова³⁰.

Братья Д.А. и О.А. Соловьевы, пользуясь должностным положением, организовали контрабанду русских товаров (хлеба) через Архангельск, уклоняясь от таможенных пошлин. Узнав о контрабанде,

**Портрет А.Д. Меншикова.
Неизвестный художник**

А.А. Курбатов написал об этом письмо Петру I³¹. В ходе расследования злодеяний братьев Соловьевых М.И. Волконский сосредоточил усилия на внимательном изучении деятельности самого архангелогородского вице-губернатора и непосредственно инициатора дела А.А. Курбатова.

Даже в текст упомянутого именного указа от 25 июля 1713 г. об основании следственной канцелярии М.И. Волконского было в последний момент внесено добавление, касавшееся близкого к А.А. Курбатову устюжского комиссара С.М. Акишева. Причем это добавление было внесено в

указ не рукой секретаря Петра I А.В. Макарова (судя по всему, автора исходного варианта проекта указа), а рукой состоявшего тогда при царе секретаря Посольской канцелярии В.В. Степанова.

Насколько можно понять, доверительно связанный с А.А. Курбатовым Алексей Макаров, не сумев предотвратить новой редакции указа, постарался «прикрыть» архангельского вице-губернатора дополнительными распоряжениями М.И. Волконскому³². По всей видимости, именно под влиянием Алексея Васильевича Петр I приказал майору, чтобы до окончания следствия о Д.А. Соловьеве он не принимал во внимание никаких обвинений против Алексея Курбатова, «ибо когда вице-губернатор на Соловьева прежде объявил, то и розыскивать о нем прежде надобно»³³.

Именно это дополнение дало возможность М.И. Волконскому переориентировать следствие, не сочтя нужным ни взять Д.А. Соловьева под стражу, ни произвести выемку его служебных документов, ни допросить его помощников. Со всей энергией князь Михаил Иванович принялся отыскивать «вины» А.А. Курбатова и служащих губернской администрации³⁴. На основании сведений, предоставленных М.И. Волконским, царь сместил А.А. Курбатова с должности. Главой архангелогородской администрации вместо

А.А. Курбатова был временно назначен князь В.И. Гагарин, которого 24 мая 1714 г. сменил П.Е. Лодыженский³⁵.

Неудивительно, что деятельность – и сама личность – М.И. Волконского эмоциональный А.А. Курбатов неизменно характеризовал в самых мрачных тонах. Так, в 1716 г. опальный вице-губернатор писал, что «маэор чином он, Волконской, царского величества нарядной преступник, его величества вымышленной оболгатель, указы его государева непослушник, многих государственных интересов повредитель, лукавой прикрыватель и сам повредитель и хищник, многих напрасный разоритель и кровопийца и мучитель, злодейственный вор и коварный составщик и лакомый мздоимец, и давно обыклый ябедник и ученик богопротивного волшебства...»³⁶.

Через год М.И. Волконский был отозван из Архангельска и отстранен от ведения дела в связи с подозрениями во взяточничестве, а чуть позднее и вовсе отстранен от расследования. По сложившейся традиции дело перешло в ведение следственной канцелярии другого гвардейца Г.И. Кошелева и дьяка Ф.Д. Воронова³⁷.

Попытки Михаила Ивановича помешать действиям преемников, затягивая передачу материалов следственного дела, не увенчались успехом. В декабре 1716 г. Петр I приказал силой изъять у майора еще оставшиеся у него материалы. Одновременно царь дал Г.И. Кошелеву санкцию на арест бывшего следователя³⁸.

Из внешних событий, несомненно способствующих отзыву М.И. Волконского из Архангельска, следует отметить, во-первых, появление – возможно инициированное А.А. Курбатовым – подметного письма, обличающего майора, во-вторых, карьерное падение его родного брата Г.И. Волконского. В подброшенном 1 сентября 1714 г. к воротам Устюжской провинциальной канцелярии письме утверждалось, в частности, что в «бытность на Устюге майор князь Волконской народу чинил великое разорение и со многих брал взятки...» Незамедлительно переправленное в Санкт-Петербург обличительное письмо рассматривалось Сенатом, который 10 ноября 1714 г. распорядился «объявить по всей [Архангелогородской] губернии указами и выставить листы, дабы... подметчик [автор письма] явился в Санкт-Питербурху в канцелярии Сената...»³⁹

Случаи такого рода не были массовыми, ведь любой гвардеец, отправляясь «по государеву делу», отчетливо понимал, что ответ за результаты выполнения поручения придется держать непосредственно

перед Петром I, а контроль за проделанной работой и возможное преследование по любому мелкому правонарушению, возникшему в ходе выполнения задания, будут осуществлять вьедливые сослуживцы-гвардейцы, скорые и жестокие на расправу.

Небезынтересно окончание этой истории... В результате долгих разбирательств в целом ряде майорских следственных канцелярий (Г.И. Кошелева, М.А. Матюшкина, Г.Д. Юсупова) братья Соловьевы, злоупотреблениями которых и надлежало заниматься князю, были приговорены в 1719 г. лишь к конфискации имущества, избежав эшафота⁴⁰. Дело же самого М.И. Волконского было завершено намного раньше (в 1717 г.) и закончилось вынесением гвардейцу смертного приговора.

Нелегко пришлось и А.А. Курбатову, перед которым раскрывались не менее зловещие перспективы. Возглавивший следствие в отношении братьев Соловьевых гвардии майор М.А. Матюшкин фактически привел дело к развалу. И такая позиция ветерана боев под Полтавой и Прутом была продиктована элементарной безопасностью, в случае излишнего рвения он рисковал слишком многим. В отличие от покойного князя М.И. Волконского, Михаил Афанасьевич был умереннее и в своих обвинениях в адрес А.А. Курбатова, вменив ему начет по 12 эпизодам в размере 16 272 рубля⁴¹. Этого вполне хватало для смертного приговора, однако оказаться в руках палача ему было не суждено: бывший прибыльщик умер собственной смертью, так и не будучи осужден⁴².

Историк Д.О. Серов, занимавшийся изучением этого дела, пришел к выводу, что столь суровый приговор М.И. Волконскому был связан с борьбой правительствующих группировок, в частности, с конфликтом В.В. Долгорукова и А.Д. Меншикова, чьим ставленником и являлся майор⁴³.

Очевидно, что принадлежность М.И. Волконского к гвардии сыграла свою роль в этой истории. Французский резидент А. де Лави, неплохо ориентированный в российской действительности, расценил дело Волконского, имевшее серьезный резонанс, как своего рода внутреннюю гвардейскую историю, т. е. случай, произошедший в гвардии и сказавшийся на настроении последних.

В силу особого положения гвардии в системе российской государственности, искоренение здесь непослушания и малейших коррупционных проявлений было чрезвычайно значимо для императора,

а потому, вероятно, Петр I полагал необходимым устраивать в гвардии своего рода «показательные порки». Неизбежность жестокого наказания в таких ситуациях была очевидной⁴⁴.

Повествуя о появлении майорских следственных канцелярий, А. де Лави привел следующую речь, якобы адресованную российским монархом к высшим чинам гвардии: «Он (Петр I) призвал их к себе и сказал им: “Братцы, не имея никого, кому бы я мог довериться более, чем вам, назначаю вас судьями лиц, обманувших меня и злоупотребивших своей властью во время моего отсутствия; пусть ваши суждения руководствуются внушениями совести, а исполнение приговоров отложится до моего возвращения из Москвы; имейте в виду пример вашего товарища князя Волконского, я поступлю так же со всеми, кто станет подражать ему, и награжу честность и прямоту других”»⁴⁵.

В указе от 9 декабря 1717 г. «О порядке деятельности и компетенции следственной канцелярии ведения Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова»⁴⁶ Петр I еще раз наставительно просит «как пред Богом и светом доброй ответ дать так, как добрым и честным афицерам надлежит, без всяких приказных крючков, но яко правдивому судье и исцу быть надлежит. Ежели ж какая мана, взятки или иная правды лишенная причина същется, то без всякой пощады лишены будете живота и чести (ибо пример видите бывшего маёра Волхонского)».

Гвардии майор М.И. Волконский был расстрелян, а по уголовному законодательству России первой четверти XVIII в. имущество осужденных лиц подлежало конфискации в пользу казны, поступая в распоряжение государя. Точно так поступили и с его земельными наделами: имения М.И. Волконского в Московском, Галицком, Дмитровском, Белевском и других уездах (всего 1393 четвертей), полученные им от отца, князя Ивана Федоровича, сначала отписаны на государя.

Однако в ответ на челобитную вдовы М.И. Волконского Петр I в 1718 г., в порядке исключения, распорядился вернуть из приданных земель две трети матери княжне Дарье Ивановне, а одну треть – жене княгине Татьяне Борисовне⁴⁷.

Между тем, понимание Петром I того, что гвардеец способен совершать ошибки, не снижало для него значимость гвардии как целостной структуры. Именной указ от 23 декабря 1717 г. «О бытии у розыскных дел гвардии штаб- и обер-офицерам»⁴⁸, законодательно

оформлявший деятельность майорских следственных канцелярий, появился всего через несколько дней после упомянутой казни М.И. Волконского за злоупотребления⁴⁹.

Таким образом, делают вывод историки⁵⁰, случай с М.И. Волконским был расценен как частность, не имеющая отношения к общему процессу. Случайностью, вероятно, считалось и вынесение пристрастных приговоров гвардейцами при рассмотрении некоторых дел о коррупции. Виновные неизменно подвергались жестоким наказаниям, а система продолжала работать⁵¹. Как бы то ни было, имя князя М.И. Волконского навсегда осталось в истории судебной и правоохранительной системы России, а его трагическая линия судьбы – одним из штрихов бурной эпохи преобразований Петра I.

¹ Постановление Правительства от 27.08.2013 г. № 741 «О дне сотрудника органов следствия Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2013. № 35. Ст. 4526.

² Подлинник именного указа от 25 июля 1713 г. см.: РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1.

³ «И по делам всем, что есть, следовать»: документы об организации и деятельности первых отечественных органов предварительного следствия. 1713–1728 гг. / Публ. Д.О. Серова // Исторический архив. 2006. № 2. С. 192–206; Серов Д.О. «Регулярное государство» в поисках организационных форм противодействия должностной преступности: следственная канцелярия М.И. Волконского (1713–1715 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков: Материалы IV региональной научной конференции. Новосибирск, 1999. С. 157–162.

⁴ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1854–1857. Ч. 1–4; Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословной. СПб., 1906–1918.

⁵ Долгоруков П.В. Указ. соч. СПб., 1854. Ч. 1. С. 255.

⁶ Акиншин А., Литвинова Т. Воронежская ветвь князей Волконских // Генеалогический вестник. 2002. № 8.

⁷ Гребельский П.Х. Князья Волконские // Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993. Т. 1. С. 143.

⁸ Власьев Г.А. Указ. соч. СПб., 1907. Т. 1, ч. 3.

⁹ Там же. С. 374.

¹⁰ Там же. С. 375.

¹¹ Там же. С. 394.

¹² Там же. С. 375.

¹³ Подробнее см.: Зыбин С.А. История Тульского императора Петра Великого оружейного завода. 1712–1834 гг. М., 1912. Т. 1.

¹⁴ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой

четверти XVIII в. М., 1951. С. 372.

¹⁵ Походный журнал 1715 года. СПб., 1855. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 76–79.

¹⁷ Карцов П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1852; Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883.

¹⁸ Дирин П.Н. Указ. соч. С. 1.

¹⁹ Там же. С. 33.

²⁰ Карцов П.П. Указ. соч. С. 16.

²¹ Болтунова Е.М. Гвардия Петра Великого как военная корпорация. М., 2011. С. 72.

²² Карцов П.П. Указ. соч. С. 19–20.

²³ Куракин Б.И. Русско-шведская война. Записки. 1700–1710 // Архив кн. Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 291.

²⁴ Карцов П.П. Указ. соч. С. 54.

²⁵ Дирин П.Н. Указ. соч. С. 62.

²⁶ Там же. С. 61; Карцов П.П. Указ. соч. С. 57.

²⁷ Дирин П.Н. Указ. соч. С. 122.

²⁸ Желябужский И.А. Записки. СПб., 1840. С. 50.

²⁹ Болтунова Е.М. Указ. соч. С. 62.

³⁰ См. черновой проект «Указа масору от гвардии Волконскому» от 25 июля 1713 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 5–5 об.

³¹ См. письмо А.А. Курбатова Петру I от 12 февраля 1713 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 23. Л. 95–95 об.; 200-летие Кабинета его императорского величества. 1704–1709: Историческое исследование. СПб., 1911. Приложения. С. 8–9.

³² См. черновой отпуск письма А.В. Макарова Михаилу Волконскому от 27 июля 1713 г. Л. 6–6 об.

³³ Серов Д.О. Администрация Петра I. 2-е изд. М., 2008. С. 210.

³⁴ Там же. С. 189.

³⁵ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Кн. 193. Ч. 1. Л. 248 об.

³⁶ Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 27. Л. 782.

³⁷ Болтунова Е.М. Указ. соч. С. 72.; Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 191.

³⁸ См. черновой отпуск письма В.В. Долгорукова Г.И. Кошелеву от 28 декабря 1716 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 36. Сведения о попытках М.И. Волконского препятствовать деятельности следственной канцелярии Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова см. в письмах А.А. Курбатова Петру I от 18 июня и от 26 октября 1717 г., а также в письме Федора Воронова А.В. Макарову от 20 ноября 1716 г. // Там же. Отд. 2. Кн. 37. Л. 784–784 об., 802–802 об., Кн. 95. Л. 711 об.–712.

³⁹ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1881. Т. 4. Кн. 2. С. 1089–1090.

⁴⁰ Д.А. и О.А. Соловьевы были освобождены на поруки согласно распоряжению Петра I от 21 октября 1721 г. (РГАДА. Ф. 1452. Оп. 1. Кн. 13. Л. 74).

⁴¹ Серов Д.О. Администрация Петра I. С. 201.

⁴² Он же. Строители империи. Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 202–203.

⁴³ Там же. С. 125–126.

⁴⁴ Болтунова Е.М. Указ. соч. С. 73.

⁴⁵ Донесение де-Лави от 29 декабря 1717 г. // Сборник ИРИО. Т. 34. С. 278.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 68–68 об.

⁴⁷ Власьев Г.А. Указ. соч. С. 394.

⁴⁸ ПСЗ. Т. 5. № 3138.

⁴⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 8. С. 511.

⁵⁰ Болтунова Е.М. Указ. соч. С. 188.

⁵¹ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства... С. 378.

Е.Н. Наземцева (Москва)

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛИСТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПОДХОДЫ

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛИСТИКИ обусловлено интенсивными процессами, происходящими в современном историческом знании: решения проблемы возвращения в историю индивида, который исчез из поля зрения исследователей, анализирующих преимущественно макропроцессы, максимальной детализации и индивидуализации исследовательского поля. Это способствует изучению локальных обществ как с точки зрения их «локальности», т. е. изучения внутренней организации и функционирования социальной среды в широком смысле (от местного ландшафта до многообразия человеческих отношений), так и с точки зрения самих индивидов, составляющих отдельные общества.

Локальные исследования последней трети XX в. выявили исключительное разнообразие вариантов демографического, экономического и культурного развития, социальных структур и структур местного управления, несмотря на то, что новые теоретические основания для их обобщения пока не разработаны¹.

Кроме того, процессы регионализации, наблюдаемые, с одной стороны, в интеграции локальных сообществ в более крупные территориальные комплексы, с другой – в сохранении культурных различий, как в рамках этих комплексов, так и между ними, привели к актуализации междисциплинарных региональных исследований².

Первоначально приоритет в регионально-исторических научных исследованиях был отдан сфере экономики, затем – культурной специфике региональных сообществ. Сегодня тенденции развития локально-региональной истории проявляются и в военной истории, в частности – в историографии Первой мировой войны.

В трудах, представляющих данное направление, как правило, события реконструируются в наиболее значимых с политической и военной точки зрения областях. Основываясь на данных местных краевых и областных архивов и применяя широкий спектр междисциплинарных методов, исследователи рассматривают особенности развития провинции, ее роль в войне, деятельность военной и гражданской администрации, повседневную жизнь провинции в период войны. Особое внимание уделяется трансформации менталитета местных социальных групп и ее влиянию на психологическое состояние всего российского общества, роли социальных групп, национальных меньшинств в общественных и политических процессах периода войны и послевоенного времени, проблемам плена, дезертирства, беженства и т. д.³

Изучение отечественной региональной историографии Первой мировой войны позволяет составить более объективное представление о ее влиянии на общество, охарактеризовать комплекс структурных изменений, к которым она привела, выявить их причины, и в конечном счете – глубже понять последствия мировой катастрофы.

Широко представлена в современной отечественной региональной историографии Первой мировой войны проблема плена. Концептуальной основой большинства исследований является методология современной повседневной истории.

В этом контексте проблему плена рассматривает челябинский историк О.С. Нагорная. Такой подход обусловил выводы, изменившие принятые ранее в обществе и отечественной историографии представления о данном вопросе. Автор показывает историю «маленького человека», его переживания при столкновении с чужой культурой, бытовые условия, взаимоотношения внутри сообщества пленных, реакцию на политические потрясения в Европе. Посвящая свое исследование русским военнопленным, оказавшимся в Германии, О.С. Нагорная рассматривает их не как объект насилия, что ранее было общепринятой историографической тенденцией, а как «действующих субъектов, соопределивших облик лагерной системы и опыт заключения»⁴.

Изучение опыта русских военнопленных О.С. Нагорной показало, что сложившиеся отношения внутри сообщества не следует характеризовать как «лагерное товарищество». Наоборот, в ходе длительного заключения возникли многочисленные линии

размежевания, бытовые, национальные и политические конфликты. Лагерный опыт приводил к выработке необходимых форм восприятия, толкования и конструирования окружающей действительности, таких, как пассивное приспособление, скрытое и открытое сопротивление, новые каналы и приемы коммуникации, специфический вариант «народной религиозности» и лагерные мифологемы⁵.

Рассмотрение плена с точки зрения категории опыта позволило показать психологические особенности русских военнопленных в Германии, специфику их менталитета в условиях несвободы.

В современной отечественной регионалистике получила отражение и тема иностранных военнопленных на территории Российской империи. Именно в краевых и областных архивах отложились уникальные материалы, свидетельствующие о жизни и быте военнопленных австрийской и германской армий, оказавшихся, например, на территории Сибири и Дальнего Востока. Они характеризуют особенности существования иностранных военнопленных в специфических для бывших германских австро-венгерских военных обстоятельствах.

Например, А.И. Гергилева освещает экономическую и идеологическую политику официальных властей России в отношении военнопленных, отмечает влияние революций 1917 гг. на положение военнопленных и изменение законодательства в их отношении, особенности жизни во время Гражданской войны и последующую репатриацию.

В результате она приходит к неутешительному выводу о том, что, несмотря на попытки стран решить проблемы мира, определить и установить нормы войны, в условиях военных реалий принципы гуманизма опускались из виду и на первый план выходили задачи стратегического характера⁶.

А.И. Гергилевой вскрыт комплекс причин, характеризующих противоречивость российской политики в отношении иностранных военнопленных и связанных с этим проблем: несовершенство двухступенчатой системы регистрации военнопленных на уровне штабного начальства и ведомств, в которых находились военнопленные, что не позволяло определить их точное количество⁷; необдуманная политика центрального руководства, а также подведомственных ему должностных учреждений в деле организации размещения и условий содержания военнопленных на территории

Сибири⁸. Следствием этого стали нехватка общественных зданий для их размещения, распространение заразных заболеваний среди местного населения и т. д.⁹

Позднее ситуация осложнилась тем, что на территории Сибири не действовали международно-правовые соглашения, касающиеся военнопленных и подписанные с рядом стран уже советским правительством¹⁰.

Ситуация на Дальнем Востоке была похожей, о чем свидетельствует Т.Я. Иконникова. Она обращает внимание на полиэтничность конгломерата иностранных военнопленных на территории России в целом и на Дальнем Востоке – в частности, отмечая противоречивость отношения военнопленных к событиям в России, связанным с Гражданской войной: политическую индифферентность одних и вовлеченность в них других. Определяющим фактором для бывших германских и австро-венгерских военных при попадании их в водоворот политических и социальных сдвигов, разразившихся в России, по ее мнению, стали именно укоренившиеся веками этнические противоречия, которые приводили к параллельному выяснению отношений друг с другом¹¹.

Особое значение в регионалистике имеет изучение проблемы тыла, поскольку именно провинция «несла основное бремя тяжести по выполнению мобилизационных кампаний, снабжению армии вооружением и продовольствием, обеспечению приема раненых, военнопленных, беженцев»¹².

К примеру, опыт деятельности российских земств по снабжению фронта и обеспечению тыла освещен в работе Е.М. Петровичевой. Основываясь на анализе широкого круга источников, она показала, что правительство весьма активно привлекало земства к решению важнейших задач. В то же время ей удалось проследить нарастание конфронтации между земской общественностью и властью, а также рост оппозиционных настроений в земской либеральной среде, что в условиях тягот и лишений, испытываемых народом в период военного лихолетья, сыграло роковую роль и привело монархию к гибели. Таким образом, правительство «недооценивало важность общественной психологии, не видело необходимости в формировании общественного мнения и влияния на него. Правительственный аппарат плохо пользовался гласностью и печатным словом; хотя в то время, особенно в условиях войны,

ни одно правительство не обходилось без умелой и даже усиленной пропаганды»¹³.

Роль тыла на примере Томской губернии рассмотрел И.А. Еремин, отметив единство усилий правительства, региональных властей и общественности, которое проявилось в деле снабжения армии, в ходе мобилизационных кампаний, помощи семьям лиц, мобилизованных на военную службу, а также раненым, беженцам и всем пострадавшим от войны¹⁴. В то же время он не отрицает противоречивости государственной политики, которая заключалась, например, в ограничении деятельности военно-промышленных комитетов, игравших огромную роль в тылу¹⁵, обращает внимание на осложнение ситуации в губернии в связи с наличием беженцев и военнопленных¹⁶.

Исследование роли провинции в Первой мировой войне в подобном географическом контексте локально-региональной истории продолжают Т.И. Трошина, С.Ю. Шишкина.

Тему военно-промышленных комитетов на материалах региональных архивов также рассматривают Р.В. Голубин, Ф.А. Гуцин, Л.В. Ваганова.

Специфику проблем тыла на примере Дальнего Востока удалось показать Т.Я. Иконниковой, которая отметила особое влияние событий Первой мировой войны на положение в регионе. Серьезной проблемой здесь стала нехватка рабочих рук. Однако ее решение имело свои особенности: «мобилизации мужчин трудоспособных возрастов свели почти на «нет» прежние титанические усилия по заселению Приамурского края. Это вызывало необходимость привлечения «желтого труда», а также таких нестандартных источников трудовых ресурсов, как вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные. Но наличие беженцев и здесь не могло решить проблемы, так как они рассматривали свое пребывание в крае как кратковременное и не желали работать «по разнарядке». Уже с 1916 г. они частично добились разрешения выехать в другие губернии России»¹⁷.

Единственным выходом оставалось привлечение «желтого труда», однако решение проблемы нехватки рабочих рук за счет привлечения мигрантов из Китая осложнило политическую ситуацию на Дальнем Востоке, поскольку происходившее в связи с этим изменение этнической картины приводило к утрате Российской империей своих позиций в этом важном с точки зрения

стратегических интересов регионе. Возвращать их пришлось уже советской власти.

Вклад российской провинции в процесс перестройки жизни страны на военный лад рассматривается И.Б. Беловой. На примере Орловской губернии она характеризует особенности хозяйственно-экономической и общественно-политической жизни провинции и приходит к выводу, что ситуация в провинции, вызванная тяготами военного времени, до февраля 1917 г. не носила катастрофического характера¹⁸. Она также отмечает кризисные явления в организационной системе местной власти и противоречивость государственной политики в решении социально-экономических проблем, например, при организации продовольственного снабжения.

Продовольственный вопрос стал одной из ключевых проблем Первой мировой войны. Его анализу посвящено исследование Р.Р. Магомедова, который рассматривает его на примере Южного Урала. Он обратил внимание на то, что Россия вступила в войну, имея лишь государственные продовольственные запасы для армии в объеме, необходимом на период мобилизации войск и ведения боевых действий в первые месяцы войны. Более того, в российской армии до войны не существовало системы централизованного снабжения продовольствием. Воинские части осуществляли продовольственные закупки самостоятельно¹⁹. При этом хлебные ресурсы страны были достаточными для того, чтобы обеспечить потребности армии и населения потребляющих регионов в продовольствии. Исследователь приходит к выводу, что продовольственный кризис, разразившийся в годы войны, был результатом неспособности царского правительства наладить механизм продовольственного обеспечения страны²⁰.

Взгляд через призму локальной истории позволил А.В. Посадскому, опираясь на материалы Саратовской губернии, исследовать процесс всеобщей мобилизации и его влияние на настроение крестьянства России.

Исследуя менталитет крестьянства данного исторического периода, он пришел к выводу, что внутриэтнический конфликт, разразившийся в годы войны, заложен в саму структуру культуры русских и является структурообразующим²¹. Мобилизация же вызвала «гигантское перенапряжение инфраструктуры и значительное количество частных беспорядков. В 1917 г. стихийная (а затем и

плановая) демобилизация стала сильным революционным фактором»²².

Общая мобилизация, в конкретно-исторических условиях России, выступила индикатором как настроений крестьянской массы и ее восприятия «большого мира» и государственных задач, так и управленческого потенциала власти и основных точек социальной и иной напряженности.

По мнению другого исследователя, О.С. Поршневой, произошла так называемая «десакрализация монархической власти при сохранении в менталитете крестьян архетипической основы воссоздания культа верховного правителя, которая в новых условиях, после Февраля 1917 г., трансформировалась в вождизм, опирающийся на революционную харизму, высшие ценности социальной справедливости»²³.

Локально-региональный подход при изучении отдельных социальных групп в Первой мировой войне применили также С.В. Салова, А.М. Смирнова.

Таким образом, в современной отечественной регионалистике Первой мировой войны представлен широкий спектр проблем и вопросов. Введение в научный оборот новейших источников региональных архивов способствует переосмыслению выводов, базирующихся на исследованиях исключительно макропроцессов «вертикальной» истории и военной составляющей Первой мировой войны, включению материалов локального анализа в более широкие обобщения этого глобального конфликта.

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 166.

² Там же. С. 176.

³ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999; Смирнова А.М. Столичная интеллигенция в годы Первой мировой войны: июль 1914 – июнь 1917 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 2000; Петровичева Е.М. Земства Центральной России в период Первой мировой войны. М., 2001; Посадский А.В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 г. (на материалах Саратовской губернии). Саратов, 2002; Голубин Р.В. Военно-промышленные комитеты Нижегородской губернии: Организация и хозяйственно-экономическая деятельность в годы Первой мировой войны. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2003; Гушин Ф.А. Военно-промышленные комитеты России в период Первой мировой войны: на материалах Нижнего и Среднего Поволжья. Автореф. дисс...

канд. ист. наук. Саратов, 2003; Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004; Алена Е.В. Тамбовское земство в годы Первой мировой войны: 1914–1918. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тамбов, 2005; Ваганова Л.В. Военно-промышленные комитеты на Урале в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Екатеринбург, 2005; Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны. (1914–1918 гг.) Барнаул, 2005; Полуаршинов А.В. Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны: июль 1914 – февраль 1917 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Омск, 2005; Салова С.В. Буржуазия России в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: историко-региональный аспект – Самарская, Симбирская, Саратовская губернии. Самара, 2005; Шишкина С.Ю. Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). Тюмень, 2006; Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007; Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004; Белов С.Б. Патриотизм в годы Первой мировой войны (1914–1916). Взгляд из Нижнего. Нижний Новгород, 2008. Кн. 1; Трошина Т.И. Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Архангельск, 2008; Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011; Магомедов Р.Р. Война и хлеб. История продовольственной политики государства на Южном Урале в годы Первой мировой войны. Оренбург, 2012; Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России. Хабаровск, 2004; Талалин А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: июль 1914 – май 1918. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Омск, 2005; Гергилева А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007; Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010 и др.

⁴ Нагорная О.С. Указ. соч. С. 396.

⁵ Там же. С. 397.

⁶ Гергилева А.И. Указ. соч. С. 102.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 103.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 104.

¹¹ Иконникова Т.Я. Указ. соч. С. 165.

¹² Еремин И.А. Указ. соч. С. 8.

¹³ Петровичева Е.М. Указ. соч. С. 105.

¹⁴ Еремин И.А. Указ. соч. С. 273.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 275.

¹⁷ Иконникова Т.Я. Указ. соч. С. 361.

¹⁸ Белова И.Б. Указ. соч. С. 78.

¹⁹ Магомедов Р.Р. Указ. соч. С. 149.

²⁰ Там же. С. 151.

²¹ Посадский А.В. Указ. соч. С. 147.

²² Там же. С. 145.

²³ Поршнева О.С. Указ. соч. С. 261.

Е.И. Нератова (Санкт-Петербург)

ИРАКЛИЙ ИЛИ ГЕВОРК?

В МАТЕРИАЛАХ прошлогодней конференции «Война и оружие» опубликована работа Е.В. Тихомировой¹, в которой с блистательной догадкой автора соседствует не менее блистательное заблуждение. Не претендуя на окончательное решение проблемы, хотелось бы попытаться исправить возникшую ошибку. В связи с этим предлагаю вновь обратиться к одному из рассмотренных Еленой Владимировной в своей статье предметов, а именно, к тифлисскому кинжалу, атрибутированному ею как кинжал, изготовленный в 1790 – начале 1800 гг. и принадлежащий школе Геурка Элиарова² (рис. 1).

Елена Владимировна, ссылаясь на исследование Э.Г. Аствацатурян³, справедливо отмечает, что кинжал этот относится к типу ранних грузинских кинжалов. Она датирует его концом XVIII – началом XIX в. Чему не противоречат имеющиеся на приборе ножен клейма Тифлисского монетного двора с изображением городской короны и датой, написанной грузинскими буквами: ზჷდ (1804), и управляющего Тифлиским монетным

Рис. 1

Рис. 2

двором А.М. Карпинского с его инициалами, написанными кириллицей: «А.К.» (рис. 2).

Е.В. Тихомирова подробно разбирает качество стали на клинке⁴ и приходит к выводу, что мастером-клинчником кинжала такого уровня мог быть Геурк Элиаров или кто-то равный ему по мастерству. А также обращает внимание на

имеющееся на лицевой стороне клинка клеймо (рис. 3). Но при прочтении клейма Е.В. Тихомирова приходит к ошибочному заключению. Она пишет, что «упрощенный вариант печати царя Ираклия полностью совпадает с клеймом на клинке исследуемого кинжала»⁵. И делает вывод, что этот клинок был сделан мастером, работавшим в оружейной мастерской царя Картли-Кахетинского царства.

Однако, сравнивая любые варианты написания имени Ираклий с клеймом на клинке, я прихожу к противоположному Е.В. Тихомировой выводу. На клейме кинжала нет букв, которые могут быть составлены в имя Ираклий.

Для подтверждения своих выводов обратимся вслед за Е.В. Тихомировой к книге Д.Г. Капанадзе⁶ и сравним клеймо на клинке с личной печатью Ираклия II, а также с надчеканами, использовавшимися на монетах во время его правления. Кроме того, чтобы сравнить имеющееся клеймо на клинке с образцами монет, опубликованными в XIX в. предшественником Д.Г. Капанадзе М.П. Баратаевым, обратимся и к его работе⁷. Наконец, заметим, что рассматриваемый нами кинжал является не единственным известным нам

Рис. 3

обладателем такого клейма. В работе 1982 года «Указатель клейм и имен кавказских мастеров оружейного и серебряного дела» Э.Г. Аствацатурян среди клейм, встречающихся на кинжалах, выделила группу с нечитаемыми надписями. В эту группу попало аналогичное рассматриваемому клеймо⁸.

Для удобства сравнения на основании вышеупомянутых исследований составлена таблица, в которую также включена прорисовка интересующего нас клейма:

Варианты вензелей Ираклия II			Клейма на клинках	
Личная печать Ираклия II (по Д.Г. Капанадзе)	Надчеканы на монетах Ираклия II (по Д.Г. Капанадзе)		Прорисовка из книги Э.Г. Аствацатурян	Рассматриваемый кинжал
1	2	3	4	5
				

Говоря о клеймах и надчеканах, нельзя не упомянуть о традиции сокращений, принятых в Грузии. Здесь, как и в большинстве стран Востока, да и в допетровской Руси, сокращения слов (в том числе имен) предполагали в первую очередь «выбрасывание» гласных. Оставались лишь те гласные, без которых имя прочесть (понять, угадать, наконец) было трудно, либо те, которые красиво дополняли витиеватое написание, если это был вензель, печать и т. п. Но согласные буквы «выбрасывались» редко и, конечно, не все. Более того, были те согласные, которые исключить из слова (имени) было никак нельзя. В классическом сокращении имя Ираклий можно было написать тремя буквами: «РКЛ»⁹, и такое написание и чеканилось на монетах, но шрифтом *мргловани* (дословно «круглый», иначе уставной, заглавный или церковно-грузинский).

Кроме того, нельзя не сказать о традиции составления вензелей, которые всегда должны были являть собой красивый узел из букв, причем в нем не должно быть пустот. Поэтому при включении любого сокращения в вензель пустоты заполнялись подходящими буквами. Наконец, буквы вензеля могли не только плавно

перетекать из одной в другую, но являться составными частями друг друга.

В царской печати (см. столбец 1), выполненной шрифтом *мхедрули* (дословно «воинский», иначе гражданский или светский) дано полное имя «Ираклий» без сокращений. Имя Ираклий по-грузински пишется: ერეკლე (Эрэклэ). В скорописном варианте буква «რ» (Р) напоминает латинское «h» с очень сильным правым наклоном, а в соединении с буквой «ე» (Э) перечеркнутую латинскую букву «V» с небольшим росчерком. Это-то сходство, по видимому, и запутало Е.В.Тихомирову. Дело в том, что сама по себе скорописная грузинская буква «ე», соединяясь с другими литерами, получает форму близкую к латинской букве «V». Таким образом, мы можем лишь констатировать, что и в клейме, и в различных вариантах имени Ираклий в приведенных в таблице вензелях присутствует буква «ე». Однако остальные буквы в клеймах и надчеканах разные, в том числе в самом лаконичном варианте надчекана, признанном Е.В. Тихомировой полным соответствием клейму на клинке (столбец 3). Можно, конечно, предполагать, что в клейме имеются утраты и именно поэтому в нем нет столь важной буквы для имени Ираклий, как «რ». Однако тщательное рассмотрение клейма убеждает в его хорошей сохранности, а также в том, что остальные его «закорючки» не являются продолжением частично утраченной буквы «რ», а выступают вполне грамотными элементами других букв. В дополнение к сказанному, прорисовка клейма, данная Э.Г. Аствацатурян в своей работе, подтверждает мысль об отсутствии буквы «რ» и в том клейме.

В надчеканах, выполненных тем же шрифтом мхедрули (столбцы 2 и 3) читаются буквы «ЭР/ЭРЭ», переплетенные друг с другом.

В нашем же клейме на клинке кинжала (столбец 5) присутствуют совсем другие буквы: «ГЭВО». Причем, буквы «გვ» (ГЭВ) не только соединяются друг с другом, но завязаны в единый узел, в котором одна буква является частью другой. А буква «ო» (О) написана как выносная в правом верхнем углу, в скорописном варианте, напоминающем геометрическое обозначение угла. Это буквосочетание не похоже на имя Ираклий, оно скорее напоминает характерное для Тифлиса сокращенное мужское имя Гево (именительный или звательный падеж от сокращенной формы армянского имени Геворк). Таким образом, клинок этого кинжала сделал армянский мастер Геворк, живший в Тифлисе.

Одновременно хочу обратить внимание на то, что прорисовка клиночного клейма из работы Э.Г. Аствацатурян (столбец 4), в отличие от надчеканов с именем Ираклий, очень похожа на наш образец и отличается лишь небольшим «зигзагом» обводки на месте выносной буквы «о». Вероятнее всего, художник, делавший прорисовки, не догадался, что это буква, и включил ее в рамку клейма.

Теперь мы с вами можем попробовать пойти дальше и вслед за Е.В. Тихомировой предположить, что это мог быть мастер, более известный нам под именем Геурк Элиаров. Ибо Геворк, Геурк, Георк, Георг и, наконец, Георгий – варианты одного и того же имени. А поскольку нам неизвестны клейма знаменитого Геурка Элиарова (мы имеем только варианты его подписных работ в виде произвольного написания своего полного имени как на грузинском, так на русском и арабском языках), то можно взять на себя смелость предполагать, что клеймо великого мастера Геурка могло быть таким. Во всяком случае, известнейшему мастеру-клиночнику первой половины XIX в. для изготовления шедших на продажу клинков, наверное, по аналогии с другими мастерами, стоило иметь собственное клеймо (или несколько вариантов клейм).

Это, конечно, лишь красивая версия, не имеющая пока документального подтверждения. Но очевидно, что данный кинжал имеет клинок прекрасного качества с личным клеймом мастера и датировку на отделке (1804 г.). Думаю, не стоит делать его на несколько лет старше и относить к эпохе царствования Ираклия II.

¹ Тихомирова Е.В. Исследование двух памятников грузинского оружейного искусства конца XVIII – начала XX веков // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. СПб., 2013. Ч. IV. С. 241–253.

² Там же. С. 247.

³ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПб., 2004.

⁴ Тихомирова Е.В. Исследование двух памятников грузинского оружейного искусства... С. 251.

⁵ Там же. С. 250.

⁶ Капанадзе Д.Г. Грузинская нумизматика, М.; Л., 1955. С. 127.

⁷ Баратаев М.П. Нумизматические факты Грузинского Царства. СПб., 1844.

⁸ Аствацатурян Э.Г. Указатель клейм и имен кавказских мастеров оружейного и серебряного дела. М., 1982. С. 13.

⁹ Баратаев М.П. Нумизматические факты Грузинского Царства. Разряд IV, таблица II.

Bengt Nilsson (Linköping, Sweden)

**THE MALMBERG PAPERS:
NEGLECTED SOURCES FOR THE HISTORY
OF THE GREAT NORTHERN WAR**

I N 1942 and 1943 Uppsala University Library, more or less by chance, managed to acquire a large number of 17th and 18th century documents originating from the archive of the Swedish Governor General of Livonia. Some were found at a local scrap dealer, others were obtained from private collectors. The material was traced back to the recent bankruptcy of Captain Ernst Malmberg (1867–1960), a writer and collector who for a long time had been a prominent member of the cultural establishment. The library staff began to sort and catalogue the collection (in total somewhere between 1,000 and 1,500 documents) and it was brought to the attention of Per Wieselgren (1900–1989), who in the 1930's had been a professor at Tartu and was very familiar with the old Swedish archives in Estonia and Latvia. In 1949 Wieselgren wrote a short article about the “Malmberg papers”, in which he stated that a Swedish collector (undoubtedly meaning Malmberg) had come across the material in Berlin “many years ago”.¹ However, both Wieselgren and the library staff appear to have been puzzled by the fact that so many of the documents had the very distinctive blue marks of the Riga archival commission, which was created by the Russian government in 1897. It was well-known that private collectors, such as the historian Carl Schirren (1826–1910), earlier had been granted access to the old Swedish archive and been allowed to remove documents, but after 1897?² It would seem that Wieselgren and others were not entirely convinced by the “Berlin story”, but apparently attempts to try and find out if the documents could possibly have been removed after the archival commission had finished its work were unsuccessful. Much later the archivist Bertil Broomé? (1913–1980), in the course of a study of

Swedish manuscript collectors, found that Ernst Malmberg had been auctioning off similar documents as early as before World War I.³ Indeed, Ernst Malmberg had been one of the first Swedish researcher to use the archive of the Swedish Governor General of Livonia after the publication of the Bienemann catalogue in 1908.⁴ It is perhaps possible that he had been allowed to take some documents, for example because the archival commission had not been able to determine where they should be placed, but the sheer size of the collection and some of the material included indicates that the issue could very well be more complicated than that. Despite the efforts of Per Wieselgren and others the Malmberg papers were never systematically arranged or catalogued, so they have been used by relatively few scholars. Nowadays they are kept in three large cardboard boxes, marked “Dorpat-Riga-paper, 651 F: 1–3”.

The collection covers the whole history of the Swedish province of Livonia, but the bulk dates from the period 1700–1710.⁵ There are many receipts and small notes, suggesting that Malmberg in general was more interested in autographs than content. However, included are also a large number of letters from both civilian officials and military officers. Worth mentioning here are the commander of the Finnish army Georg Lybecker (about 30 letters), the commander of Narva Henning Rudolf Horn (about 20 letters) and Per Cuypercrona, the Swedish representative in Danzig (about a dozen letters). Several of Lybecker’s reports concern his Ingrian campaign in 1708, some written during it and others just after. One interesting bit of information is found in letter dated Vyborg 2 June, where Lybecker suggests that if Lewenhaupt intends to march towards Ingria he could temporarily borrow 6–7,000 infantry from the Finnish army.⁶ Among Horn’s letters one finds half a dozen from 1700, including one which reports on the arrival in Narva of the Russian envoy Andrey Khilkov. Khilkov was, Horn writes, a very pleasant man who could speak some Italian but tried to hide that he understood and spoke German.⁷ Another group of Horn letters dates from March–May 1704 and contains information about the arrival of the first Russian forces. Zacharias Aminoff, in 1706 garrison commander at Vyborg, is represented by three letters from October and November 1700 containing descriptions of the first skirmishes between Russian units and the Swedish relief army and the attempts to bring letters to Narva. Two peasants, who had earlier managed to leave the besieged town were sent back with letters hidden in a cane, but they could not get through as the Russians had built a large entrenchment.⁸ An old

German hat maker, who had been in the Russian camp, claimed that they had tried to storm Narva but were beaten back having lost 4,000 men. He had been offered a reward of 50 rubles if he returned with information about the size of the Swedish army and where it was positioned, but Aminoff sent the hat maker to Reval. Three letters from Florian Thilo von Thilau, stationed at the border post Neuhausen, describes rumours from Russia during the spring and summer of 1700. It was said, Thilau wrote on 21 July, that uncommonly large bridges were being built on the road between Pskov, Novgorod and Moscow and the latest letters from the Russian capital suggested that the peace agreement with the Ottomans had been signed. Two other Thilau letters detail events in late July and early August 1702, just before he was captured by Russian forces.⁹

Another interesting group of letters dates from the first months of 1708 and contains descriptions of the situation in Livonia and Courland as General Lewenhaupt waited for his final instructions from Charles XII. Particularly valuable here is a report from Major General Stackelberg to Lewenhaupt, dated Mitau 12 June, about how the preparations for the departure of the army were progressing. Practically everything was ready, Stackelberg informed Lewenhaupt, only two regiments had not yet fully received the intended supplies.¹⁰

Another group of letters from the same year concerns the Swedish expedition to the Dorpat area. On 20 December 1708 Lieutenant Colonel Nicolaus von Vettern reported on the interrogation of a Russian prisoner he calls “Germa Laiam” from Pechory, who together with a peasant called Jacob (hired to act as translator) had crossed the border to trade with the Livonian peasants. The Swedish asked him if he had received permission to do this. Yes, the prisoner said, the Voivode of Pechory had allowed it, but also told him to try and find out about the Swedish forces in the area. When asked about where the Czar and the Swedish King were, he said he didn’t know and hadn’t heard anything about a battle between the two. About the Russian forces at Pechory he said that there was one regiment dragoons under Colonel Morosinsky quartered in and near the village, but only a very small detachment of infantry. The prisoner was then asked about a Russian party which had appeared in the area 8–10 days before. Yes, that was 300 men from Morosinsky’s dragoons who had brought back a large amount of clothes, cattle and horses. There was no other cavalry in the area, just three infantry regiments at Pskov.¹¹

Another large group of document concerns the military situation after the departure of Lewenhaupt's army. Notable here is some lists of soldiers and officers returning from the Lesnaya battle and estimates of the strength of the Riga and Reval garrisons.¹²

The collection also contains a substantial number of letters from Krzysztof Zawisza, one of the most prominent members of the Sapieha faction, as well as from other Lithuanian nobles.¹³

¹ Wieselgren, P. *Studier i LRKkA // Apophoreta Tartuensia*. Stockholm, 1949. P. 177–185.

² Broomé, B. *Handskriftssamlarna och de svenska arkiven 1700–1950*. Stockholm, 1977. P. 380. A substantial part of Schirren's collection has ended up in Riksarkivet, Stockholm. Most of it consists of excerpts and copies, but there are also 15 volumes of original documents. Volume 4 contains many dispatches from Swedish representatives in Russia and Poland during the late 1690's and in volume 13 one finds two lists of travelers passing through Neuhausen on their way to or from Russia (1698–1699).

³ Broomé, B. *Arbetsmaterial till en fortsättning av "Handsskriftssamlarna och de svenska arkiven..."* (unpublished manuscript in Uppsala University Library). Broomé found Malmberg among the sellers at auctions in 1913, 1914, 1916, 1928, 1934 and 1941.

⁴ Похлебкин В.В. О работе шведских историков в русских архивах в XIX – начале XX века // *Скандинавский сборник*. Вып. 4. Таллин, 1959. С. 69.

⁵ There is for example a considerable amount of letters and other documents from the 1650's, including some which deal with military operations in Lithuania.

⁶ Uppsala University Library. Dorpat-Riga-papper, 651 F:1. Lybecker letters can be found in both F:1 and F:3. (Precise references to individual documents can unfortunately not be given as the papers are neither systematically arranged nor numbered).

⁷ *Ibid.*, 651 F:1.

⁸ *Ibid.*, 651 F:3.

⁹ *Ibid.*, 651 F:1.

¹⁰ *Ibid.*, 651 F:1.

¹¹ *Ibid.*, 651 F:3.

¹² *Ibid.*, 651 F:1 and F:3.

¹³ *Ibid.*, 651 F:1 and F:3.

О.Я. Ноздрин (Орел)

NE OUBLIE.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ
ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКА ДЭВИДА УИЛЬЯМА
ГРЭМА, ИЗВЕСТНОГО КАК ГРАФ ГРААМ,
БАРОН МОРФЕЙСКИЙ**

12 МАРТА 1679 г. псковский воевода князь Семен Хованский да дьяки Калина Патрикеев и Гаврила Федоров доносили царю Федору Алексеевичу о прибытии в город на Гостиный Любский двор иноземца, «сказавшегося Давидом зовут Вильгельм фон Грахам, породю де он аглинской земли города Лондена, и был он в аглинской земле при короле графом», просившего пропустить его «к Москве для свидания с родичами и с друзьями своими с иноземцы ж с полковники с Павлом Миниусом да Алгамантом да с генералом майором с Горданом».

Отпущенный из Пскова 10 апреля, приезжий благополучно добрался до Москвы, 13 мая 1679 г. излагая Посольскому приказу цели поездки: «Родом аглинския земли поколения графского, зовут его Давидом Вильгельмом Грав-де-Грон Морфийский, которое графство в Шкотской земле, чином полковник; и в прошлых годах служил коруне свейской, как была война прежняя с датским королем, а после того служил королю гишпанскому года с два в розных чинах, а потом служил Михаилу и нынешнему Яну королем польским, и под Хотиным на боях против турских войск он был, а после того посылан он с полком под Паволочь и Паволочь взял он своим полком приступом. А как де у поляков с турки учинился мир, и он де из Польши выехал в баварскую землю, и служил баварскому курфирстру, и баварский де курфирстр отпустил его для науки воинских промыслов и извычаев посторонних ехать, где он похочет. А из баварской де земли выехал он тому ныне другой год и был

в аглинской земле для повидания с родичи и для исправления своих домашних дел. И из аглинской де земли писал он к Москве к полковнику Павлу Менезиусу, чтоб он к нему для разделки пожитков наследничьих приехал в аглинскую землю. А Павел де Менезиус ему по отце брат двоюродный, и с Москвы де писал к нему Павел, что ему ехать к нему невозможно, потому что он всегда бывает великого государя на службе, а приехал бы он к нему к Москве. И потому де письму он из аглинской земли к Москве поехал...»¹

Объяснение иноземца восприняли удовлетворительно. Никого не насторожило решение столь именитой персоны без внушительной свиты лично проделать долгий путь ради общего наследства. Приезды высокопоставленных лиц считались порядком вещей. Помимо татарской, ногайской, горской знати, с 1653 г. в Москве переменнно проживали различные картлийские, кахетинские, имеретинские цари и царевичи. Сложнее было с западными соседями. Стремление заполучить «нарочитого» английского генерала в 1658–1661 гг.², подобно согласию в 1665 г. принять на русскую службу одного из сыновей опального польского гетмана князя Ежи Себастьяна Любомирского³, закончились стадией переговоров, сам факт которых содействовал дипломатическому давлению в конфликте с Речью Посполитой. При желании даже частный визит европейского вельможи мог демонстрировать «неизреченную милость» всем выбравшим российскую протекцию. Впрочем, благодные речи были преждевременны.

Трудности ли наследственного дележа, нежелание расставаться с братом или иные причины задержали путника. 13 января 1680 г. ему было «велено ехать в свою землю, откуда он приехал, для того, что живет на Москве многое время без дела». Однако, взяв проезжую грамоту, иноземец игнорировал царское повеление, оставаясь в России «год и 7 месяцев и 19 дней... без всякой надобности» и «дел никаких не объявляя»⁴. Только 9 января 1681 г. он подал челобитную, где, ссылаясь, что «многие, государь, мои братья иноземцы шкотские земли, которые на твое великого государя имя служить приехали, чинами повышены», просил принять на службу, получив отказ. 10 октября 1682 г. очередная челобитная была удовлетворена. «Велено его, графа Давыда, в их великих государей службу принять и написать его в генерал-майоры и корм ему давать до их великих государей указу, покамест он службу свою покажет, полковничий, по тридцати по пяти рублей на месяц»⁵.

Успехи шотландца впечатляют. После короткого пребывания на должности полкового командира в Смоленске он получил московский солдатский полк, весной 1684 г. командуя «церемониальной» ротой, встречавшей послов императора Леопольда I баронов Ханса фон Жировского и Себастьяна фон Блумберга, ходатайствовавших за него перед князем Василием Голицыным. Летом того же года ему назначили генеральское жалование. С 1685 г. шотландец возглавил расквартированные в окрестностях Белгорода войска обороны южного пограничья, приняв участие в первом и втором Крымских походах 1687–1689 гг. В 1688 г. он стал генерал-поручиком, обойдя многих иноземных офицеров, воевавших за царя несколько десятилетий⁶. Достаточно сказать, произведенному в полковники в 1665 г. Патрику Гордону понадобилось 13 лет, чтобы 20 августа 1678 г. после героической обороны Чигирина от турок получить генерал-майора, и еще 5 для утверждения генерал-поручиком. В 1691 г. Давид Вильгельм снова в Москве по случаю переговоров с австрийскими дипломатами о вызове в Россию своей супруги. Последние годы он служил в Белгороде, где 12 мая 1693 г. скончался⁷.

Стремительность его карьеры определяли многие факторы, среди которых – знатное происхождение, титул, прочное общественное положение, прежние заслуги, что настойчиво подчеркивал сам иноземец. 9 января 1681 г. он заявлял царю Федору Алексеевичу: «Да я же служил курфирстру Баварскому и везде в службах полки учнил и города брал без малой утери людей, которые мне были вручены, и всегда regiment свой добре управлял и везде в службах первейшим полковником, как ради породы моей графские, только ж и удовольствия ради в службах и в воинских промыслах почтен был»⁸.

2 июля 1684 г. цесарский посол «Севастьян, вольный господин с Блумберка» писал боярину князю Василию Голицыну о «высокопочтенном и чрез свои мужественные во всем Римском государстве службы похвальном господине графе Грааме», прося принять его под покровительство: «Сей убо высокого роду граф Граам не токмо в Аглинской, Шкоцкой землях, но и в Римском государстве со знатнейшими и благороднейшими графскими родами в свойстве...»⁹

Описывая деятельность российского дипломата и полководца Павла Менезия (Paul Menzies, 1637–1694), Н.В. Чарыков в 1906 г.

частично издал документы, касавшиеся приезда и поступления на царскую службу «Давида Вильгельма графа фон Граама, барона Морфейского», сопроводив их кратким жизнеописанием, составленным из показаний самого иностранца¹⁰. Эта работа стала основой всех последующих публикаций, касавшихся шотландца. Следуя за российскими коллегами, британские историки ограничились уже известными фактами, оставив без ответа вопросы о графском титуле, противоречиях показаний, прежних «выдающихся» свершениях¹¹. Помимо частного интереса уточнение биографии генерала приоткрывает завесу над механизмами использования случайно или намеренно искаженных сведений, а то и прямых фальсификатов, обеспечивающих иностранцу преимущества в процессе социального возвышения.

Грэмы оф Морфи (Grahame of Morphie, Graham of Morphy) принадлежали к младшей боковой линии Грэмов, с 1445 г. носивших титул лордов Грэм, с 1503 г. графов, с 1644 г. маркизов, а с 1707 г. герцогов Монтроз¹².

В 1398 г. Гилберт Грэм получил от короля Роберта III поместье Морфи в Кинкардине, став 1-м лэрдом Морфи (Laird of Morphie)¹³, потомки которого, крупные держатели земли, в XVI–XVII вв. назывались документами «владельцами баронии» или «баронами»¹⁴. Не будучи пэрами, они обладали высоким престижем среди местного дворянства, а также геральдическими и прочими отличиями, роднясь с ведущими аристократическими семьями. Дочь Роберта (I), 5-го лэрда, Эгидия (Egidia или Giles, ум. после 1606) 14 февраля 1552 г. вышла замуж за сэра Уильяма Дугласа, ставшего в 1588 г. 9-м графом Энгус (William Douglas, 9th Earl of Angus, 1533–1591). Все следующие графы Энгус, с 1633 г. носившие титул маркиза, а с 1703 г. герцога Дуглас, ее прямые потомки.

Сэр Роберт (II), 6-й лэрд Морфи (ум. 1597), участвовал в заседаниях реформационного парламента 1560 г., утвердившего победу протестантизма в Шотландии. Его правнук сэр Роберт (III), 9-й лэрд, представлял Кинкардин в парламентах 1617, 1625, 1628–1633, 1639–1641 гг.¹⁵ Осенью 1599 г. он женился на Юфими, дочери Дэвида Карнеги оф Киннэрд (David Carnegie of Colluthie and Kinnaird, 1559–1598), сестре Дэвида, 1-го графа Саутеск (1st Earl of Southesk, 1598–1658) и Джона, 1-го графа Нортеск (1st Earl of Northesk, 1611–1667)¹⁶.

Их сын, сэр Роберт (IV), 10-й лэрд (ум. ок. 1666), «славящийся добротой и радушием джентльмен», играл заметную роль в событиях середины XVII в. Ревностный роялист, он воевал за короля Чарлза I полковником кавалерии, заседал в Тайном Совете, сопровождал своего родича Джеймса Грэма, 1-го «великого» маркиза Монтроза (1612–1650) в походах и был опекуном малолетнего Джеймса Грэма, 2-го маркиза Монтроза (1633–1669)¹⁷.

После реставрации Стюартов, 11 мая 1661 г. сэр Роберт как близкий друг 1-го маркиза участвовал в торжественном перезахоронении останков лидера роялистов, а его герб (на черном поле серебряное стропило со сквозной звездой, сопровождаемое тремя золотыми раковинами) вместе с гербами графов Эрли, Саутеск, Киннул, лордов Ситон, Нэпир и других украшает окно Монтроза в эдинбургском кафедральном соборе Св. Джайлса¹⁸.

Поддержка роялистов в гражданских войнах подорвала благополучие семейства. В 1646 г. владения Морфи были разорены, замок ограблен и разрушен. Кромвелевский акт о помиловании 5 мая 1654 г. обязывал сэра Роберта заплатить крупную сумму 1000 фунтов штрафа, столько же, сколько внесли в казну графы Кинкардин и Кингхорн, лорды Элфинстон, Бойд, Роллок, Купер.

5 января 1628 г. сэр Роберт (IV) подписал брачный контракт с Мери, дочерью Александра Ирвина оф Драм (Irvine of Drum)¹⁹. Их старший сын Роберт (V), 11-й лэрд, наследовал обремененные долгами владения, в 1682–1683 гг. состоя адъютантом (aide-major) младшего брата своей супруги Маргарет, знаменитого полководца Джона Грэма оф Клэверхауса, с 1688 г. 1-го виконта Данди (John Graham of Claverhouse, 1st Viscount Dundee, 1648–1689)²⁰.

Второй сын Генри, выручая полковника Скотта, был тяжело ранен в 1674 г. в потасовке на одной из улиц Парижа²¹.

Третий сын Дэвид Уильям предпочел отправиться в Россию.

Родившись около 1639 года²², когда делам сопутствовал порядок, позволявший кредитовать соседей и приобретать новые земли, по мере взросления Дэвид столкнулся с проблемами, вызванными обострением финансового кризиса семейства. «Вотчина: двенадцать або тринадцать тысяч фунтов серебром долгу, пятеро братьев единокровных да две сестры на выданье, и все эти расходы оплачивать из шести сотен фунтов серебром в пору, когда кругом войны и грабежи против граждан честных, отец же мой унаследовал богатства для поддержания одного себя и то в мирное время»²³ –

писал сэр Томас Архарт оф Кромарти (1611–1660), подобно Грэмам оказавшись проигравшим роялистом.

«Один из братьев», к тому же младший, он должен был сам заботиться о будущем. Профессия военного считалась достойным дворянина способом преуспеть. Согласно показаниям Грэма, для начала шотландец предпочел шведскую армию, в 1657–1660 гг. воевавшую с Данией и большинством соседей²⁴. К этому времени в Швеции находилось множество его земляков, включая командира Патрика Гордона (1655), губернатора Ревеля (1681) и Крунуберга (1685), генерал-лейтенанта, графа (с 1687 г.) Роберта Юхансона Лихтона (Robert Lichton, 1631–1692), чей предок Джон еще в XVI в. женился на «Маргарет Грэм, дочери барона Грэма оф Морфи»²⁵.

Последовавшая затем двухлетняя служба «королю Гиспанскому против короля Фронцужского» скорее всего проходила в Южных Нидерландах, гарнизоны которых страдали от хронической задержки жалования.

Поскольку ратное ремесло не гарантировало доход, его дополнило ремесло коммерческое. 28 февраля 1666 г. регистр учеников (подмастерьев) шотландской столицы упоминает «Дэвида Грэма, сына сэра Роберта Грэма оф Морфи» среди помощников эдинбургского купца Джорджа Сатти (ум. 1677)²⁶.

Насколько длительным было сотрудничество, неизвестно. Только в том же 1666 г. «David Wilhelm Graham» оказался в крупном центре шведской Померании Грейфсвальде²⁷. Если для него это был транзитный порт, показания, что он помогал «Яну Казимиру королю польскому против бунтовщиков» могли означать как участие в подавлении казацких выступлений начала 60-х гг., так и бои с рокошанами Любомирского летом 1666 г.

Между тем семейные дела продолжали ухудшаться. Фамильный замок стоял в запустении. Остатки стен, рвов, подъемного моста сохранялись до 1845 г., исчезнув со следами фундамента около 1863 г. К 70-м гг. XVII в. положение 11-го лэрда было отчаянным. Как неплатежеспособный должник весной 1675 г. он угодил в абердинскую тюрьму (Tolbooth of Aberdeen), а среди имен длинного перечня кредиторов встречается «Дэвид Грэм, его брат», требовавший возвращения 1000 фунтов²⁸.

Стремясь спасти остатки состояния, 15 февраля 1673 г. Дэвид Грэм от имени брата Александра и сестры Хелен подал иск, требуя от старшего брата Роберта, лэрда Морфи, выплаты 25 000 шотландских

марок, полагававшихся согласно завещанию отца младшим детям²⁹. Положительное решение вопроса содействовало ограждению части владений от взысканий других кредиторов³⁰.

Судебные тяжбы стоили дорого. 8 августа 1698 г., незадолго до смерти, лэрд Роберт (V) заботясь о содержании супруги, с горечью писал, что если бы знал, насколько долги отца и деда превышают полученное наследство, отказался бы его принять³¹.

Различные британские документы хранят молчание относительно титулов будущего военачальника, именуемого сыном или братом владельцев Морфи. Откуда же взялся «граф»?!

Не найдя применения талантам дома, Дэвид Уильям отправился на континент, ожидая содействия многочисленных земляков и родственников. Его мать леди Мери Ирвин³² доводилась племянницей Маргарет Ирвин, в замужестве Мензис оф Питфоделс (Menzies of Pitfodels), бабки Пола Мензиса, что делало царских генералов «Менезия» и «Граама» троюродными братьями. Другая Мери Ирвин (внучатая племянница первой) 23 июля 1679 г. стала супругой Патрика Лесли, 15-го лэрда Балкуэйна (Leslie of Balquhain), младшего брата фельдмаршала (с 1683) Священной Римской империи графа Джеймса (Якоба) Лесли, а затем также имперского графа³³.

В 1675 г. Грэм занимает должность полковника в армии баварского курфюрста Фердинанда Марии (Ferdinand Maria von Bayern, 1636–1679, правил с 1651), начав именоваться «Oberst David Wilhelm Grafen von Graham» – «полковник Давид Вильгельм граф фон Грахам»³⁴. Реформируя вооруженные силы, курфюрст проводил осторожную политику, отличался бережливостью, скромностью, избегал лишних войн, вследствие чего получить вакансию в его войсках было трудно. Можно было без ожидания назначения купить патент полковника, только для этого требовались деньги, что с учетом финансовых возможностей Грэмов представляло проблему. Поэтому без влияния сановных заступников не обошлось.

Согласно штатному расписанию «регимента графа фон Грахама» («Regiment Obrist Graf Graham») 1675 г., сам полковник командовал 1-й ротой, ему подчинялись подполковник Рицль (Rizl), обервахтмейстер Сент-Андре (St. André), капитан Приор (Prior), квартировавшие в баварских городках Кельхайм, Пфаффенхофен, Шонгау, Штраубинг (Kelheim, Pfaffenhofen an der Ilm, Schongau, Straubing)³⁵. Среди полковых командиров курфюрста 70-х гг. XVII в.

были маркиз д'Аркур, графы Берло де Кокье, де Монфор, д'Арко (Karl Marquis Haraucourt und Falkenberg, Johann Adolf Graf Berlo de Coquier, Anton Graf von Monfort, Prosper Maximilian Graf von Arch), и другие аристократы французского, нидерландского, немецкого, итальянского происхождения.

Оказавшись в достойной компании, шотландец решил закрепиться на новом месте. Осенью 1676 г. в Аугсбурге он женился на Марии Терезии Леопольд, взяв богатое приданое. Спустя двенадцать лет, 17 июля 1689 г. император Леопольд написал царям Ивану и Петру Алексеевичам: «Нам, советником и вышнего нашего двора правителя и святого государства верного и любимого Колмана Кегра фон Лаээнгажена Томаса Леопольда, первоначального некогда града нашего государственного Аушпурга синдика, и Анны Барбары Релингерини дочь, купно ж протчими сродники своими, не с малою болезнию жалуясь объявила, что сестра ея Марья Терезия, которая за некотораго ирлянского дворянина, за Дэвида Вильгельма фон Грагема, некогда светлейшего курфюрстера Баварского, сестрина сына, любительнейшаго полковника у пехоты, лета 1676 замуж вышла, к такой бедности пришла, что когда реченный муж все ея имения на 15 000 златых изнурил, ее после дву годов, сице лета 1678, с двумя детьми, под трудным отягчением долгов сетующую, оставил и к Москве поехав, под знамени светлостей Ваших, яко вышних стражей начальник (генерал-маеор), 6000 немецких воинов управляет...»³⁶. Затеяливость русского перевода императорской грамоты требует комментария. Любезное содействие немецких коллег Райнхарда Фречнера из Мюнхена – Регенсбурга и Михаэля Крамера-Фюртига из Аугсбурга (Reinhard Frötschner, Osteuropa-Institut Regensburg; Michael Cramer-Fürtig, Stadtarchiv Augsburg) позволило уточнить детали.

Из текста можно понять, что фраза «некогда светлейшего курфюрстера Баварского, сестрина сына» относится к Грэму, хотя в действительности речь идет о самом курфюрсте Фердинанде Марии, матерью которого была эрцгерцогиня Мария Анна Австрийская (1610–1665), дочь императора Фердинанда II Габсбурга.

Бракосочетание Дэвида Уильяма и Марии Терезии состоялось 16 ноября 1676 г.³⁷ Причем 15 ноября 1676 г. «в отсутствие жениха» невеста сама заплатила 15 гульденов свадебных пошлин.

Ее отец Томас Леопольд (Thomas Leopold) исполнял обязанности городского советника Аугсбурга и секретаря графа Фуггера,

скончавшись в 1667 г. Гораздо большей знатностью пользовалась мать невесты, Анна Барбара, принадлежавшая известному с XIII в. аугсбургскому патрицианскому роду Релингер (Rehlinger, Relingen, Rehlingen), родственному Паппенхеймам, Фуггерам, Имхофам³⁸.

Имперский рыцарь Колман Геггер фон Левенегг (Colman Gögger von Löwenegg) был мужем второй дочери Томаса Леопольда Анны Марии, занимая место старшего квартирмейстера (kaiserlicher Rath und Ober-Hof-Quartiermeiffer) Венского двора; именно он мог инициировать обращение к властям России за помощью, дождавшись невнятного отклика.

26 мая 1679 г. скончался курфюрст Фердинанд Мария. А уже 23 октября того же года баварскую службу покинул полковник «Давид Вильгельм граф фон Грахам», сдавший часть новому командиру Вильгельму Белтину³⁹. За этим последовало кратковременное возвращение в Шотландию, обсуждение очередных дел с братом, и, наконец, странная поездка в Россию. Трудно представить, чтобы стоимость «общего наследства» сильно превышала расходы на дорогу от Абердина до Москвы и обратно.

Дэвид Уильям Грэм принадлежал древнему рыцарскому роду, был сыном и внуком лэрда, имел множество знатных родственников, обладал даром убеждения, вкусом, фантазией, пользовался доверенностью земляков, свободно ориентировался в меняющейся обстановке, применяя ее для личных целей. Вместе с тем есть основания считать самозванным графский титул иноземца. Предположения, что он его получил от императора Леопольда I, королей Испании, Швеции или курфюрста Баварии, не находят подтверждения, опровергаясь самим Грэмом, называвшимся «графом шкоцкие земли», «Грав-де-Грон-Морфийским, которое графство в шкоцкой земле», «шкоцкие земли граф» и подобным образом⁴⁰. На родине подписи были куда скромнее. Как младший наследник, он даже не мог считаться «бароном», учитывая, что его старший брат, лэрд Роберт, умер позднее.

В любом случае графом шотландец стал до пересечения русской границы. Цесарские рекомендации только подтверждали этот факт. Заметим, прибывший в Россию в 1642 г. мнимый граф Маттиас Шляков-Чешский также запаса свидетельствами еще в Европе, включая подтверждавшую «породу» рекомендацию датского короля Кристиана IV⁴¹, снимавшую с Москвы упреки в излишней доверчивости.

Служившие в России шотландцы поддержали версию Грэма, выступавшего знатным челобитчиком, просившим власти разрешить строительство католического храма⁴². Владевший именем в той же части Шотландии, что и лэрды Морфи, генерал Патрик Гордон называет в дневнике Дэвида Уильяма «лордом» или «графом», используя произвольно английский, французский, немецкий варианты (Lord, Graffe, Conte)⁴³. Заблуждение могло объясняться добрыми побуждениями. Писал же полный патриотизма сэр Томас Архарт оф Кромарти (1611–1660) о современнике и земляке Уолтере Лесли (1607–1667) как маркизе, хотя тот был пожалован «всего лишь» имперским графом⁴⁴. В начале XX в. сходным образом поступил английский историк Генри Массюэ де Рювеньи (1868–1921), присвоивший несуществующий немецкий титул полковнику Джону Гордону Эгерскому⁴⁵.

Официальные родословные называют капитана Фрэнсиса Грэма, 12-го лэрда Морфи (ум. 1743/1744), сыном Роберта, 11-го лэрда, и «твердой духом в несчастьях» леди Маргарет⁴⁶. Генеалогия Грэмов запутанна, полна лакун, компенсируемых ошибками⁴⁷. В петиции 1698 г., стараясь обеспечить супругу после своей смерти защищенными от взыскания долгов 20 000 шотландских марок, сэр Роберт подозрительно умалчивает о детях. В то же время, брошенного на произвол судьбы в Аугсбурге сына Дэвида Уильяма звали Фрэнсис. Допустимо совпадение. Взаимоотношения между братьями Робертом и Дэвидом сложно назвать идиллическими. Но может быть растраченные 15 000 золотых Марии Терезии помогли частично оздоровить финансы старшего Морфи, в обмен передавшего наследственные поместные права Дэвиду и его потомкам?!

Согласно преданию, однажды храбрый барон Грэм поймал и обуздал водяного духа келпи (kelpie), явившегося в конском облике, заставив его таскать камни для строительства замка Морфи. Хорошо изучившие повадки зверя говорили: ни в коем случае нельзя снимать уздечку, иначе он вырвется на волю. Не знаяшая об этом служанка, зайдя в конюшню, увидела измученную долгой работой лошадь, из жалости сняв уздечку и положив перед ней еду. Келпи тотчас сорвался, громко расхохотался и исчез, без следов пройдя через дальнюю стену конюшни. Перед тем как скрыться в омуте Поннедж, он несколько раз прокричал: «Sair back, and sair banes, // Drivin' the Laird o' Morphie's stanes! // The Laird o' Marphie'll never thrive // As lang's the Kelpie is alive!» (Спина болит и кости

болят, натаскавшись камней лэрда Морфи! Не будет лэрду Морфи покоя, пока келпи жив!). После этого баронов Морфи стали преследовать невзгоды, их замок разрушился, а прямой род пресекался в середине XVIII в.⁴⁸

Конечно, долгие скитания Дэвида Уильяма по европейским странам, приведшие его в Россию, можно объяснить кознями келпи. Шотландцы XVII в. нередко приписывали состоявшим на царской службе землякам потусторонние связи, как это было с генералом Томасом Далйеллом (1615–1685), по мнению враждебных ковенантеров, несомненно демонической личности, или генерал-фельдцейхмейстером Джеймсом (Яковом) Брюсом (1669–1735), ославленным чернокнижником и магом.

Придерживаясь исторической объективности и строгой научности, мы исходили из других принципов, вполне согласных с родовым девизом Грэмов оф Морфи – «Ne oublie» – «Не забывай»⁴⁹.

¹ Дело Д.У. Грэма хранится в Российском государственном архиве древних актов // РГАДА. Ф. 150. Оп. 1., 1679, № 2. Частично оно опубликовано Н.В. Чарыковым. Здесь и далее цитируем по: Чарыков Н.В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637–1694). СПб., 1906. С. 423–425.

² Подробнее см.: Ноздрин О.Я. Кавалеры и генералы. Дело о царском полководце и шести тысячах золотых // Родина. 2006. № 11. С. 94–96.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. XI. М., 1961. С. 173.

⁴ Как отмечал Н.В. Чарыков, рассматривавший высылку Граама (Грэма) в контексте интриг против Павла Менезия, игнорирование указа «было возможно только при условии хотя бы доверительного соизволения самого государя на отсрочку приведения его воли в исполнение... Сильна же должна быть протекция Менезия и его покровителей, коль скоро она могла защитить Граама от последствий вполне незаконного поступка, да еще в ту пору, когда время Нарышкиных приближалось, но еще не пришло». Чарыков Н.В. Посольство... С. 584. С другой стороны, нельзя исключать безалаберность иноземца и волокиту приказных людей, исполнявших решение слуга рукава.

⁵ Чарыков Н.В. Посольство... С. 587.

⁶ Ко времени Азовских походов 1695–1696 гг. как минимум четверо иноземцев были полковниками 16 лет, трое 17 лет, трое 22 года, по одному 28 и 36 лет. См.: Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII веке. (Очерки из истории военного дела в России). СПб., 1899. С. 41–42.

⁷ Чарыков Н.В. Посольство... С. 591.

⁸ Чарыков Н.В. Посольство... С. 427.

⁹ Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. Т. VI. СПб., 1862. С. 753–754.

¹⁰ Чарыков Н.В. Посольство... С. 578 и далее.

¹¹ Murdoch S. Network North. Scottish Kin, Commercial and Covert Associations in Northern Europe 1603–1746. Leiden, 2006. P. 103. Составленное С. Мэрдоком, А. Грожан и Д. Дэвидсоном собрание биографий шотландцев континентальной Европы XV–XVIII вв. указывает: «David Graham was the first count in Russian service, though the origin of his title is unclear. Alias Baron of Morphie...» См.: Murdoch S., Grosjean A., Davidson D. SSNE Database, Archive and Web Portal. (Institute of Scottish Historical Research, University of St Andrews).

¹² Paul J.B. The Scots peerage. Vol. VI. Edinburgh, 1909. С. 213, 224, 248.

¹³ Robertson W. An Index draw up about the year 1629, of many Records of Charters, granted by the different Sovereigns of Scotland between the year 1309 and 1413... Edinburgh, 1798. P. 148.

¹⁴ См.: «Inventory of the writs and evidents of the lands and barony of Morphie» от 24 мая 1677 г., в собрании документов рода Грэм оф Морфи Специальной коллекции университетской библиотеки Сент-Эндрюса. University of St. Andrews. Spesial Collections. Graham of Morphie papers, msdep 115/1/20. 24 may 1677.

¹⁵ Foster J. Members of Parliament, Scotland, including the minor barons, the commissioners for the shires, and the commissioners for the burges. 1357–1882. London, 1882. P. 156.

¹⁶ Брачные контракты датированы 15, 16 и 20 октября 1599 г. См.: Fraser W. History of the Carnegies, Earls of Southesk, and of Their Kindred. Vol. I. Edinburgh, 1867. P. 65–66; Burke B. Genealogical and Heraldic Dictionary of the Peerage and Baronetage of the British Empire. London, 1865. P. 1033.

¹⁷ The Register of the Privy Council of Scotland / Ed. by H. Broun. 2nd Series. Vol. VII. A.D. 1638–1643. Edinburgh, 1906. P. 77, 143, 144, 180, 192–210, 543, 587; Graem L.G. Or and Sable. A book of the Grames and Grayams. Edinburgh, 1903. P. 110, 180, 457, 463, 627.

¹⁸ Pollak F. St. Giles' Cathedral. Stained Glass Windows. Bath, 2000. P. 12. Звезда на гербе означала младшую линию, происходящую от третьего сына родоначальника.

¹⁹ Wimberley D. A Short account of the family of Irvine of Drum in the county of Aberdeen. Inverness, 1893. P. 10.

²⁰ Napier M. Memorials and letters illustrative of the life and times of John Graham of Claverhouse, Viscount Dundee. Edinburgh, Vol. III. 1859. P. 454. Ряд родословных называет супругу 11-го лэрда Кэтрин, что, видимо, было ее вторым именем.

²¹ Burke B., Burke A.P. A Genealogical and Heraldic History of the Landed Gentry of Great Britain & Ireland. L., 1894. P. 811.

²² Условная датировка, определяемая показаниями иноземца.

²³ Вольное изложение дневника сэра Томаса Архарта см.: Грэй А. Из истории одного мира. СПб., 2003. С. 168.

²⁴ Согласно челобитной Грэма 1681 года, заявлявшего: «служил я 22 года в розных государствах», начало его военной карьеры относится к 1658/1659 гг. См.: Чарыков Н.В. Посольство... С. 427.

²⁵ Anrep G. Svenska adelns ättar-taflor utgifna. Graufelt från Dal-Mörner af Tuna. Stockholm, 1861. P. 677–678. «Назавтра мы обедали в местечке Лиманова в десяти милях от Кракова... Полком командовал ротмистр Лихтон, пока полковник и майор не возвратились из плена». Цит. по: Гордон П. Дневник. 1635–1659 / Пер. Д.Г. Федосова. М., 2000. С. 52.

²⁶ «Graham, David, son to Sir Robert G., of Morphie, with George Suttie, merchant

28 Feb. 1666». Op. cit.: The Register of Apprentices of the City of Edinburgh, 1583–1666. Edinburgh, 1906. P. 73. Джордж Сатти с 1665 г. бэйли Эдинбурга (член городского магистрата).

²⁷ Bethe M. Die Schottische Kompagnie in Greifswald 1590–1676 // Unser Pommerland. Monatszeitschrift für das Kulturleben der Heimat. 20. Jg. 1935. S. 335–336.

²⁸ Aberdeen Council Letters. Vol. V. 1670–1675. Oxford, 1957. P. 428. Роберт Грэм оф Морфи арестован 31 марта 1675 г., освободившись благодаря заступничеству короны после частичной компенсации кредиторам их расходов.

²⁹ Обстоятельства изложены: David Graham against His Brother, the Laird of Morphie // The Decisions of the Court of Session. Vol. V. Edinburgh, 1802. С. 4100–4102. Поскольку иск подавался в интересах 6 младших наследников, себе Дэвид требовал 5000 шотландских марок.

³⁰ Решение Лордов от 7 июля 1673 г. см: The Decisions of the Court of Session. Vol. VI. (XI–XII). Edinburgh, 1811. С. 4305–4306.–1701.

³¹ The Acts of the Parliaments of Scotland. Vol. X. 1696–1701. Edinburgh, 1823. P. 139–140.

³² По матери, Элизабет Ирвин, леди Мери Грэм была внучкой Уильяма Кейта, 4-го графа Маришала (Keith, 4th Earl Marischal, ум. 1581 г.), одного из ведущих магнатов двора короля Джеймса V и королевы Марии I Стюарт. Ее сестры Маргарет и Анна были супругами сэра Джорджа Огилви оф Данлагас, 1-го лорда Банфф и сэра сэра Джона Огилви оф Инверкуари соответственно; а племянник, Александр, 11-й лэрд Ирвин оф Драм, 8 ноября 1643 г. женился на Мери, дочери вождя клана Гордонов Джорджа, 2-го маркиза Хантли, что делало генерала Патрика Гордона (сына Джона Гордона оф Охлухриса и Мери Огилви) дальним родственником Грэмов оф Морфи.

³³ Wimberley D. A short account of the family of Irvine of Drum in the County of Aberdeen. Inverness, 1893. P. 10, 20; Leslie C. Pedigree of the family of Leslie of Balquhain. Wakewell, 1861. С. 14, 16. Граф Якоб Лесли (ум. 1692), с 1674 г. фельдмаршал-лейтенант, с 1683 г. генерал-фельдмаршал, занимал должности фельдцейхмейстера и президента гофкригсрата.

³⁴ Münich F. Geschichte des Königlich Bayerischen I Chevaulegers-Regiments Kaiser Alexander von Rußland. München, 1862. P. 81.

³⁵ Geschichte Des Bayerischen Heeres: Geschichte Des Kurbayerischen Heers Insbesondere Unter Kurfurst Ferdinand Maria 1651–1679. München, 1901. P. 36. В 1676 г. полк графа Грэма размещался на квартирах в Ландсберге и окрестностях. См.: Staudinger K. Das Königlich Bayerische 2. Infanterie-Regiment «Kronprinz», 1682 bis 1882: Vorgeschichte und Geschichte des Regiments unter Kurfürst Max Emanuel, 1682–1726. München, 1885. P. 37.

³⁶ Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. Т. VII. СПб., 1864. Стб. 475–476.

³⁷ «David Wilhelm Graf von Graham mit Maria Theresia Leopold» // Die Hochzeitsbücher der Augsburger Bürgerstube und Kaufleutestube. S. 240, Nr. 3218.

³⁸ Constantia Rhenana Lacus Moesii Olim, Hodie Acronii Et Potamici Metropolis, Sacra Et Profana. Ethrusca, Moesia, Harudica, Alemannica, Romana, Gallica, Teutonica, Imperialis Austriaca. Urbis longè Antiquissimæ & Nobilissimæ, cum Provincia adiacente, & Episcopatu eiusdem Nominis Germaniæ & Europæ omnium longe amplissimo Descriptio Topo-Chrono-Stemmatographica. Constantia Genealogica. Francofurti ad Mœnum, 1667. P. 32. Отцом Анны Барбары был Бернард Релингер (Bernardus

Rehlinger Duumvir Augustanus), стоявший во главе управления Аугсбургом в XVI в. Ее первым мужем был подполковник Андреас Шмидт; вторым (с 1647) Томас Леопольд.

³⁹ Münich F. *Geschichte des Königlich Bayerischen...* P. 81.

⁴⁰ Чарыков Н.В. *Посольство...* С. 424, 428–429, 481.

⁴¹ Цветаев Д.В. *Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований.* М., 1890. С. 355–358.

⁴² Обращение к царям с просьбой разрешить строительство в Москве католического храма подписали «холопы Ваши иноземцы католической веры генерал-поручик Петрушка Гордон, генерал-майор граф Давыдко Вильгельм фон-Граам, барон Морфийский, и полковники Пашка Менезиус, Гаврилко фон Шмаленберг и иных разных чинов начальные люди». См.: Цветаев Д.В. *История сооружения первого костела в Москве.* М., 1886. С. 28.

⁴³ Гордон П. *Дневник. 1684–1689 / Пер. Д.Г. Федорова.* М., 2009. С. 47, 66, 280, 284.

⁴⁴ *The Works of Sir Thomas Urquhart of Cromarty, Knight.* Edinburgh, 1834. P. 216.

⁴⁵ Melville H. Ruvigny, Melville Henry Massue, marquis de Ruvigny. *The Nobilities of Europe.* London, 1909.

⁴⁶ Burke В., Burke А.Р. *A Genealogical and Heraldic History...* P. 811.

⁴⁷ Достаточно назвать Эндрю Грэма, епископа Данбланского 1573/5–1603 гг., которого не могут поделить между младшими сыновьями Монтроза и Морфи, путаницу в последовательности сэров Робертов, или леди Эгидию Дуглас, объявляемую вместо Роберта дочерью Джона Грэма оф Морфи. См.: Fleming D.H. *The Reformation in Scotland: Causes, Characteristics, Consequences.* L., 1910. P. 389; Hume of Godscroft's D. *The History of the House of Angus / Ed. By D. Reid. Vol. II.* Edinburgh, 2005. P. 417.

⁴⁸ Chambers R. *The Popular Rhymes of Scotland, with Illustrations, Collected from Tradition.* Edinburgh, 1826. P. 164. Briggs K.M. *The Fairies in Tradition and Literature.* L., 2002. P. 84–85. Douglas G. *Scottish Fairy and Folk Tales.* London, 2010. P. 202.

⁴⁹ Deuchar A. *British Crests: Containing The Creats And Mottos Of The Families of Great Britain and Ireland Together with Those Of The Principal Cities; And A Glossary of Heraldic Terms.* Vol. I. Edinburgh, 1817. P. 130.

Вс.Н. Образцов (Санкт-Петербург)

ЖАЛОВАННЫЕ САБЛИ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА. ОБЗОР КОМПЛЕКСА

ОДНИМ из крайне интересных комплексов оружия в собрании Арсенала Государственного Эрмитажа является коллекция жалованных сабель XVIII–XIX вв.

Данный вид оружия, в отличие от «классического» наградного, к сожалению, не часто привлекает к себе внимание исследователей. Наиболее полно вопросы, в той или иной степени связанные с его особенностями, рассмотрены в статье И.Я. Абрамзона «Наградное и жалованное оружие России XVII–XVIII вв.»¹ и труде В.А. Дурова «Русское наградное оружие»², в котором интересующему нас предмету посвящена отдельная глава, где приведены ценные сведения об истории и традициях награждения жалованным оружием. Однако существенным недостатком данного экскурса следует считать тот факт, что автор не рассматривает оружейную сторону вопроса, главным образом сосредоточившись на рассказе о владельцах рассматриваемых им предметов.

Из других работ по данной проблематике следует упомянуть ряд статей в сборнике ГИМ «Именное и художественное холодное оружие XVII–XIX вв.» 1956 г., объединенных «публикационным» характером³.

Отдельно стоит упомянуть исследования в этой области научного сотрудника Эрмитажа Ю.А. Миллера. К сожалению, его труды остались неопубликованными⁴, однако выводы заслуживают самого пристального внимания. Среди прочего Ю.А. Миллером была проделана значительная работа по выявлению комплексов жалованного оружия не только в Эрмитаже, но и в других музеях России и бывшего СССР и некоторых зарубежных частных собраниях.

Жалованные сабли представлены в коллекциях многих российских музеев, в частности в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, в музеях Московского Кремля, в Ульяновском краеведческом музее и некоторых других. Наиболее крупными комплексами располагают Государственный исторический музей, Музей истории донского казачества в Новочеркасске и Государственный Эрмитаж.

Отдельные сабли из собрания ГИМ были опубликованы в уже упоминавшихся выше статьях, целиком комплекс в виде краткого каталога (без изображений) был опубликован в статье И.Я. Абрамзона⁵; часть коллекции жалованных сабель МИДК (вместе с аналогичными предметами из ГИМ) рассмотрена в вышеупомянутой работе В.А. Дурова⁶. Эрмитажный же комплекс (за исключением 5 предметов, опубликованных Э.Э. Ленцем в «Указателе отделения Средних веков и эпохи Возрождения»⁷) до сих пор оставался неизвестным. Однако прежде чем перейти к его краткому обзору, необходимо остановиться на некоторых существенных теоретических вопросах.

Итак, какой же вид холодного наградного оружия можно отнести к категории жалованных сабель?

Главным признаком жалованной сабли является наличие развернутой надписи на клинке, содержащей имя ее владельца, имя монарха, пожаловавшего данную саблю, дату пожалования и в той или иной степени развернутую характеристику деяний, за которые пожалована сабля.

И.Я. Абрамзон относил к жалованным лишь те сабли, в надписи на клинках которых упомянута станичная служба. Сабли же, выданные за «многия и верныя службы», а также за заслуги в конкретных боевых операциях, он относит к категории наградного оружия⁸. Однако это мнение разделяют не все исследователи. В.А. Дуров, например, объединяет эти две категории в одну⁹. Этой же точки зрения придерживался и Ю.А. Миллер. Удачным представляется предложенное В.А. Дуровым определение, согласно которому жалованная сабля является особым видом наградного оружия для иррегулярных войск, в первую очередь казачества¹⁰, и представителей национальных меньшинств Российской империи.

Также весьма существенным при рассмотрении жалованных сабель является вопрос терминологии. Следует отметить некоторую условность данного термина, так как среди холодного жалованного

оружия встречаются не только сабли, но и некоторые другие типы длинноклинкавого оружия, в первую очередь шашки. Эта противоречивость хорошо отражена в эрмитажном собрании жалованного оружия.

Всего в Арсенале Эрмитажа хранится 14 предметов, относящихся к категории жалованных сабель. Из них 3 относятся к царствованию Анны Иоанновны (самая ранняя датируется 1734 г.), по 5 – к периодам правления Елизаветы Петровны и Екатерины II, и одна – ко времени царствования Николая I (датирована 1851 г.). 13 сабель были пожалованы казакам (8 – Войска Донского, 2 – Волжского, 2 – Яицкого, 1 – без указания войска), 1 – представителю инородческой знати. В надписях большинства сабель (12) содержится стандартная для таких случаев формулировка с объяснением причин пожалования: «за многие и верные службы», причем 8 из них содержат указания на участие в «зимовых» и «лехких» станциях. Еще одна сабля не имеет указаний на причины пожалования, и последняя пожалована киргис-кайсацкому (казахскому) правителю Нур-Али при возведении его в ханы.

Типологически комплекс представлен клинками ближневосточного (османского) происхождения, встречаются также клинки европейской (польской) и русской работы. При этом 4 сабли представляют собой случаи монтировки клинков XVII–XVIII вв. в оправу XIX в.

На всех саблях, кроме сабли Нур-Али хана, надписи расположены только с одной, лицевой, стороны клинка, либо вдоль него, либо поперек. При поперечном размещении текст иногда заключен в картуш с фигурным завершением.

В большинстве случаев (11 из 14) надписи выполнены в технике золотой или серебряной насечки. При этом встречается два способа насечки – с подготовкой штрихового фона под каждую букву или целиком всего участка клинка под надпись. Еще три надписи выполнены простой резьбой без дальнейшей инкрустации.

Подавляющее большинство надписей выполнено гражданским шрифтом 1708 г., однако в ряде случаев встречаются отдельные буквы старославянского алфавита. Это относится к написанию таких букв как «в», «л», «р» и некоторых других.

Структура надписей, как уже было отмечено выше, относительно стабильна. Это, как правило, твердая формулировка, начинающаяся с титулатуры и имени монарха, далее указывается имя и

звание награжденного лица, а также лица, каким-либо образом причастного к награждаемому, далее следует обоснование пожалования и завершает надпись место и дата пожалования. Различия в надписях наблюдаются в основном в степени развернутости титулатуры монарха.

Традиционность жалованных надписей И.Я. Абрамзон объясняет следующей гипотезой: как и серебряные ковши, еще один распространенный вид поощрения казачества, сабли необходимо было предъявлять в Московскую военную кантору, где на них и наносились надписи в соответствии с указом о пожаловании¹¹.

К сожалению, рамки данного сообщения не позволяют нам в полной мере представить эрмитажный комплекс жалованного оружия, поэтому ниже будет рассмотрено 5 наиболее примечательных на наш взгляд предметов, представляющих различные периоды в истории традиции жалования холодным оружием.

Как уже было отмечено выше, самая ранняя сабля датируется 1734 г. (рис. 1). Она может быть отнесена к категории кыльчей (по типологии, предложенной в 1953 г. в своей диссертации Ю.А. Миллером и использованной Э.Г. Аствацатурян в своей монографии 2002 г.¹²). Рукоять сабли вырезана из светлого рога, клинок с елмantly выкован из булата весьма высокого качества. Общая длина сабли – 100,5 см, длина клинка – 85,7 см, ширина у пяты – 3,5 см.

Правая сторона клинка сохранила оригинальный декор, выполненный в технике насечки золотом. У пяты выложено изображение фестончатой арки, заканчивающейся сложным медальоном. Справа

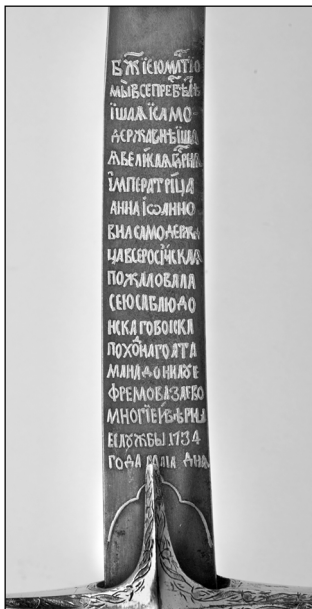

Рис. 1. Жалованная сабля Д.Е. Ефремова (Донское казачье войско). Турция (Османский период), 1730–1734. Инв. № В.О.-163

и слева от арки помещено по цветку тюльпана. Выше расположены изображения полумесяца, 15 шестиконечных звезд и несколько арабских надписей, две из которых помещены в картуши, а одна расположена вдоль клинка. Надписи следующего содержания (снизу вверх): «Я уповаю на Бога», «О, Царь Царей», пять раз «О, Аллах» и вдоль клинка «Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!» (начало 61-й суры) и «Помощь от Аллаха и близкая победа» (сура 61, аят 13).

На левой стороне поперек клинка в 18 строк золотой насечкой выполнена надпись на русском языке (рис. 2): «БЖІЕЮ МЛТІЮ МЫ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШАЯ І САМОДЕРЖАВНЕЙШАЯ ВЕЛИКАЯ ГДРНЯ ІМПЕРАТРИЦА АННА ІОАННОВНА САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ ПОЖАЛОВАЛИ СЕЮ САБЛІЮ ДОНСКАГО ВОЙСКА ПОХО(Д)НАГО АТАМАНА ДОНІЛУ ЕФРЕМОВА ЗА ЕВО МНОГІЯ И ВЕРНЫЯ СЛУЖБЫ 1734 ГОДА МАІА ДНЯ». При этом в надписи допущена ошибка: в слове «походного» пропущена буква «д», «надписанная» сверху. Крест, соединительная полоса и прибор ножен с портупей, обтянутых красным бархатом, выполнены из золоченого серебра. В верхней части наконечника ножен имеется тугра султана Махмуда I (1730–1754). Таким образом, сабля датируется достаточно точно – периодом между 1730 и 1734 гг. Сабля поступила в Эрмитаж в 1886 г. из Царскосельского Арсенала.

Данила Ефремович Ефремов был пожалован в атаманы грамотой Анны Ивановны 17 марта 1738 г.: «Пожаловали мы войска Донского старшину Данилу Ефремова, за долговременные и ревностные его нам и предкам нашим службы, ко оному войску Донскому настоящим Войсковым Атаманом»¹³. В 1734 же году он был назначен походным атаманом в Низовом корпусе, где находился с 1727 г.

**Рис. 2. Жалованная сабля Д.Е. Ефремова.
Жалованная надпись**

В настоящее время документальных подтверждений жалования старшины Ефремова саблей не обнаружено. Однако среди документов, относящихся к истории Донского войска, опубликованных А.А. Лишиным в 1894 г., имеется грамота, данная Анной Иоанновной от 11 июня 1734 г. В этом документе имеются следующие сведения: «Минувшего мая 30 дня, сего 1734 году, в нашем... указе... писано: мая 24 дня, по нашему, императорского величества, указу, подписанному... на прошении войска Донского походного атамана Данила Ефремова, велено ему, Ефремову, за службы его дать в награждение 400 рублей»¹⁴. Таким образом, можно предположить, что сабля была приобретена Данилой Ефремовым из наградных средств. Это предположение отчасти позволяет объяснить отсутствие точной даты в жалованной надписи на клинке: грамота о назначении денег ссылается на два указа – от 24 и 30 мая, и заказчик или исполнитель надписи не смог определиться, к какому именно числу «привязать» желаемое пожалование саблей.

Представленная шашка (рис. 3) относится к времени правления императрицы Елизаветы Петровны, к Волжскому казачьему войску, существовавшему с 1723 по 1776 гг. Общая длина шашки – 87,8 см, длина клинка – 73 см, ширина у пяты – 3,1 см. Рукоять и ножны относятся к XIX в., клинок слабоизогнутый, без долов. По-видимому, для удобства именно шашечного применения сабельный клинок был подвергнут серьезной переделке. Это хорошо видно при рассмотрении клинка с обуха: его резкое сужение в нижней трети свидетельствует о бывшей некогда елмани. В результате этой переделки установить первоначальное происхождение клинка затруднительно. Тем не менее, наличие елмани позволяет с некоторой

Рис. 3. Жалованная сабля Д.Н. Чередникова (Волжское казачье войско). Клинок: Турция (Османский период), XVII в. Оправа: Россия, Санкт-Петербург, 1896–1908. Инв. № В.О.-3809

долей уверенности опровергнуть иранское происхождение клинка, а общая его геометрия, т. е. значительная длина и плавный изгиб, вызывает ассоциации с турецкими саблями типа клих XVII в. (типология Миллера–Аствацатурян).

Вдоль клинка в три строки вырезана надпись (рис. 4): «БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ МЫ ЕЛИСАВЕТЬ ПЕРВАЯ ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ ПОЖАЛОВАЛИ СЕЮ САБЛЕЮ ЗИМОВОЙ СТАНИЦЫ КАЗАКА ДМИТРЕЯ НИКИТИНА СНА ЧЕРЕДНИКОВА ЗА ЕВО ВЕРНЫЯ СЛУЖБЫ ПРИ АТАМАНЕ АНДРЕЕ ПЕРСИДСКОМЪ В САНКТЪ ПЕТЕРБУРХЕ 1760 ГОДУ ОКТЯБРЯ 13 ДНЯ». Как видим, в надписи не указано, к какому именно войску относился казак Дмитрий Чередников. Однако помощь в атрибуции нам оказало упоминание имени Андрея Персидского, сына войскового атамана Волжского войска Макара Персидского.

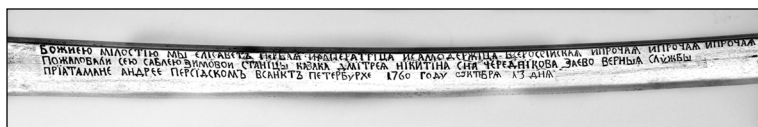

Рис. 4. Жалованная сабля Д.Н. Чередникова. Жалованная надпись

Следует отметить, что надпись была именно вырезана, а не насечена или инкрустирована, так как в этом случае, даже при учете многократных чисток, частицы инкрустированного металла должны были бы сохраниться.

В дальнейшем, как уже было отмечено, сабля была перемонтирована в шашку кавказского образца. Рукоять серебряная с растительным орнаментом чернью. Ножны обтянуты черной кожей, прибор (устье, две обоймицы, наконечник) серебряный, с таким же, как и на рукояти, узором. Портупея выполнена из черной кожи, набор серебряный, с аналогичным узором. С обратной стороны устья чернью выполнена надпись: «С.Е.И.В.К. (Собственный Его Императорского Величества Конвой. – *Вс. О.*) Ур. (урядник. – *Вс. О.*) Черниковъ Леб. гов. 4^й Тер. Каз. сотни (Лейб-гвардии (?) 4^й Терской Казачьей сотни. – *Вс. О.*)». Надпись не могла быть выполнена ранее 1891 г., так как до этого Терские казачьи сотни Собственного Его Императорского Величества Конвоя именовались эскадронами.

Однако обнаруженные на приборе ножен клейма еще более сузили диапазон дат если не перемонтировки клинка на шашку, то производства как минимум серебряной оправы рассматриваемого предмета. С обратной стороны устья ножен имеются два клейма: пробирера («МИ») и Петербургского пробирного управления: женская голова в кокошнике профиль влево, слева цифры пробы – 84, справа инициалы управляющего округом Якова Ляпунова. Таким образом, можно довольно точно датировать весь серебряный прибор шашки (близость орнаментов на рукояти шашки и оправе ножен и перевязи позволяет говорить о одновременном их изготовлении) – между 1896 г. (год введения пробирного клейма в описанном виде) и 1908 г., когда клеймо было изменено: профиль развернут вправо, цифровое обозначение пробы перемещено в правую часть клейма, а инициалы управляющего округом заменены на буквенное обозначение пробирного управления. Также имеются клейма на обоймицах: уже упоминавшееся клеймо пробирера «МИ» и нечитаемое круглое, по-видимому, принадлежащее мастеру.

Благодаря клейму Петербургского пробирного управления можно предположить, что серебряная оправа шашки, равно как и ее декорировка чернью, были выполнены мастером кавказского происхождения именно в Петербурге.

Источник поступления данного артефакта в Эрмитаж был установлен Ю.А. Миллером: в 1909 г. шашка была приобретена у казака Чередникова (весьма вероятно, потомка первого владельца) за 30 руб.¹⁵

Наивысшего расцвета традиция жалования казаков саблями достигла в царствование Екатерины II. Это подтверждается, в первую очередь, количеством сохранившихся памятников, датированных периодом 1762–1796 гг. Как и в предыдущие годы, наибольшее количество сабель было пожаловано казакам Войска Донского, хотя встречаются памятники, относящиеся к Волжскому и Яицкому казачьим войскам.

В эрмитажном собрании имеются две сабли, пожалованные казакам Яицкого войска, одна из них относится к эпохе Екатерины II (рис. 5). Сабля русской работы, однако выполнена либо на иранский манер, либо, что более вероятно, по образцу сабель киргизских и башкирских племен. Ее общая длина составляет 96 см, длина клинка – 83,5 см, ширина – 3,4 см. Клинок стальной, с обеих сторон на пяте украшен резным узором в виде плетенки и завитков.

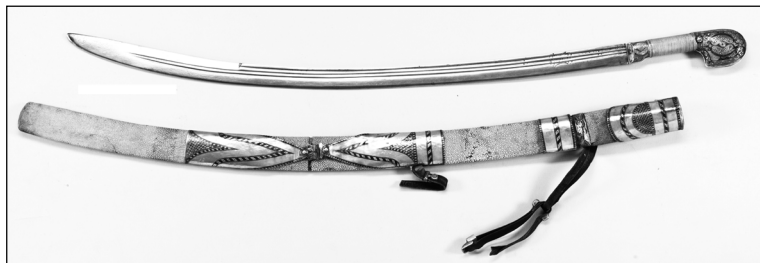
**Рис. 5. Жалованная сабля Е. Вавилина (Яицкое казачье войско).
Россия, сер. XVIII в. Инв. № 3.О.-7833**

Рис. 6. Жалованная сабля Е. Вавилина. Жалованная надпись

В трети длины от пяты вдоль обуха начинаются два смежных широких и неглубоких дола (рис. 6). Вдоль клинка в четыре строки располагается надпись, сделанная позднее нанесенного узора, так как в некоторых местах под буквами видны четкие следы черточек, завитков и т. д.: «БЖИЕЮ МЛТИЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАА И ПРОЧАА И ПРОЧАА И ПРОЧАА ПОЖАЛОВАЛИ СЕЮ САБЛЕЮ ЯИЦКАГО ВОЙСКА ЗИМОВОЙ СТАНИЦЦЫ ЕСАУЛА И СОТНИКА ЕГОРА ВАВИЛИНА ЗА ЕВО ВЕРНЫЕ СЛУЖБЫ ПРИ ВОИНСКОВОМЪ АТАМАНЕ ПЕТРЕ ТАНБОВЦОВЕ В САНКТЪПИТЕРБУРГЕ ФЕВРАЛЯ 13 ДНЯ 1769 ГОДУ». Вся надпись выполнена простой резьбой без каких-либо видимых следов инкрустации другим металлом.

Литая медная рукоять, представляющая собой единое целое с крестом с короткими отрогами, украшена резным с последующей обработкой пунсоном растительным орнаментом – ветви и виноградные кисти. В центре креста – резная 8-лепестковая розетка. Ножны оклеены коричневой кожей, прибор (устье, две обоймицы, наконечник) – латунный, с чеканными рокайлями и гравировкой. В Императорский Эрмитаж сабля поступила в 1886 г. из Царско-сельского Арсенала, куда, в свою очередь, она перешла из коллекции великого князя Михаила Павловича.

**Рис. 7. Жалованная сабля И. Курунина.
Клинок: Зап. Европа, XVIII – первая пол. XIX вв.
Оправа: сер. – вторая пол. XIX в. Инв. № В.О.-3779**

Рис. 8. Жалованная сабля И. Курунина. Жалованная надпись

Наиболее поздним предметом казачьего жалованного оружия, и не только в коллекции Эрмитажа, является шашка, датированная 1851 г. (рис. 7). Общая длина шашки – 90 см, длина клинка – 74,5 см, ширина у пяты – 2,8 см. Шашка кавказского образца, клинок европейский с елманью и тремя узкими долами, два из которых доведены до острия. На пяте клинка имеется клеймо гурда. Под долами вдоль клинка золотой насечкой выполнена надпись в одну строку (рис. 8): «Сия шашка пожалована Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наследникомъ Цесаревичемъ уряднику Ивану Курунину 26 октября 1851 году». Как мы видим, структура этой надписи сильно отличается от периода расцвета института жалования оружием, т. е. практически всего XVIII в.: акт пожалования осуществлен не правящим монархом, а наследником престола, отсутствует также указание причины пожалования. Однако наличие такой надписи дает нам основание предполагать, что традиция жалования оружием до некоторой степени сохранялась и на протяжении значительной части XIX столетия.

Рукоять рассматриваемой шашки обложена серебряным листом с позолотой. Место хвата оформлено стилизацией обмотки проволокой, головка и нижняя обоймица рукояти украшены черкесским орнаментом, выполненным гравировкой, чеканкой и

канфарением с чернью и позолотой. Ножны деревянные, обтянуты кожей ската. Серебряный прибор имитирует ранний галунный. Клинок шашки в равной степени может быть датирован как XVIII, так и XIX вв. Ножны и рукоять безусловно относятся к середине – второй половине XIX в. В пользу этого говорят, во-первых, техники, в которых выполнена орнаментация рукояти, во-вторых, материал для оклейки ножен (кожа ската) и, наконец, внешний вид прибора ножен – именно к периоду со середины XIX в. относится процесс замены галунного убора на черкесских шашках на повторяющий его форму серебряный¹⁶.

О событии, в ознаменование которого была пожалована шашка, а также о ее владельце, можно высказать предположение, нуждающееся, естественно, в дальнейшем изучении.

26 октября 1850 г. в ходе путешествия по Кавказу отряд во главе с великим князем Александром Николаевичем, будущим императором Александром II, на пути из Воздвиженской крепости в Ачхой встретил группу горцев. «Чеченцы, выстрелив по нем, бросились бежать, но были преследуемы казаками... а между тем конвой Наследника из линейных казаков... заехал им в тыл. В происшедшей схватке, начальник партии... был убит... оружие тут же поднесено Наследнику»¹⁷. За участие в этой сшибке Александр Николаевич был награжден орденом Св. Георгия IV степени.

Основываясь на дате, указанной на шашке, 26 октября 1851 г., т. е. спустя ровно год после описанных событий, мы делаем предположение, что, во-первых, урядник Иван Курунин входил в казачий отряд, сопровождавшей цесаревича Александра Николаевича в ходе его путешествия по Кавказу в 1850 г., а во-вторых, рассматриваемая шашка является трофеем, захваченным в ходе скоротечной схватки отряда великого князя с горцами.

При детальном осмотре шашки был обнаружен занятный факт. На ушах рукояти с внутренней, скрытой, стороны имеются две надписи, выполненные, насколько удалось рассмотреть, чернью: «Маия 1го» и «1865 год». Возможно, эта дата относится ко времени перемонтировки клинка на существующую ныне рукоять.

К сожалению, источник поступления данной шашки в Эрмитаж к настоящему моменту не установлен. В учетной документации музея значится с 40-х гг. XX в.

Заканчивая обзор комплекса жалованных сабель в собрании

Арсенала Эрмитажа, обратим внимание еще на один примечательный артефакт.

Известно, что оружием жаловались не только казаки за старичную службу или иные деяния, но и инородцы. Как отмечено В.А Дуровым, пожалование сабель представителям инородческой знати как знак монаршего благоволения или награда за преданность было весьма распространенным явлением¹⁸, практикуемым с начала XVIII в. Известны сабли мещерского старшины Яньша Абдулина (1742 г., собрание ГИМ), Эрали-султана (1759 г., собрание ГИМ), Эрали-хана (1791 г., собрание ММК) и другие.

В одном ряду с ними стоит сабля из собрания Эрмитажа, датируемая 1749 г. (рис. 9). Надпись на клинке гласит (рис. 10): «БЖІЕЮ МЛТІЮ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕРВАЯ ІМПРЕТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ ЖАЛУЕТЪ СЕЮ САБЛЕЮ ПОД(Д)АННОГО СВОЕГО НУРАЛИ ХАНА КИРГИСЪ КАСАЦКОГО, ПРИ УЧРЕЖДЕНІИ ЕГО В СІЕ ДОСТОИНСТВО. 26. ФЕВРАЛЯ. 1749 ГОДА». Надпись интересна тем, что при ее выполнении

Рис. 9. Жалованная сабля Нур-Али хана. Клинок: Иран, XVII в.
Оправа: Россия, не ранее 1881 г. Инв. № В.О.-4118

Рис. 10. Жалованная сабля Нур-Али хана.
Жалованная надпись на русском и арабском языках

была допущена орфографическая ошибка: слово «подданного» написано с одной буквой «д», вторая же «д» была надписана выше, над строкой. С другой стороны клинка та же надпись продублирована по-арабски, что было обычным при жаловании оружия исповедующим ислам российским вассалам.

Нур-Али хан, правитель Младшего казахского жуза (Меньшой киргис-кайсацкой орды), кочевья которого находились в зауральской степи, действительно был возведен на ханство в 1749 г., однако в 1785 г. лишен ханского звания из-за слабого управления.

Клинок сабли булатный, слабоизогнутый, с елманью. Длина – 85 см, ширина у пята – 3,8 см. С определенной долей уверенности можно предполагать иранскую работу XVII в. – об этом свидетельствуют геометрия клинка и, что немаловажно, насечка под надпись, характерного именно для персидской традиции вида. В настоящее время клинок смонтирован на рукоять казачьей пашки образца 1881 г. В верхней части рукояти выполнена надпись «ЗА ХРАБРОСТЬ». На рукояти имеется клеймо известного Санкт-Петербургского мастера В. Шаафа – двуглавый орел с надписью под ним: «Шаафъ и сыновья. С.-Петербургъ».

Точное время и источник поступления этой пашки в коллекцию Эрмитажа на данный момент не установлены, в учетной же документации она значится с 40-х гг. XX в.

Таковы наиболее примечательные предметы, входящие в комплекс жалованных сабель в собрании Государственного Эрмитажа, являющийся одним из крупнейших в России. Он, безусловно, заслуживает быть рассмотренным вместе с другими аналогичными коллекциями для более полного изучения всех вопросов, связанных с институтом жалованного оружия.

¹ Абрамзон И.Я. Наградное и жалованное оружие России XVII–XVIII вв. // Труды Государственного исторического музея. Из истории русской армии и оружия. М.: «Советская Россия», 1987. Вып. 64. С. 51–61. (Далее – Абрамзон).

² Дуров В.А. Русское наградное оружие; серия «Оружейное дело». М.: Фонд «Русские витязи», 2010. 324 с. (Далее – Дуров).

³ Соболев Н.И. Жалованные сабли атаманов волжского казачьего войска Макара Никитича и Федора Макаровича Персидских // Труды Государственного исторического музея. Памятники культуры. Вып. XIX. Именное и художественное холодное оружие XVII–XIX вв. М.: Госкультпросветиздат, 1956.

С. 11–12; Он же. Жалованная сабля мешеряцкого старшины Яньша Абдулина 1742 года // Там же. С. 13–17; Марголин С.Л. Жалованная сабля Никифора Назарова // Там же. С. 22–26; Портнов М.Э. Жалованная сабля Михаила Себрякова // Там же. С. 27–28.

⁴ Пожалуй, единственной публикацией Ю.А. Миллера на эту тему можно считать тезисы доклада, сделанного им на Второй Всесоюзной научной конференции оружейников в 1969 г.: Миллер Ю.А. Русское наградное оружие XVIII в. // Вторая Всесоюзная научная конференция оружейников. Тбилиси, 1969. С. 10–11.

⁵ Абрамзон. Наградное и жалованное оружие. С. 56–61.

⁶ Дуров. Русское наградное оружие. С. 267–315.

⁷ Ленц Э. Указатель отделения средних веков и эпохи Возрождения. Ч. I. Собрание оружия. СПб., 1908. 375 с. (Далее – Ленц). С. 280–281, 284.

⁸ Абрамзон. Наградное и жалованное оружие. С. 55.

⁹ Дуров. Русское наградное оружие. С. 267.

¹⁰ Там же. С. 267.

¹¹ Абрамзон. Наградное и жалованное оружие. С. 55.

¹² Миллер Ю.А. Художественное оформление холодного оружия в Турции в XVI–XVIII вв. Кандидатская диссертация (Ленинград, 1953); Аствацатурян Э.Г. Турецкое ружье. СПб., 2002. С. 104.

¹³ Грамота Императрицы Анны Иоанновны 1738 г. марта 17 // Материалы для истории Войска Донского (Грамоты). Новочеркасск, 1864. С. 191.

¹⁴ Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным Т. 2, ч. 1. Новочеркасск, 1894. С. 90.

¹⁵ В 2011 г. эти данные были обнаружены автором в черновиках Ю.А. Миллера.

¹⁶ Шереметьев Д.А. Несколько слов о так называемой «галунной» шашке // Лавровский сборник: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений, 2008–2009 гг. СПб., 2009. С. 206–212.

¹⁷ Русский биографический словарь: В 25 т. Т. I. СПб., 1896. С. 448.

¹⁸ Там же. С. 303–308.

Н.А. Оводков (Санкт-Петербург)

ПОРОХОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ В 1850–1870-х ГОДАХ XIX ВЕКА

В МОЕЙ ПРЕДЫДУЩЕЙ СТАТЬЕ¹ проводилось исследование сталелитейного и сталествольного производства, главный толчок в развитии которого произошел в начале 1860-х гг., когда были построены такие мощные производственные единицы, как Обуховский и Пермский заводы. Разумеется, опыты над новой ружейной сталью производились и в 1850-х гг., но сталествольное производство стало необходимым после принятия на вооружение 4,2 лин. винтовки Бердана обр. 1868 года. Калибр ствола был уменьшен, соответственно, толщина ствола была также уменьшена. Стволы из железа не проходили испытаний погибом. Пуля была более мелкого калибра, поэтому для большей метательной способности, начальной скорости необходимо было подвергнуть изменению порохovou составляющую патрона. Отсюда следуют и цели настоящей статьи, заключающиеся в исследовании принципа действия пороховых отечественных заводов (испытания, нововведения) в период между Крымской войной 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Также необходимо будет выяснить принцип управления заводами, систему их подчинения Военному министерству до и после 1862 г. Данная проблематика актуальна вкуне с изучением отечественного сталествольного, патронного и капсюльного производств. Что-то уже было изучено, что-то лишь предстоит изучить. В сумме должно получиться четкое и глубокое представление о производстве всех важных составляющих ручного огнестрельного оружия в России в 1850–1870 гг.

Начиная говорить о системе подчинения пороховых заводов, необходимо обратиться к самому раннему периоду, а точнее к 1802 г.,

когда произошла реформа по учреждению в Российской империи системы министерств. Тогда же было образовано Министерство военно-сухопутных сил, в 1812 г. преобразованное в Военное министерство. На протяжении нескольких десятков лет оно претерпевало изменения. 29 марта 1836 г. оно было снова преобразовано и четко структурировано. В его системе мы должны выделить систему департаментов, среди которых был Артиллерийский. Как известно, департаменты делились на отделения. Артиллерийский был, в свою очередь, разделен на 5 отделений. III-е отделение занималось устройством пороховых заводов, заготовлением запасов и веществ к выделке пороха, изготовлением пороха и снабжением войск боевыми патронами, зарядами и учебными припасами, устройством всех парков и лабораторий. До 1862 г. существовал также еще один орган – Военно-Ученый комитет, который был учрежден при Военном министерстве в 1812 г. и занимался рассмотрением сведений по военно-ученой части, проектов и новых изобретений по всем отраслям военных знаний. Комитет находился в ведении Военного министра и разделялся на 3 отделения по роду занятий, среди которых III-е, артиллерийское.

Кроме того, следует помнить еще о главном начальнике всей артиллерии, генерал-фельдцейхмейстере. Этот титул был введен еще Петром Великим в 1699 г. Он, совместно с Военным министерством, управлял артиллерией и всеми предметами, относящимися к снабжению войск и крепостей оружием, артиллерией и огнестрельными припасами. Генерал-фельдцейхмейстер выступал как генеральный инспектор, надзирая за всеми отраслями артиллерийского ведомства, заведя личным составом артиллерийских чинов.

До 1862 г. количество пороха, которое необходимо было приготовить, определял Военный Совет. Смету из Военного Совета отправляли в Артиллерийский департамент. III-е отделение Артиллерийского департамента распределяло назначенное количество пороха посредством годовых нарядов между тремя пороховыми заводами: Охтинским, Шосткинским и Казанским. Заводы эти управлялись особыми командирами, которые избирались по Высочайше Утвержденному Положению от 26 апреля 1838 г. генерал-фельдцейхмейстером. При командире завода находились 1–2 помощника.

Теперь немного о самих заводах, о датах основания и местоположении. Обращаясь к статье «Пороховые заводы»², узнаем всю

необходимую нам информацию. До Петра Великого весь порох приготавливался на частных заводах. Пушкарский приказ нанимал особых подрядчиков, которых называли «пороховыми уговорщиками», чтобы они доставляли необходимое количество пороха. Петр, видя это неудобство, основал три казенных завода: Охтинский в 1715 г. (в Санкт-Петербурге, на реке Охте при впадении в нее реки Лубьи), Шосткинский в 1632 г. (в Глуховском уезде Черниговской губернии), Казанский в 1771 г. (в городе Казани). Эти заводы и были основой отечественной пороховой промышленности на протяжении всей истории. Были и другие предприятия, более мелкие, которые либо закрылись еще до того периода, что мы изучаем, либо слились с тремя вышеуказанными. Что касается частных пороховых заводов, то их в Российской империи в 1850–1870-е гг. не было. Последний частный завод Губинных около Москвы был закрыт в 1827 г. Вероятнее всего, это объясняется тем, что работа на частных предприятиях рассчитана на получение прибыли частным лицом, там мало заботятся о пробе пороха и редко занимаются улучшением его производства. Так обстоят дела в России, Франции, Германии. «В Англии все по-другому – там лишь частные заводы, где порох приготавливается, а затем сравнивается с порохом образцового казенного завода Вальсамского (Walfham Abbey)»³. В Российской империи частные пороховые заводы появятся позже, после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: Шлиссельбургский (Русского общества для выделки и продажи пороха), завод Винера в Санкт-Петербургской губернии около станции Саблино Николаевской ж.д., завод Турпа в Финляндии.

Об изучаемом нами периоде в истории отечественного производства пороха известно мало, что вызывает удивление: ведь сначала произошла смена с 7 лин. калибра на 6 лин., затем с 6 лин. – на 4,2 лин. Однако, в основном, интерес к пороходелию обозначен в отношении более позднего периода, связанного с 1886 г., когда во Франции появился новый бездымный порох. Именно тогда во Франции было принято на вооружение 8 мм (3,1 лин.) ружье Лебеля с магазином в 8 патронов. Нам известно, что обязательное условие при уменьшении калибра – более мощный заряд, ведь вес пули, в конкретном случае, упал с 25 до 14 г. Это означало, что начальная скорость должна была подняться и поднялась с 430 до 610 м/с. Нечаев писал в своем докладе «О старом и новом порохе»: «Как

известно, живая сила снаряда пропорциональна массе его и квадрату скорости; уменьшая массу, естественно было озаботиться увеличением начальной скорости, а для этого достигнуть увеличения метательной силы пороха. Черный порох не мог дать желаемого увеличения скорости; предстояло применить к военному оружию те взрывчатые вещества, которые были уже известны технике вообще. Пироксилин и нитроглицерин и др. Вскоре представилась и вторая задача, решение которой оказалось крайней необходимостью: по мере возрастания скорости при употреблении магазинных ружей становилось желательным получение пороха, не дающего дыма»⁴.

В составе пороха присутствует три основных компонента: «...селитра, сера и уголь. Из этих материалов селитра покупается по распоряжению Артиллерийского Департамента от частных заводов, в Малороссии находящихся, которые поставляют ее в Шостенский пороховой завод, а оттуда развозится она в прочие заводы; сера приобретается от частных лиц подрядами с торгов, из привозимой из-за границы для заводов Охтинского и Казанского в С.-Петербурге, для Шостенского же в Одессе и иногда в Санкт-Петербурге; уголь заготавливают пороховые заводы собственными средствами»⁵. Уже в первой половине XIX в. можно наблюдать вполне нормальное положение отечественной промышленности в отношении пороховых компонентов – они добываются на нашей территории, лишь иногда что-то привозится из-за границы.

Необходимо отметить, что уголь, разумеется, добывают также на своей территории. Он пережигался из ольхи. Что касается Охтинского и Шосткинского заводов, то они имели свои собственные леса, где ольха произрастала. Добытое дерево пережигали в специальных печах. Казанский завод получал материалы из лесов, которые находились в ведомстве Министерства государственных имуществ.

Что касается серы, то ее закупали в неочищенном виде. Для ее переработки Охтинский и Казанский заводы имели специальные заведения. На Казанский завод уже очищенная сера доставлялась с Охтинского завода.

Если рассмотреть важные процессы в истории производства пороха, то надо обратить внимание на способы его выделки. На момент 1 мая 1837 г. порох выделялся двумя способами: «...первый способ – сера и уголь растираются под медными бегунами

(большими цилиндрами) на лежнях из того же металла, каждый материал особо, до того пока они не обратятся в мельчайший порошок, потом их просеивают и, прибавя определенное количество селитры, весь состав смачивают и стирают опять под бегунами, до совершенного соединения... Второй способ приготовления заключается в том, что сера вместе с углем смешивается и смельчивается в бочках, приводимых в круговращательное движение, в Охтинском и Шостенском заводах вододействующими машинами, а в Казанском силою лошадей; после сего к смешанному углю и сере прибавляется селитра и весь состав смешивается руками, смачивается и растирается под бегунами»⁶. Первый способ, как отмечено в СВП на 1837 г., должен быть отменен. По второму способу, после того, как порох разотрут на бегунной фабрике, он сдавливается в лепешки ручным прессом и продавливается сквозь сито. После этого порох предстает в виде зерен.

Пороховые работы, как в первой, так и во второй половине XIX в., начинались в апреле и заканчивались в октябре–ноябре. Что касается временных ограничений, то они также действовали в отношении заготовки ольхи. Ольха вырубалась в одно только время года, не ранее 1 мая и не позже 15 июля, когда дерево находилось в соку.

Что касается каких-либо мер по улучшению пороха, то они, разумеется, были не столь капитальны, как в случае с введением сталествольного производства, однако таковые имелись. Например, в 1857 г. к рассмотрению вопроса «О мерах к улучшению пороха» приступили в Артиллерийском отделении Военно-Учебного комитета.

Известный ученый П.М. Лукьянов в своем труде «История химических промыслов и химической промышленности России» упомянул о серии испытаний отечественного пороха в конце 1850-х гг.: «...решено было подвергнуть сравнению русский порох с английским, швейцарским, прусским, баварским и виттенбергским. В этих целях было предписано доставить из каждой страны по 10 кг винтовочного пороха. Удалось получить порох английский, швейцарский, виттенбергский и баварский. Данные о результатах этих испытаний мы, к сожалению, не обнаружили»⁷. Подобные сравнительные испытания были проведены и в конце 1870-х гг. Что касается места испытаний, то они всегда проводились пробной мортиркой на самих заводах, за исключением периода с 11 июня 1868

по 4 января 1872 г., когда порох для испытания отправляли в Санкт-Петербург: «Имея в виду, что подобная перевозка, для сравнительного испытания, пороха из Шостенского и Казанского пороховых заводов в таковой же Охтенский сопряжена с большими неудобствами, признано ныне возможным заменить означенное сравнительное испытание поверочным испытанием пороха, приготовляемого на всех наших пороховых заводах, производя это испытание на самих заводах, во время инспекторского осмотра оных инспектором пороховых заводов»⁸. В 1850–1870-х гг. не только в России происходили различные испытания пороха, но и за границей. Например, в 1862 г. в Берлине, а в 1863 г. во Франции, а затем и в США испытывался новый порох прусского артиллерийского капитана Шульце; при этом выявлено некое преимущество над старым порохом, особенно в применении в нарезном оружии: «...при сгорании пороха не остается никаких остатков... количество газов, образующихся при сгорании нового химического пороха, несравненно меньше, чем при сгорании старого»⁹. К этому можно добавить и опыты над новым «нитроглицериновым порохом» инженера Нобеля из Стокгольма. Причем этот порох получил признание во многих странах. Также необходимо упомянуть об опытах генерал-лейтенанта Константинова, который старался добавить в порох некий процент стеариновой кислоты и рафинированного сахара, чтобы снизить процент остатка пороха, который оседал на стволах, а также чтобы снизить опасность самого пороха в использовании. В 1865 г. он провел испытания на Охтинском пороховом заводе, которые показали, что движется он в правильном направлении.

Что касается военных периодов в истории пороховых заводов, то здесь сразу необходимо говорить о повышенных расходах и увеличенных нарядах: «На 1849 год Казанскому заводу был оставлен еще нормальный наряд в размере 20 000 пудов, с следующего же затем года наряды начали увеличиваться»¹⁰. 1850 г. – наряд в 22 000 пудов, 1853 г. – наряд в 25 000 пудов. Для увеличения количества работ завод был модернизирован, что-то достроено, что-то перестроено. И в 1854 г. инспектор пороховых заводов предписал работать безостановочно в воскресенье, праздничные и табельные дни, и работы закончились лишь при наступлении сильных морозов. Итогом оказалось прекращение работы в конце ноября, и завод предоставил 42 758 пудов пороха. В 1855 г. вновь после модернизации

завода дан был наряд в 82 000 пудов пороха; он был почти выполнен (81 079 пудов). Наряд в 1858 г. был дан в размере 85 000 пудов пороха, но война закончилась, и в половине наряда необходимость отпала. При увеличении нарядов в период войны возросли и вклады государства в завод: «...в 1851 г. – 50 422 р., ... 1855 г. – 99 727 р.»¹¹. Нам уже известно, что по окончании Крымской войны был проведен широкий комплекс преобразований по военной части. Уже в 1857–1859 гг. было дано указание по введению полировки пороха и постройки для этого специальных полировательных фабрик. Ближе к лету 1857 г. генерал-фельдцейхмейстер Михаил Николаевич предложил Артиллерийскому отделению Военно-Ученого комитета рассмотреть вопрос «о мерах к улучшению достоинства нашего военного пороха». Артиллерийское отделение изложило свой ответ в особом журнале от 9 июля 1857 г. за № 158. Постановлено было следующее: не изменять способ фабрикации, подвергать ежегодно испытаниям, устранять как можно больше ручную работу. Эти меры также включали в себя закупку необходимой техники: ружейного маятника, ствола 6-лин. винтовки с прибором Родмана (для определения давления пороховых газов на стены ружья).

В 1862 г. на замену Артиллерийскому департаменту и Штабу генерал-фельдцейхмейстера было образовано Главное артиллерийское управление (ГАУ), которое входило в состав Военного министерства. Должность генерал-фельдцейхмейстера была сохранена, он руководил ГАУ, заведовал российской артиллерией. Если должность генерал-фельдцейхмейстера занимал член императорской фамилии, то к нему назначался товарищ, который также заменял его в случае болезни либо отсутствия. В свою очередь, в помощь товарищу назначались два генерала в должности «помощники начальника ГАУ». Военно-Ученый комитет был упразднен. В систему ГАУ входили также 8 отделений: инспекторское, военно-судное, искусственное, арсенальное, пороховое и парковое, оружейное, крепостное, счетное. Отделения управлялись вице-директорами. 2-й вице-директор управлял искусственным, арсенальным, пороховым, парковым, оружейным отделениями. Пороховое отделение занималось устройством и содержанием пороховых заводов, приготовлением пороха, заготовлением и составлением запасов материалов для выделки пороха, устройством лабораторий, ракетного и капсюльного заведений, заготовлением и содержанием запасов

пороха и свинца, снабжением войск, боевыми патронами, продажей пороха, ракет, капсюлей.

19 февраля 1861 г. было утверждено новое положение о потребностях на выделку пороха, по примеру иностранных государств были введены два вида военного пороха: артиллерийский и мушкетный. Стоит уточнить, что введены они были вместо четырех существовавших сортов: «...пушечного, крупного мушкетного, мелкого мушкетного и винтовочного... пушечный порох назначался для пушек, крупный мушкетный порох – для каморных орудий, мелкий мушкетный – для гладкоствольных ружей, винтовочный – для винтовок»¹². От 15 января 1862 г. в Своде военных постановлений указано, что в России приготавливаются два сорта военного пороха. Из остающегося после зернения пороха – еще два сорта охотничьего пороха для продажи. Чуть позже, от 29 января, указано, что в числе годового наряда пороха изготавливается особый образцовый порох (для испытаний и проб). Он имеет нормальную плотность и является удовлетворительным по баллистическим и другим пробам. Количество выделки этого пороха определяется по соображению ГАУ. По Высочайше утвержденному положению Военного Совета от 29 января 1862 г. проба обыкновенного пороха должна производиться из пробной мортирки. Сначала – три выстрела образцовым порохом, одного сорта с пробуемым, потом девять выстрелов обыкновенным порохом. Кроме упомянутых видов пороха, на заводах приготавлился еще один сорт – призматический, о котором упомянуто в Уведомлении от ГАУ инспектору пороховых заводов от 26 мая 1861 г., о том, сколько пороха и какого сорта необходимо предоставить¹³.

Также отдельной историей является система отправки нарядов заводам. Этому предшествовало исчисление всех необходимых потребностей заводу. Эти потребности и их оплату брало на себя ГАУ. Как пример, можно привести «Просьбу инспектору пороховых заводов» от 1866 г.¹⁴, в которой четко было указано, что заводы должны предоставить список всего необходимого для выполнения наряда в будущем 1867 г. К этому необходимо было предоставить информацию о всех остальных необходимых суммах на исправление, ремонт и строительство. В этом же деле (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 24/1. Д. 659) присутствует огромный список всего, что требовалось от заводов, и суммы, которые необходимо было потратить на это: от устройства коннодействующих фабрик для

раздробления серы и угля до деревянной посуды и кожаных фартуков.

Подведя итоги этому небольшому исследованию деятельности пороховых заводов в 1850–1870 гг., можно сказать, что написанное выше является лишь частью всего того, что еще предстоит изучить по данной теме. Нами были установлены такие важные вещи, как система подчинения пороховых заводов военному ведомству до и после 1862 г., порядок получения нарядов заводами от государства. Нами были изучены некоторые этапы модернизации отечественного пороходелия и связь пороховых заводов с периодами военных действий в истории государства. Однако многое еще предстоит изучить.

¹ Оводков Н.А. Новые требования к производству ручного огнестрельного оружия в 50–70-е годы XIX века в России. Сталествольное производство // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 года. Часть III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013.

² Пороховые заводы // Военно-энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов и посвященный е. и. в. Александру Николаевичу. 2-е изд. СПб., 1856. Т. 10. С. 499–519.

³ Там же.

⁴ О старом и новом порохе: доклад, прочитанный в Московском Отделении Императорского Русского Технического Общества Нечаевым, 1892. С. 7.

⁵ Свод Военных Постановлений: Образование военных учреждений. Ч. 1. Кн. 4. Гл. 2, СПб., 1838. С. 97.

⁶ Там же. С. 98.

⁷ Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века. М.: изд-во Академии Наук СССР, 1961. Т. 5. С. 620.

⁸ Приказ по артиллерии от 4 января 1872 года № 2 // Оружейный сборник, № 2. СПб., 1872. С. 21.

⁹ Квист А. Новый порох капитана Шульце // Инженерный журнал, № 5. СПб., 1864. С. 131–132.

¹⁰ Глинский. 100 лет Казанского порохового завода: Историческая записка. СПб., 1888. С. 54.

¹¹ Там же. С. 60.

¹² Там же. С. 68.

¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 24/1. Д. 659. Л. 5.

¹⁴ Там же.

С.Ю. Окунев (Санкт-Петербург)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОПОЛЧЕНИЕ В ПОСЛЕДНИХ ВОЙНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОПОЛЧЕНИЕ – составленное, в противоположность армии, временное войско, созываемое в современных государствах лишь на военное время, в случае крайней необходимости, и образующиеся из не числящихся в постоянной армии граждан, способных носить оружие.

Первый созыв государственного ополчения в России приходился на царствование Екатерины II, когда по приказу генерал-аншефа А.И. Бибикова в августе 1774 г. дворянство Казанской губернии снарядило для борьбы с повстанцами Емельяна Пугачева конное войско по 1 человеку с 200 ревизионных душ. В дальнейшем ратники государственного ополчения принимали участие в боевых действиях в 1806–1807 гг. во время войны четвертой коалиции против Франции, в Отечественной войне 1812 г., в Восточной (Крымской) войне 1853–1856 гг. Принимали участие ополченцы и в последних войнах Российской империи – Русско-японской и Первой мировой.

Во время войны с Японией отдельных ополченских частей не создавалось. Все призванные ратники из Сибири, Забайкалья, Приамурья и Дальнего Востока влились в действующие части на этом театре военных действий. В июне 1904 г. в Сибири были призваны все ратники 1-го разряда – более 300 тыс. человек, перечисленные в ополчение из запаса армии и двух младших возрастов, т. е. зачисленные в ополчение при явке к отбыванию воинской повинности в 1902–1903 гг. При призыве ополчения возникли большие сложности, так как не было запасов оружия, обмундирования и снаряжения, не отработаны вопросы формирования ополчения в азиатской

части России. Призванные ратники направлялись для пополнения действующих войск, осуществляли охрану Сибирской и Круго-Байкальской железных дорог. Часть из них была направлена на укрепление тылов. Командный состав набирался главным образом из отставных офицеров под просьбу об их определении в условиях войны¹. В крепости Порт-Артур из вольнонаемных и ратников государственного ополчения были сформированы 13 дружин, которые принимали участие в обороне города и поддержании порядка на его территории. Находились в Порт-Артуре и казачьи сотни, сформированные из ополченцев.

В Приморье российское военное командование, всерьез обеспокоенное возможностью вторжения японских войск, привлекло к оборонительным мероприятиям местное население. В дружины ополчения были включены не только ратники, состоящие на учете в местных военных присутствиях, но и «вольные дружины» и «дружины охотников» (то есть добровольцев)². Кроме того, летом 1905 г. из числа военнослужащих регулярной армии и ратников ополчения было сформировано 4 партизанских отряда по 200 человек в каждом, подчиненных разведывательному отделению Приамурского военного округа. В 1905 г. под Усть-Большерецком отрядом ополченцев был разгромлен японский десант³.

Камчатские ополченцы во главе с заведующим обороной западного побережья Камчатки М.Т. Сотниковым, которые охраняли побережье, отразили японский десант. В числе защитников Камчатки были и авачинские ополченцы. За успешные действия против японцев Георгиевскими крестами 4-й степени были награждены урядник Петр Толстихин, казаки Павел Крупенин и Александр Черных. Позже ополченскими крестами были награждены казаки Петр и Александр Крупенины, Иван Томский, Степан Попов, Петр Коренев, Николай Манаков, Петр и Николай Черных⁴.

В Русско-японской войне принимало участие и морское добровольное ополчение, которое составлялось из различных частных и общественных судов, используемых для усиления военного флота. Эти суда участвовали в различных военных операциях по переброске войск, в разведке, а иногда и в боевых сражениях. Даже в походе на Восток эскадры вице-адмирала Рожественского ее сопровождало несколько крупных судов добровольного флота. Для службы в морском ополчении подбирались «уволненные из запаса флота шкиперы и штурманы дальнего и каботажного плавания,

механики и машинисты, кочегары и матросы, плававшие на мореходных и китобойных судах, корабельные плотники, конопатчики и котельщики и занимающиеся морской рыбной ловлею»⁵. Все участники морского ополчения Русско-японской войны были награждены крестом морских ополченцев.

Немало ополченцев пополнили кадровые армейские части. «Отбора запасных не производилось; на отдаленную войну призывались и сорокалетние крестьяне, физически ослабевшие, оставившие дома по шесть человек детей, отнюдь не воинственно настроенные и плохо подготовленные; 10 % их дезертировало в пути. Они прибыли до решительной операции под Мукденом и испортили состав армии: в начале войны кадровых солдат в Манчжурии было 70 %, запасных – 30 %; к Мукдену отношение стало обратным – 28 % кадровых и 72 % запасных; и все же некомплект в армии оставался в 50 тысяч человек»⁶.

В ходе войны государственные ополченцы, призванные в ряды армии, показывали примеры мужества и отваги. Широкую известность в России приобрел случай, произошедший с бывшим ополченцем Василием Рябовым. Разъезд 3-й сотни 1-го Оренбургского казачьего полка доставил однажды найденные письмо и записку на китайском языке, в которой было сказано, что китайцы не должны уничтожать это письмо, адресованное русским. Оно было написано на русском языке. Вот его подлинный текст: «Солдат Василий Рябов, 33 лет, из охотничьей команды 284-го пехотного Чембарского полка, уроженец Пензенской губернии, Пензенского уезда, села Лебедевки, одетый как китайский крестьянин, 27 сентября сего года пойман нашими солдатами в пределах передовой линии. По его устному показанию выяснилось, что он, по изъявленному им желанию, был послан к нам для разведывания местоположения и действия нашей армии и пробрался в нашу цепь 27 (по русскому стилю 14) сентября через Янтай, по юго-восточному направлению. После рассмотрения дела установленным порядком Рябов приговорен к смертной казни. Последняя была совершена 30 сентября (по русскому стилю 17 сентября) ружейным выстрелом. Доводя об этом событии до сведения русской армии, наша армия не может не высказать нашего искреннейшего пожелания уважаемой армии, чтобы последняя побольше воспитывала таких истинно прекрасных, достойных полного уважения воинов, как означенный рядовой Рябов. На вопрос, не имеет ли что высказать перед смертью, он

ответил: «Готов умереть за царя, за отечество, за веру». На предложение: мы вполне входим в твое положение, обещаем постараться, чтобы ты так храбро и твердо шел на подвиг смерти за «царя и отечество», притом, если есть что передать им от тебя, пусть будет сказано, – он ответил: «Покорнейше благодарю, передайте, что было...» – и не мог удержаться от слез. Перекрестившись, помолился долго в четыре стороны света, с коленопреклонениями, и сам вполне спокойно встал на свое место... Присутствующие не могли удержаться от горячих слез. Сочувствие этому искренно храброму, преисполненному чувства своего долга, примерному солдату достигло высшего предела. С почтением, капитан штаба японской армии»⁷.

В приказе № 54 17-му армейскому корпусу 24 ноября (7 декабря) 1904 г. рассказывалось о подвиге рядовых 7-й роты 12-го пехотного Великолукского полка Ивана Ищенко и Артема Харзаматова, которые, будучи ранеными, не бросили своих раненых товарищей и 43 дня боролись за их жизнь, находясь в тылу врага под открытым небом в артиллерийском окопе. Когда их товарищи умерли от ран и голода, обессиленные смельчаки пробрались к своим. «Объявляю по войскам корпуса об этом беспримерном подвиге рядовых Харзаматова и Иващенко. Оба они предпочли страдать от ран, холода и голода, лишь бы не попасть японцам в плен; оба они до последней минуты не покидали друг друга и оказывали взаимную помощь в тяжелом положении; наконец, оба они, не расставаясь, пошли на явную опасность, когда возможность попасть в плен стала почти очевидной. Особенно отмечаю подвиг рядового Харзаматова, который, как легко раненый, мог много раньше присоединиться к своим; он предпочел однако остаться с товарищами, которым нужна была помощь, может быть, и бесхитростное, простое, но сердечное слово последнего утешения. Харзаматов говорит об этом просто, почти не сознавая всей высоты своего подвига, но да будет всем введома его доблесть и самоотвержение, и да гордится им та часть, которая числит его в своих рядах. Приказ этот предлагаю прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах временно командуемого мною корпуса. Генерал-лейтенант Волков»⁸.

После окончания войны были учреждены бронзовые кресты «Государственного ополчения Сибирского военного округа и дружин, сформированных по военным обстоятельствам на дальнем Востоке»⁹. Крестами награждали «...в знак памяти о службе

в государственном ополчении Сибирского военного округа, а равно в дружинах, сформированных во время Русско-японской войны по военным обстоятельствам, представляется генералам, штаб- и обер-офицерам и ратникам, состоявшим на службе в названных ополчениях и дружинах»¹⁰. Учреждение ополченских крестов свидетельствует об активном участии ратников государственного ополчения в Русско-японской войне 1904–1905 гг.

17 (30) июля 1914 г., в связи с объявлением Австро-Венгрией войны Сербии, Россия объявила всеобщую мобилизацию. Ратники государственного ополчения 1-го разряда, перечисленные из запаса, т. е. лица в возрасте 40–43 лет (класса 1895–1892 гг.), отбывшие в свое время действительную службу, были призваны уже на пятый день общей мобилизации. Общая численность их равнялась 400 тыс. человек.

Одновременно в европейской части России была призвана также часть ратников 1-го разряда четырех младших возрастов (классы 1913–1910 гг.). Число этих призванных в возрасте 22–25 лет, ранее не служивших в армии, тоже равнялось 400 тыс. В течение октября–ноября под ружье было поставлено еще 500 тыс. ратников государственного ополчения в возрасте 22–32 лет, не служивших в армии¹¹. За четыре месяца с начала войны ратниками государственного ополчения были полностью укомплектованы по штатам военного времени кадровые части первой линии, которые принимали участие в боях осенью и зимой 1914 г., а остальные пошли на формирование второочередных дивизий, тыловых частей и учреждений. Затем в течение первого года войны, то есть до 19 июля (1 августа) 1915 г., согласно представлению военного министра от 21 июля (3 августа) в Государственную думу и Государственный совет, призвано было ратников 1-го разряда 1 580 000 человек¹². Эти полтора миллиона ратников 1-го разряда были призваны в европейской части России.

Из призывников и ратников государственного ополчения в этот период было сформировано 105 пехотных дивизий, 18 стрелковых бригад и 36 конных дивизий. В тылу готовились к отправке на фронт 118 бригад государственного ополчения – всего около 2 млн человек¹³. После призыва запасных чинов первой очереди численность армии 1 августа 1914 года составила 4 млн 700 тыс. человек. При этом следует отметить, что в первую мобилизацию под ружье был поставлен почти весь подготовленный воинский контингент, и

в дальнейшем пополнение армии проходило за счет ратников ополчения, не проходивших в мирное время действительной военной службы, и новобранцев.

В августе 1915 г. были призваны в европейской России ратники 1-го разряда классов 1916–1898 гг. (возраст 20–38 лет). Это дало 300 000 человек. В это же время также были мобилизованы ратники 1-го разряда в Сибири и Туркестане – классы 1916–1898 гг. (возраст 20–38 лет) и на Кавказе – классы 1916–1910 гг. (возраст 20–26 лет). Это дало еще 50 000 человек¹⁴.

После этого почти весь контингент ратников ополчения 1-го разряда был исчерпан. Военный министр России А.А. Поливанов, в связи с большими потерями на фронте, оказался перед необходимостью приступить к пополнению действующей армии ратниками 2-го разряда. Но это противоречило существующему закону. Поливанов отдавал себе отчет, что призыв ратников 2-го разряда негативно отразится на психологии народных масс, привыкших считать, что ратник 2-го разряда не может быть призван воевать¹⁵.

После длительных дебатов в Совете министров 19 августа (2 сентября) 1915 г. состоялось рассмотрение в Государственной думе законопроекта о порядке призыва и назначения ратников государственного ополчения 2-го разряда. В речи члена Государственной думы А.И. Шингарева говорилось, что «по объяснениям представителя ведомства, предполагается в начале сентября призвать четыре или шесть ранних сроков ратников 2-го разряда. Это даст по каждому сроку около 200 000–250 000 человек, то есть свыше миллиона людей, да, кроме того, остаются те, которые призваны по 17-му году, – свыше 700 000 человек. Быть может, таким образом, около двух миллионов человек ведомство получит в свое распоряжение»¹⁶. Государственная дума согласилась с доводами военного министерства и приняла закон о призыве ратников ополчения 2-го разряда. Спустя две недели на призывные пункты пришли те, кто должен был заниматься производительным трудом в тылу. Этот призыв больно удалил по деревне, так как она лишалась последних работников, на которых держалось сельскохозяйственное производство.

5 (18) сентября 1915 г. начался призыв ратников ополчения 2-го разряда. В этот день были подняты в европейской части России и в Сибири классы 1916–1912 гг. ратников 2-го разряда (возраст 20–24 года). Это дало 900 000 человек¹⁷. А в течение 1916 г.,

согласно отчету о деятельности Военного министерства за этот год, было призвано 2 040 000 человек.

В итоге к концу 1916 г. основной костяк русской армии составляли призванные на службу ратники ополчения. Всего за годы Первой мировой войны армия получила почти 6 миллионов ополченцев, которыми укомплектовывались боевые и тыловые части. Подавляющее большинство призванных ратников государственного ополчения шло на восполнение пехоты, которая составляла основу армии и несла наибольшие потери.

Одной из причин поражения России в Первой мировой войне была неподготовленность государственного ополчения как резерва армии к затяжной позиционной борьбе на истощение материальных и людских ресурсов. Рассчитывая на быструю, маневренную войну на ограниченной территории, российские стратеги допустили серьезный мобилизационный просчет, в результате которого войскам уже после первых месяцев войны стало не хватать современного вооружения и боеприпасов. В течение войны было крайне неудовлетворительным руководство вооруженными силами и ходом боевых действий со стороны Верховного командования и правительства России, полная зависимость их оперативно-стратегического планирования от требований союзников в ущерб российским национальным интересам. Союзники России по Антанте вели войну «до последнего русского солдата» и использовали Восточный театр военных действий в качестве противовеса германскому наступлению на Западном фронте, неоднократно вынуждали высшее военно-политическое руководство России преждевременно бросать в бой неподготовленные и не обеспеченные необходимым запасом боеприпасов войска в нарушение ранее согласованных стратегических планов.

¹ Военная энциклопедия (под редакцией Новицкого В.Ф.). Т. 8. СПб., 1912. С. 432.

² Океанские вести. 1998. № 14.

³ Океанские вести. 1998. № 10.

⁴ Сергеев В.Д. Страницы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1992. С. 167.

⁵ Кузнецов А., Чепурнов Н. Наградная медаль: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 248.

⁶ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2004. С. 317.

⁷ Игнатьев А.А. 50 лет в строю. М., 1948. С. 239.

⁸ Русско-японская война 1904–1905 гг. Сборник документов. М., 1941. С. 262–263.

⁹ Кузнецов А., Чепурнов Н. Наградная медаль. С. 243.

¹⁰ Там же.

¹¹ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Стратегическое исследование. М., 2001. С. 205.

¹² Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 59.

¹³ Керсновский А.А. История русской армии: 1881–1916. Мировая война. Смоленск, 2004. С. 142.

¹⁴ Россия в мировой войне в цифрах: В 2-х кн. М., 1925. Кн. 2. С. 125.

¹⁵ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. С. 63.

¹⁶ Там же. С. 65.

¹⁷ Там же. С. 63.

С.П. Орленко (Москва)

РУССКИЕ ЩИТЫ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ XVII ВЕКА

В МАТЕРИАЛАХ воинских смотров и разборов русских служилых людей в XVII столетии мы не встречаем никаких упоминаний о наличии у них щитов. Даже в среде небогатых провинциальных дворян и детей боярских не отмечено попыток компенсировать подобным образом постоянно присутствовавший дефицит оборонительного вооружения. Можно с уверенностью говорить, что к этому времени щиты представляли собой полный анахронизм даже для наиболее традиционной части русского войска – поместной конницы. (Вероятно, щиты применялись в отрядах восточной кавалерии, входившей в состав русского войска.)

Вместе с тем мы можем констатировать, что щиты, преимущественно восточного происхождения, присутствуют в составе оружейной казны представителей аристократической элиты Московского государства конца XVI – начала XVII вв.: Б.Ф. Годунова, Ф.И. Мстиславского, В.В. Голицына. С высокой долей вероятности мы вправе предполагать, что все они являлись владельцами не только личного, но и родового собрания оружия и доспеха. В казне боярина и конюшего Бориса Федоровича Годунова в 1588 г. хранилось три щита. Два металлических: один турецкий, другой, по описанию, также восточный: «травы наведены золотом, на кайме промеж трав слова, подпись имя Бориса Федоровича; кругом ево венец золот, камни лалы да бирюзы, бахрома золото с серебром». Третий – «щит бухарский, шит золотом и серебром и шолки»¹.

Ф.И. Мстиславскому удалось сохранить свою оружейную казну в Смутное время. Князь Федор Иванович был последним представителем своего рода, и после его смерти в 1622 г. это имущество

переходит в царскую казну². Примечательно, что в более «молодых» собраниях оружия бояр И.Д. Милославского и А.С. Матвеева, также поступивших в государеву оружейную казну, щиты отсутствовали³.

В Большой казне государевой Оружейной палаты в 1647 г. числилось четыре щита. Три щита «кизылбаских» (иранских), два из которых были булатные, а третий деревянный, «оправы золотые и серебряные с камнем и 3 жемчуги». Принято считать, что один из персидских щитов – знаменитый щит работы мастера Мухамеда Мумина Зерешана, ранее принадлежавший князю Федору Михайловичу Мстиславскому⁴ (рис. 1). Однако кроме них присутствовал еще «щит московское дело, подвершье и венец наведено золотом»⁵. К сожалению, краткая перечневая опись не сообщает ни материала, из которого был выполнен русский щит, ни его формы. Кем и когда этот щит был сделан и как попал в государеву оружейную казну, мы не знаем.

Не меньшую загадку представляют собой шестнадцать щитов железных, хранившихся в 1647 г. в Набережных палатах. Происхождение и характер бытования этих щитов никак не обозначены. Отсутствие каких-либо деталей в описании вещей и характеристика их состояния как «худые и ржавые» свидетельствует о невысокой ценности и низкой степени востребованности этих щитов⁶.

Информацией о парадном, церемониальном или боевом применении щитов членами государева двора до конца 1660-х гг. мы не располагаем. Мы не находим щитов в росписях походной оружейной казны царя Алексея Михайловича времени Смоленского, Виленского и Рижского походов⁷. Не было щитов среди «ратной сбруи» Никиты Ивановича Романова, поступившей в государев

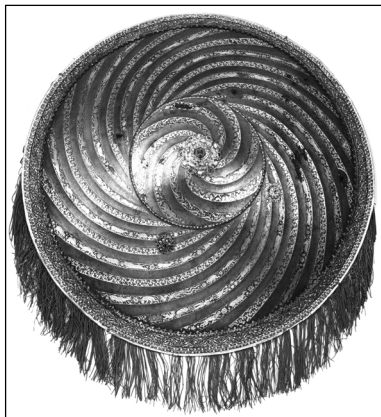

Рис. 1. Щит булатный. Иран, XVI в. Мастер Мухаммед Мумин Зернишан. Поступил из имущества Ф.И. Мстиславского в 1622 г. Инв. № Ор-176

Оружейный шатер (походный аналог Оружейной палаты) после смерти боярина в 1655 г.⁸ Одним из наиболее масштабно организованных парадно-церемониальных мероприятий середины 1660-х гг. стали смотр войск царем Алексеем Михайловичем на Девичьем поле и церемония встречи английского посольства гр. Чарльза Говарда Карляйля, проходившие в феврале 1664 г. В документах, опубликованных помощником директора Московской Оружейной палаты Л.П. Яковлевым, среди доспеха и воинского снаряжения, выданного служилым людям для участия в смотре и церемонии посольской встречи из государственной оружейной казны, щиты не упоминаются⁹.

Тем не менее число щитов в государственной Оружейной казне постепенно увеличивалось. Происходило это за счет даров иностранных государей, привозов – «челобитий» иноземных купцов (последнее представляло собой несколько завуалированную коммерческую операцию), щиты приобретались за рубежом русскими дипломатами (рис. 2, 3, 4).

Таким образом, по нашим наблюдениям, присутствие щитов в государственной казне во второй половине XVII в. носило по большей части декоративно-атавистический характер. Щиты, преимущественно

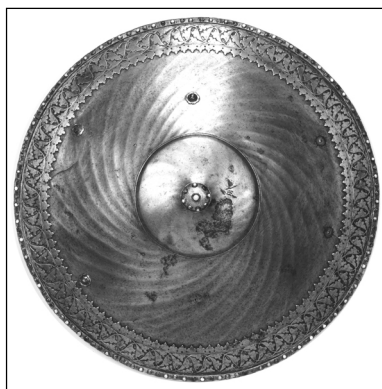

Рис. 2. Щит булатный.
Иран, XVI в. (?) Привезен
из Персии послом
В.Г. Коробьным в 1624 г.
Инв. № Ор-175

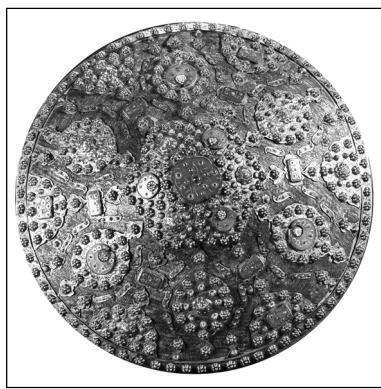

Рис. 3. Щит парадный.
Турция, Стамбул, XVII в.
Поднесен царю Алексею
Михайловичу греческим купцом
Дмитрием Астафьевым в 1654 г.
Инв. № Ор-171

восточного происхождения, более или менее роскошно украшенные, хранились как один из множества элементов, составляющих богатство и разнообразие царской оружейной сокровищницы. Никакой активности, связанной с созданием щитов для государевой Оружейной казны в придворных мастерских или «на Москве», мы не наблюдаем вплоть до последней трети XVII столетия.

Упоминания о работе над щитами возникают в хозяйственной документации придворных мастерских и казнохранилищ весной 1668 г. Согласно царскому указу от 12 марта в Оружейной палате велено было «зделать два щита деревянные, точеные, круглые, поклеить с лица отласом червчатым, а внутри тафтою червчетою в Казенном приказе». Чтобы определить, сколько для этого необходимо тканей, в Казенный приказ был прислан вместе со щитами «сабельного дела придельщик и оклейщик Прохор Иванов», он же дал «скаску», сколько материала ему потребуется¹⁰.

Существенно уточнить представление, что это были за щиты и кому они предназначались, позволяют расходные записи в столбцах Оружейного приказа, сделанные весной 1668 г. «Марта в 20 день по приказу боярина и оружничего Богдана Матвеевича Хитрово, полковника головы московских стрельцов Яковлева приказу Соловцова стрелец Иван Кузьмин зделал в Оружейную палату на два щита деревянные точеные круглые, две вооруды, мишени и с пряжи медные литые золоченые из своей меди и золота. А по уговору ему Ивану за медь и за золото и за дело денег всего три рубли. *Те щиты деланы к подносу великому государю к неделе Святые пасхи* (курсив мой. – С. О.)». На следующий день была сделана еще одна расходная запись: «Марта 21 день полковника и головы московских стрельцов Яковлева приказу Соловцова стрельцу, седельного дела мастеру Сеньке Афонасьеву от щита деревянного круглого

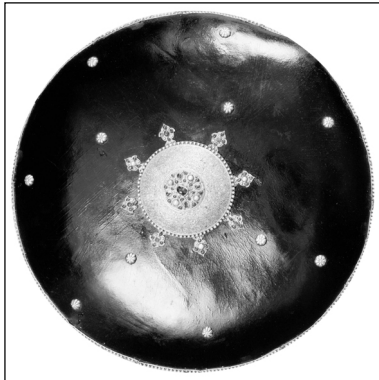

Рис. 4. Щит кожаный.
Иран, XVII в. Поднесен царю
Михаилу Федоровичу в 1644 г.
персидским послом агой
Асановым. Инв. № Оп-169

точеного за жилы и за клей и за дело по уговору шеснатцать алтын четыре деньги. Тот щит делан к подносу великому государю к неделе Святыя Пасхи». Ту же сумму «за жилы и за клей и за дело по уговору» 7 апреля выплатили «Таганные слободы тяглицу седельного ряду торговому человеку Василию Лентьеву», работавшему с другим щитом¹¹. Ремесленникам оплатили уже выполненную работу, поскольку, как мы знаем, 12 марта деревянная основа щитов уже была готова. Поднесение царю Алексею Михайловичу на Пасху «всяких оружейных дел» состоялось 22 марта 1668 г.

В росписи «оружейным делам, которыя на праздник недели Святыя Пасхи были ему, великому государю, в подносе», среди вещей «первой статьи», т. е. предназначенных для самого царя Алексея Михаловича (вторая и третья статьи – вещи, предназначенные царевичам) записаны «два щита деревянные покрыты отласом красным, вооружены на тесьму, круг щитов галун серебряной з золотом. К ним 2 копыя железныя кумыцские, деланы в Ствольном приказе. Деревье черное, яблока деревянные золочены, руковедь покрыта тафтою алою. У копыя бахрома золото с серебром, деревье перевито галуном золото с серебром»¹². Обращает на себя внимание комплектность щитов с «кумыцкими» копиями, а также то, что предметы имели общие элементы дизайна: золоченые мишени на щитах и «яблоки» на копиях, а также украшавший копыя и щиты серебряный с золотом галун.

Внезапное пробуждение интереса к щитам и включение их в состав пасхального подноса, думается, не было случайностью. Во второй половине XVII столетия в церемониальной практике русского двора необыкновенно пышно расцветают разного рода красочные новации. Главным генератором идей в этой области был, по всей видимости, окольныйчий (позднее боярин) и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово (1615–1680), под началом которого с 1656 г. и вплоть до его кончины в 1680 г. находились Оружейная палата и ювелирные мастерские. Хорошо образованный для своего времени, градостроитель, дипломат, товарищ царя Алексея Михайловича по военным походам, блестящий придворный и любитель искусств Б.М. Хитрово обладал широким кругозором и, что особенно важно, способностью увлечь государя необычными и яркими начинаниями. В частности, оружничий Хитрово стремился насытить новой атрибутикой сценарии древних дворцовых церемоний, придав им эффектные и порой весьма неожиданные формы. При

этом элементы, показавшиеся интересными и привлекательными, без колебаний заимствовались как на Западе, так и на Востоке¹³.

Возможно, внимание оружничего привлекло вооружение и экипировка всадников из посольской свиты представителей восточных владетелей, а также разного рода депутатий восточных народов, во множестве приезжавших в Москву в XVII столетии. Посланцы кумыкских и черкесских князей, тарковских шамхалов, ногайских мирз, калмыцких тайшей и многих других регулярно прибывали в русскую столицу. Вполне вероятно, что вид всадников с копьями и щитами показался оружничему интересным и перспективным в плане использования в парадно-церемониальных мероприятиях. Впрочем, окончательным и определяющим фактором, решавшим судьбу проекта, являлась реакция самого государя.

Складывается впечатление, что изготовление деревянных щитов и «кумыцких» копий и поднесение их царю Алексею Михайловичу на Пасху 1668 г. носило характер «пробного показа». Обращает на себя внимание невысокая стоимость затеи. Каждый из щитов (с учетом тканей и работы) обошелся казне немногим дороже пяти рублей. Кроме того, по документам явствует, что в изготовлении щитов и копий штатные специалисты Оружейной палаты были задействованы минимально. Практически все работы были выполнены мастерами со стороны или подчиненного оружничему приказа Ствольного дела. На долю Оружейной палаты сабельного придельщика Прохора Иванова оставался лишь окончательный монтаж щитов: оклейка тканью, подбой испода, крепление мишенной и вооруды.

В Росписи мастеров Оружейной палаты 1667 г. Прохор Иванов фигурирует с высшим для сабельных придельщиков окладом: 10 рублей годового денежного жалования, хлебным окладом в 12 четей ржи и овса и поденным денежным кормом 5 рублей, 15 алтын, 5 денег (по три деньги на день). Никаких подносных дел на Пасху 1667 г. за мастером записано не было, а на 1668 г. велено было «быть у верховых дел»¹⁴.

Дальнейшее развитие событий указывает на то, что начинание с щитами и копьями было царем Алексеем Михайловичем воспринято благосклонно. Среди расходных статей в Оружейного приказа присутствует запись от 13 мая 1669 г. об уплате трех рублей двух алтын торговому человеку Кружевного и завязочного ряда «за 20 за полшеста (двадцать пять с половиной. – С. О.) аршина тесем

красного шолку и цветной тесьмы к вооруде. Взяты к двум щитам железным, да к двум писаным саадачным лубьям, да к наводным зеркалом Ивашкова дела Килтыкова»¹⁵. Вероятней всего, речь шла о приведении «в рабочее состояние» железных щитов из числа хранившихся в Оружейной палате.

По указу царя Алексея Михайловича 1 июля 1669 г. боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово приказал «зделать вновь в Оружейной палате: 100 саадаков писанных, 100 щитов железных, 100 копий кумыцких на тростяных длинных деревьях против обрасца». Для изготовления щитов было велено купить 62 штуки досок железных¹⁶. Как мы видим, после успешной апробации и высочайшего одобрения решено было приступить к созданию обширной группы парадно-церемониального оружия и экипировки. Вполне вероятно, что «два писаных лубья саадачных» и два железных щита, на вооруду которых в мае была куплена тесьма, должны были послужить образцами. Как мы уже знаем, и парой образцовых «кумыцких копий» из подносных дел 1668 г. Оружейная палата тоже располагала.

13 октября 1669 г. было велено докупить «железа дощатого по щету 38 досок... по указу великого государя в том железе велено зделать в Оружейную палату Ствольного приказу кузнецам Кирюшке Яковлеву [с товарищами] тритцать восемь щитов»¹⁷. Таким образом, приобретено было железо на все 100 щитов из расчета по одной доске на щит. Как мы видим, по крайней мере часть работ вновь была возложена на мастеров Ствольного приказа.

Чрезвычайно интересна расходная запись от 3 февраля 1670 г.: «Замочному мастеру Григорью Ермолину на гривенку железа свицкого четыре деньги да на уголье две деньги. В том железе велено ему зделать к щиту железному лощатому скобу»¹⁸.

Замочный мастер Григорий Ермолин получал небольшой денежный оклад 5 рублей в год, хлебного жалования 16 четей ржи и овса, поденных кормовых денег в год 5 рублей 15 алтын, 5 денег (по 3 деньги на день). Про его работу в 1667 г. было написано: «Делает по наряду приказную и верховую поделку. Он же в поднос золотил две пищали грузинския, два копя, дватцать четыре копеец стрельных»¹⁹.

Закономерен вопрос, что за скобу велено было сделать мастеру и почему только к одному железному щиту? В составе «вооруды» деревянных и металлических щитов московской работы (см. ниже)

железные скобы отсутствовали. Весьма вероятно, что железный «ложчатый» щит, как и два упомянутых выше железных образцов, был одним из старых щитов, хранившихся в Оружейной палате.

Два металлических щита из оружейной казны боярина князя Василия Васильевича Голицына, конфискованной в 1690 г., находились в Оружейной палате до второй половины XIX в. В 1873 г. один из них был передан в Санкт-Петербургский Артиллерийский музей²⁰. Другой, с небесспорной атрибуцией «Восток, Турция (?) XVII в.» хранится в собрании доспеха Музеев Московского Кремля²¹. Круглый стальной щит с выпуклой центральной частью и остатками восточного орнамента и золотой насечки на поле сзади по центру имеет одну большую железную пустотелую ручку – скобу для удержания (рис. 5, 6). Возможно, и ложчатый железный щит, который чинил Григорий Ермолин, принадлежал к тому же типу. Мы вправе осторожно предположить, что по крайней мере часть из железных щитов, хранившихся в оружейной казне в Набережных хоромах в 1647 г., имела восточное происхождение.

В начале 1670 г.ковка щитов была либо завершена, либо близка к завершению. 22 февраля последовало распоряжение: «Зделать в Оружейную палату на сто щитов железных вооруду медную

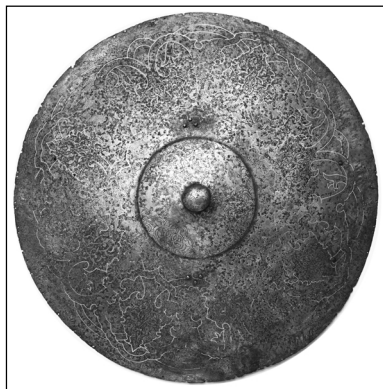

Рис. 5. Щит железный. Восток, XVII в. Поступил из имущества кн. В.В. Голицына в 1690 г. (общий вид). Инв. № Ор-1309

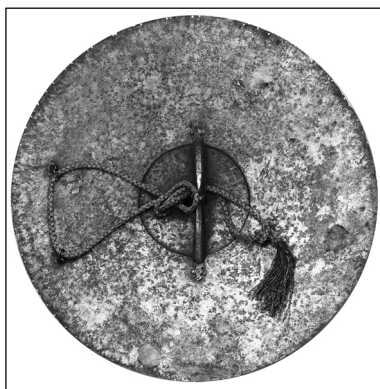

Рис. 6. Щит железный. Восток, XVII в. Поступил из имущества кн. В.В. Голицына 1690 г. (оборотная сторона)

розными обрасцы литую по пятидесят мест на щит... И по тому ево великого государя указу на те щиты вооруду медную литую то число велено делать из своей меди Яковлева приказу Соловцова стрельцу Ивашку Кузьмину для того что он наперед сего в Оружейной палате дельвал на куюки гвозди медные литые. А по ево Ивашкове скаске пойдет у него к тому делу на сто щитов на вооруду своей меди зеленые полтретья пуда, по гривенке на щит. А по уговору от той вооруды за медь, и за дело, и за уголья по пяти алтын по четыре деньги от вооруды от щита. Итого семнатцать рублев»²².

Выявленные сведения об использовании щитов относятся существенно к области посольского церемониала, а именно к организации парадных мероприятий для встречи иноземных посольств при въезде в русскую столицу. Из документов разных лет о чинке железных щитов и подготовке их к выдаче служилым людям для участия в парадно-церемониальных мероприятиях мы узнаем, что щиты имели тканевые стеганные подкладки, подушки и тесемчатые (или из шнура) петли для удержания²³. В исторической части описания железных щитов в Описи Московской Оружейной палаты конца XIX в. приводятся многочисленные извлечения из источников о чинке железных щитов, в преддверье посольских церемоний²⁴. Наиболее ранние известия такого рода датированы ноябрем 1671 г. Работы о чистке и «вооружении» железных щитов мастерами Оружейной палаты и Ствольного приказа сопровождаются пояснением: «А те щиты чистили и в лице поставили и вооружали к выезду польских послов»²⁵.

Видимо, щиты сильно страдали от ржавчины, поскольку уже в 1675 г. «к выезду персидских послов» восемьдесят щитов было велено полудить²⁶. 29 января 1675 г. на встрече кизылбашских (персидских) послов, среди конных сотен, принимавших участие в церемонии, написаны «сокольничьи сотни в пансырех, и с щиты, и в крыльях, и с копы с змеиными»²⁷.

Русские приставы, сопровождавшие польское посольство кн. Михаила Чаторыйского и Казимира Сапеги, прибывшее в 1678 г. в Москву для подтверждения Андрусовского перемирия, писали в своем отчете: «А как великие послы пришли на Красную площадь и конюшенного чину сотни, у которых были крылья и в руках копыя и щиты, хвалили, и тому строю зело удивлялись»²⁸.

Из новых элементов следует отметить появление на щитах деталей креплений, украшенных эмалью. В августе 1680 г. было велено

купить щитам железным «шездесят мест вооруды медной с финифтью»²⁹. В декабре 1683 г. была составлена приказная выписка об оружейном наряде, отпущенном в 1680 г. из Оружейной палаты для встречи польских послов «конюшенного чину сотенным головам и поручиком и прапорщиком и сотенным людям», всего на семь сотен. Речь шла о встрече посольства «велюньского каштеляна» Константина Томицкого, побывавшего в России в августе–сентябре 1680 г. В своих реляциях К. Томинский отмечал необычайно пышную встречу, в частности, многочисленные московские конные хоругви, среди которых особо выделил эффектно вооруженных и экипированных «царских конюхов»³⁰.

Согласно выписке, начальным людям – поручикам велено было выдать «5 человеком – 5 щитов, в том числе 3 булатных, 2 кизылбашских черных». Рядовым «конюшенного чина» во вторую сотню из Оружейной палаты было выдано: «60 щитов железных, подкладки кумачные и 60 копей з змеями и с лопастьми... 192 (1683) декабря в 17 день боярин и оружничей Петр Васильевич Большой Шереметев с товарищи сей выписки слушав, приказал для выезду и встречи свейских послов оружейную всякую бронь прибрать и пересмотреть. И что доведца вычинить, а чего налицо нет зделать вновь, чтоб все было сполна против прошлого 188 (1680) году»³¹.

Следует отметить, что согласно документу и в 1680, и в 1683 гг. «щитоносные» царские конюхи были вооружены не «кумыцкими», а «змеевыми» копьями. Насколько можно представить по документам, «копья з змеями» имели довольно сложную конструкцию. Головы змей со стеклянными глазами предположительно делали из бумаги (папье-маше?)³². В 1675 г. в Оружейную палату был приобретен пуд бумаги, «а по указу великого государя та бумага куплена к змеиному делу на копья... а стекла к змеям на глаза»³³. Хвосты змей были выполнены из ткани и имели каркас из черемуховых прутьев. Крылья и языки змеев изготавливались из жести (белого железа). Друг к другу и к древкам копий элементы конструкции (вероятно, ограниченно подвижные) крепились ремнями. Снаружи змеи оклеивались «медной шумихой» – фольгой. Древки копий украшались цветной бахромой и цветными тканевыми «лопастьми»³⁴.

Документы делопроизводства Оружейного приказа свидетельствуют о том, что планы администрации ведомства не ограничивались созданием лишь одной группы из ста парадно-церемониальных

железных щитов. Вероятно, на некоем этапе возникло намерение продолжить эксперимент с деревянными, обтянутыми тканью щитами. Для того чтобы представить финансовую сторону вопроса, была составлена сметная выписка с описанием стоимости всех материалов и работ по созданию одного щита. На документе не представлена дата. При составлении архивной описи он отнесен к столбцам августа 1672 г. Однако есть основания полагать, что выписка была сделана годом раньше – летом 1671 г.

Как следует из выписки, щит конструктивно и по внешнему виду должен быть очень близок к щитам 1668 г. Деревянная основа оклеена атласом червчатым, изнутри подбит дорогами красными, вооруды медной 36 мест, тесьмы шелковой 4 аршина. Наиболее существенным отличием было наличие на щите 1671 г. железного навершия, наведенного волоченным серебром. Всего щит «ис гусударева леса» обошелся казне в 4 рубля 2 алтына³⁵.

25 сентября 1671 г. из Оружейного приказа были выданы деньги «наводного дела мастером Ивашку Калтыкееву да Моске Бобылеву на дватцать на три щита деревянных точеных на черепы железные под навод, по два алтына на череп. Итого рубль двенатцать алтын четыре деньги. А по указу великого государя те черепы велено им навесь серебром к дватцати к трем щитам деревянным по наряду в Оружейной палате». На обороте столбца присутствует расписка о получении денег³⁶.

Несмотря на наличие распоряжения о начале работ над серийной партией деревянных щитов, есть серьезные основания сомневаться в том, что этот проект был реализован. Никаких документальных свидетельств о том, что работы по созданию значительной группы деревянных щитов действительно начались, в делопроизводстве Оружейной палаты 1671–1673 гг. выявить не удалось.

Следующий документ о работах над деревянными щитами относится к 1674 г. Согласно расходной записи «генваря в 12 день Приказу Большого дворца деревянных дел токарю Антону Иванову за дерево и за клей по уговору восемь алтын. По указу великого государя зделал он два щита деревянных в Оружейную палату на образец»³⁷. В отличие от документа о выдаче денег на материалы И. Килтыкееву и М. Бобылеву, здесь речь идет об оплате фактически выполненной работы.

Выражение «на образец» может свидетельствовать о том, что у руководства Оружейной палаты вновь возникли планы создания

масштабной группы деревянных щитов. И вновь приходится столкнуться с полным отсутствием источников, свидетельствующих, что к реализации этих планов действительно приступили. Никаких упоминаний об использовании группы деревянных щитов в парадно-церемониальной практике русского двора в XVII в. также не выявлено.

В росписи «оружейных дел» пасхального подноса царю Алексею Михайловичу 1674 г. деревянных щитов нет, хотя присутствуют «два копыя красного железа позолочены. Делали Борис Крыгор да Кузьма Туленин». Вместо щитов рядом с копиями написаны два других весьма необычных для России XVII в. предмета: «два меча волнистых с крыжами, ножи покрыты объерью золотною. Делал Борис Крыгор»³⁸.

В Переписной книге государевой оружейной казны 1687 г. фигурируют четыре липовых, обтянутых красной тканью щита, два из которых с «медными репьями» четко опознаются как деревянные щиты 1668 г. Два других, также обтянутых красной тканью, имели железные навершия, «на них по орлу двоеглавому... наведены серебром»³⁹. Вероятно, по неким причинам от создания многочисленной группы деревянных щитов решено было отказаться, ограничившись доделкой двух «образцовых» 1674 г. Причем, от поднесения этих щитов государю на Пасху также решено было воздержаться.

В Переписной книге государевой оружейной казны 1687 г. записаны сто щитов железных с «гвоздями медными репейчатыми и гладкими городчатыми», оцененные по четыре рубля каждый, большинство из которых с высокой долей вероятности составляли щиты, изготовленные в 1669–1670 гг.⁴⁰ В конце XIX столетия в Оружейной палате хранилось 98 близких по типу русских железных щитов с медной воорудой, датированных XVI в. Последнее обстоятельство нельзя не признать парадоксальным, поскольку комментарий к описаниям предметов содержит ссылки и извлечения из текста архивных документов, прямо указывающих на создание этих щитов во второй половине XVII столетия⁴¹.

В настоящее время в Музеях Московского Кремля хранятся 95 щитов из этого числа⁴². Три щита в 1929–1931 гг. были выданы в музей Революции, музей Переславля-Залесского и Владимирский музей⁴³. Железные щиты различаются по диаметру в диапазоне 45–55 см. Можно выделить два типа оформления этих щитов: гладким

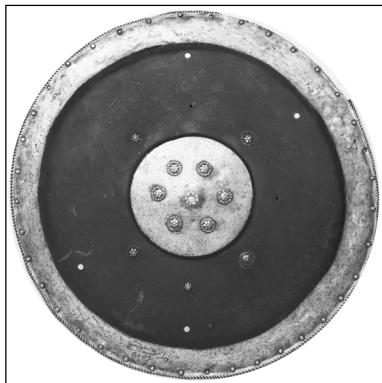

Рис. 7. Щит железный. Россия, Москва, Ствольный приказ, Оружейная палата (?), 1669–1670 гг. Инв. № Ор-842

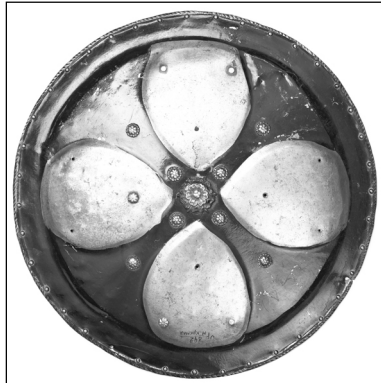

Рис. 8. Щит железный. Россия, Москва, Ствольный приказ, Оружейная палата (?), 1669–1670 гг. Инв. № Ор- 1319

и дольчатым (ложчатым) полем. Определенные различия усматриваются в формах и размерах фигурных медных деталей. При всем этом очевидна серийность данных изделий и упрощенный подход к их отделке (рис. 7, 8).

Щиты пострадали во время большого московского пожара 1737 г., лишившись всех тканевых элементов: подкладок, подушек, тесем и шнуров, ничего не осталось и от эмали. Можно понять, что на момент пожара по крайней мере часть железных щитов хранилась сложенной в стопы. На оборотных сторонах некоторых из них остались следы от оплавившейся медной «вооруды» с лицевой стороны щита, находившегося снизу.

Очевидно, что место хранения деревянных щитов в 1737 г. было иным, нежели железных, поскольку от огня они не погибли. Четыре деревянных щита русской работы прослеживаются по описям Оружейной палаты вплоть до 1808 г., однако в 1835 г. значится лишь один щит с железным с серебряной насечкой на вершнем. При разборе вещей в 1861 г. был отыскан украшенный насечкой «железный плащ» от второго деревянного щита⁴⁴. Таково положение дел и на сегодняшний день.

Рассматривая единственный сохранившийся деревянный щит,⁴⁵ нельзя не прийти к выводу, что он изначально имел крайне ненадежную и слабую конструкцию. Заготовка представляла собой две

липовые доски большой ширины, склеенные между собой двумя слоями. Из этой дуплексной заготовки была выточена линзовидная (выпукло-вогнутая) основа щита диаметром около 65 см. Высота щита от края поля до верхней точки в центре составляет 91 мм. Причем, средняя толщина обработанной деревянной поверхности не превышала 1 см.⁴⁶ Не добавляли прочности щиту многочисленные отверстия в дереве от «городчатых» медных гвоздей и креплений центральной детали – «умбона». Учитывая эти особенности, нужно признать большой удачей, что хотя бы один из деревянных щитов сохранился до нашего времени. Возможно, именно слабостью конструкции и непригодностью липовых точеных щитов к сколько-нибудь активному использованию и объясняется отказ от создания масштабной церемониальной группы.

Деревянный щит подвергался реставрации в XIX в. На внешней стороне деревянной основы сделана весьма интересная по содержанию надпись чернилами: «Для Оружейной палаты / переделывал тафту и починивал / Егор Шухов 1838 / ноября 22-го / тот щит царя Михаила Федоровича [и] / Алексея Михайловича. / Пусть увидят правнуки, что есть долг, / трудился из одной любви к царю и Отечеству». Под тканью утраты дерева в некоторых местах были закрыты картоном. Вероятно, именно после реставрации Егора Шухова академиком живописи Ф.Г. Солнцевым были сделаны рисунки акварелью, впоследствии опубликованные в «Древностях Российского государства»⁴⁷. Подлинная акварель Ф.Г. Солнцева «Деревянный щит, обтянутый камкою» хранится в собрании графики Музеев Московского Кремля⁴⁸ (рис. 9).

В настоящее время состояние сохранности предмета уместно охарактеризовать как крайне тяжелое. Ткань на лицевой стороне утрачена практически полностью, подкладка и металлическое навершие отделены от деревянной основы. Составная основа щита расслаивается, поле рассечено радиальными трещинами и разломами, есть существенные утраты дерева по краю (рис. 10). В 2013 г. щит был передан на реставрацию. Спасением последнего в своем роде памятника занимается реставратор Музеев Московского Кремля Антон Николаевич Гусев. Металлическое навершие – «умбон» от второго щита 1671 г. (диаметр – 20,5 см) также хранится в собрании доспеха Музеев Московского Кремля⁴⁹.

Центральные пластины щитов в документе 1671 г. названы «черепами», вероятно, по аналогии с черепами мисюрок. На мой взгляд,

**Рис. 9. Ф.Г. Солдцев. Акварель
«Щит деревянный, обтянутый камкой».
Россия, Москва, первая половина XIX в.
Инв. № Гр-3033**

четвероугольных булатных з золотым же наводом, 100 зеркал обычных кружчатых»⁵².

Изображения русского герба с обрамлением, на круглых пластинах в технике насечки серебром выполнили Иван Килтыкеев и Моисей Бобылев. Относительно их авторства нет никаких сомнений. По стилю и технике исполнения изображения соответствуют идентифицированным (точно или с высокой долей вероятности) работам вышеуказанных мастеров, в частности на пластинах зеркальных доспехов⁵³.

Наводчики (наводного дела) Иван Килтыкеев (Килтыков, Калтыкеев, Колтыкеев) и Моисей Бобылев (Буболев) принадлежали

справедливо наблюдение М.Н. Ларченко, что «умбоны» больше походят на зеркальные доски⁵⁰. Навершие деревянных щитов более всего напоминают пластины персидских «кружчатых» зеркал типа *char aina* или *shahar-a'ina*, что означает «четыре зеркала». Доспех подобного рода был широко распространен в Иране и Индии XVI–XVIII вв.⁵¹ и пользовался успехом при русском дворе. В 1662 г. направлявшемуся в Персию русскому посольству было наказано в числе прочих вещей привезти «5 зеркал самых добрых в кольцах с наводом золотым, 50 зеркал кружчатых и

к так называемым «польским мастерам» – выходцам из городов, отвоеванных Россией у Польско-Литовского государства. Иван Килтыкеев трудился в Оружейной палате с 1657 г., а Моисей Бобылев перебрался в Москву в 1660 г. Известно, что мастер выехал из Быхова⁵⁴. Иван и Моисей прослужили в Оружейной палате более двадцати лет, украшая оружие и доспех золочением и насечкой⁵⁵. В 1677 г. оба получали по 9 рублей годового оклада и поденного денежного корма жалование по 3 деньги на день (сведений о хлебном жаловании в документе нет)⁵⁶.

Насеченные серебром изображения двуглавых орлов на двух пластинах очень близки, хотя и не идентичны. Значительно более отличаются друг от друга элементы обрамления гербов (рис. 11, 12).

В присутствии на щитах двуглавых орлов можно усмотреть как следование западноевропейской традиции использовать щит как носитель геральдических изображений, так и вполне укоренившейся на отечественной почве практики украшать изображением государственного герба оружие, доспех и форменное платье служилых людей, участвовавших в придворных церемониях.

В описи Оружейной палаты конца XIX в. наверху – «череп» написано булатным⁵⁷, эта характеристика перенесена и в современные инвентарные книги Музеев Московского Кремля. В выявленных документах 1671 г. о булатном черепе ничего не сказано. К сожалению, визуально установить, булатные пластины или нет, в настоящее время не представляется возможным. Поверхность пластин неоднократно подвергалась абразивной чистке в XIX–XX вв., загрязнена и поржавела.

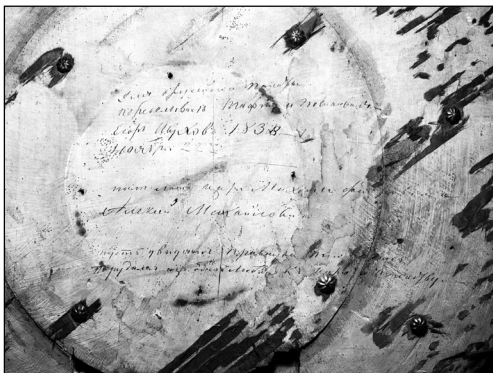

Рис. 10. Щит деревянный. Россия, Москва, Оружейная палата, 1674 г. (?) (фрагмент). Инв. № Ор-4769

Рис. 11. Навершие – «умбон» деревянного щита. Россия, Москва, Оружейная палата, 1674 г. (?) Мастера И. Килтыкеев, М. Бобылев. Инв. № Ор-4769

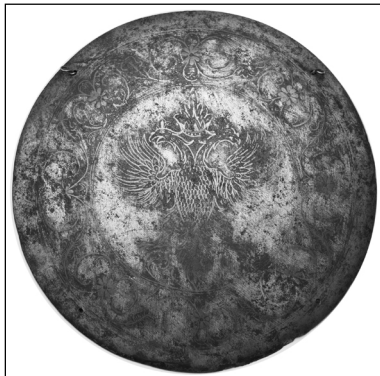

Рис. 12. Навершие – «умбон» деревянного щита. Россия, Москва, Оружейная палата, 1674 г. (?) Мастера И. Килтыкеев, М. Бобылев. Инв. № Ор-4622

Происхождение прототипа – образца для русских железных щитов второй половины XVII в. – довольно туманно. Рабочую версию на данный момент можно озвучить лишь как «предположительно Восток», не рискуя указать на какой-либо регион или конкретный тип щита.

Что же касается деревянных щитов, то, основываясь на внешнем виде сохранившегося щита 1671 г. и подробных сведениях о щитах 1668 г., можно выдвинуть предположение, что все они воспроизводили внешний вид восточных щитов типа «калкан» (в отечественной терминологии «тростниковые» или «витые» щиты). В наиболее распространенном варианте – это круглые щиты, часто с полем красного цвета, относительно крупной центральной металлической

Рис. 13. Щит калкан. Турция, XVII в. Подарен царю Алексею Михайловичу послами имеретинского царя Александра в 1659 г. Инв. № Ор-174

накладной деталью – «умбоном» и несколькими более мелкими или гвоздями с фигурными шляпками для крепления «вооруды» (рис. 13).

Русские щиты Оружейной палаты – памятники удивительных процессов, протекавших в придворной среде второй половины XVII столетия. В парадно-церемониальной практике русского двора активно происходило смешение разнородных культурных тенденций, новаций и старины. Исполнение технических и художественных задач было возложено на Оружейную палату, придворные ювелирные мастерские – Золотую и Серебряную палаты, с привлечением мастеров Ствольного и Казенного приказов, а иногда, как в случае со щитами, и московских ремесленников. Успешной деятельности дворцовых мастерских и казнохранилищ в значительной степени обязан своим существованием образ русского двора. Образ блистательный и эклектичный, сохранявший в своей основе прочную связь с древними традициями и без колебаний бравший все самое лучшее, яркое и интересное, что могли предложить Запад и Восток.

¹ Савваитов П. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1865. С. 33, 34.

² Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С.128–131, 328–329.

³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5483. Роспись боярина Никиты Ивановича Романова ратной сбруи, принятой в Оружейную палату; Д. 8192. Роспись ратной сбруе, которая взята в казну после боярина Василья Ивановича Стрешнева; Д. 11849. Опись вещам, оставшимся после боярина Ильи Даниловича Милославского; Опись имущества боярина Артемона Сергеевича Матвеева // ЧОИДР. М., 1900. Кн. 2. Смесь. С. 13–16.

⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок, что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1687 г. Л. 186; Опись московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. М., 1884. С. 283–285.

⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3593. Роспись государевой оружейной казны. Л. 16.

⁶ Там же. Л. 44.

⁷ Там же. Д. 5692. Роспись походной казны Алексея Михайловича, которая была в Смоленске (не полная); Д. 5835. Роспись Оружейной казны, отпущенной из Оружейного приказу в поход; Д. 8156. Роспись Оружейной палаты. (не полная).

⁸ Там же. Д. 5483. Роспись боярина. Никиты Ивановича Романова ратной сбруи...

⁹ Древности Российского государства. Дополнение к III отделению. Яковлев Л.П. Русские старинные знамена. Приложение. М., 1865. № 56. С. 112–120.

¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11392. Выписки, по коим отпущено было из Казенного приказу в Оружейную палату... Л. 57–59.

- ¹¹ Там же. Д. 11295. О выдаче денег на всякие покупки... Л. 64–65.
- ¹² Там же. Д. 11708. Роспись государевым оружейным делам, которые на праздники Недели Святыя Пасхи были ему великому государю в подносе. Л. 4–5.
- ¹³ Орленко С.П. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей Международной научно-практической конференции. СПб., 2012. Ч. II. С. 447–451; он же. Мечи и протазаны. К вопросу о церемониальных новациях русского двора середины XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. XXII. С. 64–70. В печати.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11823. Роспись Оружейной палаты разным мастерским делам, которые сделаны после подносу и кто имена из мастеровых людей по наряду каких дела делали... Л. 23.
- ¹⁵ Там же. Д. 12165. О даче из Оружейной палаты разных дел мастерским людям денег... Л. 104.
- ¹⁶ Там же. Л. 116–118.
- ¹⁷ Там же. Д. 12395. О покупке разных товаров в Оружейную палату... Л. 5.
- ¹⁸ Там же. Л. 158.
- ¹⁹ Там же. Д. 11823. Роспись Оружейной палаты разным мастерским делам... Л. 17.
- ²⁰ Опись московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. Кн. 2. С. 288–289.
- ²¹ Инв. № Ор-1309.
- ²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 12395. О покупке разных товаров в Оружейную палату... Л. 159–160.
- ²³ Там же. Д. 12629. О сделании к 10 щитам железным подушек. Л. 1; Д. 15369. О покупке разных материалов... Л. 2.
- ²⁴ Опись московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. С. 304–305.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13582. Челобитная оружейной палаты сабельных придельщиков... Л. 3; Д. 13589. Записка о даче денег Ствольного приказа... Л. 1.
- ²⁶ Там же. Д. 15394. О полуде 80-ти щитов железных к выезду послов персических. Л. 1.
- ²⁷ Дворцовые разряды. М., 1852. Ч. 3. С. 1192.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 187. 1677–1678 гг. Приезд в Москву и отпуск ... полномочных польских послов Михаила Чарторыжского... Л. 454.
- ²⁹ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18511. О даче денег разным торговым людям... Л. 277–279.
- ³⁰ Кочегаров К.А. Свидетельства польских дипломатов о России в 80-е гг. XVII в.: посольский обычай, внутренняя политика, бытовые особенности // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV – первой трети XVIII века. Сборник материалов международной конференции 2006 г. В печати.
- ³¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19627. Записка об оружейном наряде, отпущенном из Оружейной палаты для встречи польских послов 6 л. (Документ ошибочно датирован 188 г.) Л. 2, 3, 6.
- ³² В документе 1680 г. про змеиные головы написано «клеишны» (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19411) Ранее «к змеиному делу» был куплен пуд бумаги хлопчатой (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15369).
- ³³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15369. О покупке разных материалов... к змеиному делу... Л. 1–2.
- ³⁴ Там же. Д. 21933. О покупке разных товаров для Оружейной брони, которые

велено делать для встречи Свейских послов. Л. 9, 24, 32, 35.

³⁵ Там же. Д. 13856. Выписка о щите деревянном со всею принадлежностью. Л. 1–2.

³⁶ Там же. Д. 13548. Записка наводного дела мастерам Ивану Калтыкееву, Моисею Бобылеву, в коей велено на черепы железные... Л. 1–1 об.

³⁷ Там же. Д. 49326. О сделании в Оружейной палате двух щитов деревянных на образец. Л. 1.

³⁸ О поднесении для Святой Пасхи царю Алексею Михайловичу разных вещей... Л. 8.

³⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок, что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1687 г. Л. 195.

⁴⁰ Там же. Л. 195 об.

⁴¹ Опись московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. Кн. 2. С. 288–305.

О составителе этого тома описи Оружейной палаты см.: Смирнова Е.И. К вопросу об авторстве книг «Холодное оружие», «Броня» и «Огнестрельное оружие». Описи Московской оружейной палаты // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 1. М., 1973.

⁴² № 5328–5422 охр.

⁴³ ОРПГФ Музеев Кремля. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6; Опись московской Оружейной палаты М., 1884. Ч. 3. Кн. 2. Л. 314 об., 318.

⁴⁴ Опись московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. Кн. 2. С. 271.

⁴⁵ Инв. № Ор-4769.

⁴⁶ Автор выражает глубокую благодарность реставратору Музеев Московского Кремля Антону Николаевичу Гусеву, производившему точные измерения.

⁴⁷ Древности Российского государства. Отд. III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М., 1853.

⁴⁸ Инв. № Гр-3033.

⁴⁹ Инв. № Ор-4622.

⁵⁰ Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 4. М., 1984. С. 191.

⁵¹ Stone G. S. A glossary of the construction, decoration and use of arms and armor in all countries and in all times. New York, 1999. P. 174–175.

⁵² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8075. О посылке из Посольского приказа к послам Федору Яковлевичу Милославскому с тов. государева указа о покупке надобных к оружейному делу в Оружейную палату товаров по росписи. Л. 6.

⁵³ Орленко С.П. Произведения белорусских мастеров «наводного дела» в Оружейной палате второй половины XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 24. В печати.

⁵⁴ Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров... С. 191.

⁵⁵ Орленко С.П. Произведения белорусских мастеров «наводного дела»...

⁵⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 958. Книга прихода-расходная денежной казны Оружейной палаты 1677–1678 гг. Л. 110–111.

⁵⁷ Опись Московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. Кн. 2. С. 269.

А.В. Орлов (Санкт-Петербург)

**ЧАСТНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ
В ПЕРИОД И В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ: ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕР
РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ
УПОЛНОМОЧЕННОГО ГАУ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА
С.Н. ВАНКОВА 1915–1918 ГОДЫ)**

ОСОБАЯ СЛОЖНОСТЬ ПРЕДМЕТА заключается в том, что единственная дошедшая до нас официальная «История Организации Уполномоченного ГАУ генерал-майора Ванкова» (далее в тексте для краткости просто Организация Ванкова и «История Организации») почти не пользовалась вниманием историков промышленности, создавая совершенно незаслуженно впечатление второстепенности ее роли и значения в деле оборонной промышленности России в годы Первой мировой войны. А между тем, не составляет никакого особого труда увидеть, насколько это далеко от истины. Возникает вопрос: кому и зачем понадобилось замалчивать деятельность этой организации и тем самым принижать действительную ее роль в российской истории.

Прибегнем к мнению авторитетов: «Среди мероприятий, осуществленных во время войны, – пишет известнейший в среде ГАУ участник событий генерал Е.З. Барсуков, – организация Ванкова по изготовлению в России 76-мм снарядов французского образца является весьма поучительным примером в истории русской промышленности, показавшим, как возможно ее мобилизовать и использовать в отношении массового производства даже таких предметов боевого снаряжения, к изготовлению которых она совершенно не была подготовлена»¹.

Еще в самом конце ноября 1915 г. авторитетный чиновник В.П. Литвинов-Фалинский писал: «Преодолевая целый ряд

трудностей, наша промышленность в настоящее время в широкой мере работает на оборону страны. Приспособлен для военных надобностей целый ряд производств, **созданы новые отрасли промышленности** [выделено мной. – А. О.], иные сильно развились и расширились... Было бы величайшей и непростительной ошибкой допустить вслед за окончанием войны разрушение той огромной мощи, которую представит собою русская промышленность к концу войны. Прекратятся заказы. И наше военное производство, налаженное с такими усилиями и жертвами со стороны государственного казначейства, может легко расстроиться. Поддержание этой мощи составляет задачу величайшей государственной важности»².

При всем этом: «На этом пути мы встретили огромные затруднения. У нас не оказалось необходимого количества машин – орудий, станков, прессов и проч. Наряду с этим мы были вовсе лишены свинца, олова, алюминия, достаточного количества меди, цинка и иного рода сырых материалов. Пришлось за этим обратиться к иностранным рынкам»³.

Но в этом подробном докладе, озаглавленном «О мобилизации русской промышленности», почти не прозвучало, что же это была за промышленность. Лишь мельком было отмечено, что «было создано у нас обширное производство снарядов на всех частных заводах». Далее, как обычно в те времена, говорится о том, к чему правительство должно «обязать ныне работающие на оборону заводы» и что «взамен сего обязательства заводам должно быть дозволено»⁴. По-прежнему размышления строятся на антитезе «правительство дает – промышленники обязаны». А между тем реальное соотношение в промышленности сложилось явно не в пользу свободы выбора у правительства и казны. Налаживать и организовывать промышленность, тем более неказенную, пришлось далеко не одним чиновникам. Заводы, которыми пользовалось правительство, были частными. Их были десятки и даже сотни. Если прибегать к заграничным заказам было дорого и очень рискованно рассчитывать на своевременность выполнения заказов вдали от России, через моря и океаны, то единственный выход был обратиться к «домашней промышленности», хотя и не готовой к военному производству, но единственно близкой по доступности.

Интересны также сведения, оставленные без всяких комментариев генералом А.А. Маниковским, бывшим начальником ГАУ,

самым авторитетным и вообще известным автором в изучении данного вопроса. Генерал приводит следующую таблицу данных снарядного производства (мы ее несколько сокращаем в деталях)⁵.

Заводы	Произведено снарядов за годы войны	Всего снарядов (штук)
Казенные заводы – всего 9 заводов	В 1914 г. – не указано, в 1915 г. – 966 000, 1916 г. – 4 099 000, в 1917 г. – 3 128 000, в 1918 г. – 23 000	8 216 000
Частные заводы первой классной мощности	В 1914 г. – 75 000, в 1915 г. – 7 032 000, 1916 г. – 12 652 000, в 1917 г. – 6 449 000, в 1918 г. – 233 000	26 441 000
Частные второстепенные заводы	В 1914 г. – 4000, в 1915 г. – 828 000, 1916 г. – 2 628 000, в 1917 г. – 1 628 000, в 1918 г. – 82 000	5 170 000
Организации генерала Ванкова – около 100 заводов	В 1915 г. – не указано, 1916 г. – 7 003 000, в 1917 г. – 5 314 000, в 1918 г. – нет данных	12 317 000
Группа заводов Всероссийского союза земств и городов	В 1916 г. – 374 000, в 1917 г. – 658 000	1 032 000
Центрального военно-промышленного комитета	В 1916 г. – 159 000, в 1917 г. – 330 000	489 000
Московское городское управление	В 1916 г. – 29 000, в 1917 г. – 218 000	247 000
Итого	В 1914 г. – 79 000, в 1915 г. – 8 826 000, 1916 г. – 26 944 000, в 1917 г. – 17 725 000, в 1918 г. – 338 000	53 912 000

Из этой таблицы видно, что, Организация Ванкова дала по крайней мере каждый пятый снаряд стране и фронту, причем фактическая деятельность ее показана только с 1916 г., а это совсем неверно. Именно в 1915 г., и уже с февраля, началась эта работа, которая дала полный успех в 1916 г. Поражают и другие цифры. Как известно, Организация Ванкова представляла собой десятки частных заводов. Но кроме нее действовали куда более опытные и еще до войны подготовленные к снарядному производству частные заводы России. Именно частной промышленности принадлежит решающая и подавляющая заслуга в производстве снарядов, по крайней мере в части металла, исключая порох и производство взрывчатых веществ.

Приходится учитывать и другой фактор, а именно, возможность ведения войны после катастрофы в апреле – мае 1915 г., когда из-за недостатка снарядов фронт «рухнул» в своей обороне и началось долгое и весьма болезненное отступление обезоруженной в артиллерийском отношении русской армии на всем северо-западе от Прибалтики до Белоруссии и Украины. И снаряды, изготовленные во второй половине 1915 г. и особенно в 1916 г., должны были напитать фронт уже не для наступления, но хотя бы для удержания его рубежей. В действительности, именно производство 1916 г., вместе с заграничным поступлением пороха и взрывчатых веществ, дало возможность не только удержать фронт, но и перейти в стратегическое наступление (Брусиловский прорыв).

Интересно отметить, как расходятся взгляды Е.З. Барсукова и А.А. Маниковского на одно и то же явление. Историк и участник работы ГАУ генерал Е.З. Барсуков отмечает, что «просимые генералом Ванковым права и полномочия были ему предоставлены далеко не в полном объеме»⁶. У Маниковского же не находим никакой оценки деятельности Организации Ванкова по существу, а цифры производства снарядов в первом издании (1923) отсутствуют, а даны во втором издании (1930), но с упреком, что Организация Ванкова увлеклась производством лишь одних 3 дм снарядов в ущерб крайне необходимому изготовлению гаубичных снарядов для тяжелой артиллерии. Барсуков опровергает этот упрек, в котором Организация вины не имела. Однако в самом очерке истории Организации Ванкова мы видим еще и прямые данные о том, что именно этим вопросом она настойчиво и неуклонно занималась и в 1916, и в 1917 гг., и поэтому совершенно несправедливо было бы игнорировать очевидные факты⁷.

Генерал В.С. Михайлов, другой участник работы ГАУ тех лет, в своем очерке уделяет внимание работе Организации Ванкова, отмечая в ней «много поучительного» и тот факт, что сроки, с какими было поставлено новое в России производство, «полностью сохраняют свою практическую ценность и сейчас, в совершенно иной обстановке» (1929)⁸. К числу главных достоинств опыта Организации Михайлов относит «элемент времени, сроки», с какими были выполняемы заказы на снаряды, и, кроме того, то, что «эти данные относятся не к одному какому-либо заводу, а к сотням их. Следовательно, сроки здесь не носят случайного характера – в них есть определенная закономерность»⁹.

Кроме прочего, уже в 1915 г. Организация начала сдачу 3 дм. гранат: в июле 1915 г. – 127 шт., в августе – 8420, в сентябре – 43 919, в октябре – 90 000, в ноябре – 128 020, в декабре – 125 400 шт.¹⁰ Эти данные не включены в книгу Маниковского и, таким образом, игнорированы в учете поставок.

Не соответствует действительности и утверждение Маниковского, что Организация Ванкова будто бы не реагировала на потребность армии в тяжелых снарядах, а подавала только самые освоенные и «простые» 3 дм гранаты. На самом деле в 1917 г. Организация Ванкова, несмотря на крайне тяжелые экономические и политические условия в стране после революции, дала 1 224 000 снарядов 6 дм и 48 лин. калибров (корпусов), свыше 1 300 000 запальных стаканов и 950 480 головок к 6 дм. запальным стаканам¹¹. Почему проигнорированы эти данные, остается неясным.

Чрезвычайно небрежно у Маниковского указана и цифра предприятий Организации, хотя это вопрос далеко не одной статистики. В Организации Ванкова было не 100 заводов примерно, а, как пишет, например, Барсуков, «в одном Московском районе было объединено около 100 заводов, мастерских и комитетов; в Одесском – до 70 предприятий... в Киевском – 56 заводов и мелких мастерских»¹². А ведь чтобы организовать работу этих заводов и мастерских, было совсем недостаточно казенной инициативы, требовалась организация внутри самой частной промышленности. Требовалась, по сути, самоорганизация частной промышленности, и в завидно краткие сроки. Все это требовало новых энергий, затрат, координации и взаимоконтроля. Деньги не могли решить таких проблем без самих участников общей работы. Кроме того, в Организацию Ванкова оказались вовлечены крупнейшие предприятия империи: Коломенский завод, Южно-Русский Днепропетровский металлургический завод, завод Кольчугина, Донецкое и Краматорское металлургические общества, весьма многие крупные московские мануфактуры, множество мелких мастерских и самых разнородных до войны по своей специализации предприятий. Эти факты должны дать нам возможность взглянуть по-новому и оценить проделанную работу без очень пренебрежительных или просто лишенных внимания прежних оценок. Можно сказать, что этих оценок и нет, так как в действительности мы видим либо молчание, либо явное непонимание значения Организации Ванкова в истории военной промышленности России. Совершенно не имеет значения

тот факт, что речь идет «всего лишь» о производстве боеприпасов, а не о многих других отраслях оборонных производств и нужд. Ведь без этих боеприпасов произведенные и поставленные из-за границы артиллерийские орудия лишались бы своего назначения на фронте.

Историк А.Л. Сидоров, крупнейший из исследователей нашего вопроса, чьи работы долгое время пролежали не опубликованными полностью, в вышедшей в 1973 г. монографии откровенно возражает Маниковскому на его странную недооценку работы не только Организации Ванкова, но и частной промышленности в России на войну. При этом, если «вчитаться» в то, что приходилось говорить Сидорову «вторым языком» в те годы, когда немыслимо было и намеком одобрять капитализм и «буржуазные» предприятия, то картина выясняется, по крайней мере, сложная. А.Л. Сидоров отмечает, что именно благодаря частной промышленности производство легких снарядов достигло необходимых потребностей фронта, так что в январе 1917 г. Россия «отказалась от помощи союзников в легких снарядах»¹³. Это имело большое значение.

К сожалению, и в последние годы, когда не осталось идеологических причин для замалчивания многих больших страниц отечественной истории, сохраняется непонимание того значения, которое Организация Ванкова по праву должна занимать в истории российской военной промышленности. Мы имеем в виду сборник документов «Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917 гг.)», увидевший свет в 2004 г. Этот сборник входит в многотомное издание документов «История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР 1900–1963 гг. Документы и материалы». Об организации Ванкова в сборнике сказано лишь словами отчета Военного министерства за 1916 год, весьма скупо и кратко. А ведь оппозиция Организации Ванкова исходила именно от ГАУ – ведущего технического органа самого Военного ведомства России. Крохотная справка в виде сноски об Организации в примечаниях к сборнику практически ничего не меняет для понимания всего размаха и величины проделанной работы¹⁴. Более того, в справке автором допущена принципиальная ошибка, когда утверждается, будто Организация Ванкова «функционировала при Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части» (ОРКАЧ). Это не так и с точки зрения ее подчинения, и с точки зрения того, что Организация Ванкова надолго

пережила ОРКАЧ и работала вполне независимо и от нее, и от ГАУ. Из самого изложения «Истории Организации» видно, что как раз Артиллерийский комитет (Артком), высший технический орган ГАУ, имевший самое непосредственное влияние на деятельность ОРКАЧ и его председателя великого князя Сергея Михайловича, выступал всячески против Организации Ванкова и дачи ей заказов на снаряды. Артком имел на это свои веские основания, которые только по мере успехов Организации стали очевидно терять свою силу.

Историк военной промышленности В.В. Поликарпов, многие годы занимающийся данной проблематикой, также оставляет в стороне деятельность Организации Ванкова, направляя усилия на выяснение вопроса о строительстве казенных военных заводов¹⁵. Однако частные заводы в годы войны стали действующими, а казенные заводы, запроектированные ГАУ в 1915–1916 гг., еще должны были быть построены. В этом очевидном различии положения тех и других заключался результат: в одном случае конечный, в другом – еще планируемый.

Практически никто из прежних авторов не отмечает того простого, но не сразу заметного обстоятельства, что заводы, входящие в Организацию Ванкова, в своем подавляющем большинстве уже давно существовали, хотя и не были приспособлены заранее в производстве боеприпасов. Эти предприятия не надо было выстраивать специально, а значит, они своим существованием и работой не только сэкономили миллионы казенных денег, но, что не менее важно, обеспечили срочность производства в том смысле, что строительство специально-снарядных заводов потребовало бы не только денег, но и длительного времени. Но не менее важно и то, что это были не казенные, а частные предприятия.

Явное непонимание значения Организации Ванкова и ее вклада обнаруживается и в других отношениях. Если признать, что решающий вклад был за 11-ю опытными и сильными частными заводами, которые дали больше всего снарядов, то надо учесть, во-первых, какие это были заводы, во-вторых, то, что это обстоятельство нисколько не умаляет роли Организации Ванкова. Очень любопытной для исследования будет тенденция, отмеченная в «Истории Организации» Ванкова: московские заводы в 1916 г. все более догоняли петроградские в производстве компонентов снарядов. Так, в 1915 г. московские заводы давали 30 % всех детонаторных трубок

(Петроградский – 66 %), а в конце 1916 г. соотношение по детонаторным трубкам было 52 % московских и 43% петроградских. А ведь 11 первоклассных заводов относились именно к петроградским, но из них детонаторные трубки производили только два, причем оба по французским технологиям и на французском оборудовании, полученном уже в ходе войны¹⁶. Переход же от производства снарядных стаканов высверливанием на штампование их дал революционный рост производства, когда только за полгода, с января по июль 1916 г., производство 3 дм. гранат выросло на 270 %, а к декабрю на 363 %! По запальным стаканам этот рост выразился с января по июль 1916 г. на 261 %, а в ноябре 1916 г. «на 740 % против января»¹⁷. Огромная доля производства в штампованных изделиях падает на Южный металлургический район, подключенный к работе Ванкова. По штампованным корпусам гранат и запальным стаканам Южный район мало уступал Московскому, деля с ним близко поровну эти виды производств. Что же касается стальной мартеновской заготовки и болванки, то ими Южные заводы на 100 % обеспечивали предприятия других районов Организации. Если учесть, что еще в середине 1915 г., т. е. через год после начала войны, промышленность, вошедшая в Организацию Ванкова, имела нулевой показатель (массового) производства в смысле отсутствия всякого опыта и кадров, а уже через полгода это производство было начато, все увеличиваясь, то всякие скептики должны будут объяснить этот факт «молча». При отсутствии оборудования, кадров и опыта (!), такого даже во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. не встретишь. Советская военная промышленность формировалась годами, как бы ни страдала от недостатков, была не только развернута до войны, но имела и технологии, и кадры рабочих, и надлежащую организацию труда. В сравнении с этим Организация Ванкова начинала свой путь «из ничего» в полном смысле слова. Так как не могла, по положению, в которое ее поставило ГАУ, отвлекать в своих интересах и для своих нужд ни один уже работающий опытный завод. Исключение составил только частный Брянский рельсопрокатный завод и казенный Брянский арсенал (ранее производством снарядов не занимавшийся), с которых и началось опытное производство, которое, в свою очередь, должно было еще только определить цену предстоящего массового производства для многих и многих заводов.

Огромное значение имел фактор районирования производства. Именно петроградским заводам становилось работать все труднее из-за их отдаленности и дороговизны топлива и сырья. 8 декабря 1915 г. царь утвердил постановление Совета Министров, по которому в Петрограде не дозволялось создание новых заводов и фабрик¹⁸. Кроме того, успехи и опыт работы заводов Организации Ванкова дали толчок и более быструю возможность организации работ многочисленных военно-промышленных комитетов (ВПК) во главе с Центральным ВПК. Только в такой взаимосвязи, а не обособленно друг от друга и требуется рассматривать общую картину производства в стране боеприпасов. Но самым лучшим подтверждением наших слов будет другой факт. Реализация так называемой «программы Маниковского», выдвинутой ГАУ в октябре 1916 г. и одобренной Советом Министров лишь в части ее, не предусматривала строительства ни одного казенного снарядного завода, даже для производства столь необходимых тяжелых боеприпасов!¹⁹ Военное министерство не смогло добиться разрешения на отпуск денег на строительство большого снарядного предприятия. Объяснение этому напрашивается само собой: частные заводы удовлетворяли своей продукцией снарядную потребность в той степени, чтобы не заботиться о строительстве специально снарядных заводов, а воспользоваться частными. Кроме того, Военное министерство секвестировало крупнейший из них – Путиловский, который перешел под полный контроль военных. Именно этот завод производил один миллионы 3 дм снарядов, шрапнельных и фугасных. Кроме того, строительство новых заводов растянулось бы, начиная с 1917 г., на 1,5–2 года минимум, когда война или закончилась бы, или подошла к завершению, как во всяком случае ожидалось правительством.

Однако дело вовсе не ограничивается простым арифметическим учетом выполненных заказов и итоговых цифр. Ничто так сильно не обманывает, как итог без всякого объяснения его причин. Констатация имеет ту бедность, что ровно ничего не объясняет, а только называет. Без выяснения констатация так и остается загадкой.

Совершенно обходит молчанием Маниковский и цену производства снарядов для разных предприятий и организаций. Его упоминания о ценах не объясняют, почему все и частные, и казенные заводы вынуждены были просить о пересмотре цен, которые сильно не соответствовали дороговизне и металлов, и оборудования, и

рабочей силы. В реальности же этот вопрос был вопросом как раз первостепенной важности²⁰. В этом легко убедиться, если только начать разбираться в том потоке ходатайств заводов об увеличении цены штучного производства. Так, недостаток средств не позволял увеличить производство в больших размерах и срывал сроки поставок по заключенным договорам. При всем этом Маниковский вполне признает две проблемы массового производства, называя их «финансовой» и «технической», имея в виду казенные заводы и почему-то оставляя без внимания, что такие же проблемы стояли и перед частными производителями. Отрицает эти проблемы и известный историк К.Ф. Шацилло. Шацилло вслед за Маниковским считает, что частные заводчики отличались только алчностью и стремлением к наживе²¹. Но что такие объяснения могут дать исследователю и чем они подтверждены, кроме голословных обвинений? Можно ли не доверять авторам «Истории Организации», которые имели опыт отношений с сотнями частных заводов, если не частные заводчики писали ее, а служащие ГАУ?

Российские историки, занимающиеся историей промышленности России и сегодня, оставляют без внимания факт, который для ее понимания имеет первостепенное значение. Я имею в виду политику государства России в отношении частной промышленности, хотя и в отношении казенной такой вопрос можно было бы, хотя и с оговорками, поставить.

Историками почти или совершенно игнорируется тот факт, что такое явление как промышленность и промышленное развитие имеет собственное содержание, выражаемое в понятиях: цена производства, возможности производства, поощрение производства и защита производителя. Совершенно необъясненным остается и вопрос о государственных приоритетах в промышленной политике, не в отношении покровительства к ней в целом, а именно в частных вопросах, в отношении к отдельным производителям и даже отдельным отраслям производства. При этом надо учитывать и иметь в виду всякий раз, что часто один производитель может выражать собою достижения и судьбу целой отрасли, если исходить не из общих и обобщающих данных, а из рассмотрения того вопроса, какое предприятие имеет в отрасли решающее значение, каково его положение и каковы его перспективы.

Между тем на страницах истории Организации Ванкова, написанной непосредственными ее исполнителями, неоднократно говорится

о двух важнейших вопросах: первый – цена производства (за единицу изделия), второй – величина заказа. «История» выясняет, что, во-первых, цены, предлагаемые производителям, особенно в 1916 г., все более отставали от действительных затрат по массовому производству. Во-вторых, объемы заказов были регламентированы ГАУ и Военным Советом (первоначальный объем лишь на 1 млн снарядов) настолько, что признавались совершенно недостаточными для тех десятков заводов, которые оказались вовлечены в Организацию и, что не менее важно, вовлекались в нее еще и в дальнейшем. «Небольшой размер заказа и явно недостаточная официальная поддержка, – говорится в «Истории Организации Ванкова», – не могли заставить заводчиков решиться на издержки для этой фабрикации. Многие из них отнеслись к делу с недостаточным усердием, и начало работы далеко не отличалось той легкостью и готовностью работать, как во Франции»²². Возразить, что у частных заводчиков был недостаток патриотизма, нетрудно, но объяснить этим, почему они отказывались «с усердием» браться за дело, не так-то просто. Заводчики боялись банкротства своих предприятий. При том, что, во-первых, эти предприятия оставались в их собственности, а не переданы на каких-либо условиях (хотя бы временных) в казенное управление, на основании чего они должны были бы подчиняться требованиям Военного министерства и ГАУ. Во-вторых, ни Военное министерство как заказчик, ни правительство не гарантировали новичкам-производителям ни компенсации в связи с убыточностью производства (когда расходы и риски гораздо превышают возможную прибыль, а в случае массового брака – сплошные убытки и никакой прибыли), ни дачи новых заказов, чтобы авансами и платежами по ним покрыть расходы на вновь вводимое производство. О прибыли от такого рода продукции уже и речи не было, хотя бы потому, что всякий заводчик видел, как уже в 1915 г. дороговизна неуклонно охватывала все стороны заводской жизни, от заработной платы до металлов, перевозки и необходимости получения специального оборудования. Если же учесть, например, что многие предприятия Московского района до войны вообще никак не были связаны с металлообработкой, а были текстильными мануфактурами, то приходится согласиться, что их патриотизм был явно не ниже патриотизма чиновников ГАУ, которым едва ли приходилось упрекать таких фабрикантов в алчности и наживе.

Не менее сложно складывалось решение вопросов о ценах на стальную мартеновскую заготовку с синдикатом «Продамета» и о стоимости производства детонаторных трубок в России, едва раз-вернувшегося на частных заводах империи²³.

Если же мы по каким-то причинам не хотим или не можем рассматривать подобные проблемы или хотя бы принимать их во внимание, то тогда всякий раз мы неизбежно будем ошибаться в истинной оценке труда Организации, так как будем игнорировать как раз самое важное в ее усилиях. **Вопрос организации военной промышленности был бы, конечно, более очевиден и решаем, если бы мы не сталкивались с фактом совершенно не подготовленной промышленности, которую надо было не только организовать, но и воссоздать на новых для нее началах.** В этом случае мало было даже перестроить саму промышленность, необходимо было менять психологию и умонастроения многих предпринимателей, вселяя в них веру в успех общего дела и возможность вести это дело эффективно.

«Московские снаряжательные заводы [речь идет о заводах контрагента Н.А. Второва. – А. О.] могут служить примером того, каких результатов способна достичь энергия русского предпринимателя, когда ей не мешает канцелярская волокита и оказывается возможное содействие со стороны власти. Даже при столь трудных условиях, как создавшаяся за время войны экономическая конъюнктура», – говорится в «Истории Организации»²⁴. Представляется весьма важным, что известной Путиловской группе заводов было поставлено заводами Второва, контрагента С.Н. Ванкова 581 000 мелинитовых, 137 000 У. С. и 122 000 шнейдеритовых снаряженных 3 дм гранат. В сентябре 1916 г. это количество перевалило за 1 млн, и «стало ясно, что на деле эти заводы могут снаряжать почти вдвое больше теоретической нормы»²⁵.

Очередным заблуждением историков, традиционно повторяющих это утверждение, является уверенность, будто частные промышленники, получая заказы, использовали не свои средства, а казенные авансы, которые и служили источником для установления нового для них производства. Так размышляли и военные чиновники того времени, но так ли дело обстояло в действительности? Крупнейший контракт, заключенный С.Н. Ванковым с предпринимателем Н.А. Второвым 10 июля 1915 г., обязывал Второва «устроить и оборудовать на свои средства специальные заводы

на территории реквизированной фабрики Ф. Байер и К° в Москве и устроить новые здания, сооружения, машины, приспособления, необходимые для исполнения подряда»²⁶. И хотя стоимость контракта на снаряжение 1 600 000 штук 3 дм гранат составляла сумму 4 млн 608 тыс. р. одновременно, Второв получал аванс лишь на 1 млн р. При этом он оборудовал «на свои средства» не один, а три снаряжательных завода, два из которых закладывались с основания.

Районирование заводов и привлечение их по специализации работ, особенно первых из них в Москве (12 заводов) и металлургических предприятий Юга России (7 заводов, участников «Продамета») также имеет немаловажное значение в понимании того, как формировалась Организация Ванкова и распределялась география ее контрагентов²⁷. География заводов обуславливала не только стоимость производства, но и возможности более оперативного решения возникающих технологических и организационных проблем.

Другой вопрос, относимый сюда же и неотъемлемо связанный с названным, это политика министерства финансов в отношении к частной промышленности в России. Министерство финансов в подавляющем большинстве случаев имело решающий голос не только в направлении промышленной политики, но и в определении конкретных вопросов: какому предприятию, в каком размере, на каких условиях оказать предпочтение и протекцию или отказать в таковых. Политика министерства финансов в России являлась определяющей в судьбе многих начинаний и в деле развития всех без исключения крупных предприятий империи, как казенных, так и частных.

Опыт, который дает нам мировое развитие, всегда имеет не только историко-теоретическое, но и практически-познавательное значение. Опыт же, взятый из истории военной промышленности, может быть не только наглядным, но и учитываемым в ситуации, когда переход от военного производства в годы мира к решению задач для промышленности в годы и условиях войны требовал совершенно новых и не испытанных ранее подходов. Кроме того, применительно к России 1914 г. это был еще и опыт страны, экономически не вполне и недостаточно самостоятельной, а экономически и технологически, культурно-технически зависимой от стран Запада, союзников и противника, каким стала Германская империя.

Все это создает весьма своеобразную картину, сложную и вариантную, а с другой стороны, неспоставимую, например, с советским ВПК, когда вся оборонная промышленность имела государственный характер, планирование и структурное управление и организацию. Наконец, «царская» промышленность России имела самое серьезное различие, которое не может быть не актуальным ныне. Мы имеем в виду наличие большой доли и большого значения в экономике частного сектора, той частной промышленности и частной инициативы, которая совершенно не знакома была для советского времени и практики, начиная с конца 1920-х гг.

Когда мы говорим о промышленности и, в частности, военной, мы подразумеваем либо отдельную отрасль производства, либо какой-то предмет вооружения, производимый так или иначе в структуре оборонной промышленности. В современном ее восприятии такие суждения кажутся вполне достаточными и убедительными.

Однако, во-первых, у каждого изделия или продукта есть цена. Во-вторых, промышленность всегда состоит из отдельных предприятий, хотя бы и связанных между собой неизбежно для реализации общего дела. В-третьих, промышленность имеет в историческом ее развитии определенную эволюцию не только форм, но и структурного содержания и характеризуется неодинаковыми особенностями в разное время в зависимости от совершенства и общего уровня ее – специализации, механизации, характера и свойств создаваемых вооружений не только в связи с развитием металлургии и химии, но и других отраслей.

Техника и промышленность Первой мировой войны дают нам еще один весьма интересный пример. Пример того, как вчера еще мирная промышленность должна была перестраиваться на нужды войны, и не только приспособливаться «внешне», но и меняться в существе своей специализации, отдавая предпочтение или полностью подчиняясь требованиям нового времени и обстоятельств.

Почему важно понять роль частной промышленности во время Мировой войны 1914–1918 гг. в России?

1. Потому что именно с частной промышленностью связывались главные ожидания Военного и Морского ведомств, когда речь шла об усилении военного производства и немедленном еще в течение войны расширении имеющихся или учреждении новых производств.

2. Потому что только своими силами оборонные ведомства были совершенно не в состоянии решить столь трудных и многообразных вообще вопросов технических, технологических, организационных и кадровых, каковые выпали на долю России, особенно в 1916 и 1917 гг.

3. Потому что частная инициатива не только дополняла инициативу и распорядительность военных государственных чинов, но сама выдвигала предложения с учетом имеющихся возможностей и перспектив, как в России, так и для содействия России с помощью иностранных специалистов и инженеров.

4. Потому что результаты казенного заводостроительства и производства сказывались медленнее или ограниченно в сравнении с частным, которое вовлекало в дело дополнительные капиталы.

5. Потому что сама казенная промышленность весьма глубоко и непосредственно была связана с деятельностью и успехами частной промышленности и отнюдь не была ни автономна, ни изолирована в своем развитии и действии во время войны, как и в довоенное время.

6. Несомненно, большое значение имело **и размещение промышленности в России**. Частная промышленность имела более широкие и гибкие перспективы развития в сравнении с казенной за период 1914–1917 гг. И, конечно, это не исключало сохранения многих лидирующих позиций у частной промышленности и после войны.

7. Наконец, весьма значительным фактором перемен в соотношении промышленного потенциала казенной и частной промышленности была политика секвестров, практиковавшаяся именно в период войны и особенно с 1916 г. Самый яркий, но далеко не единственный пример – Общество Путиловских заводов.

Для понимания дела мы должны также учитывать реальную обстановку и характер взаимоотношений частной промышленности и оборонных заказывающих ведомств. Они были весьма не такие, **как может показаться в условиях директивно-казенной промышленности и чисто чиновничьей распорядительности, даже военно-чиновничьей**. Советские мерки, известные нам по опыту войны с Германией в 1941–1945 гг., практически совершенно не годятся для оценки положения в 1915 г. в царской России **с ее капиталистическим хозяйством и казенно-частной экономикой**. Поскольку частный сектор представлял собой не только очень значительную,

но и весьма разнородную в своей организации величину, то вопрос об отношениях с заказчиком множества частных предприятий и мастерских был далеко не второстепенным. **Еще сложнее складывались отношения в частной промышленности между предприятиями разной производственной способности, местного расположения и специализации, разной компетенции и технической подготовленности, разного финансового положения и руководящего состава и кадров.** Положение только осложнялось тем обстоятельством, что никакого или почти никакого опыта работы по производству боеприпасов не имели 99 % предприятий, взявшихся за совершенно новое для них дело. Эти заводы не только не были подготовлены к такому производству, но и не имели надлежащего оборудования, о котором также не имели представления. Вопрос о цене заказа и его объемах имел решающее значение для многих предприятий уже потому, что им предстояло свертывать свое традиционное производство или сильно сокращать его для организации и размещения снарядного производства. Иначе говоря, поскольку в Организацию Ванкова втягивались десятки предприятий, то вопрос о финансировании касался множества новых промышленников. При этом они понимали, что первоначально и по всей вероятности не один месяц новое производство грозит их предприятиям убытками, а не прибылью, без всякой гарантии, что понесенные убытки будут хоть как-то компенсированы им со стороны ведомств или правительства. Более того, по завершении полученных заказов ни Военное ведомство, ни правительство не давали никаких обещаний относительно погашения убытков или дополнительных заказов, стоимость которых могла бы покрыть расходы. Еще труднее дело обстояло с рабочими кадрами, так как опытные рабочие были нарасхват, а дефицит рабочей силы, в связи с призывами на фронт, не только не сокращался, но еще и увеличивался.

Все предприятия, ставшие контрагентами Организации Ванкова, **стремились получить заказ больше** им предлагаемого, чтобы не только окупить расходы, но и получить прибыль от нового производства, которое теперь ставилось в центр внимания заводов-участников вопреки их вчерашней специализации. В этом была одна из первых проблем производства.

Другой проблемой было требование скорейшего выполнения заказов, т. е. такой исключительной срочности, которая не могла быть гарантирована ни опытом, ни наличием кадров и материалов

у предприятий. Срочность побуждала решать эти вопросы в столь короткое время, что просрочка в выполнении заказа становилась почти неизбежной, но вместе с ней и угроза потерять заказ, т. е. угроза лишиться его и в данном случае, и в дальнейшем. Такая обстановка грозила немалыми и даже роковыми убытками для предприятия, согласившегося на принятие (получение) заказа от Ванкова.

Наконец, еще одним вопросом капитальной важности было обязательное взаимодействие, кооперация заводов, а значит и зависимость одних производителей от других в том отношении, что каждый завод выполнял только свойственную ему операцию, но не создавал полностью законченного продукта, делал только часть снаряда или его компоненты (корпуса, запальные стаканы, детонаторные трубки, пояски, хвостики, сдерживающие кольца и проч.). Окончательный расчет с предприятием производился не раньше сдачи им последней партии готовых полностью изделий. Авансы, выдаваемые предприятиям под заказ, оказывались далеко не всегда достаточными для полноты финансирования многочисленных и заранее невозможных для предвидения издержек.

Огромную и часто решающую роль имел выбранный способ изготовления снарядов, чтобы решить не только проблему качества производства, но и количества. Например, при замене сверльно-токарной обработки методом штампования снарядов. Технология производства влияла на самый важный показатель – цену за единицу изделия. Но она же влияла и на срочность выполнения заказа. Технология также означала и новое для предприятий оборудование, которого в России категорически и просто катастрофически не хватало. Приходилось останавливать производство только на импортном оборудовании. Но Англия и Франция сами воевали и поэтому все больше нуждались в станках и прессах. **Россия же только через целый год после начала войны начала расширять производство (!)**, для которого требовалось новое механическое оборудование, которое не приобреталось с самого начала войны, как было бы и необходимо, и желательно. Цены на станки, естественно, росли, как росли цены и на все металлы, сплавы, специальное оборудование и инструменты.

Надо учитывать и то обстоятельство, что, как свидетельствует история Организации Ванкова, частные заводы-контрагенты не прекращали и в таких условиях конкуренции, которая сильно

подогревалась фактами дефицита опытных и знающих рабочих и мастеров, откровенным нежеланием делиться опытом и секретами производства и открытой передачей своего опыта другому заводу. Борьба за переманивание рабочих и специалистов между предприятиями отнюдь не прекращалась, что можно объяснить далеко не только чисто коммерческим интересом предприятий, но и острой необходимостью, когда они нуждались и в рабочих, и в специальном оборудовании и отнюдь не были заинтересованы, чтобы заказ от них был передан другим по причине неуспеваемости.

Большого труда и напряжения, многих попыток российским заводам стоило перейти к штампованным снарядным корпусам по методу французского арсенала в Бурже.

Вся история Организации Ванкова свидетельствует, что **главная проблема заключалась как раз не в том, на чем акцентируют внимание наши историки.** Дело было не в числе частных заводов, вовлеченных в индустрию боеприпасов, и даже не столько в том, где они расположены и насколько экономичнее была работа от такого расположения и готовности перейти на новое для себя производство. Нельзя сказать также с уверенностью, что другая политика, отличающаяся от той, которая фактически имела место, побудила бы к принятию более рациональных решений по организации промышленности и улучшила результат ее работы.

Дело было в другом, а именно в решении задачи комплексного значения – технология, качество, количество, срочность. Причем **фактор срочности** имел особое значение, чрезвычайное, с одной стороны, а с другой, как следствие, необходимость рисковать и предельно мобилизовывать усилия для достижения поставленной цели. Это положение далеко не было естественным. **Оно не имело прецедента в истории русской промышленности,** или почти не имело. Можно назвать время Петра, войны с Наполеоном или Крымской войны, когда Россия испытывала нечто подобное. Однако Первая мировая война отличалась от других эпох не только по размаху ведения. Технологии и техника играли все более заметную роль в том, что можно обозначить лишь условно как человеческий фактор. Наряду с ним огромное значение имел фактор собственно технологический или технолого-технико-организационный.

В заключение. Если говорить о промышленности, надо понимать, что ее вопросы и проблемы весьма далеки от сравнения с другими, казалось бы, близкими понятиями, такими, например,

как общая военная мобилизация, или система мер и распоряжений военного времени (особое положение), которые призваны ускорить переход военной промышленности или невоенной на иные, чем в мирное время, темпы работ и задания. Надо иметь в виду, что сами по себе приказы и установленный новый режим работы предприятия, хотя и имеют очень важное значение, однако не могут решить чисто хозяйственных задач:

1) обеспечить предприятия необходимыми кадрами рабочих и служащих;

2) приобрести необходимое заводское оборудование за рубежом, если в России его невозможно получить за отсутствием такового;

3) вполне и с запасом обеспечить предприятие металлами и угольным топливом, если таковые приходится лимитировать и жестко распределять по причине хронического недостатка;

4) добиться быстрого решения вопросов технологического и опытного порядка, минуя стадию проб и ошибок;

5) организовать промышленность на основе приказа и без учета ее возможностей и уровня развития на данный момент.

Иначе говоря, то, что мы называем мобилизацией промышленности, ее реорганизацией или вовлечением в оборонную систему, совсем не одно и то же с такими понятиями, как мобилизация людей (дееспособных для службы) и вооруженных сил, снабжение фронта необходимыми вооружениями, управление военной промышленностью в военное время.

В промышленности проблема нового производства в 1914–1917 гг. решалась не только по несколько недель, но и в течение нескольких месяцев или даже года. Происходило это во многом, если не в решающей степени из-за отсутствия необходимого оборудования, инструмента, металла и проч. для успешного развертывания усиленного производства. Для начала работ требуется даже не один месяц, для расширения производства – целые месяцы и даже свыше года. Если же при этом промышленность приходится еще и перемещать на новые места (перебазировать), то в практике войны 1914–1918 гг. это вело к потере времени еще на несколько недель или месяцев.

Большой интерес в перспективе имеет и другой вопрос – о выходе из системы оборонного заказа для тех предприятий, чья специализация изначально или в дальнейшем ориентирована не на

оборонные производства и государственный заказ, а на мирные условия, продукцию невоенного назначения и рыночный спрос. Вопрос о компенсации таким предприятиям их потерь и возможных рисков (убытков) имеет принципиально важное значение **еще на стадии переговоров** о переходе к выполнению оборонных заказов. Конечно, в том случае, если эти предприятия не имеют военно-обязанного характера в своих работах в соответствии с принятыми решениями о их статусе в условиях военно-промышленной мобилизации.

Когда говорят или возражают, что частная промышленность в России (и тем более, что в России) не сумела бы сорганизоваться без поддержки Военного министерства и правительства, то это замечание достойно и продолжения. Частная промышленность в любой стране и всегда находится в той или иной форме под контролем государства, когда это касается обслуживания интересов обороны. Ведь, и особенно на нашем примере, выполняя казенные оборонные заказы, частная промышленность должна отвечать потребностям и до известной меры пожеланиям государственного заказчика. Но то, что частная промышленность имела и собственные организационные возможности, свидетельствует история так называемого Гранатного комитета, инициированная Обществом Путиловских заводов в феврале 1915 г. и только в мае того же года получившая принципиальное одобрение Особого совещания по обороне во главе с военным министром. Но разумеется было бы слишком смело абсолютизировать роль частной промышленности в изоляции от работы специализированной и, так сказать, несущей главную ответственность казенной военной промышленности.

Еще раз повторюсь, что сегодня и вообще с нашим багажом отсутствия реальных представлений об обстановке того времени в заводской деятельности, мы легко недооцениваем всю сложность работы не только генерала Ванкова (Организации), но и самих же частных заводов, взявшихся за дело далеко не во всяких случаях не только охотно, но и хотя бы с каким-либо энтузиазмом. Трудности были и психологического, и технологического, и, условно говоря, коммерческого содержания. Но более всего это были трудности технологии.

Такое настойчивое повторение с моей стороны вызвано надеждой, обращенной к будущим историкам-исследователям и специалистам, не пройти мимо и уделить особое внимание высказанному

здесь замечанию. Как автор, я считаю принципиальным, а не второстепенным именно такое выяснение. На мой взгляд, оно должно серьезно поколебать наши стереотипы или даже отсутствие представления о сложности проделанной работы и действительных заслуг Организации Ванкова.

Совсем не просто учесть и такой фактор, как объем требований ГАУ для производства снарядов в смысле возможности их понижения или пересмотра. Понятно, что от решения такого вопроса зависела степень не только качества работы, но и количественной сдачи снарядов и быстроты вхождения частных предприятий-новичков в общую систему оборонного производства. Между тем, именно опыт Организации Ванкова, хотя и косвенно, предьявлял такой вопрос в качестве обсуждаемого с ГАУ как высшей технико-экспертной инстанцией. Например, вопрос о производстве снарядов из сталистого чугуна по мере успеха этой технологии был возбужден не только в отношении 3 дм гранат, но и одного из самых массовых типов гаубичных боеприпасов, 6 дм бомб. Несомненно, должно иметь большой интерес и рассмотрение и оценка новых приемов механической обработки снарядов, наряду с чисто металлургическими процессами производства по французскому образцу. Взятые же в совокупности эти вопросы, в случае признания за ними практической важности и результатов массового производства, должны способствовать и неформальной переоценке того взгляда, который имеется в настоящее время. Этот взгляд почти случаен и в отношении Организации Ванкова несправедлив, хотя бы уже потому, что носит характер чисто эпизодический, когда говорят об общих итогах военно-промышленной мобилизации в России и сопоставляют отдельные отрасли оборонного производства внутри империи в годы войны.

Не меньший интерес представляют собой и следующие проблемы:

1) отливка снарядов из сталистого чугуна, в особенности снарядов крупных калибров для гаубичной артиллерии. Конец 1915 г.²⁸ Помощь французской миссии здесь оказалась едва ли не решающей, хотя принципиально этот способ был известен и в России... еще 40 лет тому назад, но не получил никакого движения (разработки) в дальнейшем²⁹;

2) проблема производства запальных стаканов;

3) проблема производства детонаторных трубок и элементов трубок (капсюлей и сдерживающих колец)³⁰;

4) вопрос об изготовлении специальных поверочных инструментов³¹;

5) вопрос об организации снаряжения фугасных снарядов путем строительства специальных заводов и приспособления реквизированных.

Интересные данные на это счет имеются относительно заводов Н.А. Второва, «соорудившего последовательно в течение 1915–1917 гг. три снаряжательных завода, два в Москве и один в Богородске»³². Эти заводы смогли обеспечить снаряжение не только 3 дм гранатных снарядов всей Организации С.Н. Ванкова, но и заводов Путиловской группы, которая выполняла крупный заказ на 3 млн гранат.

¹ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии. М., 1949. Т. II. С. 126.

² Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии 1914–1918 г. Ч. 3. М., 1923. С. 248–249.

³ Там же. С. 248.

⁴ Там же. С. 249–250.

⁵ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1930. Т. 1. Ч. 3. С. 361.

⁶ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии. С. 130.

⁷ История Организации Уполномоченного ГАУ генерал-майора С.Н. Ванкова 1915–1918 гг. М., 1918. С. 56, 68–69, 97.

⁸ Михайлов В.С. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007. С. 329–330.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 139.

¹¹ Там же. С. 75.

¹² Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии. С. 129.

¹³ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 117.

¹⁴ Военная промышленность России в начале XX века. 1900–1917. М., 2004. С. 628, 809.

¹⁵ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю: царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 181, 185.

¹⁶ История Организации Уполномоченного ГАУ генерал-майора С.Н. Ванкова С. 155.

¹⁷ Там же. С. 153–155.

¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 16. Л. 59.

¹⁹ Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. С. 291, 335–336.

²⁰ История Организации Уполномоченного ГАУ генерал-майора С.Н. Ванкова 1915–1918 гг. М., 1918. С. 41, 43–44.

²¹ Шацкелло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1992. С. 31.

- ²² История Организации Уполномоченного ГАУ генерал-майора С.Н. Ванкова. С. 16.
- ²³ Там же. С. 41–44, 78–79.
- ²⁴ Там же. С. 87.
- ²⁵ Там же. С. 87.
- ²⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 10. Оп. 34. Д. 1. Л. 96–98.
- ²⁷ Там же. Ф. 12. Оп. 47/1. Д. 8. Т. 2. Л. 95–95 об.
- ²⁸ История Организации Уполномоченного ГАУ генерал-майора С.Н. Ванкова. С. 56–57, 62–63.
- ²⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 12. Оп. 47/1. Д. 13. Л. 2, 5–7, 8–12.
- ³⁰ История Организации Уполномоченного ГАУ генерал-майора С.Н. Ванкова. С. 79–80.
- ³¹ Там же. С. 82–83.
- ³² Там же. С. 86–87.

М.В. Оськин (Тула)

СНАРЯДЫ ДЛЯ ФРОНТА: К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ ВООРУЖЕНИЯ В РУССКОЙ АРМИИ В 1915 ГОДУ

Г ОРЛИЦКИЙ ПРОРЫВ апреля–мая 1915 г. положил начало Великому отступлению русских армий – неудачной для Российской империи кампании 1915 г. в период Первой мировой войны. До середины сентября русские войска отступали под натиском австро-германцев, оставив неприятелю Польшу, Литву, Западную Белоруссию и Западную Галицию. Причиной русских неудач стал перенос немцами главного удара на Восточный фронт, имевший целью вывод России из войны. Ценой громадных потерь (около 2,5 млн человек, в том числе 1 млн пленными¹) Восточный фронт был удержан. Основной причиной же проигрыша сражений стал фактор кризиса вооружений, наиболее отчетливо выразившийся в катастрофической нехватке артиллерийских снарядов.

К началу Первой мировой войны мобилизационный запас снарядов, исчисленный по опыту Русско-японской войны 1904–1905 гг. в 1200 снарядов на 3-дм полевую пушку и 6-дм полевую гаубицу, был выполнен – более 7 млн штук всех калибров. Предвоенный расчет базировался на предполагаемом расходе снарядов 200–300 штук в месяц на орудие. Однако в первых же боях русская артиллерия тратила такую цифру за один бой. Уже в сентябре 1914 г., выяснив ежемесячную трату войск в 1,3 млн снарядов, высшие штабы отдают приказы экономить боеприпасы².

За первые полгода войны отечественная промышленность изготовила немногим более полумиллиона снарядов – русские отставали от союзников и противников в развертывании производственных мощностей. В начале войны 3-дм снаряды для легкой артиллерии производились только на Златоустовском и Ижевском заводах,

с месячной производительностью в 25 тыс. штук каждый. Усилить производство стали только к концу года, когда производство 3-дм (76-мм) снарядов для легких полевых пушек превысило 100 тыс. штук. В это время германская оборонная промышленность не только работала в полную силу, но к производству подключались и частные металлургические предприятия, ранее не имевшие дела с военными заказами.

Снарядов требовалось до 1,5 млн в месяц, а промышленность давала 104 тыс. снарядов всех видов. Между тем войска не желали прислушиваться к требованиям штабов и военного ведомства об экономии. Так, немецкие и отечественные источники первых месяцев войны единодушно отмечали, что русская артиллерия не жалеет снарядов, стремясь поражать даже одиночных людей³: артиллерийский огонь позволял побеждать в бою и берег кровь пехоты. Следовательно, расход боеприпасов, несмотря на многочисленные указания высоких инстанций (Ставка Верховного Главнокомандования, Военное министерство, Генеральный Штаб) о бережливости, в 10 раз превысил их приход.

В декабре 1914 г. Ставкой было отдано «секретное» распоряжение о расходе 1 снаряда на орудие в сутки. Отныне, следующие 9 месяцев войны, впредь до развертывания оборонной промышленности, что надо было бы сделать еще в августе, огневой бой вынужденно перелгался на плечи пехоты. Между тем, снаряды еще были. К началу новой кампании запасы снарядов составляли около 2–2,5 млн штук. При условии прежнего расхода артиллерийских боеприпасов, Россия могла воевать еще 3 месяца, после чего оставалась вовсе без артиллерии.

Однако же в Ставке были полны оптимизма. Так, когда Верховному Главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу доложили, что в корпусах только по 428 снарядов на орудие, он заявил, что такого запаса хватит на половину похода⁴ (то есть, до победы). В данном случае великий князь видел цифру, лишь вдвое меньшую, нежели предвоенный мобилизационный запас (тысяча снарядов на орудие), но он не мог не знать, что местные парки в тылу уже практически исчерпаны, и цифра в 428 снарядов – это последнее, на что может рассчитывать фронт.

В этой обстановке Ставка и штабы фронтов планируют широкомасштабное наступление зимой 1915 г. Три из шести армий Северо-Западного фронта и три из четырех армий Юго-Западного

фронта должны были наступать на Восточную Пруссию и Карпаты соответственно. Эти операции завершились безрезультатно, при огромных потерях в живой силе и уничтожении последних снарядов из мобилизационного запаса.

Все это время Ставка отчаянно требовала снарядов у военного министра, хотя ситуация с производством боеприпасов и с возможностями промышленности была известна. После того, как в феврале 1915 г. армия получила последние местные парки с мобилизационными запасами, все уже было окончательно ясно. Производство же снарядов в первый год войны представляло собой неутешительную цифру, перевалившую за миллион только к концу лета⁵:

Дата	Для 3-дм орудий			Для 48-лин. гаубиц	Для 48-лин. пушек	Для 6-дм гаубиц
	шрапнелей	гранат	итого			
1914 г.:						
сентябрь	67 830	3547	71 377	14 539	2404	4548
октябрь	62 727	7211	69 938	19 122	6858	19 517
ноябрь	105 871	3280	109 151	20 819	8020	12 583
декабрь	117 808	1263	119 071	28 441	8380	15 881
1915 г.:						
январь	206 460	22 949	229 409	46 391	8780	16 926
февраль	277 165	48 840	326 005	26 276	10 811	15 555
март	388 858	79 771	468 629	33 071	4710	16 662
апрель	526 358	105 061	631 419	33 066	14 160	15 534
май	674 583	111 031	785 614	26 537	10 955	11 070
июнь	848 381	141 208	989 589	30 272	8746	18 016
июль	898 545	182 442	1 080 987	48 013	15 317	23 786
август	964 862	194 004	1 158 866	40 149	21 084	13 596

Из цифр таблицы отчетливо видно, что месячная подача снарядов в 1915 г. нагнала количество начала войны только осенью, в то время как всю кампанию фронт получал лишь $\frac{1}{4}$ часть. Отставание производства от потребностей, выдвигаемых войсками, было объективно и свойственно всем воюющим армиям. Так, во Франции перед войной считалось, что достаточным будет производство 75-мм снарядов по 13 600 штук в день. Однако уже 19 сентября 1914 г. военное ведомство потребовало 50 тыс. В январе 1915 г. заказ был уже 80 тыс., но лишь к марту заводы стали давать предыдущую заявку в 50 тыс. снарядов. В сентябре 1915 г., когда требование выросло до 150 тыс. штук, заводы давали 80 тыс. Вдобавок,

производство легких снарядов шло за счет снарядов к тяжелой артиллерии⁶. Но и эти цифры превышают российские.

В марте 1915 г. русская промышленность давала не более 18 тыс. снарядов в день, а французская – 50 тыс. Начало осени – также двойное превосходство в производстве снарядов во Франции над Россией. При этом надо помнить, что плечом к плечу с французами дрались британцы, чью производительность также необходимо учитывать (22 тыс. снарядов в день в июне), а германцы в 1915 г. почти половину своих сил перебросили на Восток. Производство снарядов в Великобритании составило на декабрь 1914 г. – 871 700, на декабрь 1915 г. – 23 663 186 штук⁷ Различие между Французским и Русским фронтами в снабжении боеприпасами отмечали и немцы: «...огромная, как от земли до неба, разница в действии русской и французской артиллерии»⁸.

В свою очередь, германский мобилизационный запас легких снарядов в начале войны насчитывал около 7 млн. штук, то есть столько же, сколько и в России. Предполагается, что тогда большую часть снарядов немцы тратили во Франции, в то время как русские – против Австро-Венгрии, что, следовательно, в какой-то мере взаимно компенсируется. В 1914 г. немцами было подано в войска 3 299 500 снарядов, израсходовано 5 496 900, считая и снаряды в войсках к началу войны. В 1915 г. эти цифры составили уже 22 391 000 и 17 109 100 штук. Немцы сумели поделиться и с австрийцами, так как производство снарядов в Австро-Венгрии несколько отставало от германской производительности. В начале войны австро-венгры производили в неделю 55 тыс. снарядов, в декабре 1914 г. – свыше 100 тыс., с начала 1916 г. – 250 тыс.⁹ Таким образом, австро-венгерская промышленность дала своим войскам в 1915 г. не менее 10 млн снарядов. В Российской империи, по данным всеподданнейшего доклада по военному министерству, в 1915 г. в армию было выслано более 12,5 млн артиллерийских снарядов¹⁰. Но это – считая еще часть оставшихся к зиме мобилизационных запасов, истраченных в Карпатской операции 1915 г.

Если учесть, что половину (а то и менее) снарядов немцы тратили во Франции, а австрийцы использовали боеприпасы против Сербии и Италии, то цифры неравновесия между русскими и австро-германцами, на первый взгляд, не глобально разнятся. Примерно в 10 млн. штук, или 1 к 2, а не 1 к 10, как единогласно утверждают воспоминания русских участников войны. Причина в том,

что русская промышленность вышла на значительные объемы к концу Великого отступления – в августе, и снаряды эти поступили на фронт в конце сентября, когда австро-германцы остановились. Немцы же стали подавать снаряды с апреля–мая, что позволило им все лето успешно громить русских малой кровью, так как шел размен германского металла на русские жизни.

Б. Лиддел-Гарт упоминает, что уже в июне 1915 г. австрийцы и немцы совместно производили по четверти миллиона снарядов в день. Следовательно, в месяц это составляло не менее 5–6 млн снарядов. Даже высчитывая часть для других фронтов, получается до 4 млн снарядов в месяц. В России же в июне произвели чуть более миллиона снарядов. Всего до сентября русская армия получила около 5,5 млн снарядов, а большую часть – уже после окончания операций на Восточном фронте, обескровившем русские Вооруженные силы. И еще важная вещь, обычно не учитываемая при сравнении показателей: производство взрывателей в России отставало от производства собственно снарядов, поэтому 5,5 млн. снарядов не в полном объеме производства были поданы в действующую армию критическим летом 1915 г. Многие из них оставались на складах до конца года, так как без взрывателей они были бесполезны. Между тем, лукавая статистика может учитывать и эти произведенные, но складированные в тылах боеприпасы.

Помимо того, германское командование активно применяло устаревшие артиллерийские системы, боеприпасы которых, разумеется, не входят в подсчитываемые реестры. Судя по всему, количество этих снарядов было немалым. Например, в одном из своих докладов комендант крепости Брест-Литовск генерал В.Н. Лайминг отмечал, что при обстреле Осовца и Брест-Литовска немцы употребляли большое количество старых снарядов с дымным порохом. Эти снаряды были плохого качества, но их многочисленность производила на русские войска сильное подавляющее впечатление¹¹. Точно так же немцы весь первый год войны использовали крепостную артиллерию.

Проблема, касающаяся непосредственного количества артиллерийских патронов на фронте, не проста. Слишком уж несообразны оказались последствия Великого отступления 1915 г. в отношении потерь русской армии. Как же так вышло, что еще в декабре 1914 г. снаряды были, пусть их и приказали экономить, в январе–феврале фронты вели тяжелые бои на флангах, а весной пришлось отступать,

огрызаясь одним снарядом на 10 австро-германских? Не обошлось и без версии о преднамеренном саботаже со стороны военного министерства, где генерал В.А. Сухомлинов якобы являлся германским шпионом и искусственно затянул разрешение кризиса вооружения.

Можно встретить и противоположное мнение, теперь уже в адрес капиталистов, заинтересованных в ситуации «чем хуже, тем лучше», чтобы вырвать государственную власть из рук слабеющего царизма. Например, известнейший советский историк Н.Н. Яковлев, справедливо обличая действия либеральной буржуазии в военные годы как направленные на подрыв существующего режима и перехват власти в собственные руки, в вопросе «снарядного голода» 1915 г. видит основные причины нехватки боеприпасов в действиях «незримых рук».

Ссылаясь на сведения генерала А.А. Маниковского, утверждавшего, что в секретном официальном отчете Петроградской межсоюзнической конференции начала 1917 г. впервые было сказано о ежемесячном расходе артиллерийских патронов в 464 тыс. штук за первые 5 месяцев войны, Н.Н. Яковлев доказывает, что на деле никакого «снарядного кризиса» в армии не могло быть. В воспоминаниях же генерал Маниковский дает иную цифру. Историк полагает, что причина нехватки снарядов в войсках заключается прежде всего в эмоциональном накале войсковых начальников, постепенно перешедшем в самое беззастенчивое вранье по поводу истинного положения дел. Это обстоятельство влияло на деятельность Главного артиллерийского управления, которое в результате в скором времени стало «походить на голову, отрубленную от тела». Далее, Н.Н. Яковлев делает подсчет снарядов в 1915 г.: 10 млн единиц отечественного производства в 1915 г., 1,2 млн из-за рубежа, 4,5 млн, оставшихся от 1914 г., до 1,5 млн снарядов к средним и тяжелым калибрам. Итого – около 18 млн снарядов, при расходе за время Великого отступления немногим более 4 млн. Отсюда следует неизбежный вывод: «сопоставление цифр поступления снарядов за год и расхода их – интригующая загадка. Можно было бы сослаться на то, что, скажем, поставки увеличились к концу года, а к лету была нехватка. Фактические данные не подтверждают этого: из 10 млн снарядов для 76-мм пушек 4 млн снарядов поступили в первой половине года. Дело было в другом. Помимо психологических причин, образно описанных Маниковским, в деле

артиллерийского снабжения хозяйничали чьи-то незримые руки. Кто-то был заинтересован в том, чтобы императорская армия терпела поражения из-за нехватки снарядов, в то время как тыловые склады забивались ими до предела. Не в ожидании ли того времени, когда в бой пойдет армия буржуазной России? Едва ли смелое допущение...»¹².

Действительно, если следовать указанным цифрам, картина очень запутанная: огромное количество снарядов в тылу – и перманентная нехватка их на фронте. Хотя, наверное, все-таки утверждение о всесиили буржуазии в вопросах артиллерийского снабжения армии является слишком «смелым». Скорее уж здесь повинны безалаберность и отсутствие должной организации системы учета и контроля, вызываемых в первую очередь взаимонепониманием и взаимным недоверием различных ведомств друг к другу. Ведь мог же Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич совершенно не давать необходимой информации военному министру генералу В.А. Сухомлинову, в связи с личным конфликтом между ними? Двоюкую роль играло и Главное артиллерийское управление (ГАУ), возглавлявшееся генералом Д.Д. Кузьминым-Короваевым, всецело подчинявшемся воле генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича (дяди царя)¹³.

Впрочем, дело не только в этом. Н.Н. Яковлев ссылается на данные Петроградской конференции. Но известно, что в течение всей войны русское командование тщательно скрывало от союзников истинное положение дел на Восточном фронте и военный потенциал Российской империи вообще. Русское военно-политическое руководство, сознавая отставание от западных союзников в промышленном отношении и видя нарастающую финансовую зависимость, так как много оружия для России производилось на очередные займы, не желало скатывания в статус второстепенной державы. Поэтому союзники так и не смогли добиться, чтобы русские предоставили им настоящие данные о возможностях России к продолжению борьбы в плане продовольствия, вооружения и боеприпасов, человеческих ресурсов, промышленных мощностей. Ставка требовала от англо-французов только непосредственной технической помощи, не делясь информацией, и эта тенденция, после того как пост Верховного Главнокомандующего в августе 1915 г. занял сам император Николай II, определилась окончательно.

Документы дают несколько иную картину. ГАУ уже в первый год войны получало верные сведения о положении в деле артиллерийского снабжения от артиллеристов на фронте. Так, 28 сентября 1915 г. инспектор артиллерии VII-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Е.К. Смысловский (до войны – начальник хозяйственного отдела ГАУ, в ходе войны – один из ближайших помощников начальника ГАУ, с августа 1916 г. – инспектор артиллерии Особой армии) подал секретную записку о расходе артиллерийских боеприпасов в 1914 г. В записке, в частности, говорилось: «До середины ноября 1914 г., несмотря на отсутствие каких бы то ни было ограничений в расходовании патронов, собственно войсковые части никакой нужды в них не испытывали и никаких тревог не переживали. Все тревожные телеграммы и требования исходили исключительно от высших штабов армий, которые стремились все время к поддержанию запаса патронов на одном уровне и волновались его понижением, ожидая грозного недостатка патронов в будущем...». И далее: «...армия тратила около 1 100 000 патронов в месяц»¹⁴.

Те же данные можно найти и в других источниках: по данным А.И. Гучкова, изложенным им уже после Февраля, мобилизационные запасы снарядов доставлялись на фронты более или менее равномерными ежемесячными порциями около 1,5 млн штук легких и 250 тыс. тяжелых снарядов. К 1 декабря 1914 г. запасы кончились. Уже в декабре подача выстрелов на фронт упала до 400 тыс. легких и 60 тыс. тяжелых орудийных патронов. То же наблюдалось и в первой половине 1915 г. Только к концу года удалось поднять норму до 1,6 млн легких и 180 тыс. тяжелых снарядов ежемесячно¹⁵.

Один из высших чинов ГАУ генерал Е.З. Барсуков (с 1916 г. – начальник Артиллерийского управления при штабе Верховного Главнокомандующего (УПАРТ)) скорее поддерживает сведения Петроградской конференции. Он сообщает, что в течение первых 5 месяцев войны было израсходовано 2,5 млн 3-дм снарядов. Таким образом, запас к началу 1915 г. составлял до 4,5 млн штук, плюс 350 тыс. ежемесячного производства. Представляется, что цифра трат занижена. Однако, по словам генерала Барсукова, все эти снаряды все равно были потрачены к началу весеннего наступления германской 11-й армии под Горлице: «С такими ресурсами нельзя было решаться на сколько-нибудь серьезные боевые операции. Тем не менее, русское командование задумало в начале 1915 г. вести

операции на Карпатах и в Восточной Пруссии, закончившиеся крайне неудачно и приведшие к катастрофе в питании 76-мм патронами»¹⁶.

В Карпатской операции, продолжавшейся в течение 3,5 месяцев, потери русской армии составили до миллиона человек, что больше суммарных потерь в наиболее крупных маневренных операциях кампании 1914 г. – Восточно-Прусской, Галицийской, Варшавско-Ивангородской и Лодзинской вместе взятых. Противник потерял примерно столько же. Эти потери чем-то ведь да наносились. Вот он – расход боеприпасов в горных сражениях. В то же время, о постигшем русские Вооруженные силы кризисе вооружения знали и союзники, так как великий князь Николай Николаевич, в отличие от военного министерства и Ставки второго состава во главе с императором Николаем II, предоставлял французам соответствующую информацию. Так, французский президент Р. Пуанкаре 6 декабря 1914 г. записывал, что, по предоставленным русскими данным, расход снарядов составил около 6 млн штук. Это даже немного больше, нежели 1,1 млн снарядов в месяц, но все равно около того. В результате, как указывает Пуанкаре, «довести количество имеющихся снарядов до той цифры, которая требуется для возобновления больших сражений, будет возможно лишь к 15 апреля 1915 г.»¹⁷. Встает законный вопрос: если это знали французы, то знал и Верховный Главнокомандующий. Он же сам представил союзникам эти данные. Но тогда зачем же были предприняты зимние наступления в Восточной Пруссии и Карпатах, поглотившие последние запасы?

Таким образом, если цифры разных источников отчасти и не совпадают, то несомненным является факт, что к апрелю 1915 г. весь мобилизационный запас был израсходован. Об этом говорят сами же руководители ГАУ. Косвенным доказательством может служить и тот факт, что весной 1915 г. Ставка определяла месячную потребность в артиллерийских снарядах в 1,75 млн единиц, а летом Особое Совещание по обороне государства подняло ее до 3 млн. Ведь эти органы исходили все равно из более-менее реальных цифр. Например, в августе 1914 г. только Юго-Западный фронт в Галицийской битве израсходовал почти миллион снарядов, каковую цифру дает информация о поданных фронту артиллерийских парках (25 парков – 726 тыс. выстрелов¹⁸). Допуская, что какое-то количество боеприпасов должно было остаться в возимых

запасах батарей, надо вспомнить, что не бездействовали и две (к концу августа – три) армии Северо-Западного фронта. В любом случае, расход снарядов в 1,1–1,3 млн штук в месяц представляется несомненным. Осенью же накал операций не только не снизился, но даже вырос, что опровергает как минимум вдвое заниженную цифру Е.З. Барсукова.

Помимо прочего, артиллерийские парки подвозились фронту месячными порциями по мере своего снаряжения. Причем, войска получали подкрепление равномерно, несообразно с теми боевыми действиями, которые они вели. Тяжелая обстановка на фронте не влияла на характер снабжения: «Ни в июле 1915 г., ни раньше, в начале войны, когда боевых припасов было достаточно, местные парки, по-видимому, не распределялись по армиям в соответствии с поставленными им боевыми задачами, а давались армиям или поровну, или пропорционально состоящему в них числу пушек, или сколько требовали сами армии»¹⁹. Перераспределять боеприпасы приходилось уже на фронте.

Испытывавшие постоянную нехватку того количества снарядов, которое требовалось, войска тратили боеприпасы охотно и не особенно стесняясь вплоть до «секретных предписаний» декабря 1914 г. То есть, при вычислениях Н. Н. Яковлева неверные данные были приняты за исходные. Легко подсчитать, что к весне 1915 г. (в 1914 г. заводы дали около 0,5 млн снарядов всех видов), если брать указанную норму в 1,1–1,3 млн снарядов ежемесячно, русская действующая армия, потратив до 6–6,5 млн снарядов, действительно испытывала «снарядный голод».

К апрелю мобилизационный запас и производство первого полугодия были почти исчерпаны. В период Великого отступления отечественная промышленность не могла дать требуемые 1,5 млн снарядов ежемесячно: лишь в июле заводы стали давать 1,2 млн снарядов всех калибров. В августе предприятия дали около 1,3 млн снарядов, в то время как фронт требовал уже 3 млн снарядов в месяц. По меркам начала войны снабжение являлось достаточным, но для кампании 1915 г. этого не хватило. Если в 1914 г. германцы держали 80 % своих войск во Франции, положившись на Восточном фронте на австрийцев, то в 1915 г. против России действовало более 1/2 немецкой мощи, с прилагающейся к ней соответствующей артиллерийской силой. Лишь в ноябре 1915 г. русская легкая артиллерия вновь имела тысячу снарядов на орудие (правда, в начале

войны 3-дм пушек насчитывалось 6670, а теперь – 4300). Тяжелые 6-дм гаубицы имели по 500 снарядов на орудие, 43-лин. скорострельные пушки – по 600, 48-лин. гаубицы – по 350²⁰.

По данным Генерального Штаба к 1 января 1916г. в действующей армии находилось около 4,5 млн снарядов к 3-дм пушкам, 250 тыс. к 48-лин гаубицам, около 165 тыс. к образцам тяжелой гаубичной артиллерии. К этой же дате в войска поступило 2778 орудий с отечественных заводов и 348 из-за границы (336 японских «Арисака» и 12 42-лин. скорострельных из Франции)²¹.

Ситуация с кризисом вооружения требовала не только своего разрешения. Нужно было и понять причины, дабы ситуация не повторилась в будущем. Уступая давлению оппозиции, 25 июля 1915 г. император Николай II повелел учредить Верховную Комиссию для «всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии». Комиссия работала долго, неспешно, но обстоятельно. Составленная из высших государственных функционеров, Комиссия в записке военному министру от 9 декабря предлагала дать письменное заключение по нескольким вопросам, относящимся к проблеме. В частности:

1. были ли приняты в соображение соответствующие сведения об армиях противника при исчислении военным ведомством состава наших войск и боевого снаряжения для них;

2. были ли соблюдены сделанные по опыту русско-японской войны указания относительно артиллерийского обеспечения на случай затяжной войны;

3. как производилось обследование военной промышленности;

4. что было сделано для увеличения производительности казенных заводов;

5. были ли выяснены возможности частной промышленности для военных нужд до войны;

6. почему не были увеличены артиллерийские запасы;

7. сообщало ли военное министерство при открытии военных действий в Ставку о запасах боеприпасов и промышленных мощностях;

8. были ли налажены своевременные связи с зарубежными странами на предмет приобретения вооружения и боеприпасов²².

В своих ответах на данный запрос военное министерство справедливо указало, что при образовании запасов вооружения и

боеприпасов на случай войны в большинстве случаев было превышение заготовленного военного имущества над установленной нормой. И все это вышеуказанное прежде всего должно было быть отнесено к компетенции Главного управления Генерального Штаба, занимавшегося разработкой оперативно-стратегического планирования и составлением планов войны вообще. Выводы же о подготовке страны к войне в свое время производились междуведомственными комиссиями ГУГШ, ГАУ, Главного Штаба, Совета Государственной Обороны, военного министерства. Тем не менее военный министр В.А. Сухомлинов и начальник ГАУ Д.Д. Кузьмин-Короваев были признаны виновными в недостаточной подготовке России к войне в артиллерийском отношении²³ и смещены со своих должностей.

Таким образом, тяжелейший снарядный «голод» в сражавшихся в неравной борьбе русских армиях Восточного фронта относительно миновал лишь к октябрю 1915 г., с окончанием мобилизации местных парков. Затем производство боеприпасов стало удовлетворять фронт, пусть и уступая в объемах снабжения запросам войск. В 1916 г. снаряды производились на примерно 40 казенных заводах, не считая частных предприятий, объединенных «Организацией Ванкова»²⁴. В итоге по сравнению с первым полугодием 1915 г. общий объем производства артиллерийского вооружения вырос почти в 3 раза по снарядам для легкой артиллерии и в 4 раза для тяжелой²⁵. В то же время расход артиллерийских боеприпасов вырос по сравнению с Русско-японской войной чуть ли не в сто раз. Поэтому многие участники войны полагали, что снарядов в русской армии не хватало всю войну.

В 1916 г. отечественная промышленность дала фронту более 30 млн снарядов²⁶, и еще 12,6 млн поступило из-за границы. Этот фактор немедленно сказался на успехах русского оружия. Так, к началу Брусиловского прорыва русская легкая артиллерия имела запасы снарядов в 2 тыс. гранат и 3,5 тыс. шрапнелей на батарее²⁷. К июлю 1916 г. подача снарядов достигла около 2,5 млн легких и 280 тыс. тяжелых выстрелов в месяц, а в январе 1917 г. до 3 млн легких и около 700 тыс. тяжелых. Проблемы с транспортом зимой 1916/1917 г. несколько снизили подачу артиллерийского снабжения на фронт, однако масштабы развернутого производства позволяли в 1917 г. иметь до 4 млн легких и 1 млн тяжелых снарядов

ежемесячно, «что с избытком удовлетворяло бы задание Ставки... а то и еще усилить и эту подачу»²⁸.

Главной причиной нехватки оружия стала общая социально-экономическая отсталость России в сравнении с первоклассными западными державами, не позволившая в короткий срок развернуть оборонные предприятия и насытить их обученным квалифицированным инженерно-рабочим персоналом. Инертность политической системы и военной вертикали, выразившаяся в мобилизации на фронт кадровых пролетариев, отставании в сроках развертывания промышленности на нужды войны, принципиальное нежелание императора и правительства превращать страну в «военный лагерь» усугубили проблему.

Кардинального отставания в мобилизационных запасах оружия не существовало: в начале войны русские уступали немцам в тяжелой артиллерии, но у французов тяжелых гаубиц не было совсем, в то время как каждая русская армия имела по тяжелому мортирному дивизиону. Таким образом, в ходе войны рельефно выступило именно отставание в экономическом развитии, вследствие запоздалого перехода к индустриализации, что вызывалось внутривнутриполитическими обстоятельствами. В реальности вышло, что Россия не сумела вовремя восполнить растроченный в первых операциях мобилизационный запас вооружения, и потому дефицит оружия в 1915 г. пришлось компенсировать кровью. Находившаяся же на приблизительно сравнимом с русскими уровне развития Австро-Венгрия получила помощь от своего германского союзника: в кампании 1915 г. наступавшие в Галиции и Южной Польше австрийские армии непременно перемешивались с германскими соединениями. Союзники России не смогли и не захотели оказать ей равноценной помощи ударами на Французском фронте, что послужило торжеством неприятельского оружия в кампании 1915 г. на Восточном фронте.

¹ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 143.

² Варшавско-Ивангородская операция. Сборник документов империалистической войны. М., 1938. С. 448, 451, 455.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 391. Оп. 2. Д. 95. Л. 17. 23–23 об., 25.

⁴ Епанчин Н.А. На службе трех Императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 402.

- ⁵ Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917). Сборник документов. М., 2004. С. 724, 730–731.
- ⁶ Арон Р. История XX века. Антология. М., 2007. С. 78.
- ⁷ Война и общество в XX веке. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С. 277.
- ⁸ Риттер Х. Критика мировой войны. Пг., 1923. С. 136.
- ⁹ Последняя австро-венгерская война. Издание австрийского военного архива. М., 1929. Т. 4. С. 132.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1745. Л. 4.
- ¹¹ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). М., 1949. Т. 2. С. 247.
- ¹² Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., 1993. С. 145–148.
- ¹³ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 252.
- ¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5956. Оп. 1. Д. 5. Л. 76–76 об.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 341. Л. 1 об.–2.
- ¹⁶ Барсуков Е.З. Указ. соч. Т. 3. С. 405.
- ¹⁷ Пуанкаре Р. На службе Франции 1914–1915: Воспоминания. Мемуары. М.; Минск, 2002. С. 406.
- ¹⁸ Белой А. Галицийская битва. М.; Л., 1929. С. 15.
- ¹⁹ Барсуков Е.З. Указ. соч. Т. 2. С. 65.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1748. Л. 54; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 9–11.
- ²¹ Краткий отчет о главнейших предметах артиллерийского снабжения, поданных в Действующую армию, с начала войны по 1 января 1916 г. Пг., 1916. С. 1–2, 5.
- ²² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2290. Л. 3–4.
- ²³ Подробнее: Астафьев И.И. По поводу записки Верховной следственной комиссии о кризисе вооружения русской армии, в период Первой мировой войны // Материалы по истории России в период капитализма. М., 1976. С. 124–127.
- ²⁴ См. Леонидов О.Л., Лисицын Я.И. История организации Уполномоченного ГАУ генерал-майора С.Н. Ванкова. 1915–1918. М., 1918.
- ²⁵ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 11.
- ²⁶ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале 20 века: очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 105.
- ²⁷ См. Суворов А.Н. Тактика в примерах. М., 1926. С. 373.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 341. Л. 2–2 об.

М.К. Павлович (Москва)

ПРИДВОРНОЕ ДУХОВЕНСТВО МОСКВЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА оказала огромное влияние на судьбы целых государств и отдельных граждан, не стала исключением и Российская империя. Предметом данной статьи является деятельность священнослужителей и церковнослужителей придворных храмов Московского Кремля, так или иначе связанная с военным временем. Из-за недостатка архивных документов на данном этапе нами рассмотрены события с июля 1914 г. по начало 1917 г.; таким образом, февральская и октябрьская революции выходят за хронологические рамки работы. Документальную базу исследования составили архивные источники из фондов Канцелярии придворного духовенства и Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства в РГИА в Санкт-Петербурге. Привлекались автором и приходо-расходные книги придворных кремлевских соборов – Архангельского, Благовещенского и Верхоспасского, хранящиеся в отделе рукописных, печатных и графических фондов (далее ОРПГФ) в Музеях Московского Кремля¹, использована и церковная периодика 1914–1916 гг.

15 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии². Так началась Первая мировая война, в результате которой погибли миллионы человек, была перекроена карта Европы и изменился весь ход мировой истории. 19 июля в нее вступили еще две державы – Германия объявила войну России.

20 июля, в 15 часов 30 минут в Спасском соборе Зимнего дворца в присутствии императорской четы состоялось «молебствие о ниспослании русскому оружию победы над врагом»³. В тот же день был издан и высочайший Манифест о войне с Германией.

Его опубликовало большинство периодических изданий страны. «Церковные ведомости» в одном номере с ним поместили указ («Определения») Синода за № 6502. Именно этот документ послужил руководством к действию для всего российского духовенства в обстановке военного времени⁴. Манифест полагалось зачитать во всех храмах в первый воскресный или праздничный день с совершением молебна «...о даровании победы христороливному русскому воинству, певаемое во время брани противу супостатов», принося о том же и ежедневные молитвы по установленному образцу. В ряде пунктов «Определений» «монастыри, церкви и православная паства» призывались «...к пожертвованиям на врачевание раненых и больных воинов и на вспомоществование семействам лиц, призванных на войну». Во всех храмах полагалось «...установить особые кружки для сбора пожертвований в пользу Красного Креста и семейств, пострадавших от войны, каковые кружки обносить среди богомольцев за каждым богослужением, за коим обносится блюдо или кружка для сбора пожертвований». Синод также призывал монастыри, общины и духовные учреждения «к отводу и приготовлению всех свободных и могущих быть свободными помещений под госпитали для раненых и больных воинов и к содействию поддержания сих госпиталей на все время надобности в них». Говорилось в документе и о необходимости подготовить «способных и благонадежных лиц для ухода за ранеными и больными», принять участие в приобретении необходимых для лазаретов принадлежностей и оборудования. Заканчивался документ обращением к православному духовенству «располагать паству» к принятию мер «к успеху войны», «сплотиться у Царского престола и по Царскому зову охотно и бодро идти на защиту Отечества»⁵. Следующий указ Синода «Об организации во всех православных приходах помощи семьям лиц, находящихся в войсках», также изданный 20 июля, определял порядок оказания помощи семьям фронтовиков⁶.

В самом начале войны, 31 июля, Министерством императорского двора был издан циркуляр № 11839 об экономии средств, требовавший от всех учреждений и подразделений министерства немедленно принять «самые решительные меры к значительному сокращению расходов». Циркуляр распространялся и на придворные храмы, настоятелям которых предписывалось срочно составить и прислать сметы, насколько можно урезать траты, отказавшись от

дорогостоящих ремонтов, закупки новых облачений, церковной утвари и богослужебных книг. Были срочно подняты документы прежних лет, выяснилось, что в годы войны с Японией сокращение расходов составляло десять процентов, только Петропавловский собор в Петербурге мог сэкономить около 400 рублей⁷.

В первых числах августа Николай II со своим семейством и свитой совершил поездку в Москву. Об их посещении Кремля мы знаем из подробного рапорта, направленного благочинным московских придворных соборов и церковей протоиерея Петра Михайловича Маркова заведующему всем придворным духовенством протопресвитеру Петру Афанасьевичу Благовещенскому⁸. Императорская чета «со всею их августейшею семьею изволила прибыть в первопрестольную столицу 4 августа в 2 часа дня», через Спасские ворота они проследовали в Кремль, направляясь к Верхоспасскому собору мимо Архангельского и Благовещенского храмов. Священнослужители и церковнослужители встречали их каждые у своего собора «с крестом и святой водою» и провозглашением многолетия императору, «богохранимой державе России» и «христоролюбивому всероссийскому победоносному воинству и союзных с ним государств воинствам». Облачения на священно- и церковнослужителях были юбилейные, сшитые в 1912 г. как напоминание о героизме русских войск в Отечественной войне 1812 г. В тот же день состоялась служба в дворцовой церкви Рождества Богородицы на сенях; на следующий день, 5 августа, в Успенском соборе был отслужен молебен «О даровании победы». Позднее состоялось всеобщее бдение в Архангельском соборе. 6 и 7 августа «высочайшие особы» присутствовали соответственно на престольном празднике в древнем соборе Спаса на Бору, где совершили «прикладывание к раке Св. Стефана Пермского», и в Благовещенском соборе. Затем они осмотрели древние чудотворные иконы и ризницу, выслушав пояснения кремлевских священников, и, оставив «неизгладимое впечатление своим глубоким религиозным чувством веры и набожности», в 12 часов отбыли на Александровский (Белорусский) вокзал. Закончил свой рапорт Петр Марков следующими словами: «Московское придворное духовенство счастливо, что ему в эти поистине исторические дни ниспосланного Богом тяжелого испытания России пришлось лицезреть в стенах придворных соборов с их... святынями императорскую чету с августейшей семьей и слить свои молитвы с молитвами венценосного вождя и всей его семьи...»⁹.

Во время богослужений в кремлевские храмы по распоряжению монарха были допущены и простые граждане. Эта совместная молитва также способствовала единению народа и власти в период испытаний.

По случаю каждой одержанной победы во всех храмах Российской империи проходили благодарственные молебны. Первый из них состоялся по случаю победы в Галиции. О скорейшем проведении благодарственных молебнов 23 августа были разосланы телеграммы по придворным храмам северной столицы и ее окрестностей, а также в Москву, на Остоженку, дом 12 – благочинному московских придворных соборов и церковью протоиерею П.М. Маркову. Вскоре был поднят вопрос о необходимости своевременного извещения церковных властей об одержанных на полях сражений победах и успехах¹⁰.

Необходимо отметить, что летом и в начале осени 1914 г. война в России еще не воспринималась как долгое и суровое испытание. Никто даже предположить не мог, что она затянется на несколько лет, став самой кровопролитной и жестокой на тот исторический период. Поэтому в обществе наблюдался подъем патриотических чувств, граждан переполняло желание помочь своей родине всеми возможными средствами. Как свидетельствуют сохранившиеся документы, эти настроения в полной мере разделяло и духовенство, многие представители которого, не довольствуясь сделанными ими пожертвованиями на нужды военного времени, стремились в действующую армию, на поля сражений. Показательным примером здесь может послужить прошение протоиерея Архангельского собора К.П. Пискунова, написанное им в начале октября 1914 г. и направленное из Москвы в Петроград в канцелярию заведующего придворным духовенством. В частности, Кирилл Павлович писал: «В тяжкие дни народного испытания, ниспосланного провидением Божиим на нашу закаленную в страданиях святую Русь, она, как и встарь, под сенью покровы Божьего и державного водительства своего возлюбленного монарха, сплочена крепостью веры и преданностью престолу, бесшумно, но грозно ополчается на великий подвиг защиты Родины-матери, колыбели славянства, от диких полчищ тевтонских варваров... дерзко попирающих законы не только человеческие, но и Божеские. В эти исторические минуты меня неудержимо влечет ближе к... нашим богатырям-героям, обгадряющим своею кровью русские поля и нивы... Один из двух

моих сыновей уже выступает, а другой призывается на поле брани. Жена моя, остающаяся с малой дочерью, благословляет мои чувства и грядущий путь...»¹¹. Протопресвитер Петр Афанасьевич Благовещенский и Министр императорского двора граф Владимир Борисович Фредерикс «не нашли препятствий» к удовлетворению данного прошения. Вскоре был издан приказ о прикомандировании К.П. Пискунова во временное распоряжение протопресвитера военного и морского духовенства Г.И. Шавельского и о последующей отправке его в 110-й пехотный полк «для исполнения пастырских обязанностей», «с производством ему содержания по занимаемой должности» в соборе. Для проезда к месту назначения протоиерею были выданы путевые, пособие и «прочие виды денежного довольствия, установленного в военное время»¹². В период нахождения Пискунова в действующей армии в ноябре и декабре того же года для исполнения его священнических обязанностей привлекался священник А.П. Лаврентьев, получавший по три рубля за проведение каждой службы. Записи об этом имеются в книге прихода и расхода денежных сумм Архангельского собора за 1914 г.¹³ Приведем несколько фактов биографии К.П. Пискунова. Он родился в семье отставного солдата, долгое время жил на Кавказе, в Тифлисе, состоял в обществе Красного Креста, а также пожизненно – в обществе восстановления православия на Кавказе. В 1899 г. он был назначен пресвитером Большого Успенского собора в Москве, в сентябре 1905 г. переведен в придворный Архангельский собор сначала священником, а в апреле 1913 г. возведен в сан протоиерея. Неоднократно удостоивался различных наград, имел орден Св. Анны 3-й степени и два золотых креста из Кабинета его императорского величества, на начало войны ему было 53 года. Старший сын Кирилла Павловича Александр закончил Московское военное Александровское училище как раз в октябре 1914 г. и был произведен в подпоручики, а в 1916 г. попал в плен в Германии. Младший сын, Борис, по окончании Московского кадетского корпуса был призван в армию в звании прапорщика. 1 августа 1916 г. по прошению протоиерея ему и его семейству была «высочайше присвоена» более благозвучная фамилия – Петров. Судьба его и членов его семьи после закрытия кремлевских храмов для богослужений в 1918 г. не выяснена¹⁴.

Сведений о командировании на фронт других представителей московского придворного духовенства нами не найдено, однако

известно, что в армию было призвано немало сыновей кремлевских церковно- и священнослужителей, а также соборных сторожей. Жалование во время военной службы последних выплачивалось их семьям, а место в храмах сохранялось до возвращения из армии.

Обнаруженные нами документы свидетельствуют о том, что выполнять пастырские обязанности на полях сражений стремились еще двое придворных священнослужителей, правда, уже не из Москвы. Один из них – настоятель храма в Ливадии Г.Ф. Юзефович, а второй – протоиерей Спасского собора Зимнего дворца В. Колачев, изъявивший свое «желание... принести посильную пользу действующей армии... своим личным пастырским трудом на театре военных действий»¹⁵.

Одной из наиболее эффективных мер, предпринимаемых духовенством в помощь раненым и больным воинам, была организация лазаретов и проведение в них служб, проповедей и бесед. Придворные храмы не имели своих приходов, поэтому кружечные, свечные и иные сборы в них были невелики, священнослужители и церковнослужители почти не имели иных доходов, кроме не слишком большого жалования, поступавшего от Министерства императорского двора. Они были просто не в состоянии содержать лазарет на свои средства, однако с огромным желанием оказывали пастырскую помощь в лазаретах, открывавшихся на средства других ведомств. Священнослужители Верхоспасского собора оказывали помощь раненым офицерам, находившимся на излечении в госпитале имени императрицы Александры Федоровны, располагавшемся в Потешном дворце Московского Кремля. Приведем отрывок из рапорта благочинного П.М. Маркова заведующему придворным духовенством П.А. Благовещенскому от 27 сентября 1914 г.: «С глубоко отрадным чувством имею честь и долг почтительнейше доложить Вашему высокопреподобию, что 24 сего сентября состоялось торжественное открытие лазарета на 40 коек для раненых офицеров имени... императрицы Александры Федоровны. Лазарет помещается в Кремле, в здании Потешного дворца, с прекрасно оборудованными палатами, операционными, перевязочными и ванными комнатами, расположенными в двух этажах»¹⁶. На открытии присутствовали великая княгиня Елизавета Федоровна, княгини О.И. Одоевская-Маслова и С.А. Щербатова, главноначальствующий города Москвы генерал А.А. Андрианов, комендант Москвы

генерал-майор Т.Г. Горковенко, хранитель Оружейной палаты Ю.В. Арсеньев, начальник Московского Дворцового управления князь Н.Н. Одоевский-Маслов и многие другие знатные и высокопоставленные лица. Находился при этом событии и персонал лазарета. «Молебствие с освящением началось в 3 часа дня» и было совершено П. Марковым «соборно со всем причтом придворного Верхоспасского собора пред чудотворным образом Нерукотворенного Спаса по чиноположению православной церкви» с присоединением молитв о даровании победы и многолетий. В заключение П. Марковым была произнесена «приличествующая случаю речь». Заканчивался рапорт небольшой припиской следующего содержания: Могущие быть требо-исправления при лазарете будут исправляться причтом Верхоспасского собора»¹⁷.

Приведем еще один пример. На добровольные пожертвования общества хоругвеносцев того же Верхоспасского собора по адресу Зацепский проезд, дом Митрофанова был открыт лазарет для раненых воинов. Освящение его 31 августа 1914 г. также проводил протоиерей П.М. Марков в присутствии священнослужителей указанного кремлевского храма с участием хоругвеносцев. На церемонии присутствовал и заведующий придворной частью, начальник Дворцового управления князь Н.Н. Одоевский, являвшийся почетным членом этого общества и внесший в открытие лазарета свой весомый вклад. Почетным членом общества хоругвеносцев состоял и сам П.М. Марков¹⁸.

В Петрограде был устроен и освящен 14 октября 1914 г. госпиталь имени чинов Министерства императорского двора, располагавшийся на углу Петровской набережной и Большой Дворянской улицы, в котором проводили службы, читали проповеди и вели беседы с ранеными представители придворного духовенства. Посильную помощь по уходу за воинами оказывали жены и дочери священно- и церковнослужителей¹⁹. Причтом собора Зимнего дворца только в 1915 г. было пожертвовано 600 р. в пользу госпиталя, помещавшегося в Таврическом дворце. Об этом свидетельствует сохранившийся черновик письма в Синод нового заведующего придворным духовенством протопресвитера Александра Александровича Дернова²⁰.

Свою лепту в дело оказания различных видов помощи больным и раненым воинам вносили священно- и церковнослужители всей России. Приведем несколько фактов, касающихся Московской

епархии. На средства Большого Успенского собора осенью 1914 г. был организован лазарет на 10 коек в специально нанятом в аренду доме по адресу: улица Красная Пресня, 19. Первоначальный взнос из денежных сумм храма составил 1000 р. – для закупки мебели, необходимого оборудования, медицинских инструментов, перевязочных материалов, лекарств и тому подобного. Затем на протяжении более чем трех лет ежемесячно выделялись средства на содержание лазарета, из них 50 р. шло за счет соборных сумм, а 200 р. вносили священно- и церковнослужители, добровольно жертвуя десять процентов своего жалования. Если сначала в лазарете было устроено 10 коек, то в 1915 г. – 15, а в 1916 г. их число достигало уже 18. На достойное содержание больных и раненых часть средств поступала от служащих московской Синодальной конторы, духовенства кремлевской церкви 12 Апостолов, а также от Синодального хора и администрации Синодального училища²¹.

Помимо проведения сборов на военные нужды во время богослужений и личных пожертвований в пользу Красного Креста и многочисленных благотворительных обществ, духовенство Успенского собора откликнулось на призыв митрополита Московского Макария в ноябре 1914 г. оказать помощь бедным церквям Галиции. Для них были выделена часть неиспользуемых в соборе икон и различных вещей, всего же по Московской епархии было собрано и отправлено генерал-губернатору Галиции графу Бобринскому для распределения по храмам 44 иконы, серебряная дарохранительница, пять пудов свечей и значительное количество церковных облачений²².

Духовенство епархиальных московских храмов объединялось для организации и последующего содержания лазаретов по благочиниям, каждое из которых патронировало свой небольшой лазарет, рассчитанный на 10–20 нуждающихся. Наиболее известные и богатые храмы открывали собственные лазареты, насчитывавшие от 10 до 30 коек. Например, на средства Казанского собора был устроен лазарет на 10 коек в специально нанятой квартире в доме № 4 в Брюсовском переулке²³. Активную деятельность по организации госпиталей вели и монастыри, нередко предоставлявшие для этой цели часть своих помещений, и подворья. От служителей московских храмов и обителей не отставало и подмосковное духовенство. Известно, что в 1914 г. в Московской епархии число лазаретов равнялось 121, а количество коек в них достигало 3066, в 1915 г.

функционировали 154 лазарета, рассчитанных на 2699 коек²⁴. Подобные факты можно привести по всем епархиям.

Священники проводили в лазаретах службы, читали проповеди. Основными их темами были «О самоотверженной любви к Родине в годы ее тяжелых испытаний», «О милосердии к больным и раненым», «О почитании царя как помазанника божия и самоотверженном служении ему», «О непрестанной молитве»²⁵. Велись и душевные религиозно-нравственные беседы с нуждающимися в утешении и поддержке воинами. Таким образом, духовенство выполняло обязанности и идеологов, и психологов, и психотерапевтов одновременно. Наиболее емкое и четкое определение задачи, стоящей перед духовенством при работе в госпиталях, по моему мнению, дал ризничий московского Сретенского монастыря иеромонах Сергей: «Пережитые ужасы кровавых боев, долгое пребывание между жизнью и смертью в сырых окопах – все это кладет на наших героев особый отпечаток подавленности, чрезвычайного утомления душевного и крайнего озлобления. Вот с этим озлоблением и огрублением душевным больше всего подлежит бороться пастырю, являя полную противоположность этому состоянию душевному, внося свет и тепло умиротворения»²⁶.

Другой формой помощи пострадавшим от войны, оказываемой всем российским духовенством, в том числе и придворным, было проведение так называемых кружечных и тарелочных сборов в пользу всевозможных обществ и комитетов по оказанию помощи раненым и больным воинам, а также для поддержки семей военнослужащих и потерявших кормильцев на полях сражений. Кстати, для моральной и духовной поддержки последних в первый же год войны в Петрограде было издано «Наставление семьям лиц, призванных на войну, а также раненых и павших воинов» в мягкой синей обложке²⁷. Созданы благотворительные общества и комитеты были преимущественно по инициативе представительниц правящего дома и пользовались их высоким покровительством. Проводились сборы и в пользу российского Красного Креста, для чего была создана особая комиссия по кружечным сборам этого общества. По ее решению были изготовлены специальные большие кружки для сборов, которые опечатывались специальной plombой. Доставлять их надлежало в Главную канцелярию общества в Петрограде на Инженерной, 9. Порядок всех сборов четко регламентировался²⁸.

О размерах и периодичности производимых в храмах Московского Кремля сборов наглядно свидетельствуют сохранившиеся приходо-расходные книги Архангельского и Благовещенского соборов 1914–1916 гг. В Архангельском соборе в пользу Красного Креста в первый месяц войны кружечные сборы составили порядка 40 р., затем эта сумма несколько сократилась, в декабре она уже составляла 27 р. 80 к.²⁹ Аналогичные кружечные сборы в Благовещенском соборе были значительно меньше и редко превышали 10 р. в месяц, причем наиболее активно люди жертвовали в самом начале войны, а также в рождество и пасху. Средства, поступавшие в пользу других обществ, в частности, Белого Креста, «Всероссийского общества памяти воинов русской армии, павших в теперешнюю войну с Германией, Австрией и Турцией», а также многочисленных благотворительных обществ помощи раненым и больным воинам и членам их семей, были еще скромнее. Они колебались от 2 до 5 р. в месяц³⁰. Иногда по прошению ряда обществ – Комитета склада государыни императрицы Александры Федоровны, Всероссийского общества имени сестер милосердия 2-й Отечественной войны (как тогда называли Первую мировую войну) помощи сиротам и некоторых других в придворных храмах производились специальные сборы пожертвований в их пользу. Обычно это происходило во время богослужений в субботние или воскресные дни, когда представители указанных обществ призывали граждан к пожертвованиям³¹. В августе 1915 г. производились сборы в пользу беженцев, в апреле 1916 г. – «на удовлетворение религиозно-нравственных нужд русских военнопленных, томящихся во вражеском плену». В последнем случае все собранные средства должны были доставляться протопресвитеру военно-морского духовенства Г.И. Шавельскому по адресу: Петроград, Воскресенский проспект, 18³².

Однако представители духовного сословия не только участвовали в организации сборов, но и жертвовали немало своих личных средств. В соответствии с упомянутым выше определением Синода № 6502 от 20 июля все придворные храмы России сделали единовременное отчисление на военные нужды. Известно, что в конце августа членами церковно-хозяйственного комитета московских придворных соборов в составе благочинного П.М. Маркова, сакеллария Благовещенского собора протоиерея В. Успенского, настоятеля Архангельского собора Н.Д. Извекова, ключаря Верхоспасского

собора С. Попова и ключаря Архангельского собора С. Покровского было проведено «слушание» по поводу выделяемых на эти цели денег. «При ограниченности наличных церковных сумм, желая все же возможно больше придти на помощь раненым и больным воинам и их семействам», члены комитета первоначально постановили «отчислить из запасного капитала соборов одну тысячу рублей» в ценных бумагах. Однако в связи с тем, что «...в настоящее время размена процентных бумаг не производится», окончательно решили «отчислить на вышеозначенный предмет все имеющиеся в наличности в церковных ящиках соборов суммы, отложив покрытие необходимых расходов на будущие месяцы»³³. Всего же в Канцелярию придворного духовенства из придворных храмов Московского Кремля было перечислено 500 р. От Благовещенского и Верхоспасского соборов поступило по 150 р. и от Архангельского собора – 200 р.³⁴ Сохранившиеся документы позволяют судить о пожертвованиях, сделанных другими придворными храмами. Так, Петропавловский собор одновременно перечислил 1000 р., храмы Ораниенбаума – 35 р., Стрельны – 50 р., 50 р. поступило от Коробовской церкви Костромского уезда³⁵.

Помимо единовременного довольно значительного пожертвования из церковных сумм, составившего 5135 р.³⁶, священно- и церковнослужители придворного ведомства делали ежемесячные отчисления, составлявшие от 2 до 6 процентов от их ежемесячного оклада. Известно, что заведующий придворным духовенством П.А. Благовещенский, присутствовавший при обсуждении вопроса о размерах помощи чинов Министерства императорского двора на военные нужды, предложил, предварительно «осведомясь о желании некоторых лиц подведомственного духовенства участвовать в пожертвованиях в пользу раненых и больных воинов», направить в придворные храмы подписной лист определенного образца. В этом листе каждый желающий мог обозначить процент получаемого им казенного жалования, чтобы Канцелярия придворного духовенства могла удерживать эти средства в продолжение войны и по истечении каждого месяца препровождать в Главное управление Красного Креста. Подписной лист делился на две графы. В одной из них указывались фамилия, имя и отчество жертвователя, в другой – процент отчислений от оклада³⁷. Сам Петр Афанасьевич подписался на 6 процентов. Протоиереи собора Зимнего дворца решили отдавать по 5 процентов, настоятели и священники соборов и церквей

в основном жертвовали по 4–5 процентов. Дьяконы и псаломщики ограничивались 2–3 процентами от оклада. Такие же отчисления производило и придворное духовенство Москвы. Все собираемые суммы поступали в Канцелярию придворного духовенства. Одна половина средств шла на содержание лазарета Министерства двора, а другая – на помощь семьям фронтовиков³⁸. В 1915 г. собранная сумма составила 4500 р.³⁹ Как свидетельствуют документы, отчисления от окладов производились и в 1916, и в 1917 гг.⁴⁰ Известно, что с сентября 1915 г. по январь 1916 г. придворное духовенство сделало взносы в размере 625 р. 89 к. в пользу детей-сирот, потерявших своих отцов на полях сражений, а также в пользу семей раненых и погибших воинов. За этот поступок жертвователи удостоились благодарности государыни императрицы⁴¹.

Безусловно, мы привели далеко не полный перечень действий придворного духовенства, направленных на военные нужды. Но уже выявленные нами факты об организации и содержании лазаретов, проведении сборов в храмах и пожертвовании собственных средств на военные нужды, а также о командировании священнослужителей в действующую армию доказывают, что придворное духовенство на протяжении всех военных лет стремилось оказать посильную помощь своей стране и проявляло неизменную заботу о пострадавших в эти годы суровых испытаний.

¹ См.: РГИА. Ф. 805. Оп. 1; Ф. 806. Оп. 5; ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 2. Д. 379; Ф. 3. Д. 207–209.

² Здесь и далее даты указаны по старому стилю.

³ РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2835. Л. 1.

⁴ См.: Церковные ведомости. 1914 г. СПб., 1914. № 30. С. 346–349.

⁵ См.: Там же. С. 348–349.

⁶ См.: Там же. С. 349.

⁷ См.: РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2835. Л. 3–7.

⁸ См.: Там же. Д. 2841. Л. 1–2.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 2835. Л. 17.

¹¹ Там же. Д. 2837. Л. 16 – 16 об.

¹² Там же. Л. 24.

¹³ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 2. Д. 379. Л. 44, 46.

¹⁴ См.: РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2988. Л. 409–414.

¹⁵ Там же. Д. 2837. Л. 27, 7.

¹⁶ Там же. Д. 2836. Л. 33.

¹⁷ Там же. Л. 33–33 об.

- ¹⁸ Там же. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2835. Л. 18; Д. 2987. Л. 140–141.
¹⁹ Там же. Д. 2835. Л. 29.
²⁰ Там же. Д. 2843. Л. 153.
²¹ Там же. Ф. 796. Оп. 198. Отд. 1. Стол 5. Д. 329/–4. Л. 2, 8, 51.
²² Там же. Л. 10.
²³ Там же. Л. 36 об.
²⁴ Там же. Л. 7, 41 об.
²⁵ Там же. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9464. Л. 15.
²⁶ Там же. Л. 2.
²⁷ Там же. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2835. Л. 86–114.
²⁸ Там же. Д. 2836. Л. 17, 17 об., 34–36.
²⁹ См.: ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 2. Д. 379. Л. 36, 41 об., 44.
³⁰ См.: Там же. Ф. 3. Д. 207, 208, 209.
³¹ См., например: РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2856. Л. 2 об., 5, 6.
³² Там же. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2836. Л. 65, 76.
³³ Там же. Д. 2842. Л. 4–8.
³⁴ Там же. Л. 8.
³⁵ Там же. Л. 20, 21, 23.
³⁶ Там же. Л. 2 об.
³⁷ Там же. Д. 2843. Л. 3, 8.
³⁸ Там же. Л. 8–9.
³⁹ Там же. Д. 2835. Л. 153.
⁴⁰ Там же. Д. 2843. Л. 32–33.
⁴¹ Там же. Д. 2856. Л. 2–2 об.

Р.А. Панов (Санкт-Петербург)

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБОРОННОЙ ТЕМАТИКИ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ИНДУСТРИАЛЬНОМ (ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ) ИНСТИТУТЕ В СЕРЕДИНЕ 1930-Х ГОДОВ

В 1930-е гг. ИССЛЕДОВАНИЯ оборонной тематики являлись одним из приоритетных направлений в научно-исследовательской деятельности вузов и научно-исследовательских институтов Советского Союза. Вузы Ленинграда как одного из основных научных и промышленных центров страны занимали в этом процессе особо видное место. К числу ведущих вузов Ленинграда, несомненно, принадлежал Ленинградский политехнический институт (ЛПИ), профессора, сотрудники и студенты которого вели интенсивные исследования в различных областях науки и техники.

При этом, 1930-е гг. явились для политехников очень непростым временем: вуз постоянно подвергался реорганизациям, далеко не все из которых оказались удачными. В апреле 1930 г., в соответствии с постановлением Президиума ВСНХ СССР, началось разделение Политехнического института на самостоятельные отраслевые институты: Машиностроительный, Металлургический, Котлотурбинный и др.

Размежевание, однако, проходило с большими трудностями. В июне 1933 г. в Комитете по высшей технической школе при ЦИК СССР, в Москве, состоялось совещание представителей отраслевых институтов, созданных на основе ЛПИ. Председатель Комитета Г.М. Кржижановский сетовал на непрекращающиеся споры по разделу материальной базы ЛПИ и предложил объединить некоторые из институтов в комбинат¹.

Соответствующее решение Совнаркома было принято в январе 1934 г. В единый Ленинградский индустриальный институт (ЛИИ) вливались шесть отраслевых институтов: электромеханический (ЛЭМИ), машиностроительный (ЛМСИ), металлургический (ЛМИ), гидротехнический (ЛГТИ), физико-механический (ЛФМИ) и Всесоюзный котлотурбинный. В апреле должность директора Индустриального института занял Г.Я. Шрейбер (ранее директор ЛМИ), а его заместителем по учебной и научной работе стал профессор В.Ю. Гиттис (1890–1963), видный специалист в области двигателей (в 1928–1930 гг. – зам. директора Московского автомобильного института).

1 июня 1934 г. начальник Главного управления учебных заведений НКТП Д.А. Петровский (1886–1937) подписал приказ, которым определялась структура ЛИИ. В нем создавалось 11 факультетов: общетехнический, металлургический, электросварочный, механический, производственного машиностроения, электромеханический, энергетический, энергетического машиностроения, инженерно-физический, инженерно-экономический, гидротехнический.

Организацией исследований, в том числе контактами с заказчиками изысканий, занимался особый Научно-исследовательский сектор (НИС). В 1934–1936 гг. его начальником был Владимир Александрович Вайнер (1897–1964), обладавший большим опытом партийной (член РСДРП с 1915 г.) и административной деятельности².

В 1935 г. в адрес ЛИИ все чаще и чаще поступают предложения и запросы по военно-техническим исследованиям от различных предприятий, исследовательских центров, структурных подразделений Наркомата обороны. Так, уже в январе сотрудники ЛИИ были привлечены к разработке двигателей, работающих на водороде. 4 января 1935 г. в Ленинградском институте химической физики (ЛИХФ) прошло специальное совещание по данному вопросу³. Одним из представителей ЛИИ на нем являлся декан факультета энергетического машиностроения Д.Н. Дьяков.

Совещание приняло решение поручить специальному отделу ЛИИ к 20 января разработать вопрос о работе водородных двигателей. Под руководством Ю.В. Гиттиса был составлен план исследований, согласно которому их предполагалось проводить в два этапа: на первом этапе изучалась работа двигателей внутреннего

сторания «на бензиново-воздушной смеси с присадкой водорода», на втором этапе – «работа двигателей на чистом водороде»⁴. Общий срок работ устанавливался в 18 месяцев.

В начале февраля контакты с ЛИИ начал налаживать располагавшийся в Москве Научно-испытательный институт Военно-воздушных сил (НИИ ВВС) РККА, который работал над созданием авиационного водородного двигателя. Его начальник В.К. Лавров направил в адрес директора ЛИИ приглашение к участию в конференции и прислал в Ленинград, для обмена информацией, своего представителя инженера В.А. Сидоренко⁵.

К работе над двигателем были привлечены и другие научные центры, такие как Военно-воздушная академия РККА, Центральный институт авиационного моторостроения, Научно-исследовательский институт азота и др. Тем не менее, в организации исследований не все шло легко и просто. В апреле 1935 г. руководство ЛИИ сообщило в Москву, что финансирование работ производится с задержками⁶. В мае Гиттис не смог принять участие в посвященной водородным двигателям конференции, так как слишком поздно получил информацию о ней⁷. И все же работа над водородным двигателем в ЛИИ и НИИ ВВС РККА продолжалась.

Активно развивалось в 1935 г. сотрудничество ЛИИ с руководством и научными учреждениями артиллерийского ведомства. В течение года по поручению Отдела военных приборов Артиллерийского управления (АУ) РККА в лаборатории радиофизики института велись работы по теме «Исследование влияния местности на точность измерения расстояний радиодальномером». В декабре 1935 г. соответствующий отчет, скрепленный подписями начальника научно-исследовательского сектора ЛИИ В.А. Вайнера и начальника спецотдела Пукита, был отправлен в АУ⁸. К отчету прилагалась смета на «постройку опытного образца радиодальномера ГРД-2»⁹. Разработка прибора была осуществлена в 1936 г. под руководством профессора ЛИИ Н.Д. Папалекси в Центральной радиолоборатории. Новый дальномер удостоился положительных отзывов специалистов. Тем не менее, с его массовым производством возникли затруднения, вызванные нехваткой осциллографов повышенной чувствительности¹⁰.

26 января 1935 г. спецсектором ЛИИ было получено обращение Артиллерийского научно-исследовательского института (АНИИ) РККА. В нем говорилось, что институт «по заданию правительства

ведет разработку проблемы, имеющей чрезвычайно важное оборонное значение и связанной с использованием электрической энергии очень большой мощности»¹¹. Речь, как видно из документов, шла о разработке электрического артиллерийского орудия, идея которого в то время пользовалась большой популярностью.

АНИИ РККА предлагал ЛИИ взять на себя рассмотрение целого ряда проблем, таких как: «исследование скользящих контактов, движущихся с максимально возможными скоростями и максимально кратковременной плотностью тока», построение особо мощных конденсаторных и аккумуляторных батарей, исследование изоляционных материалов и др.¹²

10 ноября 1935 г. ЛИИ получил обращение Артиллерийского научно-исследовательского морского института (АНИМИ), подписанное его начальником И.И. Греном¹³. АНИМИ предлагал политехникам на 1936 г. список из пяти научных тем, в которых он был заинтересован¹⁴.

Характерно, что четыре темы имели отношения к электричеству, значилась среди них и такая: «метание снарядов электрической силой»¹⁵.

Единственная тема, с электричеством не связанная, формулировалась как «применение быстроходных двигателей внутреннего сгорания на ударную (пиковую) работу артмеханизмов»¹⁶. Надо сказать, что проблемой двигателей внутреннего сгорания в Политехническом институте плодотворно занимались еще в начале XX в.

Тогда же, в ноябре 1935 г., работы артиллерийской тематики предложило ЛИИ Главное управление учебных заведений (ГУУЗ) Наркомата тяжелой промышленности. Таковых было две: изготовление электроиндикаторов для измерения давления в артиллерийских установках и выработка методов определения напряжения в артиллерийских системах¹⁷.

В конце 1935 г. группа сотрудников ЛИИ подала заявку на исследования по противохимической обороне. В обращении на имя комбрига В.Г. Драгилева сообщалось, что в институте ведется разработка «авто-дегазатора для распыления сухих дегазаторов», который должен был устанавливаться на грузовом автомобиле и управляться из кабины водителя¹⁸. Администрация института просила командование округа ходатайствовать о внесении проекта в общий список тем для финансирования в 1936 г.

Приходится признать, что порой выполнение исследований стелкивалось с большими трудностями организационного и материального характера. Весьма показательная в этом отношении ситуация сложилась в изучении артиллерийских смазок.

3 января 1936 г. ГУУЗ Наркомата тяжелой промышленности известило ЛИИ, что тема «Изучение антифрикционных свойств артсмазки и разработка технических требований к смазкам для наиболее характерных механизмов предметов артвооружения» включена в план работ вуза и будет финансироваться наркоматом¹⁹. Выполнение исследований поручили лаборатории трения, которой руководил профессор А.К. Зайцев.

Вскоре, однако, выяснилось, что поставленные военными задачи сложны (особенно испытание смазок в очень широком диапазоне температур). В середине января 1936 г. начальник научно-исследовательского сектора ЛИИ Вайнер сообщил в Артиллерийское управление РККА, что лаборатория трения не отвечает «специальным условиям», необходимым для исследований, предлагал привлечь к работе ряд научных центров²⁰. Ответа не последовало.

Однако несколько месяцев спустя Артиллерийское управление стало проявлять тревогу по поводу медленных темпов работ. В конце апреля 1936 г. Отдел материальной части артиллерии АУ направил в ГУУЗ Наркомата тяжелой промышленности весьма резкое послание, в котором говорилось: «Указанная работа до настоящего времени институтом не ведется, а стоимость и объемы ее значительно преувеличиваются»²¹. ЛИИ ответило не менее резко. В письме, подготовленном научно-исследовательским сектором, говорилось: «Даже для мало осведомленных в этом деле очевидно, что объем и содержание такой разработки чрезвычайно велики...»²². Далее были приведены данные из технического задания, составленного самими артиллеристами, относительно разнообразных условий службы смазок: диапазон температур от -60 до $+50$ °С, «различная влажность, различные зазоры и давление на трущихся поверхностях, различные непостоянные скорости и т.п.»²³. Руководители сектора жаловались также на задержки с доставкой образцов смазок в институт.

ГУУС НКТП, по-видимому, принял сторону Артиллерийского управления. 31 мая 1936 г. им было направлено ЛИИ категорическое предписание «немедленно приступить к изучению темы по артсмазкам»²⁴.

В ответ руководство института предложило скорректировать тему: группа под руководством А.К. Зайцева была готова не только изучить имеющиеся смазки, но за 9 месяцев произвести «разработку рецептуры 4-х типов артиллерийских смазок из отечественного недефицитного сырья взамен ныне применяемых отечественных, не отвечающих современным специальным требованиям»²⁵.

Однако на эту работу, по расчетам специалистов ЛИИ, требовалось 76 425 рублей. Данное требование, можно предположить, повергло ГУУЗ в шок, так как первоначально на изучение смазок предполагалось ассигновать около 10 тыс. руб. 19 июня 1936 г. управление категорически заявило, что оно не в состоянии выделить дополнительные средства²⁶.

Несмотря на подобные затруднения, ЛИИ все более активно и решительно занимался оборонной тематикой. В конце июня 1936 г. директором института стал В.Г. Евдокимов (1903–1942), который с 1934 г. находился на должности декана инженерно-экономического факультета и заведующего кафедрой «Экономика металлургической промышленности». Буквально сразу после назначения он направил начальнику ГУУЗ НКТП СССР Д.А. Петровскому обширный план предполагаемых исследований. «Ленинградский Индустриальный институт, – говорилось в нем, – ставя перед собой задачу в нашей научно-исследовательской работе оказать наиболее эффективную помощь в деле обороны страны, – используя через свой научно-исследовательский сектор всю нашу широкую научно-техническую лабораторную базу и научный опыт ведущих специалистов, – наметил к разработке в наступившем учебном году ряд наиболее актуальных оборонных тем»²⁷.

Всего план содержал восемь тем:

1) Изучение сопротивления и теплоотдачи системы цилиндров авиационного мотора. Руководить исследованиями должны были профессора А.А. Гухман (ученый-теплотехник, декан инженерно-физического факультета) и Л.Г. Лойцянский (один из создателей кафедры гидроаэродинамики).

2) Регулирование скорости горения водородных смесей (тема очень важная для обеспечения безопасности полетов дирижаблей и аэростатов). Руководство возлагалось на профессора С.З. Рогинского и доцента Лаврова.

3) Изыскание неадсорбционных методов удаления отравляющих веществ. Руководителем здесь также выступал С.З. Рогинский.

4) Разработка метода вождения судов по узкому фарватеру. Как видно из материалов, имелось в виду использование для проводки судов радиолокаторов и методик Н.Н. Циклинского.

5) Пьезоэлектрический метод измерения импульсных высоких давлений (эта тема представляла интерес для артиллеристов). Руководители – профессора Е.Г. Шрамков, заведовавший кафедрой «Электрические измерения», и Н.Н. Пономарев (по кафедре «Электроизмерительная техника»).

6) Теоретические вопросы, связанные с силовой синхронной передачей для зенитной артиллерии. Руководитель – профессор и декан электромеханического факультета М.П. Костенко.

7) Теоретические вопросы, связанные с разработкой электрических артиллерийских орудий. Руководитель – М.П. Костенко.

8) Изучение антифрикционных свойств артиллерийских смазок и разработка технических требований к смазкам для наиболее характерных предметов артиллерийского вооружения. Руководитель этой темы указан не был, но, скорее всего, таковым оставался А.К. Зайцев.

Относительно некоторых тем в документе содержалась интересная детализация. Так, по теме № 3 указано, что разработка неадсорбционных методов удаления отравляющих веществ будет осуществляться в двух вариантах: «электроразрядном, при котором в короне высаживаются дымовые частицы <...> и далее в специально подобранных разрядных установках обеззараживаются молекулярно-дисперсные примеси»²⁸.

По теме № 7 уточнялось, что исследователи во главе с Костенко займутся вопросами получения максимальной мощности от ударного генератора для питания электрических орудий; параллельной работой нескольких генераторов на одно орудие; работой контактов при сверхбольших плотностях тока²⁹. Такой набор вопросов представляется вполне логичным. Самой трудной проблемой при создании электрических орудий стало именно обеспечение необходимо-го для производства выстрела тока колоссальной мощности³⁰.

В целом, ЛИИ был готов взяться за широкий круг оборонных проблем, среди которых имелись и начатые ранее исследования (артиллерийские смазки, электрические пушки), и новые. Однако приведенным списком дело не ограничилось.

17 октября 1936 г. В.Г. Евдокимов направил Д.А. Петровскому еще один список из 13 тем оборонного характера³¹. Таковой включал:

1) Экспериментальная и теоретическая разработка способа автоматического измерения расстояния методом перехода по частоте между двумя или большим количеством точек. Руководитель группы – В.И. Юзвинский.

2) Разработка аппаратуры для определения точного местоположения неизвестной телефонной станции. Руководитель – также В.И. Юзвинский.

3) Разработка прибора для определения концентрации озона в высших слоях атмосферы. Руководитель – С.З. Рогинский, при участии аспиранта Штейнбока.

4) Разработка прибора для определения и сигнализации о заражении воздуха отравляющими веществами. Исполнитель – аспирант Штейнбок.

5) Поиск наиболее рационального электрического метода для точного определения скорости полета снаряда вблизи канала артиллерийского орудия и создание прибора для этой цели. Руководитель не указан.

6) Конструирование «облегченных разборчатых плотин» для временного затопления местности. Руководители – инженеры К.А. Костромин и Зацепин.

7) Создание электрофильтра «компактной, высокопродуктивной конструкции» для газоубежищ и противогазов. Руководитель – профессор Ю.В. Баймаков, заведовавший кафедрой «Электропиromеталлургия цветных металлов».

8) Разработка защиты лопастей алюминиевых авиационных пропеллеров от износа и хромирование цилиндров из легких сплавов для двигателей внутреннего сгорания. Руководитель – Ю.В. Баймаков.

9) Покрытие алюминия электролитическим чистым свинцом. Руководитель – Ю.В. Баймаков.

10) Производство электролизом сплавов свинец-барий, свинец-кальций и испытание их на анодную коррозию. Руководитель – Ю.В. Баймаков.

11) Разработка конструкции легкого дизеля для торпедного катера. Руководитель – профессор В.Ю. Гиттис.

12) Изыскание коррозионностойких и высокопрочных легких сплавов. Руководитель – доцент М.И. Замоторин.

13) Разработка котла внутреннего сгорания для торпед. Руководители – В.Ю. Гиттис и С.З. Рогинский.

К каждой теме прилагалось довольно подробное, аргументированное обоснование. Так, например, по теме № 4 (разработка прибора для обнаружения отравляющих веществ) пояснялось, что сделавший данное предложение аспирант Штейнбок имеет опыт работы над газоанализатором для стратосферы. Его новый проект планировалось осуществить, опираясь на один из двух принципов: «...либо на использовании эффекта, получающегося вследствие разного коэффициента поглощения инфракрасных лучей в зараженном воздухе, по сравнению с чистым, либо применением специальных реактивов, цвет которых меняется вследствие воздействия на них отравляющих веществ, в дальнейшем измеренных с помощью фотоэлементов»³².

По теме № 11 (дизели для торпедных катеров) сообщалось, что Ю.В. Гиттис привез из Италии материалы по двигателям для торпедных катеров, изготовленных на заводах «Фиат», и теперь готов разработать аналогичные моторы для советского флота (в обосновании приведены соответствующие технические данные). Особый интерес представляет здесь указание на итальянский опыт: хорошо известно, что итальянцы очень эффективно использовали торпедные катера еще в Первую мировую войну, а в 1930-е гг. активно создавали новые их модели³³.

В обосновании темы № 13 (котел внутреннего сгорания для торпед) указывалось: «Существующие виды торпедных подогревательных аппаратов работают на смесях воздуха и распыленного керосина. Большой объем торпеды непроизводительно занят баллоном с запасом сжатого воздуха»³⁴. Перед конструкторами ставилась задача увеличить мощность подогревательного аппарата, не увеличивая (а лучше – уменьшив) его размеры. Как сообщалось в документе, перспективный проект выдвинул работавший в ЛИИ сотрудник Института химической физики А.В. Загулин, который предложил заменить воздух «жидкими окислителями, из которых наиболее пригодными являются тетранитрометан и двуокись азота»³⁵. Эти вещества должны были поступать в котел внутреннего сгорания из «легких резервуаров» и смешиваться с керосином и водой.

Составители обоснования отметили, что все математические расчеты по проекту уже выполнены и находятся у начальника опытно-исследовательского сектора завода «Двигатель» Варшавского (завод «Двигатель», надо пояснить, многие годы специализировался

именно на разработке и производстве торпед, до революции это был завод «Старый Лесснер»). Разработки Загулина заслужили положительную оценку профессора ЛОИИ Гиттиса³⁶, который не только высказался за их продолжение, но выразил готовность принять участие в работах.

Одновременно с отправкой плана Петровскому В.Г. Евдокимов обратился к заместителю народного комиссара обороны Маршалу Советского Союза М.Н. Тухачевскому. Он охарактеризовал потенциал вуза, заверил маршала в готовности коллектива направить усилия на «осуществление ряда актуальнейших оборонных проблем» и привел 21 оборонную тему (в их число вошли темы как из июньского, так и из октябрьского списка).

При этом Евдокимов вполне откровенно писал о финансовой подоплеке обращения: «Не будучи уверенными в том, что ГУУЗ Наркомтяжпрома, куда нами представлена вся эта тематика, сможет полностью финансировать все намеченные нами работы, мы решили обратиться к Вам с просьбой помочь изыскать все материальные возможности к тому, чтобы вся наша оборонная тематика имела твердую финансовую базу для ее плодотворного осуществления»³⁷.

Суммы, запрашиваемые институтом, выглядели, надо признать, весьма внушительно. На изучение артиллерийских смазок разработчики по-прежнему рассчитывали потратить 76 тыс. рублей.

Обращение именно к Тухачевскому, конечно, было не случайным: он высоко ценил технические достижения, живо интересовался наукой и полагал, что войны ближайшего будущего станут, в первую очередь, борьбой военной техники, знаний.

13 ноября 1936 г. ГУУЗ Наркомата тяжелой промышленности оповестил ЛИИ, что на 1937 г. за ним закреплено 9 тем³⁸, среди которых 3 входили в первый, направленный Петровскому список, и 6 – во второй список. Перечень этих тем приведен в таблице № 1.

Из таблицы видно, что НКТП «урезал» запрошенное институтом финансирование исследований больше, чем по половине тем. Особенно пострадала разработка котла внутреннего сгорания для торпед: на нее НКТП соглашался выделить в 20 раз меньше денег, чем просил институт.

Руководство института, естественно, не захотело согласиться ни с тем, что многие темы были отвергнуты, ни с сокращением

**Список оборонных исследовательских тем,
утвержденных для ЛИИ на 1937 г. и их финансирование³⁹**

№	Тема	Финансирование (тыс. руб.)	
		Запрошено ЛИИ	Запланировано НКТП
1	Силовая синхронная передача для зенитной артиллерии	40	40
2	Вопросы по разработке электрического артиллерийского орудия	50	40
3	Изучение антифрикционных свойств артиллерийских смазок	76	63
4	Защита лопастей алюминиевых авиационных пропеллеров	25	25
5	Разработка прибора для определения концентрации озона в верхних слоях атмосферы	40	40
6	Разработка прибора для определения зараженности воздуха отравляющими веществами	45	45
7	Разработка способа и прибора для автоматического измерения расстояния методом перехода по частоте между двумя и большим количеством точек	40	33
8	Конструкция легкого дизеля для торпедного катера	35	30
9	Конструкция котла внутреннего сгорания для торпед	200	10

финансирования на принятые темы. 22 декабря 1936 г. в НКТП было отправлено отношение, подписанное заместителем директора по научной работе П.Л. Калантаровым и начальником научного отдела Качко. В нем отмечалось, что выделяемая сумма «не охватывает возможности проработки целого ряда ценнейших для обороны страны научно-исследовательских спец. тем»⁴⁰.

Особенно резко возражали специалисты ЛИИ против колоссального сокращения ассигнований на разработку нового торпедного двигателя. Проект Загулина, по их мнению, позволял «совершенно по-новому и чрезвычайно эффективно решить вопросы в торпедном деле»⁴¹. Но осуществить работу на предложенную НКТП сумму ученые считали невозможным. «Мы вынуждены эту тему

снять вовсе, заменив ее другой, по которой, конечно, также трудно уложиться в 10 000 рубл.»⁴².

В документе говорилось и еще об одной замене. Руководство ЛИИ предлагало ввести в план тему «Пьезоэлектрический метод измерения импульсных высоких давлений в канале ствола артиллерийских орудий», заменив ею разработку прибора по определению концентрации озона в верхних слоях атмосферы.

Главным, однако, был финансовый вопрос. «Наша настоятельная просьба, – говорилось в отношении ЛИИ, – изыскать все возможности к увеличению финансирования представленной нами спец. тематики до миллиона рублей»⁴³. Разумеется, НКТП удовлетворить такую просьбу не мог. 20 декабря 1936 г. он направил в ЛИИ строгое указание: «Вам намечено на 1937 г. по фонду V-му (так в документе. – *Р. П.*) 326 000 рублей. На эту сумму надо выслать подробную смету...»⁴⁴.

Таким образом, расширить круг тем, утвержденных НКТП, не удалось. Вместе с тем, запрос на оборонные исследования ЛИИ явно существовал и даже увеличивался. Например, еще в начале декабря к институту обратился упоминавшийся выше завод «Двигатель» с просьбой включить темы: изучение стойкости масел, безвоздушное горение, работа двигателей на обогащенном кислородом воздухе⁴⁵. Предлагал новые исследования также Артиллерийский научно-исследовательский институт⁴⁶.

В целом, можно сделать вывод, что за короткий срок (1934–1936) в ЛИИ, вобравшем в себя значительную часть структурных подразделений Политехнического института, удалось наладить оборонные исследования в весьма широком спектре тем, с привлечением выдающихся ученых. Многие направления изысканий носили подлинно новаторский характер. Большая заслуга в их организации принадлежит директору института В.Г. Евдокимову. К сожалению, в 1937 г. этот талантливый руководитель пал жертвой необоснованных репрессий: он был обвинен во вредительстве и приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. В.Г. Евдокимов скончался в 1942 г. от туберкулеза в заключении. Жертвами «большого террора» пали также маршал М.Н. Тухачевский, на помощь которого В.Г. Евдокимов рассчитывал при развитии оборонных исследований, и начальник ГУУЗ НКТП Д.А. Петровский (его расстреляли в сентябре 1937 г.). Не обошли репрессии и многих видных ученых-политехников. Однако, несмотря на все трудности

и потери, середина 1930-х гг. стала временем активного, напряженного развития в ЛИИ исследований оборонного характера. Многие достижения этого периода стали прочной основой и для научных изысканий второй половины 1930-х гг., и для той масштабной научной работы в интересах Красной армии, которая развернулась в вузе с самого начала Великой Отечественной войны.

¹ Цитируется по: Смелов В.А. Политехнический институт. Тридцатые годы. СПб., 2008. С. 92.

² Архив СПбГПУ. 1964 г. Оп. 120. Д. 112.

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 3121. Оп. 26. Д. 21. Л. 2.

⁴ Там же. С. 4–5.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 19.

⁷ Там же. Л. 24.

⁸ Там же. Л. 62.

⁹ Там же. Л. 64.

¹⁰ Там же. Д. 31. Л. 2–6, 14–15.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² Там же.

¹³ Сослуживец Грена, министр обороны Д.Ф. Устинов отзывался о нем следующим образом: «Огромным авторитетом среди сотрудников Института пользовался Иван Иванович Грен, сменивший П.П. Шешаева на посту директора. Он длительное время командовал Крымским укрепленным районом и был крупным специалистом береговой артиллерии. И хотя у него не было инженерного образования, в технических вопросах он ориентировался хорошо. И.И. Грен долгие годы руководил ЛАНИМИ, очень многое сделал для развития научных исследований и укрепления связей института с производством» // Устинов Д.Ф. Во имя победы. М., 1988. С. 51.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 3121. Оп. 26. Д. 21. Л. 54.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 55.

¹⁸ Там же. Л. 38.

¹⁹ Там же. Д. 33. Л. 26.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 7.

²² Там же. Л. 8.

²³ Там же. Л. 8.

²⁴ Там же. Л. 12.

²⁵ Там же. Л. 16.

²⁶ Там же. Л. 22.

²⁷ Там же. Л. 30–34.

²⁸ Там же. Л. 31.

²⁹ Там же. Л. 34.

³⁰ Даже в начале 1950-х годов специалисты по артиллерийской науке отмечали: «Чтобы сообщить необходимую для движения снаряда энергию в ничтожный промежуток времени, нужен ток огромной силы; для этого на электростанции необходимо иметь специальное оборудование. Применяемое теперь оборудование не выдержит «удара», который последует при «коротком замыкании» очень сильного тока». См.: Никифоров Н.Н., Туркин П.И., Жеребцов А.А., Галиенко С.Г. Артиллерия. М., 1953. С. 82.

³¹ ЦГА СПб. Ф. 3121. Оп. 26. Д. 33. Л. 38–49.

³² Там же. Л. 42.

³³ Торпедой пли!: История малых торпедных кораблей / Под общей ред. А.Е. Тараса. Минск, 1999. С. 158–159.

³⁴ ЦГА СПб. Ф. 3121. Оп. 26. Д. 33. Л. 48.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 62.

³⁷ Там же. Л. 50.

³⁸ Там же. Л. 70–71.

³⁹ Там же. Л. 71–72, 86.

⁴⁰ Там же. Л. 85.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 97.

⁴⁵ Там же. Л. 75.

⁴⁶ Там же. Л. 35.

С.М. Пасхин (Санкт-Петербург)

**КОЛЛЕКЦИЯ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ СВЯЗИ
РУССКОЙ АРМИИ, ВЫПУЩЕННОЙ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ,
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
Артиллерии, инженерных войск
и войск связи**

КОЛЛЕКЦИЯ музейных предметов средств связи в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) насчитывает более 2,5 тысяч, из которых более 200 относится к памятникам науки и техники, имеющим мировое значение. Важное место среди музейных предметов занимают средства военной связи, которые были выпущены в России во время Первой мировой войны.

Начало Первой мировой войны показало, что производственные мощности предприятий России не могли удовлетворить потребности армии и флота в средствах связи.

Войну русская армия встретила, имея на вооружении искровых рот 72 полевые и 4 автомобильные станции, а вместо ежедневно потребных 800 телеграфных и 16 000 телефонных аппаратов с существующими нормами снабжения выпускалось 100 и 500 штук соответственно¹. Такое положение потребовало вмешательства государства по улучшению снабжения Вооруженных сил России материально-техническими средствами. Несмотря на войну, наряду с другими средствами стали выпускаться и средства связи.

Четвертого сентября 1914 г. были утверждены Николаем II и изданы положения Совета министров, направленные на установление порядка первоочередного использования предприятиями заказов Военного и Морского ведомств для обеспечения войск различными видами довольствия, в том числе и средствами связи.

1915 г. окончательно развеял иллюзии относительно скорого завершения войны, и все снабжение армии было поставлено на плановую основу. Главным военно-техническим управлением (ГВТУ) был составлен план обеспечения армии основными видами телеграфно-телефонного имущества и 19 ноября 1915 г. был рассмотрен Подготовительной комиссией по общим вопросам. 21 ноября 1915 г. он был утвержден на заседании Особого совещания по обороне государства. Этот план был рассчитан на срок исполнения к 1 июля 1917 г. Планирование заказов радиотелеграфного имущества было осуществлено с некоторой задержкой в связи с тем, что новый штат и таблицы радиотелеграфных подразделений были утверждены начальником штаба ВГК только 1 февраля 1916 г.²

7 марта 1916 г. Подготовительная комиссия по общим вопросам одобрила план заказов на радиотелеграфное имущество со сроком исполнения до 1 июля 1917 г. К выполнению этого плана было решено привлечь четыре петроградские фирмы, имевших к тому времени у себя налаженное радиотехническое производство, с учетом их специализации по типам продукции³.

В сфере производства полевой радиоаппаратуры сильные позиции сохранила за собой фирма «Сименс и Гальске». В годы войны она специализировалась на выпуске полевых и переносных радиостанций. Для Военного ведомства фирма «Сименс и Гальске» должна была выпустить 204 комплекта полевых радиостанций, 150 комплектов переносных (аванпостных) радиостанций. В общей сложности данной фирмой было выпущено не менее 465 комплектов⁴.

Радиосредства аэропланов для армии создавала и поставляла фирма «Маркони».

Акционерное общество электромеханических сооружений получило заказ на выпуск 290 комплектов различных радиостанций и передатчиков⁵.

Из затребованных ГВТУ радиосредств заводом Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов (РОБТиТ) поставлялись в армию кавалерийские и выученные радиостанции, а также полевые (в том числе автомобильные) и приемные станции. В 1916 г., после значительного расширения типов аэропланых передатчиков и радиостанций, РОБТиТ активно включился в поставки их в армию, совершенствуя данные средства, выпускаемые фирмой «Маркони», а также создавая свои. Ко времени

выхода России из войны РОБТиТ имело самые крупные заказы Военного ведомства на радиопродукцию. Завод РОБТиТ должен быть выпустить более 16 000 комплектов различной радиоаппаратуры⁶.

Выпуск телеграфных и телефонных аппаратов было решено реализовать в два этапа:

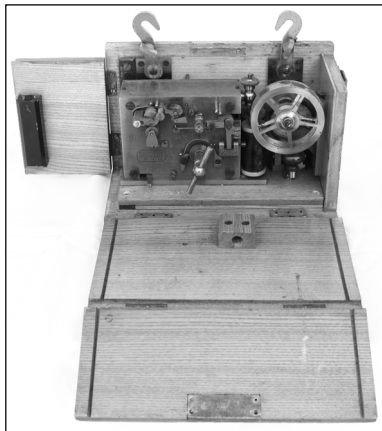
1. До 1 октября 1916 г. основную нагрузку должны были нести петроградские заводы АО «Сименс и Гальске», «Н.К. Гейслер» и «Л.М. Эриксон».

2. После этого срока к ним присоединялись новые частные и казенные предприятия⁷.

1 февраля 1916 г. Подготовительная комиссия по общим вопросам одобрила вариант выдачи заказов петроградским предприятиям на телеграфно-телефонное имущество. Были заключены контракты с заводом «Л.М. Эриксон» на поставку 57 500 телефонных аппаратов, с заводом «Сименс и Гальске» – на поставку 12 000 телефонных и 24 00 телеграфных аппаратов, с заводом «Н.К. Гейслер» – на поставку 11 000 телефонных аппаратов, с арматурно-электрическим акционерным обществом на поставку 24 000 телефонных и 3000 телеграфных аппаратов. На втором этапе планировалось привлечь мастерские петроградской офицерской электротехнической школы (ОЭШ), завод фирмы «К. Лоренц», Юрьевскую телефонную фабрику и завод, который начало строить в Москве петроградское арматурно-электрическое акционерное общество.

Таким образом, в 1916 г. все крупные предприятия были загружены заказами по планам снабжения армии средствами связи до 1 июля 1917 г. Однако заводы, которые планировались к запуску, так и не были введены в эксплуатацию. Поэтому основная нагрузка по выпуску телефонных и телеграфных аппаратов легла на петроградские заводы.

Коллекция ВИМАИВиВС имеет средства связи, которые использовались для обеспечения и организации связи в Первой мировой войне (более 40 музейных предметов). Но особое место в ней занимают средства связи, которые были выпущены в период с 1914 по 1917 гг. российскими заводами и фабриками. В преддверии 100-летия со дня начала Первой мировой войны хотелось бы рассказать об этой коллекции.

Аппарат телеграфный, кавалерийский, работающий кодом Морзе. Изготовлен в 1914 г.

по шестовым линиям – на всю длину; по кабельным линиям – до 50 км. Обмен: 300 слов в час. Источники электропитания: батареи из медноцинковых элементов А.С. Попова или из сухих элементов полковника Сущинского.

Вес: 6,4 кг. Размер: 270 x 180 x 130 мм.

Аппарат телеграфный, чернопишущий, кавалерийский, работающий кодом Морзе

Аппарат образца 1896 года. Изготовлен в Петрограде в 1915 г. на заводе Акционерного общества «Русский электрический завод Сименс и Гальске». Заводской № 67654.

Поступал на вооружение саперных команд, кавалерийских и конно-казачьих полков русской армии.

Скорость установки и вхождения в связь: 10 минут. Дальность связи: по постоянным воздушным линиям связи – 400 км, по шестовым линиям – на всю длину; по кабельным линиям – до 50 км. Обмен: 300 слов в час. Источники электропитания: батареи из медноцинковых элементов А.С. Попова или из сухих элементов полковника Сущинского.

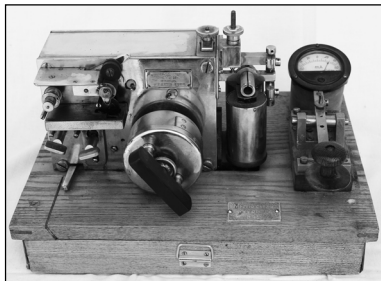
Вес: 4,8 кг. Размер: 280 x 185 x 145 мм.

Аппарат телеграфный, чернопишущий, кавалерийский, работающий кодом Морзе

Аппарат образца 1905 года. Изготовлен в Петрограде в 1914 г. на заводе Акционерного общества «Русский электрический завод Сименс и Гальске». Заводской № 54549.

Поступал на вооружение саперных команд, кавалерийских и конно-казачьих полков русской армии.

Скорость установки и вхождения в связь: 10 минут. Дальность связи: по постоянным воздушным линиям связи – 400 км,

Аппарат телеграфный, чернотишущий, работающий кодом Морзе. Изготовлен в 1916 г.

по шестовым линиям – на всю длину; по кабельным линиям – до 50 км. Обмен: 300 слов в час. Источники электропитания: батареи из медноцинковых элементов А.С. Попова или из сухих элементов полковника Суцинского.

Вес: 10,7 кг. Размер: 345 x 260 x 240 мм

Аппарат телефонный, полевой, с фоническим вызовом

Аппарат образца 1909 года. Изготовлен в Петрограде в 1915 г. на заводе Русского акционерного общества «Л.М. Эриксон и К°». Заводской № 859506.

Применялся для обеспечения телефонной связи в стрелковых и артиллерийских полках русской армии.

Вес: 4,7 кг. Размер: 320 x 270 x 115 мм.

Аппарат телефонный с фоническим вызовом, типа «Ордонанс»

Изготовлен в Петрограде в 1915 г. на заводе Русского акционерного общества «Л.М. Эриксон и К°». Заводской № 363021.

Аппарат артиллерийского ведомства. Применялся для

Аппарат телеграфный, чернотишущий работающий кодом Морзе
Аппарат образца 1916 года. Изготовлен в Петрограде в 1916 г. Заводской № 72404.
Применялся для обеспечения телеграфной связи в русской армии.

Скорость установки и вхождения в связь: 10 минут. Дальность связи: по постоянным воздушным линиям связи – 400 км,

по шестовым линиям – на всю длину; по кабельным линиям – до 50 км. Обмен: 300 слов в час. Источники электропитания: батареи из медноцинковых элементов А.С. Попова или из сухих элементов полковника Суцинского.

Вес: 10,7 кг. Размер: 345 x 260 x 240 мм

Аппарат телефонный, с фоническим вызовом типа «Ордонанс». Изготовлен в 1915 г.

обеспечения телефонной связи при управлении артиллерийским огнем. Телефон с микротелефонной трубкой мог сниматься и подвешиваться к уху телефониста, а ручку с микрофоном можно было помещать на груди. Источники электропитания – батареи типа «Ор-донанс» с напряжением 3 вольта.

Вес: 5,85 кг. Размер: 293 x 250 x 117 мм.

**Аппарат телефонный, облегченный,
системы Петроградского политехнического
института им. Петра Великого**

Изготовлен в Петрограде в 1915 г. Заводской № 1886.

Аппарат применялся для обеспечения телефонной связи в разведывательных подразделениях. Телефон укреплен на ремне, который надевался на голову, а микрофон с индукционной катушкой, батареей и вызывным приспособлением помещались в деревянный ящик, который носился на груди. Катушка с двухпроводным кабелем, длиной 0,5035 км носилась на поясе. Источники электропитания – батарейка для карманного фонаря.

Вес: 3,6 кг. Размер: 137 x 130 x 73 мм.

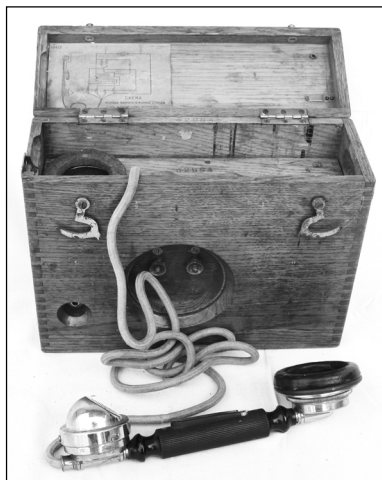
**Аппарат телефонный,
магнито-электрический
«БИ-ТЕЛЕФОН».
Изготовлен в 1916 г.**

**Аппарат телефонный
«БИ-ТЕЛЕФОН»,
магнито-электрический**

Изготовлен в Петрограде в 1916 г. на заводе «Русского акционерного общества «Л.М. Эриксон и К°». Заводской № 481477.

Применялся для обеспечения телефонной связи в штабах полков и дивизий русской армии. Аппарат работал без источников электропитания. Микрофон заменен телефоном. Индукторного вызова.

Вес: 3,68 кг. Размер: 285 x 195 x 99 мм.

**Аппарат телефонный,
с фоническим вызовом.
Изготовлен в 1916 г.**

**Аппарат телефонный,
с фоническим вызовом.
Изготовлен в 1916 г.**

Аппарат телефонный с фоническим вызовом

Изготовлен в Петрограде в 1916 г. на заводе Русского акционерного общества «Л.М. Эрикссон и К°». Заводской № 435634.

Применялся для обеспечения телефонной связи в штабах русской армии от дивизии и выше. Аппарат работал без источников электропитания. Микрофон заменен телефоном.

Вес: 4,25 кг. Размер: 285 x 198 x 98 мм.

Аппарат телефонный, полевой, с фоническим вызовом

Аппарат образца 1914 года. Изготовлен в Петрограде в 1916 г. на заводе «Н.К. Гейслер и К°». Заводской № 32964.

Применялся для обеспечения телефонной связи в стрелковых и артиллерийских полках русской армии.

Вес: 3,1 кг. Размер: 295 x 235 x 100 мм.

Аппарат телефонный, с фоническим вызовом

Изготовлен в Петрограде в 1916 г. на заводе «Н.К. Гейслер и К°».

Применялся для обеспечения телефонной связи в кавалерийских полках и разведотрядах русской армии.

Вес: 1,75 кг. Размер: 180 x 208 x 78 мм.

**Станция минная,
микротелефонная.
Изготовлена в 1916 г.**

**Станция минная,
микротелефонная**

Изготовлена в Петрограде в 1916 г. на заводе «Н.К. Гейслер и К°». Заводской № 43722.

Применялась для обеспечения телефонной связи заведующему минными работами с командами саперов, ведущими работы в минных галереях, а также с артиллерийским начальником. Источники электропитания – элементы ЗС или ЗВ.

Вес: 4,2 кг. Размер: 305 x 230 x 143 мм.

**Аппарат телефонный,
форпостный,
магнитоэлектрический**

Изготовлен в Петрограде в 1917 г. на заводе Русского акционерного общества «Л.М. Эриксон и К°». Заводской № 90783.

Предназначался для линейных надсмотрщиков и разведчиков для перехвата телефонных и телеграфных переговоров при включении в телефонную и телеграфную линии. Аппарат снабжен сигнальным свистком для вызова. Вкладывался в кожаный чехол с ремнем для переноски.

Вес: 0,6 кг. Размер: 60 x 200 x 100 мм.

**Аппарат телефонный с фоническим вызовом,
крепостного типа**

Изготовлен в Петрограде в 1917 г. на заводе Русского акционерного общества «Л.М. Эриксон и К°». Заводской № ЕА-542.

Применялся для обеспечения телефонной связи внутри крепости и для связи артиллерийского наблюдателя, находящегося в гондоле аэростата, с командным пунктом артиллерии. Телефоны вмонтированы в шлем. Микрофон – нагрудный.

Вес: 6,7 кг. Размер: 420 x 250 x 140 мм.

**Аппарат телефонный, с фоническим вызовом крепостной.
Изготовлен в 1917 г.**

Коммутатор фонический, пирамидальный

Изготовлен в Петрограде в 1915 г. на заводе Русского акционерного общества «Л.М. Эриксон и К°». Заводской № 21356.

Применялся для создания телефонных станций в полках, дивизиях и корпусах. Емкость: 6 однопроводных линий.

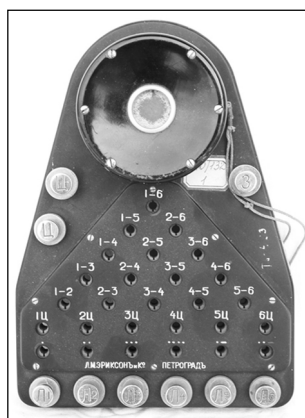
Вес: 2,3 кг. Размер: 100 x 270 x 80 мм.

Коммутатор фонический, кнопочный

Изготовлен в Петрограде в 1915 г. на заводе Русского акционерного общества «Л.М. Эриксон и К°». Заводской № 21105.

Применялся для создания телефонных станций в батальонах, стрелковых полках и в артиллерии. Емкость: 6 однопроводных линий.

Вес: 2,9 кг. Размер: 240 x 200 x 130 мм.

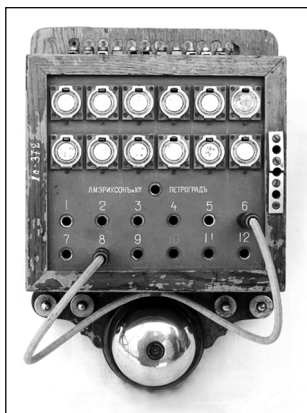
**Коммутатор фонический,
пирамидальный
на 6 линий. Изготовлен
в 1915 г.**

Коммутатор фонический, кнопочный

Изготовлен в Петрограде в 1915 г. на заводе Русского акционерного

Коммутатор фонический, кнопочный на 6 линий. Изготовлен в 1915 г.

Коммутатор полевой на 12 линий. Изготовлен в 1915 г.

общества «Л.М. Эриксон и К°». Заводской № 28872.

Применялся для создания телефонных станций в батальонах и стрелковых полках. Емкость: 6 двухпроводных линий.

Вес: 3 кг. Размер: 200 x 250 x 180 мм.

Коммутатор фонический, рычажной

Изготовлен в Петрограде в 1915 г. на заводе Русского акционерного общества «Л.М. Эриксон и К°». Заводской № 29928.

Применялся для создания телефонных станций от полка и выше. Емкость: 9 однопроводных линий.

Вес: 2,3 кг. Размер: 260 x 190 x 60 мм.

Коммутатор полевой

Изготовлен в Петрограде в 1915 г. на заводе Русского акционерного общества «Л.М. Эриксон и К°». Заводской № 35296.

Применялся для создания телефонных станций малой емкости. Состоял на вооружении отдельных телеграфных рот и телеграфных рот саперных батальонов. Емкость: 12 однопроводных линий.

Вес: 2,9 кг. Размер: 200 x 290 x 200 мм.

Радиостанция РОБТиТ (облегченная)

Изготовлена в Петрограде на заводе Русского общества беспроводных телеграфов и телефонов в 1914 г., заводской № 10312.

Радиостанция применялась для обеспечения радиосвязи в звене: штаб дивизии – штаб полка.

Перевозилась на одной двуколке или переносилась в пяти упаковках. Экипаж: четыре человека. Время развертывания: 12–15 мин. Дальность связи: до 12 км.

Диапазон волн передатчика: 300 м (1 мГц), 340 м (0,885 мГц), 390 м (0,77 мГц). Диапазон волн приемника: 200–1000 м (1,5 мГц – 0,3 мГц).

Передатчик искровой ударного возбуждения с тональной искрой. Мощность: 50 – 100 Вт.

Антенна зонтичная с высотой подвеса 15 метров. Источник питания – генератор с ручным приводом.

Приемопередатчик смонтирован в упаковке в виде чемодана из красного дерева с ручкой для переноса. Вес: 11,7 кг. Размер: 490 x 175 x 265 мм.

Радиостанция РОБТиТ.
Изготовлена в 1914 г.

Радиоприемник РОБТиТ

Изготовлен в Петрограде на заводе Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов в 1915 г., заводской № 1049.

Радиоприемник применялся для приема информации в звене: штаб армии – штаб дивизии.

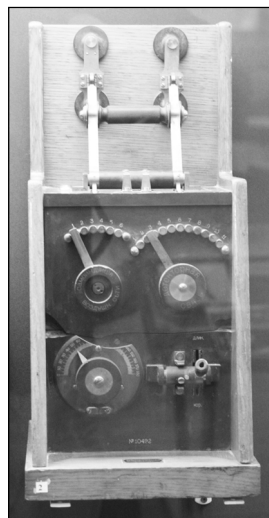
Диапазон волн приемника: 400–2300 м (0,75 мГц – 0,013 мГц), разбит на два поддиапазона.

Вес: 9 кг. Размер: 310 x 590 x 310 мм.

Радиоприемник СиГ

Изготовлен в Петрограде на заводе Акционерного общества русских электрических заводов «Сименс и Гальске» в 1916 г., заводской № 998.

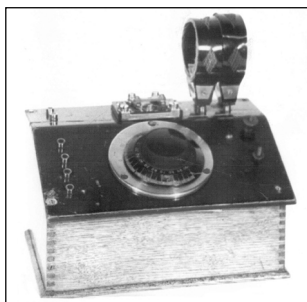
Радиоприемник применялся для приема информации в звене: штаб армии – штаб дивизии и входил в комплект полевой радиостанции СиГ, образца 1910 года.

Радиоприемник РОБТиТ.
Изготовлен в 1915 г.

Радиоприемник СиГ.
Изготовлен в 1916 г.

**Радиоприемник
Гурьянова.**
Изготовлен в 1917 г.

В нем установлены: разрядник, вариометр, трансформатор, две лейденских банки. Вес: 7,3 кг. Размер: 135 x 420 x 220 мм.

Макет радиопередатчика самолетного фирмы «Маркони» (М1:1)

Изготовлен в Ленинграде в 1945 г. мастерскими военного склада № 123 Ленфронта.

Диапазон волн приемника: 250–3260 м (1200–92 кГц), разбит на семь поддиапазонов.

Вес: 15 кг. Размер: 310 x 590 x 310 мм.

Радиоприемник Гурьянова

Изготовлен в Петрограде в мастерской радиодивизиона подпоручиком Н.Л. Гурьяновым в 1917 г. В музей поступил в 1969 г. как дар генерал-майора войск связи Н.Л. Гурьянова.

Радиоприемник входил как дополнительный в комплект радиостанции любого типа. Диапазон волн приемника: 250–3260 м (1200–92 кГц). Вес: 15 кг. Размер: 310 x 590 x 310 мм.

Радиопередатчик самолетный

Изготовлен в Петрограде в 1917 г. Устанавливался на самолетах-разведчиках. Дальность связи: до 60 км. Вид связи: слуховая телеграфная связь. Диапазон волн передатчика: 390 м (770 кГц), 430 м (695 кГц), 475 м (630 кГц). Мощность: 0,6 кВт.

Антенна выпускная, 10 метров. Источник питания – аккумуляторы. Передатчик смонтирован в ящике из дерева с четырьмя зажимами.

Радиопередатчик самолетный. Изготовлен в 1917 г.

Макет использовался для изучения.

Передатчик поступил на вооружение русской армии в 1916 году. Устанавливался на самолетах-разведчиках. Дальность связи до 23 км. Вид связи: слуховая телеграфная связь. Диапазон волн передатчика: 0,625–0,750 мГц. Мощность: 0,6 кВт.

Антенна выпускная, 10 метров. Источник питания – аккумуляторы. Передатчик смонтирован в ящике из дерева с четырьмя зажимами. В нем установлены: разрядник, вариометр, трансформатор, две лейденских банки. Вес: 3,5 кг. Размер: 125 x 270 x 245 мм.

Макет радиопередатчика самолетного (М 1:1)

Изготовлен в Ленинграде в 1945 г. мастерскими военного склада № 123 Ленфронта.

Макет использовался для изучения.

Передатчик поступил на вооружение русской армии в 1916 г. Устанавливался на самолетах-разведчиках. Дальность связи: до 60 км. Вид связи: слуховая телеграфная связь. Диапазон волн передатчика: 390 м (770 кГц), 430 м (695 кГц), 475 м (630 кГц). Мощность: 0,6 кВт.

Антенна выпускная, 10 метров. Источник питания – аккумуляторы. Передатчик смонтирован в ящике из дерева. Вес: 6,5 кг. Размер: 330 x 270 x 195 мм.

Макет развернутого радиопередатчика полевого РОБТиГ (М 1:1)

Изготовлен в Ленинграде в 1945 г. мастерскими военного склада № 123 Ленфронта.

Макет использовался для изучения.

Передатчик поступил на вооружение русской армии в 1916 г. Радиопередатчик применялся для обеспечения радиосвязи в звене штаб дивизии – штаб полка. Диапазон волн передатчика: 300 м (1мГц), 340 м (0,885 мГц), 390 м (0,77 мГц). Мощность 50 Вт.

Источник питания – генератор с ручным приводом.

Передатчик смонтирован на деревянной развернутой схеме, где расположены: разрядник Вина, трансформатор, две спиральных катушки из медного провода, ключ Морзе, два переключателя витков катушки и другие детали.

Таким образом, коллекция средств военной связи, выпущенных в России во время Первой мировой войны, довольно представительна и играет важную роль в изучении и освещении истории войск связи.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф.13. Оп. 87/1. Д. 51. Л. 34.

² Там же. Д. 252. Л. 2.

³ Там же. Д. 52. Л. 40–41.

⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 2004. Л. 74, 75

⁵ ЦГА СПб. Ф.1172. Оп. 1. Д. 516. Л.16, 17, 114.

⁶ Там же. Ф.1578. Оп. 3. Д. 43. Л. 687.

⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф.13. Оп. 87/1. Д. 71. Л. 66.

В.Л. Пашута, А.И. Ларькин (Санкт-Петербург)

КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ. СЛАВА И ТРАГЕДИЯ ПОЛКОВОДЦА ДРЕВНЕЙ РУСИ

В МНОГОТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ человечества военная составляющая занимает значительную ее часть. Во многих тысячах войн (порядка 15 тысяч) человечество не могло не явить миру великих полководцев, которые, одерживая блистательные победы, а иногда и терпя поражения, оставили свои имена всем последующим поколениям. Наверное, каждый народ гордится своими героями, добивавшимися побед над врагами своей страны. Применительно же к истории России можно сказать, что ни одна страна, ни один народ не смогли на протяжении собственной длительной истории дать такую плеяду полководцев мирового значения, как наша страна, как русский народ. Народная слава их тянется к нам сквозь века.

Что отличало плеяду российских полководцев, так это несомненная победоносность всех или почти всех сражений, которыми они руководили. И, как утверждает военный историк полковник С. Куличкин, существенна и неповторимость, индивидуальность, которую российские полководцы чертами своего характера, умом, знаниями, талантом и наитием принесли в военное искусство. Обязательна международная и нередко глобальная значимость их побед, повлиявшая не только на судьбу их государства, но и в ряде случаев на историю мира. И наконец, то высшее предначертание, которое дается человеку только Богом, определяющее его место на земле. Только в совокупности этих черт вырастает в среде многих и многих военачальников гениальный полководец.

На широко известном памятнике «Тысячелетие России», воздвигнутом в Великом Новгороде в 1862 г. к тысячелетнему юбилею

легендарного призвания варягов на Русь выдающимися скульпторами Михаилом Микешиным и Иваном Шредером, из общего количества в 128 фигур в нижнем ярусе плеяду 36 военных людей и героев в тысячелетней истории государства Российского открывает фигура великого князя киевского и полководца Древней Руси Святослава Игоревича.

В древнерусских летописях короткое княжение князя Святослава описано в самых восторженных тонах. Страницы, посвященные ему, являются не столько хроникой событий, сколько воспеванием доблести, рыцарства и мудрости молодого князя. Некоторые историки недавнего прошлого и даже современные обвиняют Святослава в излишней воинственности, безрассудной драчливости, характеризуя его как вождя бродячей дружины, постоянно ищущего добычи и славы, или называя походы его «военными авантюрами». Например, Николай Михайлович Карамзин, наверно, впервые дал общую оценку военной и политической деятельности киевского князя. Являя собой образ великого полководца, князь, по мнению Карамзина, заслуживает «укоризну историка», так как более заботился о военной славе, чем о благе государства. Позиция С.М. Соловьева не менее категорична. Он не считает князя мудрым политиком, потому что все его военные походы были не продуманны и стихийны, хотя могли принести Руси большую пользу. И подобных оценок военной деятельности немало. Из современных историков можно назвать Ю.Ф.Козлова», который не склонен считать Святослава «примером государя великого», называя его лишь образцом полководца. Он покинул Русскую землю для подвигов отдаленных, славных для него, но не всегда полезных для Руси.

Мы все-таки более склонны придерживаться позиции академика Б.Д. Грекова, который сформулировал положение о том, что деятельность Святослава – это не только воинские подвиги полководца, но и тонко рассчитанные действия крупного политического деятеля. Князь стремился расширить владения Киевского государства, его знает весь тогдашний политический мир, что говорит о возросшей роли Руси в международных отношениях. Немало места уделено Святославу и в книге академика Б.А. Рыбакова, который называет его княжение «блистательным» и подробно анализирует его походы и их последствия для Руси.

Согласно Ипатьевскому списку «Повести временных лет», Святослав был единственным сыном великого киевского князя

Игоря и княгини Ольги. Правда, исследователейстораживает пропуск такой важной информации более поздними переписчиками «Повести...», хотя она и не противоречит другим сообщениям. Утверждается также, что Святослав – первый достоверно известный киевский князь со славянским именем, хотя его родители носили имена с предположительно скандинавской этимологией. Точная дата его рождения не известна. Исследователи склоняются к 942 г. Тем более, первое упоминание имени Святослава в синхронном историческом документе содержится в русско-византийском договоре князя Игоря от 944 г. Также нам хорошо известно событие, закончившееся в 945 г. гибелью отца Святослава. Вдова, княгиня Ольга, стала регентшей при трехлетнем сыне.

Князь Святослав известен историкам значительно лучше, чем его родители. О нем рассказывает «Повесть временных лет», его балканские войны описывают византийцы Скилица и Зонара. Но главным источником сведений о последних годах жизни Святослава остается «История» Льва Дякона – его современника.

Святослав носил уже славянское имя, но нравом был еще типичный варяг-воин, дружинник. С рождения будущий князь получил в воспитатели известного для своего времени воина Асмуда (боярин-воспитатель, «дядька»-наставник малолетнего Святослава) и воеводу варяжского происхождения Свенельда, много лет воевавшего под знаменами Игоря и ставшего впоследствии соправителем его сына. С юных лет молодого княжича приучали к езде верхом, владению копьём, мечом, стрельбе из лука.

Согласно «Повести временных лет», первым боевым крещением малолетнего Святослава стал поход 946 г. в землю древлян. В истории известен факт, что в этом году, в возрасте трех (возможно четырех) лет, Святослав под руководством Свенельда впервые вывел княжескую дружину против войска древлянского князя Мала, дабы отомстить за смерть отца. Символический в летописи факт. Когда около Искоростеня, столичного города древлян (нынешний украинский г. Коростень) войска встали друг против друга, вперед на коне выехал младенец-княжич и попытался метнуть копьё. Брошенное детской ручонкой тяжелое копьё, не пролетев и метра, упало у ног коня. Предполагают, что Святослава никто не толкал на такой поступок, но все, стоявшие за

спиной княжича, от Свенельда до рядового дружинника, поняли, что перед ними будущий князь-вождь.

О первых самостоятельных шагах Святослава как князя летопись сообщает с 964 г. На следующий год, оставив свою стареющую мать княгиню Ольгу управлять Киевом, молодой князь отправился в поход. Всю дальнейшую, очень яркую, но короткую часть жизни Святослав проводил в походах и сражениях, лишь иногда навещая родные края и мать, и то в основном в критических ситуациях. Едва успел он возмужать, как составил себе большую и храбрую дружину и с ней стал искать себе славы и добычи. Как утверждает С.Ф. Платонов, он рано вышел из-под влияния матери и «гневался на мать», когда она убеждала его, например, креститься.

В своих сражениях Святослав прославился тем, что прежде чем напасть на врага, посылал гонца со словами: «Иду на вы!» Захватывая инициативу в конфликтах, он вел вооруженное наступление и добивался успеха. Летопись так описывает Святослава: «Он передвигался и ходил, как пардус (то есть гепард, в ином переводе – барс), и много воевал. В походах же не возил за собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так и ел. Не имел он и шатра, но спал, подослав потник с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины».

Если же говорить о внешнеполитических контактах и многочисленных военных походах первых князей Древней Руси середины X в., в том числе и Святослава Игоревича, то исследователи выделяют по крайней мере три основных направления. Это отношения с Западом, и прежде всего с немецкими государствами и со Священной Римской империей, с которыми преобладали внешне-торговые связи. В этом направлении Святослав не сумел превзойти ни своих предшественников, ни, тем более, своих последователей. Это направление интересовало его меньше. Тем не менее с именем Святослава Игоревича связаны самые крупные победы и достижения во внешней политике Руси.

Следующее направление – контакты с Востоком и народами, населявшими Поволжье, Кавказ и Закавказье. Самым значительным и важным в военно-политическом отношении был поход Святослава в Хазарию. Протяженность хазарского похода Святослава оказалась очень значительной – около 6 тыс. км. На его осуществление потребовалось около трех лет с зимовками на Волге и

Северном Кавказе. В результате похода Хазарская империя была разгромлена и в 968 г. исчезла с политической карты Европы. Разгром Хазарского каганата привел к освобождению от его власти волжско-камских болгар, которые образовали собственное государство – Волжскую Булгарию.

Отношения со Степью – особая страница внешнеполитической истории Древней Руси. И в самом начале этих контактов, и в дальнейшем отношения русов с кочевниками складывались неоднозначно: от вражды до союза для борьбы с Византией. Как считают ученые, историю связи Руси со Степью следует начинать с 968 г., когда, по сообщениям «Ипатьевской летописи», печенеги осадили Киев: военные действия завершились подписанием мира со Святославом. Киевский князь проводил достаточно агрессивную политику по отношению к южным соседям. Основной стержень внешней политики Руси при нем состоял не в защите рубежей, а в приобретении новых земель и нанесении ударов по богатым городам с целью получения военной добычи. Территориальные приобретения X в. в степной зоне стали уникальным явлением на многие века российской истории.

Не менее важное направление внешнеполитической деятельности Киева – связи с Югом. В первую очередь с Византией и народами Балканского полуострова. Хорошо известно, что русско-византийские отношения в IX–XI вв. развивались очень сложно и неоднозначно: с одной стороны, экономические, политические и культурные связи, а с другой – военные действия. В начальный период русской истории важнейшей внешнеполитической задачей Древнерусского государства было сохранение целостности и политической независимости под напором хазар, варягов и степных кочевников. Одновременно шла борьба за расширение территории и овладение торговыми путями (пик этой борьбы пришелся как раз на княжение Святослава). В целом внешняя политика Руси в IX–X вв. была успешной. Киевские князья активно препятствовали попыткам Византии добиться влияния в районе Черного моря.

В 967 г. между Византией и Болгарским царством разгорелся конфликт, причину которого источники излагают по-разному. В 967/968 г. византийский император Никифор Фока отправил к Святославу посольство. Главе посольства Калокиру было передано примерно 455 кг золота, чтобы направить русов в набег на Болгарию.

Согласно наиболее распространенной версии, Византия хотела сокрушить Болгарское царство чужими руками, а заодно ослабить Киевскую Русь, которая после победы над Хазарией могла обратить свой взгляд на крымские владения империи. Калокир договорился со Святославом об антиболгарском союзе, но вместе с тем попросил помочь ему отнять у Никифора Фоки византийский престол. За это, по версии византийских хронистов Иоанна Скилицы и Льва Диакона, Калокир пообещал «великие, бесчисленные сокровища из казны государственной» и право на все завоеванные болгарские земли.

В 968 г. Святослав вторгся в Болгарию и после войны с болгарями обосновался в устье Дуная, в Переяславце, куда к нему была выслана «дань с греков». Город так понравился Святославу, что он решил сделать его столицей Руси. По данным летописи, он сказал матери: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей! Туда сходится все хорошее: из Греции золото, поволоки, вина и разные плоды, из Чехии и Венгрии серебро и кони, из Руси меха и воск, мед и рыбы». И даже есть данные, что он княжил в Переяславце и здесь же получил первую дань с греков.

В результате переворота в декабре 969 г. Никифор Фока был убит, а на византийском троне оказался Иоанн Цимисхий. Новый византийский император, находясь в сговоре с печенегами, был очень обеспокоен успехами русских войск и пытался ослабить соседей. Узнав об утверждении Святослава в Болгарии, Иоанн уговорил печенегов напасть на Киев. Князь оставил Болгарию и вернулся в Киев, на защиту своего города, где правила его мать. Святослав разгромил печенегов, но вероломства Византии не забыл. Теперь оба партнера поняли: из вчерашних тактических союзников они неизбежно превращаются в стратегических противников, и все споры придется решать им на поле брани.

В 970 г. Святослав решил заключить договор с болгарями и с венграми против Византии. Собрав войско около 60 тыс., он начал новый военный поход в Болгарию. По данным летописцев, Святослав своими действиями привел болгарцев в ужас и тем самым повиновал их. Занял Филиппополь, прошел Балканы, захватил Македонию, Фракию и добрался до Константинополя.

Императору удалось собрать войско и отправить его в ближайшие с Мизией (Болгарией) земли. Ко двору спешно вызвали

талантливых полководцев – Варду Склира и победителя арабов (сарацин) патриция Петра – на болгарскую границу, обязав их зимовать вместе с войском. Одновременно на занятые ратями Святослава территории проникли опытные, искушенные лазутчики, одетые в «скифское» (славянское) платье и свободно говорившие по-русски. Святослав, узнав от своих болгарских агентов о тайных передвижках ромейцев, решил упредить врага. Молниеносным маневром он двинулся на Царьград, как бы воскрешая дни вешнего Олега, и, пройдя 400 км, очутился под стенами цветущего Аркадиополя (примерно в 100 км от столицы), обогнув хитроумные «погранзаставы» Варды Склира, уничтожив зазевавшихся стражников. Здесь и произошло генеральное сражение. По сообщениям византийских источников, были окружены и перебиты все союзники Святослава печенег, а затем были разгромлены основные силы князя. Древнерусская летопись излагает события иначе: по сведениям летописца, Святослав вплотную подошел к Царьграду, но отступил, лишь взяв большую дань, включая и на погибших воинов.

В битве довелось участвовать не всем русским частям, а только одной группе с приданными ей болгарскими отрядами и венгерскими эскадронами. Численный перевес оказался на стороне византийцев, славяне вынужденно отступили. Однако коренного перелома не произошло, и византийцы восприняли свой локальный успех без особого восторга. Так, епископ Иоанн стал даже взывать к тени покойного императора Никифора II Фоки, моля его загробный дух отстранить от власти якобы несмелого и неумелого Цимисхия: «Восстань, о желанный суверен, из хладного праха, и организуй войска, фаланги и полки. Восстань. Ибо на нас мчится русское вторжение».

Летом 970 г. крупные боевые действия на территории Византии прекратились, Варда Склир с войском был срочно отозван в Малую Азию для подавления восстания Варды Фоки. Набеги русов на Византию продолжались, так что после успешного подавления восстания в ноябре 970 г. Варда Склир снова перебрасывается на границы Болгарии.

В апреле 971 г. император Иоанн Штимисхий лично выступил против Святослава во главе сухопутной армии, отправив на Дунай флот из 300 кораблей, чтобы отрезать путь отступления русам. 13 апреля 971 г. была захвачена болгарская столица Преслав, где

в плен попал болгарский царь Борис II. Части русских воинов во главе с воеводой Сфенкелом удалось прорваться на север в Доростол, где находился Святослав с основными силами. 23 апреля 971 г. Цимисхий подошел к Доростолу. Всегда наступающий первым Святослав избрал здесь оборонительную тактику. Другой вариант просто исключался. 300 греческих судов с 15-тысячным десантом надежно блокировали крепость со стороны реки, полностью исключив возможность маневра на ладьях в ту или иную сторону.

Но Святослав не собирался отсиживаться в крепости. Уже 23 апреля он вывел свою 30-тысячную рать против 50-тысячного войска Цимисхия в поле на открытый бой. 12 раз византийцы атаковали и откатывались назад.

Началась трехмесячная осада. Стороны несли потери в непрерывных стычках, у русов погибли вожди Икмор и Сфенкел, у византийцев пал военачальник Иоанн Куркуас. Крепость задыхалась в осаде от голода, болезней, от тысяч раненых и убитых. Не помогали и обращения к языческим богам с сжиганием погибших воинов и жертвоприношениями. 21 июля состоялся тот самый знаменитый военный совет, на котором Святослав произнес великие и доныне слова: «Не посрамям земли русской, ибо мертвые сраму не имут...» 21 июля произошло еще одно генеральное сражение, в котором Святослав, по данным византийцев, получил ранение. Сражение окончилось безрезультатно для обеих сторон, однако после него Святослав вступил в мирные переговоры.

Уже названный нами Лев Диакон сохранил для потомков одну из речей Святослава к измученным и приунывшим дружинникам (в изложении ромейских лазутчиков, которых часто засылали в Доростол): «Проникнемся, братья, мужеством, которое завещали нам предки. Вспомним, что мощь русских была доселе несокрушимой, и сразимся отважно за свою жизнь, за свою победу. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством. Мы призваны либо победить и остаться в живых, либо умереть со славою, совершив подвиги, достойные доблестных и неустрашимых мужей».

Не менее значимое по стилю и эмоциональному настрою обращение Святослава к дружинникам, обороняющимся в Доростоле, цитируется в «Повести временных лет». Великий полководец Древней Руси высказал фразу, запечатленную в веках (в современном переводе): «Уже нам некуда деться, хотим – не хотим, а должны

биться. Да не посраим Земли Русской, но ляжем костями, ибо мертвые сраму не имут. Если побежим, заслужим позор. Так не побежим же, но станем крепко, я перед вами пойду: если моя голова ляжет, то о себе позаботьтесь сами». И решили воины: «Где твоя голова, тут и свои головы сложим...».

Оборона Доростола превращалась в мучительное топтание на месте. Важно было другое: война, начатая русскими легко и успешно, становилась оборонительной без перспектив на победу. Князь Святослав не учел военно-политических возможностей централизованной империи.

Итак, условия русов Иоанн Цимисхий безоговорочно принял. Святослав с войском должен был покинуть Болгарию, византийцы обеспечивали его воинов (22 тыс. человек) запасом хлеба по две меры на каждого. Святослав также вступал в военный союз с Византией, восстанавливались торговые отношения. На этих условиях Святослав ушел из Болгарии, сильно ослабленной войнами на ее территории. Одна часть (из 22 тыс.) с варягом Свенельдом отправилась в Киев обходными путями.

По заключении мира Святослав благополучно достиг устья Днепра и на ладьях отправился к порогам. Воевода Свенельд говорил ему: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». Попытка Святослава в 971 г. подняться по Днепру не удалась, пришлось ему зимовать в устье Днепра, а весной 972 г. повторить попытку. Однако печенеги по-прежнему сторожили русов. В схватке Святослав погиб. Сидевший не так уж далеко, в Киеве, Ярополк почему-то не прислал отцу военную помощь. Очевидно, киевляне не так уж жаждали возвращения князя-воителя.

Летопись рассказала: «Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку».

После ратных походов Святослава Игоревича территория земли Русской увеличилась от Поволжья до Каспия, от Северного Кавказа до Черноморья, от Балканских гор до Византии. Победил Хазарию и Волжскую Болгарию, ослабил и устрасил Византийскую империю, открыл пути для торговли Руси с восточными странами.

Литература:

1. Куличкин С. За други своя. <http://www.voskres.ru/army/spirit/Kulitschkin.htm>
2. Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. Т. 1/2. Древняя Русь. Киевская Русь. М.: Московский рабочий, 1993. 366 с.
3. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 1. Т. 1/2. История России с древнейших времен. М.: Голос, 1993. 752 с.
4. Козлов Ю.Ф. Страницы правления государством Российским. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1990. 192 с.
5. Греков Б.Д. Киевская Русь / отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
6. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1993. 591 с.
7. Платонов С.Ф. Курс русской истории. М.: Вече, 2006. 592 с.
8. Повесть временных лет / [Рос. акад. наук]; подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 667 с.
9. Отечественная история IX–XIX вв.: учебник / коллектив авторов; под ред. А.А. Федулина. М.: КНОРУС, 2011. 608 с.

А.А. Петров (Москва)

ОСТАВЛЕНИЕ СЫЗРАНИ И САМАРЫ НАРОДНОЙ АРМИЕЙ КОМУЧА (20 СЕНТЯБРЯ – 20 ОКТЯБРЯ 1918 ГОДА)

ОСТАВЛЕНИЕ САМАРЫ относится к числу трагических страниц в истории Белой борьбы на Волге в 1918 г., но также – и к числу наименее изученных военных операций. Для белых это было тяжелое поражение, но и красные провели эту беспроблемную, по сути, операцию достаточно бездарно, дав возможность разбитой Народной армии Комуча и 1-й Чешско-Словацкой (в дальнейшем – Ч.-С.) стрелковой дивизии выскользнуть из смыкающейся ловушки. Красным не удалось даже серьезно помешать эвакуации Самары, хотя последняя и носила хаотический характер. В результате на восток было вывезено огромное количество ценного оборудования. Большая заслуга в таком развитии событий принадлежит Генерального Штаба (в дальнейшем – ГШ) полковнику Федору Евдокимовичу Махину. Он был назначен командующим всеми войсками Народной армии Самарского района 5 октября, когда падение Самары было уже предрешено. В условиях потери боеспособности большинством белых и чешских частей ему удалось «протолкнуть» всю массу отходящих эшелонов за ст. Кинель и организовать оборону на Бузулукском направлении. Детально рассмотреть эти события позволяют полевые книжки полковника Махина, хранящиеся в Российском государственном военном архиве¹.

Ко второй половине сентября 1918 г. для белого командования Поволжского фронта (главнокомандующий – генерал С. Чечек, начальник полевого штаба – ГШ полковник С.А. Щепихин) обстановка в районе Сызрани и Самары резко ухудшилась. Казань и Симбирск были потеряны, хотя в районе последнего еще продолжались

ожесточенные сражения между Симбирской дивизией красных (начдив – Г.Д. Гай) и группой войск ГШ полковника В.О. Каппеля. При этом Каппель прикрывал направление на Бугульму – Чишмы – Уфу и не мог оказать непосредственную помощь Самарскому району. С другой стороны, на южном фланге, отряд полковника Ф.Е. Махина вынужден был оставить Вольск и Хвалынский и начать отступление в район Сызрани. Таким образом, Сызранско-Самарский район представлял собою «выступ» Поволжского фронта белых и был открыт для ударов с севера, с запада и с юга². Если учесть резкое усиление, как количественное, так и качественное, красных войск на Восточном фронте, запаздывание и ошибки, допущенные при формировании частей и соединений Народной армии Комуца, и значительное падение боевого духа в чешских частях, то становится очевидным, что шансы на удержание Сызранско-Самарского района у белых были минимальны.

14 сентября 1918 г. командующий 1-й армией красных М.Н. Тухачевский отдал приказ об общем концентрическом наступлении войск армии на Сызрань, с последующим развитием удара на Самару. Пензенская и Инзенская дивизии его армии наносили удар с запада; с севера их должны были поддержать частью сил Симбирская дивизия Гая и красная Волжская военная флотилия. С юга удар наносили временно переданные из состава 4-й Красной армии (командарм – Т.С. Хвесин) Вольская дивизия и Вольский отряд кораблей Волжской военной флотилии. Всего в наступлении было задействовано до 16 000 штыков и сабель, 61 орудие, 263 пулемета, 7 вооруженных пароходов, 1 плавучая батарея, 7 бронекатеров³. Одновременно вверх по левому берегу Волги от Николаевска на Самару должна была наступать 1-я Самарская дивизия 4-й армии (начдив – С.П. Захаров). По свидетельству И.В. Кутякова (командовавшего бригадой в этой дивизии), в ней насчитывалось до 13 000 бойцов, кроме того, в ходе операции на Самарское направление было переброшено еще до 6000 бойцов⁴.

Силы белых на 20 сентября 1918 г. были разделены по направлениям следующим образом⁵.

В Сызранском районе действовала группа чешского полковника Вацлава Петржика, включавшая в себя по одному батальону 4-го и 9-го Ч.-С. стрелковых (в дальнейшем – стр.) полков и один эскадрон 1-го Ч.-С. конного полка. Из частей Народной армии ему были подчинены 2-я стр. дивизия полковника А.С. Бакича,

в составе 5-го и 6-го Сызранских, 7-го Хвалынского и 8-го Вольского стр. полков, Кузнецкий батальон, Сергиевская рота, Липовский добровольческий отряд, 2-й Сызранский кавалерийский (в дальнейшем – кав.) полк, полторы сотни 2-го Оренбургского казачьего (в дальнейшем – каз.) полка, 2-я артиллерийская (в дальнейшем – арт.) бригада, 2-й арт. тяжелый дивизион, инженерная и 2-я железнодорожная роты, два броневых поезда и автоотряд. Всего же в составе группы было 2850 штыков, 450 сабель, 14 легких, 13 тяжелых орудий⁶.

На Николаевском направлении, против 1-й Самарской дивизии, действовала группа чешского полковника Карела Воженелика: по одному батальону 1-го и 9-го Ч.-С. стр. полков и из состава Народной армии – 1-я стр. дивизия генерала Потапова (2-й и 3-й Самарские стр. полки, один эскадрон 1-го Самарского кав. полка, 2 сотни 20-го Оренбургского каз. полка и 2 сотни уральских казаков при поддержке 11 легких и 2 тяжелых орудий). Всего в группе – 1500 штыков, 420 сабель и 13 орудий.

С севера Самару прикрывал Ставропольский отряд, имевший своей задачей удерживать г. Ставрополь (ныне г. Тольятти) и закрыть движение флотилии красных вниз по Волге, ведя разведку по ее берегам и имея небольшую заставу на правом берегу реки в д. Климовке. На 20 сентября отряд состоял из двух рот 23-го Сенгилеевского стр. полка, двух сотен 20-го Оренбургского каз. полка, 2 легких орудий и Чешского конно-пешего отряда прапорщика Матяя Плесского. Всего – 300 штыков, 150 сабель, 2 легких орудия.

В Самаре в резерве оставались: один батальон 3-го Башкирского пехотного полка, две роты Бугурусланского стр. полка и три сотни 20-го Оренбургского каз. полка, а из чехов – штаб 1-й Ч.-С. Гуситской стр. дивизии и по одному батальону 4-го и 11-го Ч.-С. стр. полков. На ст. Иващекково находились 2 сотни 2-го Оренбургского каз. полка⁷. Речной боевой флот Комуча на Волге располагал 13 вооруженными пароходами. Всего же в этом районе, без учета резервов, белые имели 4650 штыков и 1020 сабель при 42 орудиях, 2 бронепоездах и 13 вооруженных пароходах⁸.

До 28 сентября наступление Тухачевского развивалось с большим трудом: сопротивление группы Каппеля сковало войска Симбирской дивизии Гая, и лишь прибытие с севера Правобережной группы 5-й Красной армии позволило красным оттеснить своих противников к Мелекесу. На юге в те же дни полковник Махин разбил

Вольскую дивизию красных в трехдневном бою под д. Ореховкой, подступил к Хвалынску, но затем был вынужден вновь отойти к Сызрани⁹. В этих боях Махин был ранен в шею, и ему пришлось уехать в Самару, передав командование отрядом своему заместителю штабс-капитану Касаткину, что, по свидетельству генерала П.П. Петрова (на тот момент – ГШ подполковника, начальника оперативного отдела Главного штаба Народной армии), «сильно ослабило группу»¹⁰. В последних числах сентября красные подошли к Сызрани вплотную.

На левом берегу Волги 27 сентября 1-я Самарская дивизия красных заняла с. Николаевку на тракте Николаевск – Самара. В случае развития успеха это направление выводило ее к железной дороге Сызрань – Самара – единственной линии коммуникации белой Сызранской группы. Группа Воженелека оборонялась упорно, но все же вынуждена была шаг за шагом сдавать свои позиции¹¹. Генерал Петров объясняет это нестойкостью частей 1-й стр. дивизии Народной армии: «На Николаевском направлении <...> начались неудачи, так как посланные для совместной работы с чехами новые Самарские формирования оказались не стойкими. <...> Пришлось снимать части 4-го чешского полка из Сызрани и обеспечивать тыл Сызранских войск»¹². 1 октября подняли восстание рабочие расположенного на ст. Иващенко Сергиевского завода взрывчатых веществ. Чешские части, двинутые как со стороны Самары, так и от Сызрани, к утру 2 октября подавили его, а также разгромили посланный на помощь восставшим Интернациональный полк из дивизии Захарова. Но этот удар по тыловым коммуникациям заставил белых поспешить с эвакуацией Сызрани, которая была оставлена на другой день, 3 октября¹³.

Первые числа октября ознаменовались переломом в настроении бойцов Народной армии и чешских легионеров: их боевой дух резко упал. Об этом, в частности, свидетельствует Н.Н. Голевский¹⁴: «Красные стояли почти у всех дверей города. Спротивляться им никто особенно не пытался. Все старались поскорей перебраться на Самарскую сторону Волги. В Батраках на железнодорожном мосту через Волгу творилось что-то невероятное. Бесконечной вереницей по нему шли эшелоны попеременно с обозами воинских частей, беженскими повозками и батареями артиллерии белых. Все это плелось черепашьям шагом с надеждой поскорее куда-нибудь уйти от надвигавшегося красного ужаса. Большинство

начальников растеряли свои части и почти все были предоставлены самим себе». В результате многие батареи Сызранской группы вынуждены были бросить орудия, а прикрывавший отступление башкирский батальон был отрезан от моста и уничтожен красными. Мост был взорван белыми утром 4 октября, причем, согласно генералу Петрову, он «был разрушен больше, чем полагалось по заданию, ибо на нем загорелся подвижной состав со снарядами»¹⁵.

Благодаря взрыву этого моста белым удалось оторваться от основных сил Тухачевского: части Пензенской, Инзенской и Вольской дивизий за ними на другой берег не последовали. Теперь на левом берегу реки им противостояла с юга 1-я Самарская дивизия 4-й армии красных, а с севера – двигавшаяся на судах Волжской флотилии 2-я бригада Симбирской дивизии Гая. Тем временем в командовании Поволжского фронта белых произошли перемены. Вот что об этом пишет П.П. Петров¹⁶: «После оставления Симбирска, с прибытием в Самару 1-го чешского полка, начальник чешской дивизии генерал Чечек, обеспокоенный несогласиями своих частей с русскими в районе Бугульминской дороги и расстроенный вообще положением, выехал в район Бугульмы, передав временно командование дивизией и фронтом полковнику Швецу.

В Самару он уже не вернулся, а встретил отходящие части уже в Кинеле.

Полковник Швец горячо принимал к сердцу все, что делалось на фронте, и всю свою энергию вкладывал, чтобы возродить моральную силу чехов.

Многое ему удавалось, но изменить положение он не мог».

В течение двух дней, 4 и 5 октября, 2-я Сызранская дивизия Бакича, большая часть войск которой потеряла боеспособность, поспешно эвакуировалась вдоль железной дороги от Батраков на Самару. В то же время с юга к этой дороге упорно рвалась красная дивизия Захарова; попытка контрнаступления против нее группы Воженелика в долине р. Моча, у д. Воздвиженка и Каменный Брод, закончилась неудачей. Воженелику пришлось отойти к с. Дубовый Умет, а полки Захарова вечером 5 октября перерезали железную дорогу в районе ст. Майтуги и Безенчук. Последние эшелоны белых едва успели проскочить у них перед носом. В это время Швец лихорадочно осуществлял эвакуацию Самары и перегруппировку войск. В 15 ч 5 октября он отдал приказ, согласно которому

в командование всеми русскими частями Самарско-Сызранского района надлежало вступить полковнику Махину, едва оправившемуся от ранения. Он должен был отделить боеспособные части от небоеспособных, причем с первыми занять позицию на ст. Липяги (перед Самарой), а последние оттянуть для переформирования за Самару на разъезд Безымянка. В то же время Воженелик должен был оборонять подступы к Самаре с юга, не допуская глубокого обхода врага и выхода его на железную дорогу за Самару. Потерявшие боеспособность чешские части следовало отводить на ст. Кинель (в 40 верстах к востоку от Самары)¹⁷.

Махин решительно взялся за дело, однако упадок духа и разложение в частях оказалось столь велико, что о создании прочной обороны на подступах к городу не было и речи. Главным его делом стало организовать эвакуацию, протолкнуть за Смышляевку, к ст. Кинель огромную ленту поездов с имуществом и людьми и, наконец, обеспечить ее своевременный исход достаточно прочными заслонами с запада и с юга, которые смогли бы продержаться хотя бы двое суток. Положение было критическим: из группы Бакича боеспособных оставалась не более 500 человек, в конце концов и их пришлось убрать с фронта, оставив лишь роту Вольского стр. полка (из бывшего отряда самого Махина). Ставропольский отряд, который должен был защищать Самару с севера от войск Гая, поддался панике и поспешно отступил от берега Волги без соприкосновения с красными. Наконец, когда 7 октября Махин отдал приказ располагавшемуся в резерве 1-му офицерскому батальону выступить на позицию, эта часть отказалась подчиниться и самовольно ушла в тыл¹⁸. Махину пришлось составить заслон из батальона Башкирского пехотного полка, роты Уфимского полка и эсеровской дружины защиты Учредительного Собрания при поддержке артиллерии и бронепоезда. Этот отряд занял позиции на окраине города, вдоль левого берега реки Самары. Мосты через реку (железнодорожный и шоссейный) были уничтожены. Штаб Махина перебазировался на ст. Смышляевку, туда же оттягивались выводимые из боя чешские части отряда Воженелика¹⁹. Между тем, 6 октября Самарская дивизия красных двумя полками достигла ст. Липяги, еще один полк ее, наступая южнее, вошел в с. Дубовый Умет. Именно это последнее направление, – от д. Каменный Брод на с. Дубовый Умет – д. Черноречье, – более всего беспокоило Махина. Оно выводило красных на южный берег р. Самары против

ст. Смышляевка. Прикрытие переправ здесь было возложено на немногие оставшиеся боеспособными части 1-й стр. дивизии генерала Потапова и несколько сотен оренбургских и уральских казаков. Если бы Захаров выделил больше сил на это направление, он вполне мог бы перерезать здесь сплошную ленту эшелонов с эвакуируемым из Самары имуществом. К счастью, красное командование не помышляло об этом: обе красные группировки с севера и с юга рвались на Самару, чтобы как можно скорее отпартировать в Москву о захвате столицы белого Поволжья.

Это подтверждает и генерал П.П. Петров, который на тот момент временно исполнял должность начальника штаба при полковнике Швеце²⁰: «Будь наступление красных энергичнее, они, конечно, не дали бы уйти из Самары сравнительно благополучно громадной ленте эшелонов и заняли ее, по крайней мере, 5-го октября.

Но действия Николаевской группы были весьма нерешительными, и красные вступили в Самару 7-го или 8-го октября.

Серьезных боев за Самару у города не было. Было сильное опасение, что красные не торопятся потому, что будут стремиться отрезать эшелоны у Кинеля, но разведка не подтвердила этих опасений.

В Кинеле был страшный затор, и 7-го и 8-го октября потребовалась громадная энергия чешского командования, чтобы отправить эшелоны частью на Уфу, частью на Оренбург, в зависимости от направления войск.

В Кинеле 7-го октября было совершенно точно выяснено, что красные из Николаевского района двигались и двигаются на Самару без всякого заслона в сторону Кинеля (которого опасались). Будь в распоряжении командования хоть небольшая часть с деятельным начальником во главе, можно было бы еще раз нанести хороший удар наступавшим. Я пробовал подтолкнуть в этом направлении полковника Швеца, но тот только согласился, что это хорошо».

Интересно отметить, что дата падения Самары разнится у двух противников: красные вступили в город во второй половине дня 7 октября²¹, в то время как белые, судя по документам, оставили его лишь утром 8-го. На мой взгляд, расхождение это связано с тем, что красные, заняв окраину города, громко объявили о его освобождении, в то время как белые какое-то время сохраняли за собою район вокзала (или, как минимум, разъезда Безымянка на

восточной окраине города) и смогли организовать отбытие последних поездов. Так, 8 октября Махин получил следующую записку от командира 1-го батальона 3-го Башкирского пех. полка: «Сообщаясь с обстановкой, создавшейся в г. Самаре (пулеметная, ружейная, револьверная стрельба и метание ручных гранат), я как командующий отрядом отдал распоряжение, не ожидая Вашего приказа, выступить с отрядом на площадь, что находится против станции рядом с началом линии»²². Другая телеграмма утром того же дня известила командующего, что его собственный штабной поезд, а за ним и бронепоезд, ушли из города благополучно. Однако вечером в тот же день бронепоезд в Смышляевке был обстрелян красной артиллерией со стороны д. Черноречье, так что и эту станцию пришлось эвакуировать второпях, под огнем.

При отходе от Безьямки к Смышляевке белый арьергард под командованием штабс-капитана Касаткина состоял из следующих отрядов: рота 8-го Вольского пех. полка – 60 человек, Липовская рота – 40, Дружина защиты Учредительного Собрания – 120, Чехо-русский отряд – 80, конный отряд корнета Фортунатова – 120, бронепоезд – 64, команда связи – 20 (всего – 504 человека)²³.

От ст. Кинель железнодорожный путь расходится: одна ветка идет к северу на Уфу, а другая – к югу, на Оренбург. Соответственно, отходящие белые войска по этим направлениям распределялись следующим образом. На Уфу отходили все чешские части, Главный штаб и тыловые учреждения Народной армии, а также остатки 1-й стр. дивизии генерала Потапова. Махин возглавил группу войск, отходящую на Бузулук и далее на Оренбург. В нее вошли части 2-й стр. дивизии Бакича (включая и бывший собственный отряд Махина), дивизион уральских и отдельные сотни оренбургских казаков; в дальнейшем рассчитывали на прибытие подкреплений из Оренбурга. Генерал П.П. Петров считал, что дивизия Бакича «была слаба пехотой, но сильна артиллерией»²⁴.

Для обороны ст. Кинель Махин заново сформировал сильный арьергард под общим руководством командира 8-го Вольского стр. полка штабс-капитана Василенко, которому утром 9 октября отдал следующий приказ²⁵:

«Вам, с приданными частями: 1) Брыковский партизанский отряд, 2) Липовская рота, 3) остатки Николаевского отряда, 4) эскадрон корнета Фортунатова, 5) бронированный поезд, – надлежит прикрывать отход частей колонны войск, следующих на Бузулук

по железной дороге, поддерживая самое тесное соприкосновение с противником и оказывая ему упорное сопротивление. При благоприятных условиях имейте в виду возможность дать противнику отпор с вводом резервов и в случае успеха возможность перехода в наступление частями колонны. Левее Вас по большой дороге следуют три сотни уральских казаков и сотня оренбуржцев, правее – 19 Оренбургский казачий полк.

Необходимо бороться с привычкой людей сидеть в вагонах. Надлежит на остановках выставлять сторожевое охранение, захватывая возможно более широкий фронт. Имейте в виду всю важность выигрыша времени для успокоения войск и сосредоточения резервов у Бузулука.

Штаб мой находится на ст. Тростянка. Держите со штабом непрерывную связь, обязательно обрезая провода в сторону противника. Необходимо основательно разрушить ж. д. путь, взрывая водосливные здания или причиняя им трудно поправимую порчу. Обязательно разрушайте телеграфные линии».

Как и в предыдущие дни, Махина особо беспокоил его левый фланг – долина р. Самары, переправившись через которую, противник легко мог перерезать железную дорогу на Бузулук. Для освещения этого района был направлен Илекский (уральский) каз. дивизион есаула Кокарева, которому были временно подчинены одна сотня из 20-го Оренбургского каз. полка и Брыковский партизанский отряд. Перед Кокаревым была поставлена задача постоянно поддерживать связь как со штабом группы, так и с арьергардом, и ни в коем случае не допустить выхода красных в тыл арьергарда²⁶.

Красные преследовали вяло, так что ст. Кинель Вольский полк оставил лишь в середине дня 10 октября. Утром этого дня Василенко направил Махину следующее донесение²⁷: «Я занимаю позицию на горе (вернее, маленькой возвышенности) восточнее Кинеля. Люди совершенно спокойны. Признаков паники нет, хотя нервное настроение – результат последних событий – чувствуется.

Со мной отряд Фортунатова и броневик. Больше нет никого. Артиллерия в поддержку мне оставила связь, а сама предпочла выбрать место стоянки более спокойное. Большие неудобства позиции – отсутствие воды.

Послал для связи разъезды в д. Бобровку и Тургеневку. Какой-то дурак всю связь попортил, провода попорчены, аппараты сняты.

Есть ли надежда на содействие других частей, если я ввяжусь в бой. Я думаю, что не ошибусь, если буду рассчитывать только на себя?

У меня нет ни крошки хлеба. Если можно, прикажите прислать».

А несколько часов спустя последовало второе его донесение²⁸: «Станцию Кинель эвакуировал начисто. Весь подвижной состав и даже испорченные паровозы отправил на Бугуруслан. Все аппараты телеграфные и телефонные убрал. Провода в Кинель порвал. Стрелки взорвал. Чешские эшелоны с комендантом ушли часов в 12 или даже 10. Я выехал с броневиком в 3 часа 10-го. Никаких эксцессов при эвакуации не было».

В течение следующих девяти дней группа Махина медленно отступала вдоль железной дороги на Бузулук, последовательно оставляя ст. Тростянка, Грачевка и Богатое. С арьергардом группы полковника Швеца, находившимся на ст. Кротовка (ж.-д. линии на Уфу), поддерживалась связь с помощью разъездов. Арьергард все так же составлял Вольский полк Василенко, подкрепленный 5-м Сызранским стр. полком и двумя батареями (4 орудия). Левее его отряд Кокарева отходил долиной р. Самары через д. Бобровка, Мочинская и Съезжее, оставаясь все время на одной линии с арьергардом. Красные, хоть и тревожили арьергард своими атаками, но большого упорства не проявляли и серьезных попыток обхода не делали.

Тем временем штаб 2-й стр. дивизии Бакича расположился в Бузулуке, последнему Махин поручил привести в порядок свой тыл. В первую очередь надо было перестроить общую колонну воинских эшелонов, которые покидали Кинель в большой спешке. Теперь было приказано выстроить их так, чтобы эшелоны боевых частей располагались до Бузулука, довольствующие учреждения – в Бузулуке, а тыловые учреждения и склады – между Бузулуком и ст. Тощая. По всем станциям были назначены военные коменданты. Но главным делом Бакича являлось, несомненно, приведение в боеспособное состояние частей его дивизии. 12 октября Махин отдал ему следующее распоряжение: «Вам надлежит в срочном порядке произвести реформирование соответствующих полков Вашей дивизии в однобатальонный состав, согласно Вашего доклада по аппарату, обозы и нестроевые команды сократить соответственно новому составу частей. Добровольческие части, прибывшие с правого и левого берегов Волги, а именно Николаевский отряд,

Васильевскую дружину, Липовскую дружину и Брыковский партизанский отряд, включаю в состав Вашей дивизии. Части эти рекомендую распределить между Вольским и Хвальнским полками, включить их в полки как роты. В случае необходимости переформируемые части Вы можете притягивать в Бузулук, при условии, чтобы в арриергарде оставались бы части, соответствующие нынешнему составу арриергарда (Вольский и 5 стрелковый полки и 4 орудия 3-й и 6-й батарей). Формирование должно быть закончено к 16 октября. О ходе формирования ежедневно к 21 часу сообщать штабу группы»²⁹. Махин также распорядился о включении в состав дивизии формирующегося в Бузулуке 11-го Бузулукского стр. полка. Однако быстро выяснилось, что полк, несмотря на то, что он формировался в течение нескольких месяцев, до сих пор не боеспособен и выступить на фронт не может, так как не имеет обоза. Что же касается полков 2-й стр. дивизии, то они сильно пострадали из-за дезертирства мобилизованных³⁰ и нуждались в пополнении.

Списочный состав группы Махина в эти дни позволяет уточнить телеграмма Махину от атамана А.И. Дутова от 11 октября³¹: «Во исполнение Директивы Верховного Главнокомандующего от 9 октября № 45 объединяю действия частей в Бузулукском направлении в руках полковника Махина. Состав группы: 2-я стрелковая дивизия, 1-я бригада Оренбургской казачьей сводной дивизии (19 и 20 Оренбургские казачьи конные полка), батальон 2-го Башкирского пехотного полка и дивизион Уральского казачьего полка. Бузулукской группе приказываю прикрывать линию железной дороги Кинель – Бузулук, всемерно стараясь задерживать продвижение противника в юго-восточном направлении. 2-я бригада Оренбургской дивизии (24 и 25 Оренбургские казачьи конные полки в Тощком) и 11 Бузулукский стрелковый полк (в Бузулуке) составляют Ваш резерв».

Сложно сказать, как развивались бы в дальнейшем боевые действия, если бы столь решительный и инициативный начальник как Махин остался бы во главе войск своей группы. Но 19 октября этому положила конец очередная реорганизация войск бывшей Народной армии. В соответствии с новыми приказами группа Махина вошла в состав Юго-Западной армии генерала А.И. Дутова (до этого, с 9 октября, она находилась у него лишь в оперативном подчинении). Немедленно последовал приказ войскам

Юго-Западной армии за № 3 от 19 октября 1918 г., согласно которому полковник Махин был назначен командующим Оренбургской казачьей пластунской дивизией и одновременно командующим Ташкентской группой войск. Соответственно, Бузулукскую группу принял у него полковник Бакич³².

Это была явная и несправедливая опала: Оренбургскую каз. пластунскую дивизию, как и остальные части, назначенные в состав Ташкентской группы, еще только предстояло сформировать. Пока что под командованием Махина оставался лишь его личный штаб. С ним Федор Евдокимович был переброшен на новое, совершенно неизвестное ему, к тому же, в силу сложившихся обстоятельств, – явно второстепенное направление. А его собственные части, с которыми он творил чудеса под Хвалынском и Вольском, достались Бакичу. Думаю, что здесь сыграли свою роль как интриги последнего, так и репутация «левого» и «социалиста», прочно закрепившаяся к этому времени за Махиным. Возможно также, Дутов увидел в Махине опасного соперника, испугавшись, что тот вскоре сможет занять его место во главе Юго-Западной (впоследствии Оренбургской) армии.

Не имея никаких оснований отрицать явное (и отмеченное многими современниками) сочувствие Махина летом 1918 г. к партии социалистов-революционеров, рискну все же высказать свое собственное мнение: по-моему, в этот период его поведение как военачальника, командира отряда или группы войск на фронте, не сильно отличалось от поведения В.О. Каппеля, П.П. Петрова или А.П. Перхурова. Вынужденные сотрудничать с эсерами, они доверяли лучшим представителям этой партии и сохраняли лояльность к их власти в целом во имя общей борьбы с большевиками. Это не помешало им в дальнейшем стать признанными героями Белого движения.

Так что очень вероятно, что именно обида на Дутова и вынужденная оторванность от боевой работы на фронте окончательно толкнули Махина в объятия эсеров. А это, в свою очередь, привело его к участию в заговоре против того же Дутова совместно с лидером башкирских националистов Валидовым в декабре 1918 г., к фактической высылке его Колчаком из Сибири, к его партийной деятельности в эмиграции, вызвавшей резкое отторжение и возмущение у бывших товарищей по оружию, а в конечном итоге – к посту военного советника при коммунистическом лидере Югославии Иосипе Броз Тито в годы Второй мировой войны.

¹ РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7.

² Слово «выступ» здесь взято в кавычки, поскольку в реальности на тот момент сплошной линии фронта не было, и можно говорить лишь об отдельных направлениях, на которых действовали группы войск белых и красных, а разрывы между ними лишь наблюдались патрулями. Однако со стратегической точки зрения об этом районе можно говорить именно как о выступе фронта, со всею его потенциальной уязвимостью.

³ Иванов В.М. Маршал М.Н. Тухачевский. М., 1990. С. 79–80. Вместе с тем, согласно Хрулеву, красные имели 20 000 штыков, 1000 сабель, 140 орудий, 400 пулеметов и 10 вооруженных пароходов. (Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940. С. 80.)

⁴ Кутяков И.В. С Чапаевым по Уральским степям. Борьба с уральской и чехословацкой контрреволюцией. М.; Л., 1928. С. 118–119.

⁵ Боевой состав Народной армии к 12 ч дня 20 сентября 1918 г. (по сводкам Сибирской армии) // РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 166. Л. 71–73.

⁶ В составе дивизии Бакича подсчитан также и отряд полковника Махина, состоявший из 7-го Хвалынского и 8-го Вольского стр. полков с некоторыми частями усиления.

⁷ Общее число штыков и сабель, находящихся в резерве, в документе не указано.

⁸ Интересно сравнить эти данные с теми, которые приводит по белым Хрулев: 6480 штыков, 3300 сабель, 25–35 орудий, 100–150 пулеметов, 8–12 вооруженных пароходов. (Хрулев В.В. Указ. соч. С. 80.) Разночтение, как видим, очень значительное, причем если по числу штыков (с учетом резервов) цифра Хрулева близка к истине, то число сабель противника красные преувеличили более, чем вдвое.

⁹ Голеевский Н.Н. Лето на Волге (1918 год) // 1918 год на Востоке России / Под ред. С.В. Волкова. М., 2003. С. 170–171. В сборнике автором воспоминаний назван А.П. Еленевский, однако при личной беседе с составителем сборника д-ром ист. наук С.В. Волковым было выяснено, что при публикации была допущена ошибка, и автором воспоминаний является Н.Н. Голеевский.

¹⁰ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.) Рига, 1930. С. 44.

¹¹ Кутяков И.В. Указ. соч. С. 125–128.

¹² Петров П.П. Указ. соч. С. 44–45.

¹³ Попов Ф. Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972. С. 224–225; Кутяков И.В. Указ. соч. С. 128–129. По признанию Кутякова, Интернациональный полк оставил на поле боя «всю артиллерию и пулеметы и потерял три четверти людского состава».

¹⁴ Голеевский Н.Н. Указ. соч. С. 171–172.

¹⁵ Петров П.П. Указ. соч. С. 45–46.

¹⁶ Там же. С. 45.

¹⁷ РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–5.

¹⁸ Там же. Л. 219 об. – 220.

¹⁹ Там же. Л. 214–216.

²⁰ Петров П.П. Указ. соч. С. 46.

²¹ По рассказу Кутякова, его бригада была задержана на линии р. Самары, где до 5 ч вечера продолжалась артиллерийская дуэль. Затем белые отошли, а в городе

послышалась ружейная стрельба. Это восстали рабочие, которые вскоре подогнали лодки к разрушенным мостам. С помощью этих лодок красные переправились через реку и вступили в город. (Кутяков И.В. Указ. соч. С. 131–132.) В то же время части дивизии Г.Д. Гая опаздывали и могли подойти к городу лишь вечером 8 октября. Тогда Гай лично вылетел на разведку на единственном имеющемся у него самолете. Увидев, что эшелоны белых уходят из города, он велел летчику посадить самолет на окраине, а сам в одиночку явился на почтамт, где, угрожая револьвером, приказал телеграфистам отправить телеграмму: «Всем, всем, всем! Я, Гай, нахожусь в Самаре. Да здравствует Советская власть!». Эта выходка сошла ему с рук, хотя главному Каменеву пришлось срочно запрашивать Тухачевского, не является ли эта телеграмма изощренной провокацией со стороны белого командования (Корицкий Н.И. В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. М., 1965. С. 77). Таким образом, соревнование в красном лагере за право назваться «освободителями Самары» принимало порой откровенно анекдотические формы.

²² РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 21–21 об.

²³ Там же. Л. 340.

²⁴ Петров П.П. Указ. соч. С. 46–47.

²⁵ РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 314–316. 8-й Вольский полк, который имел изначально крепкие кадры добровольцев и белоповстанцев, оказался значительно менее подвержен общему упадку духа и оправился от него гораздо быстрее других частей 2-й дивизии.

²⁶ Там же. Л. 323–324.

²⁷ Там же. Л. 73–74.

²⁸ Там же. Л. 72–72 об.

²⁹ Там же. Л. 331–332.

³⁰ Незадолго до начала боев за Сызрань полки Народной армии были пополнены за счет призыва нескольких возрастов. К сожалению, при первых же признаках неудач на фронте большая часть этого пополнения разбежалась. Особенно от этого пострадали 1-я и 2-я стр. дивизии (последняя потеряла дезертирами более 1000 человек), что в свою очередь отразилось на их боевом духе.

³¹ РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 7. Л. 92–93 об. Верховным главнокомандующим на этот момент являлся генерал В.Г. Болдырев.

³² Там же. Л. 370–370 об.

Ф.А. Петров (Москва)

**ПЕРВЫЙ ГОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ.
ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА ЮНЫХ ОФИЦЕРОВ
ИЗ СОБРАНИЯ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ
ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

19 ИЮЛЯ (1 августа по новому стилю) 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну. В отличие от солдат, кадровые офицеры, воспитанные в боевых традициях русской армии, с радостью встретили начало войны. Особенно это коснулось молодых офицеров, к тому же гвардейских (в ОПИ ГИМ хранится большой архив материалов лейб-гвардии Финляндского полка). Сложная гамма чувств, пережитых русскими офицерами в первые месяцы войны, отражена в дошедших до нас дневниках и письмах с фронта.

Особенно интересны в этом отношении дневники юных офицеров. Прежде всего, отметим дневник подпоручика лейб-гвардии Финляндского полка А.А. Иванова, в котором наглядно прослеживается смена настроений в первые пять месяцев Первой мировой – от восторгов при объявлении мобилизации до описания первых боев в Восточной Пруссии и Галиции, под Варшавой и Ивангородом – первых побед и первых неудач.

Гвардия – цвет русской армии – во имя защиты союзников, прежде всего Франции, была почти полностью обречена на гибель.

Бросается в глаза сразу же возникшая дифференциация настроений офицеров и солдат, начиная с первого дня войны, когда подпоручик Иванов не отпустил солдат попрощаться с родными, а сам отправился в ресторан.

Эйфория по поводу первых побед в ходе удачно начавшейся 4 августа Восточно-Прусской операции 4 августа вскоре сменилось страшной трагедией – гибелью основных сил 2-й Западной армии.

Подпоручик Иванов вместе с л.-гв. Финляндским полком был отправлен в Галицию, где, как уже говорилось выше, русские одержали победу над австро-венгерскими войсками. Одним из основных этапов Галицийской битвы была Люблин-Холмская операция, о которой идет речь в дневнике.

Затем Финляндский полк принял участие в другой крупной операции – Варшавско-Ивангородской, в которой с обеих сторон сражались 900 тыс. человек.

Из-за значительного объема текстов мы приведем лишь небольшие их фрагменты.

Дневник подпоручика Финляндского полка Александра Александровича Иванова

12 июля. Выставили оцепление стрельбища в лагере. Около 4¹/₂ часов дня узнали о производстве юнкеров в офицеры и о переходе на следующий день в г. Петербург. Сообщил об этом поручик Мацкевич¹, исполнявший за болезнью адъютанта его обязанности. В бараке дикий восторг. Была Ирэна, которая завидовала нам, что мы пойдем на войну. «Козлиные» прыжки Иконникова², радость Евреинова³. Первый раз подумал о войне как о чем-то близком – жутко, но радостно.

13 июля. Ходили в Дудергоф прощаться со знакомыми дачниками... В 5 ч. дня – молебен на парадной линейке. Масса зрителей. Выступление из лагеря. Овация в дачных местах по пути...

15 июля. Манифестации. Ожидание войны. В полку лихорадочно заканчиваются последние приготовления к мобилизации.

16 июля. Грандиозные манифестации. Общее одушевление.

17 июля. Огромнейшие манифестации по Невскому и Владимирскому. Манифестация у памятника «Славы» на Измайловском. В 12 ч. ночи объявление мобилизации в собрании⁴. Громовое «Ура» и гимн...

18 июля. Первый день мобилизации. Получение необходимых вещей у военного начальника... Уполномоченного от управы нет. Глупое положение. Делаем, что можем... Нашел подрядчиков и рабочих, работка кипит. В 11 ч. вечера явился настоящий уполномоченный. Работа всю ночь. Лег в 2 ч. ночи.

19 июля. Объявление войны Германией... Днем узнал об объявлении войны немцами. «Наконец-то!» – вздох облегчения – работа не зря. Вечером чуть ли не бунт – пустить домой. Принял

чрезвычайные меры – не пустил. Бегство из окон. В 10 ч. вечера все успокоилось. Ужинаем с Игнатьевым в «Малоярославце»⁵.

20–25 июля. Тяжелые дни сидения на 53-м вспомогательном пункте. Вместо 1200 человек – 1500 запасных, жены, дети и т. п. Работа за свой и за контрольный пункты. Свободен лишь вечером – ужин в «Малоярославце», поездки на моторах. На улицах офицерам овации...

27 июля. Днем молебен в полку. Весь полк на набережной в защитной походной форме. Благословение иконой наследника цесаревича. Речь протоиерея Орнатского. Прохождение церемониальным маршем. Настроение повышенное, но очень радостное.

28 июля. Слезы, рыдания на вокзале... В час дня тронулся эшелон. «Ура», слезы украдкой, последние благословения, воздушные поцелуи... Настроение все улучшается: бодрость, желание скорее попасть в бой.

1 августа. Прибытие в Варшаву... Масса публики, овации...

8 августа. В 5 ч. утра выступление из Варшавы... Утомительный переход по пескам. Солнечное затмение во время большого привала...

10 августа. Известие о победе Ренненкампа у Губминнена⁶. Взрыв общего восторга. Желание поскорее и нам идти в бой, мы также покажем себя немцам.

19 августа. Рано утром (часов в 5) в Праге⁷. Весь полк в сборе. Искал с Трояновским штаб (письма). Известие о переименовании Петербурга в Петроград. Чай на станции. Поэшелонно трогались дальше. Медленное движение. Ночью (1¹/₂ ч.) прибыли в Ивангород. Возможность попасть в бой увеличивались. С утра приподнятое настроение...

20 августа. Наши раненые ходили смотреть на пленных. Разговоры с ними. Наших солдат почти не видно. У офицеров блестят кокарды, погоны и шашки.

22 августа. Проехали Люблин. Слышна стрельба артиллерии. С нами едет свиты его величества генерал-майор Некрасов. В Люблине видели раненых 1-й гвардейской пехотной дивизии... Тяжелый марш ночью под дождем и по грязи. Получили жалованье на привале. В 2¹/₂ часа ночи соединились с полком на биваке у д. «Майдан Падицкий». Ночуем на брезенте под открытым небом.

Когда услышали выстрелы, все бросились к окопам. Нервничали. Ночью страшно устали. Ужасно неприятно было ложиться.

23 августа. Днем поспали на сеновале. В 5 ч. дня пошли дальше. Был командир корпуса. Масса пленных австрийцев, в том числе генерал. В темноте шли по непролазной грязи. Холодно. Стали биваком у деревни Себеская воля. Офицеры ночуют в халупе, кроме 16-й роты. Страшно устал. Болят ноги. Настроение отличное – все рвутся в бой.

24 августа. В 10 ч. утра пошли дальше... Скопление обозов. Остановка. Обед. Пошли дальше. Попали в бой. «Австрийцы отступают – отрезать дорогу». Павлуки и москвичи⁸ впереди, гренадеры сзади... Стоянка в лесу. Наблюдение с опушки. Наступление пехоты. Бой артиллерии. В лесу холодно, сыро. В 9 ч. вечера двинулись дальше. В 10 ч. вечера рота назначена в прикрытие к 5-й батарее л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. В 12 ч. разыскали ее и расположились в фольварке⁹ Лисень. Ужасно неприятное назначение в прикрытие. Устал. Юрьев¹⁰ в одном плаще прямо замерз...

25 августа. Работа в прикрытии. Осмотр фольварка. Подвиги Ноздрачева. Борьба 5-й батареи с тремя австро-германскими. Уничтожение одной неприятельской...

26 августа. Утром сменен 4-м взводом. В 12¹/₂ ч. дня, в 1 ч. дня и в 5 ч. обстреляли германский аэроплан. Прибыла кухня. Слухи о потерях полка. Наступление 8-го гренадерского полка... Под вечер атака 2-й гренадерской дивизии. Отбиты со страшными потерями. Бегство их... почти не спали.

27 августа. В 9 ч. утра пошли к полку в др. Гельчев. Видели Яковлева¹¹ и Голубева¹². Обстрел. Ранен полковник Жерве¹³. Движение на поддержку последней атаки... Быстрое наступление. Бегство немцев перед нами. 3-й взвод выбивает австрийцев из рощи. Обстрел немцами с левого фланга. Благополучно заняли германские окопы на гребне перед дер. Тарновкой. Началось бегство немцев из Домбрувской рощи. Стрельба по ним. Ефимов уложил одного офицера и трех нижних чинов. Наступление австрийцев на 3-й взвод. Огнем и контратакой обращены в бегство. Наши дозорные. Один убит немцами. Пленные. Обстрел Тарнавки. Занятие нашими деревни. Под своей шрапнелью (один убит, двое ранены)...

Сбор у северо-западной опушки рощи. «Спасибо» командира дивизии. Маленькая кучка оставшихся офицеров. Выбор позиции. Ужин. Рытье окопов. В 11 ч. отмена и движение дальше. Бивак в деревне Стара Весь. Рота перебила человек 25–30 и человек 35–40

взяла в плен. Нервный подъем... Полное спокойствие при виде ран и трупов. Нервы выдержали. Взял винтовку. Стрелял и убил одного немца. Трогательная встреча офицеров. Точно в чем-то виноват. Сильно устал...

5–10 сентября. Стоянка в дер. Казерна. Грязь невероятная. Насекомым «несть числа». Мерзкая погода, дожди. Дважды в день занятия. Прибытие первой партии на пополнение.

Известие о взятии Сенявы, Ярослав, обложении Перемышля, движении на Краков. Выдача первых Георгиевских крестов и медалей (7 сентября) после молебна...

22 сентября. Рано утром выступили обратно. Окапывание перед переправой, чтобы дать возможность перейти обозам и артиллерии. Благополучная переправа полка. Моя рота назначена для прикрытия переправы... Германский аэроплан над мостом. Переход павлюков. Видели германские разъезды. Масса мирных жителей и бегство их. В 3 ч. 20 м. дня – переход обратно, я – последний. Обед у костела. Догонял полк. Страшно тяжелый переход – пески, грязь, леса, огромная деревня – море воды и грязи. Еду на хвосте павлюков. Возня с кухней. Узнали об отступлении нашей кавалерии... Настроение и состояние – глупое. Присутствие корпусного командира при переправе. Верх радости, когда перешли реку.

8 октября. Утром пошли дальше. Радостная весть о победе под Варшавой и Ивангородом. Весь день дождь. Долго стояли на перекрестке двух шоссе. Ночлег в дер. Хрустне. Оспа. Вся рота в двух сараях. Грязь по колено. Путешествие в собрание и обратно. Ночевали в сарае. Страшно рад, что купил спальный мешок.

9 октября. В 7 ч. утра пошли дальше. Переход Вислы у Ивангорода. Идем в авангарде без большого привала. «Двуколки тарахтят». Прибытие в дер. Банковец. Неожиданно попали в бой. Разъезд гродненских гусар. 323-го пехотного Юрьевецкого полка. Подошел к д. Грудек. Слова офицера – «Противник наступает», в 600 шагах от деревни. Приказание армейцам отступить. Отошел от Грудек на 1000 шагов, занял позицию и окопался. Вправо – 15-я и 16-я роты, влево – никого не видно. 15-я рота при наступлении под страшным шрапнельным огнем. Преужасная ночь.

13 октября. Переход батальона в наступление... Без выстрела дошел до кладбища. В 10 ч. 20 мин. Попал под огонь трех пулеметов и батареи (косой огонь). Остановился. Продвинулся еще вперед... Страшный огонь противника. Его попытка охватить мой левый

фланг. Выдвижение 4-го взвода для парирования. Усиление 1-м взводом цепи. Вправо ничего не видно. Полная неизвестность. Тяжелая контузия подпоручика Голубева одним из первых снарядов. В 2 ч. 45 м. дня атака. Взял 1 пулемет и 3 линии окопов. 2 пулемета подбитых оставлены на месте. Обстрел пулеметами с правого фланга. Обстрел своей гранатой (один убит). Присоединил полуроту 15-й роты под командой ст. унтер-офицера Гребенщикова. Узнал о смерти подпоручика Юрьева. Погоня с боем до дер. Светлякова Воля (5 верст), положение на ночь. Приезд и поздравление командира полка. Огромная радость по случаю победы. Упадок духа – реакция. Потери в роте – 9 убитых, 30 раненых и 1 контужен...

25–26 октября. Дневка в Пинчове. Гулянье и осмотр городка. Были в цукерне и ресторане. Играем на бильярде. Вино. Был с А.Н. Моллером¹⁴ в бане. Отличное настроение. Все очень веселы, бодро смотрят вперед. Вести о нашем продвижении по всему фронту.

5 ноября. Тревога. Прорыв австрийцев. Гибель 2-й, 4-й и 12-й роты. Выдвижение батальона вперед. Капитан Цытович¹⁵: «Бегом!». 14-я рота с левой стороны деревни. Переход на правую – и быстрое наступление. Рота одна. Остановка. Догнала 13-я. Подошел к павлюкам. Переговоры с ними. Движение вперед под шрапнелью. Убит Харламов (взводный 3-го взвода). Австрийцы в деревне и их уничтожение... Вылезли вперед. Едва не убиты залпами на расстоянии 30 шагов. 3-й взвод и 2 пулемета с прапорщиком Матвеевым на помощь Е.В. роте л.-гв. Павловского полка. Найден смертельно раненный подпоручик Хирьяков 1-й... Недостаток патронов. Распоряжаюсь всем участком. Подход 13-й роты л.-гв. Павловского полка (штабс-капитан Морев). Перевод пулеметов на левую сторону. Сидим в одном окопе с австрийцами – расстояние 30 шагов.

Огромные потери за день – 182 человека, выбыло 70, в том числе 3 взводных: старшие унтер-офицеры Кулишенко и Подавленник ранены, старший унтер-офицер Харламов убит. Страшно напряжены нервы, ввечеру невыносимая жажда... В 12 ч. ночи подвезли по 2 двуколки на батальон.

6 ноября. В 7 часов утра атака на мою роту. Отбита огнем. Началась бомбардировка снарядами до 6-го калибра включительно.

6–17 ноября. Сидение на позиции близ дер. Янгрот и в ней. Отбитие атаки противника. Бомбардировка деревни и всей позиции. Лихие действия разведчиков 16-й роты. Взятие 16-й ротой пулемета.

17 ноября. Занимал место 16-й роты. Очень мало людей. Разведчики добыли куриц. Сначала слухи о переходе в наступление. Отмена...

22 ноября. В 6 часов утра смена л.-гв. Московским полком.

23 ноября. Стоянка там же. Все (кроме меня) обедают у хозяйна. Вечером страшная стрельба. Впереди – атака на стрелков. Заболел, температура 38,5.

25 ноября. Днем осмотр доктором Янгом. Переход к врачам. В 2 часа дня температура 39,8. «Брюшной тиф».

28 ноября. Отправление в г. Мехов, 20 верст по замерзшей дороге в простой телеге. Под вечер в Мехове. Еле принят в Ксениинский лазарет Красного Креста.

1 декабря. Утром выехал из Мехова. Началось наше отступление. Паника обозов. На грузовом моторе по шоссе 40 верст до Андреева. Ожидание на станции. Сели в санитарный поезд. Ночью высылка в Ивангороде. В 116-м запасном полевом госпитале. Тиф.

Ф. 137. Ед. хр. 282. Л. 1–34.

Подпоручику Иванову все же повезло. Поправившись после тифа, он вернулся в полк, вновь воевал, был ранен, но к 1916 г. дослужился до чина штабс-капитана.

Иная судьба постигла другого подпоручика того же Финляндского полка – Владимира Павловича Хирьякова. Приведем его описание одного из первых боев с австрийцами – естественно, оптимистичное.

Письмо с позиции подпоручика

л.-гв. Финляндского полка В.П. Хирьякова

«Мы победили, и враг бежит!

...отправился в штаб полка, где меня сразу пересадили на другую лошадь и послали, но не в бой, к своей роте, где выбили всех офицеров, а в штаб корпуса для связи; и так я и не попал в бой, хотя и прибыл вовремя.

А дело было славное: началось с того, что значительные силы набросились на второочередную бригаду, которая должна была обеспечить наше развертывание на западном берегу, но она быстро стала отходить, обнажив фланг соседнего корпуса, который был прикрыт спешно выдвинувшейся нашей бригадой.

Тогда на нас (бригаду) навалился весь 5-й венгерский корпус, поддержанный справа и слева дивизиями австрийцев и немцев. Но... несмотря на колоссальное превосходство сил противника, мы не сдвинулись ни на один шаг. Стремительные атаки венгерских масс, дневные и ночные, отбивались одна за другой с громадными потерями.

За одну ночь, когда я приехал, было отбито 11 атак густых венгерских колонн, после чего остались от них кучи трупов. Они были поражены подобным отпором и решили, что против них громадные силы. Это мы узнали потом от пленных.

Да, очевидно, нам судьба пробивать лбом фронты противника в сильнейшей его точке и тем выручать соседей.

Что за картина была эта атака: наши громадные цепи выскочили из окопов и бросились на ура; австрийцы еще более широкой цепью выскочили и пошли навстречу с поднятыми руками.

Сзади в австрийцев стрелять было некому, так как венгерцы и немцы отступили, оставив их арьергардом, потому они сдались спокойно, и кто случайно не попал в эту цепь, те потом догоняли ее бегом.

Будет случай опять, так напишу, а теперь нужно спать, так как мы преследуем, забирая пленных, обозы и артиллерию, даже автомобили»

Ф. 137. Ед. хр. 201. Л. 70–70 об.

В том же бою непосредственное участие принял старший брат Владимира Хирьякова – поручик Георгий Хирьяков. Обращает внимание, сколько различны настроения братьев.

Поручик л.-гв. Финляндского полка Г.П. Хирьяков.

Бой под Гельчевым 25 августа 1914 г.

Чувствую, что кто-то будит: «Вставайте, ваше высокоблагородие!» Денщик выводит меня торопливо из сладкого сонного забытья. «Черт возьми», – ругаюсь я про себя, ведь думал выспаться, а тут опять к чему-то поднимают рано. Отбросил мех. Холодина-то; прямо зима! Денщик торопит; мой молодой ротный командир – поручик Грейм¹⁶ уже почти одет. Сна как не бывало. Стуча зубами от холода, торопливо одеваюсь и вслед за ротным командиром выскакиваю из сарая и, стремясь скорее согреться, бегом догоняю уже идущую роту. Проявляю возможно больше

энергии – привожу в порядок роту, кричу, бегаю и, наконец, согреваюсь.

Слышна близко ружейная трескотня и артиллерийская канонада с обеих сторон. Чувствуется близость боя! И вот, говорят: «Сейчас пойдем». – «А ранцы снять?» – говорят солдаты – «Не приказано!» – «В них тяжело, да и к чему это?». Слышны разговоры. Наконец передают: «Снять ранцы!»... Побросали ранцы и вышли на окраину деревни; скатали скатки; теперь уже тепло, и солнце вылезло. Солдаты засели кучками у сараев. Неприятель постреливает и шрапнелью; нет-нет, да и зажужжит 16-фунтовая в воздухе, да и разорвется где-нибудь за деревней, оставя лишь облачко белого и красного дыма висеть в воздухе. Это они пристреливаются к нашей батарее, да никак не могут ее нащупать. А наша посылает в ответ очередью 8 снарядиков. «Но вот опять – что это?» – совсем близко раздался треск, и точно крупный град рассыпался по ближайшему дереву, обсыпая листья и мелкие ветки. Солдаты, как волна, отхлынули за сарай. Но вот другой, третий, и то там, то сям шутили, что это австрийцы прислали для чая. Трубку я отослал на батарею для облегчения установки прицела.

Но вот бой начинает разгораться, шрапнели летят чаще, но уже не в нас, а очевидно, в цель; наши отвечают реже. Рота павловцев, бывшая с нами, ушла вперед. На меня шрапнель не производила никакого впечатления, но солдаты попрятались за стенки сараев, и только некоторые продолжали равнодушно разгуливать от взвода к взводу... Вот передали, что 10-я рота павловцев разбита совершенно. Явился ротный командир, собрал начальников и объяснил задачу: «Наша рота стоит для прикрытия левого фланга Павловского полка, который впереди занимает окопы»...

Сижу на бревне, разговариваю и шучу с солдатами. Вдруг слышу: меня кто-то зовет по фамилии. Под высокой копной слева сидел среди группы солдат подпоручик Романов, мой товарищ по корпусу. «Садись», – сказал мне он, освобождая мне место рядом с собой. Я сел. «Ты 10-й роты?» – спросил я его. «Да». – «А где твоя рота?» – «А вот вся», – сказал он, указывая на кучку солдат, человек двадцать, сидящих около него. – «Ох, сколько мы испытали за эти два дня». Он начинал немного волноваться при воспоминании о двухдневном бое, в котором потеряна была половина состава Павловского полка. «Ну что ж, наверное, скоро и до нас дойдет очередь!», – сказал я. «Тебе хорошо, ты спокойный». В это время

мы услышали шум мотора, над деревней важно пролетал аэроплан. Солдаты заспорили – чей? Кругов не было видно, а по форме хвоста я сразу увидел, что это немецкий. В это время по всей деревне началась ружейная трескотня; обстреливали аэроплан, который вполне благополучно улетел к своим. Мы с трудом свистками прекратили эту бесполезную пальбу, обнаружившую наше присутствие в деревне, и теперь оставалось ждать артиллерийского огня со стороны противника. Пришел ротный командир, поднял роту и объявил, что 11-я рота павловцев капитана Гладкова нуждается в немедленной помощи. Приглашает одного из офицеров на рекогносцировку. Я вызвался, и мы тронулись вперед по дороге, согнувшись. От времени до времени около нас взвизгивали, пролетая, пули, и мы невольно прятались в глубокую колею дороги. Дошли до глубокой рывтины, заваленной хворостом, где лежало несколько раненых павловских солдат из 11-й роты. Они нам указали примерно левый фланг, после чего ротный дал знак роте, и та двинулась вереницей по дороге за нами. Мы вылезли на другую сторону рывтины. Свист пуль слышался гораздо чаще, но я, не знаю почему, не испытывал чувства страха или самосохранения – верно потому, что эти пули судьбою предназначались не для меня. На дороге лежал павловский солдат, с которым я заговорил. Это был бородатый дядя 11-й роты; он торопил нас, говоря, что там совсем плохо. Только он замолчал, как я услышал, что пуля щелкнула солдата куда-то в живот. В его глазах я увидел ужас. «Ох, ох! – застонал он, – простите, умираю... простите», – говорил, переворачиваясь с боку на спину, как-то весь вытянулся и умер. Тяжелое впечатление произвела на меня эта смерть. Молча я смотрел на его судороги и невольно думал: какая-та маленькая пулька натолкнулась на его тело, и вот только что здоровенный детина распростился со своей силою и жизнью, и вместо него лежал труп...

Развернув цепь, ротный командир приказал вести полуроту, тогда как он поведет другую в охват правого фланга противника.

Пришел подпоручик Мацкевич, командир полуроты, и мы разделились: он взял первый взвод, я второй, но, чтобы не поражаться зря пулями, летящими через павловские окопы до самой деревни (очевидно, бугор, закрывавший от нас позицию противника, совпадал по крутизне с траекторией из пуль), мы приняли влево и потом быстрыми перебежками двинулись вперед.

Очевидно, живо нас заметили, так как по нас был открыт такой огонь, что пули непрерывно свистели то справа, то слева, то над головой. Поле живо покрывалось убитыми и ранеными. Вскоре к ружейному огню присоединился шрапнельный, но разрывы, должно быть, были высоки, так как особенно он не чувствовался, только мимо меня по земле пронеслась сначала одна, а затем вторая шрапнельная трубка. Но я плохо сознавал все это время все, что творится кругом, я бежал вперед во весь рост, размахивая левой рукой, и кричал диким голосом, подгоняя группы солдат, отстающие от цепи. Как ни странно, но крики и то, что я подбегал во весь рост, заставляло солдат вылезать из канавы и бежать вперед.

Когда все были в цепи, я бросался на землю, закрывал лицо руками и лежал неподвижно, слушая непрерывное жужжание пуль, сыплющихся со всех сторон.

Потом опять вскакивал и вел цепь вперед, но почувствовал, что пулей задело правую ногу, упал и испугался, что нога не будет действовать, но, к моей радости, нога повиновалась по-прежнему, так что я, ободренный, повел своих вперед. Только одна мысль пронеслась у меня: «Значит, могут добраться и до меня, я не неуязвим, как казалось». Но далеко мне вести не пришлось, да и некого было: полурота растаяла поразительно быстро.

Вторая пуля щелкнула меня в локоть, и опять от толчка фуражка покатила по земле; я опять испугался, но напрасно, нога тоже действовала; удивился и стал подвигаться вперед, но уже ползком, так как был на самой вершине бугра – слишком на виду.

Но почему цепь не видит меня? «Патронов нет, ваше высокоблагородие!». Подобрал на поле два подсумка с патронами и пополз вперед до дороги с глубокой колеей, куда и завалился, чтобы ползти к рытвине и окопу, где были остатки моей полуроты.

«Но сколько там вас?». – «Пять финляндцев да два павловца». Вот так сила для удара в штыки, о котором я мечтал!

Засели все в рытвине дороги, довольно глубокой, и стали постреливать по окопам противника, откуда не прекращался ружейный огонь до нас. Пули жужжали непрерывно, но теперь почти все над нашими головами, иногда только пуля щелкала землю между нами.

До окопов противника оставалось еще шагов 500, но некому было их атаковать. Судя по огню, там было около двух рот; два с двух флангов, очевидно, подходили резервы густыми цепями,

наступая на нас, причем левофланговая цепь обходила нас справа, заходя левый плечом. Наша артиллерия довольно хорошо пристрелялась по их левой артиллерии, немцы ложились и огонь их ослабевал, мы высовывались и стреляли, но когда разрывались 8-я наша шрапнель, мы быстро прятались, и снова над нами начиналось жужжание.

Вправо от нас, шагах в 40, был бугор, который и скрыл от нас дальнейшее движение обходящей группы... я решил собрать и отвести уцелевших чинов.

Прокричали вправо и влево, но ответа не было ниоткуда, очевидно, кругом не было ничего живого. Приказал отползть к деревне по колее дороги.

«А вы, ваше высокоблагородие?». – «Я тоже ползу за вами». По одному стали отползть, причем был убит один из них, перед этим очень волновавшийся и говоривший, что надо отползть; «а то нас заберут». Он полз по более открытой колее.

Солдаты уползли вперед, а я остался; не поспевая за ними из-за раны в локте, но хорошо хотя то, что кровь не текла, так как раны забились землей и пылью. Но вот я дополз до моста, где колея пропадала, и высунулся на ровное место. Немцы, очевидно, прекрасно наблюдали за полем, так как сразу засвистали пули вокруг меня и принудили запрятаться в колею. Когда огонь утих, подобрав лопату у убитого солдата, я перевалился в соседнюю колею, а оттуда – в борозду на поле и пополз к ближайшей кучке земли, но опять был замечен и под огнем дополз до кучи, за которую и спрятался. Теперь уже пули летели сбоку, очевидно, обходящая часть заняла фланговую позицию к линии моего наступления. По временам огонь усиливался, причем на него стали отвечать наши, но не от деревни, а с позиции, занятой против новой позиции противника.

Я стал рыть яму, выбрасывая землю по обе стороны, и к нашим, и к противнику. Скоро уставал, так как работал только правой рукой, и тогда лежал неподвижно, отдыхая. Главным образом заботился, чтобы не попали в туловище, а потому и вырыл для него, хотя неглубокую, яму. Ноги же лежали открыто на земле, так как я не мог передвинуться, чтобы вырыть для них яму, боясь быть обнаруженным. Потом мне удалось каблуками вырыть канавку для ног. В это время я увидел, как в стороне, шагов на 400, один солдат, а за ним еще два перебежали от одного стога к другому. Неужели это наступают немцы?

Я лег неподвижно и стал всматриваться, нет, это наши, да, недаром по ним стреляют. Ложусь на бок, продолжаю копать, и невольно думаю, что, может, рою свою могилу.

Перестрелка усиливается опять, и вот затрещал австрийский пулемет; в ответ ему – наш. И вот опять огонь с обеих сторон. Сколько раненых на поле, должно быть, добито! Лежу неподвижно.

Вот австрийский пулемет замолчал, а за ним и наш. Перестрелка понемногу прекратилась, летают только единичные пули. Вылезаю из закрытия и ползу к своим по склону, потом вскакиваю и бегу, согнувшись. Опять заметили – стреляют; падаю и лежу, пока перестали. Потом опять бегу, опять стреляют. Ложусь и жду.

В стороне стонет раненый: «Дайте пить!». Это из моей роты; ползу к нему и пою вином из своей фляги...

Ближе к противнику стонет другой и зовет. Слишком он на виду, да жалко; бегу к нему, а потом ползу, но когда поил его, привстал, и тотчас засвистели пули. Отполз от него, обещая прислать санитаров, по его просьбе, но зная, что их не пустят. Наконец, спустился к своим окопам, опираясь на винтовку. Полежал у них. Поговорил с офицером 2-й роты и пошел на перевязочный пункт в деревню.

Солдаты с любопытством смотрели на меня, и я слышал их разговор: «Сразу как переменялся». По дороге встретил брата с моим денщиком, они знали, что я ранен, и искали меня. Про поручика Мацкевича¹⁷ сказали, что он убит. Денщик его искал безрезультатно; да что толку в их поисках: они ходили вокруг поля, на котором лежали раненые, но на которое выйти не могли, так как летали пули. Мы пошли в деревню. Над головой несколько раз свистнули пули, но на них обращал внимание только денщик, а я был доволен, что выскочил из этого ада и был слишком расстроен переживаниями дня, чтобы обращать на все внимание...

ОПИ ГИМ. Ф. 127. Ед. хр. 201. Л. 66–69 об.

Георгий Хирьяков был убит 5 ноября 1914 г., его младший брат Владимир – спустя 11 дней. Данные ими описания боя под Гельчевым были доставлены в полковой музей их отцом – капитаном 7-й пешей дружины ополчения.

¹ Полковым адъютантом был поручик Николай Иванович Мацкевич. Контужен 25 августа 1914 г., ранен во время Брусиловского прорыва в июле 1916 г.

- ² Иконников Александр Александрович, в 1914 г. поручик. Контужен 25 августа 1914 г. Вернулся в строй. Вновь контужен 19 февраля 1915 г.
- ³ Евреинов Гавриил Михайлович, в 1914 г. поручик. Контужен 10 октября 1914 г. Вернулся в строй. Вновь контужен 18 февраля 1915 г.
- ⁴ Имеется в виду офицерское собрание.
- ⁵ Один из наиболее популярных петербургских трактиров.
- ⁶ 7 августа 1-я русская армия под командованием генерала от кавалерии Ренненкампа (1854–1918) под г. Гумбинненом в Восточной Пруссии (ныне г. Гусев, Калининградская обл. РФ) нанесла поражение 8-й германской армии.
- ⁷ Прага, пригород Варшавы, расположенный на правом берегу Вислы.
- ⁸ Имеются в виду лейб-гвардии Павловский и Московский полки.
- ⁹ Фольварк (нем.) – хутор.
- ¹⁰ Юрьев Константин, подпоручик. Убит 13 октября 1914 г.
- ¹¹ Яковлев Владимир Семенович, в 1914 г. капитан. Ранен 17 февраля 1915 г. С 30 июля 1915 г. полковник.
- ¹² Голубев, в 1914 г. Поручик. Контужен 13 ноября 1914 г. Вторично контужен 20 июля 1915 г.
- ¹³ Жерве Виктор Всеволодович, полковник. Ранен 27 августа 1914 г.
- ¹⁴ Моллер Александр Николаевич, в 1914 г. – штабс-капитан. Контужен 20 и 23 июля 1915 г.
- ¹⁵ Цытович Владимир Михайлович, в 1914 г. – полковник. Контужен 13 июля 1915 г. Назначен командиром 39-го Томского пехотного полка.
- ¹⁶ Трейм Владимир Александрович, поручик. Контужен 25 августа 1914 г. Вернулся в строй. Ранен 10 февраля 1915 г. Вновь контужен 18 июля 1915 г.
- ¹⁷ Поручик Николай Иванович Мацкевич был контужен 25 августа 1914 г.

Ф.А. Петров, М.В. Фалалеева (Москва)

**СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА С ФРОНТА
И ИЗ ПЛЕНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СОБРАНИЯ
ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ**

О ДНИМ из крупнейших в России хранилищ документальных материалов по истории Первой мировой войны является отдел письменных источников Государственного исторического музея.

Наиболее широко и разнообразно (около 150 тыс. листов) представлены материалы Первой мировой войны в собрании бывшего Военно-исторического музея (фонд № 137), который был образован в 1919 г. на базе полковых музеев старой армии и просуществовал до 1926 г. ВИМ располагался в Москве, в бывшем особняке Юсуповых у Красных ворот. Впоследствии его фонды были переданы в Исторический музей¹.

Интересные документы сосредоточены также в фонде № 424 (документальные материалы по истории России начала XX в.), который создавался на протяжении многих лет в результате целенаправленного сбора сотрудников Государственного исторического музея.

В отделе письменных источников Государственного исторического музея хранится подборка солдатских писем с Северо-Западного (против Германии) и Юго-Западного (против Австро-Венгрии) фронтов начального периода боевых действий – от Восточно-Прусской операции и Галицийской битвы (август 1914 г.) до Праснышской операции (февраль–март 1915 г.).

Эти письма, при своей разрозненности и краткости, характеризуют настроения простых русских людей, честно и мужественно

исполнявших свой долг перед Отечеством, но с самого начала войны мечтавших о мире и скорейшем возвращении домой.

Прошло чуть больше месяца с начала войны, а русские солдаты терпели большие бедствия от плохого снабжения.

В ОПИ ГИМ хранится собственноручно подписанное Николаем II письмо уполномоченному Министерства земледелия С.Н. Прокоповичу из Царского Села от 21 февраля 1917 г., в котором, в частности, говорилось, что «мои доблестные войска Юго-Западного фронта всегда обильно и беспрепятственно были снабжены всеми нужными им припасами»².

Но, увы, далеко не всегда было так. Вот, например, письмо, датированное 21 августа 1914 г., т. е. **всего лишь через месяц после начала войны**, от рядового 7-го Гренадерского Самогитского полка Федора Бутырина, бывшего дворника, который был отправлен на Юго-Западный фронт воевать против австрийцев: «...в настоящее время нахожусь в городе Люблине, в больнице. Мы заболели от отравленной воды, мы пили воду из колодезя... мы были 4 раза в бою, пока я не ранен. Нам очень холодно, харчей не хватает, мы трое суток питались одними яблоками, и у нас дело идет пока, слава Богу: только мы день в бою, а ночь в походе, сна совсем нету. Нас, как мы возвратились, так опять погонят в бой... Я сижу, пишу, а руки трясутся, мы все почернели от страха и голода»³.

Как бы продолжением этого письма является письмо от артиллериста 17-го армейского корпуса Никиты Епифанова, датированное 27 сентября 1914 г.: «...завтра 28 сентября отправляемся в Люблинскую губернию... все время дождь, грязь, холод, и даже бывает иногда голод, как лошадям, так и нам; и все везде сожжено и разорено...»⁴.

Впрочем, победа русских войск над австро-венгерскими в крупной Галицийской битве 5 августа – 8 сентября 1914 г. (на фронте свыше 400 км с обеих сторон участвовали около 2 млн человек и до 5 тыс. орудий), символом которой стало освобождение древнего русского города Львова, способствовала повышению настроения русских солдат. Об этом свидетельствует, в частности, письмо от рядового Гусева от 9 ноября 1914 г. (по штемпелю): «...Нахожусь в городе Варшаве с автомобилем в ремонте, но скоро уедем на позиции под Ченстохов. Я награжден Георгиевской медалью, когда был в Галиции, за автомобиль, который мы спасли... нас обстреляли,

но никого не убило и не ранило... когда приехали в часть, то все были удивлены, и командир корпуса сам лично пожаловал по георгиевской медали. Дела идут пока хорошо, германец все отступает, наши уже перешли границу...»⁵.

Еще одно письмо, адресованное зав. библиотекой Исторического музея А.И. Станкевичу, от председателя одного из русских комитетов о раненых. В этом письме рассказывается о том, как 29 октября 1914 г. встречали в Западном крае раненых русских солдат: «Тысячная толпа сельчан во главе земского начальника и двух священников в облачении с крестами встречали нас кортежем возле лазарета... Сердечная встреча, роскошная обстановка, прекраснейший стол, видимо, скрасили их жизнь и затушевали некоторым образом все те ужасы и страхи, которые пришлось перенести им в недавнем прошлом (некоторые из них были в 15 боях с австрийцами), приходилось по суткам стоять в окопах по пояс в воде под проливным дождем и приходилось до пяти раз быть в рукопашных боях в штыки. Трех из них можно отнести к больным с довольно сложными ранами с раздроблением костей от шрапнельных осколков и разрывных пуль (дум-дум)»⁶.

И последнее письмо с того же фронта от старшего унтер-офицера 25-го Смоленского пехотного полка Сергея Нестерова, адресованное детям Станкевича. Речь идет о Лодзинской операции 29 октября – 11 ноября, в ходе которой германские и австро-венгерские войска пытались нанести внезапный удар во фланг и тыл русским армиям юго-западнее и западнее Лодзи. Завязались кровопролитные бои: «Германцы около Петрокова – 10 верст. Каждый день идет бой огромный, не могу я вам описать такую картину, **да и запрещено нам в письмах писать**. Пока, слава Богу, в Смоленском полку ранены и убиты 1600 человек от 9 ноября по 25 ноября, да и германцы больше в 2 раза»⁷.

Началом ноября 1914 г. датируются два письма С.Н. Никифорова, солдата 8-й пешей Московской дружины, воевавшей на Северо-Западном фронте. Эти письма свидетельствуют о временной стабилизации ситуации на этом участке боевых действий. Автор письма пишет о том, что их подразделение специально оставили близ русско-немецкой границы, в ожидании возможного продвижения немецких войск вглубь российской территории. Однако можно предположить, что разветвленная система немецкого шпионажа, передаточным центром которого была станция Вержболово,

позволила командованию противника узнать о планах нашего командования: «...мы, покамест, теперь стоим, но очень опасно. Неприятель стоял далече. Угнали порядочно за Вержболово. А раньше был от нас 35 верст. А всё занимали окопы и форты, ждали его сюда, голубчика. Но он не пошел. Хороша была для него ловушка сделана, ну, много было шпионов... очень холодно в окопах, не доживя веку, помрешь». С начала войны прошло чуть больше трех месяцев, а Никифоров уже с огорчением понимает, что не скоро она закончится, «еще много крови прольется. Но на нашем фронте дела идут, слава Богу, блестяще, угнали далече... нашу бригаду расформировали: одну двинули в Августов (Польша, западнее Гродно), другая – в Столупянен, третья – в Лык (территория Восточной Пруссии). Наша, покамест, осталась. Здесь ждем приказа выступить, а куда – неизвестно»⁸.

До начала января 1915 г. немецкое командование не соглашалось на переброску значительных сил на Восток, считая необходимым нанести решительный удар на Западе.

Теперь – о кампании 1915 года.

Письмо от рядового 11-го стрелкового полка Емельяна Гутника, находившегося южнее Люблина, близ венгерской границы. Датировано январем 1915 г. В письме говорится о том, как застава русских стрелков из 25 человек захватила плен 45 австрийцев. При этом солдат сообщал, что из подарков солдатам, отправленных на фронт, до них доходит лишь $\frac{1}{5}$ часть: «...как только что получают в полк, раздадут по ротам, какие подарки, то подпрапорщики повыбирают, что лучше, себе, а что хуже, дают солдатам»...⁹

К началу 1915 г. многие солдаты стали понимать, что надежде на скорое окончание войны не суждено сбыться. Вот что писал 26 января 1915 г. Василий Тимофеевич Лытаев своему брату Михаилу из действующей армии (место не указано): «...Трудно описать, во-первых, когда только сидишь и ждешь смерть», когда даже каменная стена не выдерживает артобстрела, и снаряды уходят на 4 аршина в глубину. «Только спасает Матушка Пресвятая Богородица... Говорят, что быть /может/ два года война продлится, а там не знаю... Про эту войну век не забудешь, потому ни один день не пройдет без боя, когда только подходит ночь, и только поспишь; ружейная стрельба, как светлый день, так орудия, когда будет конец – и не дождешься... мы ждем только насчет миру, как мир, так мы домой...»¹⁰.

Уже упоминавшийся артиллерист Епифанов писал 8 февраля 1915 г., находясь в Карпатах близ венгерского города Печ, где русские солдаты ремонтировали дорогу: «...Днем нельзя пальца показать – засыпят снарядами... Сейчас идет драка в самих Карпатских горах. У всей армии одно на душе... Мир, Мир, Мир... неприятеля гнали через Радомскую губернию, через Келецкую, Плоцк до Кракова». Русские солдаты были в 20 верстах от знаменитого польского города, но затем вынуждены были отступить для выравнивания линии фронта. «На наши места посыпались снаряды, да были несчастья... которые по-мрешь – не забудешь. Январь, у нас здесь была зима, снегу было на целый аршин, морозу градусов 12. Наступил февраль, весь снег согнал, теперь стало тепло, дождь перепадает, и в лугах зеленых скоро цветочки расцветут, а несчастные солдатики край родной свой ждут...»¹¹

Одним из ярких событий периода Первой мировой войны было взятие русскими войсками казавшейся неприступной австрийской крепости Перемышль после четырехмесячной осады: было захвачено свыше 120 тыс. пленных и 900 орудий.

По этому поводу тот же Никита Епифанов пишет: «... нашими доблестными войсками крепость Перемышль взята 9 марта в 7 часов 30 минут утра. Это первая радость в войсках, так что 10-го весь день музыка играла, солдаты плясали в танцах... Теперь у нас идут слухи, что /неприятель/ стал отступать в Венгрию, и нам скоро придется за ним двигаться...»¹².

25 января 1915 г. германское командование, будучи не в состоянии наступать одновременно на западе и на востоке, решило направить главный удар против России, действуя одновременно в Восточной Пруссии и в Галиции. Началась так называемая зимняя операция в Мазурских болотах, в районе г. Августова. В ходе этой операции русские понесли большие потери, но сумели все же приостановить продвижение немецких войск.

«...9 суток в походе был, дождь, грязь, в нашем полку умерло 5 солдат от усталости, хлеба не было. Но все-таки добрались до позиции, и пошел у нас ожесточенный бой... лазил я резать неприятельские проволочные заграждения. Когда поперерезали, пошли в наступление... выбили из окоп, и тут мы и их много побили... Получил я рану 21 февраля в 4 часа утра. Наступали на крепкое укрепление германское, все-таки выбили мы их...»¹³.

Контрударом русских войск стала так называемая Праснышская операция на Северо-Западном фронте (получившая название по городу Праснышу близ Варшавы). Приведем два письма участника этой операции солдата Василия Миронова из госпиталя: «Ранило меня 28 февраля в 12 часов дня. Наступали на немца, так что при этом наступлении он нас много побил и переранил. Мы наступаем, а он нас начал бить частым огнем из пулемета, и ружейным огнем и снарядами. Очень было страшно, дивлясь, как я процелел, Бог спас... Четыре раза был в бою, но этого страху не было. Земля мерзлая, докопаться никак невозможно»¹⁴.

21 марта тот же Миронов писал о том, что из-за недостатка сил, боеприпасов и вооружения наступление русских войск в ходе Праснышской операции приостановилось. Огромные жертвы, понесенные русскими войсками, не оправдались.

«...Уведомляю, что я жив-здоров покамест, не знаю, как дальше будет, только у нас покой, больших боев нет, только маленькие перестрелки, а артиллерийские бои бывают каждый день, спускают на нас несколько тысяч снарядов на наши окопы, но мало убьет, а ранит больше, но не знаю, когда мне очередь приходит. Еще уведомляю, что мы сидим уже третью неделю в окопе. Когда я пришел в свой полк, тогда были сильные бои под городом Праснышем. Три раза была штыковая атака. Теперь нас нагнали немцы на границы (с Германией. – Ф. П.), теперь у нас весь полк разбит, только роты осталось 50 человек, а раньше было 250. Но теперь наступать нельзя, потому что грязь большая...»¹⁵

Вторая часть нашего доклада посвящена положению русских солдат-военнопленных на примере одного из солдатских лагерей.

Но до этого скажем несколько слов об источнике, который как бы соединяет две названные темы. Это записка о пребывании на фронте и в плену человека, прошедшего через всю войну, – ефрейтора 102-го пехотного Вятского полка Петра Илларионовича Рубана¹⁶.

Первая часть его записки посвящена подготовке к войне и первым месяцам боевых действий. Полк в это время находился в Гродненской крепости, 2 августа вышел к прусской границе, которую перешли 6 августа – в день Спаса Преображения Господня. При этом на границе «первый раз стреляли по немецкому аэроплану». Вятский пехотный полк до 14 августа без остановок и дневок шел вглубь Германии, без всякого сопротивления со стороны немцев,

которые без боя оставляли свои позиции с окопами и заграждениями. При этом белорусского крестьянина (уроженец Новоградского уезда Минской губернии) поражало, что «Германия – страна богатая, крестьяне живут богато, большей частью богатыми хуторами».

Как известно, успешное для русских начало Восточно-Прусской операции вынудило германское командование снять значительную группировку войск из Франции и бросить в бой против русских. Спасение союзников-французов обошлось очень дорогой ценой русским солдатам. 26 августа тихий безоблачный день сменился градом артиллерийского огня, который продолжался до 29 августа. В результате этих боев немцы вынудили русских отступать и 31 августа уже отбросили обратно в Вержболово. «При отступлении нашем из Германии в Восточной Пруссии везде были большие пожары, горели города, деревни и хутора. Немцы оставшиеся цивильные жгли дома свои для того, чтобы дать знать своим войскам, где находится наша отступающая армия». Отступление сопровождалось постоянным обстрелом русских войск. Отбив противника 2 сентября под Мариамполем (современная Литва), Вятский пехотный полк перешел в Сувальскую губернию, затем без остановок шел до Варшавы и 22 октября остановился близ местечка Грабово. В ходе Варшавско-Ивангородской операции, в целом успешной для русских войск, Вятский пехотный полк, оказавшись в окружении, вынужден был отступить и в ночь с 1 на 2 ноября оказался под обстрелом: «...перестрелка шла сильная ружей и пулеметов и орудий». В результате около 70 солдат и несколько офицеров оказались в плену.

По дорогам Польши, как пишет автор, «встречаются много солдат и обозы, польские женщины плачут и дают нам хлеба, часовые не допускают, они начали бросать хлеб нам в телегу. И к вечеру пришли мы в местечко Клодаву... одна девушка вынесла несколько стаканов молока». В местечке Коло собралось уже около трех тысяч человек солдат разных полков, которых отправили вглубь Германии. Подробно описывая пребывание в плену, автор подчеркивает, насколько привилегированным было положение французских, бельгийских и английских военнопленных по сравнению с русскими: французы получали «очень много посылок», а плесневелый белый хлеб отдавали русским. Отметим также весьма характерный эпизод, описанный в воспоминаниях В. Рубана, когда

немцы в 1915 г. в два с лишним раза уменьшили хлебное довольствие военнопленных, те устроили бунт, который был усмирен лишь угрозой расстрела.

Лозаннский комитет помощи русским пленным в Германии обратился в 1917 г. уже к Временному правительству с просьбой и призывом «принять самые экстренные меры для улучшения ужасного положения русских военнопленных в Германии и Австрии, которые тысячами погибают от голода и связанных с ним болезней». Авторы этого обращения в течение двух лет (1915–1916) занимались помощью военнопленным в Германии и, будучи знакомыми с деятельностью большинства других комитетов, помогающих русским пленным, с полным основанием утверждали, что усилия этих разрозненных комитетов не могут спасти наших пленных соотечественников от гибели или болезней. Средства и помощь этих комитетов, основанные на частных пожертвованиях, ничтожны. И даже одна из самых крупных организаций – «Русская Секция бюро помощи пленным», находившаяся в Берне и обладавшая самыми большими пожертвованиями – работала без плана. Германские лагеря то получали большую помощь «хлебом и табаком», а то оставались без ничего. К тому же в последнее время вывоз продуктов из Швейцарии был резко сокращен.

С целью обеспечения «массовой доставки хлеба для русских пленных» авторы воззвания рекомендовали Временному правительству последовать примеру Франции, которая с июля 1916 г. организовала контроль по доставке хлеба на местах для своих военнопленных делегатами из нейтральных стран. И надеялись на то, что Французская национальная федерация помощи пленным будет обеспечивать доставку хлеба и военнопленным русским – своим союзникам, в Германии, а возможно и в Австрии, если к ним обратится русское правительство. В обмен на это оно должно было поставить соответствующее количество зерна во Францию, чтобы компенсировать убыток, – из своих запасов или же закупкой зерна или муки в Америке, Австралии и других союзнических странах¹⁷.

Это были первые месяцы правления Временного правительства, которое, как известно, выдвинуло лозунг «Война до победного конца».

В другом воззвании Лозаннского комитета помощи русским военнопленным в Германии, Австрии и Турции русскому правительству

предлагалось не только снабжать съестными припасами, но «хорошим чтением. А для этого нужны хорошие книги и нужно их много». Обращалось внимание, что во многих письмах от военнопленных этот вопрос «поднимается очень часто и настойчиво». В одном солдатском лагере, в котором находилось 2400 человек, имелась библиотека, состоящая всего-навсего из 520 книг – из них 150 букварей, и «когда 400 человек читают, то 2000 сидят в ожидании своей очереди на книгу». В большинстве же солдатских лагерей вообще не было никаких библиотек.

Обращалось внимание на то, что желание самих военнопленных обучиться грамотности и пройти начальный курс обучения наталкивалось на отсутствие учебников, «недостаток подходящих для этого уровня развития книжек для чтения, народных книжек, произведений лучших, доступных всем писателей».

В этом же воззвании подчеркивалось, что «отовсюду просят с особенной настойчивостью русских классиков – Тургенева, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина, Толстого и других»¹⁸. По вполне понятным причинам сношения пленных с родиной, т. е. из Германии в Россию и обратно, очень затруднены. Поэтому множество попыток пленных получить книги непосредственно с родины осталось безуспешным. Наилучший способ – посылка книг из нейтральной страны. Все, что посылали отсюда, доходило до пленных и вызывало массу благодарностей. Судя по письмам, такие посылки являлись часто единственными получениями книг за долгие месяцы плена. Поэтому-то комитет и обращался к русскому правительству с призывом, «чтобы собирали среди своих знакомых книги, – старые и новые, художественные произведения и учебники, научные и популярные, народные и даже детские (для малограмотных), одним словом, все, что только можно собрать, потому что среди сотен тысяч пленных есть люди самых различных степеней развития, самых различных интересов, запросов и с самыми различными задатками, которые они предъявляют к чтению» и посылать бандеролями по адресу «Бюро помощи русским военнопленным, Лозанна, Швейцария»¹⁹.

Документы комитета лагеря военнопленных в Шпроттау (Австрия) Русскому комитету помощи русским военнопленным в Лозанне. 4 апреля 1916. Из письма бывшего студента, а впоследствии военнопленного, возглавлявшего Комитет помощи русским военнопленным в Шпроттау, Константина Куршевского-

Петрусевича, содержащего ответы на вопросы из Лозаннского комитета, мы узнаем о положении его товарищей по плену, в частности, о культурной жизни военнопленных. На указанный момент в лагере находилась 1100 человек (зимой было примерно в два раза больше). «Точных цифр указать не могу ввиду постоянно меняющегося контингента пленных (наш лагерь – этапно-рабочий)» – солдатский пересылочный лагерь в Шпроттау.

Офицеров в лагере нет: только фельдфебели, унтер-офицеры и рядовые.

Библиотека в лагере содержит 932 книги – богословие (24), философия, психология и педагогика (16), естествоведение и биология, ботаника, зоология, геология, медицина, математика, астрономия и т. д. (70), сельское хозяйство (180), обществоведение (75), учебники, в том числе буквари (222), журналы (30), беллетристика (200), иностранные книжки (45).

«Библиотека возникла с октября 1915 г., одновременно с образованием Комитета помощи русским военнопленным...

Беседы и лекции устраивались зимой регулярно и чаще. Теперь они носят лишь случайный характер.

Читают лекции двое военнопленных – по истории культуры, по политэкономии, гигиене, государствоведению, по праву (крепостное право)...

Вообще же в лагере ощущается большой недостаток в интеллектуальных и энергичных сотрудниках. Школа была в течение целой зимы (1915–1916). В настоящее время из-за недостатка в помещении пришлось сделать перерыв... Правильному функционированию школы препятствует непостоянный характер лагеря.

В школе училось в среднем около 125 человек. Отделений три: неграмотные, малограмотные и окончившие сельские школы. Преподавание находилось в руках сельских учителей и некоторых студентов, но теперь, за недостатком в интеллигентных силах, все дело преподавания сосредоточилось в руках трех лиц». К ним, в частности, и относился и сам автор письма К. Куршевский-Петрусевич – по-видимому, студент, призванный в армию. Преподавались русский язык, арифметика, история. «В данное время нужды большой в учебниках нет, так как **много учебников получено из России.**

В настоящее время обучение ведется маленькими группами по баракам».

Кружки самообразования отсутствовали, как писал автор, по причине «инертности и психической неустойчивости интеллектуальных пленных... Люди истомились постоянным ожиданием, отупели и полны безразличия». Но зато есть музыкальный кружок и даже музыкальные инструменты – «балалайки, скрипки, гитары, мандолины, корнет, пианино, гармония».

Устраивались также концерты и литературные вечера. «Спектаклей до сих пор не было, по причине отсутствия подходящих пьес»²⁰.

По сведениям Куршевского-Петрусевича, в лагере около десятка лиц, знавших иностранные языки – главным образом, французский и немецкий, а английский знали слабо.

«Наиболее желательны популярно-научные книги». Книги получали из Лозанны, Москвы (Комитет Ее Величества, Комитет при Городской думе), Петрограда (Общество земств и городов (Земгор)), Гаагского комитета и Центрального комитета помощи русским военнопленным в Петрограде, Голландии, Франции и др.

Одно из писем из этого лагеря, адресованное в Швейцарский комитет помощи военнопленным, от 16 февраля 1917 г., было подписано более чем сотней военнопленных, что дает возможность узнать фамилии²¹.

Интересен также перечень того, чем снабжали военнопленных: они получили продукты (сухари, сахар, чай, сыр, колбасы, молоко, консервы, сало, муку, всевозможные крупы, макароны, шоколад, масло), одежду, табак, папиросы и т. д.²²

В письме из другого немецкого лагеря доктор Дангулов просил присылать, прежде всего, сухари, чай, сахар, молоко, бульон магги, рыбий жир, необходимый для лечения больных туберкулезом²³.

Примечательна реакция русских военнопленных на Февральскую революцию в России. В одном из писем говорится о приветствии «обновления» России и благодарности политэмигрантам, находящимся в Швейцарии²⁴. В одном из писем 17 июля 1917 г. председатель комитета военнопленных С/тепан/ Махаев просил выслать не менее 300 брошюр для выяснения текущего политического момента. Впрочем, в письме из немецкого лагеря в Мюнстере (Вестфалия) наряду с радостью довольно наивно выражалось удивление в связи с сокращением объема помощи из России, где в отдельных регионах уже начинался голод²⁵.

Совершенно очевидно, что представители российской эмиграции в Швейцарии были заинтересованы не только в снабжении русских военнопленных, но и их политической ориентации левого толка.

Накануне падения австро-венгерской монархии и провозглашения Австрийской республики 27 октября состоялось открытие большого памятника воинам союзных держав, умерших и похороненных на кладбище при кладбище Шпроттау, с надписями на русском, французском, английском, итальянском, сербском, румынском и немецком языках²⁶.

Документы о положении русских солдат в Первую мировую войну, хранящиеся в ОПИ ГИМ, свидетельствуют о том, что с самого начала войны русские солдаты, проявляя чудеса храбрости, в то же время в основной своей массе с самого начала мечтали о мире и скорейшем возвращении домой. Однако из приведенных писем явствует, что они интуитивно чувствовали, что, скорее всего, война примет затяжной характер, к чему Россия не была готова.

В заключение статьи позволим себе привести небольшой фрагмент из журнала военных действий 13-й роты л.-гв. Преображенского полка, который свидетельствует о том, что среди солдат даже элитных частей русской армии уже через полгода после начала войны началось братание с немцами. Этому способствовал позиционный характер войны, огромные неоправданные потери и т. д. 6 февраля в указанном журнале появилась следующая запись: «...сто шагов друг от друга, один солдат 13-й роты высунулся из окопа, показал газету немцу, немец, в свою очередь, поднял газету. И вот наш солдат вылез из окопа и направился к немецким окопам». Немец устремился к нему навстречу: «Сошлись. Взялись под козырек. Повидались за руку, обменялись газетами. Потом немец достал флягу с коньяком, поднял в сторону наших окопов – выпил, затем налил, дал нашему солдату. Этот поднял стакан в сторону немецких окопов – и крикнул: «За здоровье врага!». Во время свидания двух врагов, как с нашей, так и с ихней стороны, все высунулись из окопов и с любопытством наблюдали за каждым движением встретившихся врагов. И так, два злых врага на время примирились. Затем командир полка запретил больше сходитья с немцами для разговора»²⁷.

Главный герой любой войны – простой солдат. Мы рассказали о некоторых фронтовых письмах, в которых нарисованы эпизоды

крупных битв, огромных бедствий и лишений, которые выпали на долю солдат с первых же дней войны.

Примечательно, что даже оказавшись в лагерях для военнопленных, где порой царил голод, условия были антисанитарными, русские солдаты стремились повысить свой культурный уровень. Они много читали (а значительное неграмотное большинство – слушало) научно-популярные книги и классиков русской литературы.

Безусловно, среди солдатских масс шла агитация левого толка, в том числе и со стороны «Лозаннского комитета». Но, как нам представляется, главным революционизирующим фактором являлась сама затяжная война. К 1917 году миролюбивые письма простых солдат, часто адресованные своим бывшим хозяевам, сменились бурным развитием антивоенных настроений.

В ф. 310 ОПИ ГИМ хранится большая подборка писем с фронта февраля – марта 1917 г., где едва ли не в трех документах из четырех содержатся откровенно антиправительственные настроения.

Но это будет темой следующего нашего сообщения...

¹ См. подробнее: Петров Ф.А., Афанасьев А.К. Военно-исторический музей в Москве и его документальная коллекция // Письменные источники в собрании ГИМ. Ч. 3. Материалы по военной истории России. М., 1997. С. 7–86.

² Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 180. Ед. хр. 151. Л. 1.

³ Там же. Ф. 424. Ед. хр. 93. Л. 32–33.

⁴ Там же. Ед. хр. 94. Л. 75.

⁵ Там же. Л. 8–9.

⁶ Там же. Ед. хр. 96. Л. 20–21.

⁷ Там же. Л. 22.

⁸ Там же. Л. 8–12.

⁹ Там же. Ед. хр. 94. Л. 5–6.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 95. Л. 29–31.

¹¹ Там же. Ед. хр. 94. Л. 88.

¹² Там же. Л. 89–90.

¹³ Там же. Ед. хр. 95. Л. 46.

¹⁴ Там же. Л. 43–44.

¹⁵ Там же. Л. 54.

¹⁶ Там же. Ф. 137. Ед. хр. 273. Рукопись находится в стадии подготовки к публикации в альманахе «Российский архив».

¹⁷ Там же. Ф. 424. Ед. хр. 274. Л. 10–12.

¹⁸ Там же. Л. 2–3.

¹⁹ Там же. Л. 2–2 об.

- ²⁰ Там же. Л. 10–13.
²¹ Там же. Ед. хр. 273. Л. 16–16 об.
²² Там же. Л. 18–19 об.
²³ Там же. Л. 71–71 об.
²⁴ Там же. Л. 20–20 об.
²⁵ Там же. Л. 44–44 об.
²⁶ Там же. Л. 22.
²⁷ Там же. Ф. 137. Ед. хр. 150. Л. 97.

Е.П. Петрова (Владимир)

**СПАСЕННЫЕ РЕГАЛИИ: ПОЛКОВЫЕ
ЗНАМЕНА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

В ГОД СТОЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ начала Первой мировой войны 1914–1918 гг., одного из самых широкомасштабных военных конфликтов в истории человечества, актуальным является изучение памятников, связанных с великой войной. Среди них особое место занимают полковые знамена – воинские регалии, символы мужества, чести, победы. Отсюда – особое отношение к знамени как исторической реликвии.

В собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника более 50 знамен XVIII–XIX вв. шести российских полков. Из документов Государственного архива Владимирской области известно, что в 1917 г. из «бывшей Дворянской опеки» во Владимирский исторический музей «были приняты» знамена четырех кавказских стрелковых батальонов¹. В 1918 г. из Владимирского губернского комиссариата народного образования переданы «вещи, принадлежащие 9-му гренадерскому Сибирскому полку», среди них: «знамена старинные различных эпох, последнего включительно (на древках) – 32, наконечник от знамени – 1, скоба от последнего знамени – 1, <...> молоток юбилейный, которым было прибито последнее знамя – 1 <...> грамот на знамена (в ящике под стеклом) – 5»². В марте 1920 г. из губернского вещевого склада во Владимирский музей было передано 15 «знамен старинных бывшего 10-го Малороссийского полка. Одно знамя Георгиевское с Александровской лентой, но самый знак выломан...»³

В разном состоянии дошли до нас полковые знамена. Когда-то большие и красочные, они представляли собой впечатляющее зрелище, позволяли распознать полк даже на значительном расстоянии. Многие знамена пришли в ветхость, на некоторых древках остались истлевшие обрывки, от других знамен сохранились отдельные элементы.

В настоящей работе будут рассмотрены пять знамен и два древка знамен 9-го гренадерского Сибирского, 10-го гренадерского Малороссийского и четырех Кавказских стрелковых полков, принимавших участие в Первой мировой войне.

Истории русских полков, полковым знаменам посвящены исследования русских военных историков начиная с XIX века. В интернете содержатся сведения о полковых знаменах периода Первой мировой войны из музейного собрания со ссылкой: «Судьба неизвестна»⁴. Поэтому одной из главных целей настоящего исследования является введение в научный оборот этих бесценных памятников военной истории России.

Два старейших гренадерских полка русской императорской армии: 9-й Сибирский и 10-й Малороссийский – входили в состав 3-й гренадерской дивизии, с 1893 до 1903 г. и с февраля 1913 по апрель 1917 г. дислоцировались во Владимире, не раз поддерживали друг друга в боях. В приветственном адресе малороссийцев сибирцам в честь 200-летнего юбилея 9-го Сибирского гренадерского полка (1908) содержатся слова «о боевом братстве» двух полков под Плевной в 1877 г.

Знаменам 9-го гренадерского Сибирского полка было посвящено сообщение автора на конференции в 2013 г., изображение полкового знамени опубликовано в сборнике трудов конференции⁵, поэтому ограничимся краткими сведениями из истории полка и о его последнем знамени.

Будущий 9-й гренадерский Сибирский полк был сформирован в 1700 г. и назван по имени своего первого командира – пехотный Ирика фон-Вердена полк. Его путь овеян боевой славой, начиная с Северной войны. В 1708 г. полк был назван Сибирским. В 1756–1762 гг. участвовал в боевых действиях Семилетней войны, в 1812–1814 гг. – в Отечественной войне и заграничных походах русских войск. В 1864 г. полку присвоен номер «9». В 1877–1878 гг. полк принимал участие в Русско-турецкой войне, в 1904–1905 гг. – в Русско-японской. С марта 1908 г. стал именоваться 9-м гренадерским

Сибирским генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича Старшего полком. С самого начала Первой мировой войны полк воевал на Юго-Западном фронте. 27 июля 1914 г. он выступил из города Владимира с Георгиевским юбилейным знаменем, полученным в 1900 г., в год своего 200-летнего юбилея.

Знамя образца 1883 г. (модификация 1897 г.). На лицевой стороне шелкового белого полотнища в центре изображена икона «Преображение Господне», по сторонам – надпись отличия красного цвета: «За разбитие и пленение турецкой армии под Плевною 28-го ноября 1877 года». На оборотной стороне полотнища, чье состояние было когда-то «идеальным», в середине должен быть вензель императора Николая II. Вероятно, он был спорот в конце 1916 – начале 1917 г. Варварски вырезаны и два государственных герба в верхних углах. В нижней части рамки на выцветшей голубой Андреевской ленте юбилейные даты: «1700–1800–1900». К древку была привязана Александровская юбилейная лента из красного репса, на которой утрачены императорские вензеля и золотая бахрома (рис. 1). На первой (лицевой) стороне ленты вышитая надпись: «1700 г. Пехотный Ирика фон-Вердена Сибирский и 1816 г. 26-й Егерский полки». На второй (внутренней) стороне внизу, половина надписи отличия: «1878 г. За разбитие и пленение Турецкой...». На третьей (внутренней) стороне: вторая половина надписи: «...армии под Плевною 28-го ноября 1877 года». На четвертой (задней) стороне надпись: «1900 г. 9-го Гренадерского Сибирского полка». Лента перегнута вдвое, скреплена сверху прямоугольной латунной планкой с кольцом. Под навершием из той же ленты образован бант, на котором вышит год пожалования: «1900 года» и закреплена пуговица с изображением горящей гранаты. Знамя было освящено 25 июня 1900 г. «в царствование Его Императорского Величества Государя Императора Николая II, в бытность командующим войсками

Рис. 1. Александровская юбилейная лента к знамени 9-го гренадерского Сибирского полка. 1900 г.

Московского военного округа Его Императорского Высочества Великому Князю Сергею Александровичу, командиром корпуса Ген. от Инфантерии Н.Н. Малахова и командующим полком Ген. Майора В.В. Внукова в губ. гор. Владимире»⁶.

В период с 1894 по 1900 г. для российских полков было изготовлено более ста знамен. Судьба большинства из них в настоящее время неизвестна. На фронтах Первой мировой войны полки сражались со знаменами разных образцов, полученными за победы в XIX в. На сохранившейся фотографии 1916 г. запечатлен рождественский парад 25-го армейского корпуса под командованием генерала Корнилова. Первое знамя слева направо – 9-го гренадерского Сибирского полка образца 1883 г., второе знамя – 10-го гренадерского Малороссийского полка образца 1876 г.

Будущий Малороссийский гренадерский полк был создан в конце 1756 г. как 4-й гренадерский полк по указу императрицы Елизаветы Петровны в связи со вступлением России в Семилетнюю войну 1756–1763 гг. В 1785–1790 гг. полк назывался Фанагорийским гренадерским, затем – Малороссийским. Принимал участие в русско-турецких войнах конца XVIII – начала XIX в., войнах с Наполеоном, Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах, в том числе сражениях при Аустерлице, Бородине, Лейпциге и взятии Парижа, польском походе 1830–1831 гг., Крымской и Русско-турецкой 1877–1878 гг. войнах. В 1864 г. был назван 10-м гренадерским Малороссийским генерал-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского полком. С самого начала Первой мировой войны в составе третьей гренадерской дивизии (первой гренадерской бригады вместе с 9-м гренадерским Сибирским полком) полк выступил на фронт с Георгиевским знаменем, полученным по Высочайшей грамоте от 14 июля 1878 г. «За разбитие и пленение Турецкой Армии под Плевною». К сожалению, от полкового знамени сохранилось только древко черного цвета с Александровской юбилейной лентой. Принадлежность знамени установлена по знаменной скобе, укрепленной на древке при помощи латунных гвоздиков с вызолоченными выпуклыми круглыми шляпками. В императорской армии латунные вызолоченные скобы являлись особо почитаемыми военными святынями, отражали боевые традиции и историю полка. На скобе гравированный вензель императрицы Елизаветы Петровны, надпись: «1756 г. Четвертый Гренадерский полк. 1878 г. За разбитие и пленение Турецкой армии под Плевною

28 ноября 1877 г. 1878 г. 10-го Гренадерского Малороссийского Генерал-фельдмаршала Графа Румянцева-Задунайского полка 1-го батальона». На Александровской ленте сохранились кованые латунные вензеля императрицы Елизаветы Петровны, императора Александра II; вышитая надпись: «1756 г. Четвертый Гренадерский полк. / 1878 г. За разбитие и пленение Турецкой армии под Плевною 28-го ноября 1877 года. / 1878 г. 10-го Гренадерского Генерал-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского полка, 1-го батальона». Концы ленты обшиты металлической бахромой золотого цвета. Лента перегнута вдвое, скреплена сверху прямоугольной латунной планкой с кольцом. На банте вышит год пожалования: «1878 года». Из истории полка известно, что в июне 1878 г. всем трем батальонам были пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «За разбитие и пленение турецкой армии под Плевною 28-го ноября 1877 года».

В собрании музея хранится Георгиевское знамя 2-го батальона, полотнище которого аналогично утраченному полотнищу знамени 1-го батальона (рис. 2). Образец 1876 г. Полотнище из плотной шелковой ткани полотняного переплетения (репс) белого цвета, с вытканым двусторонним рисунком. Состоит из креста белого цвета и углов. На кресте изображены четыре гранаты, помещенные пламенем к краям знамени. Углы были одинаковыми для всех полков: нижняя половина белая, верхняя – черная. В середине полотнища в медальоне оранжевого цвета изображен двуглавый орел черного цвета с округленно-поднятыми крыльями, на которых помещены цветные изображения восьми щитов с «титულными» гербами. На обеих головах орла – короны, третья корона на Андреевской ленте, опирающейся на эти головы. На груди орла цветное изображение московского герба со Св. Георгием Победоносцем, скачущим влево. Щит окружен цепью ордена Св. Андрея Первозванного. В правой лапе орла – скипетр, в левой – держава. Хвост в виде геральдического узора. В нижней части венка дорисована часть голубой Андреевской ленты с юбилейными датами: «1756–1856». В углах знамени изображены лавровые венки под короной с вензелями императора Александра II в медальонах малинового цвета. Вдоль краев полотнища – надпись отличия золотого цвета: «За разбитие и пленение Турецкой армии под Плевною 28 ноября 1877 года». Короны, венки, вензеля, гранаты выполнены золотом, с нанесенной поверх рисунка краской коричневого цвета. Полотнище

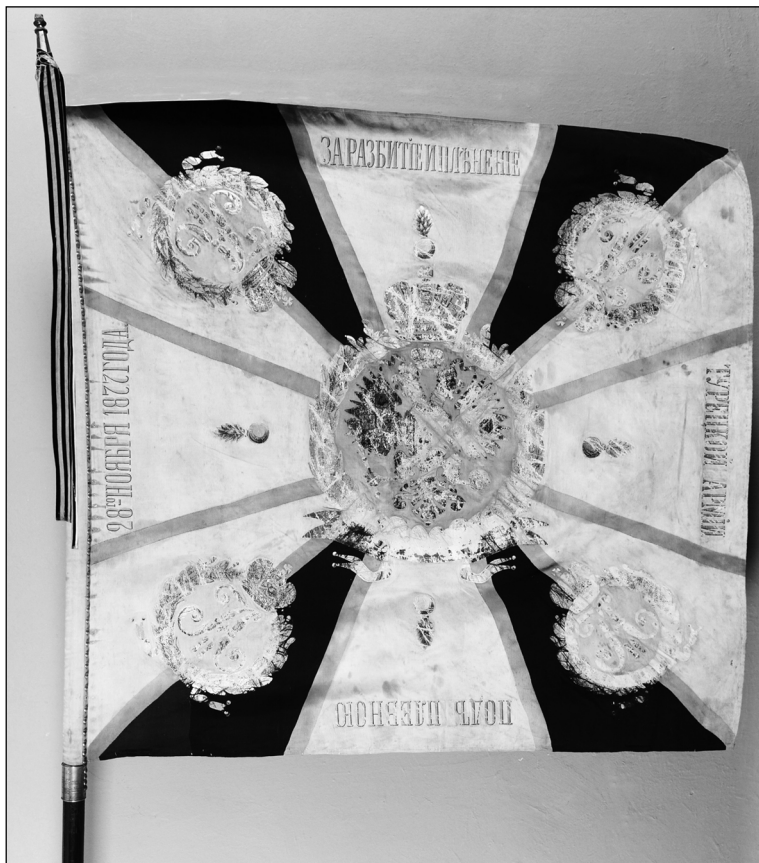

Рис. 2. Знамя Георгиевское юбилейное 10-го гренадерского Малороссийского полка (2-го батальона). 1878 г.

пришито к запасу, который обернут вокруг древка и прибит латунными гвоздями с круглыми выпуклыми вызолоченными шляпками. Древко круглое, черного цвета. От навершия сохранилось основание – восьмигранная латунная вызолоченная трубка. На скобе гравированный вензель императрицы Елизаветы Петровны, надпись: «1756 г. Четвертый Гренадерский полк. 1878 г. За разбитие и пленение Турецкой армии под Плевною 28-го ноября 1877 года. 1878 г. 10-го Гренадерского Малороссийского Генерал-фельдмаршала графа Румянцева Задунайского полка, 2-го батальона». На

древке, внизу, – латунный подток конусовидной формы. К древку прибита Георгиевская лента.

Боевой путь 9-го гренадерского Сибирского и 10-го гренадерского Малороссийского полков в период Первой мировой войны документально зафиксирован в «Журналах военных действий», приказах по полкам и по 3-й гренадерской дивизии, фотографиях и негативах, хранящихся в Государственном архиве кинофотодокументов⁷ и музее-заповеднике. Судьбу обоих полков круто изменили революционные события 1917 г. 19 марта 1917 г. 9-й гренадерский Сибирский полк принял присягу на верность Временному правительству. В конце июня, в связи с наступлением на Юго-Западном фронте, полк был переброшен в Галицию (Украина), где оставался до декабря 1917 г.⁸ Солдаты 10-го гренадерского Малороссийского полка 18 апреля 1917 г. также приняли присягу на верность Временному правительству. 6 июля газета «Старый владимирец» сообщала: «Наш славный 10-й Малороссийский гренадерский полк пожелал назвать себя “Полком смерти”. Керенский охотно исполнил желание гренадеров, и полк вошел в состав армии генерала Корнилова. Вместо кокарды на фуражке гренадеры прикрепили череп с двумя поперечными костями, а на руках черно-красный шеврон»⁹. К лету 1918 г. оба полка были расформированы.

Пока не удалось проследить судьбу знамен четырех Кавказских стрелковых полков (бывших Кавказских стрелковых батальонов), которые не дислоцировались во Владимире. В собрании музея хранятся древко Георгиевского знамени 1-го Кавказского стрелкового полка, Георгиевские знамена 2-го, 3-го и 4-го Кавказских стрелковых полков.

1-й Кавказский стрелковый полк был сформирован в 1837 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) как 1-й стрелковый батальон. В 1843 г. был отправлен на Кавказ и переименован в Кавказский стрелковый батальон. 30 декабря 1909 г. по случаю кончины шефа и сохранения его памяти назван 1-м Кавказским стрелковым генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича батальоном. В феврале 1910 г. развернут в полк и назван 1-м стрелковым Кавказским генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича полком.

2-й, 3-й, 4-й полки были сформированы в 1856 г. как 19-й, 20-й, 21-й армейские стрелковые батальоны. В 1870 г. названы Кавказскими стрелковыми батальонами, с первого августа 1910 г. –

Кавказскими стрелковыми полками. Боевой путь полков проходил в основном на Кавказе: принимали участие в Кавказской войне, Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Первой мировой войне. Все четыре полка входили в состав 1-й Кавказской стрелковой бригады (1-й Кавказский армейский корпус). Принадлежность знамен установлена по знаменным скобам, сохранившимся на древках ниже полотнища.

В настоящее время знамя 1-го стрелкового Кавказского полка представляет собой древко светло-коричневого цвета с фрагментами полотнища. Сохранилось его описание: «Знамя Георгиевское обр. 1857. Крест малиновый, шитье золотое. Навершие обр. 1806 (Георгиевское). Состояние плохое». Георгиевское знамя было пожаловано батальону 30 августа 1856 г. и была заменена надпись на скобе. Сегодня от шелкового полотнища знамени образца 1857 г. остались небольшие фрагменты черно-белых углов с остатками росписи золотыми красками. Навершие Георгиевское образца 1806 г., латунное, вызолоченное, в виде пронзного копья, в середине которого помещался Георгиевский крест (утрачен) в неполном лавровом венке. Трубка восьмигранная. На скобе – гравированный вензель императора Николая I и надпись: «1837 г. 1-й Стрелковый батальон. 1846 г. и 1856 г. За поход в Анди в июне и в Дарго в июле 1845 года и за отличие в сражении при Кюрюк-Дара 24 июля 1854 г. 1870 г. 1-го Кавказского Стрелкового Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича батальона». К трубке навершия была привязана Георгиевская лента с серебряными кистями.

Знамена 2-го, 3-го, 4-го Кавказских стрелковых полков образца 1876 г., с фиолетовыми медальонами в углах, с надписью по периметру: «За отличие в Турецкую войну 1877–1878 гг.» были пожалованы 13 октября 1878 г. (рис. 3). На скобе знамени 2-го полка гравированный вензель императора Александра II, надпись: «1856 г. 19-й Армейский Стрелковый батальон. 1878 г. За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов. 2-го Кавказского стрелкового батальона». Подобные надписи на скобах знамен 3-го и 4-го полков. С утратами (без Георгиевского креста) сохранились навершия образца 1867 г. на знаменах 3-го и 4-го полков.

Потери знамен во время войны были очень большими. «После массовой утраты регалий в 1914–1915 гг. русское командование приняло решение об отправке знамен и штандартов в тыл, в запасные

**Рис. 3. Знамя Георгиевское 4-го стрелкового
Кавказского полка. 1878 г.**

части, так как на охрану знамен и штандартов отряжалось иногда по 2–3 роты, что, разумеется, снижало огневую мощь русских частей»¹⁰. Многие знамена полков попали в Петроград и в Москву. Знамена 9-го гренадерского Сибирского и 10-го гренадерского Малороссийского полков были отправлены во Владимир, где был

полковой музей. Возможно, еще удастся узнать историю появления знамен Кавказских стрелковых полков в нашем городе.

Весной 1918 г. закончился боевой путь полков Российской императорской армии, но не забыты славные страницы ее истории. Сохраненные полками и дошедшие до нас знамена – бывшие регалии, ставшие святынями позволяют нам, хотя бы отчасти, прикоснуться к этим страницам.

¹ Описание военного отдела Владимирского музея 1918 года. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 1826. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.

² Описание вещам из музея бывшего 9-го Гренадерского Сибирского полка, из 10-го Малороссийского полка. ГАВО. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 5. Л. 13–16.

³ Книга для записи жертвемых в музей при Ученой Владимирской Архивной комиссии различных предметов и документов. 1898–1920 гг. Л. 95.

⁴ «9-й гренадерский Сибирский Генерал-Фельдмаршала В. Кн. Николая Николаевича полк. 1900. 25.6. Знамя Георгиевское юбилейное обр. 1883 (Армейское). Кайма красная, шитье золотое. Навершие обр. 1867 (Георгиевское армейское). Древо желтое. «За разбитие и плѣненіе / Турецкой арміи / подъ Плевною / 28 Ноября 1877 года» «1700–1800–1900» Преображение Господне. Александр «1900 ГОДА» «1700 г. Пѣхотный Эрика фон Вердена Сибирскій полкъ / 1806 г. 26-й Егерскій полкъ». Состояние идеальное. Судьба неизвестна».

«10-й гренадерский Малороссийский Генерал-Фельдмаршала гр. Румянцева-Задунайского полк. 1878. 17.4. Знамя Георгиевское юбилейное обр. 1876 (Армейское). Медальоны светло-синие, шитье золотое. Навершие обр. 1867 (Георгиевское армейское). Древо черное. «За разбитие и плѣненіе / Турецкой арміи / подъ Плевною / 28 Ноября 1877 года» «1756–1856» Александр «1878 ГОДА» «1756 г. Четвертый Гренадерскій полкъ». Состояние удовлетворительное. Судьба неизвестна».

«1-й Кавказский стрелковый Генерал-Фельдмаршала В. Кн. Михаила Николаевича полк. 1856. 30.8. Знамя Георгиевское обр. 1857. Крест малиновый, шитье золотое. Навершие обр. 1806 (Георгиевское). Древо черное. «За походъ въ Анди въ Июнь / и въ Дарго въ Июль 1845 г. / и за отличіе въ сраженіи / при Кюрукъ-Дара 24 Июля 1854 г.». Состояние плохое. Судьба неизвестна».

«2-й Кавказский стрелковый полк. 1878. 13.10. Знамя Георгиевское обр. 1875. Медальоны малиновые, шитье золотое. Навершие обр. 1867 (Георгиевское армейское). Древо черное. «За отличіе / въ Турецкую / войну 1877 / и 1878 годовъ». Состояние удовлетворительное. Судьба неизвестна».

«3-й Кавказский стрелковый полк. 1878. 13.10. Знамя Георгиевское обр. 1875. Медальоны малиновые, шитье золотое. Навершие обр. 1867 (Георгиевское армейское). Древо черное. «За отличіе / въ Турецкую / войну 1877 / и 1878 годовъ». Состояние удовлетворительное. Судьба неизвестна».

«4-й Кавказский стрелковый полк. 1878. 13.10. Знамя Георгиевское обр. 1875. Медальоны малиновые, шитье золотое. Навершие обр. 1867 (Георгиевское

армейское). Древо черное. «За отличие / въ Турецкую / войну 1877 / и 1878 годовъ». Состояние удовлетворительное. Судьба неизвестна».

(Знамена, штандарты и флаги Российских императорских армии и флота в Великую войну 1914–1917 годов. По электронной версии книги: Шевяков Т.Н. Знамена, штандарты и флаги армии и флота России в 1914–1918 гг. Изменения и дополнения: Гирин А.В.).

⁵ Петрова Е.П. Знамена Сибирского гренадерского полка в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. Часть III. Санкт-Петербург: ВИМАИВиВС, 2013.

⁶ «Акт освящения нового Георгиевского знамени, пожалованного 9-му Гренадерскому Сибирскому полку». 25 июня 1900 г. (ГВСМЗ. В-4112).

⁷ Куликова А.Б. 9-й Гренадерский сибирский полк: Первая мировая война // Старая столица: краеведческий альманах. Выпуск 4. Владимир, 2010. С. 47.

⁸ Там же. С. 48.

⁹ Попова М.П. Роль 9-го и 10-го гренадерских полков в общественной и культурной жизни города Владимира в начале XX века // И поиск длится целый век... Владимир, 2002. С. 162.

¹⁰ Шевяков Т.Н. Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX – начала XX в. М., 2002. С. 19.

Н.Н. Петрухинцев (Липецк)

ВОЕННЫЕ СТРУКТУРЫ И КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА АННИНСКОГО ЦАРСТВОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА В 1730–1740 ГОДЫ

В ДАННОЙ СТАТЬЕ мы попытаемся охарактеризовать самые общие тенденции в кадровой политике правительства Анны Иоанновны в отношении губернаторского корпуса России. Речь действительно пойдет лишь об общих тенденциях, ибо детальная характеристика процессов его формирования и развития – предмет отдельного, достаточно специфического и весьма трудоемкого анализа. Не сомневаемся, что в ближайшее время подобный анализ будет в той или иной степени проделан С.В. Черниковым, весьма успешно и плодотворно исследующим в последние годы состав и структуру российской правящей элиты первой половины XVIII столетия¹.

Однако характеристика некоторых тенденций в развитии аннинской элиты в трудах Б. Михан-Уотерс, И.В. Курукина, А.Б. Плотникова, М.В. и И.В. Бабич² и накопленные ими материалы по ее личному составу, а также дополняющие их наши личные изыскания, основанные на опубликованных и архивных источниках, позволяют нам сделать некоторые предварительные наблюдения относительно формирования «высшего этажа» местной власти, который по традиции, идущей еще от воеводского управления допетровской России, а также в силу пограничного положения многих губерний, был в гораздо большей степени «вотчиной» военных, чем центральные органы власти.

Почва для подобного анализа была создана И.В. Курукиным, восстановившим общую канву административных назначений и

составившим списки высших администраторов России за период с 1720-х по 1770-е гг.³, которыми мы (с некоторыми уточнениями и дополнениями по литературе и источникам) и пользуемся для характеристики кадровых изменений в этих структурах в 1730-е гг.

Аннинскую кадровую политику, как верно подчеркнул в своем время И.В. Курукин, отражает прежде всего *динамика назначений* на должности руководителей учреждений, которую мы и будем анализировать в первую очередь.

Как выяснил еще И.В. Курукин, политические мотивы отнюдь не доминировали в кадровой политике Анны Иоанновны⁴, хотя в некоторые периоды царствования оказывали на нее ощутимое воздействие. Об этом свидетельствует и то, что Анна Иоанновна порой была не слишком внимательна к кадрам и нередко практиковала процедуры своего рода «залповых назначений» на административные посты, когда на должности определялись целые «партии» руководителей. Мы можем выделить по меньшей мере *шесть эпизодов* таких назначений: 1) 14 и 31 декабря 1731 г.; 2) 2 апреля 1733 г.; 3) 27 августа 1734 г.; 4) 28–30 января 1736 г. (празднование очередной годовщины восшествия на престол с одновременным повышением в придворные ранги в эквиваленте полного генерала А.П. Вольнского и А.Б. Куракина, а чуть позже – пожалование в генерал-аншефы А.И. Шаховского); 5) 26 июля 1736 г.; 6) 3 марта 1740 г.⁵ В ходе них одновременно назначались руководители самого разного уровня, к тому же не только представители центральной, но и местной администрации – в первую очередь губернаторы.

Взаимозависимость и взаимосвязь назначений губернаторов и руководителей центральных ведомств отчетливо видна на диаграмме 1.

Несколько меньшие средние показатели назначений губернаторов объясняются прежде всего меньшим числом объектов (14 губерний⁶, а не 24 учтенных в диаграмме центральных учреждения) – правда, при этом следует учитывать, что Московская, Киевская и (в конце царствования) Рижская губернии имели как губернаторов, так и генерал-губернаторов. Несмотря на это, нами зафиксировано в общей сложности 60 известных нам назначений⁷ на посты руководителей губерний (как губернаторов и генерал-губернаторов, так и вице-губернаторов в губернаторском статусе и временных и. о. губернатора). Таким образом, губернаторы были гораздо

более часто сменяемы, чем руководители центральных учреждений, и средний срок занятия губернаторской должности лицами, назначенными при Анне Иоанновне, составил приблизительно 2,3 года (почти вдвое меньше, чем для глав центральных ведомств).

Динамика назначений губернаторов, как видно по диаграмме 1, почти точно соответствует динамике назначений руководителей высших центральных учреждений: мы видим практически те же три пика, пришедшиеся на 1) 1730; 2) 1736; 3) 1740 г.

Опалами и политическими мотивами в максимальной степени диктовались лишь назначения 1730–1731 гг.⁸ Два назначения определялись перемещениями, связанными с поэтапным удалением опального бывшего фаворита Анны П.М. Бестужева (кстати, блокировавшегося с «верховниками» и подписавшего компромиссный с ними «проект 15-ти»⁹). Еще пять – стремлением взять под контроль тогдашнюю столицу Москву (назначение 6 марта 1730 г. В.Ф. Салтыкова московским губернатором на место А.Л. Плещеева) и (уже в основном со второй половины 1730 г.) удалить на периферию опасных лиц, так или иначе связанных с ограничением самодержавия – прежде всего некоторых верховников (назначение М.В. Долгорукого на пост казанского губернатора с последующим смещением его в декабре 1731 г.) и сторонников компромисса с ними.

Последние нам известны несколько хуже, чем их противники, подписавшие «проект 364-х», однако, судя по всему, они составляли внушительную группу – В.Н. Татищев прямо считает авторов известных нам компромиссных с верховниками проектов ограничения самодержавия сторонниками верховников. Он определяет общую численность этих сторонников в 97 чел.¹⁰ (не менее $\frac{1}{5}$ – четверти активно участвовавших в событиях лиц, если судить по тому, что о подписании «кондиций» 2 февраля 1730 г. верховниками были осведомлены 502 человека, но не все участвовали в подписании проектов¹¹). Смещенный с поста московского губернатора и назначенный 25 августа 1730 г. губернатором в Сибирь тайный советник А.Л. Плещеев и определенный в киевские губернаторы в октябре 1730 г. генерал-аншеф М.А. Матюшкин входили в этот список В.Н. Татищева. Смоленским губернатором в сентябре 1730 г. был назначен и сын тоже оказавшегося в списке И.А. Мусина-Пушкина П.И. Мусин-Пушкин (правда, сам подписавший проект «364-х»). Назначенный в феврале 1731 г. астраханским губернатором генерал-майор Иван Петрович Измайлов, хоть и не числится в списке Татищева, но, как и М.А. Матюшкин, тоже подписал компромиссный с верховниками «проект пятнадцати»¹².

Единственное «политическое» удаление на губернаторский пост враждебного им лидера шляхетского движения генерал-аншефа Г.П. Чернышева произошло позднее и первоначально вряд ли напоминало опалу – в сентябре 1731 г. Г.П. Чернышев был назначен московским (т. е. столичным) генерал-губернатором. Но в этот момент уже решался вопрос об образовании Кабинета министров и о переводе столицы в Петербург, а потому менее чем через полгода еще не столь уж старый 59-летний Г.П. Чернышев оказался в роли удаленного от двора «периферийного» губернатора, к тому же находившегося под плотным контролем «главноначальствовавшего» в столице лидера русской группировки фаворитов Анны Иоанновны С.А. Салтыкова, а после ликвидации летом 1733 г. Московского сената потерял и статус действующего сенатора. Это, вероятно, и обусловило его отставку в 1735 г., которая объяснялась вовсе не потерей дееспособности, ибо в начале 1740-х гг. он снова вернулся в правящую элиту¹³. Анна Иоанновна явно дистанцировалась и от лидеров шляхетского движения, так или иначе способствовавших возвращению ей самодержавия, но опасно связанных с пробивающимся корпоративным сознанием русского дворянства¹⁴. В июле

1735 г. Г.П. Чернышева сменил на посту московского генерал-губернатора еще один вождь шляхетского движения 1730 г. – генерал-лейтенант князь И.Ф. Барятинский, тоже надолго отлученный от столицы и двора. Уже в августе 1730 г. его планировалось назначить киевским генерал-губернатором, но в конце концов (до июня 1732 г.) И.Ф. Барятинский был отправлен в Царицын, где ему были поручены калмыцкие дела, а с октября 1732 г. был вынужден делить там свои полномочия еще с одним удаленным из столиц сенатором, поставившим подпись под «проектом 364-х» – генерал-майором А.И. Таракановым, отправленным к строительству новой Царицынской линии¹⁵.

Таким образом, по меньшей мере 8 из 12 назначений губернаторов (66,7 %) в 1730–1731 гг., в отличие от назначений руководителей центральных учреждений, определялись политическими мотивами и были нацелены в основном на то, чтобы удалить из столицы и от двора ядро группировки сторонников верховников и тяготевшей к ним аристократической части элиты – в том числе и принадлежавших к тесно связанному в эпоху Петра I с гвардейской средой петровскому генералитету генерал-майора И.П. Измайлова и 54-летнего генерал-аншефа М.А. Матюшкина, прожившего в отставке еще 6 лет, до 1737 г.¹⁶ Последний, в отличие от практически не участвовавшего в боевых действиях военного инженера Б.-Х. Миниха, был заслуженным боевым генералом петровской эпохи, прошедшим с российской армией все стадии ее становления, бравшим Баку и имевшим реальный опыт руководства большими массами войск, и, вероятно, с неменьшим основанием мог бы претендовать на пост преемника В.В. Долгорукова в роли президента Военной коллегии, если бы в марте 1731 г. не вышел в отставку, будучи заменен на посту киевского генерал-губернатора командующим украинским корпусом, столь же заслуженным петровским ветераном силезским немцем генерал-аншефом И.-Б. Вейсбахом¹⁷. Б.Х. Миних, кстати, занимал в 1729 г. среди полных генералов по старшинству лишь шестое место¹⁸, и по меньшей мере четыре его предшественника в списке (генерал-аншефы И.-Б. фон Вейсбах; происходивший с датского о-ва Борнхольм немец И.-Г. Бон¹⁹ (в русской службе с 1708 г.²⁰); ирландец П.П. Ласси и М.А. Матюшкин), не говоря уж о фельдмаршале И.Ю. Трубецком, были живы и еще находились на службе на момент назначения Миниха в марте 1731 г. сначала руководителем Воинской комиссии, а затем и

президентом Военной коллегии. Возможно, протестом против его выдвижения на пост руководителя Воинской комиссии и стали почти тут же последовавшие отставки И.-Г. Бона и М.А. Матюшкина; этим же мотивом могут объясняться и достаточно конфликтные в последующем отношения Б.-Х. Миниха с И.-Б. Вейсбахом.

Итак, на периферию через назначения в губернаторский корпус оказались в первую очередь удалены сторонники верховников²¹, и лишь во вторую – лица, подписавшие шляхетский проект «364-х», прежде всего один из основных лидеров шляхетского движения Г.П. Чернышев. Большинство из удаленных оказались надолго отлучены от двора и столицы, и возвращение лишь некоторых из них (П.И. Мусина-Пушкина, А.Л. Плещеева, Ф.В. Наумова) произошло только во второй половине 1730-х гг., а Г.П. Чернышева – лишь в 1740 г. По мнению И.В. Курукина, политические мотивы и борьба с злоупотреблениями гораздо существеннее (почти в два раза чаще) влияли на кадровую политику аннинского времени, чем елизаветинской эпохи: аресты, следствия и ссылки при Анне стали причиной 22 % смещений руководителей центральных ведомств (при Елизавете – лишь 12 %) и 13 % губернаторов (при Елизавете – 8 %)²² – но, как видим, даже при этом они отнюдь не были доминирующими.

Последующие назначения губернаторов, если не считать смоленского «дела Черкасского» и назначения казанским губернатором С.Д. Голицына в возможной связи с намечающейся опалой его отца, как правило, уже не имели столь явно выраженного политического подтекста²³, и, как видим, зачастую объяснялись отставками и смертями предшественников или ротацией кадров (перемещением губернаторов из одной губернии в другую).

Второй пик назначений губернаторов, как и у высших чиновников центральной администрации, пришелся на 1735–1736 г.²⁴, и был, очевидно, связан с начинающейся Русско-турецкой войной и с необходимостью укрепить прежде всего руководство пограничными окраинными губерниями, заменив гражданских лиц и постаревших представителей петровского генералитета чуть более молодыми и энергичными персонами. Эта связь становится еще более очевидной, если перестать мыслить календарными рамками: пик назначений будет еще более выражен, чем у руководителей высших учреждений, так как подавляющее число назначений (а точнее – все 14) были осуществлены в течение всего *одного года* (с июня

1735 по июль 1736 г.), т. е. пришлось на время реального начала Русско-турецкой войны, подготовки ее первой кампании и связанных с этим реформ структур военного управления (реформы Военной коллегии и объединения отдельных полков украинской ландмилиции в Украинский ландмилицкий корпус²⁵). Особенно показательна в этом отношении смена в октябре 1735 г. на посту казанского губернатора «штатского» П.И. Мусина-Пушкина генерал-лейтенантом А.И. Румянцевым, возвращенным из опалы во многом в связи с потребностью в квалифицированном военном руководителе для борьбы с начавшимся Башкирским восстанием, разворачивавшимся на территории Уфимской провинции Казанской губернии, в которую в основном и входила территория Башкирии.

В самое напряженное время Русско-турецкой войны, в 1737–1739 гг., сложившийся губернаторский корпус уже не подвергался таким существенным изменениям²⁶, и новые назначения были вызваны в первую очередь ротацией кадров, обусловленной естественными причинами.

Третий пик назначений губернаторов пришелся на 1740 г.²⁷ и, как и в высших учреждениях, был в первую очередь связан с мартовскими указами по случаю празднования мира и с необходимостью как-то привести в соответствие со штатом разросшийся российский генералитет²⁸.

В аннинское царствование губернаторский корпус окончательно превратился в «вотчину» военных, действующих и отставных – не менее $\frac{2}{3}$ назначенных (не менее 39 человек из 60) принадлежали к военным в ранге от генерал-фельдмаршала до бригадира, причем основными в нем становились генерал-лейтенантский и генерал-майорский ранги (бригадиры обычно управляли губерниями в ранге вице-губернаторов, к тому же уже в процессе руководства губерниями 2 бригадира были произведены в генерал-майоры и 2 генерал-майора – в генерал-лейтенанты); если же к ним добавить и статских чинов соответствующих рангов, то доля генералитета возрастет до более чем $\frac{3}{4}$ ²⁹. Лица более низких рангов обычно управляли губерниями временно, в связи с отставками и смертями начальников, до назначения вице-губернаторов и губернаторов в генеральских чинах. Назначения в губернаторский корпус нередко становились средством вывести разросшееся число генералов, уже не соответствующее штату, за рамки военного бюджета, переведя их жалованье в статьи бюджета гражданского, а

для самих генералов – средством «предпенсионного» обеспечения накануне отставок, и нередко новые назначения в губернаторский корпус определялись их смертями (смерти предшественников стали причиной не менее 11 назначений из 60, т. е. 18,3 % назначений).

Относительными «долгожителями» (руководившими губерниями более четырех лет) были не более 12 губернаторов³⁰, причем максимальные сроки пришлись на долю «низшего звена» (бригадиров И.М. Волынского и А.Ф. Бредихина, управлявших «внутренними» Нижегородской и Новгородской губерниями в ранге вице-губернаторов почти на всем протяжении царствования); как минимум в 8 случаях (обычно – сроки пребывания до 0,4 года) назначения губернаторов были чисто номинальными, не приводившими к реальному вступлению в должность³¹. Без учета последних средний срок пребывания аннинского губернатора в должности составил примерно 2,6 года.

Назначения иноземцев на губернаторские посты³² демонстрируют ту же тенденцию, что и в руководстве высшими центральными учреждениями: на их долю приходится 11 из 60 (18,3 %) назначений, причем они лишь в минимальной степени объясняются политическими причинами: в большинстве своем это, как и русские, представители генералитета, к тому же возглавляющие преимущественно пограничные губернии, и определения их на должности губернаторов следуют общей тенденции, наметившейся в генералитете в целом.

Реально же – губернаторов-иноземцев было даже чуть больше³³, т. е. на протяжении царствования не менее 15 иноземцев занимали посты руководителей губерний в ранге генерал-губернаторов, вице-губернаторов и и. о. (обер-комендантов), причем максимальным их число (5 человек) было не в конце царствования, а *на момент воцарения* Анны Иоанновны³⁴, и уже со следующего года начало снижаться, составляя обычно 2–4 человека (14,2–28,6 % губернаторского корпуса).

Более того, иноземцы занимали посты руководителей в основном только двух губерний – Рижской³⁵ и Ревельской³⁶, и традиция отдавать эти посты представителям иноземного генералитета сложилась фактически еще при Петре.

Номинально Рижской губернией в течение почти 22 лет до своей смерти (май 1729 – апрель 1751) руководил ирландец генерал-

аншеф П.П. Ласси, отвлекаясь от руководства ею в основном на время командования военными операциями.

В эти периоды губернией управляли лица в ранге вице-губернаторов – до тех пор, пока по окончании Русско-турецкой войны Ласси не был повышен в статусе до генерал-губернатора, и в Рижской губернии, как и в Московской и Киевской, были введены посты генерал-губернатора и губернатора. Российское правительство предпочитало иметь в руководстве лишь недавно присоединенными прибалтийскими губерниями в роли посредников в отношениях с местными элитами генералов-иностранцев, близких к ним по менталитету, знающих языки, и, как правило, наделенных собственностью в этих губерниях, что волей-неволей инкорпорировало их в среду местного дворянства (так, например, ревельский губернатор (с 1738 г.) генерал О.-Г. Дуглас (Дуклас) еще в ноябре – декабре 1731 г. добился пожалования ему аренды в 18 гаков в Лифляндии³⁷). Тенденция эта, естественно, получила продолжение в царствование Анны Иоанновны, отмеченное растущим влиянием прибалтийских немцев при дворе и достаточно активной их интеграцией в российскую правящую элиту. Лишь в двух случаях иностранцы получали посты руководителей других пограничных окраинных губерний (генерал-аншеф И.-Б. Вейсбах – Киевской, и бригадир А. Юнгер, постоянно замещавший сменяемых по тем или иным причинам руководителей Астраханской губернии).

Назначения иностранцев на пост московского губернатора (возрастных генерал-лейтенантов В. фон Дельдена в 1732 г. и Ф.Н. Балка в 1734 г.) вряд ли были каким-то политическим шагом – в структуре управления Московской губернии они занимали лишь третью позицию (после С.А. Салтыкова и Г.П. Чернышева), и для них эти назначения были своего рода «предпенсией» перед выходом в отставку и смертью³⁸, тем более, что оба они, в отличие от всех остальных, принадлежали к числу «старовыезжих» иностранческих династий XVII в., и, скорее всего, имели в Москве какую-то собственность еще с начала XVIII в.

В основном же иностранцы – руководители губерний так же, как и гражданские «немцы», были представителями еще петровского генералитета – только 2 из 11 назначенных не служили при Петре и принадлежали к числу «нововыезжих» при Анне³⁹. Некоторые из этих петровских ветеранов сделали в российской военной среде впечатляющую карьеру – так, Карл Гохмут, почти сверстник Петра I

(род. 3 июля 1673 г.), сын саксонского суконщика из Кирхберга близ Мейссена⁴⁰, еще с лета 1706 г. служивший капитан-поручиком полка Ренцеля и вышедший с Ренцелем с остатками этого полка в Россию, стал к 1721 г. полковником Шлиссельбургского полка, а к декабрю 1725 г. – уже генерал-майором⁴¹, дослужившись в конце жизни до звания генерал-лейтенанта, кавалера ордена Св. Александра Невского и должности рижского вице-губернатора. В аристократизированном офицерском корпусе саксонской армии такая офицерская карьера была бы для него, скорее всего, просто немислимой.

Таким образом, и губернаторский корпус не демонстрирует нам значительного притока перешедших на русскую службу только при Анне иноземцев.

Назначенные в него иноземцы в руководили губерниями даже чуть меньшие сроки, чем русские (в среднем примерно 2,25 года).

Оценивая общие итоги, мы можем сделать вывод, что иноземцы не стали доминирующей группой в гражданской управленческой элите и занимали в ее структуре относительно скромное место, не превышающее 15–25 % ее состава. Правительственный аппарат эпохи Анны Иоанновны оставался по преимуществу русским, и текущее управление страной осуществлялось главным образом русскими администраторами. Более того – назначенные при Анне иноземцы не были «посыпавшимися [при ней] в Россию, как из дырявого мешка». В большинстве своем (за исключением относительно небольшой – 4 из 20 назначенных в высшие местные и центральные органы управления «немцев», т. е. 20 % – но достаточно влиятельной благодаря тесным связям с фаворитами группы) они принадлежали к сформировавшемуся еще при Петре I слою военных и гражданских специалистов. Вхождение их во власть было во многом обусловлено естественными процессами развития российской элиты, заложенными в тенденциях, обозначившихся еще при Петре, и, в частности, следствием процесса постепенной интернационализации российской элиты. Этапы и некоторые особенности этого процесса частично охарактеризованы в наших статьях и статьях С.В. Черникова⁴².

Главной его почвой стало создание новой конструкции чиновно-управленческой элиты, активно формировавшейся в 1712–1724 гг. и завершившей оформление только к началу 1720-х гг. «Табелью о рангах» в понятии «генералитет», включающем светские и военные

чины I–V классов⁴³. Положенный в основу этой конструкции принцип индивидуальной службы вне зависимости от национальной принадлежности человека предоставил возможность для вхождения в правящую элиту и иноземцам, находящимся на русской службе и постепенно оседающим на русской почве.

Процесс их вхождения в элиту по мере производства в следующие чины по общим для всех принципам службы, вероятно, обошелся уже в предшествующее пятилетие⁴⁴, а поскольку новая элита строилась на базе приоритета военных чинов, традиционно влиятельные в армии иноземцы (особенно те, что, в отличие от группы нанятых сразу в генеральские ранги в 1702–1711 г. и в большинстве своем после 1711–1712 г. оставивших Россию, как и русские, начинали службу еще до Полтавы и росли, как Карл Гохмут, обер- и штаб-офицерских чинов) могли занять в ней достойное место. По сути, именно этот слой, как полувеком ранее аналогичные им военные специалисты XVII века, нашедшие свою «фортуна» в России⁴⁵, в ходе петровских реформ начал прочно оседать в стране, и в послепетровское время стал продвигаться в военных чинах, занимая все более высокие военные и административные должности.

¹ Черников С.В. Российская элита эпохи реформ Петра Великого: состав и социальная структура // Государство и общество в России XV – начала XX в. СПб., 2007. С. 366–386; Он же. Эволюция высшего командования российской армии и флота первой четверти XVIII в. К вопросу о роли европейского влияния при проведении петровских военных реформ // *Cahiers du Monde russe*, 50/4, Octobre-décembre 2009, p. 699–736; Он же. Состав и особенности социального статуса светской правящей элиты России первой четверти XVIII века. Традиции и новации // *Cahiers du Monde russe*, 51/2–3, Avril-septembre 2010, p. 259–280; Он же. Военная элита России 1700–1725 гг.: меритократические и аристократические тенденции в кадровой политике Петра I // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 45–62.

² В. Meehan-Waters. *Autocracy and aristocracy: The Russian Service Elite of 1730*. New Brunswick (NJ): Rutgers, 1982; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: очерки истории послепетровской России. 1725–1762. Рязань, 2003; Он же. Опыт административной истории России «эпохи дворцовых переворотов» // Архив русской истории. М., 2007; Бабич М.В., Бабич И.В. Областные правители России. М., 2008; Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010; Бабич М.В. Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной

практики и социальных ценностей в России XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 81–102.

³ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 511–541; Он же. Опыт административной истории... С. 219–249.

⁴ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 546, диаграмма 5.

⁵ Сб. РИО. Т. 104. С. 80–81, 108; Т. 106. С. 160–161; Т. 108. С. 340–342; 349 (одновременное назначение прокуроров в коллегии и губернии); Т. 114. С. 48–49, 204, 52–53; 56; 351–352; Т. 138. С. 132–136.

⁶ 1. Петербургская, 2. Московская, 3. Архангелогородская, 4. Сибирская, 5. Казанская, 6. Киевская, 7. Воронежская, 8. Рижская, 9. Ревельская, 10. Астраханская, 11. Нижегородская, 12. Смоленская, 13. Новгородская, 14. Белгородская.

⁷ К сожалению, нам хуже всего известна история управления столичной Петербургской губернией, в связи с чем в подсчетах могут быть заведомые неточности.

⁸ 1730 г. – 8 назначений: 1) февраль 1730 г. – П.М. Бестужев-Рюмин, бывший фаворит Анны Иоанновны, над которым она уже организовывала следствие, был назначен нижегородским губернатором на место Ю.А. Ржевского, попавшего в 1729 г. под следствие, и, очевидно, отставленного, но вскоре отставлен с поста и удален в деревни (опала); 2) 6 марта 1730 г. – В.Ф. Салтыков назначен московским генерал-губернатором на место А.Л. Плещеева; 3) в марте 1730 г. президент Ревизион-коллегии И.И. Бибиков был определен в белгородские губернаторы на место Ю.Ю. Трубецкого, вошедшего в состав нового Сената и приближаемого ко двору; 4) апрель 1730 г. – отставной бригадир И.М. Вольнский назначен нижегородским вице-губернатором на место П.М. Бестужева, отправляемого в ссылку в деревни, и оказался должником – управлял губернией до 1740 г.; 5) 25 августа 1730 г. – А.Л. Плещеев, бывший московский губернатор, был назначен сибирским губернатором на место бригадира И.В. Болтина, когда-то сосланного в Сибирь по делу Ф. Яновского, обер-прокурора Синода, затем прощенного верховниками и уже почти три года управлявшего Сибирью в ранге вице-губернатора, теперь отзываемого в Москву; 6) 18 сентября 1730 г. – действительный статский советник П.И. Мусин-Пушкин, бывший член Московской сенатской конторы при отце, назначен смоленским губернатором на место умершего в мае 1730 г. И.Я. Дюпре; 7) 2 октября 1730 г. – генерал-аншеф М.А. Матюшкин назначен киевским генерал-губернатором, сменив находившегося там в ранге губернатора генерал-майора Логгина Штока; 8) ноябрь 1730 г. – верховник М.В. Долгоруков, попав в опалу, был назначен казанским губернатором, сменив попавшего под следствие А.П. Вольнского; 1731 г. – 4 пожалования: 1) февраль 1731 г. – генерал-майор И.П. Измайлов назначен астраханским губернатором вместо генерал-майора И.А. фон Менгдена; 2) сентябрь 1731 г. – Г.П. Чернышев был определен в московские генерал-губернаторы вместо Василия Федоровича Салтыкова; 3) ноябрь 1731 г. – генерал-аншеф И.Б. Вейсбах был назначен генерал-губернатором Киевской губернии, сменив на этом посту генерал-аншефа М.А. Матюшкина, 4) декабрь 1731 г. – П.И. Мусин-Пушкин, смоленский губернатор, был назначен казанским губернатором вместо окончательно отправляемого в опалу верховника М.В. Долгорукова.

⁹ Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года... С. 223.

- ¹⁰ Татищев В.Н. Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Избранные произведения. Л., 1979. С. 151.
- ¹¹ Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года... С. 61, 121–136.
- ¹² Там же. С. 68–69; 221–223.
- ¹³ Бабич М.В. и И.В. Областные правители... С. 683–684.
- ¹⁴ О некоторых аспектах формирования его при Петре I – см.: Петрухинцев Н.Н. Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 273–237.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1899, 25 августа 1730 г.; Сб. РИО. Т. 104. С. 315, 450; Т. 106. С. 77.
- ¹⁶ РБС. Т. «Маак–Мятлева». С. 121–122; опубликованная здесь эпитафия на могиле М.А. Матюшкина напоминает офицерскую «сказку», акцентированную на подчеркивании его военных заслуг, что, возможно, было психологической компенсацией за годы его забвения со стороны хоронивших родственников.
- ¹⁷ О Вейсбахе: Петрухинцев Н.Н. Путь иноземца в военную элиту России (петровский генерал И.Б. Вейсбах) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Сб. статей международной научно-практической конференции. Ч. II. СПб., 2010. С. 210–228.
- ¹⁸ «Список генералитету и штап-афицером 1729 г.» // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7395. Л. 32–32 об.
- ¹⁹ Черников С.В. Эволюция высшего командования российской армии и флота... Р. 729.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 53. Л. 3.
- ²¹ К ним стоило бы добавить еще и удаленного к строительству Ново-Закамской линии опытного администратора тайного советника Ф.В. Наумова, тоже фигурирующего в списке Татищева.
- ²² Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 546–547.
- ²³ 1732 г. – 6 назначений: 1) февраль 1732 г. – генерал-майор И.М. Шувалов из Выборгских обер-комендантов был назначен архангелогородским губернатором на место умершего генерал-майора князя С.Ф. Мещерского, но вскоре это решение было фактически отменено; 2) июль 1732 г. – генерал-майор князь Михаил Юрьевич Щербатов назначен архангелогородским губернатором, а назначение И.М. Шувалова было отменено, и он был направлен в Транжамент (будущую крепость Св. Анны) на место генерал-майора И.М. Стрекалова, переведенного в белгородские губернаторы; 3) август 1732 г. – статский советник А.Ф. Бредихин назначен вице-губернатором в Новгородскую губернию в ранге вице-губернатора, и управлял этой губернией до 1742 г., оказавшись одним из самых «долгоживущих» аннинских губернаторов (Новгородская губерния как правило управлялась вице-губернаторами); 4) август 1732 г. – генерал-майор И.В. Стрекалов стал губернатором Белгородской губернии на место генерал-майора И.И. Бибикова, направленного в армию; 5) 13 октября 1732 г. генерал-лейтенант Вилим фон Дельдин, бывший ревельский вице-губернатор, назначен московским губернатором; 6) 31 декабря 1732 г. – действительный статский советник А.А. Черкасский назначен смоленским губернатором на место П.И. Мусина-Пушкина, год назад назначенного казанским губернатором; 1733 г. – всего 2 назначения: 1) июль 1733 г. – и. о. рижского губернатора

стал «директор экономии» Г. Фолькерзам или вице-губернатор Ф.Н. Балк вместо отправленного в армию в Польшу генерал-аншефа П.П. Ласси; 2) ноябрь 1733 г. – бригадир Семен Козловский был назначен смоленским вице-губернатором вместо А.А. Черкасского, попавшего в опалу; 1734 г. – 5 назначений: 1) июль 1734 г. – генерал-лейтенант Карл Гохмут назначен рижским вице-губернатором вместо Ф.Н. Балка, отправленного на губернаторство в Москву; 2) генерал-лейтенант Ф.Н. Балк назначен московским губернатором на место генерал-лейтенанта Вилима фан Дельдина, бывшего ревельского вице-губернатора, отправленного в 1732 г. губернатором в Москву (вероятно, отставлен по старости 3 января 1733 г. (Бабич. Областные... С. 295), так как уже 72 года, и вскоре умер); 3) 27 августа 1734 г. – бригадир И.М. Греков назначен белгородским губернатором на место умершего генерал-майора И.В. Стрекалова; 4) 16 октября 1734 г. – бригадир Ф.А. Шепелев назначен смоленским вице-губернатором вместо отозванного ко двору бригадира Семена Козловского; 5) генерал-майор А.А. Мякинин назначен воронежским губернатором вместо бригадира Е.И. Пашкова, отставленного (со следствием?).

²⁴ 1735 г. – 7 назначений: 1) 6 июня 1735 г. – генерал-майор А.Б. Бутурлин стал смоленским губернатором, сменив умершего вице-губернатора бригадира Ф.А. Шепелева; 2) 26 июля 1735 г. прощенный генерал-лейтенант А.И. Румянцев был номинально назначен астраханским губернатором на место отставленного по старости генерал-майора И.П. Измайлова, но вскоре занялся подавлением башкирского восстания и был назначен казанским губернатором; 3) 21 августа 1735 г. генерал-лейтенант И.Ф. Барятинский был назначен московским генерал-губернатором на место отставленного по собственной просьбе Г.П. Чернышева; 4) сентябрь 1735 г. генерал-лейтенант В.П. Шереметев временно сменил на посту киевского генерал-губернатора умершего И.Б. Вейсбаха, но и сам был уже слишком стар; 5) в сентябре 1735 г. бригадир А.Д. Лукин стал воронежским вице-губернатором, сменив умершего генерал-майора А.А. Мякинина; 6) 17 октября 1735 г. генерал-лейтенант А.И. Румянцев был назначен казанским губернатором, сменив действительного статского советника П.И. Мусина-Пушкина, назначенного ревельским губернатором; 7) 18 октября 1735 г. – П.И. Мусин-Пушкин был назначен ревельским губернатором, сменив престарелого (82 года?) ревельского губернатора генерал-майора Ф. фон Левена, фактически управлявшего губернией с 1719 г.; 1736 г. – 8 назначений: 1) 21 января 1736 г. бывший воронежский губернатор бригадир Е.И. Пашков был номинально назначен астраханским губернатором на место отставленного генерал-майора И.П. Измайлова, но не прибыл к месту назначения и умер; 2) 30 января 1736 г. Ф.С. Мануков был назначен Санкт-Петербургским воеводой из президентов Вотчинной коллегии (и, очевидно, вынужден был переехать из Москвы в Санкт-Петербург); 3) 30 января 1736 г. бригадир П.И. Бутурлин, уже с 1731 г. бывший сибирским вице-губернатором, стал сибирским губернатором на место А.Л. Плещеева, отставленного по состоянию здоровья; 4) 30 января 1736 г. генерал-майор С.И. Сукин стал киевским губернатором вместо отставленного по старости генерал-лейтенанта В.П. Шереметева; 5) генерал-майор Л. фон Бисмарк, отозванный из Польши, сменил на посту рижского вице-губернатора генерал-лейтенанта Карла Гохмута, умершего в мае 1736 г.; 6) 26 июля 1736 г. тайный советник С.Д. Голицын стал казанским губернатором вместо генерал-лейтенанта А.И. Румянцева, отзываемого в действующую армию; 7) 26 июля 1736 г. бригадир Л.Я. Соймонов сменил на посту астраханского

вице-губернатора так и не приехавшего к должности умершего бригадира Е.И. Пашкова и был повышен по его просьбе рангом до генерал-майора, чтобы не конфликтовать с А. Юнгером, ранее него произведенным в бригадиры (Сб. РИО. Т. 114. С. 406); 8) после 26 июля 1736 г. генерал-майор и ревельский обер-комендант Э.-С. Манштейн взял на себя управление Ревельской губернией после назначения бывшего ревельского губернатора П.И. Мусина-Пушкина президентом Коммерц-коллегии.

²⁵ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны... С. 171–179, 126–127.

²⁶ 1737 г. – 3 назначения: 1) январь 1737 г. – действительный статский советник П.И. Вельяминов-Зернов, в ранге вице-губернатора, принял на себя управление Московской губернией, сменив генерал-лейтенанта И.Ф. Бяратинского, назначенного 17 июня 1736 г. к украинским делам; 2) январь 1737 г. – бригадир А. Юнгер (уже давно фактически управлявший ею) в ранге вице-губернатора возглавил Астраханскую губернию, сменив генерал-майора Л.Я. Соймонова, назначенного главой военной башкирской комиссии; 3) в ноябре 1737 генерал-лейтенант А.И. Румянцев на время ухода армии на зимние квартиры был назначен киевским губернатором на место умершего губернатора генерал-майора С.И. Сукина; 1738 г. – 5 назначений: 1) январь 1738 г. – полковник Авраам Шамордин, смоленский комендант, взял на себя управление Смоленской губернией после отзыва в армию смоленского губернатора генерал-майора А.Б. Бутурлина; 2) в марте 1738 г. генерал-лейтенант М.И. Леонтьев стал губернатором Киевской губернии, сменив отправившегося в военную кампанию генерал-лейтенанта А.И. Румянцева; 3) в мае 1738 г. тайный советник Федор Наумов в ранге вице-губернатора возглавил Петербургскую губернию после добровольной отставки Ф.С. Манукова; 4) в июне 1738 г. генерал-аншеф О.-Г. Дуглас стал ревельским губернатором, сменив временно возглавлявшего губернию ревельского обер-коменданта генерал-майора Э.С. фон Манштейна, что, видимо, вызвало в последующем конфликты с ним; 5) в ноябре 1738 г. действительный статский советник Б.Г. Юсупов стал московским губернатором, сменив временно возглавлявшего губернию вице-губернатора действительного статского советника П.В. Вельяминова-Зернова; 1739 г. – назначений нет.

²⁷ 1740 г. – 12 назначений: 1) февраль 1740 г. – вернувшийся из армии генерал-фельдмаршал П.П. Ласси назначен рижским генерал-губернатором, чтобы не смещать Л.-А. фон Бисмарка, вскоре возведенного из вице-губернаторов в рижские губернаторы; 2) март 1740 г. – обер-кригс-комиссар А.А. Оболенский назначен архангелогородским вице-губернатором, на место умершего в июле 1738 г. князя М.Ю. Щербатова; 3) март 1740 г. – генерал-лейтенант Н.Ю. Трубецкой номинально назначен в сибирские губернаторы, но не поехал туда, и губернией остался управлять управлявший ею в ранге вице-губернатора бригадир П.И. Бутурлин; 4) март 1740 г. – генерал-майор Л.Я. Соймонов назначен вице-губернатором Казанской губернии, сменив погибшего в 1738 г. тайного советника С.Д. Голицына; 5) в марте 1740 г. тайный советник И.И. Неплюев назначен киевским губернатором, сменив генерал-лейтенанта М.И. Леонтьева; 6) в марте 1740 г. – генерал-аншеф У.-Ф. фон Левендаль стал ревельским губернатором, сменив отставленного и попавшего под следствие генерал-аншефа О.-Г. Дугласа; 7) в марте 1740 г. генерал-лейтенант Г.А. Урусов стал воронежским губернатором, сменив А.Д. Лукина, попавшего в 1739 г. под следствие; 8) в марте 1740 г. – вице-адмирал М.М. Голицын был назначен астраханским губернатором, сменив отставленного вице-губернатора бригадира

А. Юнгора; 9) в марте 1740 г. бригадир Г.М. Наумов на короткое время стал нижегородским вице-губернатором, сменив многолетнего руководителя губернии И.М. Вольтинского, и вскоре сам был сменил С.И. Гагаринным; 10) в марте 1740 г. полковник Д.А. Друцкой был назначен белгородским вице-губернатором, сменив отставленного бригадира И.М. Грекова; 11) в июле 1740 г. подполковник князь С.И. Гагарин стал нижегородским вице-губернатором, сменив временно назначенного бригадира Г.М. Наумова; 12) в октябре 1740 г. архангельский вице-губернатор бригадир А.А. Оболенский номинально был назначен смоленским губернатором, меняя отозванного в Верховную Коллегию А.Б. Бутурлина, но в должность не вступил, оставшись архангелогородским вице-губернатором.

²⁸ Сб. РИО. Т. 138. С. 132–136.

²⁹ Это отчетливо видно и на диаграммах И.В. Курукина, анализировавшего ранговую структуру аннинских назначений – Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 548).

³⁰ 1) И.М. Вольтинский (Нижегородская – 10); 2) А.Ф. Бредихин (Новгородская – 9,5); 3) П.И. Бутурлин (Сибирская – 6,1); 4) М.Ю. Щербатов (Архангелогородская – 6); 5) И.М. Греков (Белгородская – 5,7); 6) И.Б. Вейсбах (Киевская – 4,9); 7) И.П. Измайлов (Астраханская – 4,7); 8) Л.-А. фон Бисмарк (Рижская – 4,6); 9) А.Д. Лукин (Воронежская – 4,2); 10) А.Л. Плещеев (Сибирская – 4,4); 11) Б.Г. Юсупов (Московская – 4,1); 12) С.И. Гагарин (Нижегородская – 4).

³¹ 1) Бестужев-Рюмин П.М. в нижегородские губернаторы в феврале 1730 г. (менее 0,3); 2) И.М. Шувалов в архангелогородские губернаторы в феврале 1702 г. (0,4); 3) В. фон Дельден в московские губернаторы в октябре 1732 г. (0,3); 4) Шепелев Ф.А. в смоленские вице-губернаторы в октябре 1734 г. (0,3) (но был на месте и принял должность); 5) Румянцев А.И. в астраханские губернаторы в июле 1735 г. (0,2); 6) Пашков Е.И. в астраханские губернаторы в январе 1736 г. (0,2); 7) Трубецкой Н.Ю. в сибирские губернаторы в марте 1740 г. (0,1); 8) Наумов Г.М. в нижегородские вице-губернаторы в марте 1740 г. (0,3); 9) Оболенский А.А. в смоленские губернаторы в октябре 1740 г. (0,5 – но в губернии не был, продолжая оставаться архангелогородским губернатором).

³² 1) генерал-аншеф И.-Б. Вейсбах (Киевская, ноябрь 1731, 4,9); 2) генерал-лейтенант В. фон Дельден (Московская, октябрь 1732, 0,3) (номинально); 3) «директор экономики» Г. фон Фолькерзам или генерал-лейтенант Ф.Н. Балк (Рижская, вице-губернатор, июль 1733, 1); 4) генерал-лейтенант Карл Гохмут (Рижская, вице-губернатор, июль 1734, 1,8, сменил генерал-лейтенанта Ф.Н. Балка, назначенного московским губернатором); 5) генерал-лейтенант Ф.Н. Балк (Московская, губернатор, июль 1732, 2,5, фактически сменил почти сразу же отставленного В. фон Дельдена); 6) генерал-майор Л.-А. фон Бисмарк (Рижская, вице-губернатор, январь 1736, 4,6, сменивший умершего Карла Гохмута); 7) генерал-майор Э.-С. Манштейн (Ревельская, июль 1736, и. о., обер-комендант, 1,9), возглавивший губернию после перевода П.И. Мусина-Пушкина; 8) бригадир А. Юнгер (Астраханская, вице-губернатор, янв. 1737, 3,1); 9) генерал-аншеф О.-Г. Дуглас (Ревельская, июнь 1738, 1,7), сменивший и.о. губернатора, обер-коменданта Э.-С. Манштейна; 10) генерал-фельмаршал П.П. Ласси (Рижская, февраль 1740, 1,5); 11) генерал-аншеф У.-Ф. фон Левендаль (Ревельская, март 1740, 3,7), сменивший отставленного генерал-аншефа О.-Г. Дугласа.

³³ 1) до мая 1730 г. Смоленской губернией руководил генерал-майор И.Я. Дюпре (умер); 2) до 1731 г. Астраханской губернией руководил И.А. фон Менгден;

3) до 1732 г. Петербургской губернией руководил Б.-Х. фон Миних?; 4) до октября 1735 г. Ревельской губернией руководил Ф. фон Левен, сменивший П.И. Мусиным-Пушкиным (фактически руководил ею с 1719 г. при Ф.М. Апраксине, долгое время – в ранге вице-губернатора).

³⁴ Б.-Х. фон Миних – Петербургская, П.П. Ласси – Рижская; Ф. фон Левен – Ревельская; И.А. фон Менгден – Астраханская; И.Я. Дюпре – Смоленская.

³⁵ П.П. Ласси – до 1733; Ф. фон Фолькерзам или вице-губернатор Ф.Н. Балк с июля 1733; К. Гохмут с июля 1734, Л.-А. фон Бисмарк (вице-губернатор) с января 1736; П.П. Ласси с февраля 1740 г. в качестве генерал-губернатора; Л.-А. фон Бисмарк (губернатор) с марта 1736.

³⁶ Ф. фон Левен до октября 1735; обер-комендант Э.-С. фон Манштейн с июля 1736; О.-Г. Дуглас с июня 1738, У.-Ф. фон Левендаль с марта 1740; с незначительным годичным вкраплением губернаторства П.И. Мусина-Пушкина в октябре 1735 – июле 1736 г.

³⁷ Сб. РИО. Т. 104. С. 84, 89.

³⁸ О состоянии здоровья В. фон Дельдина – Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»... С. 239.

³⁹ 1) генерал-майор Л.-А. фон Бисмарк (Рижская, вице-губернатор, январь 1736, родственник Бирона по его жене, сменивший умершего Карла Гохмута, в русской службе – с 1732 г. (Бабич. Областные... С. 210; РБС. С. 75–76); 2) генерал-аншеф У.-Ф. фон Левендаль (Ревельская, март 1740, 3,7), сменивший отставленного генерал-аншефа О.-Г. Дугласа.

⁴⁰ J.-C. Beck, A.-I. Burtoff, J.-C. Iselin. Neu-vermehrtes Historish- und Geographisches Allgemeines Lexicon... Brandmüller, 1743. Bd. 4. S. 150.

⁴¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 53. Л. 12–12 об.; Ф. 489. Оп. 1. Д. 7395. Л. 36 об.

⁴² Петрухинцев Н.Н. Немцы в политической элите России в первой половине XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. Сб. ст. (отв. ред. А.В. Доронин). М., 2008. С. 66–87; Проблемы интернационализации российской политической элиты в начале XVIII в. // Проблемы истории России. Выпуск 9. – Россия и запад в переходную эпоху от Средневековья к Новому времени. Сб. научных трудов. Екатеринбург, 2011. С. 230–240. Черников С.В. Эволюция высшего командования... Он же. Состав и особенности социального статуса... Он же. Военная элита России 1700–1725 гг..

⁴³ Петрухинцев Н.Н. Немцы... С. 68–69; Черников С.В. Состав и особенности социального статуса... С. 267–269; Петрухинцев Н.Н. Консолидация дворянского сословия... С. 277–278.

⁴⁴ Как это очевидно из неопубликованной пока статьи С.В. Черникова «Кадровая политика самодержавия 1725–1730 гг. и шляхетские проекты: к вопросу о причинах “дворянского движения” начала 1730 г.», с которой С.В. Черников любезно ознакомил автора.

⁴⁵ См. например: Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII в. (Очерк из истории военного дела в России). СПб., 1899; Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение). М., 2004; этот слой частично характеризовался и нами: Петрухинцев Н.Н. Некоторые тенденции в развитии иноземного офицерского корпуса России в конце XVII – начале XVIII в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды второй международной научно-практической конференции. СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. Ч. II. С. 219–240.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ларькин Александр Иванович – Военный институт физической культуры (филиал) Военно-медицинской академии им. С.М.Кирова, кандидат исторических наук, доцент.

Лебедева Светлана Соломоновна – Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, доктор педагогических наук, профессор.

Лезик Елена Витальевна – ГБУК «Государственный музей истории Санкт-Петербурга» Монумент героическим защитникам Ленинграда, заведующая филиалом.

Леонова Елена Юрьевна – историк (Санкт-Петербург).

Лихачева Ольга Сергеевна – Алтайский государственный университет, аспирант.

Лобин Алексей Николаевич – Государственный комплекс «Дворец конгрессов» Управления делами Президента РФ (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук.

Лукин Валерий Евгеньевич – Центральный военно-морской музей, заведующий сектором, кандидат исторических наук.

Люттик Дмитрий Владимирович – гимназия № 4 (Гродно, Республика Беларусь), учитель истории.

Максимчик Андрей Николаевич – филиал Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (Минск, Республика Беларусь), доцент, кандидат исторических наук.

Малахов Геннадий Викторович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Мальченко Олег Евгеньевич – Институт украинской историографии и источниковедения Национальной академии наук им. М. Грушевского (Киев, Украина), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Марченков Владимир Константинович – Центральный музей связи имени А.С. Попова, ведущий специалист.

Марыняк Андрей Владимирович – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва), старший научный сотрудник.

Мацук Андрей Владимирович – Институт истории национальной Академии наук Беларуси (Минск), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Мегорский Борис Вадимович – кандидат политических наук (Санкт-Петербург).

Мигунов Сергей Сергеевич – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник.

Милосердов Дмитрий Юрьевич – Государственный Дарвиновский музей (Москва), старший научный сотрудник, заведующий сектором.

Михайлов Александр Владимирович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Михайлов Андрей Александрович – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба, доктор исторических наук, доцент.

Михеев Дмитрий Юрьевич – Новосибирский военный институт внутренних войск им. генерала армии И.К. Яковлева МВД России, старший преподаватель, кандидат исторических наук.

Молочников Александр Михайлович – Институт истории РАН (Санкт-Петербург), аспирант.

Монахов Артем Андреевич – Следственный комитет Российской Федерации, инспектор управления кадров, майор юстиции.

Наземцева Елена Николаевна – Научно-исследовательский институт военной истории Военной Академии Генерального Штаба ВС РФ, научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Нератова Елизавета Ивановна – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), заведующая отделом.

Нильссон Бенгт – Линчёпингский университет (Швеция), научный сотрудник.

Ноздрин Олег Яковлевич – Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, доцент, кандидат исторических наук.

Образцов Всеволод Николаевич – Государственный Эрмитаж, младший научный сотрудник.

Оводков Никита Алексеевич – Санкт-Петербургский государственный университет, студент.

Окунев Сергей Юрьевич – Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, доцент, кандидат исторических наук, доцент.

Орленко Сергей Павлович – Музеи Московского Кремля, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Орлов Алексей Викторович – Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (Санкт-Петербург), доцент, кандидат исторических наук.

Оськин Максим Викторович – Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (Тула), доцент, кандидат исторических наук.

Павлович Марина Кировна – Музеи Московского Кремля, заведующая сектором, кандидат исторических наук.

Панов Роман Андреевич – Историко-технический музей Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, заместитель директора.

Пасхин Сергей Михайлович – ВИМАИВиВС (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат военных наук, доцент.

Пашута Валерий Луквич – Военный институт физической культуры Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой.

Петров Александр Александрович – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва), старший научный сотрудник.

Петров Федор Александрович – Государственный исторический музей (Москва), главный научный сотрудник, доктор исторических наук.

Петрова Елена Петровна – Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Владимир), хранитель.

Петрухинцев Николай Николаевич – Академия народного хозяйства и государственной службы (Липецк), профессор, доктор исторических наук.

Португеев Александр Анатольевич – АКБ «Якорь» (Москва), ведущий инженер.

Птицын Виктор Викторович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Фалалеева Марина Валентиновна – Государственный исторический музей, старший научный сотрудник.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лебедева С.С.</i> Социальная деятельность генералов-артиллеристов (XIX век)	3
<i>Лезик Е.В.</i> Химические войска Ленинградского фронта в Памятном зале монумента героическим защитникам Ленинграда	12
<i>Леонова Е.Ю.</i> Формирование морского ополчения 1854 года в Рыбацком	18
<i>Лихачева О.С.</i> Эволюции стрелкового комплекса населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке	31
<i>Лобин А.Н.</i> Новые данные об орудиях «чоховской школы» конца XVI – начала XVII веков	55
<i>Лукин В.Е.</i> В работе для него был весь смысл жизни	70
<i>Лютик Д.В.</i> Войска связи Гродненской крепости в период Первой мировой войны	81
<i>Максимчик А.Н.</i> Первая мировая в судьбе Кавказского военно-исторического музея	98
<i>Мальченко О.Е.</i> Генуэзская «Petriere» XVI в. из коллекции Днепропетровского исторического музея им. Д. Яворницкого	110
<i>Марченков В.К.</i> Коллекция телефонной и телеграфной аппаратуры времен Первой мировой войны в Центральном музее связи имени А.С. Попова	124
<i>Марыняк А.В.</i> Комплектование офицерского состава русской кавалерии в годы Первой мировой войны	131
<i>Мацук А.В.</i> Российские войска и шляхта восточных воеводств Великого княжества Литовского во время войны за польское наследство 1733–1735 годов	144
<i>Мегорский Б.В.</i> Новые сведения об осадных работах под Нарвой (к 310-й годовщине взятия крепости)	162
<i>Мигунов С.С.</i> Рекрутские наборы в западных губерниях Российской империи во второй четверти XIX века	173

<i>Милосердов Д.Ю.</i> О роли латуни при датировке традиционного клинкового оружия Афганистана XIX–XX веков	180
<i>Милосердов Д.Ю.</i> Использование в XV–XIX веках в Индо-Иранском регионе рострумов рыбы-пилы (<i>Pristis pectinatus</i>) в качестве оружия	188
<i>Михайлов А.А.</i> Военное сотрудничество России и ее союзников по Антанте в годы Первой мировой войны: отечественная историография	196
<i>Михайлов А.В., Малахов Г.В., Птицын В.В.</i> Тульский оружейный завод в годы Первой мировой войны (планы по расширению оружейного производства и их реализация в 1914–1918 годах)	202
<i>Михайлов А.В., Портунеев А.А.</i> Подпоручики и прапорщики Первой мировой войны (деятельность выпускников гражданских вузов на Тульском оружейном заводе в 1914–1917 годах)	210
<i>Михеев Д.Ю.</i> Из истории военной науки Советской России: военно-научное общество Сибирского военного округа (1920-е годы)	218
<i>Молочников А.М.</i> Поход Адама Жолкевского к Москве в декабре 1612 года и его битва с отрядом Земского ополчения в свете новых источников	225
<i>Монахов А.А.</i> Руководитель первой следственной канцелярии России гвардии майор М.И. Волконский: линия судьбы	238
<i>Наземцева Е.Н.</i> Первая мировая война в современной, отечественной регионалистике: проблемы, подходы	255
<i>Нератова Е.И.</i> Иракий или Геворк?	263
<i>Nilsson Bengt.</i> The Malmberg papers: neglected sources for the history of the Great Northern War	268
<i>Ноздрин О.Я.</i> Происхождение и родственные связи генерал-поручика Дэвида Уильяма Грэма, известного как граф Граам, барон Морфейский	272
<i>Образцов Вс.Н.</i> Жалованные сабли в собрании Государственного Эрмитажа. Обзор комплекса	286
<i>Оводков Н.А.</i> Пороховое производство в России 1850–1870-х годах XIX века	300
<i>Окунев С.Ю.</i> Государственное ополчение в последних войнах Российской империи	309
<i>Орленко С.П.</i> Русские щиты Оружейной палаты XVII века	317

<i>Орлов А.В.</i> Частная промышленность России в период и в условиях Первой мировой войны: особенности и характер развития (на примере Организации Уполномоченного ГАУ генерал-майора С.Н. Ванкова 1915–1918 годы)	337
<i>Оськин М.Н.</i> Снаряды для фронта: к вопросу о кризисе вооружения в русской армии в 1915 году	360
<i>Павлович М.К.</i> Придворное духовенство Москвы в годы Первой мировой войны	374
<i>Панов Р.А.</i> Научные исследования оборонной тематики в Ленинградском индустриальном (политехническом) институте в середине 1930-х годов	387
<i>Пасхин С.М.</i> Коллекция военной техники связи русской армии, выпущенной в период Первой мировой войны, Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи	401
<i>Пашута В.Л., Ларькин А.И.</i> Князь Святослав. Слава и трагедия полководца Древней Руси	415
<i>Петров А.А.</i> Оставление Сызрани и Самары Народной Армией Комуча (20 сентября–20 октября 1918 года)	425
<i>Петров Ф.А.</i> Первый год Первой мировой... Дневники и письма юных офицеров из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея	439
<i>Петров Ф.А., Фалалеева М.В.</i> Солдатские письма с фронта и из плена Первой мировой войны. Новые материалы из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея	453
<i>Петрова Е.П.</i> Спасенные регалии: полковые знамена Первой мировой войны в собрании Государственного Владими́ро-Суздальского музея-заповедника	467
<i>Петрухинцев Н.Н.</i> Военные структуры и кадровая политика аннинского царствования в отношении губернаторского корпуса в 1730–1740 годы	478
Сведения об авторах	495

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы
Труды Пятой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 3

Редактор: *Н.В. Медведев*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронко*
Верстка: *Т.И. Таранова*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать 22.04.14.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 15,6.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.
Тираж 200 экз.

ЦОП ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.

Для заметок

Для заметок

Для заметок